Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

ТИПОЛОГИЯ
МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

Материалы международной конференции
«Типология морфосинтаксических параметров»

Выпуск 2
(2015)

МПГУ
Москва 2015

О.И. Беляев, кандидат филологических наук.
Я.Г. Тестелец, доктор филологических наук.

Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. — Москва, МПГУ, 2015. — 515 с. : ил.
Под редакцией Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко.
ISBN 978-5-4263-0293-8

Настоящий выпуск продолжает серию тематических публикаций «Типология морфосинтаксических параметров». Параметрическое описание грамматических систем языков мира является приоритетным направлением лингвистической типологии и теории грамматики. Именно в области грамматики как самого регулярного компонента языка общие закономерности устройства языковой системы оказываются наиболее наглядными и поддающимися моделированию при помощи сравнительно небольшого количества факторов. Центральной темой выпуска является взаимодействие механизмов грамматики и проблема языковых интерфейсов — просодико-синтаксического, коммуникативно-синтаксического, семантико-грамматического. Представлены статьи двух типов — исследования, где на основе эксплицитного сопоставления материала большого числа языков устанавливаются общие признаки класса языков, соответствующих заданной комбинации параметров, и работы, где обсуждается соотношение универсального и лингвоспецифического компонентов в грамматике конкретных языков мира.

The present volume continues the thematic series “Typology of morphosyntactic parameters”. Parametric description of grammatical systems is a priority field of research in linguistic typology and grammar theory. Grammar as the most regular component of linguistic structure provides the best opportunity in modeling universal characteristics of a human language on the basis of a limited number of factors. This volume is primarily dedicated to the interaction of grammar mechanisms and to interface phenomena — syntax-prosody interface, syntax-semantics interface, information structure-syntax interface. The volume presents two types of research articles: those discussing general characteristics of languages sharing the same combination of parameters and those investigating the interrelation of the universal and language-specific features in the grammar of a given language.

ISBN 978-5-4263-0293-8 **© МПГУ, 2015**

Оглавление

Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинг. Параметрическая типология: модели и объяснения 4
В.М. Алпатов. Типология частей речи и материал японского языка 7
S.S. Alvestad. The typology of aspect in the Slavic imperative 15
Т.И. Бондаренко. Битранзитивные глаголы и аппликативные конструкции от переходных глаголов в грузинском языке 25
А.А. Герасимова. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке 47
П.В. Гращенков. «Теорема о двух» или немного о пределах синтаксиса 62
М.С. Зарифян. Семантическая симметрия и асимметрия дейктических наречий тут и там 73
Е.Ю. Иванова. Артиклевая маркированность именных групп как средство оформления коммуникативных стратегий говорящего в болгарском языке 89
Е.И. Ивтушок. Глаголы типа «бросать» в лексико-типологическом освещении 114
О.Ю. Инькова. «При том что»: от морфологии и синтаксиса к семантике 123
Е.А. Кузьменко, Э.Г. Мустакимова. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе 149
А.В. Курицына. Проблемы семантической реконструкции на материале ландшафтной лексики прагерманского языка (семантическое поле «лес») 161
Yu. Lander, N. Tyshkevich. True, liminal and fake prototypes in syntactic typology 185
А.Б. Летучий. Местоимения и одушевлённость в русских конструкциях с нулевой связкой 200
E. Lyutikova, D. Ibatullina. Case theory and case variation in Tatar 226
Т.А. Майсак. Позиция личных клитик в удинском языке по корпусным данным 243
В.Р. Маркова. Предикативы состояния с финалью -о в современном русском языке 266
А.С. Мартынова. Рефлексы фонемы h в говорах юго-восточного идиша 279
А.А. Полий. Вариативность топонима Беларусь/Белоруссия и рефлексия говорящих по отношению к ней 286
Е.Л. Рудницкая. Аналитическая отрицательная глагольная конструкция в эвенкийском языке: попытка формального анализа в рамках

генеративной грамматики 303
А.А. Смирнитская. Семантика семьи, поколения, касты в языках Индии с точки зрения семантической типологии 324
Д.Б. Тискин. анафора к предикату и характеристики русской именной группы 334
U. Udaar. Ergativity: a descriptive study of Mewari & Marwari ergative case 353
М.Н. Усачева, Н.В. Сердобольская. Грамматикализация новых деепричастных форм на -оннига- в бесермянском удмуртском 366
О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский. Прямой объект в энецком языке: объектное согласование глагола 392
Л.В. Хохлова. Антирезультатив в хинди 411
М.В. Шкапа. Порядок актантов в мананге: взаимодействие иерархий 423
А.Б. Шлуинский. «Сопряженные» субъектные показатели в языках ква: ареально-генетическое сопоставление 436
A. Zimmerling. 1P orders in 2P languages.....459
Аннотации и ключевые слова/Summaries and keywords 484
Сведения об авторах/Authors and affiliations 508

Е.А. Лютикова (МГУ им. М.В. Ломоносова / ИСЛИ МПГУ),
А.В. Циммерлинг (ИСЛИ МПГУ / ИЯз РАН)

ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: МОДЕЛИ И ОБЪЯСНЕНИЯ[1]

Настоящий выпуск продолжает серию тематических публикаций «Типология морфосинтаксических параметров», начатую сборником материалов конференции 2014 года [1]. Параметрическое описание грамматических систем языков мира является приоритетным направлением лингвистической типологии и теории грамматики. Именно в области грамматики как наиболее регулярного компонента языка универсальные закономерности устройства языковой системы оказываются наиболее наглядными и поддающимися моделированию при помощи сравнительно небольшого количества факторов. Модели такого рода представляются как совокупность универсальных принципов, воздействующих на языковую структуру и ограничивающих ее варьирование, и универсальных параметров, разнообразные сочетания значений которых и создают типологическое своеобразие конкретного языка. Разумеется, параллельно развиваются и другие направления типологических исследований, некоторые из которых — лексическая типология (см. статьи *Е.И. Ивтушок*, *Е.А. Кузьменко и Э.Г. Мустакимовой*) и семантическая типология (см. статьи *А.В. Курициной* и *А.А. Смирнитской*) представлены и в нашем выпуске.

В сознании широкого круга лингвистов понятие «типология» в первую очередь ассоциируется с исследованиями, где эксплицитно обсуждается материал разных языков: данному представлению в настоящей книге в наибольшей мере соответствуют статьи *А.Б. Шлуинского* и *А.В. Циммерлинга*. Однако точное определение специфики типологических исследований связано не с количеством рассмотренных языков, а с установкой лингвиста: типолог делает заявку на исследование *всех* языков мира, т.е. на описание лингвистического разнообразия и выделение предполагаемых универсалий, или, по крайней мере — на описание *открытых классов языков*, соответствующих некоторому заданному параметру или

[1] Подготовка сборника осуществлялась в рамках проекта «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира» Российского Научного Фонда (РНФ), номер проекта 14-18-03270.

комбинации параметров. Типологическими могут быть признаны и исследования, преимущественно выполненные на материале одного языка, в том числе — родного языка исследователя, если в них делается попытка определить соотношение лингвоспецифических и универсальных черт в грамматике данного языка. Понятно, что для этого необходимо иметь формальный аппарат, содержащий принципы анализа грамматики всех языков мира, а также правильно выделить набор параметров, адекватно отражающий место изучаемого языка в некотором классе (или некоторых классах) языков. Продуктивность формальных моделей языка во многом определяется тем, насколько удачно они предсказывают распределение морфосинтаксических черт в языках мира. В то же время, и типологи нуждаются в эксплицитном аппарате исследования, ведь такие понятия как «структурный падеж» (см. статьи *Е.А. Лютиковой* и *Д.Р. Ибатуллиной*, *У. Удаар*, *Т.И. Бондаренко*), «подлежащее» (см. статьи *Ю.А. Ландера* и *Н.Б. Тышкевич*, *А.Б. Летучего*, *А.А. Герасимовой*, *О.В. Ханиной* и *А.Б. Шлуинского*), «рема» (см. статью *Е.Ю. Ивановой*), «фокус» (см. статью *Т.А. Майсака*), «топик» (см. статью *М.В. Шкапы*), «клитика второй позиции» (см. статью *А.В. Циммерлинга*) и т.п. предполагают предварительный анализ соотносимого с ними феномена и тем самым отнюдь не являются ярлыками для непосредственно наблюдаемых эмпирических данных.

Центральной темой этого выпуска является взаимодействие механизмов грамматики и проблема языковых интерфейсов — просодико-синтаксического, коммуникативно-синтаксического, семантико-грамматического. Здесь, как нам представляется, статьи участников сборника естественнее делить не в соответствии с тем, являются ли их авторы приверженцами формальных или функциональных теорий, а в соответствии с тем, к каким выводам о соотношении языковых уровней и роли интерфейсов они приходят. Представлены разные точки зрения. Если *П.В. Гращенков* предлагает описывать структуру русских композитов в синтаксических терминах и утверждает, что «… морфология скорее является не отдельным языковым модулем, а подмодулем синтаксиса», то *В.М. Алпатов*, уточняя частеречную классификацию японского языка, разрабатывает теорию аналитической морфологии. Анализ фактов татарского языка приводит *Е.А. Лютикову* и *Д.Р. Ибатуллину* к выводу о том, что модель грамматики, апеллирующая исключительно к интерфейсным условиям, не является оптимальной для теории падежа. *У. Удаар* полагает, что объектное согласование в языке маварри визуализуется именно благодаря фонетическому интерфейсу. Обходясь без термина «коммуникативно-синтаксический интерфейс», *О.В. Ханина* и *А.Б. Шлуинский* делают вывод о том, что «энецкое глагольное

согласование … не может быть сведено ни к какому простому измеряемому параметру и … связано с привлечением внимания к прямому объекту». Вопрос о границах синтаксиса поднимается в ряде работ. Многие лингвисты согласны, что при изучении синтаксических явлений полезно минимизировать ссылки на несинтаксические факторы и описывать коммуникативную и просодическую структуру в терминах, приближенных к синтаксическим. Но есть случаи, когда такое описание создает проблемы. *А.В. Циммерлинг*, принимая генеративный анализ т.н. языков второй позиции финитного глагола / клитик уровня клаузы, ратует против приписывания структурных свойств клаузы клитикам как синтаксическим вершинам: этот тезис до известной степени поддается проверке на материале языков, где одни и те же клитики обнаруживают разные просодические и синтаксические свойства в клаузах разного типа.

В кратком введении охарактеризовать все работы невозможно, но мы все же хотели бы привлечь внимание к новым интересным результатам, полученным в работах, выполненных на материале русского языка — см. статьи *А.Б. Летучего*, *Д.Б. Тискина*, *А.А. Герасимовой*, *В.Р. Марковой*. Авторы некоторых из этих статей — совсем молодые лингвисты.

Мы выражаем нашу искреннюю благодарность руководству Московского педагогического государственного университета и Института языкознания РАН за создание благоприятных организационных условий для проведения серии конференций «Типология морфосинтаксических параметров», всем участникам конференций и авторам статей настоящего выпуска. Серия публикаций «Типология морфосинтаксических параметров» будет продолжена.

Библиографический список

1. Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». — Вып. 1. / Под редакцией Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. — М., МГПУ им. М. А. Шолохова, 2014. — 272 с. ISBN 978-5-8288-1555-5.

В.М. Алпатов

ИЯз РАН, Москва

ТИПОЛОГИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И МАТЕРИАЛ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Традиционная классификация частей речи, как известно, вырабатывалась на материале древнегреческого и латинского языков, а затем была перенесена на другие языки, часто некритически; позднее от греко-латинского эталона перешли к другим: английскому, русскому и др. Несомненно, в наши дни многие лингвисты, особенно типологи, стремятся строить классификацию, учитывающую материал языков разного строя. Среди этих языков нередко сейчас находится и японский. Однако традиционная схема частей речи продолжает влиять на многих ученых, и достаточно распространены представления, выработанные на материале родного или наиболее престижного для лингвиста языка. В России и сейчас привычно выделять для самых разных языков десять «школьных» частей речи, к которым разве что добавляется артикль, а предлоги для ряда языков заменяются послелогами. Некоторые слова вообще остаются вне классификаций.

Японский язык к настоящему времени достаточно хорошо изучен, однако при построении типологии частей речи его материал далеко не всегда учитывается. Следует учесть особенность этого языка, которой не обладает подавляющее большинство языков мира: он стал основой собственной лингвистической традиции, обладавшей, в том числе классификацией по частям речи. Эта традиция сложилась поздно сравнительно с другими традициями: в XVII-XIX вв., в период «закрытой Японии». Первую полную классификацию по частям речи предложил в 1773 г. Фудзитани Нариакира. К середине XIX в. сложился канон, многое из которого сохранилось до наших дней. Затем, в период европеизации, японская система частей речи претерпела некоторые изменения под западным влиянием. Появился новый вариант системы частей речи, имеющий как общие с европейской системой черты, так и некоторые особенности.

Мне хочется рассмотреть вопросы о том, какие части речи и по каким критериям могут выделяться в японском языке, насколько традиционная система подходит для него и что здесь дает для общей лингвистики японская традиция.

Безусловно, материал японского языка подтверждает многие обобщения, сделанные на основе других языков. Если говорить о классификации синтаксически самостоятельных слов, то и для этого языка, как для многих других, имеется фундаментальное противопоставление существительного и глагола (они всегда разграничивались и в японской традиции). Они различаются (и различались во все известные нам периоды истории языка) и морфологически, и синтаксически, и семантически.

Существительные и глаголы имеют явные различия: глаголы обладают системой флексий; и в японской традиции, и в западной и российской японистике выделяется глагольное словоизменение (в двух традициях независимо друг от друга сложились сходные представления о нём). К существительным же присоединяются постпозитивные агглютинативные элементы, которые и в японской традиции, и в западной японистике считаются отдельными словами (лишь у нас под влиянием концепций русистики существовала концепция падежного словоизменения, сейчас оставленная). Набор грамматических категорий (если для существительных признавать их наличие) различен (отмечу, что в глаголе они значительно отличаются от привычных для нас). Синтаксические и семантические различия существительных и глаголов в основном те же, что в «наших» языках. Дополнительное свойство, связанное с делением на части речи: морфемная граница между согласным и гласным (внутри слога) возможна только в глаголе (но не в предикативном прилагательном, о котором ниже).

Но далее начинаются проблемы. Европейская японистика выделяла прилагательные, прежде всего, на основе перевода на эталонные языки (при этом оказывалось, что прилагательное — не единый класс, а три или четыре класса); см., например, [1: 33-36]. Однако в японской традиции, начиная с Фудзитани Нариакира, хотя также выделяли как отдельный класс «слова состояния» и относили туда эквиваленты прилагательных европейских языков, но рассматривали их как подкласс «слов действия и состояния» наряду с глаголами. В самом деле, синтаксически эти слова не отличаются от глаголов, предикативная функция является для них главной. Морфологически они не склоняются, но спрягаются, а парадигма аналогична глагольной парадигме, хотя несколько сужена по сравнению с ней (нет, например, форм императива). Именно поэтому данный класс отграничивался от собственно глаголов в японской традиции.

Однако окончания у этих слов иные, чем у глаголов. В частности, окончания форм индикатива в настоящем-будущем и прошедшем времени — соответственно *-i*, *-katta* (а не *-ru/u*, *-ta*, как у обычных глаголов):

(1) Kimi no hihan wa jitsuni tadashi-i (ID:15)
ты GEN критика TOP действительный правильный–PRS
‘Твоя критика действительно правильная’

(2) Sore to onaji kurai ni sabishi-katta (IA:15)
это с одинаковый степень DAT печальный-PST
‘В такой же степени [он] был и печальным’

Некоторые формы (этикета, отрицания), в отличие от соответствующих форм глагола, являются аналитическими.

(3) Saifu no naka ni wa ar-imas-en
кошелек GEN внутри DAT TOP быть–ADR-NEG
des-ita ne (S74: 57)
COP.ADR-PST PRT
‘В кошельке не было, не так ли?’

Семантически слова данного класса сходны с прототипическими европейскими прилагательными, что, однако, не абсолютно. Среди слов данного класса (окончание на *-i* в словарной форме) есть *ooi*, *oshii*, *hazukashii*, *itai*, *kowai*, *urayamashii*, которые переводятся на русский язык соответственно как ‘много’, ‘жаль’, ‘стыдно’, ‘больно, болит’, ‘бояться’, ‘завидовать’. К данному классу относится и слово *nai* ‘не быть, не иметься’, тогда как противопоставленное слово с утвердительным значением *aru* — обычный глагол:

(4) Namiki wa katagawa ni shika na-i (KM:67)
аллея TOP одна.сторона DAT только не.быть-PRS
‘Аллея только с одной стороны [дороги]’ (слово shika ‘только’ требует отрицания)

В отечественной традиции для этих слов был принят компромиссный термин «предикативные прилагательные», который всё-таки делает акцент на втором слове. Но ни при строго морфологическом подходе, ни при строго синтаксическом подходе нет оснований называть его классом прилагательных. Мы можем либо считать его частью речи, не имеющей аналогов в европейских языках, либо подклассом глагола (как поступала японская традиция). Такое явление часто в языках мира; скорее можно считать именной характер прилагательных особенностью ряда языков, наиболее характерной для Западной Евразии. А семантически, безусловно, прилагательные имеют больше сходств с глаголами, чем с предметными именами: те и другие обозначают некоторые ситуации, а не их участников. Я предлагал для них термин «качественные глаголы» [2].

Но сложности с японскими прилагательными на этом не кончаются. Японская наука выделила еще один класс, который по-русски обычно передается как *непредикативные прилагательные* или *полупредикативные прилагательные*. Он также соответствует в европейских языках прилагательным, примеры — *shizuka* ‘тихий’, *yuuryoku* ‘влиятельный’. Они по форме сходны не с глаголами, а с существительными: не изменяются, но сочетаются с агглютинативными элементами (иными, чем для существительных). Синтаксически они отличаются и от существительных, и от глаголов и предикативных прилагательных: присоединяемые к ним агглютинативные элементы указывают на синтаксическую позицию, либо определительную (показатель *na*), либо обстоятельственную (показатель *ni*); иных грамматических категорий у них нет. В позиции сказуемого они, как и существительные, употребляются только со связкой (отвлекаюсь от случаев эллипсиса); отсюда термин «непредикативные прилагательные» в противоположность предикативным. Из сказанного видно, что именно этот класс слов может с наибольшим правом называться классом прилагательных. При этом семантические различия между предикативными и непредикативными прилагательными отсутствуют:

(5) Kon’ya wa, hisashiburini sukoshi nigiyaka na
Сегодня.вечером TOP наконец немного веселый ATR
bansan ga deki-ru kamoshirenai (IA: 343)
ужин NOM получится-PRS пожалуй
‘Сегодня вечером, наконец, получится, пожалуй, веселый ужин’

(6) Nigiyaka ni shi-temo i-i no yo (IA,8)
веселый ADV делать–CNC AUX.PRM-PRS PRT PRT
‘Можно и повеселиться’

(7) Obi to no choowa ga totemo kirei
Пояс с GEN сочетание NOM очень красивый
dat-ta wa (IA: 11)
COP-PST PRT
‘Сочетание [кимоно] с поясом было очень красиво’

Таким образом, японский язык, в отличие от многих других языков, имеет и имена прилагательные, и качественные глаголы.

Еще один класс слов составляют лексические единицы вроде *aru* ‘некий’, *arayuru* ‘всевозможные’, *iwayuru* ‘так называемый’ (на русский язык переводятся прилагательными или местоимениями). Их иногда (Н.И. Фельдман) относят к прилагательным, но в японской традиции их, начиная с периода европеизации, выделяют в качестве особой части речи, по-русски для них используется термин «приименное» (калька с японского). Это —

неизменяемые и не сочетающиеся ни с какими служебными словами единицы, выступающие лишь в позиции определения. Их количество невелико: несколько десятков лексем. Они по всем признакам, кроме перевода, отличаются от предикативных прилагательных. Больше они похожи на наречия: неизменяемы и занимают всего одну синтаксическую позицию, хотя и иную:

(8) Iwayuru nihonteki tokushuu seron (A,12.10.82)
так.называемый японский особый общественное.мнение
'Так называемое общественное мнение в особом японском духе'

(9) Aru mono wa yo-I to i-i
некоторый человек TOP хорошо–PRS QUOT говорить–CNV
aru mono wa waru-I to i-u (БЯРС: 1, 29)
некоторый человек TOP плохо–PRS QUOT говорить–PRS
'Некоторые люди говорят, что [это] хорошо, некоторые люди говорят, что плохо'

Однако для русского языка М.В. Панов в статье 1971 г. [3] выделил неканоническую часть речи — «аналитическое прилагательное», отнеся к ним, например, *чудо*, *гамма*, *беж*, *хаки* в составе сочетаний *чудо-печь*, *гамма-излучение*, *цвет беж*, *цвет хаки*. Дефисное написание многих из них, как указывал М.В. Панов, не является решающим аргументом. В последнее время данный класс активно пополняется за счет английских заимствований вроде "*контент*"; аналитический строй английского языка способствует их проникновению в русский язык именно в данном качестве. Эти слова (по крайней мере, в таком значении) неизменяемы и могут быть только определениями. Обнаруживается явное сходство между «аналитическими прилагательными» русского языка и японскими приименными. Они в типологии не принадлежат к числу канонических частей речи, но показательна возможность выделения такого класса в достаточно разных языках.

Японская традиция до ее европеизации, выделяя глаголы, качественные глаголы (предикативные прилагательные) и (непредикативные) прилагательные, не дифференцировала неизменяемые слова. Соответствующий класс (*taigen*), который я выше приравнивал к существительным (что соответствовало его традиционным определениям), на самом деле был шире по составу. Влияние европейской науки во второй половине XIX в. не затронуло основы японской классификации, лишь сделав ее более дробной за счет дифференциации неизменяемой лексики: появились наречия, местоимения, междометия, числительные. Но появились и приименные, не свойственные европейской науке, и в особый

класс, вероятно, из-за неадекватного освоения европейской науки, были выделены наречия с союзным значением вроде *keredomo* ‘однако’, *mata* ‘опять’. Они были восприняты как аналог союзов в европейской науке, хотя в японском языке есть и служебные элементы со сходным значением. Оснований отделять их от наречий, видимо, всё же нет.

Если выделение в качестве части речи наречий (в японском языке всегда неизменяемых) и междометий общепринято, то сложнее ситуация с местоимениями. Слова, соответствующие местоимениям западных языков, в японском языке делятся на две группы. Личные местоимения ничем, кроме семантики, не отличаются от существительных. Указательные и вопросительные же местоимения образуют четкую систему, относясь к разным частям речи: *kore* ‘это (как подлежащее или дополнение)’ — существительное; *kono* ‘этот’ — приименное; *koo* ‘таким образом’ — наречие. Тем самым вопрос о единстве класса местоимений ставится под сомнение материалом и японского, и многих других языков. То же относится и к числительным.

Наконец, надо учитывать и традиционные пробелы в классификации частей речи. Так, в русских грамматиках вне классификации по частям речи часто оказываются два очень частотных слова: *да* и *нет*. Они вообще не вступают в синтаксические связи ни с какими другими словами, как и их японские аналоги (*hai* и *iie*). Те же свойства имеют и междометия, но это очень специфический класс, в том числе по фонетическому облику.

В японской традиции с самого начала как главный пункт классификации выделялись *tenioha* ‘служебные элементы’ (в отличие от европейской традиции, где предлоги и союзы рассматривались традиционно в одном ряду с глаголами и именами). Они еще до европеизации были разделены на изменяемые и неизменяемые (что было аналогом разграничения для знаменательных единиц). В первый класс попали, с европейской точки зрения, большинство глагольных и адъективных аффиксов, а также связки, во второй класс — послелоги и частицы. Эти классы устойчиво сохраняются в японской традиции, хотя они не имеют прямых соответствий в европейской науке.

Если при европеизации классификация знаменательных слов в японской традиции вполне хорошо совместилась с западной классификацией, лишь став более дробной, то европейская классификация служебных элементов не прижилась. Если в Европе выделялись лишь отдельные наиболее заметные классы (предлоги, союзы, артикли), а остальное не классифицировалось или попадало в неопределенный остаточный класс частиц, то в Японии они классифицировались по единому критерию, тому же, что и для знаменательных единиц. Однако в западной и российской японистике класс

изменяемых служебных элементов, в связи с иным пониманием границ слова, сужается до класса связок; впрочем, его можно расширить за счет включения довольно большого количества вспомогательных глаголов. Класс же неизменяемых служебных элементов исконно, как и в случае неизменяемых знаменательных слов, был неоднороден по составу, но здесь и европейская традиция не могла предложить разработанной классификации (к тому же артиклей в японском языке нет, а термин «союз» был, как сказано выше, переосмыслен).

По-видимому, служебные элементы японского языка можно классифицировать, помимо наличия или отсутствия изменяемости, еще по двум признакам, имеющим и общелингвистическое значение. Во-первых, что делается и в японской традиции, разграничиваются приименные и приглагольные служебные элементы (система глагола включает не только аффиксы, но и агглютинативные показатели, в частности модально-экспрессивные частицы, присоединяемые к финитным глаголам, в том числе качественным). Во-вторых, выделяются элементы с синтаксическим и несинтаксическим значением; последние естественно называть частицами, а приименные синтаксические элементы — послелогами.

Синтаксические элементы, в свою очередь, могут быть разделены на два класса. Первый класс не меняет синтаксическую функцию слова, к которому присоединяется: существительные с падежными показателями остаются существительными, а глаголы с модально-экспрессивными частицами — глаголами. Второй класс меняет эту функцию: такие единицы могут быть названы транспозиторами. Один класс транспозиторов хорошо известен: это связки, преобразующие существительные в глагольные члены предложения. Однако, в отличие от «наших» языков, в японском языке развит и противоположный класс так называемых субстантиваторов, или номинализаторов, включающий несколько десятков единиц. Наиболее распространенные субстантиваторы — *no*, *koto*, *mono*, *tokoro*. Они присоединяются к глаголам и предикативным прилагательным, сохраняющим управление, но преобразуемым в актантный член предложения (подлежащее или дополнение), принимая после себя падежные показатели:

(10) Kotoshi no natsu minna de umi e it-ta
Этот.год GEN лето все INS море к отправиться–PST
no/koto o omoidash-ita (ТГ: 2, 310)
NML ACC вспомнить-PST
‘Вспомнил, [как] этим летом [мы] все ездили к морю’

Японистика однозначно характеризует эти единицы как служебные слова, но вызывает затруднение их частеречная характеристика, а в работах по теории частей речи они обычно не упоминаются. Вероятно, субстантиваторы, следует, как и связки, считать отдельными служебными частями речи и учитывать их, как и приименные, в общелингвистических классификациях.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

БЯРС — Большой японско-русский словарь, тт.1-2. М., Советская энциклопедия, 1970.
ТГ — Алпатов В.М. Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая граммаитка японского языка, книги 1-2. М., Наатлис, 2008.
A — Asahi simbun (газета).
IA — Ishikawa Tatsuzoo. Ai no owari no toki (Время конца любви). Tokyo, 1973.
ID — Ishikawa Tatsuzoo. Doro ni mamirete (Измазанная грязью). Tokyo, 1972.
KM — Kawabata Yasunari. Mizuumi (Озеро). Tokyo, 1973.
S74 — Nenkan daihyoo shinario shuu (Ежегодник сценариев). Tokyo, 1974.

Библиографический список

1. Алпатов В.М., Что такое прилагательное в японском языке? // Японское языкознание. М., Наука, 1979.
2. Панов М.В., Об аналитических прилагательных // Фонетика, фонология, грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. М., Наука, 1971.
3. Фельдман Н.И., Японский язык. М., Издательство восточной литературы, 1960.

S.S. Alvestad

University of Oslo, Oslo

THE TYPOLOGY OF ASPECT IN THE SLAVIC IMPERATIVE

1. Introduction

Given that the Slavic languages are so closely related, one would expect them to use verbal aspect quite similarly. For seven parameters, or types of contexts, of aspect use Dickey [5] shows that this expectation is not borne out: the imperfective (IPF) aspect is significantly more widespread in the East-Slavic languages than in the West-Slavic ones. Dickey [5] gives the most comprehensive account to date of aspect use in Slavic languages, but one important verb form is left unaccounted for: the imperative. The first question I address in this paper is therefore this: How is aspect used in Slavic imperatives?

Given that imperatives are typically used when the speaker wants to make the addressee change the world in some way, we expect the most widespread aspect to be the perfective (PF). Is this borne out? Making use of the ParaSol[1] corpus I took the Russian novel *Kak zakaljalas' stal'* as my point of departure, isolated the non-negated[2] imperatives (where an imperative is defined as a pair of a particular morphological form — specifically, a second person singular or plural imperative verb form — and a particular type of function that can be referred to with a cover term as *directive*, cf. Kaufmann [13]) referring to all of Vendler's [17] situation types (i.e. *states*, *activities*, *accomplishments*, and *achievements*), and examined their counterparts in 11 other Slavic languages, and the answer to the question is this: as far as the West-Slavic languages Slovak (Sk) and Czech (Cz) and Slovene (Sn) are concerned: yes. As far as the East-Slavic languages Russian (Ru), Belarusian (By) and Ukrainian (Uk) are concerned: no. As far as the rest of the languages are concerned, i.e., Bulgarian (Bg), Polish (Pl), Serbian (Sr), Croatian (Hr), Macedonian (Mk), and Upper Sorbian (US): to varying degrees. In the East-Slavic languages, IPF

[1] "A parallel aligned corpus of Slavic and some other European languages" compiled by Ruprecht von Waldenfels *et al.*, cf. http://www.slavist.de.

[2] Assuming that negation comes with a semantics of its own I have excluded negated imperatives from the account. I hypothesize, however, that the widespread use of IPF in at least the East-Slavic languages in the case of what may be referred to as prohibitives (in which the subject/addressee can be said to control the situation in question) is in fact a manifestation of what I refer to below as the existential type fake IPF.

is used in about 60% of the cases, while for the West-Slavic languages and Sn, the share is about 30%.[1,2] Example (1) and (2) below are thus representative.

In (1) the nurse is writing in her diary about a particular patient of hers, the soldier Korčagin, who is severely injured, yet does not complain. She is very impressed.

(1) a. Ru: Я знаю, почему он не стонал и вообще не стонет. На мой вопрос он ответил: — **Читайте**[IPF] роман «Овод», тогда узнаете.
(ParaSol. Ostrovskij: Kak zakaljalas' stal' (KZS))
'I know now why he never groans. I asked him, and he replied:
— **Read** the novel "The Gadfly" and you'll know.'
b. By: — **Чытайце**[IPF] раман "Авадзень", тады будзеце ведаць.
c. Uk: — **Читайте**[IPF] роман "Овід", тоді знатимете.
d. Bg: — **Четете**[IPF] романа "Стършел", тогава ще разберете.
e. Sr: — **Čitajte**[IPF] roman "Obad", tada ćete saznati.
f. Hr: — **Čitajte**[IPF] roman "Obad", tada ćete saznati.
g. US: — **Čitajće**[IPF] roman "Spinadło" a budźeće wědźeć!
h. Sn: — **Berite**[IPF] roman "Obad", pa boste vedeli.
i. Pl: — **Przeczytajcie**[PF] powieść "Szerszeń", to się dowiecie.
j. Mk: — **Прочитајте**[PF] го романот "Штркел", тогаш ќе разберете.
k. Sk: — **Prečítajte**[PF] si román "Ovad", dozviete sa.
l. Cz: — **Přečtěte**[PF] si román "Střeček" a dovíte se to!

As we can see, IPF is used in Ru, By, Uk, Bg, Sr, Hr, US and Sn even though the imperative verb phrase (VP) clearly refers to a single, complete event. The nurse is to read *The Gadfly*, and when she has read *The Gadfly*, she will know why Korčagin never complains. PF is used in Pl, Mk, Sk, and Cz.

[1] A text of fiction and its translations into other languages are an appropriate source for the present research project. This is because a large variety of everyday dialogue situations and, hence, a wide array of speech act types (involving various modal bases and ordering sources, cf. Kratzer [15]) are investigated, and not only cases where the modal base and ordering source are the same throughout, such as in recipes or user´s manuals. Ideally, though, more novels should have been investigated so as to minimize the risk of priming effects, but hopefully other researchers will undertake that task in the future.

[2] The cross-Slavic variation in aspect use in the imperative is corroborated by Benacchio [4] and von Waldenfels [18].

In (2) the priest has just discovered that someone has put tobacco in his bread dough. He asks his young, male usual suspects which one of them smokes. When none of them admits to smoking he orders them to turn out their pockets.

(2) a. Ru: — **Выверните**[PF] карманы! Ну, живо! Что я вам говорю? **Выворачивайте**![IPF] (ParaSol. Ostrovskij: KZS)
'**Turn out** your pockets! Come on, hurry up! Do you hear me? **Turn** [them] **out**!'
b. By: — **Выверніце**[PF] кішэні! … **Вываpачвайце**[IPF]!
c. Uk: — **Виверніть**[PF] кишені! … **Вивертайте**[IPF]!
d. Pl: — **Wywróćcie**[PF] kieszenie! … **Wywracajcie**[IPF]!
e. Bg: — **Обърнете**[PF] джобовете си! … **Обръщайте**[IPF]!
f. Hr: — **Izvrnite**[PF] džepove! … **Izvrćite**[IPF], kad vam govorim![1,2]

The priest issues the first command for the boys to turn out their pockets by means of a PF imperative VP. He repeats the command by means of an IPF imperative VP.

2. Problems and claims

Based on the findings represented by example (1) and (2), two questions arise: First, why — in particularly the East-Slavic languages — is IPF so widespread? Second, how do we explain the cross-Slavic variation in aspect use? With respect to the latter I argue that it is due to differences in how the languages resolve cases of aspectual competition; cases where the aspects are more or less synonymous. When IPF wins the competition, it is semantically perfective. This use of IPF in past tense indicatives is referred to in the literature as the *general-factual IPF*, of which Grønn [7] identifies two main types of interpretation: the *existential* and the *presuppositional*. When the IPF is used to simply assert the existence of a given complete event in the past, the interpretation is existential, as in (3a-f). William and Adso find themselves in a labyrinth. Adso is lost, but William remembers something he read once that can help them find the way out, and Adso is impressed.

(3) a. Ru: — «Как вы все это помните? Вы изучали[PF] лабиринты?»
— «Нет. Я вспомнил старинный текст, который однажды **читал**[IPF].» (ParaSol. Eco: Il nome della rosa)
'"How do you know all that? Are you an expert on labyrinths?"
"No, I am citing an ancient text I once **read**."'[3]

[1] The rest of the Slavic languages resolve this case in various ways.
[2] The IPF verbs are underlined to signify presupposition/anaphora.
[3] The English translation is also from ParaSol.

b. Uk: — "Ні, я цитую з однієї давньої книги, яку колись **читав**[IPF]."
c. Bg: — "Не, цитирам ти един древен текст, който **четох**[IPF] доста отдавна."
d. Pl: — "Nie, recytuję tylko stary tekst, który kiedyś **czytałem**[IPF]."
e. Hr: — "Nisam, izgovaram dio starog spisa koji sam jednom **čitao**[IPF]."
f. Sk: — "Nie, to len citujem jeden starý text, ktorý som kedysi **čítal**[IPF]."
g. Sr: — "Не, наводим из једног старог текста који сам некада **прочитао**[PF]."
h. Mk: — "Не, само цитирам еден антички текст што одамна го имам **прочитано**[PF]."
i. Cz: — "Kdepak, cituji starý text, který jsem si kdysi **přečetl**[PF]."
j. Sn: — "Ne, navajam iz starega spisa, ki sem ga nekoč **prebral**[PF]."

The completed reading event is referred to by means of an IPF VP in Ru, Uk, Bg, Pl, Hr, and Sk. These IPF VPs represent the *existential* interpretation of the general-factual IPF. In Sr, Mk, Cz, and Sn, on the other hand, the completed reading event is referred to by means of a PF VP.

When the IPF is used to refer to an event that has already been introduced in the context, typically by means of a PF VP, the interpretation is presuppositional, or anaphoric, as in (4).

(4) Ru: В этой портерной я **написал**[PF] первое любовное письмо к Вере. **Писал**[IPF] карандашом.[1] [7: 192; 6: 86]
'In this tavern, I **wrote** my first love letter to Vera. I **wrote** [it] in pencil.'

The writing event is introduced in the context by means of a PF VP *napisal*. It is picked up again and referred to anaphorically by means of the IPF VP *pisal*. When the IPF VP *pisal* is used, the writing event is known, or old, information in the context. In other words, the writing event is presupposed, hence the term presuppositional IPF.

Since imperatives are not about facts, it is not obvious that these uses of IPF, which are variants of the *general-factual IPF*, occur in the imperative. My findings, however, represented by example (1) and (2), strongly suggest that they do. Then, since imperatives are not associated with facts, I will refer to IPF in such cases as "fake". Specifically, IPF is fake in cases such as *čital* in (3) and *pisal* in (4) because it is devoid of its usual meaning and has a perfective meaning instead: it refers to a single, complete event, which is typically the task of PF. In referring to IPF in such cases as fake I follow Iatridou [10] on tense in counterfactuals, and Grønn [8].

[1] *Pisal* is underlined to show that the event referred to is presupposed.

In past tense indicatives, the existential type fake IPF is most widespread, as shown by Grønn [7]. The type that dominates in the imperative, however, is the anaphoric one, the presuppositional type, cf. Alvestad [1]. Specifically, I argue that (1a-h) exemplifies the existential type fake IPF in the imperative, while the underlined IPF imperatives in (2) exemplify the presuppositional type. The only difference between the reading events in the declarative clause in (3) and the imperative clause in (1) is that, in (3) the time of the event is included in the extended now past, while in (1) it is included in the extended now future.

As far as the underlined imperative verb form in (2) (*vyvoračivajte*) with respect to the underlined past tense verb form in (4) (*pisal*) is concerned, however, there are two problems. I will address these problems, and solve them, in the next section.

3. Two problems – and their solution

3.1. The two problems

The first problem in (2) with respect to (4) is what I will call the *focus problem*, cf. also Alvestad [2: 35]. Specifically, in the relevant declarative sequence in (4) — *pisal karandašom* — there is a clear partition into presupposition — *pisal* — and focus — *karandašom*. *Pisal karandašom* provides us with new information — namely, the fact that the letter was written *in pencil*. In (2), on the other hand, there is no such clear partition, since the imperative clause in question consists of only one word: the verb. There is no other constituent to which the phonological focus can be shifted. This is the focus problem.

The second problem in (2) with respect to (4) is the *inaccessibility problem.* In (4), the relevant clauses are declarative clauses, and so the eventive discourse referent of PF *napisal* is indeed accessible to the eventive discourse referent of IPF *pisal*. Thus, we may in fact be dealing with identification at the level of event token, which is precisely the strong hypothesis of Grønn [7]. Simply put, this is to say that PF *napisal* and IPF *pisal* in (4) refer to the exact same event token, the same individual writing event. For imperatives, however, the picture is more complicated. In formal semantics, imperatives are often considered to be, or contain, modal operators. This, according to widely held assumptions about the accessibility of antecedents — in Discourse Representation Theory (DRT) [11; 12], for example — makes the eventive discourse referent of PF *Vyvernite* inaccessible to the eventive discourse referent of IPF *Vyvoračivajte*. Furthermore, modal operators are analyzed in terms of quantification over possible worlds.[1] Since imperatives refer to events in possible worlds, then if (2) were a direct parallel to (4), the two imperative VPs in (2) would have to refer to the exact same event(s) in

[1] Following Kaufmann [13], I take imperatives to be necessity modals and, thus, analyze them in terms of universal quantification over possible worlds.

the exact same world(s). True, in (2) the speaker is one and the same in the case of both imperatives, so we could perhaps argue that he has one and the same event token in mind. Often, however, the sentence containing the antecedent and the sentence containing the anaphor are uttered by two distinct speakers, as in (5) below.

(5) Ru:
A: — **Выключи**[PF] свет!
B: — **Выключай**[IPF] сам!
A: — '**Turn off** the light!'
B: —'**Turn** it **off** yourself!'

It is hard to argue that the two imperative clauses in (5) refer to one and the same event of turning off the light. For one, the agents are distinct in the two cases: the agent of the first turn-off-the-light event is B, while the agent of the other is A.

A(nother) case in which event token identification is impossible is (6), where the two events of selling the chest have different agents and, at that, are included in distinct reference times. Skavronov suggests that he and Klaša sell the chest while Roman is away, whereas Klaša suggests that Skavronov sell the chest when she is dead.

(6) Ru: — Давай, пока Романа нет, комод **продадим**[PF]... — Нет, сказала Клаша Скавронову. — Нет и нет. Как помру, **продавайте**[IPF] (*продайте[PF]). А пока жива, не дам. [14: 282 (45)]
'"Come on, let's **sell** the chest while Roman's not here..." "No", Klaša said to Skavronov. "No, no, no. As soon as/When I'm dead, **sell** it. But while I'm alive, I won't give it away."'

Based on what I mentioned above and examples such as (5) and (6), the strong hypothesis of event token identification cannot be upheld, at least not as far as imperatives are concerned.

3.2. Solving the problems

As far as the information structural *focus problem* goes, this does in fact not only occur in the case of presuppositional type fake IPFs in imperative clauses. It occurs in declarative clauses too, cf. B's reply in (7) below, from Mueller-Reichau [2012, his (1)].

(7) Ru:
A: Коня **поил**[IPF]?
'**Did** you **water** the horse?'
B: **Поил**[IPF].
'Yes, I **did** [**water** [it]].'

B's utterance is a declarative clause. IPF *poil* 'watered' in this sentence is presuppositional, or anaphoric: it refers to the watering event introduced in the context by IPF *poil* 'watered' in A's question. The phonological focus in B's sentence cannot be on any constituent other than the verb, yet the semantic content of the verb is known. All the same, B does bring some new information into the context — namely, the fact that the proposition is true. What is focused in B's sentence is the truth of the proposition. Höhle [9] refers to this type of focus as *Verum focus*.

When this type of focus phenomenon occurs in clause types other than declaratives, Höhle [9] refers to it as the Illocution Type interpretation of Verum [op. cit.: 117]. He argues that Verum is "(not a truth predicate but rather) […] a variable over" illocution type operators [ibid.]. When the lexical content of the verb is backgrounded, the illocution type operator gets foregrounded. The effect is that the lexical content of the verb is "presupposed to be known" [ibid.]. This is to say that, what is focused in the imperative clause *Vyvoračivajte* is the mere speech act, and in this case the speech act is one of commanding, or ordering.

As far as the inaccessibility problem is concerned, this can be solved if we analyze the relevant cases (such as (2)) *not* in terms of event *token* presuppositions, but event *type* presuppositions. What is presupposed on a fake IPF on that assumption is not the event itself, but the predicate, the VP. Thus, in (2) the identification is at the level of event type, not at the level of individual event token. Specifically, in DRT, discourse referents for event types can be freely declared at any level of a DRS (Discourse Representation Structure), particularly, "at a level where they are accessible for a presupposed event type referent coming from a presuppositional type fake IPF" [1: 310]. In DRT, predicates can be treated as constants of the form "P=…" on a par with propositions, represented as "K=…", cf. Asher [3: 225ff], and constants are not subject to ordinary accessibility constraints.[1]

Event type identification does perhaps not tie the IPF imperative as tightly together with the discourse as event token identification does. It does, however, account for the strong intuition that the IPF is used because "the course of action described in the imperative has already been put under consideration in the discourse" [1: 310].

4. A final suggestion

So far I have only proposed an answer to the first question that I raised in section 2 — namely, the question of why, in particularly the East-Slavic languages, IPF is so widespread. The second question I raised was how we should explain the cross-Slavic variation in aspect use. This question needs and deserves more space that I am able to give it here, so I will just briefly outline my proposal. First, I do

[1] See Alvestad [1: 240ff] for further details.

not follow aspectologists such as Dickey [5] and others, who argue that the aspects mean different things in different Slavic languages. Instead I assume that the meaning of PF is identical in all the Slavic languages. Furthermore, assuming that aspects, on a par with times and individuals can be indefinite or definite (anaphoric), I introduce an Aspect Neutralization Rule, cf. Alvestad [1]: when i) the aspect is definite, (as in the underlined IPF VPs in (2) and (4), but also (5), (6), and (7)) or ii) the aspect is indefinite (in the sense of new) and the tense is indefinite in the sense of giving a wide reference time (as in (1) and (3)), a semantically perfective verb is to be morphologically neutralized to IPF. The first part of the rule, i), gives us the presuppositional type fake IPF, while the second part, ii), gives us the existential type fake IPF. PF is to be used when both the aspect and the tense are indefinite in the sense of new. The Slavic languages adhere to the Aspect Neutralization Rule to varying degrees. This, I argue, explains the differences in aspect use.

5. Conclusions and further outlook

In this article I first raised the question of how aspect is used in the Slavic imperative. I showed that the cross-Slavic divide in aspect use demonstrated by Dickey [5] can be observed in imperatives too, an observation that is corroborated by Benacchio [4] and von Waldenfels [18]. Specifically, in the imperative as well as other contexts of use the IPF is significantly more widespread in East Slavic than in West Slavic. I raised the question of why, in the East Slavic languages in particular, the IPF is so frequent. I argued that, in many of the relevant cases, what we see is the same phenomenon as that referred to as the general-factual IPF when it occurs in the indicative. Since imperatives are not about facts, however, I introduced the term *fake IPF* instead. Grønn [7] observed two interpretations of the fake IPF — namely the existential and the presuppositional. I showed that we find both types in the imperative as well, with the modification that the latter type in the imperative cannot possibly involve anaphora at the level of individual event. Rather, it involves identification at the level of event type. Finally, I outlined an Aspect Neutralization Rule that the various Slavic languages adhere to to varying degrees, thus explaining the cross-Slavic divide in aspect use. In order to determine the exact mechanisms, pragmatic or other, underlying this rule, further research is needed.[1]

[1] I wish to thank participants of the Typology of Morphosyntactic Parameters 2015 conference, in particular Petr Arkad'ev, John Frederick Bailyn, and Daniil Tiskin, for valuable comments.

References

1. Alvestad, Silje Susanne, Beware of fakes! Fake imperfectives in the Slavic imperative, Ph.D. dissertation, University of Oslo, 2013, 328 p.
2. Alvestad, Silje Susanne, Fake imperfective imperatives in Slavic, Oslo Studies in Languages 6(1), 2014, 29-42.
3. Asher, Nicholas, Reference to abstract objects in discourse, Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1993, 455 p.
4. Benacchio, Rosanna, Вид и категория вежливости в славянском императиве: сравнительный анализ, Munich and Berlin, Kubon und Sagner, 2010, 209 p.
5. Dickey, Stephen McCartney, Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach, Stanford (California), CSLI Publications, 2000, 316 p.
6. Forsyth, James, A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb, London, Cambridge University Press, 1970, 386 p.
7. Grønn, Atle, The Semantics and Pragmatics of the Russian Factual Imperfective. Doctoral thesis, University of Oslo, 2004, 288 p.
8. Grønn, Atle, Aspect and tense in counterfactual main clauses: Fake or real?, Diachronic and typological perspectives on verbs, Josephson, Folke, and Söhrman, Ingmar (eds.), Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2013, 133-158.
9. Höhle, Tilman N., Über verum-fokus im deutschen, Informationsstruktur und Grammatik, Jacobs, Joachim (ed.), Opladen, Westdeutscher Verlag, 1992, 112-141.
10. Iatridou, Sabine, The grammatical ingredients of counterfactuality, Linguistic inquiry 31(2), 2000, 231-270.
11. Kamp, Hans, A theory of truth and semantic representation, Formal methods in the study of language, Groenendijk, J.A.G. *et al.* (eds.), Amsterdam, Mathematical Center, 1981, 277-322.
12. Kamp, Hans and Reyle, Uwe, From discourse to logic: Introduction to modeltheoretic semantics of natural language, formal logic and Discourse Representation Theory, London, Boston, and Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1993, 713 p.
13. Kaufmann, Magdalena, Interpreting imperatives, Dordrecht, Springer, 2012, 269 p.
14. Khrakovskij, Viktor S., Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление, Russian linguistics, Vol. 3, No. 12, 1988, 269-292.
15. Kratzer, Angelika, The Notional Category of Modality, Words, Worlds, and Contexts, Eikmeyer, Hans-Jürgen and Rieser, Hannes (eds.), Berlin, Walter de Gruyter, 1981, 38-74.

16. Mueller-Reichau, Olav, Why kratnost'? On Russian factual imperfectives, draft of paper, 2012, 12 p.
17. Vendler, Zeno, Verbs and Times, The Philosophical Review, Vol. 66, No. 2, 1957, 143-160.
18. von Waldenfels, Ruprecht, Aspect in the imperative across Slavic – a corpus driven pilot study, The Russian Verb (Oslo Studies in Language 4), Grønn, Atle and Pazelskaya, Anna (eds.), 2012, 141-154.

Т.И. Бондаренко

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

БИТРАНЗИТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ И АППЛИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ОТ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

1. Введение: два класса глаголов с дативными аргументами

В грузинском языке одни переходные глаголы присоединяют дативные аргументы без помощи аппликативных показателей (1)-(2), другие же обязаны иметь аппликативный показатель для ввода дативного участника в аргументную структуру (3)-(4):

(1) deda-m **me** vašli mo-**m**-(***i)**-c-a
мама-ERG **1SG.DAT** яблоко. NOM PVB[2]-**1SG**-(***APPL)**-давать-PST.3SG
'Мама дала мне яблоко'

(2) deda **me** velosip'ed-s
мама.NOM **1SG.DAT** велосипед-DAT
m-(***i)**-čukn-i-s
1SG-(*APPL)-дарить-TS[3]-PRS.3SG
'Мама дарит мне велосипед'

(3) man **megobar-s** sak'et'-I ga-*(**u)**-t'ex-a
он.ERG **друг-DAT** замок-NOM PVB-*(**APPL)**-ломать-PST.3SG
'Он сломал другу замок'

(4) bič'I **me** surat-s
мальчик.NOM **1SG.DAT** картина-DAT
m-*(i)-xat'-av-s
1SG-*(APPL)-рисовать-TS-PRS.3SG
'Мальчик рисует мне картину'

В дальнейшем мы будем называть первый тип глаголов битранзитивными (*дать, подарить, украсть, обещать, напомнить),* второй

[1] Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 14-06-00435 «Синтаксис и семантика глагола в видовых системах деривационного типа»).

[2] PVB ("preverb") — преверб.

[3] TS ("thematic suffix") — тематический суффикс

тип глаголов — переходными (*сломать, построить, нарисовать, открыть, испечь, зажечь, спрятать, помешать, прочитать* и др.) Отметим, что оба типа глаголов согласуются со своим дативным аргументом (1)-(2), (4).

В связи с рассматриваемыми глаголами возникает ряд вопросов. Во-первых, имеют ли конструкции с косвенным дативным дополнением от двух типов глаголов одинаковую структуру или различные? Во-вторых, если мы вслед за многими исследователями [1; 7; 12; 13; 17] предполагаем, что дативные аргументы могут вводиться функциональной аппликативной проекцией, то присутствует ли она в данных конструкциях? В частности, присутствует ли она при битранзитивных глаголах, в которых мы не наблюдаем показателя аппликатива? Наконец, если в рассматриваемых конструкциях присутствуют аппликативные проекции, то какого типа эти проекции: каково место их присоединения в синтаксической структуре? В последующих разделах мы постараемся показать, что, несмотря на морфологическое различие (отсутствие / наличие морфемы аппликатива), мы имеем дело с единой конструкцией, в которой присутствует «высокая» [17] аппликативная проекция.

2. Некоторые теоретические подходы: пространство возможностей

Среди теоретических подходов к конструкциям с косвенными дативными дополнениями можно выделить как минимум два направления. Приверженцы первого направления (например, [5; 10; 18]) полагают, что непрямое дативное дополнение является непосредственным аргументом лексического глагола (V). Причем некоторые [5; 10] считают, что дативный аргумент порождается как комплемент глагола, но в ходе деривации передвигается в более высокую позицию (рис. 1); другие [18] же утверждают, что непрямое дополнение исходно порождается в спецификаторе глагольной группы (VP) и не претерпевает дальнейших передвижений (рис. 2).

рис.1 (адаптировано из [10])

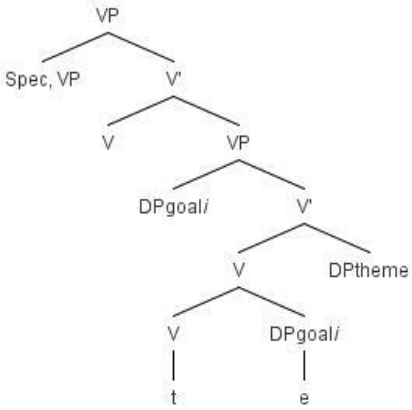
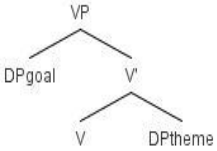


рис. 2 (адаптировано из [2])



Последователи второго направления (например, [12; 1; 13; 17; 7]) предполагают, что дативные аргументы вводятся в синтаксическую структуру с помощью особой функциональной (глагольной) проекции — ApplP. При этом конструкции с дативным аргументом могут различаться в зависимости от места присоединения аппликативной проекции. Так, вершина Appl может устанавливать отношение “перехода обладания” [17] между двумя дополнениями; в этом случае лексический глагол берет ApplP своим комплементом (рис. 3). Такую аппликативную проекцию называют «низкой». Но в языках встречаются и «высокие» аппликативы: в этих случаях аппликативная вершина берёт своим комплементом группу лексического глагола, добавляя нового участника в уже существующую ситуацию (рис. 4).

рис.3 (адаптировано из [17])

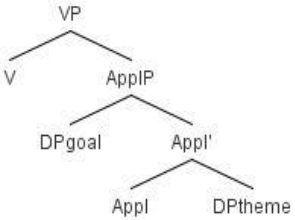
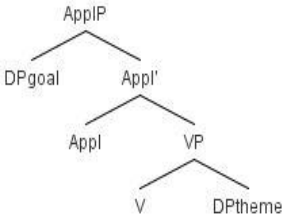


рис. 4 (адаптировано из [17])



Некоторые исследователи [7; 19] полагают, что двумя вышеприведенными возможностями дистрибуция аппликативных проекций не ограничивается: например, аппликативная проекция может

находиться между двух проекций лёгкого глагола (5) и устанавливать посессивное отношение между вводимым участником (спецификатор) и результирующим состоянием (комплемент).

(5) [$_{\text{VoiceP}}$ DPNOM [$_{\text{Voice}}$ [$_{\text{vPCAUSE}}$ vCAUSE [$_{\text{vPBECOME}}$ vBECOME **[$_{\text{ApplP}}$** DPDAT **[Appl** [$_{\text{vPBE}}$ DPACC [vBE Root]]]]]]]]

Наконец, стоит отметить, что вышеприведенные анализы конструкций с косвенными дативными аргументами не являются в некотором смысле взаимоисключающими: один язык может содержать более одного типа аппликативных конструкций [7;19]; а также в одном языке могут сосуществовать конструкции с непрямым дополнением с аппликативной проекцией и без неё [2].

В свете описанных теоретических возможностей вернёмся к аппликативам в грузинском языке. Мы предполагаем, что в том случае, когда на глаголе появляется аппликативная морфема (3)-(4), аппликативная проекция присутствует в синтаксической структуре. Что касается битранзитивных глаголов (при которых на глаголе невозможен аппликативный показатель): (1)-(2), то мы не делаем никаких априорных утверждений: мы обратимся к синтаксическим тестам, чтобы определить их структуру[1].

[1] Л. Ломашвили предлагался анализ [11] рассматриваемых нами конструкций: с её точки зрения, битранзитивы и аппликативы от переходных глаголов представляют собой единую конструкцию — «низкий» аппликатив (рис. 3). Такой анализ не кажется нам убедительным: Л. Ломашвили не приводит аргументов, почему два класса глаголов имеют одинаковую структуру; она руководствуется только семантикой конструкций при определении типа аппликативной конструкции, не прибегая к синтаксическим тестам. Наконец, согласно её анализу, аппликативы в грузинском языке имеют такую же синтаксическую структуру, как и конструкция с двойным дополнением в английском языке. Однако эти конструкции не идентичны. Нам известны по крайней мере два различия (которые верны как для битранзитивных, так и для переходных предикатов): во-первых, в отличие от английского языка, косвенное дативное дополнение в грузинском языке не может становиться подлежащим при пассивизации глагола; во-вторых, в отличие от английского (а также греческого: см. [3]), в грузинском языке нет ограничений на одушевлённость дативного дополнения. Если структуры (а также механизмы приписывания падежа) в двух языках одинаковы, то данные различия не получают объяснения.

3. Структурный приоритет дативной ИГ

Чтобы аппликативный анализ мог быть применим к дативным аргументам в некотором языке, дативная именная группа должна иметь структурный приоритет над прямым дополнением (это можно увидеть из рис.3, рис. 4 и (5)). Посмотрим, имеет ли дативная ИГ структурный приоритет в конструкциях с битранзитивными и переходными глаголами.

3.1. Свидетельства связывания

В грузинском языке сложное рефлексивное местоимение, состоящее из посессивного местоимения и грамматикализовавшегося слова «голова» («tavi»), является анафором [4]: это сложное местоимение нуждается в с-командующем коаргументном антецеденте в клаузе, его содержащей; оно не может иметь логофорических употреблений; порядок слов, падежное оформление аргументов и согласование с глаголом не влияют на его связывание. Из примеров (6)-(9) мы видим, что дативная именная группа при переходных глаголах может связывать рефлексивное местоимение в позиции прямого дополнения вне зависимости от порядка слов, а прямое дополнение не может связывать дативную именную группу:

(6) me **bakar-s** tavisi tavi
1SG.ERG **Бакар-DAT** 3POSS.REFL.NOM self.NOM
a(ɣ)-v-**u**-c'er-e
PVB-1SG-**3APPL**-описать-PST.3SG
'Я описал Бакару$_i$ его самого$_i$'

(7) me tavisi tavi **bakar-s**
1SG.ERG 3POSS.REFL.NOM self.NOM **Бакар-DAT**
a(ɣ)-v-**u**-c'er-e
PVB-1SG-**3APPL**-описать-PST.3SG
'Я описал Бакару$_i$ его самого$_i$'

(8) *me **tavis** **tav-s** bakari
1SG.ERG **3POSS.REFL.DAT** **self-DAT** Бакар.NOM
a(ɣ)-v-**u**-c'er-e
PVB-1SG-**3APPL**-описать-PST.3SG
Ожидаемое прочтение: 'Я описал Бакару$_i$ его самого$_i$'

(9) *me bakari **tavis** **tav-s**
1SG.ERG Бакар.NOM **3POSS.REFL.DAT** **self-DAT**
a(ɣ)-v-**u**-c'er-e
PVB-1SG-**3APPL**-описать-PST.3SG
Ожидаемое прочтение: 'Я описал Бакару$_i$ его самого$_i$'

Так же, как и при переходных аппликативных глаголах, при битранзитивных глаголах дативный аргумент может связывать прямое дополнение (10)-(11), но не наоборот (12)-(13), независимо от порядка слов:

(10) man **me** čemi tavi
3SG.ERG **1SG.DAT** 1POSS.SG.NOM self.NOM
m-a-čuk-a
1SG-pv[1]-дарить-PST.3SG
'Он подарил мне$_i$ меня$_i$ (в значении «Он вернул мне мою целостность, мою личность»)'

(11) man čemi tavi **me**
3SG.ERG 1POSS.SG.NOM self.NOM **1SG.DAT**
m-a-čuk-a
1SG-pv-дарить-PST.3SG
'Он подарил мне$_i$ меня$_i$ (в значении «Он вернул мне мою целостность, мою личность»)'

(12) *man **čem** **tav-s**[2] me a-čuk-a
3SG.ERG **1POSS.SG.DAT** **self-DAT** 1SG.NOM pv-дарить-PST.3SG
Ожидаемое прочтение: 'Он подарил мне$_i$ меня$_i$ (в значении «Он вернул мне мою целостность, мою личность»)'

(13) *man me **čem** **tav-s** a-čuk-a
3SG.ERG 1SG.NOM **1POSS.SG.DAT** **self-DAT** pv-дарить-PST.3SG
Ожидаемое прочтение: 'Он подарил мне$_i$ меня$_i$ (в значении «Он вернул мне мою целостность, мою личность»)'

Таким образом, свидетельства связывания позволяют предположить, что дативный аргумент располагается выше прямого дополнения.

3.2. Эффекты превосходства

Грузинский язык является языком с предглагольным фокусом: при образовании частных вопросов wh-слова возникают непосредственно перед глаголом[3] [8]. Когда подлежащее и прямое дополнение являются вопросительными словами, в предложении наблюдается порядок слов «SUB-DO-VERB» [8]:

[1] pv ("preradical vowel") — предкорневой гласный.

[2] Сложный рефлексив синтаксически всегда ведет себя как именная группа третьего лица единственного числа, поэтому на глаголе не появляется согласования с дативным аргументом по первому лицу.

[3] Они могут отделяться от глагола только отрицанием и модальной частицей «unda».

(14) vin ras qidulob-s?
кто.NOM что.DAT купить-PRS.3SG
'Кто что покупает?'

(15) ??ras vin qidulob-s?
что.DAT кто.NOM купить-PRS.3SG
'Что кто покупает?'

(16) *vin qidulob-s ras?
кто.NOM купить-PRS.3SG что.DAT

(17) *ras qidulob-s vin?
что.DAT купить-PRS.3SG кто.NO

Эффекты превосходства наблюдаются и в конструкциях с косвенным дативным аргументом. Примеры (18)-(21) показывают, что при аппликативах от переходных глаголов дативная вопросительная группа должна предшествовать вопросительному прямому дополнению:

(18) OK **vis** vin a(ɣ)-**u**-c'er-e?
кто.DAT кто.NOM PVB-**APPL**-описывать-PST.2SG
'Кому кого ты описал?'

(19) */??? vin **vis** a(ɣ)-**u**-c'er-e?
кто.NOM **кто.DAT** PVB-**APPL**-описывать-PST.2SG
Ожидаемое прочтение: 'Кого кому ты описал?'

(20) OK **vis** vin ga-**u**-zard-e?
кто.DAT кто.NOM PVB-**3APPL**-вырастить-PST.2SG
'Кому кого ты вырастил?'

(21) * vin **vis** ga-**u**-zard-e?
кто.NOM **кто.DAT** PVB-**3APPL**-вырастить-PST.2SG
Ожидаемое прочтение: 'Кого кому ты вырастил?'

Примеры (22)-(25) показывают, что при битранзитивных глаголах дативная вопросительная группа также должна предшествовать вопросительному прямому дополнению:

(22) OK **vis** ra ga-čuk-e?
кто.DAT что.NOM PVB-дарить-PST.2SG
'Кому что ты подарил?'

(23) */??? ra **vis** ga-čuk-e?
что.NOM **кто.DAT** PVB-дарить-PST.2SG
Ожидаемое прочтение: 'Что кому ты подарил?'

(24) OK **vis** ra mo-p'ar-e?
кто.DAT что.NOM PVB-красть-PST.2SG
'У кого что ты украл?'

(25) */??? ra **vis** mo-p'ar-e?
что.NOM **кто.DAT** PVB-красть-PST.2SG
Ожидаемое прочтение: 'Что у кого ты украл?'

Таким образом, эффекты превосходства и свидетельства связывания позволяют предположить, что в рассматриваемых конструкциях от обоих типов глаголов косвенное дативное дополнение с-командует прямым дополнением. Это значит, что аппликативный подход к анализу данных конструкций в принципе возможен.

4. Наличие аппликативной проекции в битранзитивных глаголах

Мы предполагаем, что в конструкциях с дативными аргументами при переходных глаголах имеется аппликативная проекция. Но как понять, присутствует ли аппликативная проекция при битранзитивных глаголах? Иными словами, как отличить отсутствие аппликативной вершины от нулевой аппликативной вершины? Для разрешения данного вопроса некоторые исследователи [2; 6] предлагают обратиться к деривационным процессам. А именно, было сформулировано следующее обобщение [14; 16]:

Обобщение Майера (Myers' Generalization):

Слова, образованные с помощью нулевых аффиксов, не могут подвергаться дальнейшим деривационным процессам.

Согласно этому обобщению, мы ожидаем, что если в структуре присутствует нулевая аппликативная вершина, то дальнейшие деривационные процессы невозможны. Если же в структуре отсутствует аппликативная проекция, то синтаксическая структура может претерпевать дальнейшие деривации. Для иллюстрации обобщения Майера обратимся к пассивным причастиям в английском языке [2]:

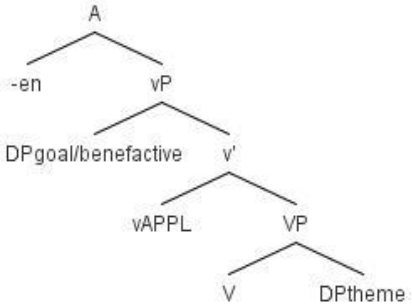
(26) *children-baked cookies, *boss-given flowers
дети-испечённые печенья, босс-отданные цветы
(27) *cookie-baked children, *flower-given boss
печенье-испечённые дети, цветок-отданный босс

Как мы видим из примеров (26)-(27), инкорпорация прямого или непрямого дополнений невозможна при данных глаголах с двумя дополнениями в английском языке. Как утверждается в [2], причина неграмматичности в (26) и (27) различна. Инкорпорация непрямого дополнения (26) невозможна, потому что глагол и непрямое дополнение не образуют составляющую, в которую не входило бы прямое дополнение[1];

[1] Заметим, что высота присоединения аппликативной проекции в данном случае не играет роли: если аппликатив низкий, то непрямое

инкорпорация прямого дополнения и экстрапозиция непрямого аргумента (27) невозможны, потому что они нарушают обобщение Майера: структура, содержащая нулевой аппликатив, не может подвергаться дальнейшим деривациям (рис. 5, (28)).

рис. 5 (адаптировано из [2])



(28) *[[[√give $_V$] 0 $_V$] en $_A$]

Обобщение Майера также позволяет объяснить [9; 16; 6] невозможность такой номинализации конструкции с двумя дополнениями в английском языке, при которой бывшее непрямое дополнение выражается с помощью of-фразы или посессивной именной группы:

(29) *the gift of Mary (of) a statue
ART подарок OF[1] Мэри (OF) ART статуи
Ожидаемое прочтение: ‘подарок Мэри статуи’

(30) *the sale of us (of) a defective
ART продажа OF нам (OF) ART неисправной
car
машины
Ожидаемое прочтение: 'продажа нам неисправной машины’

дополнение и глагол все равно не будут образовывать непосредственную составляющую.

[1] OF — предлог «of» в английском языке.

(31) *Mary's gift of the letter by her
Мэри.GEN подарок OF ART письмо BY[1] её
teacher
учителем
Ожидаемое прочтение: 'подарок Мэри письма её учителем'

(32) *our sale of a defective car by this
наша продажа OF ART неисправной машины BY этим
salesman
продавцом
Ожидаемое прочтение: 'продажа нам неисправной машины этим продавцом'

В предложениях (29)-(32) мы видим, как присоединение нулевой аппликативной вершины к V препятствует дальнейшей деривации: номинализовать такую структуру уже не представляется возможным.

Несмотря на свою привлекательность, вышеописанный подход к выявлению нулевой аппликативной вершины имеет один серьёзный недостаток: он разрабатывался на материале языков, не имеющих в своём инвентаре ненулевых аппликативных показателей. Соответственно, не было возможности посмотреть на третий, критический случай: выраженная аппликативная вершина. Основываясь на материале грузинского языка, мы считаем, что ограничение на недопустимость дальнейших деривaций должно быть переформулировано следующим образом: присоединение любой (как выраженной, так и невыраженной) аппликативной вершины препятствует дальнейшим деривационным процессам.

4.1. Инкорпорация

Инкорпорация при причастиях не является продуктивным процессом грузинского языка, но в некоторых случаях возможна. Примеры (33)-(36) показывают, что при переходных аппликативных глаголах невозможно инкорпорировать непрямое дополнение вне зависимости от наличия аппликативного показателя; можно инкорпорировать прямое дополнение, но только при отсутствии аппликативного показателя на причастии:

(33) man **me** dzil ga-**m-i**-t'ex-a[2]
3SG.ERG **1SG-DAT** сон.NOM PVB-**1SG-APPL**-ломать-PST.3SG
'Он не дал мне выспаться (досл. «сон сломал»)'

[1] BY — предлог «by» в английском языке или соответствующий ему предлог/послелог в других языках.

[2] Воспринимается как архаичное, устаревшее.

(34) dzil-ga-t'exili k'aci
сон-PVB-ломать.PART.NOM человек.NOM
'человек, которому не дали выспаться'

(35) *dzil-ga-**u**-t'exili k'aci
сон-PVB-**3APPL**-ломать.PART.NOM человек.NOM
Ожидаемое прочтение: 'человек, которому не дали выспаться'

(36) *kac'-ga-**(u)**-t'exili dzili
человек-PVB-**(APPL)**-ломать.PART.NOM сон.NOM
Ожидаемое прочтение: 'человеку нарушенный («сломанный») сон'

Невозможность инкорпорации непрямого дополнения ожидаема, так как дативный аргумент обладаем структурным приоритетом над прямым дополнением, а значит, глагол и непрямое дополнение не образуют составляющую, в которую бы не входило прямое дополнение. Контраст между (34) и (35), с нашей точки зрения, свидетельствует о том, что присоединение аппликативной проекции блокирует дальнейшие деривационные процессы: в грамматичном (34), в отличие от (35), аппликативной вершины не содержится.

Как видно из (37)-(40), инкорпорация при причастиях от битранзитивных глаголов ведёт себя схожим образом:

(37) man k'ac-s imedi mi-**s**-c-a
3SG.ERG человек-DAT надежда.NOM PVB-**3SG**-дать-PST.3SG
'Он дал человеку надежду'

(38) imed-mi-cemuli k'aci
помощь-PVB-дать.PART.NOM человек.NOM
'получивший помощь человек'

(39) *imed-mi-**s**-cemuli k'aci
помощь-PVB-**3SG**-дать.PART.NOM человек.NOM
'Ожидаемое прочтение: «получивший помощь человек»'

(40) *k'ac-mi-**(s)**-cemuli imedi
человек-PVB-**(3SG)**-дать.PART-ACT помощь.NOM
Ожидаемое прочтение: 'отданная человеку надежда'

Отличие битранзитивных глаголов в том, что выраженного показателя аппликатива при данных глаголах не бывает, поэтому увидеть можно только неграмматичность примеров с выраженным согласовательным показателем. Мы считаем, что (38) грамматично, потому что в структуре

причастия не имеется аппликативной проекции[1], а (39) неграмматично, потому что была предпринята попытка сделать причастие из аппликатива. Иными словами, битранзитивные предикаты имеют нулевую аппликативную вершину в своей структуре[2].

4.2. Номинализация

Номинализация в грузинском языке также не может содержать в своей структуре показатели аппликатива (41)-(45):

(41) *__bič'-s__ k'ar-is ga-__u__-ɣ-eb-a
__мальчик-DAT__ дверь-GEN PVB-__APPL__-открывать-TS-NMLZ.NOM
* k'ar-is __bič'-s__ ga-__u__-ɣ-eb-a
дверь-GEN __мальчик-DAT__ PVB-__APPL__-открывать-TS-NMLZ.NOM
Ожидаемое прочтение: 'открывание мальчику двери'

(42) bič'-is ga-ɣ-eb-a
мальчик-GEN PVB-открывать-TS-NMLZ.NOM
'*открывание мальчику, ?? «открывание» мальчика'

(43) **(bič'-is-tvis)** k'ar-is
(мальчик-GEN-для) дверь-GEN
ga-ɣ-eb-a
PVB-открывать-TS-NMLZ.NOM
'открывание двери (для мальчика)'

(44) *__mezobel-s__ saxl-is a-__u__-šen-eb-a
__сосед-DAT__ дом-GEN PVB-__APPL__-строить-TS-NMLZ.NOM
*saxl-is __mezobel-s__ a-__u__-šen-eb-a
дом-GEN __сосед-DAT__ PVB-__APPL__-строить-TS-NMLZ.NOM
Ожидаемое прочтение: 'строительство дома соседу'

(45) **(mezobl-is-tvis)** saxl-is a-šen-eb-a
(сосед-GEN-для) дом-GEN PVB-строить-TS-NMLZ.NOM
'строительство дома для соседа'

Неграмматичность примеров с номинализацией от переходных глаголов, имеющих дативный аргумент (41)-(42), (44), связана с тем, что наличие аппликативной проекции в структуре блокирует дальнейшие

[1] Заметим, что это не означает, что аппликативной проекции нет в структуре соответствующего финитного глагола.

[2] Это предлагаемое нами объяснение неграмматичности (39); могут быть и другие, например: согласование происходит в большей по объёму структуре, чем представлена в причастии.

деривационные процессы. С битранзитивными глаголами также невозможно сохранить дативный аргумент в номинализациях:

(46) ***me** c'ign-is mo-**m**-c-em-a
1SG.DAT книга-GEN PVB-**1SG**-дать-TS-NMLZ.NOM
*c'ign-is **me** mo-**m**-c-em-a
книга-GEN **1SG.DAT** PVB-**1SG**-дать-TS-NMLZ.NOM
Ожидаемое прочтение: '«давание» мне книги'

(47) **čem-tvis** c'ign-is mo-c-em-a
1SG.POSS-для книга-GEN PVB-1SG-дать-TS-NMLZ.NOM
'«давание» мне книги'

(48) ***me** sačukar-is **m**-čukn-eb-a
1SG.DAT подарок-GEN **1SG**-дарить-TS-NMLZ.NOM
*sačukar-is **me** **m**-čukn-eb-a
подарок-GEN **1SG.DAT** **1SG**-дарить-TS-NMLZ.NOM
Ожидаемое прочтение: '«дарение» мне подарка'

(49) bič'-is čukn-eb-a
мальчик-GEN дарить-TS-NMLZ.NOM
OK/? «дарение» мальчика
'* «дарение» мальчику'

(50) sačukar-is čukn-eb-a
подарок-GEN дарить-TS-NMLZ.NOM
'«дарение» подарка'

Мы считаем, что неграмматичность предложений в (46), (48)-(49) при битранзитивных глаголах имеет ту же самую причину, что и невозможность выражения дативной именной группы при номинализациях от переходных глаголов: наличие в структуре данных предикатов аппликативной проекции. В случае с битранзитивными глаголами аппликативная вершина является нулевой, но она точно так же блокирует возможность дальнейших деривaций[1].

1 Номинализации подвергается структура, не меньшая, чем VP. Это следует из того, что сохраняются глагольные аргументные альтернации (i-iv), а также из того, что номинализация может сочетаться с наречиями образа действия (v-vi) и агентивными наречиями (vii-viii).

i. šota-m pap-a tepš-ze ga-titxn-a
Шота-ERG каша-NOM тарелка.DAT-на PVB-размазать.PST-3SG
'Шота размазал кашу по тарелке'

4.3. Невозможность аппликативизации битранзитивных глаголов

Битранзитивные глаголы в грузинском языке не могут подвергаться аппликативной деривации: в их структуру невозможно добавить ещё один дативный аргумент, выразив на глаголе аппликативный показатель (51)-(54):

---

ii. šota-m tepš-i pap-it ga-titxn-a
Шота-ERG тарелка-NOM каша-INSTR PVB-размазать.PST-3SG
‘Шота намазал тарелку кашей’

iii. (šota-s mier) pap-is gatitxn-a
(Шота-GEN BY) каша-GEN размазать.NMLZ-NOM
tepš-ze
тарелка.DAT-на
‘размазывание каши по тарелке (Шотой)’

iv. (šota-s mier) tepš-is gatitxna
(Шота-GEN BY тарелка-GEN размазать.NMLZ-NOM
pap-it
каша-INSTR
‘размазывание тарелки кашей (Шотой)’

v. c’ign-is sc’rap-ad k’itxv-a
книга-GEN быстро-ADV читать.NMLZ-NOM
‘быстрое чтение книги’

vi. kalak-is srul-ad da-ngrev-a
город-GEN полностью-ADV разрушить.NMLZ-NOM
‘разрушение города полностью’

vii. sakm-is ganzraxul-ad ga-čianuleb-a
дело-GEN намеренно-ADV затягивать.NMLZ-NOM
‘намеренное затягивание дела’

viii. čik-is gangeb gada-bruneb-a
стакан-GEN нарочно PVB-опрокинуть.NMLZ-NOM
‘нарочное опрокидывание стакана’

Поэтому если в битранзитивных глаголах отсутствует аппликативная проекция (или даже присутствует низкая аппликативная проекция), то невозможность сохранить дативный аргумент при их номинализации остаётся без объяснения.

(51) deda-m bavšv-eb-s velosip'edi a-čuk-a
мама-ERG ребенок-PL-DAT велосипед.NOM pv-дарить-PST.3SG
'Мама подарила детям велосипед'

(52) *važišvil-ma **mama-s** **deda-s** qvavil-eb-i
сын-ERG **папа-DAT** **мама-DAT** цветок-PL-NOM
u-čuk-a
3APPL-дарить-PST.3SG
Ожидаемое прочтение: 'Сын подарил за/для отца маме цветы'

(53) deda-m mama-s c'erili mi-s-c'er-a
мама-ERG папа-DAT письмо.NOM PVB-3SG-писать-PST.3SG
'Мама написала папе письмо (папа = реципиент)'

(54) *deda-m **bič'-s** **mama-s** c'erili
мама-ERG **мальчик-DAT** **папа-DAT** письмо.NOM
mi-**u**-c'er-a[1]
PVB-**3APPl**-писать-PST.3SG
Ожидаемое прочтение: 'Мама написала для мальчика папе письмо'

Если битранзитивные глаголы не содержат аппликативной проекции в своей структуре, то невозможность их дальнейшей аппликативизации остаётся без объяснения. Если же они, как мы считаем, содержат в своей структуре нулевую аппликативную вершину, то неграмматичность примеров (52) и (54) можно объяснить: после присоединения первой (нулевой) аппликативной проекции дальнейшие деривации (в том числе, аппликативизация) невозможны.

Таким образом, наше обобщение о невозможности аппликативных структур подвергаться дальнейшим деривационным процессам позволяет обобщить запреты на инкорпорацию, номинализацию и аппликативизацию в конструкциях с косвенными дативными аргументами, а также позволяет сделать вывод, что в структуре битранзитивов содержится

[1] При этом от этого же корня можно образовать другой глагол — переходный, допускающий аппликативную деривацию с выраженным показателем:

ix. deda-m **mama-s** c'erili da-**u**-c'er-a
мама-ERG **папа-DAT** письмо.NOM PVB-**3APPl**-писать-PST.3SG
'Мама написала папе письмо (папа — бенефактив, «для папы», «вместо папы»)'

нулевая аппликативная проекция. В следующем разделе мы увидим ещё одно, независимое от нашего обобщения, подтверждение того, что битранзитивы имеют такую же синтаксическую структуру, что и аппликативы от переходных глаголов.

4.4. Эллипсис

В грузинском языке возможен такой вид эллипсиса[1], при котором эллидируются дативное и прямое дополнения, а глагол остаётся:

(55) šota-m da-s satamašo mi-s-c-a,
Шота-ERG сестра-DAT игрушка.NOM PVB-3SG-дать-PST.3SG
givi-m k'i - mo-p'ar-a
Гиви-ACT однако PVB-красть-PST.3SG
'Шота отдал сестре игрушку, а Гиви — украл ~~у сестры игрушку~~'

(56) šota-m da-s namcxvari **u**-qid-a,
Шота-ERG сестра-DAT пирожное.NOM **3APPL**-купить-PST.3SG
givi-m k'i - gamo-**u**-cx-o
Гиви-ACT однако PVB-**3APPL**-печь-PST.3SG
'Шота купил сестре пирожное, а Гиви — испёк ~~сестре пирожное~~'

В примере (55) оба глагола являются битранзитивами, в (56) — аппликативами от переходных глаголов. Однако данный вид эллипсиса возможен также в том случае, когда один из глаголов является битранзитивным, а другой — переходным:

(57) šota-m da-s c'erili mi-s-c-a,
Шота-ERG сестра-DAT письмо.NOM PVB-3SG-дать-PST.3SG
deda-m k'i - c'a-**u**-k'itx-a
мать-ERG однако PVB-**3APPl**-читать-PST.3SG
'Шота отдал сестре письмо, а мама — прочитала ~~маме письмо~~'

(58) lia-m deda-s c'erili mi-s-cer-a,
Лия-ERG мама-DAT письмо.NOM PVB-3SG-писать-PST.3SG
šota –m k'i - da-**u**-c'er-a
Шота-ERG однако PVB-**3APPL**-писать-PST.3SG
'Лия написала маме письмо, а Шота — написал ~~для мамы письмо~~'

[1] Вероятно, разновидность гэппинга (gapping).

(59) deda-m gogona-s c'igni **u**-qid-a,
мать-ERG девочка-DAT книга.NOM **3APPL**-купить-PST.3SG
givi-m k'i - mi-s-c-a
Гиви-ERG однако PVB-3SG-дать-PST.3SG
'Мама купила девочке книгу, а Гиви — отдал ~~девочке книгу~~'

(60) šota-m deda-s c'erili
Шота-ERG мать-DAT письмо.NOM
da-**u**-cer-a, lia-m k'i -
PVB-**3APPL**-писать-PST.3SG Лия-ERG однако
mi-s-c'er-a
PVB-3SG-писать-PST.3SG
'Шота написал для мамы письмо, а Лия — написала ~~маме письмо~~'

Если мы принимаем предположение о том, что эллипсис требует полной идентичности структур, то данные в (57)-(60) свидетельствуют о том, что битранзитивные предикаты имеют точно такую же структуру, как и аппликативы от переходных глаголов, т.е. содержат аппликативную функциональную проекцию.

5. «Высокий» тип аппликативной проекции

В предыдущем разделе мы установили, что у битранзитивных глаголов такая же синтаксическая структура, как и у аппликативов от переходных глаголов — они содержат функциональную аппликативную проекцию. В этом разделе мы постараемся показать, что эта проекция — высокая.

5.1. Идиоматические выражения

Первым тестом на «высоту» присоединения аппликативной проекции является совместимость аппликативов с идиоматическими выражениями, состоящими из глагола и прямого дополнения (группы лексического глагола — VP). В данной работе мы примем вариант теории идиом, описанной в работе Б. Брюнинга [6], которая, в свою очередь, основывается на работе В. О'Грэди [15]:

Принцип идиоматической интерпретации (The Principle of Idiomatic Interpretation):

X и Y могут интерпретироваться идиоматично только в том случае, если X присоединяет Y.

Ограничение на идиоматическую интерпретацию (Constraint on Idiomatic Interpretation)

Если X присоединяет лексическую категорию Y, и X и Y интерпретируются идиоматически, все присоединенные аргументы Y-ка должны интерпретироваться как часть идиомы, которая включает X и Y.

Лексические категории: *V, N*[1]*, A, Adv*

В грузинском, как и во многих других языках, в конструкциях с дативным аргументом встречаются идиомы вида «глагол + прямое дополнение» (61)-(64), но не встречаются идиомы вида «глагол + непрямое дополнение»:

(61) man **me** guli mo-**m**-c-a
3SG.ERG **1SG.DAT** сердце.NOM PVB-**1SG**-давать-PST.3SG
‘Он меня приободрил, вселил в меня уверенность (дословно «Он мнесердце дал»)’

(62) man **me** zurgi mo-**m**-c-a
3SG.ERG **1SG.DAT** спина.NOM PVB-**1SG**-давать-PST.3SG
‘Он меня поддержал (дословно «Он дал мне спину»)’

(63) man **me** ena ga-**m-i**-t’ex-a
3SG.ERG **1SG.DAT** язык.NOM PVB-**1SG-APPL**-ломать-PST.3SG
‘Он выучил для меня язык (дословно «Он сломал мне язык»)’

(64) man sc’avl-is dros
3SG.ERG учить.NMLZ-GEN во время
me ena mo-**m-i**-t’ex-a
1SG.DAT язык.NOM PVB-**1SG-APPL**-ломать-PST.3SG
‘Он сделал так, что мне во время учебы сложно было (дословно «Он сломал мне во время учёбы язык»)’

Мы видим, что как битранзитивные глаголы (61)-(62), так и аппликативы от переходных глаголов (63)-(64) в грузинском языке могут образовывать идиоматическое выражение с прямым дополнением. Если бы в рассматриваемых конструкциях аппликативная вершина была «низкой» (устанавливала отношение «перехода обладания» между прямым и непрямым дополнениями), то такие конструкции нарушали бы принцип идиоматической интерпретации: чтобы глагол мог образовывать с именной группой идиому, он должен непосредственно её присоединять, чего не происходит в «низких» аппликативах (глагол присоединяет аппликативную проекцию). Так как предложения (61)-(64) грамматичны и имеют идиоматическую интерпретацию (принцип идиоматической интерпретации не нарушен), то мы можем сделать вывод, что в обеих

[1] Б. Брюнинг [6] не придерживается DP-гипотезы; в данном случае для нас различие между DP и NP нерелевантно.

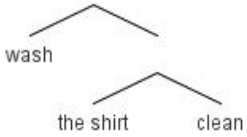
конструкциях с дативными аргументами присутствует «высокая» аппликативная проекция[1].

5.2. Вторичная предикация

Вторым тестом на «высоту» присоединения аппликативной проекции является совместимость аппликативов с результативной вторичной предикацией. Согласно Л. Пюлькккянен [17], совместимость вторичной предикации, модифицирующей прямое дополнение, с наличием у глагола косвенного дативного аргумента возможна только в том случае, если аппликатив «высокий». При этом Л. Пюлькккянен предполагает анализ вторичной предикации как малой клаузы: сначала именная группа соединяется со вторичным предикатом, а только потом с глаголом (рис. 6). Так, в английском языке, имеющем «низкие» аппликативы [17], в аппликативных конструкциях прямое дополнение не может модифицироваться вторичной предикацией (65)-(67):

(65) John washed the shirt clean
Джон вымыл ART рубашку дочиста
Джон вымыл рубашку дочиста

рис. 6: вторичная предикация как малая клауза [17]



(66) John washed him the shirt
Джон вымыл ему ART рубашку
‘Джон вымыл ему рубашку’

(67) *John washed him the shir clean
Джон вымыл ему ART рубашку дочиста
Ожидаемое прочтение: ‘Джон вымыл ему рубашку дочиста’

[1] Высокую ровно в том смысле, что она присоединяется выше группы лексического глагола, если он представлен в синтаксисе одной вершиной (VP), и присоединяется как минимум выше первой проекции лексического глагола (v_{BE}P / resP), если лексический глагол представлен несколькими проекциями.

Л. Пюлькянен считает, что причиной неграмматичности (67) является тот факт, что составляющая, соединяющая в (67) именную группу «shirt» и вторичный предикат «clean», имеет семантический тип, отличный от типа именной группы «shirt», поэтому «низкая» аппликативная вершина не может взять её своим комплементом. Посмотрим на сочетаемость вторичной предикации с битранзитивными глаголами (68)-(69) и аппликативами от переходных глаголов (70)-(71):

(68) man me vašli mukbenčili
3SG.ERG 1SG.DAT яблоко.NOM откушенный.NOM
mo-m-c-a
PVB-1SG-дать-PST.3SG
'Он дал мне яблоко откушенным'

(69) man me čanta gaxsnili
3SG.ERG 1SG.DAT сумка.NOM растёгнутый.NOM
mo-m-p'ar-a
PVB-1SG-красть-PST.3SG
'Он украл у меня сумку расстёгнутой'

(70) man me namcxvari damc'vari
3SG.ERG 1SG.DAT пирог.NOM подгорелый.NOM
gamo-m-i-cx-o
PVB-1SG-APPL-печь-PST.3SG
'Он испек мне пирог подгорелым'

(71) man me c'erili dalukul
3SG.ERG 1SG.DAT письмо.NOM запечатанный.NOM
ga-m-i-gzavn-a
PVB-1SG-APPL-отправить-PST.3SG
'Он отправил мне письмо запечатанным'

Как мы видим, в грузинском языке и в битранзитивах, и в аппликативах от переходных глаголов прямое дополнение может модифицироваться вторичной предикацией. Это означает, что в рассматриваемых структурах не может присутствовать низкой аппликативной вершины, которая брала бы прямое дополнение своим комплементом: прямое дополнение «прячется» в малую клаузу вторичной предикации:

(72) ([λx.откушенный((x)](яблоко) → откушенный(яблоко))

Таким образом, данный тест подтверждает, что в структуре с косвенным дативным дополнением при обоих классах глаголов представлена высокая аппликативная проекция.

6. Выводы

В данной работе мы сравнили две конструкции с дативными дополнениями в грузинском языке: конструкции с битранзитивными глаголами (*дать, подарить, украсть*), которые не могут иметь аппликативных показателей, и конструкции с переходными глаголами (*сломать, открыть, прочитать*), которые обязаны иметь аппликативный показатель для ввода дативного участника в аргументную структуру. Опираясь на данные связывания и эффекты превосходства, мы показали, что в обеих конструкциях дативный аргумент с-командует прямым дополнением, а значит, обе конструкции совместимы с анализом, в котором дативный участник вводится в структуру с помощью функциональной аппликативной проекции. Далее мы представили аргументы (свидетельства инкорпорации, номинализации, аппликативизации и эллипсиса) в пользу того, что битранзитивные глаголы и аппликативы от переходных глаголов представляют собой единую синтаксическую конструкцию. Причем в этой синтаксической структуре присутствует аппликативная проекция, которая вводит дативного участника в аргументную структуру. В ходе нашей аргументации мы также сформулировали обобщение, согласно которому структуры, содержащие в себе аппликативную проекцию, не могут подвергаться дальнейшим деривационным процессам. Наконец, совместимость рассматриваемых аппликативных структур с идиоматическими глагольными группами (VP) и с модификацией прямого дополнения вторичной предикацией позволила нам сделать вывод, что в конструкциях от обоих типов глаголов присутствует аппликативная вершина «высокого» типа: она берет своим комплементом как минимум группу лексического глагола. В заключении добавим, что наш анализ предсказывает идентичность семантической интерпретации дативных аргументов при двух типах глаголов: если битранзитивы и аппликативы от переходных глаголов имеют одинаковую синтаксическую структуру, мы ожидаем и одинаковую семантическую интерпретацию. Если в последующих исследованиях будут показаны различия в семантике данных конструкций, несводимые к различиям в лексических значениях глаголов, это будет значимой проблемой для предложенного нами анализа.

Библиографический список

1. Anagnostopoulou, E. 1999. On Clitics, Feature Movement and Double Object Alternations. In the Proceedings of NELS 29. Papers from the Poster Sessions.
2. Anagnostopoulou, E. 2001. Two classes of double object verbs: the role of zero morphology. In van Oostendorp, Marc & Elena Anagnostopoulou. Progress in Grammar. Articles at the 20th Anniversary of the Comparison of Grammatical

Models Group in Tilburg. Roquade, Amsterdam/Utrecht/Delft. Meertens Institute Electronic Publications in Linguistics (MIEPiL).
3. Anagnostopoulou, E. 2003. *The Syntax of Ditransitives. Evidence from Clitics.* Berlin / New York: Mouton de Gruyter.
4. Amiridze, N. 2006. Reflexivization Strategies in Georgian. Utrecht: LOT International dissertation series.
5. Baker, M. 1997. Thematic Roles and Syntactic Structure. In L. Haegeman (ed.) *Elements of Grammar.* Kluwer, Dordrecht, 73-137.
6. Bruening, B. 2010. Ditransitive Asymmetries and a Theory of Idiom Formation. *Linguistic Inquiry* 41: 519-562.
7. Cuervo, M.C. 2003. Datives at large. Ph.D. dissertation, MIT.
8. Harris, A. 1984. Interrogativity. *A colloquium on the grammar, typology and pragmatics of questions in seven diverse languages.* John Benjamins Publishing Company, Amsterdam / Philadelphia.
9. Kayne, R. 1984. Unambiguous paths. In *Connectedness and binary branching*, 129-163. Dordrecht: Foris.
10. Larson, R. 1988. On the Double Object Construction. *Linguistic Inquiry* 19.3: 335-392.
11. Lomashvili, L. 2010. The morphosyntax of complex predicates in South Caucasian Languages. Ph.D. Dissertation, University of Arizona.
12. Marantz, A. 1993. Implications of asymmetries in double object constructions. In *Theoretical aspects of Bantu grammar, Sam Mchombo (ed.)*, 113-150. Stanford CA: CSLI.
13. McGinnis, M. 1998. Locality in A-Movement. Ph.D. Dissertation, MIT.
14. Myers, S. 1984. Zero-derivation and inflection. *MIT Working Papers in Linguistics* 7: *Papers from the January 1984 MIT Workshop in Morphology.* Cambridge MA: MIT.
15. O'Grady, W. 1998. "The syntax of idioms", *Natural Language and Linguistic Theory* 16: 279-312.
16. Pesetsky, D. 1995. Zero syntax. Experiencers and casacades. Cambridge MA: The MIT Press.
17. Pylkkänen, L. 2008. Introducing Arguments. Cambridge, MA: MIT Press.
18. Ramchand, G. 2006. Verb Meaning and the Lexicon: A First phase syntax. Ms., University of Tromsø, 2006.
19. Schäfer, F. 2008. The Syntax of (Anti-)Causatives. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

А.А. Герасимова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ ИНФИНИТИВНОГО ОБОРОТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая работа посвящена условиям установления зависимости между сентенциальным отрицанием и отрицательными местоимениями через границу инфинитивного оборота. Подобное взаимодействие в теоретической лингвистике принято рассматривать как лицензирование отрицательных местоимений сентенциальным отрицанием.

Цель исследования — выявить зависимость связанных с отрицанием синтаксических характеристик актантных инфинитивных оборотов от типа матричного предиката. Мы собираемся показать, что лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота коррелирует с таким синтаксическим параметром, как категориальный статус инфинитивного оборота, который, в свою очередь, предположительно связан с семантическим классом матричного предиката.

1. Отрицательные местоимения

Отрицательные местоимения в русском языке допустимы только в контекстах эксплицитного отрицания. При этом они разрешены в предложениях с сопредикатным отрицанием, но не всегда допустимы при отрицании в подчиняющей пропозиции [3]. Так, отрицательные местоимения могут лицензироваться (1)-(2), но могут быть и запрещены (3)-(4):

(1) Он, видите ли, не хотел никого обременять своим горем.
[А. Волос. Недвижимость (2000)]
(2) Я не пытаюсь ничего истолковывать в его пути.
[А. Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)]
(3) ???Он не сказал ничего смотреть по телевизору.
(4) ???Ему не нравится никого приучать к порядку.

Обратим внимание, что приведенные примеры различаются только предикатами главной клаузы, т.е. матричными предикатами. В [5: 180] матричные предикаты определяются как предикаты, в модель управления которых входят сентенциальные актанты. Как и предикатные слова с термовыми аргументами, матричные предикаты могут накладывать ограничения на способы выражения своей ситуационной валентности. В

частности, матричные предикаты бывают избирательны в отношении синтаксической категории своего зависимого.

Например, в английском языке предикаты подъема и предикаты контроля требуют инфинитивных оборотов различной синтаксической структуры. Так, инфинитивный оборот при предикатах подъема имеет размер TP (5), а при предикатах контроля — размер CP (6).

(5) He_i [$_{VP}$ seems [$_{TP}$ t_i [$_{T'}$ to sing]]]
(6) He [$_{VP}$ wants [$_{CP}$ [$_{TP}$ PRO [$_{T'}$ to sing]]]].

Отличие в категориальном статусе инфинитивного оборота имеет существенные последствия для многих синтаксических процессов: возможности падежного маркирования подлежащего инфинитивного оборота, его подъема в главную клаузу, его выражения рефлексивным местоимением и т.д. В работах С. Вурмбранд [12; 13] показано, что инфинитивные конструкции могут соответствовать и меньшим по размеру синтаксическим объектам, вплоть до группы лексического глагола.

2. Категориальный статус инфинитивного оборота

Учитывая неопределенность условий, при которых отрицательные местоимения лицензируются в инфинитивном обороте, предположим, что в русском языке матричные предикаты также могут накладывать ограничения на синтаксическую категорию зависимого. Иными словами, мы предполагаем, что инфинитивные обороты в русском языке различаются количеством функциональной структуры. Более того, синтаксическая категория инфинитивного оборота, выбираемая матричным предикатом, не является идиосинкратическим свойством этого предиката, но может быть предсказана на основании его семантики. Исходя из подобных предположений, мы выдвигаем гипотезу о том, что категориальный статус инфинитивного оборота связан с семантическим типом матричного предиката.

Для проверки гипотезы нам необходимо установить размер инфинитивного оборота при различных матричных предикатах. По этой причине мы будем рассматривать только матричные предикаты, допускающие актантный инфинитивный оборот.

В их число в русском языке входят модальные предикаты (*мочь, должен*), дезидеративные предикаты (*хотеть, надеяться, желать*), аспектуальные глаголы (*начинать, переставать*), импликативные (*пытаться, удаваться*), манипулятивные (*предлагать, заставлять*), экспериенциальные (*нравиться, рад*), предикаты (косвенного) вопроса (*знать, спрашивать*). Предикаты речи, которые также допускают инфинитивный актант,

разделим на две группы. В первую попадут предикаты субъектного контроля, такие как *обещать, клясться.* Во вторую группу отнесем предикаты объектного контроля, такие как *говорить/сказать*, которые, присоединяя инфинитивный оборот, сходны по смыслу с манипулятивными предикатами. Будем рассматривать морфосинтаксические характеристики этих двух типов матричных предикатов отдельно.

Также добавим в список рассматриваемых конструкций аналитическое будущее время. Очевидно, что *быть* и *стать* являются вспомогательными глаголами в аналитической конструкции будущего времени, а не матричными предикатами, имеющими семантическую валентность на ситуацию. Этот случай мы будем использовать для сравнения и верификации используемых диагностик. В данной работе мы рассмотрим две диагностики функциональной структуры инфинитивного оборота, связанные с отрицанием: допустимость проекции клаузального отрицания и проницаемость границы инфинитивного оборота для лицензирования отрицательных местоимений.

2.1. Отрицание вложенного предиката

Оценим количество функциональной структуры в инфинитивном обороте с помощью одного из маркеров финитности, а именно отрицания. Согласно работам Т. Гивона [10], финитность есть градуальное свойство предикации. Редуцированный характер зависимой клаузы проявляется в утрате ею признаков финитности и в приобретении именных грамматических категорий в соответствии с установленными шкалами. К финитным признакам относятся в том числе маркеры ТАМ (*tense-aspect-modality* — время, вид, модальность) и отрицание. Попробуем оценить категориальный статус инфинитивного оборота, установив, возможна ли в его составе проекция отрицания NegP.

Для оценки приемлемости клаузального отрицания в инфинитивном актанте различных матричных предикатов мы провели исследование, в цели которого входило выяснить, какая позиция отрицательной частицы *не* является предпочтительной для носителей русского языка: перед матричным предикатом или перед вложенным предикатом. Мы исходим из предположения о том, что в дереве составляющих отрицание имеет собственную проекцию, которая располагается выше проекции глагольной группы и ниже проекции клаузы. Поэтому недоступность проекции отрицания в инфинитивном обороте является одним из признаков редукции его синтаксической структуры, а предпочтение отрицания в зависимой клаузе, наоборот, может свидетельствовать о большей близости к прототипической финитной клаузе. Нами был проведен лингвистический

эксперимент, в котором участвовало 215 респондентов. Для двух наиболее частотных глаголов каждого типа было составлено два стимульных предложения (данные по частотности из [2]). В эксперименте испытуемым предлагалось выбрать, в какой позиции должно стоять отрицание, чтобы предложение звучало наиболее естественно.

Так, например, выбор производился между предложениями (7а-б), (8а-б).

(7) а. Я не хотел болеть во взрослом возрасте.
б. Я хотел не болеть во взрослом возрасте.
(8) а. Экскурсовод не предлагает ходить в такие кафе.
б. Экскурсовод предлагает не ходить в такие кафе.

По результатам опроса можем заключить следующее. Обе позиции отрицательной частицы являются в равной мере допустимыми для модальных, дезидеративных, аспектуальных, экспериенциальных предикатов и предикатов речи типа *обещать*. Для манипулятивных предикатов и предикатов речи типа *говорить* предпочтение отдается отрицанию вложенного предиката. Наконец, при предикатах импликативных, косвенного вопроса и в конструкции аналитического будущего времени предпочтение отдавалось отрицанию перед матричным предикатом.

Таблица 1. Допустимость отрицания предикатов главной и зависимой клауз. [1]

	Тип матричного предиката	Предпочтение отдается отрицанию перед матричным предикатом, % случаев	Предпочтение отдается отрицанию перед вложенным предикатом, % случаев
I.	Модальные	50	50
	Дезидеративные	49,7675	50,2325
	Аспектуальные	50	50
	Экспериенциальные	49,07	50,93
	Предикаты речи типа *обещать*	44,19	55,81

[1] В таблице 1 приведены процентные соотношения, поскольку для разных семантических типов матричных предикатов было опрошено различное количество носителей. В каждом случае была проведена проверка статистической значимости различий. Строки тех групп предикатов, для которых различие статистически значимо, отмечены серым цветом.

II.	Манипулятивные	9,535	90,465
	Предикаты речи типа *говорить*	32,09	67,91
III.	Импликативные	72,9075	27,0925
	Предикаты косвенного вопроса	80,115	19,885
	Аналитическая конструкция будущего времени	63,955	36,045

2.2. Ограничения на лицензирование отрицательных местоимений

Вторым направлением исследований функциональной структуры инфинитивного оборота при разных типах матричных предикатов послужили локальные ограничения, связанные с лицензированием отрицательных местоимений. Как известно, категориальные узлы выше глагольной группы могут представлять собой барьеры для установления зависимостей локального характера. Для проведения второй диагностики проанализируем ограничения на лицензирование отрицательных местоимений в русском языке. Наше предположение состоит в том, что можно оценить размер инфинитивного оборота, установив, есть ли в его составе проекции, блокирующие лицензирование отрицательных местоимений.

Для исследования таких ограничений был проведен эксперимент с участием носителей русского языка. Мы просили оценить грамматичность предложений с инфинитивными актантами с отрицательными местоимениями — дополнениями инфинитива в разных структурных позициях. Позиции были выбраны следующие. Во-первых, для оценки была выбрана позиция дополнения после вложенного предиката, которая является базовой, (9). Во-вторых, оценивалась допустимость отрицательных местоимений в позиции в начале инфинитивной клаузы, (10). Эта позиция является естественной для любых местоимений в коммуникативно нейтральных предложениях. В эту позицию отрицательные местоимения предположительно передвигаются из базовой, поскольку клитизуются. Наконец, оценивалась позиция перед матричным предикатом, куда отрицательное местоимение может подниматься, как в предложении (11):

(9) Мужу Наташи не нравится мучить вопросами никого.
(Позиция 3)

(10) Этот офицер не предлагал им никого предавать.
(Позиция 2)

(11) Редактор газеты пока ничего не обещал публиковать.
(Позиция 1)

Очевидно, что распределение отрицательных местоимений по второй и третьей позициям, то есть в инфинитивном обороте, не имеет отношения к собственно лицензированию отрицательных местоимений. Оно отражает позиционное распределение местоимений и полных именных групп. Так, коммуникативно нейтральными являются предложения (12а), (13а), с местоимением перед вложенным предикатом и (12б), (13б), в которых ИГ находится в конце инфинитивного оборота.

(12) а. На этих лекциях Вася не надеется ничего приобрести.
б. На этих лекциях Вася не надеется приобрести никаких знаний.

(13) а. Мы не можем теперь никому звонить по телефону, только снимаем трубку, когда нам звонят.
[Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)] [омонимия снята]
б. Без консультации с ним в Москве не начинали рыть ни одного котлована.
[Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)].

Если же мы вернем местоимение в третью позицию и переместим именную группу во вторую позицию, полученные предложения перестанут быть коммуникативно нейтральными, они будут акцентно выделенными (14а-б), (15а-б):

(14) а. На этих лекциях Вася не надеется приобрести ничего.
б. На этих лекциях Вася не надеется никаких знаний приобрести.

(15) а. В отличие от внуков я не могу ни одной клавиши коснуться.
[Мстислав Ростропович: «Это особое ощущение, когда ни к кому не принадлежишь» (2001)]
б. Сейчас он не хотел видеть никого.
[Василь Быков. Бедные люди (1998)]

Таким образом, чтобы установить количество функциональной структуры инфинитивного оборота, достаточно проверить оценку грамматичности отрицательных местоимений в позициях 1 и 2 или, другими словами, грамматичность отрицательных местоимений в главном и зависимом предложениях.

По результатам эксперимента можем выделить группы матричных предикатов, имеющих сходное распределение оценок грамматичности. При модальных, дезидеративных, импликативных, предикатах речи типа

обещать, предикатах будущего времени отрицательные местоимения допустимы как в главной, так и в зависимой клаузах. При аспектуальных, манипулятивных и предикатах речи типа *говорить* отрицательные местоимения допустимы только в зависимом. Наконец, в предложениях с экспериенциальными предикатами и предикатами косвенного вопроса отрицательные местоимения не лицензирутся совсем.

Таблица 2. Количество респондентов, оценивших грамматичность предложений с отрицательными местоимениями в различных позициях

	Позиция	**1**					**2**				
	Оценка	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**
I.	Модальные предикаты	3	9	20	13	21	13	15	28	47	97
	Дезидеративные	7	8	12	19	54	12	15	18	31	76
	Импликативные	3	1	3	18	75	4	2	12	23	111
	Предикаты речи типа *обещать*	9	11	18	28	34	15	14	10	14	23
	Аналитическая конструкция будущего времени	2	1	3	11	59	1	5	7	33	155
II.	Аспектуальные	19	13	15	11	18	49	20	21	32	79
	Манипулятивные	19	14	19	12	12	12	23	26	41	98
	Предикаты речи типа *говорить*						19	11	10	16	20
III.	Экспериенциальные	32	20	19	15	14	55	27	24	28	18
	Предикаты косвенного вопроса	48	11	8	5	4	169	21	6	3	1

3. Анализ результатов

По результатам двух диагностик оказалось возможным выделить три группы матричных предикатов. Первая группа объединяет модальные, дезидеративные, импликативные, аспектуальные, предикаты речи типа *обещать*, предикаты будущего времени. При них отрицание возможно и перед матричным предикатом, и перед вложенным, и отрицательные местоимения лицензируются в любой позиции.

Вторую группу формируют манипулятивные предикаты и предикаты речи типа *говорить*. При них предпочтение отдается отрицанию вложенного

предиката, а отрицательные местоимения лицензируются только в инфинитивной клаузе.

Наконец, в третью группу входят экспериенциальные и предикаты косвенного вопроса. При них отрицательные местоимения в инфинитивном актанте не лицензируются.

Таким образом, мы получили данные, свидетельствующие в пользу нашей гипотезы: семантический тип матричного предиката коррелирует с синтаксической структурой инфинитивного актанта. Это подтверждено проведенными диагностиками.

Следующий вопрос состоит в том, на каком основании семантические классы матричных предикатов объединяются в группы. Можно предположить, что таким основанием является тип контроля нулевого подлежащего инфинитивного оборота: матричные предикаты различаются тем, какой актант контролирует нулевое подлежащее нефинитной клаузы. Легко видеть, что первой группе соответствует субъектный тип контроля, второй — объектный, третьей — произвольный.

3.1. Параметр равно/разносубъектности

Исходя из наших наблюдений, мы предположили, что категориальный статус актантного инфинитивного оборота коррелирует не просто с семантическим типом матричного предиката, а с параметром равно/разносубъектности либо отсутствием обязательного контроля.

Подобная идея уже была высказана в статье Л. Бэбби [7]. Автор приходит к выводу, что инфинитивные актанты предикатов субъектного контроля имеют категориальный статус глагольной группы, то есть инфинитивная глагольная группа оказывается вложена в финитную в рамках одной клаузы:

(16) Он$_i$ [$_{VPi}$ любит [$_{VPi}$ ездить туда]].

В то же время инфинитивные комплементы при других типах матричных предикатов имеют иной, более высокий в терминах грамматики составляющих, категориальный статус:

(17) Она [$_{VP}$ попросила его [$_{S}$ PRO$_i$ [$_{VPi}$ не ездить туда ночью]]].

Наше уточнение гипотезы Л. Бэбби состоит в следующем: мы не только предполагаем, что при предикатах субъектного контроля инфинитивный оборот соответствует глагольной группе, но также высказываем предположение, что при предикатах объектного контроля инфинитивный оборот имеет размер TP, а при предикатах произвольного контроля — CP.

Таким образом, при субъектном контроле все предложение представляет собой монопредикативную конструкцию, что соответствует традиционному представлению о составном глагольном сказуемом [1; 4]. Подобное представление близко понятию реструктурирующих инфинитивов С. Вурмбранд [12; 13], когда матричный глагол вместе с вложенным инфинитивом переосмысливаются как сложный предикат, а само предложение рассматривается как моноклаузальная структура.

(18) Петя [$_{VP}$ пытается [$_{VP}$ прочитать статью]].

В соответствии с высказанной гипотезой легко объяснить результаты второй диагностики. У предикатов субъектного контроля нет ограничений на лицензирование отрицательных местоимений, поскольку отрицательные местоимения свободно перемещаются во все позиции в рамках одной клаузы.

При объектном контроле инфинитивный оборот имеет размер TP (19). Предположим, что проекция TP не является барьером для лицензирования отрицательных местоимений, но не допускает их передвижения из зависимой клаузы в главную. Подобное ограничение касается не только отрицательных местоимений. Так, например, неграмматично предложение (20).

(19) Родители [$_{VP}$ заставили Петю [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ пойти в школу]]].
(20) *Родители ей$_i$ заставили Петю [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ сделать подарок t_i]].

Здесь наши предположения расходятся с гипотезой Л. Бэбби: он считает, что при предикатах объектного контроля инфинитивный оборот представляет собой CP, вследствие чего вертикальное связывание субъектной валентности вложенного предиката невозможно, и она заполняется PRO, что мы можем видеть по дательному падежу плавающих определителей (21а). Интересно, однако, что в случае объектного контроля некоторые носители русского языка допускают и согласованную с контролером форму плавающих определителей (21б). Этот факт может расцениваться как свидетельство проницаемости границы инфинитивной клаузы в такой конструкции для падежного взаимодействия, что позволяет провести аналогию между ними и ECM-конструкциями, имеющими статус TP ([8: 85-87]).

(21) а. Маша просила Петю$_i$ [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ не ходить туда одному$_i$]].
б. Маша просила Петю$_i$ [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ не ходить туда одного$_i$]].

При произвольном контроле проекция CP инфинитивного оборота блокирует лицензирование отрицательных местоимений. Поэтому в таких предложениях отрицательные местоимения невозможны.

(22) Петя [$_{VP}$ знает, [$_{CP}$ где [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ спрятаться]]]].

3.2. Объяснение ограничений на отрицание вложенного предиката

В соответствии с выдвинутой гипотезой объясним действие первой диагностики, в которой мы исследовали, какая позиция частицы *не* является предпочтительной.

При предикатах объектного и произвольного контроля в инфинитивном обороте имеется проекция отрицания, как один из признаков финитности для клауз размера TP и CP. Именно это мы и увидели в результате опроса. Например, это оказалось верным для предложений (23) и (24):

(23) Лауреат премии предлагает [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ не проводить этот опасный эксперимент]].

(24) Начальник рад [$_{CP}$ [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ не мешать продвижению сотрудника в компании]]].

При статусе инфинитивного актанта, соответствующем VP, отрицание может с равной вероятностью находиться в каждой из позиций. Так, отрицание матричного предиката (25) допустимо так же, как и отрицание вложенного предиката (26):

(25) Герой книги не хочет [$_{VP}$ бояться за своих близких]].

(26) Герой книги хочет [$_{VP}$ не бояться за своих близких]].

Третий вариант, когда предпочтение отдается отрицанию перед матричным предикатом, отражает реальную структуру только аналитического будущего времени, где *быть, стать* являются вспомогательными глаголами, (27). В остальных случаях подобное предпочтение отдается ввиду семантических и прагматических причин.

(27) Петя не [$_{vP}$ стал [$_{VP}$ доверять своему товарищу после случившегося]].

3.3. Категориальный статус CP

Напомним, что, согласно нашей гипотезе, предикаты произвольного контроля присоединяют инфинитивный актант категории CP. Возникает вопрос, чем это обусловлено.

Напомним, что к предикатам произвольного контроля мы относим предикаты косвенного вопроса, а также экспериенциальные предикаты. Однако на первый взгляд, неочевидно, что последние имеют только произвольный контроль. С одной стороны, экспериенциальным предикатам может приводиться в соответствие комбинация субъектного и произвольного контроля; с другой стороны — только произвольный контроль: согласно [11], если дативное подлежащее при предикатах внутреннего состояния (как *приятно*, *скучно*) опущено, в качестве экспериенцера будет выступать референт, выводимый из контекста, или обобщенный референт.

Обратимся к примерам. Произвольный контроль мы видим в предложениях (28) и (29). Здесь PRO или не обозначает никакого конкретного референта, или обозначает референта, обусловленного ситуацией. С другой стороны, субъектный контроль мы видим в предложениях (30), (31).

(28) После перелета приятно [$_{CP}$ [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ глотнуть свежего воздуха]]].
[«Туризм и образование», 2001]

(29) Жаль [$_{CP}$ [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ возвращаться в город]]].
[А. Варламов. Купавна, 2000]

(30) Ему нравилось [$_{CP}$ [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ чувствовать себя сверхчеловеком]]].
[В. Токарева. Своя правда, 2002]

(31) Всегда я рад [$_{CP}$ [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ заметить разность между Онегиным и мной]]].

Альтернативная точка зрения, однако, высказывается в работе Ф. Г. Шушурина [6]: автор считает, что субъектный контроль в таких конфигурациях должен быть переосмыслен как произвольный контроль с контекстно-обусловленным референтом.

Отметим, что произвольный контроль характерен для сентенциальных адъюнктов и клауз, стоящих в позиции номинативного стимула. Именно эти два варианта мы наблюдаем в случае экспериенциальных предикатов. При экспериенциальных предикатах типа *рад* инфинитивный оборот является сентенциальным адъюнктом. Для сентенциального сирконстанта статус CP не удивителен. Статус CP инфинитивных оборотов, стоящих в позиции номинативного стимула, то есть при предикатах типа *нравиться*, проявляется в наличии таких примеров, как (32) и (33).

(32) Ему нравилось, что все смеются.
[А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)]

(33) Его жене нравится, как гаснет свет в салоне машины.
[А. Колесников. Бублики Мондео (2002)]

Что касается предикатов косвенного вопроса, у них позиция [Spec, CP] также необходима для т.н. союзного слова.

4. Правила лицензирования отрицательных местоимений

Наконец, последний вопрос, который мы обсудим в рамках данной статьи — каков механизм лицензирования отрицательных местоимений в инфинитивном обороте в предложенном нами анализе.

Согласно идее А. Яннакиду [9], механизм лицензирования отрицательных местоимений имеет природу согласования. Предполагается, что отрицательные местоимения имеют антиверидикативные признаки, благодаря которым они согласуются с категориальными признаками сентенциального отрицания.

Заметим, однако, что локальность в лицензировании отрицательных местоимений имеет весьма своеобразную природу: отрицательные местоимения лицензируются не далее чем на расстояние одной группы TP. Они невозможны в других, более глубоких, TP. Так, неграмматично предложение (35), в отличие от предложения (34). В (34) для осуществления лицензирования отрицательного местоимения нужно преодолеть только одну границу TP. В предложении (35), напротив, для установления зависимости между сентенциальным отрицанием и отрицательным местоимением, необходимо преодолеть две границы TP, что оказывается невозможным.

(34) [$_{TP}$ Он не [$_{VP}$ убедил меня [$_{TP}$ PRO[$_{VP}$ никого вынуждать [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ читать этот рассказ]]]]]].

(35) *[$_{TP}$ Он не [$_{VP}$ убедил меня [$_{TP}$ PRO[$_{VP}$ вынуждать вас [$_{TP}$ PRO [$_{VP}$ ничего говорить]]]]]].

Если предположить, что сентенциальное отрицание превращает вершину T зависимой клаузы в носитель антиверидикативных признаков, которые и создают в клаузе антиверидикативный контекст, то тогда признаки отрицательных местоимений должны были бы согласовываться с признаками вершины T. Чтобы учесть максимальное расстояние для лицензирования отрицательных местоимений, необходимо устанавливать ограничения на «сферу влияния» оператора отрицания: он должен приписывать антиверидикативные признаки только вершине клаузы, в

которой он находится, а также вершине актантной клаузы, если такая имеется. Отсутствие такого уточнения сродни утверждению о том, что отрицание может передавать антиверидикативные признаки любым вершинам Т вне зависимости от того, насколько глубоко они расположены. Если бы гипотеза о последовательном согласовании признаков вершин Т в неуточненной формулировке была верна, в примере (35) антиверидикативный контекст последовательно распространился бы и на самую глубокую проекцию ТР, и тогда в ней было бы возможно употребить отрицательное местоимение. Установка ограничений на оператор отрицания приводит к довольно сложной формулировке правил лицензирования. Поэтому описанный подход не представляется разумным.

В этой связи мы делаем вывод, что связь устанавливается напрямую между отрицанием, расположенным в главной клаузе, и отрицательным местоимением в зависимой.

Мы увидели, что одна граница ТР преодолима для такого взаимодействия, две группы ТР — уже нет. В то же время лицензирование отрицательных местоимений преодолевает сколько угодно вложенных друг в друга групп VP при условии, что они идут в определенном порядке. Согласно С. Вурмбранд, в этом случае они образуют реструктурированную конструкцию. Например, в (36) модальный и аспектуальный предикаты расположены в стандартном порядке, соответствующем порядку следования функциональных проекций клаузы. Благодаря этому конструкция в (36) оказывается моноклаузальной, и отрицательные местоимения в составе самого глубоко вложенного инфинитивного оборота грамматичны. В (37) матричный предикат принадлежит к семантической группе дезидеративных предикатов. Согласно Вурмбранд [12], он должен находиться в более глубокой функциональной вершине, чем та, которой соответствует модальный предикат. Однако в рассматриваемом предложении закономерность нарушается, в результате чего предложение (37) становится неграмматичным. Наконец, при вложении инфинитивного оборота — СР связь между отрицанием и отрицательным местоимением не может быть установлена, (38).

(36) Он не может начать ничего покупать.
(37) *Он не хочет мочь ничего покупать.
(38) *Оля никогда не спрашивала, как делать ничего.

Подобное соотношение напоминает локальность в терминах ранних версий Теории управления и связывания, когда синтаксические правила, такие как, например, передвижение, ограничены тем, что они действуют

только в пределах одного ограничивающего узла или двух смежных ограничивающих узлов.

Если мы примем идею о том, что категория барьера (см. [8]) допускает межъязыковую параметризацию, то для русского языка можно указать следующее. Составляющая VP не является барьером. TP является блокирующей категорией, поскольку она доминирует над составляющей VP, и ей не приписывается тета-роль. Наконец, составляющая CP является наследственным барьером, поскольку непосредственно доминирует над блокирующей категорией.

Допустим, что в русском языке вершина TP тоже является барьером. Такое предположение справедливо, поскольку, например, в русском языке, в отличие от английского или исландского, нет подъема подлежащего в главную клаузу из инфинитивных оборотов структуры TP. Тогда правило лицензирования отрицательных местоимений ограничено тем, что может пересекать не больше одного барьера. И действительно, при статусе инфинитивного оборота VP барьеры отсутствуют и происходит лицензирование отрицательных местоимений. При статусе CP между отрицанием и отрицательным местоимением оказывается два барьера (TP и CP), поэтому отрицательные местоимения не лицензируются. Если же размер инфинитивного оборота TP, барьер только один: он пропускает лицензирование отрицательных местоимений, но не допускает их передвижения в главную клаузу.

Выражаю благодарность своему научному руководителю, Екатерине Анатольевне Лютиковой, за внимание и помощь на всех этапах выполнения работы.

Библиографический список

1. Грамматика русского языка. Т. I-II. М., 1960.
2. Ляшевская О. Н., Шаров С. А., Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009
3. Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидикативность. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Вып. 13 (20). Бекасово, 2014. М., Изд-во РГГУ, 2014, С. 489-505.
4. Русская грамматика. Под ред. Шведовой Н. Ю. Т. I-II. М., 1980.
5. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., РГГУ, 2001, С. 180.

6. Шушурин Ф. Г. Произвольный контроль в нефинитных клаузах (на материале русского и финского языков). Дипломная работа. М., МГУ, 2015.
7. Babby L. H. Subject control as direct predication: Evidence from Russian. Formal approaches to Slavic linguistics: The Connecticut meeting, 1998, P. 17-37.
8. Chomsky, N. Barriers. Cambridge, MA: The MIT Press, 1986.
9. Giannakidou, A. N-words and negative concord. In the Blackwell Companion to Syntax, edited by Martin Everaert et al. Volume III: chapter 45, 2006. P. 327-391.
10. Givón T. Syntax: a functional-typological introduction, vol. I-II. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 1990
11. Say S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives”. Current studies in Slavic linguistics. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2013. P: 225-246.
12. Wurmbrand, S. Infinitives. Ph.D. Dissertation, MIT, 1998.
13. Wurmbrand, S. Infinitives: Restructuring and clause structure. Mouton de Gruyter (Studies in Generative Grammar 55), 2003.

П.В. Гращенков

МГУ имени М.В. Ломоносова / ИВ РАН, Москва

«ТЕОРЕМА О ДВУХ» ИЛИ НЕМНОГО О ПРЕДЕЛАХ СИНТАКСИСА

1. Продуктивные модели образования сложных прилагательных

Рассмотрим некоторые продуктивные модели образования сложных прилагательных, см. также [1:754-780], упорядоченные по типу составляющей, образующей сложное слово. В примере (1) приводятся различные модели на основе именной группы, в (2) — на основе группы глагола, в (3) — на основе предложной группы:

(1) a. Adj+N
высокогорный, равнобедренный, легкоатлетический, южноафриканский, глубоководный, сахарносвекольный, высокоэнергетический…
b. Num+N
одноразовый, двухъярусный, дву(х)топливный, четырехколесный, …
первоклассный, второсортный, третьестепенный, …

(2) a. V+DO
водоотводный, кормозаготовительный, теневыносливый, …
звуковоспроизводящий, металлообрабатывающий, нефтеперекачивающий, …
b. V+IO
водонепроницаемый, пуленепробиваемый, электропитаемый, энергозависимый, …
электродвижущий, топливоснабжающий, книготоргующий, домовладеющий, …
c. V+PP
судоходный, мореходный, водоплав(атель)ный, центробежный, …
водоплавающий, воздухоплавающий, землеходящий, …

(3) P+N
приморский, построчный, заоблачный, настенный, придорожный, международный, послеобеденный, …

Вопрос, который будет интересовать нас далее, — образование сложных слов с применением более чем одной модели.

2. Границы продуктивности моделей

Ниже мы приводим примеры, в которых сочетается сразу несколько моделей, перечисленных в предыдущем пункте:

(4) a. Num+Adj+ N
*двухвысокоярусный,*трехравносторонний, *многоразнозначный
b. DO: Adj+N + V
*глубоководоотводный, *сахарносвеклозаготовительный
*цельнометаллообрабатывающий
c. IO: Num/Adj+ N + V
*высокоэнергозависимый, *дву(х)домовладеющий,
*дву(х)топлив(н)оснабжающий
d. P+ Num/Adj+ N
*забелооблачный, *прикрасноморский, *надвустенный
e. PP+ V/Adj
*замореходный, *отцентробежный, *насудоходный
vs. ok мореходный, ok центробежный, ok судоходный

В (4.a) осуществлена попытка сочетания в сложном слове числительного, прилагательного и имени. При том, что грамматичны как отдельные сложные слова *двухъярусный / высокоярусный, трехсторонний / равносторонний, многозначный / разнозначный*, так и именные группы *два высоких яруса, три равных стороны, много разных значений*, итоговое сложное слово оказывается неграмматичным.

Аналогично в (4.b) — при грамматичности отдельных сложных слов *глубоководный / водоотводный* и т.д. и синтаксических сочетаний глагола и распространенного прямого объекта *отводить глубокую воду* и т.д., предполагаемое трехчастное сложное слово оказывается неграмматичным.

В (4.c) имеем комбинацию прилагательного и имени, образующих именную группу, которая, в свою очередь, попадает в позицию косвенного объекта. При грамматичности отдельных сложных слов и синтаксических конструкций трехчленное сложное слово снова оказывается невозможным.

В (4.d) и (4.e) приведены образования с участием предложных групп. В (4.d) оказываются неграмматичными комбинации предлога, прилагательного или числительного и вершинного имени, ср. *белооблачный / заоблачный, за белым облаком*, но **забелооблачный.*

В (4.e) представлен достаточно интересный контраст между неграмматичными сочетаниями предлогов, существительных и управляющих ими глаголов (**замореходный, *отцентробежный, *насудоходный*) и вполне приемлемым сочетанием тех же элементов в том

же значении, где предлог, однако, опущен (*мореходный, центробежный, судоходный*).

В АГ-80 принят подход, в соответствии с которым и «опорный компонент», и «компонент, предшествующий опорному», (АГ-80: § 756), определяются как основы. Иначе говоря, сложные слова, по АГ-80, состоят из основ, а не словосочетаний. Как мы покажем несколько ниже, это на самом деле так, хотя и требует специального объяснения.

Действительно, представленный нами выше список продуктивных моделей, говорит о том, что образование сложных слов происходит по тем же законам, по которым образуются именные, глагольные и предложные группы. Более того, интерпретация сложных слов подчиняется тем же правилам, что и интерпретация соответствующих им синтаксических единиц.[1]

Так, например, в случаях типа *глубоководный, двухъярусный* отношения между второй и первой основой представляют собой семантическую пару модификатор — предикат, а в случаях типа *водоотводный, водонепроницаемый* аргумент — предикат. Правила композиции здесь в точности те же, что и в синтаксисе исходных составляющих: *глубоководный* означает, например, не ‘глубокий и наполненный водой’, а ‘тот, который встречается / используется / … в глубине воды’. Так же *водоотводный* соответсвует не значению ‘вода, которая отводит’, а ‘тот, который отводит воду’.

Итак: i) в основе сложных слов лежат синтаксические составляющие определенного типа; ii) комбинации более чем двух моделей образования сложных слов невозможны, иными словами — в каждое сложное слово не может входить более одной составляющей.

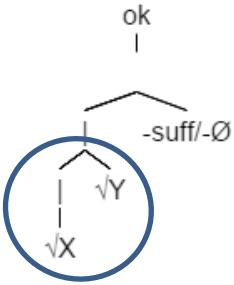
3. Ограничение на количество ветвлений

На основании приведенного выше обсуждения можно сформулировать следующее

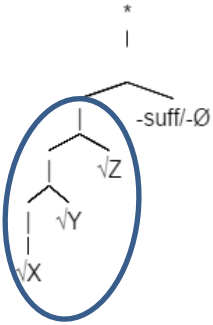
(5) Наблюдение об ограничении на количество ветвлений сложных слов.
Сложные слова могут образовываться только на уровне синтаксического вложения, равного одному:

[1] Это наблюдение подсказано Е.А. Лютиковой.

a. деривация с двумя основами приемлема:



b. *деривация с тремя основами:



Таким образом, наше предварительное обобщение состоит в том, что обнаруженный запрет на невозможность сочетания двух моделей образования сложных слов связан с невозможностью образования (более чем одной?) синтаксической составляющей.

4. Случаи потенциального нарушения ограничения на количество ветвлений

Разберем несколько случаев, в которых предположительно нарушается сделанное нами обобщение. Первое потенциальное исключение представлено случаями, когда между отдельными основами, входящими в сложное слово, можно усмотреть отношение сочинения:

(6) (интернет)
a. А может ли быть вкус сладко-солено-горько-кисло-пряный?
b. Целью исследований ставилось изучение малоцикловой выносливости деревожелезобетонных изгибаемых элементов в зоне совместного действия.

Однако в той формулировке, как он был представлен выше, запрет на количество ветвлений здесь не нарушается. Действительно, несмотря на то, что каждый из примеров выше содержит три или более основы, синтаксическая структура всей составляющей — «плоская», т.к. отдельные основы в ней сочинены и ни одна не является вершиной для другой. Требование иметь не более чем одно ветвление, таким образом, удовлетворяется:

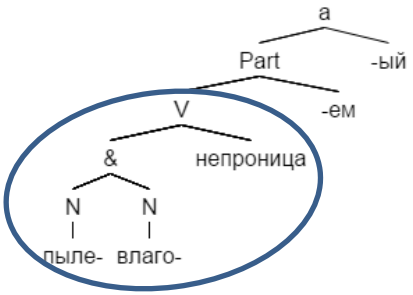
(7) [$_{a}$ [$_{\&}$ [сладко-][солено-][горько-][кисло-][прян-]] ый]

То же верно и для более сложных примеров:

(8) пылевлагонепроницаемый, водогрязеотталкивающий,…

В случаях типа *сладко-солено-горько-кисло-пряный* и *деревожелезобетонный* подчинительные отношения отсутствуют вовсе, т.е. все участники равноправны и ни один не являтся вершиной для другого. В случаях типа *пылевлагонепроницаемый, водогрязеотталкивающий* и т.д. имеется одно (и только одно) ветвление, вложенное под деривационным показателем. В таких конструкциях сочиненная группа зависит от общей вершины:

(9) [$_{a}$ [$_{Part}$ [$_{V}$ [$_{\&}$ [$_{N}$ пыле-][$_{N}$ влаго-]] непроница] -ем] -ый]



Таким образом, предписание иметь не более одного ветвления выполняется в данном случае.

Еще один тип исключений представлен сложными числительными в сочетании с именами:

(10) девяностотрехлетний, стодвадцатиграммовый, …

Как нам кажется, однако, сложные числительные составляют одно слово, т.е. все их компоненты в действительности представляют одну основу, а не несколько. Это можно показать следующим образом. Порядковые числительные образуются от сложных числительных безо всяких ограничений:

(11) девяностотретий, стодвадцатый, две тысячи пятнадцатый…

В то же время никакие другие основы, кроме основ числительных, не могут образовывать порядковые числительные; например, комбинации предлогов / модификаторов с числительными являются неграмматичными:

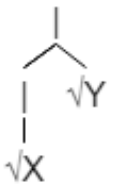
(12) **околодевяностый, *почтидвадцатый, *примернодесятый…*

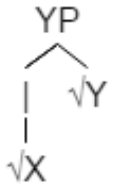
Порядковые числительные, которые могут образовываться как от числительных с одной основой, так и от числительных с двумя и более чем двумя основами, показывают нам, что комбинация нескольких основ числительных образуется в словаре и на самом деле представляет собой одну (а не несколько) основ, ср. также, *одиннадцать, двенадцать* и т.д. Случаи типа *девяностотрехлетний* и т.п., следовательно, также не являются исключением из сформулированного выше ограничения.

5. Ограничение на количество ветвлений сложных слов — анализ

Мы объясняем установленное выше ограничение тем, что объединенные на морфологическом уровне основы не могут формировать составляющие. В случае более чем одного ветвления образование составляющих неизбежно по следующим причинам. Когда мы имеем дело с двукомпонентной структурой «вершина-зависимое», два объединенных элемента еще не образуют категориально маркированную составляющую, т.е. результат их соединения в рамках сложного слова соответствует (13.a), а не (13.b):

(13) a. *[[√X] √Y]] b. [[$_{YP}$ [√X] √Y] √Z]



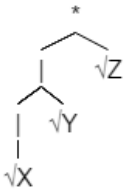


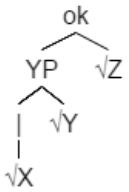
В случае трех иерархически упорядоченных элементов появляется еще одна вершина, которая должна «слиться» (Merge) с результатом соединения

двух основ. При таком соединении вершина всегда должна «знать», какого типа элемент она берет в свои зависимые.

В частности, в случае (13.a) основа категории Y соединяется с основой категории X. Таким образом, при последовательном слиянии трех элементов, каждый из которых является вершиной другого, третий элемент, т.е. самая «верхняя» из вершин, фактически «видит» экзоцентрическую структуру (13.a). Очевидно, подобные образования неграмматичны — лексема Z не может получить информацию о том, к какой именно категории принадлежит ее зависимое. Таким образом, в случае сочетания лексического словарного элемента (основы) и составного элемента (композиции двух основ) вершина обязательно должна присоединять эндоцентрическую структуру с проставленной фразовой категорией (13.b), в то время как акатегориальные экзоцентрические комбинации основ оказываются неграмматичными (14.a):

(14) a. *[[√X] √Y] √Z] b. [[$_{YP}$ [√X] √Y]]√Z]





Итак, комбинации из двух основ оказываются грамматичны, потому что они не соединяются с лексемами, в то время как комбинации из трех основ не могут не содержать в своем составе составляющих.

Последнее требование, т.е. необходимость содержать составляющие, вступает при этом в противоречие с тем, что вся конструкция целиком образуется в морфологии, т.е. не выходит за пределы слова.

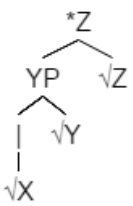
Все словоформы обладают статусом слова X_0, в то время как результат их объединения в составляющие имеет фразовую категорию XP. Различие категорий X_0 и XP обычно демонстрируется на примере местоимений: местоимения (XP) могут заменять лишь составляющие, но не слова:

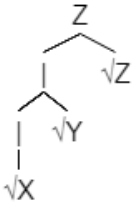
(15) a. Комнатные растения полезны для здоровья.
b. *Комнатные они полезны для здоровья.

Поскольку словоформы обладают категорией X_0 и являются элементарным строительным материалом для образования составляющих,

они не могут включать в свой состав сами составляющие, (16.a), а должны состоять только из единиц категории X_0, (16.b):

(16) a. *[$_Z$ [$_{YP}$ [√X] √Y] √Z]] b. [$_Z$ [[√X] √Y] √Z]]





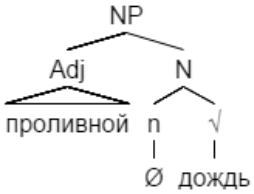
Структуры (14) и (16), таким образом, входят в противоречие. В соответствии с требованиями синтаксиса комбинации из более чем трех подчиненных основ должны маркироваться показателем составляющей. Это не удовлетворяет требованиям морфологии, оперирующей лишь с элементами уровня X_0.

6. Ограничение на количество ветвлений и лейблинг

Операция присваивания составляющей некоторой категории называется лейблинг (Labeling). В последние несколько лет вокруг лейблинга идут достаточно горячие дискуссии.

С одной стороны, лейблинг в синтаксисе выполняет функцию, аналогичную, например, функции деривационных показателей в Распределенной морфологии, см. [2] и приведенные там ссылки, и некоторых других морфологических теориях, см., например, [3], — присваивает ярлык акатегориальному элементу. Релевантность и важность этой процедуры для синтаксиса дискутируется столь же бурно, как и существование нулевых деривационных показателей и акатегориальных корней в Распределенной морфологии. Отметим, что если принимать точку зрения, в соответствии с которой корни всегда акатегориальны и получают частеречное маркирование от нулевых показателей [$_n$Ø], [$_v$Ø] и т.д., то эти же самые показатели оказываются в конечном итоге ответственны и за категориальное маркирование составляющих:

(17) $[_{NP}\ [_{Adj}$ проливной$]\ [_{n}\ [_{n}\ Ø\ ]\ [_{\surd}$ дождь$]\ ]\ ]$



Вершина $[_{n}Ø]$, превращающая акатегориальную основу $[_{\surd}$ *дождь*$]$ в имя, фактически создает маркер именной проекции, который впоследствии унаследуется всей именной группой.[1] Оставляя несколько в стороне дискуссию о реальности нулевых деривационных показателей $[_{n}Ø]$, $[_{v}Ø]$ и т.д., опишем вкратце теоретическую значимость лейблинга для синтаксиса.

Согласно работе Н. Хомского [4], с появлением и развитием X'-теории в генеративной грамматике появилось универсальное правило построения структуры составляющей, всегда апеллирующее к понятиям «вершина» и «зависимое» (последние представлены спецификаторами, комплементами, адъюнктами).

С появлением Минимализма [5], на место X'-теории пришла универсальная операция слияния (Merge). Как говорится в [4], с введением операции слияния основания для априорного выделения вершины проекции исчезли. Слияние просто объединяет любые два элемента, независимо от их типа. Как это ни парадоксально, Минимализм оказался лучше совместим с более ранними версиями порождающей парадигмы, где существовали правила фразовой структуры, которые не обязательно предполагали наследование типа составляющей от одной из ее частей, ср., например, правило S → NP VP.

Лейблинг, с точки зрения [4], таким образом, — не обязательная операция. Лейблинг, по Хомскому, возникает на уровне фразы, т.е. не в синтаксисе, а при озвучивании и интерпретации (части) синтаксической структуры. В соответствии с [4], лейблинг — условие на интерфейс, необходимое для корректной интерпретации, но не для разворачивания высказывания.

В некоторых случаях лейблинг обязателен, а в некоторых невозможен. Тривиальным случаем первого типа является, например, результат слияния некоторой вершины и составляющей {H,XP}, где источник присваиваемого

[1] Здесь мы абстрагируемся от внутренней структуры адъективной словоформы.

ярлыка — всегда вершина H. К числу типичных случаев второго типа относятся сочинительные конструкции, которые по природе своей не эндоцентричны.

Лейблингу также посвящена монография одного из ведущих современных американских синтаксистов Н. Хорнштайна [6]. В соответствии с представлениями Хорнштайна, лейблинг является базовой синтаксической операцией, специфической для языковой способности человека. Возникновение лейблинга, по Хорнштайну, привело к появлению языковой способности и выделению человека в отдельный биологический вид. Операция слияния, согласно Хорнштайну, доступна и предкам человека, высшим приматам, в то время как присваивание ярлыка некоторой полученной в результате слияния сложной единице (т.е. лейблинг) — механизм, свойственный лишь человеческому синтаксису.

7. Лейблинг и отношения между морфологией и синтаксисом

Итак, ограничение на количество ветвлений позволяет нам установить две закономерности:

(18) a. Лейблинг внутри словоформы невозможен.
b. В морфологии доступны только единицы уровня X_0, а не XP.

Такой подход подтверждается и примерами (6)-(9). Структуры с более чем тремя основами встречаются, но все они включают симметричные элементы и не эндоцентричны.

Морфология, таким образом, способна оперировать с элементами типа X_0, причем правила их комбинации, как мы показали выше, регулярны и в целом напоминают таковые в синтаксисе. На основании этого можно предположить, что морфология является подмножеством синтаксиса, в котором не определена операция лейблинга. Из-за отсутствия лейблинга морфология может оперировать только с вершинами, т.е. единицами категории X_0.

Синтаксис, как известно, тоже оперирует с единицами типа X_0, что выражается в так называемом передвижении вершин (Head movement). Примером последнего являются, в частности, передвижение смыслового глагола в вершину T (V to T) (19), или вспомогательного глагола в вершину C (T to C) (20):

(19) французский
Jean embrasse souvent t_V Marie.
Жан часто целует Мэри.
(20) английский
Did John t_{did} kiss Mary?

Причина доступности только X_0 может также быть совершенно синтаксической. Если мы допустим, что i) в сложных словах всегда присутствует деривационная морфология; ii) деривационные морфемы в русском языке не могут оформлять составляющих, — ограничение на количество ветвлений (=невозможность лейблинга) автоматически следует из сочетаемостных ограничений русских морфем. В этом отношении русский язык оказывается языком с «максимально ограниченной» морфологией и будет противопоставлен тем языкам, где морфологические показатели могут оформлять составляющие, ср., например, английский s'-генитив или тюркские фразовые показатели.

Первое утверждение представляется достаточно правдоподобным — подавляющее большинство русских сложных слов содержит ненулевую морфологию: *левобережный, южнославянский, бумагоделательный, теневыносливый, звукоизолирующий, электропитаемый, …* Второе ограничение также вполне естественно — синтаксические единицы обладают способностью к выбору типа элемента, с которым они сочетаются (ср. понятие валентности в отечественной лингвистике или c-selection, синтаксической селекции — в западной).

8. Заключение

Итак, материал русских сложных слов показывает, что морфология скорее является не отдельным языковым модулем, а подмодулем синтаксиса. Применение морфологии ограничено лишь типом элементов, операции над которыми производятся. Морфология является «узким синтаксисом», которому недоступен лейблинг и вследствие этого — элементы категории X_0.

Библиографический список

1. Шведова Н. Ю. (отв. ред.) 1980. Грамматика современного русского литературного языка. Т. I–II, М.: Наука.
2. Bobaljik, J. D. 2012. Universals in Comparative Morphology. Cambridge, Massachusetts: MIT press.
3. Borer, H. 2014. Taking Form. Structuring Sense, Volume III. Oxford: Oxford University Press.
4. Chomsky, N. 2013. "Problems of Projection". Lingua, 130. 33-49.
5. Chomsky, Noam. 2000. Minimalist inquiries: The framework. In Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik, ed. by Roger Martin, David Michaels, and Juan Uriagereka, 89-155. Cambridge, Mass.: MIT Press.
6. Hornstein, N. 2009. A Theory of Syntax: Minimal Operations and UG. Cambridge: CUP.

М.С. Зарифян

НИУ ВШЭ, Москва

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ ДЕЙКТИЧЕСКИХ НАРЕЧИЙ *ТУТ* И *ТАМ*

1. Введение

Сложность описания дейктических выражений состоит в том, что, в отличие от остальных языковых единиц, их значение зависит от контекста, и вне контекста их сравнительно трудно истолковать. Как отмечено в [2: 274], «дейктическая лексика эгоцентрична», иными словами, ориентиром является фигура говорящего. Дейксис принято разделять на первичный и вторичный, а также на пространственный и временной. Так как в данной работе далее речь пойдет преимущественно о пространственных и временных значениях дейктических наречий, остановимся на последних двух видах дейксиса подробней.

Пространственный дейксис указывает на местонахождение объекта в большинстве случаев относительно говорящего, однако в [2: 277] замечено, что, помимо фигуры говорящего, «для пространственного дейксиса существенна ещё одна фигура — наблюдатель». Автор объясняет это свойство на примере английского глагола *come 'приходить'* и утверждает, что

> «высказывание *John will come home at five* 'Джон придет домой в пять' может быть сделано человеком, который сам не собирается быть дома у Джона. Процесс перемещения Джона к дому может быть ориентирован относительно другого наблюдателя, которого говорящий мыслит дома у Джона и которому он эмпатизирует» [2: 277-278].

Временной дейксис указывает на расположение события на временной оси относительно момента речи, а именно, указывает на то, что определенное событие или ситуация совпадает с моментом речи, предшествует ему или следует за ним.

Во многих работах выдвинуты идеи о том, что есть некая связь между временным и пространственным дейксисом. Например, в работе [2] на примере дейктических наречий *тут*, *здесь* и *сейчас* замечено, что очень часто пространственные дейктические единицы способны передавать идею времени.

Так как в данной работе далее речь пойдет о русских дейктических наречиях, отметим, что дейктическая система русского языка, как и системы многих других языков, состоит из двух граммем — «ближнего (проксимального) и дальнего (экстремального) дейксиса» [2: 275]. На первый взгляд, кажется, что подобные дейктические пары являются случаем практически полной антонимии, однако данное утверждение является сильным упрощением того, что есть на самом деле. Таким образом, цель настоящей работы — описать полисемию русских дейктических наречий *тут* и *там* и определить, в каких случаях они являются антонимами, а в каких их значения несимметричны. Проводя данное исследование, мы отчасти опираемся на выводы вышеупомянутой работы [1], а именно по аналогии с описанием наречий *тут* и *здесь* выделяем у наречия *там* три блока значений: пространственные, временные, и ситуативные, и сравниваем контексты употребления данного наречия с контекстами, в которых встречается наречие *тут.*

2. Пространственные значения *тут* и *там*

2.1. Дейктичность

На первый взгляд, прототипическим значением наречий *тут* и *там,* кажется пространственное, а именно, в большинстве случаев *тут* толкуется как «то же, что здесь» [6: 729], «в этом месте, здесь» [5], а *там* – как «в том месте, не здесь» [6: 754], и поначалу подразумевается, что если говорящий указывает на то пространство, в котором он сам находится или же мыслит себя, употребляя наречие *тут*, то было бы логичным предположить, что для указания на пространство, в котором говорящий не находится или не мыслит себя, необходимо употреблять наречие *там.* Однако данное правило работает не во всех случаях. Е. В. Падучева замечает, что наречие *там* «в нарративе меняет значение: утрачивает семантику отдаленности и употребляется как чистый анафор» [8]. Таким образом, в примерах (1) и (2) мы видим, что наречие *там* отсылает к раннее упоминавшемуся месту с целью избежать повтора слов, а не указывает на отдалённое пространство:

(1) Я долго бродил по лесу и вышел на поляну. Там возвышалась большая копна сена.
[http://www.razumniki.ru/diktant_4_klass_1_polugodie.html]

(2) Любит пеночка бегать около дороги. Там она ищет корм. [http://www.razumniki.ru/diktant_4_klass_1_polugodie.html]

Отсюда видно, что наречие *тут* в большей степени дейктично. При попытке подставить его в предыдущие предложения, получаются

контексты, которые предполагают наличие говорящего в момент речи в том месте, о котором идёт речь:

(1а) Я долго бродил по лесу и вышел на поляну. Тут возвышалась большая копна сена.
(2а) Любит пеночка бегать около дороги. Тут она ищет корм.

Кроме того, как замечено в работе В. Ю. Апресян, в наречии *тут* синкретично выражаются смыслы места и времени, а именно, в случае, когда говорящий упоминает два события, и эти события «помещаются в один «мысленный кадр», в один раунд наблюдения, синкретично выражая единство времени и места» [1: 531], например:

(3) В 1830 Алжир был захвачен французами, и тут во Франции разразилась революция. (пример из [1: 526])

Явление семантического синкретизма у наречия *тут* также упоминается в работе Е. Гришиной:

Наречие *тут* можно в первом приближении истолковать как ‘обстоятельства, характеризующие момент речи’, при этом ‘обстоятельства’ включают в себя, во-первых, место, во-вторых, время, а в-третьих, событие, на фоне которых имеет место речевой акт. Таким образом, *тут* не имеет точной и единственной характеристики (‘место’), а осциллирует между тремя аспектами обстоятельств речи в зависимости от контекста, при этом в разных контекстах в фокусе оказывается тот или иной аспект ‘обстоятельств’ — ‘место’, ‘время’ или ‘событие’ [3].

2.2. Указание на реальные и информационные пространства

Выше было сказано, что *там* в своем пространственном значении указывает на пространство, в котором говорящий в момент речи не находится, однако часто встречаются интересные контексты:

(4) Фунтик, включи скорей телевизор, там начался дивный фильм про собак!
[Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003)]
(5) И представьте, — открываю газету, читаю, и такая там напечатана клевета, такая ложь, так все плоско.
[В. В. Набоков. Защита Лужина (1929-1930)]
(6) И как ни включу радио — там звучит знаменитое «Либертанго» Астора Пьяццолы.
[Александр Журбин. Как это делалось в Америке. Автобиографические заметки (1999)]

Легко заметить, что в данных предложениях существительные, к которым отсылает наречие *там*, объединяет то, что все они являются источниками информации. И здесь поначалу возникает противоречие. С одной стороны, казалось бы, источник информации (книга, телевизор, радио и т. д.) находятся с говорящим в одном пространстве, и, более того, события, упоминаемые в данных контекстах, часто совпадают с моментом речи, ср. *Я сейчас листаю журнал, там много красивых картинок*, но при этом в подобных контекстах преимущественно употребляется наречие *там.* С чем это может быть связано? Можно предположить, что реальное пространство, в котором в момент речи находится сам говорящий, и информационное пространство не объединены в сознании говорящего в единое целое.

Стоит заметить, что при замене наречия *там* на наречие *тут* получаются также возможные контексты, однако с несколько иной интерпретацией:

(7а) Я сейчас смотрю телевизор, там показывают новости (там — по телевизору).
(7б) Я сейчас смотрю телевизор, тут показывают новости (тут — в этом месте в момент речи).
(8а) Я сейчас читаю «Войну и мир», там описывается природа (там — в источнике информации).
(8б) Я сейчас читаю «Войну и мир», тут описывается природа (тут — в конкретном месте текста).

Легко заметить, что в примере (7б) возможна временная интерпретация, в то время как в (8б) информационное пространство представляет собой текст, и, можно предположить, что употребление наречия *тут* в контекстах, подобных (8б) сопровождаются указательным жестом[1] на определенную часть текста. Таким образом, наречие *тут,* в отличие от *там*, в своём пространственном значении склонно указывать на реальные пространства, а не на информационные.

2.3 Сочетаемость с предикатами

Выбрав из корпуса RuTenTen 20 наиболее частотных предикатов, которые употребляются с наречиями *тут* и *там* и проанализировав контексты с помощью Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), сделав запрос на наречие *тут* или *там*, отделенное от глагола на расстоянии 1, мы можем сделать следующие выводы:

[1] Подробнее связь дейксиса с указательными жестами описана в [4].

В первых 20 глаголах, употребляемых с *тут*, наиболее часто встречаются глаголы начала действия: *начинаться*, *возникать*, *появляться*, которые употребляются в контекстах с временным или ситуативным значением, а также глагол *поделать*, который образует в сочетании с *тут* устойчивую синтаксическую фразему *что тут поделать* в ситуативном значении.

(9) И тут возникает удивительный по своей органической простоте и наивности вопрос: а зачем нам вообще национальная банковская система?
[Владимир Баранов. Либеральное будущее (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.10.26]

(10) И тут появляется третий покупатель, который и берет имущество за смешные деньги...
[Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Книга 2 (1999)]

(11) И тут начинается молчание в ответ и какое-то невнятное бормотание.
[Евгений Коваленко. Тунгусская загадка // «Пятое измерение», 2003]

С *там* вышеуказанные предикаты употребляются значительно реже и преимущественно в пространственном значении:

(12) Вскоре там появляются вазочка, занавесочка, букетик, потом — Серёжа, и заявляет: "Как у тебя тут уютненько!"
[Наталья Склярова. Если бы у медведя было ружье (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.02.07]

В первых 20 глаголах, употребляемых с *там,* наиболее часто встречаются предикаты местонахождения *бывать, лежать, находиться, стоять, бывать* а также глагол деятельности *работать,* которые употребляются с *там* только в пространственном значении и глагол ментального восприятия *увидеть,* который тоже употребляется в пространственном значении, а также образует устойчивую ситаксическую фразему *а там увидим.*

Таблица 1. Частота употребления *тут* и *там* со стативными предикатами местонахождения.

предикат	*там*	*тут*
лежать	472	172
стоять	1106	459
находиться	447	129

Теперь рассмотрим предикаты, которые оказались в первой двадцатке как у наречия *тут*, так и у наречия *там* и проанализируем, изменяется ли

семантика предиката в зависимости от того, с каким из двух наречий он употребляется.

Так, например, семантика глаголов речи *говорить* и *сказать* меняется в зависимости от того, в каком значении употребляется *тут* или *там*:

(13) Нельзя! И не о чём тут говорить! Всё, не еду!
[Сергей Довлатов. Иная жизнь (1984)] (ситуативное значение)

(14) Я тут говорил с твоим, как его, Михаилом Михайловичем.
[И. Грекова. Перелом (1987)] (временное значение)

(15а) Эй, ребята, кто тут говорит по-немецки, переведите!
(пространственное)

(15б) В Германии тебя не поймут, так как там говорят по-немецки.
(пространственное)

Как можно заметить, в примерах (13-14), глагол *говорить* можно истолковать как «вести разговор, беседовать», в то время как в примерах (15а-б) данный глагол означает «владеть языком, общаться на языке».

Предикат *сказать* в сочетании с *тут* употребляется в ситуативном значении исключительно в составе устойчивой синтаксической фраземы *что тут сказать,* при этом он может употребляться в с обоими наречиями в прстранственных контекстах и часто интерпретируется как *написано*:

(16) Вот тут <там> сказано<написано>, что в этом здании запрещено курить

Рассмотрим теперь предикаты возникновения – *появляться* и *оказаться*:

(17а) Я поспешно схватил цветные таблицы, и тут оказалось, что цвета с формулами…
[И. А. Ефремов. Озерогорных духов (1942-1943)]

(17б) Раздумывая об этом, весь во власти переживаний, я шел из кинотеатра по улице Ленина, когда неожиданно услышал над собой голос матери: «Как ты тут оказался?»
[Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011) // «Бельские Просторы»]

(17в) Сверток развернули. Там оказались старые,
драные-передраные кеды времен спортивной юности инженера.
[Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)]

(18а) Я стоял с матерью около прилавка — ей показывали страусовые перья в коробках, — и тут появился он.
[Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)]

(18б) С прибытием на остров голландских торговцев там появились неведомые ранее болезни.
[Татьяна Земцова. Загадки острова Пасхи. Дискуссия продолжается // «Наука и жизнь», 2009]

В данных примерах также можно заметить, что *тут* может употребляться с предикатами как в ситуативном, так и в пространственном значении, в то время как *там* — только в пространственном. Кроме того, видно, как в примерах (17а-б) меняется семантика глагола *оказаться*: если в (17а) данный глагол интерпретируется как «выясниться», то в (17б), как «очутиться».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что доминирующим значением для *там*, в отличие от *тут*, является пространственное. Данное свойство можно также заметить, анализируя предикаты, которые употребляются с одинаковой частотой как с *тут*, так и с *там*: семантика предиката меняется в зависимости от значения наречия, а именно в контекстах с *там* подобные предикаты в большинстве случаев принимают пространственное значение, в то время как с *тут* интерпретируются в ситуативном значении.

3. Временные значения *тут* и *там*

Помимо пространственных значений, оба наречия также могут реализоваться во временных значениях. Как отмечено в работе В. Ю. Апресян,

«у наречия *тут* можно выделить два основных временных значения, связанных с идеей близости:

1. Таксисное значение «в момент, близкий к другому моменту в прошлом»: *Он начал делать доклад и тут сломался проектор* (нарративный режим употребления).

2. Временное значение «в момент, близкий к моменту речи говорящего»: *Я тут сижу работаю; Я тут была в Лондоне; Я тут на конференцию еду* (диалоговый режим употребления)» [1: 522].

Попробуем подставить в подобные контексты наречие *там* и проверить, симметрично ли оно наречию *тут*, а именно есть ли у *там* значение «момент, далекий от момента речи говорящего». Однако при обычной подстановке получаются или невозможные высказывания, или же высказывания, которые можно интерпретировать совсем по-другому: *Я там сижу работаю* (локативное значение); *Я там была в Лондоне* (локативное, а именно: в неком месте, которое находится в Лондоне); *??Я там на конференцию еду.*

Предположим, что у наречия *там* есть значения, симметричные таксисному и временному значению *тут*, а именно «момент, далекий от другого момента в прошлом» и «момент, далекий от момента речи»

соответственно. При этом стоит заметить, что *там* во временном значении употребляется не самостоятельно, а в сочетании с союзом *а — а там,* подобно тому, как наречие *тут* в своём таксисном значении реализуется в сочетании с союзом и — *и тут* (подробнее об этом см. [2]). Однако в НКРЯ встречаются контексты, где *там* во временном значении реализуется самостоятельно:

(19) Надо пойти разбудить Славика, там видно будет.
[Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)]

Для того чтобы убедиться в том, что *а там* является самостоятельной единицей, проверим по НКРЯ всевозможные сочетания наречий *там* и *тут* с союзами *и* и *а*. (см. Таблица 2.)

Таблица 2. Сочетания наречий *тут* и *там* с союзами *и* и *а* во временном значении.

Наречие	Разделено глаголами изъявительного наклонения совершенного вида будущего времени (расстояние от 1 до 3)	Разделено глаголами изъявительного наклонения совершенного вида прошедшего времени (расстояние от 1 до 3)
и тут	87	2480
а тут	40	204
и там	4	0 (только пространственные)
а там	344	0 (только пространственные)
тут и	14	121
там и	2	0
а тут и	4	27
а там и	85	116
и тут и	0	0
а там а	0	0

Как видно из корпусных данных, наибольшее количество вхождений имеют конструкции *а там* и *и тут*, следовательно, можно утверждать, что во временном значении мы будем сравнивать не самостоятельные наречия, а устойчивые конструкции *и тут* и *а там.*

2.1. ‘*Тут*’ и ‘*там*’ как маркеры следования.

Как мы предположили выше, в одном из значений конструкция *а там* должна описывать момент, далёкий от момента речи. Однако, как показывают примеры из НКРЯ, конструкция *а там, по* аналогии с *и тут,* обозначает следование двух событий друг за другом, при этом чаще всего данные события относятся не к прошедшему, а к будущему времени (сочетание *а там,* разделенное глаголами изъявительного наклонения

совершенного вида будущего времени на расстоянии 1 в НКРЯ употребляется в 65 вхождениях, в то время как то же самое сочетание разделенное глаголами изъявительного наклонения совершенного вида прошедшего времени употребляется всего в 19 вхождениях). Кроме того, в отличие от конструкции *и тут*, для которой обязательным условием является **немедленное** следование событий друг за другом, для конструкции *а там* данное условие более размыто.

2.1.1. ‘*Там*’, ‘*потом*’ и ‘*затем*’

В словарях [6], [5] и (Ефремова 2000) *там* описывается как синоним *потом, затем, впоследствии:*

(21) …до будущей осени мы продержимся, а там <потом, затем> они возьмут Москву, война кончится, наступит мир….
[Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]

Однако, в отличие от слов *потом, затем, впоследствии,* которые предполагают более четкую последовательность действий и сравнительно определённый промежуток времени между событиями (пример 21а), конструкция *а там*, напротив, отдаляет события друг от друга и предполагает более неопределенный временной промежуток между ними:

(21а) Я очистил яблоки от кожуры, нарезал их, затем <потом> смешал с корицей.
(21б) ??Я очистил яблоки от кожуры, нарезал их, а там смешал с корицей.

Кроме того, *там* не предполагает самостоятельного употребления и помещения в фокус внимания:

(22а) Когда будешь делать уроки? — Потом.
(22б) Когда будешь делать уроки? — *Там.

2.2. Конструкции ‘*и тут*’, ‘*тут и*’ и ‘*а там*’, ‘*а там и*’

В работе [1], помимо конструкции *и тут,* которая может являться маркером поворота событий в контекстах вида *Он включил компьютер, и тут произошло короткое замыкание.* (пример из [1: 527]), рассмотрена также конструкция *тут и*, которая, напротив, «вводит уже известное адресату событие, которое упоминалось в предшествующем контексте». Заметно, что свойство маркера поворота событий совсем не характерно для единицы *а там (??Он включил компьютер, а там произошло короткое замыкание).* Следовательно, можно предположить, что наречие *там* или какая-либо конструкция, в виде которой оно реализуется, может указывать, напротив,

на логическую цепочку последовательных событий по аналогии с *тут и*. Проанализировав примеры из НКРЯ, мы видим, что такой конструкцией является *а там и*:

(23) Гости начали подтягивать, настроение поднялось, атмосфера напиталась живой энергией, а там и свет включился. [Александр Архангельский. Не устрицами едиными. Дочь Никиты Михалкова меняет профессию (2002) // «Известия», 2002.09.17]

(24) Сражение побурлило еще мгновение, потом дрогнуло, как бы загустевая, а там и вовсе застыло.
[Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)]

(25) — Подождем, пока он осядет, успокоится, а там и мы появимся: здрась те, мол, Геннадий Андреевич!
[Петр Галицкий. Цена Шагала (2000)]

(26) Поскоблишь, поскоблишь грязь, а там и заблестят эти кусочки-то, кусочки-то золота-человека.
[А.К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят — щепки летят (1871)]

Однако, в отличие от конструкции *тут и*, которая, как сказано в статье [1: 530], не просто вводит второе событие, а ещё и «противопоставляет время его наступления другим возможным моментам» (см. пример 27), для конструкции *а там* и данное свойство не работает:

(27) После обеденного перерыва, когда в опустевшей столовой, держа в руке большой кус свежего ржаного каравая, он хлебал алюминиевой ложкой суточные щи, положив в них твердой пшенной каши, когда он на минуту отдался этой простой пище тружеников, и ведь именно, когда отдался, — тут он и пропустил тот миг, когда в жизнь вступает судьба.
[Владимир Дудинцев, пример из [1: 530].

На первый взгляд, кажется, что конструкции *а там* и *а там и* являются синонимами, см. примеры:

(28) Дров напилим. А там <а там и> учительницу найдём.
[Борис Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996]

(29) — Вечор, как нам с лесованья ехать, отбель по небу пошла, а там и <а там> зори заиграли, лучи засветили, столбы задышали, багрецами налились и заходили по небу.
[П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871-1874)]

Однако есть контексты, в которых возможна конструкция *а там* и невозможна *а там и*:

(30) Ну, разумеется, сперва покраснела немножко, а там скрепилась и выслушала.
[Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)]

(31) Все смотрели на него сперва с удивлением, а там подняли такой жестокий хохот, что стены тряслись; и дядя Карп сказал: «Так это-то клад твой, староста?
[В. Т. Нарежный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)]

При более внимательном анализе можно заметить, что в данных предложениях конструкция *а там* не связывает события логически, а, напротив, противопоставляет первое событие второму и выражает контраст между первым и вторым событием.
Таким образом, можно сделать следующие выводы для единиц: *и тут* и *а там, тут и, а там и:*

Таблица 3. Сходства и различия конструкций *и тут* и *а там.*

и тут	*а там*
— связывают события — двухвалентны (связывают первое и второе события) — вводят второе событие — несут на себе акцентное выделение	
может выступать в роли маркера поворота событий	-
связь с прошлым	Связь как с прошлым, так и с будущим
Немедленное следование событий друг за другом, при этом события должны находиться «в одном раунде наблюдения» [1]	— временная граница между двумя событиями относительно размыта

Таблица 4. Сходства и различия конструкций *тут и* и *а там и.*

тут и	*а там и*
— маркеры ожидаемых событий	
Связь с прошлым	Связь как с прошлым, так и с будущим
противопоставляет время его наступления другим возможным моментам	-
События находятся в одном раунде наблюдения	— временная граница между двумя событиями относительно размыта

3. Ситуативные значения.

3.1. Выбор наречия в нейтральном контексте

Как отмечено в статье [1: 521], ситуативное значение является доминирующим у наречия *тут* и реализуется «преимущественно в модальных и волитивных» контекстах, где означает «‘в имеющей или имевшей место ситуации, о которой в данный момент идет речь’». В данном разделе мы попытаемся провести анализ ситуативных значений *тут* и сравнить их с ситуативными значениями *там*. В отличие от контекстов, в которых реализуется временное значение *там*, ситуативные употребления не так строго оформлены синтаксически. Иными словами, в НКРЯ в основном встречаются общие нейтральные высказывания, где возможно употребление как наречия *тут*, так и наречия *там*, и в зависимости от выбора того или иного наречия меняется актуальность ситуации в момент речи. Примеры таких контекстов указаны в предложениях (32а) и (32б):

(32а) Волейбол – это коллективный вид спорта, тут важен командный дух.
(32б) Волейбол – это коллективный вид спорта, там важен командный дух.

Как видно из примеров, выбор наречия зависит от того, насколько важна и актуальна для говорящего ситуация в момент речи. Таким образом, можно предположить следующие примерные контексты, в которых может быть употреблено каждое из двух вышеприведённых высказываний: предложение (32а) может быть произнесено, например, тренером по волейболу, объясняющим правила игры в волейбол во время занятия или во время матча своему воспитаннику, в то время как предложение (32б) может быть произнесено человеком, не имеющим никакого отношения к игре в волейбол, или же в ходе разговора, в котором «между делом» речь зашла о волейболе.

3.2. Связь актуальности ситуации с временем и пространством

Однако наша задача — найти и выделить такие контексты, где возможен выбор одного наречия и невозможен выбор другого, и определить, чем обусловлен выбор того или иного наречия. В первую очередь, можно заметить, что часто актуальность той или иной ситуации зависит от того, насколько близко по времени к моменту речи и насколько близко территориально имела место данная ситуация. Сравним странность предложения (33а) и естественность предложения (33б):

(33а) ??С твоим другом в Австралии 5 лет назад случилась беда. Чего ты ему тогда не помог? — А чем тут помочь можно было?
(33б) С твоим другом в Австралии 5 лет назад случилась беда. Чего ты ему тогда не помог? — А чем там помочь можно было?

При этом также вполне приемлемыми кажутся контексты с *там*, где ситуация совпадает с моментом речи, однако пространства, где имеет место ситуация и где находится говорящий, находятся на очень большом расстоянии друг от друга:

(34) У твоего друга в Австралии сейчас беда. Чего ты ему не хочешь помочь? — А чем там помочь можно?

3.3. '*Тут*' и '*там*' при сопоставлении двух ситуаций

3.3.1. Конструкция '*тут...а там*' как маркер актуальности первой ситуации

Рассмотрим следующий тип контекстов:

(35) Пестренький принялся кататься на автостульчике. Потом сказал: — Такой стульчик даже лучше, чем Незнайкина волшебная палочка! Тут стоит только подумать: хочу направо или налево, и желание сразу исполняется. А там нужно еще махать палочкой да говорить вслух, чего хочется.
[Николай Носов. Незнайка в Солнечном городе (1958)]
(36) Это первая ступень, первый прорыв, дальше пойдет, в конце концов тут важнее всего принципиальное согласие, а там все зависит от локатора [...].
[Даниил Гранин. Иду на грозу (1962)]

В первую очередь, подобные примеры интересны тем, что в них речь идёт о двух ситуациях: первая вводится наречием *тут*, а вторая — наречием *там*. На первый взгляд, кажется, что обе ситуации актуальны в момент речи, а конструкция *тут... а там* лишь выражает противопоставление и указывает на порядок изложения мыслей, подобно устойчивым конструкциям *с одной стороны...с другой стороны*, *во-первых,...во-вторых* и т.д. Однако при более внимательном анализе можно заметить, что данная конструкция выражает не столько противопоставление, сколько указывает на актуальность ситуации в момент речи, как это было замечено выше, а именно, из контекста подобных примеров видно, что актуальность ситуации, к которой отсылает *тут*, уже отражена в левом контексте. Так, например, в примере (23) сначала речь идёт об автостульчике, который в момент речи находится в фокусе действия — на нем катается субъект,

следовательно, данная ситуация впоследствии вводится наречием *тут*, а далее речь заходит о палочке, которой, как видно из контекста, в момент речи никто не пользуется и не видит, следовательно, вторую ситуацию вводит наречие *там*.

3.3.2. Конструкция '*тут...а тут*' как маркер актуальности обоих ситуаций

Однако встречаются также и контексты с описанием двух ситуаций, в которых уместна как конструкция *тут...а там*, так и конструкция *тут...а тут*. (см. предложения (37а-в)). Как легко заметить, в предложении (37б) в отличие от (37в), говорящий включён в обе ситуации сразу — обе контрольные лежат у него на виду. При этом данное предложение будет интерпретироваться по-разному, в зависимости от выбора конструкции, а именно, при конструкции *тут...а там* говорящий поочередно рассматривает обе ситуации, сопоставляя их, и в момент речи имеет место ситуация, вводимая наречием *тут*, в то время как конструкция *тут...а тут* предполагает случаи, при которых обе ситуации находятся в фокусе действия в момент речи, и высказывание может при этом сопровождаться указательным жестом:

(37а) Я решал контрольную и думал о том, какой вариант достался моему другу. Мой вариант, значительно легче его варианта, ведь тут надо писать только ответ, а там еще и записывать решение.

(37б) Передо мной лежало два варианта контрольной, которые я сравнивал. Первый вариант значительно легче второго, ведь тут надо писать только ответ, а тут <там> еще и записывать решение.

(37в) ??Я решал контрольную и думал о том, какой вариант достался моему другу. Мой вариант, значительно легче его варианта, ведь тут надо писать только ответ, а тут еще и записывать решение.

4. Заключение.

Итак, в заключение можно сделать вывод, что достаточно полную симметрию дейктических наречий *тут* и *там* можно наблюдать в ситуативных контекстах, а именно, в ситуативном блоке четко противопоставлены смыслы «актуальность ситуации в момент речи» и «неактуальность ситуации в момент речи». В остальных же блоках значений наблюдается больше асимметричных контекстов употребления, нежели симметричных. Прежде всего, у *там* доминирующим значением

является пространственное, в то время как у *тут* — ситуативное. *Там* гораздо менее дейктично, чем *тут,* и это проявляется в его свойстве терять семантику отдалённости в определенных контекстах и употребляться в чисто анафорическом значении. В своём пространственном значении *там* способно указывать не только на реальные пространства, но и на информационные. Кроме того, заметно, что и в своих непространственных значениях наречия *тут* и *там* в какой-то степени проявляют семантику близости и отдаленности соответственно. Так, например, во временных значениях для обоих наречий характерно указание на два следующих один за другим события, однако разница состоит в том, что события, связанные при помощи *тут*, немедленно следуют друг за другом и входят в единый раунд наблюдения, в то время как наречие *там*, напротив, «отдаляет» события друг от друга, и временной промежуток между ними чётко не определён. *Тут* может использоваться в таксисном значении как маркер поворота событий и введения новой и неожиданной информации для адресата, в то время как *там* выстраивает события в логическую цепочку. Стоит добавить, что не во всех случаях возможно сопоставить оба наречия. Так, например, *тут* во временном значении может вводить событие, близкое к моменту речи, в то время как для *там* не характерны употребления, в которых данное наречие указывает на дальность от момента речи.

Библиографический список

1. Апресян В.Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Дис. … д-ра филол. наук. М., 2014. [Электронный документ] — Режим доступа: http://www.ruslang.ru/doc/diss/apresjan.pdf — Доступ свободный.
2. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Семиотика и информатика.* 1986. Вып. 28. С. 5-33.
3. Гришина Е. Здесь и тут: Корпусной и жестикуляционный анализ полных синонимов // Русский язык в научном освещении, 2012а, № 23, с.39-71.
4. Гришина Е. Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса). [Текст] // Вопросы языкознания. — 2012б. - № 3. - С. 3-50.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка // СПб., 1998.
6. НКРЯ – Национальный Корпус Русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/. — Доступ свободный.
7. Ожегов С. И., Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка // М. — 1949-1992.
8. Падучева Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность / Е. В. Падучева // Материалы Международной

конференции «Диалог — 2008». [Электронный документ] — Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/64.htm. — Доступ свободный.
9. RuTenTen — Корпус RuTenTen в составе системы Sketch Engine [Электронный ресурс]. — http://www.sketchengine.co.uk/.

Е.Ю. Иванова

СПбГУ, Санкт-Петербург

АРТИКЛЕВАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ИМЕННЫХ ГРУПП КАК СРЕДСТВО ОФОРМЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ГОВОРЯЩЕГО В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Для болгарского языка, как и для русского, в целом верен тезис о том, что основным средством выражения актуального членения являются порядок слов и интонация, «точнее — комбинации линейных порядков с комбинацией фразовых акцентов» [29: 273], хотя набор линейно-интонационных вариантов болгарского предложения ограничен более строгим порядком слов и бóльшей сглаженностью интонационного контура (по крайней мере, в повествовательном и вопросительном предложении).

При сужении набора линейно-интонационных вариантов болгарского предложения, в связи с указанными просодическими и линейными ограничениями, закономерно встает вопрос о компенсаторных возможностях языка. Так, ровность вопросительного интонационного контура восполняется в болгарском языке постановкой частицы *ли* после конституирующей части вопроса (см. об этом подробнее, напр., в [19: 242; 7: 405]).

Можно предположить, что существенный вклад в выражение коммуникативных значений вносит артиклевая маркированность именных групп (далее ИГ). Основная задача данной статьи состоит в том, чтобы показать компенсаторную роль категории определенности/неопределенности при реализации специфических коммуникативных стратегий говорящего.

Прежде всего обратимся к упомянутым ограничениям, сужающим набор линейно-интонационных вариантов болгарского предложения.

[1] Исследование осуществляется при финансовой поддержке РГНФ (проект 14-04-00580 «Взаимодействие механизмов грамматики в языках мира»).

Благодарю А.В. Циммерлинга за обсуждение материала и ценные замечания. Вся ответственность за окончательные решения лежит на авторе.

1. Просодические ограничения на линейно-акцентные преобразования в болгарском языке

1.1. Стремление к цельности рематического поля выражается в том, что акцентно самостоятельные единицы обычно не попадают в середину рематической группы, если они не являются компонентом ремы. Ср. в формулировке Йордана Пенчева: «Рематическое поле не может быть разорвано безударными словами» [18: 251][1]. Это ведет к тому, что в болгарском языке коммуникативно подавленная тема обычно не ставится между частями ремы.

Так, порядок слов, представленный в предложении (1), возможен лишь в том случае, если предполагает контекст, при котором *вчера* входит в рематическое поле, т.е. является частью ремы (2), либо если *вчера* находится вне ремы (3):

(1) Донесох вчера всичко. ‘Я принес вчера всё’
(2) Донесох$_{(р)}$ вчера$_{(р)}$ всичко$_{(р)}$ [18: 251]. ‘Я принес вчера ↘всё’.
(3) Донесох$_{(т)}$ вчера$_{(т)}$ всичко$_{(р)}$. ‘Я принес вчера ↘↘всё’[2].

Тематический компонент, таким образом, должен располагаться вне рематической группы. См. и иллюстрацию этого правила в примерах из РБПК[3]:

[1] Речь идет только о снятой ударности акцентно самостоятельных единиц. Включение клитик, которые не бывают полноценными ортотоническими составляющими и в болгарском языке просодически примыкают к акцентно самостоятельным единицам, не учитывается (см. об этом отличии и при обсуждении рецессированных тематических компонентов в русском языке [31: 213]).

[2] Одиночные стрелки перед словом указывают на тематический восходящий или, соответственно, рематический нисходящий интонационный контур. Двойные стрелки (или написание прописными буквами) обозначают акцентное выделение в рамках темы или ремы. Обозначением $_{0}$Х(т) мы будем указывать на «снятый фонологический акцент» [30: 232] темы в рамках разорванной ремы. Знак ↱ указывает на начальный компонент дислоцированной (разорванной) ремы [31; 32; 28; 29; 30].

[3] РБПК — Русско-болгарский параллельный корпус (http://ruscorpora.ru/search-para-bg.html).

(4) <Ах, кричали они напрасно:> не мог $_{0}$Михаил Александрович$_{(т)}$ позвонить никуда (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). — <Ах, те викаха напразно:> Михаил Александрович$_{(т)}$ не можеше никъде да се обади (пер. Л. Минковой).

(5) А мы пока $_{0}$этого уличного неврастеника$_{(т)}$ понаблюдаем... (М. Булгаков. Собачье сердце). — ...а междувременно ще понаблюдаваме тоя уличен неврастеник$_{(т)}$ (пер. Б. Мисиркова).

Принцип «рематической однородности» [18: 253] в болгарском языке, как покажет материал далее, не всегда соблюдается строго, но в целом, безусловно, влияет на набор линейно-акцентных преобразований в болгарском языке.

1.2. Более слабая просодическая выделенность слов в фокусе контраста и при эмфазе

Для болгарского языка характерен комплекс просодических факторов, которые ведут к общей выровненности мелодического контура синтагмы и к меньшей отчетливости выражения акцентного выделения, чем в русском языке, а именно:

а) ударные гласные в болгарском языке имеют меньшую длительность, но бóльшую интенсивность. Значительно менее выраженной является редукция безударных; особенно это очевидно в заударных слогах в связи с не столь резким понижением тона постцентровой части, — в результате этого акустическое различие между обычным и контрастным ударением не столь высоко, как в русском языке, см. и наблюдения над русской речью болгар, в которой обычный фразовый рематический акцент звучит как контрастная рема (т.е. как ИК-2 вместо ИК-1) [19: 247];

б) больше открытых конечных слогов[1], что прежде всего связано с высокой частотностью артиклей на гласный (*та*, *то*, *те*); выше длина слова[2], в т. ч. за счет синтагм с клитиками и в связи с частотностью ряда предлогов, прежде всего *на*, — это «стимулирует появление внутрисинтагменных пауз» [19: 242] и способствует выравниванию интонационного контура: *Дъщерята на Иван се казва Цветана*; *Момичетата ни са в Москва*;

[1] Частотность фонетических слов с вокалическим исходом в болгарском языке выше, чем в русском, на 18-20% [21].

[2] Частотность многосложных структур (5-9 слогов) на 10% выше, чем в русском [21]. Почти 50% фонетических слов болгарского языка — это структуры с клитиками [19].

— «зияния на стыках лексем» [19: 237] (прежде всего, паузы после предлогов — они настолько выражены, что приводят к оглушению конечных звонких у предлогов, как если бы они находились в абсолютном конце фонетического слова, ср. болг. *въ[ф] Москва*, *въ[ф] гората*).

Эти и некоторые другие факторы ведут к усилению фонетической самостоятельности слова, «меньшей свернутости» ритмической структуры и ослаблению слитности произнесения синтагмы [22: 200]. Произнесение болгарской синтагмы реализуется в более узком диапазоне частот и в более замедленном темпе, чем в русском [19: 240; 12].

1.3. Выбор носителя акцента в некоторых видах синтагм отличается от русского (ср. о «локальных» просодических правилах в [28]). С одинаково сильным синтагматическим ударением или даже с интонационным центром на первом компоненте реализуются следующие синтаксические группы: ИГ с согласованным и несогласованным определением, составное сказуемое, а также обстоятельство образа действия при глаголе, прилагательном или другом наречии, ср. ударность русской и болгарской синтагмы: рус. *Поздняя* ↘***о****сень.* – болг. ↘*К****ъ****сна* ***е****сен* [19: 243-248;16: 55].

Указанные просодические характеристики болгарской речи, в сравнении с русской, ведут к меньшей значимости ритмических и интонационных средств для выражения коммуникативных значений (темы, ремы, контраста и др.).

2. Ограничения на линейные перемещения

Именной аналитизм болгарского языка привел к некоторым ограничениям порядка слов. Подлежащее не просто статистически чаще находится левее сказуемого, а дополнение — правее, но этот порядок играет различительную роль между подлежащим и беспредложным дополнением в условиях отсутствия именного склонения:

(6) SVO: Иван доведе Петър. ‘Иван привел Петра’.

Выдвижение объекта в инициальную позицию возможно:
а) при его акцентировании:

(7) OVS: ПЕТЪР доведе Иван. ‘ПЕТРА привел Иван’ (или редко OSV – ПЕТЪР Иван доведе ‘ПЕТРА Иван привел’);

б) вне акцентирования дополнения — при его топикализации с последующим местоименным дублированием референтной ИГ:

(8) OVS: Петър го доведе Иван. ‘Петра [его] привел Иван’
или OSV (с акцентированнным подлежащим):
(9) Петър ИВАН го доведе. ‘Петра ИВАН [его] привел’ [18: 254].

Использование конструкции с дублированием имеет в болгарском языке значительные стилистические ограничения: она маркирована как разговорная, поэтому в других стилях речи для сохранения объекта в позиции подлежащего в привилегированной коммуникативной позиции используются иные построения, прежде всего с пассивом [4: 128-137; 8: 485-488], см. также обсуждение примеров (38′) и (39′) далее.

Нереферентные объектные группы в дублировании не нуждаются. В переводном примере (10) иллюстрируется отсутствие дублирования при нереферентной ИГ *бира* в предложении *Бира има ли*[1]*?* (‘Пиво есть?’) и дублирование (винит. падежом местоимения - *я*) референтной ИГ *бирата*:

(10) Пиво есть? — сиплым голосом осведомился Бездомный.
Пиво привезут к вечеру, — ответила женщина (М. Булгаков).
Бира има ли? — с дрезгав глас се осведоми Бездомни.
Бирата я карат по-късно — отговори жената (пер. Л. Минковой).

Что касается порядка SOV, то он для болгарского языка не является характерным и допускается при акцентировании дополнения (пример 11). В ином случае используется прямой порядок слов SVO, как в примерах (12)-(13), при передаче конструкций с неакцентированным русским перемещенным дополнением на болгарский язык:

(11) Аз ↘↘прасето си$_i$ бях загубил t_i нощес (Й. Радичков). ‘Я своего ↘↘поросенка$_i$ ночью потерял t_i’.
(12) А бригадир документы$_i$ посмотрел t_i и говорит... (В. Пелевин). — А бригадирът погледна документите му и казва... (перевод И. Попова);

[1] Бытийный безличный предикат *има* присоединяет актант в синтаксической позиции дополнения (см. на типологическом фоне о показателе антисубъекта в [27: 772]). В отсутствие форм склонения существительных позиция прямого дополнения в этой структуре эксплицируется только при местоименном выражении объекта бытия (использованием формы винит. падежа), напр., *Има го в списъка.* ‘Он есть в списке’, *букв.* ‘Есть его в списке’.

(13) ...а мужичок сумку$_i$ бросил t_i — и бежать (Е. Лукин). — ...а човекът хвърли чантата — и беж (перевод И. Попова) (примеры А.А. Градинаровой [4: 135].

Далее мы рассмотрим реакцию артиклевых показателей болгарского языка на изменения линейного расположения компонентов тем и рем и других коммуникативных значений при реализации специфических (не нейтральных) коммуникативных стратегий говорящего.

3. Коммуникативные стратегии и артиклевая маркированность именных групп

3.0. Коммуникативные стратегии — это особые, выработанные языком способы расположения коммуникативных компонентов для выражения различных смыслов. Предложения с порядком следования компонентов «тема — рема» без участия модифицирующих значений демонстрируют наиболее нейтральную коммуникативную структуру. Такая коммуникативная организация вносит минимальный вклад в семантику предложения [31: 38-39].

В болгарском языке, как и в русском, порядок следования «тема — рема» является нейтральной коммуникативной структурой и в типичном случае соответствует базовой информационной структуре («от данного к новому»).[1]

Тема обычно маркируется определенным артиклем, как в примере (14) ниже, но это маркирование связано не непосредственно со значением темы, а с референциальной характеристикой ИГ. В данном случае это определенно-референтная ИГ (*децата*), для ее установления достаточно, чтобы предмет входил в фонд докоммуникативных знаний (известное) либо был задан контекстуально и ситуативно (данное):

(14) Деца**та** са вкъщи. ‘Дети дома’.

При указании на множество объектов (или объем нечленимого объекта) как целое для постановки определенного артикля должен наличествовать и признак «тотальность» [20], как в примерах (15) и (16):

[1] Ср.: «В русском языке базовыми являются информационная структура, при которой данное предшествует новому («данное — новое»), и коммуникативная структура, при которой тема предшествует реме («тема — рема»). Соответственно, базовым в русском языке оказывается соответствие темы данному, а ремы — новому» [33].

(15) Ученици**те** от 3 клас взеха участие в празника. ‘[Все] Ученики 3 класса приняли участие в празднике’[1].

(16) Захар**та** свърши. ‘Сахар закончился’.

То, что маркированность определенным артиклем указывает не на коммуникативное значение темы, а на референциальный статус ИГ, доказывают случаи оформления тематических компонентов другими артиклями — неопределенным и нулевым (как в предложениях (21)-(22) далее), а также возможность оформления определенным артиклем рематических компонентов, напр., в составе именного компонента сказуемого в предложениях идентификации. Так, в примере ниже из народной сказки имеется две рематических ИГ (они подчеркнуты): первая, определенно-референтная, маркирована определенным артиклем; вторая, предикатная, использована с нулевым артиклем:

(17) Аз съм <u>соколът, що ме ти хвана</u>, но се превръщам; аз съм наистина <u>момче</u>Ø. ‘Я — [тот самый] сокол, которого ты поймала, но я превращаюсь; на самом деле я — мальчик’ (пример Ю.С. Маслова [11: 157]).

Связь артиклей с референциальным статусом ИГ показана в Таблице 1 далее. Обратим лишь внимание на то, что из двух артиклей со значением неопределенности основным показателем неопределенности в болгарском языке является нулевой, немаркированный член категории, а неопределенный артикль *един* выполняет более частные функции, за исключением случаев, когда ИГ имеет слабоопределенный денотативный статус — лишь здесь *един* является системным морфологическим маркером [20]: *Обади се <u>една</u> моя колежка* ‘Позвонила одна моя знакомая’.

Итак, в наиболее типичном случае тематические компоненты маркируются определенным артиклем, поскольку содержат данную или известную информацию, а рематические, как правило, употребляются с маркерами неопределенности, прежде всего с нулевым артиклем, маркирующим большинство нереферентных и предикатных употреблений ИГ, которые обычно входят в рему. Неопределенный артикль *един* выступает в нескольких референциальных вариантах значения и, в

[1] Отсутствие артикля (*УченициØ от 3 клас*) предполагало бы, что участие в празднике приняли не все ученики 3-го класса или же что данные о количестве отсутствуют. Впрочем, случаи помещения референтной ИГ со значением неполного охвата в синтаксическую позицию подлежащего крайне редки.

зависимости от варианта, может оформлять как тематические, так и рематические ИГ, см. Таблицу 1.

Таблица 1. Соотнесенность артиклевой маркированности именных групп с их денотативным статусом (ДС): основные закономерности[1]

Артикль / **ДС**	**Опр. А:** [***ъ(т)***], ***та***, ***то***, ***те***	**Нул. А** Ø	**Неопр. А (*един*)**	**Примеры**
опред.-реф. ИГ	+			***Момичето*** *си седеше кротко на столчето.* 'Девочка смирно сидела на табуретке'. *Той сложи* ***захарта*** *в кафето си.* 'Он положил [весь] сахар в кофе'.
слабоопред. ИГ			+	*Кой се обади? –* ***Една колежка****.* 'Кто звонил? – Одна коллега. (Ты её не знаешь). *Получих* ***едни пари****, които отдавна чаках.* 'Я получил [кое-какие] деньги, которые давно ждал'.
неопр.-реф. ИГ		+		*От къщата излезе* ***жена****Ø.* 'Из дома вышла женщина' *С* ***момиче****Ø ↘↘ го видях.* 'Я с девушкой ↘↘ его видела'
			+ (пониженная коммуникат. значимость)	*В стаята влезе* ***едно*** *дете, което постоя малко и си отиде.* 'В комнату вошел [какой-то] ребенок, постоял немного и ушел'
экзистенц. ИГ		+		*Тя иска да се омъжи за* ***швед****Ø.* 'Она хочет выйти замуж за шведа'
универс. ИГ	+			***Конете*** *ядат сено.* 'Лошади едят сено'
родовые ИГ	+			***Млякото*** *е полезно.* 'Молоко полезно'
			+ (эталонный представитель класса)	***Един ръководител*** *е длъжен да уважава подчинените си.* 'Руководитель (настоящий руководитель) должен уважать подчиненных'
		+ (класс с огранич. признаками; сужение класса)		***[Нередовен пътник]*** *заплаща, освен цената на билета, и глоба.* '[Безбилетный пассажир] платит, кроме стоимости билета, и штраф'

[1] В таблице представлены результаты исследования автора статьи (см. подробнее [6: 31-39, 8: 380-387]. Классификация ДС основана на концепции Е.В. Падучевой [15].

		+ (характериз. несогласованное опред.)		*За какво ти е тяло на **атлет**, в което дреме душа на **кретен**?* (В. Даверов). 'Зачем тебе тело атлета, в котором душа кретина?'
атрибутивные ИГ	+			*Никой от жителите на блока не е видял **престъпника**.* 'Никто из жителей дома не видел преступника'
предикатные ИГ		+		*Тя е **счетоводителка.*** 'Она бухгалтер'
			+ (уподобление, «нетривиальный лексический выбор»)	*Всяко заминаване е **едно умиране*** 'Каждый отъезд – это своего рода смерть'
			+ (эминентное)	***Една чистота**, **един ред** – да се замаеш!* 'Ну и чистота, ну и порядок – просто диву даешься!'
			+ (пейоративное / усредняющее)	*Той е **един неудачник*** 'Он просто неудачник'
	+ (специфицирующая ИГ)			*Вазов е **патриархът** на българската литература,* букв.'Вазов – патриарх болгарской литературы'

Далее рассмотрим болгарские соответствия трем русским специальным коммуникативным стратегиям, наиболее подробно изученным отечественной лингвистикой: с дислокацией ремы (с «рецессией темы»), с суперпозицией ремы и с неингерентной темой (см. работы [31; 32; 9; 15; 10], а также формализацию линейно-акцентных преобразований в [28; 29; 30; 38; 40], там же и другая литература).

3.1. Дислокация ремы («рецессия темы»)

При этой коммуникативной стратегии тематический компонент оказывается в атонической нише в результате сдвига глагола в начало предложения: ↱*Посадил*$_i$ $_0$*дед* t_i ↘*репку* (нотация А.В. Циммерлинга [29: 277]).[1] Рема здесь разорванная: первым располагается рематический

[1] Хотя «рецессия» тематического компонента крайне значима для создания стилистического эффекта этой стратегии, в теории формальных грамматик атонирование ИГ, попадающей в постглагольную позицию в результате перемещения глагола влево, трактуется как сопутствующее остаточное перемещение (Remnant Movement): ↗X / $_0$X, а активно перемещающимся компонентом следует считать глагол, который смещается в начало фразы и получает положительную акцентную маркировку ↱ [29: 277].

акцентированный глагол, затем, после атонического спада, следует оставшаяся часть ремы:

(18) ↱Выходит Анка замуж; ↱Служил на Кавказе один барин (примеры Т.Е. Янко).

У этих предложений имеются нейтральные коммуникативные варианты со стандартной темо-рематической стратегией:

(18′) ↗Анка выходит ↘замуж; ↗На Кавказе служил один барин↘[1].

Стилистический эффект, порождаемый данной стратегией, — формирование «своеобразного напевно-сказочного рисунка» (Г.А. Золотова) или же анекдотическое начало (Т.Е. Янко). И сказочный, и анекдотический варианты данной коммуникативной стратегии имеют общие функции в тексте и дискурсивные эффекты: это «обещание продолжения» [5: 383], динамизм, эффект развертывания картины перед мысленным взором наблюдателя: когда темы коммуникативно подавлены, смещены с начальной заглавной позиции, то имя героя, время или место действия уже не служат точкой отсчета для начала речевого акта, и слушающий погружается непосредственно в гущу событий [31: 198].

В болгарском языке подобная линейно-интонационная структура наблюдается редко. Причины этого связаны не только с ограничениями на место подлежащего, обусловленными отсутствием падежного изменения, см. об этом [3: 185; 4: 128], но и, несомненно, стремлением к цельности рематического поля, не допускающим такого интонационного спада между частями рематической группы.

Какие соответствия при имеющихся ограничениях предлагает болгарский язык для русской стратегии с рецессией темы? В разных жанрах (анекдот или сказка) решения различны.

3.1.1. Анекдоты

Как известно, в русских анекдотах и шутливых рассказах данная стратегия формирует специфическое «анекдотическое начало»: ↱*Едут* $_0$*муж с женой*$_{(т)}$ *в машине и ругаются*; ↱*Приезжает* $_0$*муж*$_{(т)}$ *из командировки.*

Болгарский язык выработал для анекдотического начала свою стратегию, в которой привлечены артиклевые показатели: при сохранении стандартного порядка слов (SVO) начальная ИГ получает нулевой артикль

[1] Вопрос о базовом, исходном порядке слов для структур с начальным локализатором обсуждается в [28; 29, 39].

(см. примеры 19а-г) вместо обычного для инициально-подлежащной позиции определенного (реже неопределенного) артикля (примеры 20 и 21):

(19а) БългаринØ попитал японец... 'Болгарин спросил японца…'
(19б) МладоженкаØ получила като дар на сватбата си три чадъра. 'Получила невеста в подарок на свадьбу три зонтика'.
(19в) ГабровецØ си купил автомобил. 'Габровец купил себе автомобиль'.
(19г) БащаØ купил на сина си нови обувки. 'Отец купил сыну новые туфли'.
(20) Директорът си купи нова кола. 'Директор купил себе новую машину'.
(21) **Едно** дете си купува сладолед. '[Какой-то] Ребенок покупает мороженое'.

Тем не менее, в наборе функций болгарского нулевого артикля действительно есть возможности, которые позволяют ему использоваться в данной коммуникативной стратегии. Нулевой артикль, как хорошо описано в болгаристике, имеет свойство вычленять сигнификативные признаки в значении слова, активизировать понятийный компонент семантики. Такие употребления, однако, обсуждаются лишь в применении к акцентному контрастному подчеркиванию:

(22) **Не игла** — помисли си пак Шибил и въздъхна. ↘↘**Нож** може да държи тъй в устата си, и от тоя нож човек на драго сърце би умрял (Й.Йовков), букв. 'Не иглу — подумал Шибил и вздохнул. — ↘↘Нож она может держать во рту, и от этого ножа можно с радостью умереть.'

В отличие от этих хорошо изученных в болгаристике употреблений нулевого артикля, общая (безартиклевая) форма имени в начале болгарских анекдотов и шуток употребляется **вне акцентного выделения**. Именно общая форма начального подлежащего при отсутствии контраста и усиленного голосового нажима и позволяет формировать специфический болгарский анекдотический зачин, производящий тот же эффект, что русская рецессия темы.

«Анекдотическую» трактовку поддерживают и пересказывательные формы, которые регулярно сопровождают такое употребление (примеры 19а-г).

Обратим внимание и на то, что маркирование в анекдотах и шутках инициального подлежащего неопределенным артиклем *един* ведет к

устранению эффекта анекдотического начала[1]. Так, в примере (23) использована обычная стратегия введения в рассмотрение нового объекта посредством неопределенно-референтной ИГ с неопределенным артиклем (*един габровец*), что находится в соответствии с обычными функциями этого артикля:

(23) **Един** габровец поправял покрива, обаче се подхлъзнал и, прелитайки покрай прозореца на кухнята, извикал: Жено, днес готви за един по-малко! ‘Один габровец чинил крышу, но поскользнулся и, пролетая около окна кухни, крикнул: «Жена, сегодня готовь на одного меньше!»’

Вклад артиклей в распределение коммуникативных значений и создание анекдотичного начала в случае (23) несуществен, поскольку таким же образом оформляется и неанекдотическое повествование, см. пример (21).

Разновидностью болгарского «анекдотического» начала, по-видимому, является его линейно-интонационный вариант с перемещением начального не маркированного артиклем подлежащего в постглагольную позицию, например, в типичном зачине «семейных» анекдотов:

(24) Прибира се мъжØ от командировка и сварва жена си в семейното легло с друг… ‘Приезжает муж из командировки и застает жену в постели с другим…’

Это построение наиболее близко к русской стратегии, тем более что здесь использован тот же тип нарратива с формами настоящего времени.

3.1.2. Сказки

Коммуникативная стратегия с дислокацией ремы широко используется в русских сказках и других фольклорных жанрах. Здесь, однако, структуры с рецессией подлежащего не столь регулярно являются инициальными. Они более характерны для начала новой темы, перехода к новому сюжетному ходу, новой экспозиции. Поскольку данная коммуникативная стратегия применяется внутри повествования, рецессированной темой (далее подчеркнута) являются имена уже упомянутых персонажей:

(25) ↱Ходят девушки по лесу, аукаются, собирают ягоды; Вот ↱открыл как-то раз отец сундук, что от первой жены остался; ↱Пошла курочка к дровосекам.

[1] См. близкое наблюдение в [20: 115].

В несколько ином варианте стратегии в атоническую нишу помещаются детерминанты. Этот вариант обычен для инициальной позиции текста. Так в русском языке строятся начала небольших рассказов, притч, занимательных историй [31: 198-210]:

(26) ⌐→Жил в Петербурге один добрый и благочестивый вельможа; ⌐→Жил в Петербурге один барин, который уж очень не любил выпивох; ⌐→Ездили по Сибири в древности купцы.

В болгарском языке в фольклорных жанрах предложения с рецессией темы, в целом для языка не характерные, все же изредка используются, причем не в начале сказок, а в середине повествования как специфический переход к новой экспозиции:

(27) ⌐→Сетил се най-малкият брат за пръстена.
‘⌐→Вспомнил младший брат о перстне’ («Тримата братя и златната ябълка»).

Такие случаи отмечаются и в авторском творчестве как стилизация под народный эпос [4: 128]:

(28) ⌐→Залюбил е млади Камен / Цена хубавица, / И за Цена се милее / Негова душица (И. Вазов).

Однако наиболее обычным для болгарского языка сказочным началом является распространенная и в русском языке экзистенциальная стратегия с использованием бытийных предложений, которые сообщают о том, что в мире или некотором фрагменте мира существует объект, наделённый определёнными признаками [1: 18]. При этом имя объекта бытия маркируется в болгарском по общим правилам — нулевым либо неопределенным артиклем в зависимости от степени обобщенности класса:

(29а) Живял някога (един) момък. ‘Жил-был молодец’;

(29б) Имало един човек — много мързелив. ‘Жил-был один человек — очень ленивый’.

(29в) Живели някога мъж и жена. ‘Жили-были когда-то мужчина и женщина’.

Здесь вклад артиклей в коммуникативную структуру минимален и соответствует их обычному употреблению.

3.2. Суперпозиция ремы

Суперпозиция ремы — это, собственно, коммуникативная структура с двумя ремами — акцентированной и неакцентированной. Наиболее важная

часть ремы акцентируется и выносится в начало предложения, представляя читателю нововводимый объект, остальная часть (тоже рема) дает информацию о проявлении или функционировании объекта. Интонационный контур таких высказываний отличается от нейтральных нисходящим акцентом на начальной реме, ср. рус.:

(30) ˂Графиня вошла в бальную залу˃ — и **ропот ↘↘восхищения** пробежал среди блестящих ↘гостей ...(А. Аверченко); **Смутное ↘↘недовольство** было на душе у ↘Маши. ˂Хотя красный галстук так ярко и свежо свешивал свои длинные уголки на грудь, чего-то не хватало˃ (Л. Улицкая).

Построения такого рода были проанализированы еще И.И. Ковтуновой как результат двукратной перестановки в исходной схеме «детерминант — сказуемое — подлежащее»: «меняются местами детерминант и предикативная группа, внутри предикативной группы меняются местами подлежащее и сказуемое. В результате все компоненты линейной схемы (синтаксические группы подлежащего, сказуемого и детерминантов) выстраиваются в обратном порядке — по принципу зеркального отражения» [9: 107], как в примере *Но вдруг тревожное* ***волнение*** *распространилось по всему дому* (И. Тургенев) на фоне возможной исходной схемы: *Но вдруг по всему дому распространилось тревожное волнение.*

Подобные структуры описываются во многих исследованиях как сжатое высказывание, в котором заключаются минимум два сообщения: первое утверждает существование или возникновение какого-либо явления, второе характеризует это явление. Сказуемые таких предложений — это семантически ограниченный круг глаголов с бытийным или бытийно-характеризующим компонентом значения, прежде всего глаголы появления, проявления, позиционирования.

Поскольку подобные линейно-акцентные преобразования не ведут к разрыву рематического поля, противопоказаний для реализации данной стратегии в болгарском языке нет, и она представлена так же активно, как в русском. Нашей задачей здесь является уточнить роль артиклей при реализации данной стратегии.

В разных стилевых и жанровых вариантах предложений с суперпозицией ремы вклад болгарских артиклей в выражение коммуникативных намерений говорящего несколько различается.

3.2.1. В болгарских **художественных текстах** выбор данной нестандартной коммуникативной структуры, как и в русском языке, совершается тогда, когда хотят сообщить о неожиданном появлении нового объекта в центре внимания эмпатического персонажа. Этим нововводимым

объектом чаще всего бывает новый персонаж, новое чувство или мысль эмпатического персонажа либо явление природы, предстающее перед глазами персонажа или повествователя, см. об этом [23: 215-220, 224[1]; 31: 145-161].

В болгарском языке инициальное рематическое подлежащее употребляется с нулевой артиклевой маркированностью, что имеет все основания, — нулевой артикль маркирует в языке рематические ИГ, вводящие новую информацию, и тем более ИГ в акцентированной реме. Ср. далее пример (31), вводящий новый объект, и примеры (32), вводящие новое ощущение эмпатического персонажа:

(31) Отворих кухненския шкаф и в същия миг
↘↘петнайсет тенджери[2] се изсипаха с трясък върху ↘цимента
(В. Цонев).‘Я открыл кухонный шкаф, и в тот же миг пятнадцать
↘↘кастрюль с грохотом вывалились на ↘цемент’;

(32) ↘↘ Лек хладец попъпли по ↘кожата ѝ. ‘Легкий ↘↘холодок пополз по ее ↘коже’; ↘↘Тежка буца заседна на ↘гърлото му (В. Голев), букв. ‘Тяжелый ↘↘комок застрял у него ↘в горле’.

Обратим внимание, что в болгарском языке отсутствие артикля (нулевой артикль) в подобных случаях с очевидностью показывает, что требуется читать предложение с суперпозицией ремы, в то время как в русском языке чтецы могут выбирать коммуникативную стратегию прочтения [33]. Так, русский пример (33) возможно прочитать как с тематическим начальным подлежащим *Судорога*, так и с акцентированным, в то время как болгарский пример с безартиклевым *Гърч* сразу задает стратегию прочтения:

(33) Судорога исказила его лицо, ˂он быстро переложил свечу из правой руки в левую, широко размахнулся и ударил участливое лицо по уху˃ (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). — ↘↘Гърч обезобрази ↘лицето му, ˂той бързо премести свещта от дясната си ръка в лявата, замахна широко и зашлеви съчувстващото лице по ухото˃ (пер. Л. Минковой).

[1] Там же см. о роли нововведенного объекта в общей линии повествования, об условиях появления случайного персонажа при использовании данной стратегии [23: 215-220, 224].

[2] Акцентное выделение в болгарском языке захватывает и препозитивное определение, см. 1.3.

При суперпозиции ремы возможно и употребление неопределенного артикля *един*. Это ведет к дополнительным изобразительным эффектам при реализации данной стратегии.

Неопределенный артикль *един* используется в двух основных случаях:
1) употребление *един* указывает на отстраненность восприятия эмпатического персонажа, его неготовность к появлению нового объекта:

(34а) **Една** ↘↘ жена стоеше на ↘пътя им, хубава жена. ‘Какая-то ↘↘ женщина стояла ↘на дороге, красивая женщина’ (Й. Йовков);

2) как «рефлексирующее» *един* — лексема, которая отражает некатегоричность, условность предлагаемой номинации. Это употребление характерно для предикатных ИГ [8: 385-387], но появляется и при суперпозиции ремы:

(34б) **Едно** ↘↘надмощие, **едно** ↘↘мъжко надмощие личеше във ↘всяко негово движение (Елин Пелин). ‘[Какое-то / некое] ↘↘Превосходство, мужское ↘↘превосходство ощущалось в каждом его ↘движении’.

3.2.2. Стратегия с суперпозицией ремы активна и в русских, и в болгарских **газетных текстах** — прежде всего в заголовках и начальных фразах коротких сообщений, ср. рус. (35а) и болг. (35б):

(35а) Изумрудная лихорадка охватила Колумбию; Новый вид гриппа распространяется по Китаю.
(35б) Протести посрещнаха тройката кредитори в Атина; Масови протести се проведоха в Португалия срещу проектобюджета за 2013; Тежки болести налегнаха партиите.

Эти особенности языка газеты уже отмечались болгаристами, см., например, обзор в [25]. Наиболее подробно они описаны в статье Л. Ухлиржовой [26], где разбираются типичные варианты словопорядка и артиклевой (не)маркированности газетных заголовков и «начал».

Другой вариант суперпозиции ремы в публицистических текстах — **«сенсационная»** газетная стратегия, которая реализуется исключительно в заголовках.

При сенсационной стратегии каждый компонент подается как рематический. При прочтении каждая составляющая может быть произнесена с эффектом «скандирования», см. русские и болгарские примеры:

(36а) Мост обрушился в Америке в самый час пик; Цирковой леопард набросился на ребенка в подмосковном Домодедове.

(36б) Баба замръзна в село от студ, букв. ‘Старушка замерзла в деревне от холода’; Огромен елен ухапа дете. ‘Огромный олень укусил ребенка’.

В отличие от предыдущих примеров (35а-б), здесь нет идеи введения объекта как нового с последующим его описанием, а есть «интродукция всего события» [31: 164]. Оно оценивается и подается «глобально», как чрезвычайное — ‘произошло значительное происшествие’. Сказуемое здесь чаще всего представлено событийным глаголом, а не глаголом с экзистенциальным значением.

При сенсационной стратегии в болгарском языке наблюдается намеренное устранение определенного и неопределенного артиклей (которые, собственно, в болгарском языке являются маркерами пресуппозиции существования объекта[1]) из всех возможных ИГ, что порождает эффект «скандирования» и соответственно сенсационности:

(37а) Депутат покривал банда за фалшиви пари. ‘Депутат прикрывал банду фальшивомонетчиков’.

(37б) Крадци изкъртиха банкомат от стена. ‘Воры вывороти ли банкомат из стены’.

На фоне русского языка отметим также более свободное продвижение на позицию подлежащего актантов со значением неодушевленного каузатора: *Газов бойлер уби мъж в Барселона* (‘Газовый бойлер убил мужчину в Барселоне’); *Тонове развалено месо затвориха месокомбината в Силистра*[2] (*букв.* ‘Тонны протухшего мяса закрыли мясокомбинат в Силистре’).

Более того, в сенсационных новостях прямое дополнение может выдвигаться в инициальную позицию, в результате оказываются не маркированы синтаксические роли подлежащего и дополнения:

[1] По-видимому, именно этот общий компонент значения имел в виду Й. Пенчев, называя определенный и неопределенный артикли болгарского языка маркерами «определенности» [17: 75].

[2] В болгарском языке более регулярно, чем в русском, происходит замена агентивного подлежащего другими таксономическими классами субъекта, см. также о такой замене в языке болгарских газет в [14].

(38) ШестимаØ бандити заловиха двама полицаи.
'Шестеро?/Шестерых? бандитов поймали двое? /двоих? полицейских'[1].

(39) ШуменскиØ бизнесмен изнудва варненскиØ рекетьор.
'Шуменского бизнесмена шантажирует варненский рекетир'.

Такие построения подвергаются критике со стороны болгарских специалистов по культуре речи, поскольку в литературном языке вне акцентирования прямое дополнение если уж и попадает в инициальную позицию, то с поддержкой его дальнейшим местоименным удвоением и при маркировании дополнения определенным артиклем, см. раздел II. Ср. грамматически правильные варианты для (38)-(39):

(38′) Шестима**та** бандити ги заловиха двама полицаи.

(39′) Шуменски**я** бизнесмен **го** изнудва (един) варненски рекетьор.

Более того, как демонстрирует пример (39′), существительные мужского рода, как и согласованные с ними определения, должны получить **краткий** определенный артикль, указывающий на то, что они занимают позицию второстепенного члена предложения.

Однако использование вариантов (38′)-(39′) в качестве газетных заголовков маловероятно. Во-первых, конструкции с дублированием относятся в болгарском языке к разговорным, что ограничивает зону их употребления, и, во-вторых, артиклевая маркировка ИГ, которая обязательна для осуществления местоименного дублирования инициального дополнения, переводит ИГ в определенно-референтный статус, что для газетных сенсаций не всегда уместно. Поэтому для сохранения высокой коммуникативной позиции объекта (в начале предложения) более регулярно используются пассивные конструкции: *Общо четирима души са задържани от полицията в Бургас; Пияна шофьорка бе* заловена *тази нощ в Пловдив.*

3.3. «Неингерентная тема»

Коммуникативная стратегия с «неингерентной» темой [2] нацелена на объяснение, пояснение, приведение аргументов и доводов в пользу высказанной мысли, причем такое объяснение дается в рамках «экстренного введения в ситуацию» [13], что приводит к особой

[1] Заметим, что эта неочевидность ролей участников довольно редко приводит к недоразумениям (ср. мысль Г. Гешева о роли экстралингвистических знаний в таких случаях [34]), но вот комический эффект породить способна: *Пет проститутки заловили двама полицаи.*

интонированности и линейным перемещениям в высказывании [31: 196; 32: 33-40]; см. о контекстуально-зависимых «тетических» (коммуникативно-нерасчлененных) предложениях [35; 36; 37 и др.]; типология коммуникативно-нерасчлененных предложений и правила их выведения из расчлененных структур представлена в [30].

Темой при этом является провоцирующая реплику ситуация. Таким образом, тема задана в предтексте либо ясна из речевой ситуации. Подобные предложения служат объяснением чего-то ненормативного, являются ответом на скрытый или явный вопрос «Почему?» [31: 182-197]:

(40а) <Открой дверь!> — ↘↘Почтальон пришел.
(40б) <Что там такое?> — ↘↘ Скорая к соседям приехала.
(40в) <Пустите,> я на ↘↘поезд опаздываю!

Для русского языка установлено, что правила выбора акцентоносителя при реализации стратегии обоснования связаны с актантной структурой предиката. Принцип выбора акцентоносителя в упрощенном виде[1] выглядит следующим образом:

обстоятельство образа действия < сказуемое < сирконстант < подлежащее < дополнение (вариант записи из [24: 453], вслед за [31]).

При реализации данной стратегии вместе с акцентированием обычно происходит передвижение компонента-акцентоносителя ближе к началу предложения (см. подробно в [32: 43-53]), напр.:

(40г) <Что случилось? > — Дети ↘↘<u>гриппом</u> заболели. / Бабушка в дороге ↘↘<u>очки</u> потеряла. / ↘↘<u>Денег</u> нет. / У Васи ↘↘<u>двойка</u>.

В болгарском языке линейные перемещения при данной стратегии, однако, крайне ограничены, а выбор акцентоносителя определяется, по-видимому, только смысловыми причинами («логическим ударением»).

Далее представим лишь в качестве иллюстрации (поскольку описание этих русско-болгарских параллелей не составляет задачу данной статьи) некоторые наблюдения над русско-болгарскими парами предложений; болгарский материал взят как из РБПК, так и из ответов анкетируемых, которым предлагались примеры, аналогичные обсуждаемым в отечественной лингвистике высказываниям со стратегией обоснования:

[1] Из числа акцентоносителей исключаются активированные в предтексте элементы. См. и другие факторы в [32], в частности, схему на стр. 49.

а) рус. VS[1] → <u>S</u>V— болг. VS → <u>S</u>V / VS[2]

Для русского языка перестановка подлежащего в инициальную позицию в нераспространенных тетических предложениях при реализации стратегии обоснования предпочтительна[3]. Для болгарского языка перестановка лишь допустима (при ее более обычном отсутствии) в блоке *подлежащее + сказуемое* при отсутствии прямого дополнения; ср.:

(41) констатирующее сообщение, например, в новостях: Пристигна новина: Умрял е ↘Джон Ленън и

(41′) «экстраординарное» обоснование: Защо плачеш? — ↘↘Джон Ленън е умрял[4] / Умрял е ↘Джон Ленън.

См. и другие примеры с неингерентной темой:

(42) Защо на пода има локва? —↘↘Парното потече. / Потече ↘парното. ‘Почему лужа на полу? — ↘↘Батареи протекли’.

(43) Какво стана? — Счупи се ↘колата / ↘↘Колата се счупи. ‘Что случилось? — ↘↘Машина сломалась’;

б) рус. VO → <u>O</u>V— болг. VO → VO

Перемещение в блоке *сказуемое + прямой объект* при отсутствии подлежащего для болгарского языка нехарактерно:

(44) Кой беше? —Донесоха ↘пенсията. ‘—Кто это был? —↘↘Пенсию принесли’.

---

[1] В работе А.В. Циммерлинга [30] показано, что для нерасчлененных предложений есть все основания считать исходным порядком слов порядок SV — как и для коммуникативно-расчлененных.

[2] Слева от стрелки показан порядок слов в коммуникативно-нейтральном предложении, справа от стрелки — порядок слов в таком же предложении при стратегии обоснования (с неингерентной темой). Подчеркиванием обозначен акцентно выделенный элемент в предложении с неингерентной темой.

[3] См. подробнее о контекстно-свободных и контекстно-зависимых нерасчлененных предложениях в [30], там же и литература.

[4] Мы обозначаем акцентно выделенное начало в болгарском предложении двумя стрелками, как и в русском, однако надо иметь в виду, что степень интонационного подъема при акцентном выделении в болгарском ниже, чем в русском.

Ср. и примеры из РБПК:

(45) <Ага, — сказал врач, — а почему так спешили? Какое-нибудь деловое свидание?> — ↘↘Консультанта я ловлю, — ответил Иван Николаевич и тревожно оглянулся (М. Булгаков). — Преследвам ↘консултанта — тревожно се озърна Иван (пер. Л. Минковой).

(46) ...я махнул через забор и, видите, ↘↘щеку изорвал! (М. Булгаков). — ...аз прескочих една ограда и нали виждате, изподрах си ↘бузата (пер. Л. Минковой);

в) рус. SVO → SOV— болг. SVO → SVO

В случае наличия двух актантов ,и подлежащего, и прямого дополнения, — последнее в болгарском языке не перемещается. Таким образом, используется нейтральный порядок слов даже в «экстраординарных» ситуациях:

(47) Что случилось? — Катя ↘↘вазу разбила. — Какво има? — Катя счупи ↘вазата.

(48) Что за шум? — (Соседи) ↘↘мебель двигают. — Откъде е този шум? — Съседите местят ↘мебели.

(49) Что за шум? — Вася ↘↘ гол забил. — Вася вкара ↘топката.

Ограниченность перестановок актантов при стратегии обоснования, думается, связана не только с тем, что порядок SOV не характерен для болгарского языка. Как было сказано выше (см. комментарии к примеру 11), он, в принципе, допустим при рематическом объекте: *Катя ↘↘вазата счупи (а не чинията).* ‘Катя ↘↘вазу разбила (а не тарелку)’.

Перемещения акцентоносителя сдерживаются, возможно, потому, что для болгарского языка акцентное выделение предполагает и смысловую значимость выделяемого компонента, в то время как выбор акцентоносителя при стратегии обоснования не несет смысловой нагрузки: все предложение является коммуникативно-нерасчлененным, не имеет коммуникативных значений темы, контраста, эмфазы. И если русский язык допускает выбор и перемещение акцентоносителя вне его смысловой выделенности (напр. *У тебя СПИНА белая*), то для болгарского языка это не характерно.

Обратим внимание, однако, что если в болгарском высказывании какой-л. элемент может трактоваться как имеющий особую смысловую нагрузку, то допустима и перестановка такого элемента, ср. перевод на болгарский язык примера из [29: 271]:

(50) <Что случилось? Чем ты так взволнован?> Вася ↘↘манто Марго подарил. — Какво стана? — Вася ↘↘манто подари на Марго. / Вася подари на Марго ↘манто.

Пример (50) демонстрирует в обоих языках перемещение словоформы-акцентоносителя *манто*, но если в русском языке перемещение может быть обусловлено синтаксическими или смысловыми правилами, то в болгарском — только смысловыми. Иначе говоря, болгарский язык в таких случаях допускает только контрастивное смещение (Contrastive Left Focus Movement).

Болгарские артикли, что нам особенно важно в связи с темой данной работы, также не помогают реализации стратегии обоснования — они расставляются по обычным правилам, как в коммуникативно-нейтральном предложении. Их индифферентное поведение связано, по-видимому, с тем, что приписывание артиклей осуществляется только на коммуникативно-референциальных основаниях, а выбор акцентоносителя при стратегии обоснования никак не связан с его референциальной нагрузкой (мы здесь не обсуждаем активированные компоненты, которые и не участвуют в выборе акцентоносителя).

Выводы

Основные различия болгарского и русского языков при формировании функционально однородных стратегий связаны с двумя важными факторами: принципом цельности рематического поля в болгарском языке, что препятствует реализации стратегии с «рецессией темы», и большей закрепленностью, чем в русском, места актантов по отношению к сказуемому, что ограничивает их перестановку при коммуникативной стратегии «экстренного» обоснования. В последнем случае, однако, выбор акцентоносителя в болгарском языке осуществляется по смысловым причинам, а не по принципам коммуникативно-синтаксической иерархии, как в русском.

В предложениях с «суперпозицией ремы», где перестановка актантов является одним из обязательных условий формирования этой стратегии, незатрудненное перемещение актантов в болгарском языке объясняется их акцентированностью (рема в «суперпозиции» — это акцентно выделенная начальная рема), что снимает запрет на перемещение.

Артиклевая маркированность является в болгарском языке важным средством оформления коммуникативных стратегий. При действии ограничений на линейно-интонационные варианты артикли берут на себя роль маркеров специфических коммуникативных значений. Они подсказывают нужное прочтение ИГ с коммуникативными значениями

темы, ремы, с акцентным выделением или, нарушая обычные правила своего употребления, указывают на наличие нестандартной коммуникативной стратегии. Тем не менее артиклевые маркеры всегда сохраняют связь с денотативным статусом ИГ и, шире, информационной структурой сообщения и не вносят вклад в те линейно-интонационные трансформации, за которыми не стоит коммуникативно-смысловая нагрузка.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
2. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 42. 1983. № 3. 263-274.
3. Васева И. Теория и практика перевода. София: Наука и искусство, 1982.
4. Градинарова А. А. Фрагменты болгарско-русского сопоставительного синтаксиса. Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2010.
5. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г. А. Золотовой. М., 1998.
6. Иванова Е. Ю. Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Синтаксис: Т. 2 / Под науч. ред. проф. Стефаны Димитровой. София: Велес, 2009.
7. Иванова Е. Ю. Сентенциальные клитики в русском и южнославянских языках // Молдован А. М., Толстая С. М. (отв. ред.). Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21-27 августа 2013 г. М.: Индрик, 2013. С. 382-407.
8. Иванова Е.Ю., Градинарова А.А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015.
9. Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
10. Кодзасов С.В. Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи. М., 1996.
11. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981.
12. Мишева А. Интонационна система на българския език. София, 1991.
13. Николаева Т. М. «Экстренное введение в ситуацию»: особый вид просодического выделения // Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения акад. Л. В. Щербы. Л.: Наука, 1981. С. 182-187.
14. Ницолова Р. За някои прояви на тенденцията към демократизация в езика на българския печат след 10.XI.1989 г. // Годишник на института за чуждестранни студенти. Т. 9. София, 1994. С. 32-42.

15. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985.
16. Пенчев Й. Основни интонационни контури в българското изречение. София, 1980.
17. Пенчев Й. Строеж на българското изречение. София: Наука и изкуство, 1984.
18. Пенчев Й. Словоред и интонация // *Коева С.* (съст.). Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: Сема РШ, 2005. С. 245-256.
19. Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 1: Фонетика / Т. Стоева, С. Димитрова, Д. Даскалова, Т. Чалыкова; Под науч. ред. проф. Стефаны Димитровой. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2009.
20. Станков В. Семантични особености на категорията неопределеност на имената в българския език // Проблеми на граматичната система на българския език. София, 1995. С. 87-150.
21. Стоева Т.М. Закономерности ритмической организации синтагмы в болгарском и русском языках // Годишник на Софийския ун-т. 1983. Т.77. Кн.1.
22. Стоева Т.М. Русская фонетика. С., 2001.
23. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/ неопределенность. СПб., 1992.
24. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
25. Тодорова Б. За някои особенности на темо-ремната организация на изречението и текста (по материали от новата българска преса) // Год. на Югозап. ун., Филол. фак. Т. 3. 2005. С. 171-183.
26. Ухлиржова Л. За езика на българските вестници (развойна динамика на изречението) // Съпоставително езикознание. 1997. Кн. 1. С. 33-49.
27. Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002.
28. Циммерлинг А.В. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7, 14. М.: РГГУ, 2008. С. 551-563.
29. Циммерлинг А. В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013.
30. Циммерлинг А.В. Коммуникативно-нерасчлененные предложения: семантика и деривация // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. Под редакцией Е. А.

Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. М.: МГУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 224-252.
31. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
32. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи. М.: Языки славянских культур, 2008.
33. Янко Т.Е. Внутриязыковое варьирование параметра «взаимное расположение в предложении темы и ремы» на примере русских предложений с начальным новым // Типология морфосинтаксических параметров 2014. Тезисы доклада. http://www.ossetic-studies.org/tmp2015/files/5914/1248/2120/TMP2014_Janko.pdf
34. Gešev V. Congruence Languages and Word Order // Rasprave. 2013. 39/2. S. 377-390.
35. Lambrecht K. Sentence focus, information structure, and the thetic-categorical distinction. // Proceedings of Berkeley Linguistic Society, XIIIth Annual Meeting. Berkeley Linguistic Society, Inc. Berkely Linguistics Society 13. 1987. Pp. 366-382.
36. Sasse H.-J. The thetic / categorical distinction revisited // LINGUISTICS 25/3. 1987. Pp. 511-580.
37. Sasse H.-J. 'Theticity' and VS order: a case study. Sprachtypologie und Universalienforschung 48. 1/2. 1995.
38. Zimmerling A. Topic-Focus Articulation, Verb Movement and the EPP in Russian // Slavic Linguistics Conference, SLS 2. Berlin, 2007.
39. Zimmerling A. Locative Inversion and Right Focus Movement in Russian. Moscow, 2008.
40. Zimmerling A. A Rule-Based Approach to Free Word Order Languages // The 2014 International Conference on Artificial Intelligence. WorldComp'14.Vol. 1.CSREA Press, 2014. Pp. 61-67.

Е.И. Ивтушок

НИУ ВШЭ, Москва

ГЛАГОЛЫ ТИПА «БРОСАТЬ» В ЛЕКСИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

1. Введение

В последние годы растет интерес к лексико-типологическому анализу различных семантических полей [4, 7 и др]. К числу областей, привлекающих внимание исследователей данного направления области, относится среди прочих и лексическая зона каузированного перемещения [ср. 4].

Данная статья посвящена изучению одного типа каузированного перемещения, который ранее не становился предметом типологического анализа, — а именно, глаголов перемещения по воздуху (ср. рус. *бросать*, *кидать*, *метать* и *швырять* и некоторые их словообразовательные производные)[1].

Материалом для исследования ситуации бросания (далее мы будем использовать этот термин наряду с «базовым» термином — каузированное перемещение по воздуху) послужили данные 5 языков: русского, английского, французского, немецкого, финского и эстонского.

Глаголы каузированного перемещения по воздуху были выбраны для изучения не случайно. Согласно классической работе Ю.Д. Апресяна «Лексическая семантика», этот класс глаголов в русском языке в основном лексикализуется с помощью двух представителей редкого для естественного языка класса точных синонимов: глаголов *бросать* и *кидать* [1]. В ходе работы, однако, были выявлены некоторые закономерности, в соответствии с которыми в том или ином контексте выбор одного глагола является для русского языка более естественным. Также были рассмотрены еще два самых частотных для ситуации бросания глагола — *швырять* и *метать*.

Кроме корпусных данных, полученных с помощью «Национального корпуса русского языка», корпусов на платформе SketchEngine, Corpus of Contemporary American English и различных других, мы также использовали

[1] Автор выражает благодарность Т.И. Резниковой за помощь в работе над статьей.

данные, полученные из электронных словарей, в числе которых Multidictionnaire de la langue français, Duden-Wissensnetz deutsche Sprache и Oxford Dictionary of English. Самым главным источником исследуемых нами данных, однако, послужил онлайн-опрос, составленный на русском и английском языках.

2. Методология исследования

Наше исследование опирается на методику лексико-типологического исследования, описанную в недавней работе Е.В. Рахилиной и Т.И. Резниковой «Фреймовый подход к лексической типологии», согласно которой основой для сопоставления лексики служат кросс-языковые «фреймы» — «ситуации, в которых зафиксированы прототипические участники» [5], см. также статью в настоящем сборнике [3].

В соответствии с методикой, применяемой в рамках фреймового подхода, первым этапом работы стал корпусной анализ русских глаголов каузированного перемещения по воздуху и классификация контекстов их употребления. Результатом этого этапа стал перечень из 33 типов бросания, которые легли в основу лексико-типологической анкеты.

Полученная анкета использовалась в ходе второго этапа исследования: был составлен онлайн-опрос, в котором респондентам предлагалось подобрать наиболее подходящий глагол для каждого из 33 контекстов анкеты. Чтобы уменьшить вероятность выбора глаголов, не относящихся к исследуемой семантической области, мы просили русскоязычных респондентов выбрать глагол (или глаголы) только из заданного списка, включавшего четыре описываемые лексемы (т.е. *кидать*, *бросать*, *швырять* и *метать*, что, однако, не ограничило их право на выбор словообразовательных производных, например, *выбросить* или *выкинуть*), в то время как носителям других языков (для них опрос был составлен на английском языке), предлагалось использовать глаголы, по значению близкие к глаголу *throw*.

В результате мы определили набор лексем, которые относятся к исследуемому полю в языках нашей выборки: для английского это глаголы *throw*, *drop*, *toss*, для немецкого — *werfen*, *schmeißen*, *schleudern*, для финского — *heittää*, *pudotta*, *paiskata*, *tiputtaa,* для эстонского — *viskama*, *loopima*, *heitma*, для французского — *jeter*, *lancer*, *bombarder*.

Для выделенных глаголов необходимо было выявить семантические параметры, которые определяют употребление каждого из них в той или иной ситуации. Результаты этого исследования мы представим в следующем разделе.

3. Данные исследованных языков

В отличие от полей, ранее изученных в рамках фреймового подхода [4], [2], поле каузированного перемещения по воздуху, по-видимому, является доминантным: во всех исследованных языках имеется общий глагол, который покрывает все или почти все ситуации бросания. (ср. рус. *бросать* и *кидать,* англ. — *throw*, нем. — *werfen*)[1]. Однако, наряду с центральным глаголом в языках лексикализуются некоторые специальные «типы» бросания — такие ситуации, для лексикализации которых носитель может использовать помимо доминантного и некоторый другой глагол более узкой семантики. Интересно проследить, какие ситуации оказываются настолько когнитивно значимыми, что кодируются в языке особыми лексическими средствами.

Первая подобная ситуация — это бросание объекта как проявление **эмоционального состояния** субъекта (ср. кидание кружки в стену [в ярости], тарелки на пол [от злости], комьев глины [с отвращением]). Эмоции, побуждающие субъект бросить какой-либо объект, как правило, бывают отрицательными: ярость, отвращение, негодование, и т.д. В подобном состоянии субъект осуществляет бросок с силой, поэтому глаголы, описывающие эмоциональное бросание, часто выражают еще и идею применения силы при совершении действия. Такая семантика характерна, например, для немецких глаголов *schleudern* и *schmeißen*, которые могут конкурировать с доминантной лексемой *werfen* как раз в тех случаях, когда бросание осуществляется с силой и отражает негативный настрой субъекта:

(1) Nächstens **schmeisse** ich alle Drei die Treppe hinunter. (DWDS)
‘В следующий раз я сброшу всех троих с лестницы.’
(2) Mit schrecklichem Getöse **schleuderte** er einen Steinbrocken gegen ihn. (deTenTen, SketchEngine)
‘Со страшным ревом он бросил в него камень.’

В русском языке такая ситуация чаще всего, судя по данным НКРЯ и по результатам проведенного опроса, лексикализуется глаголом *швырять*. Эту семантику подтверждают и лексикографические источники: в словарных статьях глагол *швырять* описывается как бросание «с применением силы» или «резко, небрежно».

[1] По-видимому, аналогичную структуру имеет и семантическое поле падения, см. статью [3] в настоящем сборнике.

В финском языке для этого фрейма используется глагол *paiskata*, который тоже толкуется в словарях как «бросание с силой»:

(3) Oli juuri aikeissa **paiskata** kupit täydellä voimalla, mutta jätti sen tekemättä, sillä olisi katunut sitä myöhemmin. (fiTenTen, SketchEngine)
‘Я как раз собирался бросить чашку в стену, но не сделал этого, потому что потом пожалел бы.’

Параллель к идее применения силы при броске мог бы образовывать фрейм, который представлял бы ситуацию перемещения объекта, каузированную легким движением руки субъекта. В нашей выборке эта ситуация (очевидно, гораздо менее значимая, чем эмоциональное швыряние) лексикализуется только в английском — для ее выражения используется глагол *toss*:

(4) For breakfast, **toss** berries or dried fruit into cereal. (CoCA)
‘На завтрак бросьте [добавьте] немного ягод в хлопья.’

Следующий параметр, релевантный для ситуации бросания, — это **направление движения**. Потенциально их может быть три: *по дуге*, *сверху вниз* и *снизу вверх*. Перемещение *по дуге* является прототипическим для ситуации бросания — возможно, поэтому в языках нашей выборки эта ситуация лексически не выделяется.

Специальными глаголами чаще всего лексикализуется бросание *сверху вниз* (монетки в шляпу, бомбы с самолетов, вещи на землю). Так, например, в английском языке есть глагол *drop*, который совмещает семантику бросания со значением неконтролируемого действия (уронить), так что фиксированное направление движения (*сверху вниз*) является для него вполне предсказуемым:

(5) Customers smile as he plays, make eye contact and **drop** coins and dollar bills in the jar. (CoCA)
‘Посетители улыбаются, когда он платит, смотрят в глаза и бросают монеты и долларовые банкноты в банку.’

В финском языке ситуация бросания *сверху вниз* лексикализуется двумя глаголами *pudottaa* и *tiputtaa*, которые образованы от глаголов *pudota* и *tippua* (оба они обозначают *падать*) соответственно с помощью добавления каузативного суффикса *-tta-*:

(6) Hän **tiputtaa** kassin lattialle. (fiTenTen, SketchEngine)
‘Она бросила сумку на пол.’

(7) Sattui että pommikoneet tulivat Suomesta ja juuri siinä kohdassa, jossa me olimme **pudotettiin** kaksi pommia. (fiTenTen, SketchEngine)
'Так получилось, что военные были из Финляндии, и сбросили бомбу как раз там, где мы были.'

Что касается бросания *снизу вверх*, то в нашем материале оно не кодируется специальными лексемами, а, скорее, всегда описывается словообразовательными средствами (ср. рус. ***под****бросить*, нем. ***hoch****werfen*).

Основанием для лексического выделения определенной разновидности ситуации бросания может служить наличие у нее **цели** или **адресата** (ср. бросание палки собаке, дротиков в мишень). В некотором смысле обратную ситуацию представляет кидание как избавление от объекта (ср. бросить что-либо в мусорное ведро). На материале французского языка это противопоставление видно наиболее ярко. При помощи глагола *lancer* чаще всего лексикализуется бросание с наличием цели:

(8) Mais quand il a **lancé** le bâton, le chien est allé chercher! (frTenTen, SketchEngine)
'Но когда он бросил палку, собака пошла искать!'

А вот *jeter*, скорее, обозначает избавление от объекта:

(9) La mission: traquer les automobilistes **jetant** des déchets le long des routes. (frTenTen, SketchEngine)
'Задача: преследовать автомобилистов, бросающих мусор на дороги.'

Это подтверждается как материалами нашего опроса, так и данными, полученными из различных корпусов. Обязательное присутствие цели, зафиксированное и в модели управления лексемы, характерно еще для одного французского глагола — *bombarder*:

(10) Visant le professeur, elle commença à le **bombarder** de boules de neige. (frTenTen, SketchEngine)
'Увидев профессора, он начал забрасывать его снежками.'

Для ситуации избавления от объекта в других рассмотренных нами языках не используются специальные лексические средства. Эта семантика чаще выражается через словообразование (ср. приставочные дериваты ***вы****брасывать* в русском, ***weg****werfen* в немецком или фразовый глагол *throw* ***away*** в английском).

Наконец, лексическое выделение может быть обусловлено **множественностью объекта** (ср. бросать в кого-то помидоры).

Специальный глагол для такого бросания используется во французском языке — это уже упоминавшийся глагол *bombarder*. Отметим, что множественность объекта, по-видимому, всегда подразумевает наличие цели действия — это имеет место и в случае *bombarder*, модель управления которого предполагает выражение и цели ('бросать в кого'), и объекта во множественном числе ('бросать чем'). В русском языке ситуация с множественным объектом чаще всего лексикализуется глаголом *метать*. Кроме того она может выражаться посредством префиксального маркирования (ср. *забрасывать*, *закидывать*).

Итак, мы описали особенности ситуации бросания, которые могут обуславливать выбор того или иного глагола из набора лексических средств, доступных для исследуемого поля в том или ином языке. В следующем разделе мы суммируем полученные результаты и обсудим их специфику в свете предшествующих лексико-типологических исследований.

4. Каузированное перемещение по воздуху: специфика лексикализации семантического поля

Исследование языкового материала показало, что для лексикализации каузированного перемещения по воздуху могут быть релевантными следующие параметры:

- направление движения
  - сверху вниз
  - снизу вверх
  - по дуге (базовый характер движения, не маркируется отдельным глаголом)
- характеристика объекта
  - единичный vs множественный объект
- способ действия
  - применение силы (в том числе участие всей руки или только ладони)
  - эмоции (бросание как проявление эмоций)
  - легкое движение (без применения силы)
- цель
  - попадание в цель (или бросание адресату)
  - бросание как избавление от объекта (выбрасывание)

Следует отметить, что в качестве параметров можно было бы выделить и другие особенности ситуации. В частности, изначально в нашу анкету были включены контексты, в которых в качестве каузатора выступает природная сила (например, ветер, бросающий дождевые капли в лицо или судно по волнам). Однако в ходе опроса носителей выяснилось, что во всех языках, кроме русского, подобные ситуации описываются лексемами, не

относящимися к семантическому полю бросания, так что на данном этапе мы исключили эти фреймы из нашего анализа. Мы предполагали также, что для лексикализации бросания существенным может оказаться размер и вес перемещаемого объекта, однако ни в одном из исследованных нами языков этот параметр не влиял на выбор лексических средств.

В соответствии с фреймовой методикой обычно результатом анализа языкового материала становится выявление минимальных ситуаций (фреймов), которые могут лексически выделяться в том или ином языке. Исходя из данных, описанных выше, нам необходимо выделить следующие фреймы:

- легкое движение
- множественный объект
- [бросание] в цель
- эмоция + сила
- [бросание] вниз
- [бросание] вверх
- выбрасывание

Приведенный перечень фреймов оказывается, однако, крайне необычным на фоне ранее исследованных полей. Дело в том, что обычно фреймы представляют собой взаимоисключающие ситуации. Так, в зоне плавания [4] фреймами являются 'активное плавание' (т.е. плавание человека, людей, рыб, птиц и т.д.), 'плавание судов или на судах', 'плавание по течению' (ср. бревно) и 'пассивное плавание' (ср. морковка в супе) . Понятно, что этим фреймам соответствуют принципиально разные ситуации: они противопоставлены в первую очередь по типу субъекта и тем самым образуют непересекающиеся множества. В нашем же случае фреймы выделяются по различным основаниям (характеристики объекта в одном случае, эмоциональное состояние субъекта — в другом и т.д.) — так что неудивительно, что многие из фреймов могут воплощаться в рамках одной и той же ситуации: можно, например, бросить что-либо вниз, при этом избавляясь от объекта, или в ярости бросить объект в какую-то цель.

И тем не менее именно такое множество фреймов отражает принципы устройства зоны бросания в исследованных нами языках. Специальные (т.е. не доминантные) глаголы, которые выделяют тот или иной фрейм в структуре поля, никак не характеризуют ситуацию с точки зрения других ее параметров. Так, если лексема описывает эмоциональное бросание, то для нее обычно нерелевантно, целится ли субъект во что-либо при броске, направляет ли он объект в том или ином направлении и т.д.

Специфика поля определила не вполне привычный для проектов, реализованных в рамках фреймового подхода, формат семантических карт.

Разработанные нами карты в некоторых отношениях вполне традиционны: как обычно, каждому цвету соответствует определенная лексема того или иного языка, кругами выделены все ситуации, которые могут покрываться этим глаголом. Однако наряду с этим на карту наносится и еще один тип информации: прямоугольниками соответствующего цвета выделяются те ситуации, которые являются наиболее характерными для данного глагола (ср. фрейм 'эмоция + сила' для русского *швырять*). Посмотреть получившиеся карты можно по ссылке[1].

5. Выводы

В данной статье были рассмотрены прототипические ситуации бросания в пяти языках (русском, английском, французском, немецком, финском и эстонском). Всего было рассмотрено 20 различных лексем. На основании полученных данных была составлена карта семантической зоны бросания, точками в которой являются наиболее важные параметры, которые учитываются языком при лексикализации каузированного перемещения по воздуху.

Поле каузированного перемещения по воздуху является нестандартным по сравнению с зонами, ранее исследованными в рамках фреймового подхода к лексической типологии. Специфика рассмотренного поля заключается, во-первых, в тенденции к доминантности: во всех языках выделяется один глагол, который покрывает все или почти все типы ситуации бросания. Во-вторых, фреймы, которые задают лексемы с более специальной семантикой, не образуют взаимоисключающих ситуаций — тем самым для отражения структуры поля на семантической карте потребовалась модификация их традиционного формата.

В ходе дальнейшего исследования предполагается сопоставить результаты, полученные в настоящей работе, с данными других языков, а также включить в анализ переносные значения лексем изучаемого поля.

Библиографический список

1. Апресян 1974 — Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
2. Круглякова 2010 — Круглякова В.А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. к.ф.н. РГГУ, М., 2010.
3. Кузьменко, Мустакимова 2015 — Кузьменко Е.А., Мустакимова Э.Г. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе. // Сборник ТМП-2015. М.: МПГУ, 2015.

[1] https://dochub.com/elizavetaivtushok/87mRlm/lextypmaps.pdf

4. Майсак, Рахилина (ред) 2007 — Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология // Индрик. М., 2007
5. Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии. // Вопросы языкознания № 2. М., 2013.
6. Kopecka, Narasimhan 2012 — Kopecka A., Narasimhan B. Events of Putting and Taking: A Crosslinguistic Perspective // John Benjamins Publishing, 2012.
7. Majid, Bowerman 2007 — A. Majid et al. The semantic categories of cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective // Cognitive Linguistics, 2007.

О.Ю. Инькова

Женевский университет, Женева / ИПИ ФИЦ ИУ РАН, Москва

«ПРИ ТОМ ЧТО»: ОТ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА К СЕМАНТИКЕ

1. Вводные замечания

Как известно, в русском языке существует большое количество подчинительных союзов, построенных по модели «предлог + указательное местоимение *то* + относительное местоимение *что*». В этом русский язык отличается, в частности, от романских, которые пошли по пути исключения указательных местоимений из состава подчинительных союзов (см. для французского языка работы М. Пьерара (M. Pierrard) и Б. Комбетта (B. Combettes). Для многих таких союзов параллельно существуют предложные группы с указательными и относительными местоимениями, также имеющие связующую функцию: *в связи с тем что – в связи с чем – в связи с этим*; *несмотря на то что – несмотря на это*; *для того чтобы – для чего – для этого*; *ввиду того что – ввиду чего – ввиду этого*. Образуются, таким образом, парадигмы коннекторов, где каждый из членов имеет свои синтаксические особенности употребления, но где все члены выражают один тип логико-семантических отношений. Кроме того, этим коннекторам, как правило, соответствует вопросительное местоимение с тем же предлогом и с той же семантикой (*в связи с чем? несмотря на что? ввиду чего? для чего?* и под.).

Многие из членов этих парадигм описаны в работах, посвященных причинным, целевым и уступительным отношениям, а также в работах, затрагивающих вопрос о статусе и условиях употребления т.н. расчлененных форм подчинительных союзов, т.е. таких, где часть, содержащая демонстратив, отделена от подчинителя *что* запятой или даже словами, входящими в состав главного предложения (см. библиографию, а также § 3.6 ниже). Парадигма, построенная с участием форманта *при* и содержащая не три, а четыре элемента (*при том что, причем, притом, при этом*), не привлекла особого внимания исследователей, как и сам предлог *при*. Хотя эта парадигма по своему составу схожа с парадигмой с формантом *по*: *потому (,) что, поэтому, потому* и *почему* (*и*), она отличается от нее синтаксическими и стилистическими характеристиками своих членов, а также степенью их грамматикализации. Кроме того, в отличие от парадигмы с формантом *по*, где все члены выражают причинно-

следственные отношения, члены парадигмы с формантом *при* различаются не только своими синтаксическими свойствами, но и семантикой, относительно которой не существует, однако, единого мнения.

В настоящем исследовании мы остановимся на одном из членов парадигмы – союзе *при том что*, поскольку описание его синтаксических и семантических свойств показывает проблематичность разграничения двух типов сентенциальных обстоятельств: тех, которые вводятся предложно-падежным сочетанием с демонстративом, и тех, которые вводятся подчинительным союзом. Действительно, как и многие другие союзы данной морфологической структуры, *при том что* существует наряду с предложной группой с указательным местоимением *то*; ср. (1) и (2):

(1) **При** моем графике концертов, гастролей, **при том, что** у меня фактически не оставалось времени для дома, для семьи, соглашаться еще и на телевизионную кабалу было по меньшей мере легкомысленно. [Юрий Башмет. Вокзал мечты (2003)][1]
При моем графике концертов, гастролей, [**при** [**том**, [**что** [у меня фактически не оставалось времени для дома…]$_{IP}$]$_{CP}$]$_{NP}$]$_{PP}$

(2) Но постепенно художник постигал новую страну, **притом что** общим аршином ее никак не измерить. [Игорь Свинаренко. Изумления американца Кулагина (1997) // «Столица», 1997.12.
Но постепенно художник постигал новую страну, [**притом что** [общим аршином ее никак не измерить]$_{IP}$]$_{CP}$

В (1) речь идет о разложимой последовательности: предлоге *при* и сложной именной группе *том, что P*. Она имеет в предложении такую же синтаксическую функцию, что и первая предложная группа с *при* (*при моем графике концертов, гастролей*). В (2) речь идет о неразложимой языковой единице со связующей функцией, что, по-видимому, и призвана отразить пунктуация и новаторская орфография.

Однако не всегда можно однозначно провести границу между этими двумя омонимичными структурами.

(3) Лично мне удалось получить визу **при том, что** четыре справки из восьми были абсолютным фейком. [Саша Грибоедова. Амстердам Trip (2004) // «Хулиган», 2004.07.15]

[1] Примеры, за исключением (9), (32), (35), (40), (45), (46), (54), заимствованы из письменного и устного подкорпусов НКРЯ (ruscorpora.ru).

(4) Но во втором тесте отмечено небольшое увеличение износа **при том, что** не обнаружено влияния на коэффициент трения. [Александр Будкин. Зачем лечить здорового? (2004) // «За рулем», 2004.04.15]

Если в (3) пунктуация и контекст еще позволяют интерпретировать *при том, что* как предложную группу или, что тоже возможно, как расчлененную форму союза, схожую по своим свойствам с *потому, что*, то в (4) ни контекст, ни коммуникативная структура высказывания не позволяют оправдать запятую: *при том, что* не может быть здесь понято ни как предложная группа, ни как расчлененная форма союза, требующая для главного предложения статуса Данное [1].

Рассмотрение проблемы разграничения двух видов сентенциальных обстоятельств — оформляемых предложно-падежной группой с демонстративом и союзом — мы начнем с анализа функциональных свойств предлога *при* и рассмотрим возможности трансформации именной вершины предложной группы в пропозицию (§2.); затем (§3.) мы рассмотрим критерии, на основании которых можно провести границу между омонимичными структурами, проиллюстрированными (1) и (2), и в заключение остановимся на семантических и коммуникативных свойствах высказываний, оформляемых союзом *при том что* (§4.).

2. Синтаксические и семантические свойства предлога «при»

Функциональные и семантические свойства предлога *при* на сегодняшний день описаны мало. В недавних работах, посвященных предлогам [2; 3; 4], ему посвящены несколько общих замечаний, и, насколько нам известно, ему посвящены только два исследования [5; 6]. Грамматики [7; 8; 9; 10] и, особенно, словари [11; 12; 13; 14] выделяют у предлога *при* до шестнадцати значений, которые можно, однако, объединить в две большие группы на основе семантико-синтаксических критериев:

1) ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ со значением принадлежности или зависимости, подчиненности. В этом значении ПрГ[1] с *при* входит в состав ИГ, определяя ее (5): $ИГ_1$ *при* $ИГ_2$, или является именной частью сказуемого (6): СВ *при* ИГ.

[1] В статье используются принятые в [15] сокращения: ПрГ – предложения группа, ИГ – именная группа, ГГ – глагольная группа, СВ – связка.

(5) Если не ошибаюсь, он начал службу адъютантом **при** князе Волконском. [Э. И. Стогов. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I (1870-1880)]

(6) Алешка был **при** деньгах, был женат на чудесной женщине и еще лез к чужой (считай теперь к его, курчевской) девчонке. [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969-1971)]

В этом случае своего употребления ПрГ с *при* ведет себя нетипично для ПрГ с предложным падежом (так как этот падеж, согласно [16: §2], имеет помимо синтаксической функции еще и функцию семантическую): ПрГ с *при* не может занимать периферийной позиции, и в сферу ее действия попадает лишь зависящее от него существительное.

2) Обстоятельственные отношения

2a) Пространственные (локативные) отношения: *при* вводит объект, в непосредственной близости от которого находится другой объект (ГГ/СВ *при* ИГ). При сочетании предлога с именами инстанций, организаций и т.д. это значение сближается со значением «зависимости», т.е. с объектными отношениями; ср. (7):

(7) Вы должны пойти к Кириллину, чтобы создать **при** Совете Министров группу экспертов, которая помогла бы стране перестроить технику и науку в прогрессивном духе. [Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)]

(8) Александр Сергеевич постоянно находился **при** императрице. [Дворянское гнездо под Петербургом (2003) // «Лесное хозяйство», 2003.12.23]

По синтаксическим свойствам ПрГ с *при* с локативным значением также схожа с ПрГ с *при* с объектными отношениями: она имеет присловную сферу действия, но может тем не менее менять свою позицию в высказывании. Ср. (8) выше и (9):

(9) **При** больном постоянно находился архимандрит Питирим (Штенах), многолетний помощник архиепископа. [http://www.pravoslavie.ru/news/22721.htm, 09.10.2015]

2b) Отношения логические и хронологические

— Хронологические отношения: ПрГ с *при* употребляется для указания на эпоху или событие, действие, в момент которого происходит что-то:

(10) **При** Петре I в России появились две новые питейные меры: штоф и мерзавчик, а также ведро указное, равное 200 чаркам. [Б. Казаченко. «Веселие пити» // «Наука и жизнь», 2006]

— Отношения СОПУТСТВОВАНИЯ: ПрГ с *при* указывает на какое-либо явление, обстоятельство, сопровождающее что-л., сопутствующее чему-л.:

(11) На другой день, **при** ясной и теплой погоде, я с пятью якутами переправился через Лену, то есть через узенькие протоки, разделявшие бесчисленные острова. [И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]

— ПРИЧИННЫЕ отношения: вследствие чего-либо (12), а также для указания на обладание какими-либо качествами, свойствами, которые являются причиной чего-л. (13):

(12) Вера покраснела **при** этих словах и села на диван в тень большой латании. [А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)]

(13) Поступала она сама: моя фамилия **при** ее характере ей только бы помешала. [Шамиль Тарпищев. Самый долгий матч (1999)]

— УСЛОВНЫЕ отношения: для указания на событие, явление факт, которые являются условием для осуществления чего-л.:

(14) **При** малейшей удаче он необыкновенно ободрялся. [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)]

— УСТУПИТЕЛЬНЫЕ отношения (несмотря на какие-либо обстоятельства):

(15) Либеральное правительство (…) неспособно ни искренне хотеть этого, ни осуществить этого, даже **при** самом искреннем желании. [В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции (1905)]

Эту группу значений объединяют следующие семантические и синтаксические свойства:

— периферийная позиция ПрГ с *при*, которая может свободно перемещаться внутри высказывания;

— сентенциальная сфера действия ПрГ с *при*;

— пропозициональная семантика зависимого от *при* имени.

Действительно, начиная с классических работ Ш. Балли и Т.Б. Алисовой, хорошо известно, что предложения с периферийными позициями являются результатом «конденсации двух предикатов, один из которых сохраняет первоначальную форму и значение, а другой теряет самостоятельные показатели предикативности» [17: 30]. В случае ПрГ с *при* именная вершина

является либо номинализацией ситуации, либо одним из ее актантов, связанных с имплицитным предикатом отношения существования или принадлежности [5: 66]. Это позволяет, следовательно, предположить, что зависимое от *при* имя можно трансформировать в пропозицию, которую будет вводить в состав предложения предлог *при* в сопровождении демонстратива и подчинительного союза *что*: [*при* [...]$_{NP}$]$_{PP}$ → [*при* [*том,* [*что* ...]$_{CP}$]$_{NP}$]$_{PP}$. Такие трансформации, как известно, возможны с другими предлогами и образованными на их основе союзами с сохранением семантической эквивалентности между двумя синтаксическими структурами: *до — до того как* (Все было решено *до* его приезда / *до того, как* он приехал), *после — после того как, вместо — вместо того чтобы*; ср. также во французском языке *avant* 'до'— *avant que* 'до того как' (Tout a été décidé *avant* son arrivée / *avant qu*'il arrive 'Все было решено *до* его приезда / *до того, как* он приехал'), *jusqu'à* 'до (тех пор)'— *jusqu'à ce que* 'до тех пор, пока'.

Однако в случае с предлогом *при* полученные трансформации не эквивалентны с семантической точки зрения исходным структурам: между главной и зависимой предикациями устанавливается другой тип отношений, чем между ПрГ с *при* с именной вершиной и попадающей в сферу ее действия пропозицией, если такие трансформации вообще представляются возможными. Ср. трансформации примеров (10) с хронологическими отношениями и (14) с условными, дающие малоудовлетворительные результаты, хотя подчинительные союзы, выражающие данные отношения (*когда* и *если*), являются в данном случае приемлемыми.

(16) **При** Петре I в России появились две новые питейные меры: штоф и мерзавчик...
??**При том, что** правил Петр I, в России появились две новые питейные меры... (когда – ОК!)

(17) **При** малейшей удаче он необыкновенно ободрялся.
??**При том, что** случалась малейшая удача, он необыкновенно ободрялся (если – ОК!)

Даже если исходить из того, что тип отношения между ПрГ с *при* и пропозицией во многом обусловлен семантикой зависимого от предлога имени и синтаксической конструкцией, как это принято в литературе, посвященной предлогам, и считать, как это предлагает Н. С. Власова, что ПрГ с *при* выражает «инвариантное смысловое значение — значение сопровождения другого действия, состояния или признака», а ее «грамматическим значением является значение одновременности действия» [5: 65], то неприемлемость таких преобразований кажется еще

более странной. Однако там, где обе синтаксические структуры — [*при* NP]$_{PP}$ и [*при* [*том,* [*что* [...]$_{IP}$]$_{CP}$]$_{NP}$]$_{PP}$ — появляются в одном высказывании как однородные члены, отношения, которые их связывают с остальной частью высказывания, можно определить именно как *сопутствующее обстоятельство*. Ср. (1) выше, а также (18):

(18) Другое дело, что этот сценарий очень трудно реализовать, да еще **при** сопротивлении Запада и **при том, что** есть реальная опасность гражданской войны. [Александр Механик. Революция под копирку (2004) // «Эксперт», 2004.12.06]

С другой стороны, именно в таких синтаксических и семантических структурах ПрГ с *при* омонимична союзу *при том что*, который, если оставаться в рамках дихотомии сочинение — подчинение, следует определить как подчинительный, хотя бы в силу его морфологического состава. Кроме того, вводимое им предложение может как следовать за главным (19), так и предшествовать ему (20), а также быть вложенным в него (21), что также характеризует его как подчинительный (см. также § 3.6 ниже).

(19) Его водянистые зрачки были вкрадчивы и почти неподвижны, **при том что** рот не закрывался. [Александр Иличевский. Перс (2009)]

(20) **При том что** правящая лейбористская партия обладает большинством в парламенте, принять соответствующий закон не составило бы труда. [Климентий Амелин. Правда про ложи: антимасонский заговор // «Коммерсантъ-Власть», 1998]

(21) Но серьезного движения на эту тему / **при том / что** на эту тему произносилось много слов / не произошло. [Круглый стол «Корпоративные облигации: опыт и перспективы финансирования модернизации промышленности» // Из коллекции НКРЯ, 2002]

Что касается пунктуации в сложных предложениях, оформленных последовательностью *при том что*, то здесь возможны следующие случаи, типичные для союзов данной морфологической структуры, таких как *несмотря на то что, ввиду того что, вместо того что* и др. (заметим, что для *потому что* случаи II. и IV. нехарактерны):

I. P *при том, что* Q.

(22) Что бы подарить любимому водолею на день рождения **при том, что** он влюблен в компы и паяльники, а я в этом не смыслю ничего. [Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)]

II. P**,** *при том, что* Q.

(23) Так вот за это проголосовали лишь 192 депутата**, при том, что** для принятия соответствующего решения нужно 226 голосов. [А. Сафарин. Как отнеслись к бедам села «слуги народа» (2003) // «Советская Россия», 2003.07.10]

III. P**,** *при том что* Q; ср. (19) выше.

IV. *При том, что* Q**,** P.

(24) **При том / что** мне не понравился фильм / актер / который сыграл агента Смита в "Матрице" / мне понравился. [Ник Перумов. Творческий вечер Н. Перумова в клубе «Лабиринт» // Из коллекции НКРЯ, 2002]

V. *При том что* Q**,** P; ср. (20) выше.

Заметим также, что для всех пяти вариантов НКРЯ дает написание *при том* в одно слово: *притом*, что свидетельствует о потере семантической и синтаксической самостоятельности предлога *при* и демонстратива на пути превращения *при том что* в союз: [*при* [*том,* [*что* …]$_{CP}$]$_{NP}$]$_{PP}$ → [*при том что* [...]$_{IP}$]$_{CP}$.

(25) (вариант II.) К началу 2001 года на заводе трудились 450 человек, **притом, что** в лучшие времена здесь работали 6, 5 тысяч. [Иван Штольц. Рыхление почв (2002) // «Дело» (Самара), 2002.07.02]

(26) (вариант III.) В Афинах на трибунах сидели 15 тысяч зрителей, **притом что** в этот день проходил финал женского баскетбола. [Вера Михайлова. Кавалерия нашего времени // «Русский репортер», № 37 (215), 22 сентября 2011, 2011]

(27) (вариант IV.) **Притом, что** выпущено оно было 31 декабря (!), оно кардинально изменило распределение, по мнению рыбаков, в пользу олигархических лоббистов. [Даниил Володин. Рыбакам надоело правительство (2003) // «Ежедневные новости» (Владивосток), 2003.01.14]

(28) (вариант V.) **Притом что** бюрократический аппарат раздут сверх всякой меры, «эффективных людей» даже в самых высоких эшелонах исполнительной власти можно пересчитать по пальцам… [Ирина Ринаева. Голод в белом доме (2003) // «Московский комсомолец», 2003.01.14]

Что касается варианта I., то он представлен, в основном, в парцеллированных конструкциях, типичных также для расчлененной

формы причинных и целевых союзов, где главное предложение заменено местоимением *это*. Для этих конструкций в НКРЯ также зафиксированы все возможные варианты написания:

(29) … заявил, что сейчас детские книжки доступней и лучше, чем при Советах. **Это притом, что** сейчас самые примитивные детские раскраски стоят не меньше 30-40 рублей (максимум в 5 или 10 тысяч экз.), а тогда их красная цена была 5-15 копеек при тираже от 300000 до миллиона экземпляров! [Владимир Плотников. СМИ без цензуры – диктатура халтуры (2003) // «Советская Россия», 2003.08.19]

(30) Что продавать людей, как собак или кошек, как шкаф или телегу, – нехорошо. Но нет, автор об этом не задумывается. (…) И **это притом что** Пушкин еще в 1819 году писал: (…) [Денис Драгунский. О рабах и свободных // «Частный корреспондент», 2011]

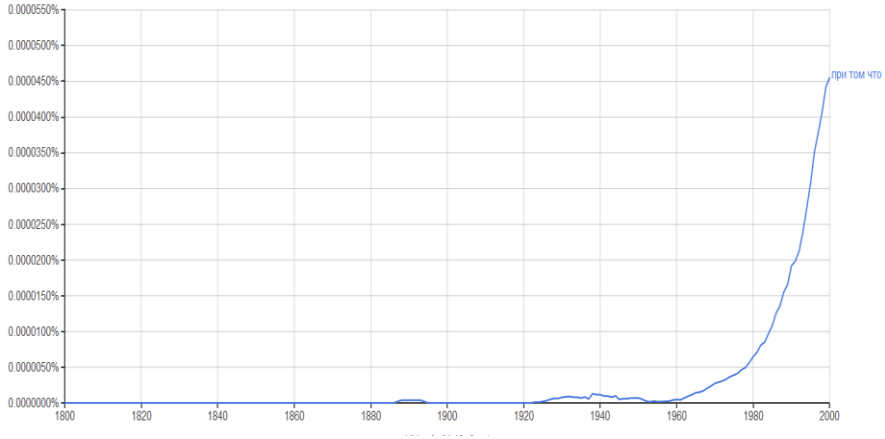
(31) Купила ещё одну юбку, **это при том, что** в юбках она раз в год по обещанию ходит. [Наши дети: Подростки (2004)]

Слитное написание предлога и демонстратива может расцениваться как знак того, что говорящие осмысляют *при том что* как союз, схожий по своей форме с многочисленными составными подчинительными союзами: *несмотря на то что, вместо того чтобы*, но, прежде всего, с *потому что* и *оттого что*. Об этом же, на наш взгляд, свидетельствуют и колебания в пунктуации, также характерные для этой группы союзов.

В структурах III. и V. можно с высокой долей вероятности утверждать, что речь идет о союзе, особенно, при слитном написании предлога и демонстратива. Критическими для анализа случаев омонимии союза и ПрГ с *при* представляются структуры I., II., IV. На их анализе мы и остановимся подробнее, чтобы, с одной стороны, определить значение союза *при том что*, а с другой, попытаться провести границу между двумя омонимичными структурами. При этом будут, конечно, промежуточные случаи с неоднозначной интерпретацией, поскольку речь идет о языковой единице, находящейся в процессе грамматикализации и с прозрачным для носителя языка морфологическим составом, элементы которого функционируют самостоятельно в составе других синтаксических структур, в частности, в системе синтаксического подчинения.

Вот данные ресурса *Google books Ngram Viewer* (https://books.google.com/ngrams)[1] для *при том что* и для *потому что*, употребление которого остается стабильным (за исключением загадочного всплеска вокруг 1860 года), тогда как количество употреблений *при том что* характеризуется резким увеличением начиная с 1980-гг.

Рисунок 1



1700-1900 — НКРЯ 30 вхождений; 1900-2015 — НКРЯ 1238 вхождений + 315 с *притом что.*

[1] К этому ресурсу можно относится по-разному, но его результаты в данном случае совпадают с эмпирическими наблюдениями лексикографических данных: указания на существование союза при том что содержится только в словарях, вышедших в конце XX-начале XXI века.

Рисунок 2

1700-1900 — НКРЯ — 38 755 вхождений; 1900-2015 — НКРЯ — 102 061 вхождений.

3. От предложной группы к коннектору

Какие можно предложить критерии, прежде всего, синтаксические, чтобы определить, какой статус в структуре предложения имеет последовательность *при том что*?

3.1. «Что» союз vs «что» местоимение

Представляется вполне очевидным, что омонимия не возникает в тех случаях, когда ПрГ с *при* входит в обязательную валентность предиката и/или когда придаточное предложение вводится не союзом *что*, а относительным местоимением (причем не обязательно *что*), на которое, кроме того, будет всегда падать логическое ударение:

(32) Невозможно сделать совсем хорошо **при том, что** творится в стране. Можно серьезно улучшить.
[http://www.reporter.com.ua/interviews/d1j333/, 11.10.2015]

(33) И. Эренбург присутствовал **при том, как** распаковывали ящики с картинами. [неизвестный. Встреча с И. Эренбургом (1938.01.25) // «Советское искусство» Орган Всесоюзного комитета по делам Искусств при Совнаркоме Союза ССР № 9 (415), 1938]

(34) Кажется, что **при том, сколько** и **как** вы общались с людьми в театре, вы должны, наверное, с первого взгляда все понимать про человека?
[http://www.teatral-online.ru/news/1856/, 10.10.2015]

В данных синтаксических структурах, и особенно в (33), где ПрГ с *при* заполняет семантическую валентность предиката, она ведет себя скорее как сентенциальный актант, а не как сентенциальное обстоятельство. Известно, что главное предложение в синтаксической структуре с сентенциальным обстоятельством обладает следующими свойствами [18; 15: 129-143]: оно образует отдельную составляющую, и, следовательно, способно выделяться в отдельное высказывание и заменяться на местоимение *это*. Мы видели, что в тех случаях, когда *что* является союзом, эти свойства главного предложения реализуются; см. примеры (29)-(31) выше с заменой главного предложения на *это*, а также (35) с парцелляцией:

(35) Уже не говоря о том, что стоимость фотоматериалов сделала бы фотофиксацию каждого наличника просто золотой. **При том, что** речь шла бы конечно о чёрно-белых пленках. [http://nalichniki.com/klassifikaciya/, 19.11.2015]

Ни одна из этих трансформаций не представляется, на наш взгляд, возможной с (32)-(34). Оба теста однозначно не проходит (33), как показывают соответствующие его трансформации в (36).

(36) *И. Эренбург присутствовал. **При том, как** распаковывали ящики с картинами
*И. Эренбург присутствовал. **Это при том, как** распаковывали ящики с картинами

Что касается (32) и (34), где ПрГ с *при* не входят в обязательные валентности предиката, то парцелляция здесь, по-видимому, возможна, однако замена главного предложения на указательное местоимение дает малоудовлетворительные результаты. Ср. для (32) трансформации (37):

(37) Невозможно сделать совсем хорошо. **При том, что** творится в стране.
??Невозможно сделать совсем хорошо. Это **при том, что** творится в стране.

Эти тесты позволяют сделать вывод о том, что сентенциальные обстоятельства, в которых придаточное вводится относительным местоимением, характеризует бóльшая степень синтаксической и коммуникативной связности с главным предложением.

3.2. Тест вопросительного местоимения

Чтобы определить степень «встроенности» придаточного предложения в главное, часто используется тест вопросительного местоимения, который

показывает, занимает ли придаточное синтаксическое место в главном предложении или нет. Этот тест работает с каноническими придаточными: сравнительными, времени, цели и причины, которые вводятся производными от относительных местоимений показателями связи и отвечают на вопрос, заданный с помощью соответствующего вопросительного местоимения (*как? когда? почему? для чего?* и под.).

В случае *при том что* не существует семантической эквивалентности между вопросительным местоимением и соответствующим ему союзом. Вопрос *при чем (здесь /тут)?* задается для выяснения релевантности сказанного [19: 204]:

(38) **Причем** тут другой уровень? Другой уровень **при том, что** речь идет не о конкретном человеке и его проблемах, а о проблемах массы людей, которых может становиться меньше, а может — больше. [Освобождение от условностей (блог) (2008)]

В данном примере *при том, что,* фигурирующее в ответе, является безусловно ПрГ (при этом обращает на себя внимание слитное написание вопросительного *причем*), но проблема заключается в том, что это ее значение (объяснение релевантности) покрывает лишь незначительную часть употреблений *при* + демонстратив. Так, вряд ли в (1) выше можно считать, что обе синтаксические структуры с предлогом *при* отвечают на вопрос «При чем соглашаться на телевизионную кабалу было легкомысленно?». А значит, тот факт, что придаточное не отвечает на вопрос *при чем?*, не является достаточным основанием для того, чтобы считать последовательность *при том что* союзом.

3.3. Повторение союза «что»

Известно (это следует, по крайней мере, из примеров, приводимых для т.н. «критерия Ширяева» [20]), что при однородных дополнительных придаточных, зависящих от демонстратива союз *что* повторяется при каждом из сочиненных членов.

(39) Заявить надо, вот что. Но как вы женщина и по этим делам неопытная, то я лично за вас заявляю в партию. И чтобы дать вам это в заслугу, скажу, **что** все это мошенство разъяснили вы и не потерпели его… **И** притом — **что** в дом к вам он шлялся просто нахально. [А. Г. Малышкин. Люди из захолустья (1938)]

Это правило работает, однако, довольно нерегулярно. Ср., в частности, такой пример, где подчинительный союз не повторяется, хотя мы здесь явно имеем два сочиненных придаточных, зависимых от глагола *сообщать*:

(40) (…) мы сообщаем, **что** прошел названный промежуток времени **и** он целиком был занят данной деятельностью [Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев, Введение в русскую аспектологию, 2000, с. 112]

Можно, тем не менее, заметить, что при однородных дополнительных придаточных употребляются, в основном, союзы *и* (39) выше, *но* (41) и *или* (42):

(41) Да, он сказал, **что** тоже охотно поможет, **но что** вы (и он безусловно прав!), **что** вы гораздо авторитетнее… [К. А. Федин. Первые радости (1943-1945)]

(42) И уж ни в коем случае нельзя скрывать от наставника, **что** вы не успеваете за заданным им ритмом тренировки, **или что** вас слишком тяготит та или иная нагрузка. [Стремление к совершенству (2003) // «100% здоровья», 2003.02.14]

Такие однородные придаточные плохо, однако, совместимы с союзом *а*, который, наоборот, часто встречается в придаточном, вводимом союзом *при том что*, как, впрочем, и с другими подчинительными союзами. Ср. неприемлемость (43), в отличие от исходного (22):

(43) ??Мне **сказали**, что он влюблен в компы и паяльники, **а** что она в этом не смыслит ничего.

В отличие от данных структур, в сферу действия *при том что*, даже в тех случаях, когда *что* отделено запятой, попадает сочинительная структура в виде единого синтаксического и семантического блока; ср. также (29) выше.

3.4. Вхождение в сочинительный ряд с [при NP]$_{PP}$

Вхождение двух синтаксических типов обстоятельств — *при* ИГ и *при том что* Р — в сочинительный ряд может считаться признаком интегрированности демонстратива в синтаксическую структуру главного предложения; см. примеры (1) и (18) выше, где *при том, что* может быть проанализирован как [*при* [*том,* [*что* …]$_{CP}$]$_{NP}$]$_{PP}$.

Об этом же свидетельствует и возможность трансформации таких предложений в грамматически отрицательное, т.е. путем присоединения к главному глаголу отрицательной частицы *не*, причем это отрицание будет расцениваться как отрицание всего высказывания. Ср. трансформацию (1) в (44):

(44) **Не** соглашаться на телевизионную кабалу **при** моем графике концертов, гастролей, **при том, что** у меня фактически не оставалось времени для дома, для семьи, было по меньшей мере легкомысленно.

Это свидетельствует о том, что данное предложение имеет одну ассерцию[1], поскольку высказывание, имеющие две или более ассерции, не может, как правило, иметь полноценного отрицания [21: 24]. На этом же основании, т.е. возможности отрицания всего высказывания, можно считать *при том, что* в (3) выше предложно-падежным сочетанием, в отличие от (4), не допускающего такой трансформации и в котором, следовательно, последовательность *при том что* может рассматриваться как союз.

3.5. Референциальный статус предложения, вводимого «при том что»

Как было показано в работах [22; 23; 24; 25], в изъяснительных придаточных предложениях, оформляемых *то, что*, в отличие от предложений, оформляемых союзом *что*, описывается положение вещей, имеющее статус факта, т.е. логической истины. И если Е. В. Падучева [22: 27] и приводит список контекстов, в которых придаточное, оформляемое *то что*, не имеет статуса факта, то речь идет о таких случаях, когда указательное местоимение управляется глаголом главного предложения (*сводиться к тому, что; начинаться с того, что* и др.), тогда как в интересующих нас структурах обстоятельство находится вне управления глагола. А. В. Циммерлинг [26], анализируя функционирование синтаксической структуры *то, что P* в функции подлежащего, подчеркивает, что придаточные, оформляемые *то, что*, обозначают в русском языке только ситуации, которые имеют статус факта. Поскольку в случае сентенциального обстоятельства, оформляемого *при том что*, мы имеем ситуацию, схожую с функционированием сентенциального подлежащего, которое также не управляется глаголом главного предложения, то можно было бы принять это свойство придаточного *то,*

[1] Это свойство характеризует, согласно анализу, предложенному О. Е. Пекелис [18], структуры с сентенциальными актантами, а не обстоятельствами. Однако автором рассматриваются только сентенциальные обстоятельства, оформляемыми подчинительными союзами. Интересующие нас структуры формы *предлог + демонстратив + что*, которые в тех случаях, когда они не входят в обязательную валентность глагола, тоже, с нашей точки зрения, можно считать сентенциальными обстоятельствами.

что P — иметь референциальный статус факта — за критерий, который мог бы позволить разграничить *при том что* предложно-падежное сочетание и союз. В первом случае придаточное должно соответствовать указанной закономерности, во втором — может ей не подчиняться.

Корпус примеров, использованных для нашего анализа, подтверждает, что предложение, вводимое *при том что*, может описывать не только положения вещей, имеющие статус факта. Ср. (45) и (46):

(45) Другой вопрос, что ситуация все равно не очень приятная, **при том, что** выборы можно **было бы** провести и раньше. [http://www.fontanka.ru/2015/09/08/121/print.html, 19.11.2015]

(46) Малюсенькая батарея должна справляться со своими задачами в течение всего дня — **при том, что** ее мощности **хватило бы** от силы на пару минут работы ноутбука. [https://thebigplans.ru/iphone-creators]

Это позволяет говорить о том, что в данных предложениях мы, судя по всему, имеем дело с союзом, а также о достаточно продвинутой степени грамматикализации последовательности *при том что*, которая в качестве подчинительного союза имеет свои условия употребления, не совпадающие с условиями употребления предложно-падежного сочетания. Представляется существенным и тот факт, что в приведенных примерах последовательность *при том, что* отделена от главного предложения запятой или более сильным знаком препинания — тире, даже если *что* и отделено, в свою очередь, от демонстратива запятой. Это также позволяет говорить о том, что последовательность *при том что* имеет здесь статус союза, находящегося с главным предложением в меньшей грамматической и семантической связности, чем предложно-падежная группа.

3.6. Сочетаемость с выделительными частицами и отрицанием

Как известно, именно при сочетании с выделительными частицами и отрицанием подчинительные союзы *потому что, оттого что* и под. употребляются в расчлененной форме [27: §108; 28: 148сл.; 29; 30; 10: II, §3031]. Некоторые исследователи предпочитают даже говорить о возврате к соотносительной структуре и реинтеграции ПрГ с демонстративом в состав главного предложения [9: 722; 10: II, 579; 29: 54; 31: 110; 32: 88]. В случае *при том что* такой подход представляется более чем обоснованным, по крайней мере, на данном этапе грамматикализации союза.

Кроме того, в отличие от других подчинительных союзов, производных от относительных местоимений, *при том что*, каков бы ни был его морфологический статус (предложно-падежное сочетание или союз), не

сочетается с отрицанием. НКРЯ дает лишь один пример, но и тот малоубедительный (для сравнения на сочетание *потому что* с отрицанием НКРЯ выдает 3484 вхождения):

(47) То есть, по той логике, когда одна сторона добивается успеха, только нанося ущерб позициям соперника, а **не при том, что** и соперник тоже добивается успеха. [В. В. Михеев. Интеграционная мотивация проблемы формирования структуры безопасности через соразвитие в Северо-Восточной Азии (2002) // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.04.29]

Разъяснение этому феномену следует, по-видимому, искать в семантике предлога *при* и союза (см. об этом ниже), а также в высокой степени семантической, коммуникативной и, по-видимому, синтаксической независимости вводимого им предложения.

Что касается сочетаемости с выделительными и парадигматизирующими частицами, то здесь можно наблюдать разную степень приемлемости, которая зависит от синтаксического статуса последовательности *при том что* и коммуникативной структуры высказывания. Так, ПрГ с демонстративом допускает такую сочетаемость, как показывает (48):

(48) Теперь понятно, зачем этому кочевнику столитровый бензобак — **даже при том, что** львиная доля из пройденных 458 км пришлась на загородное шоссе, средний расход составил 16,6 л/100 км. [Юрий Нечетов. Духи благосклонны (2004) // «За рулем», 2004.02.15]

В данном примере ничто не мешает рассматривать последовательность *при том что* как сентенциальное обстоятельство формы [*при* [*том,* [*что* ...]$_{CP}$]$_{NP}$]$_{PP}$.

Иная ситуация имеет место с союзом *при том что*. Так, если вставить в (49) *особенно*, то более приемлемым следует признать не вариант с расчлененной формой (и соответствующей интонацией) (50), реинтегрирующей ПрГ с демонстративом в состав главного предложения, а вариант (51) с паузой, отделяющей придаточное, вводимое союзом *при том что*, от главного.

(49) Как вы на это решились, **притом что** успех не был гарантирован? [Андрей Веселов, Нил Ушаков. Нил Ушаков: «Латвии надо на три года забыть про “русский вопрос” и «оккупацию»» // «Русский репортер», № 37 (215), 22 сентября 2011]

(50) ??Как вы на это решились **особенно притом, что** успех не был гарантирован?

(51) Как вы на это решились, **особенно притом, что** успех не был гарантирован?

Это связано с тем, что придаточное описывает то обстоятельство, при котором надо рассматривать вопрос, заданный в главном предложении. Следовательно, главное и придаточное представляют собой два речевых акта, каждый из которых имеет свою иллокутивную силу: вопрос и утверждение (см. § 3.4 выше о количестве ассерций в высказываниях с сентенциальным актантом).

Такими же коммуникативными свойствами обладает и (22) выше, несмотря на запятую, отделяющую *что* и демонстратив. Ср. его трансформацию (52):

(52) Что бы подарить любимому водолею на день рождения**, особенно при том(,) что** он влюблен в компы и паяльники, а я в этом не смыслю ничего.

На этом основании и, несмотря на пунктуацию, *при том что* можно также считать здесь союзом. Что касается запятой, которую в (52) можно оставить (и таким образом данное высказывание будет соответствовать модели II.), то она отразит соответствующую коммуникативную структуру высказывания: придаточное имеет статус Данное и содержит контрастивную тему. Ср. зафиксированный пример (53):

(53) вот это говорит о силе бразильской команды / **при том / что** бразильцы играли / между прочим / без Роналдо. [Виктор Гусев. Спортивный репортаж: футбол. Россия — Бразилия. Товарищеский матч. 01.03.2006. // «Первый канал», прямой эфир, 2006]

В этом высказывании главное предложение имеет статус Новое, а придаточное — сатус Данное. Кроме того, *при том* является контрастивной темой (с интонацией ИК-3-К, согласно [33: 37]): ситуация, описанная в придаточном, противопоставляется другим возможным ситуациям, которые могли бы аргументировать в пользу силы бразильской команды. О дополнительном характере информации, содержащейся в придаточном, а также о наличии имплицитной парадигмы схожих с описанной в нем ситуации, свидетельствует и дискурсивный показатель *между прочим*. Пауза-запятая сигнализирует здесь не что иное, как логическое ударение,

которое падает на демонстратив (ср. схожий анализ расчлененных форм подчинительных союзов в [1]).

Подводя итог обзору синтаксических критериев, которые позволили бы разграничить разного рода синтаксические конструкции, в том числе омонимичные, в предложениях с последовательностью *при том что*, приходится констатировать, что синтаксическая теория оставляет нас, в общем-то, безоружными перед данной проблемой. Чтобы найти решение данной проблемы, следует, по-видимому, обратиться к семантическому уровню и уровню организации текста, а именно к семантике того логико-семантического отношения, которое устанавливает союз *при том что*, в существовании которого вряд ли можно сомневаться. В этом нам близка позиция, изложенная в работе [34], авторы которой полагают, что то, что в грамматике называется обстоятельственными придаточными предложениями (« subordinate clauses »), больше относится к области организации текста, чем к синтаксису[1], поскольку подчинительные союзы являются не чем иным как грамматикализованными показателями иерархической организации текста (« a grammaticalization of very general property oh the hierarchical structure of the discourse itself » [34: 275]) и логико-семантических отношений между его частями.

4. Отношение сопутствования

Словари — причем лишь те редкие из них, которые фиксируют существование союза *при том что* — определяют его как выражающий уступительные отношения [13; 36] или же «несоответствие действию главного предложения», считая его одновременно синонимом *несмотря на то что* [14: 522]. Действительно, [*при* NP]$_{PP}$ с уступительными отношениями является одним из редких случаев, когда сохраняется семантическая эквивалентность между предложением с [*при* NP]$_{PP}$ и сложным предложением с придаточным, вводимым союзом *при том что*.

(54) **При** такой нежной душе она имеет довольно сильный характер (пример заимствован из [11]).
Несмотря на такую нежную душу, она имеет довольно сильный характер.
При том что у нее такая нежная душа, она имеет довольно сильный характер.

[1] О невысокой степени надежности синтаксических критериев, позволяющих разграничить различные синтаксические структуры, особенно, в сфере сочинения и подчинения см. [35; 15: 257-265].

Однако многие из приведенных в настоящем исследовании примеров несовместимы с уступительной интерпретацией; ср., например, (20) выше или (55), в которых положение вещей, описанное в придаточном, является скорее причиной для осуществления положения вещей, описанного в главном:

(55) **Притом что** аппарат правительства и администрация президента постоянно борются за свои интересы, ждать кроме нового дефолта ничего не стоит. [Свистнут и вотум пройдет // «Газета», 2003]
≠ несмотря на то, что
= потому что

Можно, таким образом, предположить, что та или иная интерпретация высказывания с союзом *при том что* во многом зависит от семантического наполнения предложений, между которыми он устанавливает отношение. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что, в отличие от других подчинительных союзов, имеющих отчетливо выраженную и относительно легко определимую семантику (причины, условия, временного следования и др.), *при том что* устанавливает отношение довольно высокого уровня абстракции. К нему может быть применено, как это было предложено в [37], определение, которое дает Б. Кортманн [38: 89] отношению *сопутствования* («Concomintance»), устанавливаемому в немецком языке *wobei* и *dabei*, сходными по своей внутренней структуре с русскими показателями связи с формантом *при*: « two separate situations *p* and *q* stand side by side; there is no indication of a specific semantic relation holding between *p* and *q*; all that needs to be secured is the unity of space and time » (ср. также [39]).

О самостоятельности — как коммуникативной, так и в значительной степени синтаксической — предложений, вводимых *при том что*, свидетельствует, как мы уже видели, наличие в них двух речевых актов, причем не обязательно однородных: как в (22) выше, так и в (49) главное предложение является вопросом, а придаточное вводит то обстоятельство, в свете которого надо рассматривать этот вопрос. Этим же объясняется и частое употребление придаточного, оформляемого *при том что*, после сильных знаков препинания: точки и тире, а также в форме вставочных предложений, часто в скобках; см. (46) и (57) с тире, а также (56), где предложение с *притом* (!) *что* отделено от главного не только точкой, но и взято в скобки.

(56) МАРТ. В «Огоньке» продолжаются трудности с бумагой. В «Юности» читают. (**Притом что** главный редактор журнала Андрей Дементьев — друг и сосед по даче.) [Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)]

Помимо иллокутивной неоднородности главного и придаточного предложений, высказывания с *при том что* характеризуются и дискурсивной неоднородностью. Иначе говоря, главное и придаточное предложения могут иметь разные текстовые функции. Придаточное может иметь, например, функцию комментария, как в (57):

(57) Год назад он не мог назвать-выделить в рассказе никого из группы детсада, всех скопом называл «детки». И говорил, что ни с кем не дружит — **при том, что** в саду он не новенький. [коллективный. Как должна поступать нормальная альфа (2012)]

Поэтому такие придаточные используются для аргументации, в том числе и противоположно направленной, как в приведенном выше примере. Отсюда и противительная — к ней можно отнести (19) выше — или уступительная интерпретация, которую часто получают данные высказывания и которую словари фиксируют как основное значение союза *при том что*.

Заметим также, что дискурсивная неоднородность возникает, как правило, в тех высказываниях, где придаточное предложение находится в постпозиции к главному. При препозиции придаточное описывает лишь то обстоятельство, которое сопутствует положению вещей, описанному в главном.

Определение, данное В. Кортманном для отношения сопутствия, должно тем не менее быть уточнено применительно к союзу *при том что*. Так, если другой коннектор с формантом *при* — *при этом* — вполне соответствует данному определению без каких-либо поправок и может служить переводным эквивалентом немецкому *wobei* в примере, который приводит В. Кортманн [36: 89], то союз *при том что* здесь явно неуместен ни в одном из приведенных вариантов:

(58) Ich nahm das Buch vom Regal, **wobei** mir die Vase herunterfiel
= Я взял книгу с полки, **при этом** на меня упала ваза.
≠ Я взял книгу с полки, **при том что** на меня упала ваза.
≠ **При том что** я взял с полки книгу, на меня упала ваза.

Представляется, следовательно, возможным предположить, что союз *при том что* вводит не просто сопутствующее обстоятельство, а такое

обстоятельство, которое может как-то повлиять либо на осуществление положения вещей, описанного в главном, либо на его интерпретацию. При этом, если это положение вещей уже осуществилось, то ситуация, описанная в придаточном, рассматривается как что-то, что могло помешать его реализации, что и приводит к возникновению уступительной интерпретации придаточного; ср., например, (2), (21). Если же главное предложение описывает положение вещей, которое еще не осуществилось, то положение вещей, вводимое союзом *при том что*, рассматривается, наоборот, как что-то, что может способствовать его реализации или, по крайней мере, повлиять на его осуществление; ср. (20), (22).

Интересно, что в случае дискурсивной неоднородности, т.е. при комментирующем характере придаточного, ситуация, описанная в главном предложении, уже может осуществиться, но придаточное тем не менее не обязательно будет рассматриваться как препятствие для его осуществления, а лишь как обстоятельство, в свете которого надо рассматривать это положение вещей; см. ,с этой точки зрения (23).

Именно этой особенностью отношения сопутствования, устанавливаемого союзом *при том что*, можно объяснить, почему высказывание (11), в котором словари также видят отношение сопутствования между предикацией и [*при* NP]$_{PP}$, нельзя перефразировать при помощи союза *при том что* с сохранением семантической эквивалентности:

(59) ??На другой день, **при том что** была ясная и теплая погода, я с пятью якутами переправился через Лену, то есть через узенькие протоки, разделявшие бесчисленные острова.

В первоначальном варианте высказывания обстоятельство *при ясной и теплой погоде* не может расцениваться, как то, что как-то могло помешать осуществлению действия, описанного предикатом, скорее наоборот, как обстоятельство, ему благоприятствующее. Однако достаточно заменить его на *при жутком ветре и проливном дожде*, т.е. на обстоятельство, при котором переправа через Лену не должна была бы состояться, и его трансформация в придаточное предложение становится приемлемой:

(60) На другой день, **при том что** был жуткий ветер и лил дождь, я с пятью якутами переправился через Лену.

Заметим также, что перифраза с *при этом*, выражающим отношение сопутствия в наиболее нейтральном его варианте, остается возможной как при одном, так и при другом семантическом наполнении высказвания:

(61) На другой день я с пятью якутами переправился через Лену. **При этом** был жуткий ветер и лил дождь
На другой день я с пятью якутами переправился через Лену. **При этом** стояла ясная и теплая погода.

Особенностью семантики сопутствования, выражаемого союзом *при том что*, объясняется и трудность перефразировать [*при* NP]$_{PP}$ в других обстоятельственных «значениях», которые приписывают ему словари.

5. Заключительные замечания

В заключение проведенного анализа можно сказать, что различие между двумя синтаксическими структурами с предлогом *при* — [*при* [*том,* [*что* [...]$_{IP}$]$_{CP}$]$_{NP}$]$_{PP}$ и [*при том что* [...]$_{IP}$]$_{CP}$ — задача, которая была поставлена в начале настоящего исследования, довольно трудно описать на синтаксическом уровне: существующие синтаксические тесты не дают однозначных ответов на данный вопрос, так как и та и другая структура является по своей синтаксической функции сентенциальным обстоятельством. Можно лишь констатировать, что предложно-падежное сочетание демонстрирует в некоторых случаях (описанных в §§ 3.1, 3.4 и 3.6) бóльшую степень интегрированности, как синтаксической, так и семантической и коммуникативной в главное предложение.

На данном этапе грамматикализации союза *при том что* основным критерием его различия с предложно-падежным сочетанием с демонстративом оказывается критерий прагматический, а именно коммуникативная структура высказывания, оформляемого последовательностью *при том что*. Союз *при том что* будет вводить придаточное со статусом Данное, тогда как ПрГ с демонстративом будет вводить придаточное со статусом Новое. Этот вывод не противоречит предлагаемым описаниям для союзов со схожей морфологической структурой, с той лишь разницей, что для них принято чаще говорить о расчлененной форме союза.

Наконец, проведенный анализ позволил определить тип выражаемого союзом *при том что* отношения: это отношение сопутствования. Однако, как было показано, в отличие от другого члена парадигмы с формантом *при* — коннектора *при этом*, союз *при том что* вводит не просто сопутствующее обстоятельство, а такое обстоятельство, которое может так или иначе повлиять на осуществление положения дел, описанного в главном, или на его интерпретацию. Описание различий в семантике и функционировании остальных членов парадигмы с формантом *при* (*притом* и *причем*), которые относятся лингвистами и лексикографами к присоединительным или к уступительным [40; 41; 42], позволит уточнить определение

присоединительных отношений, которое на сегодняшний день остается довольно расплывчатым, а, кроме того, не выделяется в других грамматических традициях.

Библиографический список

1. Кобозева И. М., «Параметры варьирования показателей межфразовых семантических связей в русском тексте», *L'Analisi linguistica e letteraria* XVIII, 2010: *Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale*, A. Bonola & O. Inkova (eds), pp. 107-122.
2. Маляр Т. Н. & Селиверстова О. Н., *Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках*, München, Otto Sagner, 1998.
3. Пайар Д. & Селиверстова О. Н. (под ред.), *Исследования по семантике предлогов*, Москва, Русские словари, 2000.
4. Слоницкий А. В., *Проблемы семантики русских первообразных предлогов*, Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 2003.
5. Власова Н. С., «К вопросу об имплицитности предложно-падежных сочетаний (на материале конструкций с предлогом *при*)», *Филологические науки* 1, 1973, сс. 63-69.
6. Le Guillou de Penanros H., *L'ambivalence catégorielle préverbe-préposition : le cas de « pri » en russe contemporain*, Thèse de doctorat, Paris 7 (manuscrit), 2000.
7. Гвоздев А. Н., *Современный русский литературный язык*, ч. II *Синтаксис*, Москва, Просвещение, 1968.
8. Пешковский А. М., *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва, УРСС, 2001.
9. Виноградов В. В., *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Москва / Ленинград, Учпедгиз, 1947.
10. *Русская грамматика* / под ред. Н. Ю. Шведовой, Москва, Наука, 1980.
11. *Словарь современного русского литературного языка*, в 17 томах, Москва / Ленинград, Наука, 1950-1965.
12. Морковкин В. В. (под ред.), *Словарь структурных слов русского языка*, Москва, Лазурь, 1997.
13. Ефремова Т. Ф., *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*, Москва, Астрель-Аст, 2004.
14. Бурцева В. В. (сост.), *Словарь наречий и служебных слов русского языка*, Москва, Дрофа, 2010.
15. Тестелец Я. Г., *Введение в общий синтаксис*, Москва, Издательство РГГУ, 2001.
16. Курилович Е., «Проблема классификации падежей», *Очерки по лингвистике*, 1949:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/kuril/02.php.
17. Алисова Т. Б., *Очерки синтаксиса современного итальянского языка*, Москва, Издательство МГУ, 1971.
18. Пекелис О. Е., «Сентенциальные обстоятельства», Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. Москва, 2014.
19. Смирнова М. Д., «Функции вопросительных слов в возражении», *Дискурсивные слова русского языка*, Киселева К. Л. & Пайар Д. (под ред.), Москва, Азбуковник, 2003, сс.194-206.
20. Ширяев Е. Н., *Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке*, Москва, Наука, 1986.
21. Падучева Е. В., *Русское отрицательное предложение*, Москва, Языки славянской культуры, 2013.
22. Падучева Е. В., «О референции языковых выражений с непредметным значением», *Научно-техническая* информация, Серия 2, 1, 1986, сс. 23-31.
23. Арутюнова Н. Д., *Типы языковых значений. Оценка. Событие, Факт*, Москва, Наука, 1988.
24. Зализняк Анна А. & Микаэлян И. Л., «Об одном способе разрешения неоднозначности в глаголах пропозициональной установки», *Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности.* Школа-семинар «Боржоми-88». Тезисы докладов, Москва, 1988, сс. 303-306.
25. Зализняк Анна А., *Многозначность в языке и способы ее представления*, Москва, Языки славянской культуры, 2006.
26. Zimmerling A. V., «Sententional arguments and event structure», Proceedings of the international conference '*Dialogue 2014*'. *Computational linguistics and intellectual technologies*, Issue. 13 (20), 2014, pp. 710-727.
27. Розенталь Д. Э., *Справочник по правописанию и литературной правке*, Москва, Книга, 1978.
28. Розенталь Д. Э., *Справочник по пунктуации*, Москва, Книга, 1984.
29. Ляпон М. В., « О значении запятой при расчленении составного союза », *Современная русская пунктуация*, Москва, Наука, 1979, сс. 47-60.
30. Черемисина М. И. & Колосова Т. А., *Очерки по теории сложного предложения*, Новосибирск, Наука, 1987.
31. Латышева А. Н. & Муравенко Е. В., «Антецедентное придаточное и его место в классификации сложноподчиненных предложений», *Вестник МГУ* 6, серия «Филология», 1998, сс. 109-113.
32. Скобликова Е. С., *Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения*, Москва, Флинта-Наука, 2006.

33. Янко Т. Е., *Коммуникативные стратегии русской речи*, Москва, Языки русской культуры, 2001.
34. Matthiessen Ch. & Thompson S. A., «The structure of discourse and 'subordination'», *Clause combining in grammar and discourse*, Haiman J. & Thompson S. A. (eds), Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins, 1988, pp. 275-329.
35. Пекелис О. Е., «Сочинение и подчинение», Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. Москва, 2015.
36. Рогожникова Р. П., *Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову*, Москва, Астрель-Аст, 2003.
37. Inkova O., «Du syntagme prépositionnel au connecteur: la préposition russe *pri* et la conjonction *pri tom čto* », *Prépositions, conjonctions, connecteurs*, A. Bertin & H. Bat-Zeev Shyldkrot (eds), Paris, H. Champion, in press.
38. Kortmann B., *Adverbial Subordination. A Typology and History of Adverbial Subordinators Based on European Languages*, Berlin / New York, Mouton de Gruyter, 1997.
39. Breindl E., Volodina A. & Waßner U.H., *Handbuch der deutschen Konnektoren 2*, Berlin, Mouton de Gruyter, 2014.
40. Апресян В. Ю., «Уступительность в языке», *Языковая картина мира и системная лексикография*, Апресян Ю. Д. (под ред.), Москва, Языки славянских культур, 2006, сс. 615-712.
41. Чжон Х. Х., *Присоединительные скрепы в современном русском языке: синтаксис и семантика*. Дисс. канд. филол. наука, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2003.
42. Weiss D., « Russisch *pričem* – eine Konnexion der dritten Art ? », *XVI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Bochum/Löllinghausen 19.-21.9.1990*, K. Hartenstein & H. Jachnow (Hrsg.),München, Verlag Otto Sagner, 1991, pp. 301-325.

Е.А. Кузьменко, Э.Г. Мустакимова

НИУ ВШЭ, Москва

ГЛАГОЛЫ ПАДЕНИЯ В ЛЕКСИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ[1]

1. Введение. Методы лексической типологии

В этой статье рассказывается о новом проекте Московской лексико-типологической группы (MLexT), посвященном глаголам падения в языках мира.

Лексическая типология — область синхронной лингвистики, пока ещё менее известная, чем типология вообще, но набирающая силу с каждым новым проектом. Лексическая типология изучает структуру, сходства и различия лексико-семантических полей в различных языках. Поскольку описать всю лексику одного языка невозможно, в качестве проекта выбирается конкретный пласт, фрагмент лексики, например, качественные прилагательные или глаголы определённого класса, такие как глаголы вращения. Среди наиболее значимых завершившихся проектов можно назвать следующие:

- глаголы движения в воде [2];
- предикаты боли [5];
- глаголы звуков животных [4].

Существуют и проекты исследователей, не входящих в MLexT, однако использующих такой же подход к описанию семантических полей. Среди них можно назвать исследование М. Копчевской-Тамм, посвящённое температурным обозначениям в разных языках [8].

Особенностью работы Московской лексико-типологической группы является использование фреймового подхода. Этот подход отличается от двух других, принятых в мировой практике — экспериментального и метода семантических примитивов. Экспериментальный подход развит в трудах

[1] Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 14-05-0060) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2014-2015 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

психолингвистической школы института имени Макса Планка в Неймегене. Его сторонники демонстрируют носителям языка внеязыковые стимулы: запахи [11], таблички с цветами [6; 10] или видеоклипы [9], а затем записывают языковую реакцию носителей. Метод семантических примитивов предполагает толкование значений слов в разных языках с помощью их разложения на простейшие смыслы из универсального набора [7]. Фреймовый подход утверждает, что основой для сравнения могут быть прототипические ситуации, для описания которых используются лексические единицы исследуемого поля. Для выявления этих ситуаций изучается сочетаемость анализируемых лексем: возможные контексты их употребления разделяются на классы в соответствии с тем, какие ситуации могут лексически противопоставляться в том или ином языке. Такие минимальные ситуационные типы (в терминологии MLexT — фреймы) наносятся на лексико-типологическую карту, которая отражает общую структуру поля и, в частности, показывает, какие фреймы часто совмещаются в одной лексеме, а какие редко кодируются общими лексическими средствами [3].

2. Проект о глаголах падения

Проект о глаголах падения начался осенью 2014 года [12], и к настоящему времени наша языковая выборка включает более 10 языков. В этой статье мы подробнее остановимся на шести из них, которые к настоящему моменту исследованы наиболее тщательно: русском, английском, индонезийском, эстонском, бесермянском диалекте удмуртского языка и идише[1].

2.1. Характеристики падения

Прежде чем приступить к детальному анализу различных фреймов падения и материалу наших языков, определим, что именно мы считаем падением. В рамках нашего проекта мы считаем, что падение — это неконтролируемое движение сверху вниз без контакта с поверхностью. В таких терминах падением нельзя назвать, к примеру, резкое снижение высоты полета птицы, когда она пытается выловить рыбу, так как подобная ситуация представляет собой контролируемое движение. Также падением

[1] Кроме этих языков, данные о глаголах падения собраны в следующих языках: армянский, мокшанский, татарский, японский, адыгейский, кабардино-черкесский, ижемский диалект коми-зырянского, самбургский говор тундрового диалекта ненецкого языка.

не является скольжение предмета по наклонной плоскости, так как в этом случае объект сохраняет контакт с поверхностью.

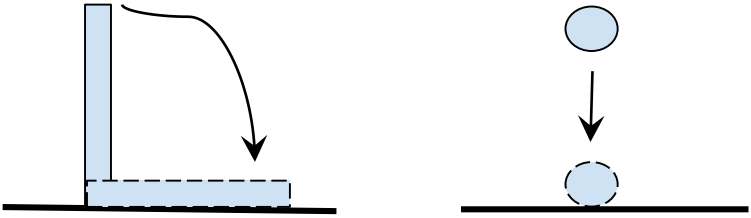
В определенных нами границах у падения есть следующие характеристики:

- объект падения;
- начальное положение объекта;
- конечная точка падения.

В иерархии объектов падения особое место занимает человек. Можно также выделить такие специфические падающие объекты, как артефакты (в противопоставлении природным объектам), осадки (как наиболее частый пример падения природных объектов), жидкости и сыпучие вещества.

В отношении начального положения объектов главным образом противопоставляются две ситуации: падение сверху, когда предмет находится на некоторой высоте над конечной точкой своего падения, и падение из вертикального положения, когда объект остаётся на той же поверхности, на которой находился ранее, но изменяет своё вертикальное положение на горизонтальное. Более наглядно это противопоставление можно увидеть на Рис. 1. Кроме того, отдельно может лексикализоваться ситуация выпадения объекта из контейнера.

Рис. 1.



падение из вертикального положения

падение сверху

Для конечной точки падения существует большее число лексических противопоставлений. Падающий объект может попасть на твердую или мягкую поверхность, а также в жидкость. Это противопоставление релевантно прежде всего для тех глаголов, которые описывают падение со звуком — соответственно, тип конечной точки определяет характер звука, который издают падающие объекты при соприкосновении с поверхностью. Кроме того, объект может упасть в слой (снег, грязь) или под слой (под пол, под лёд). В первом случае объект как бы застревает в слое, не соприкасаясь

собственно с горизонтальной поверхностью под этим слоем. Во втором случае мы наблюдаем отдельную разновидность падения, которая схожа с падением сверху, однако начинается с горизонтальной поверхности, а не заканчивается ею.

Список всех выделенных фреймов представлен в Таблице 1.

Таблица 1.

<table>
<tr><td colspan="3">Список фреймов</td></tr>
<tr><td rowspan="5">из вертикального положения</td><td colspan="2">в сторону (дерево, столб)</td></tr>
<tr><td colspan="2">вперед (человек)</td></tr>
<tr><td colspan="2">набок (машина)</td></tr>
<tr><td colspan="2">назад (опрокинуться)</td></tr>
<tr><td colspan="2">поскользнуться</td></tr>
<tr><td colspan="3">рефлексивное движение (падение части объекта относительно самого себя, ср. разрушение дома)</td></tr>
<tr><td colspan="3">сверху (в том числе с большой высоты)</td></tr>
<tr><td colspan="3">из контейнера</td></tr>
<tr><td colspan="3">с кронштейна</td></tr>
<tr><td colspan="3">части и дополнители (колесо от машины, кольцо)</td></tr>
<tr><td colspan="3">прикрепленное (яблоко сорвалось с ветки)</td></tr>
<tr><td colspan="3">под слой (под снег)</td></tr>
<tr><td colspan="3">в слой (упасть в снег и в нем остаться)</td></tr>
<tr><td rowspan="4">субъект</td><td rowspan="2">жидкость</td><td>поток</td></tr>
<tr><td>капли</td></tr>
<tr><td colspan="2">совокупности (ягоды, крошки, шишки)</td></tr>
<tr><td colspan="2">сыпучие</td></tr>
<tr><td colspan="2">осадки</td></tr>
</table>

	волосы/зубы
субъект и конечная точка	мягкое на мягкое (плюшевый мишка на диван)
	мягкое на твердое (сумка на асфальт)
	мягкое в жидкость
	твердое на мягкое (книга на диван, камень в грязь)
	твердое на твердое (знак со столба на землю)
	твердое в жидкость (камень в воду)

3. Методы

Основными для нашего исследования были два метода: корпусной анализ и опрос носителей языка. Иногда работа с информантами остается единственной опцией, так как не для всех языков, которые мы включаем в наши исследования, существуют корпуса. Однако те языки, которые мы анализируем в данной статье (русский; английский; эстонский; бесермянский диалект удмуртского языка; индонезийский; японский; идиш), в той или иной степени обслужены корпусами. Помимо корпусов мы обращались к словарям и поиску в Интернете. Последний использовался для всех перечисленных языков, кроме бесермянского диалекта удмуртского языка. Для опроса носителей мы составили анкету, в которой на каждый параметр падения предлагался отдельный пример. Анкета составлена в двух вариантах: на русском (для опроса носителей малых языков России) и на английском (для опроса носителей других языков). Данные всех языков были проверены с помощью этой анкеты. Например, для того, чтобы выявить глагол, который используется для описания прототипического падения сверху, носителю предлагалось перевести на свой язык предложение (1):

(1) Он сидел под деревом и яблоко **упало** ему на голову.

Всего в анкете было 49 вопросов: по 1-2 примера на каждый фрейм. Количество информантов для разных языков нашей выборки было различным: для бесермянского диалекта было опрошено более десяти носителей, для остальных языков — 2 или 3 человека.

4. Данные

Анализ семантического поля “падение” начался с исследования русского языкового материала. Изучив глаголы для обозначения падения и их семантические характеристики в русском, мы составили анкету, которая затем использовалась для сбора данных в других языках. Естественно, что на начальном этапе набор фреймов и семантическая карта оказываются русскоцентричными, однако после сбора материала других языков изначальная картина модифицируется, так что в результате карта становится более универсальной и независимой от данных конкретной лексической системы.

Во всех языках, судя по данным нашей выборки, есть доминантный глагол, который может использоваться практически для всех типов падения. В русском языке таким глаголом является *падать*. Вместе с тем один или несколько глаголов почти всегда остаются "вне сферы действия" доминантного глагола. Так, в русском языке использование глагола *падать* невозможно для жидкостей в большинстве контекстов (2, 3), сыпучих веществ (4) и множественных субъектов (5):

(2) *Вода **падала** из крана.
(3) ?Вода с грохотом **падала** с большой высоты.
(4) *Песок **упал/падал** из мешка.
(5) *Спелая малина **упала/падала** с куста.

В разных языках фреймы совмещаются в одном глаголе не случайным образом, а по определённому принципу, и именно подобные совмещения определяют расположение фреймов на семантической карте. Ситуации, которые часто кодируются одной лексемой, размещаются ближе друг к другу, чем те, которые редко выражаются общим глаголом. Так, например, в изученных нами языках часто лексически объединяются такие фреймы, как “множественный субъект” и “волосы/зубы”, “выпадение из контейнера” и “падение с кронштейна/падение прикрепленного предмета”. В то же время, вероятность того, что будут объединены фреймы “волосы/зубы” и “падение сверху” невелика, и уж если эти два фрейма совмещаются в одной лексеме, то речь идет о доминантном глаголе, который покрывает практически все фреймы данного семантического поля.

Конечно, имея информацию о глаголах одного семантического поля в разных языках, можно не только изучать, как соотносятся их прямые значения, но и сопоставлять типы их семантических деривaций. Например, для глаголов падения характерны следующие переносные значения: смерть (*Солдаты пали на поле битвы*), снижение уровня (*Цены падают*, *Упала*

температура). Это перспективное поле для дальнейшего исследования, однако оно останется вне рассмотрения данной статьи.

Перейдем теперь к описанию отличительных черт семантического поля "падение" в каждом из рассмотренных языков. Объем статьи не позволяет представить исчерпывающую картину устройства зоны падения в каждом из языков, но мы постараемся указать на основные особенности изученных систем.

4.1. Русский язык

В русском языке в поле "падение" выделяется большое количество глаголов (более 40), из которых, однако, половина является идеофонам, например, *бухнуться, плюхнуться, шлепнуться, шмякнуться* и т.д.

О том, что падение жидкостей, сыпучих веществ и множественных субъектов не описывается доминантным глаголом, мы говорили ранее; кроме того, с помощью глагола *упасть* нельзя описать ситуацию выпадения зуба, для которой используется глагол *выпасть* (6). Этот глагол также обозначает выпадение объектов из контейнера (7), однако этот фрейм может покрываться и доминантным глаголом (8).

(6) У меня **выпали/*упали** молочные зубы.
(7) Птенец **выпал** из гнезда.
(8) Произошёл несчастный случай — маленький мальчик **упал** из окна.

Из других интересных особенностей можно отметить, что в русском языке пересекаются семантические поля падения, полёта и разрушения. Так, в примере *Здание рухнуло* неясно, какой именно компонент — падение или разрушение — является более важным.

4.2. Английский язык

По сравнению с русским английский язык представляет скорее бедную систему в нашем семантическом поле: в нем выделено лишь 8 глаголов (*fall, collapse, drop, plummet, tumble, dip, land, crash*). Из особенностей английской системы следует отметить специальный глагол для описания падения с большой скоростью и с большой высоты (*plummet*). Так, например, этот глагол может выступать в контекстах, где речь идет о падении с высоты 300 футов (9а), но в отношении падения с высоты 10 футов его употребление уже сомнительно (9б). Высота как параметр, определяющий лексикализацию падения, релевантна в нашей выборке пока что только для английского языка.

(9) a) A climber was killed when he **plummeted** 300 feet down an icy gully.

б) *A climber was killed when he **plummeted** 10 feet down an icy gully.
‘Скалолаз погиб, упав в ледяной овраг с высоты 300/*10 футов. ’

4.3. Идиш

В языке идиш тоже достаточно мало глаголов, точнее, глагольных корней со значением падения: всего два для обозначения падения как такового (*faln, valgern*) и два для обозначения капающей воды (*trifn, kapen*). Однако большое множество фреймов в зоне падения хорошо различается внутри языка благодаря приставочным вариантам этих глаголов, например, глаголы *umfaln, umgevalgert vern* описывают фрейм “падение назад (опрокинуться)” (10), *aropfaln* и *aropvalgern zikh* — фрейм “падение сверху” (11, 12).

(10) Der farvunderter iz **umgefaln**.
‘Раненый опрокинулся.’
(11) Er hot **zikh aropgevalgert** funem dakh.
‘Он упал с крыши.’
(12) Er iz **aropgefaln** fun di trep.
‘Он упал с лестницы.’

4.4. Эстонский язык

В эстонском языке количество глаголов, описывающих падение, относительно невелико — всего мы обнаружили 7 глаголов: *kukkuma, valguma, tilkuma, langema, varisema, purunema, libisema.* Особенностью эстонского языка является то, что доминантный глагол *kukkuma* может описывать все без исключения фреймы. Такие системы, судя по нашим данным, представляют собой типологическую редкость. Но в некоторых фреймах доминантный глагол может конкурировать с лексемами более узкой семантики, ср. *valguma* для падения сыпучих веществ (13) и *tilkuma* для жидкостей (14).

(13) Kotis oli auk ja sellest **valgus** liiva välja.
‘В мешке была дырка, и из него высыпался песок.’
(14) Vaha **tilkus** küünla küljest kleidi peale ja rikkus selle ära.
‘Воск со свечи капнул на платье и испортил его.’

Другим интересным свойством является наличие трёх глаголов, которые могут обозначать рефлексивное падение (вид падения, когда части объекта движутся относительно друг друга) — *langema, varisema* и *purunema* (15, 16).

(15) Tugevate vihmade tõttu kallas kokku **langes**.
‘От сильных дождей берег обвалился.’

(16) Vana hoone **purunes/varises** maavärina tõttu.
‘Старинное здание обрушилось из-за землетрясения.’

4.5. Бесермянский диалект удмуртского языка

Бесермянский диалект удмуртского языка чрезвычайно интересен с точки зрения устройства семантической зоны падения, поскольку представляет немало случаев нетривиального лексического объединения и противопоставления фреймов. Доминантный глагол *uš’ənə* объединяет все ситуации падения, кроме рефлексивного движения и падения сыпучих веществ. Для обозначения рефлексивного падения используется глагол *kwaškanə* (17), который может также выступать в контекстах, характеризующих падение сверху и из вертикального положения, конкурируя в этих зонах с доминантным глаголом.

(17) Vəž vəlen tro kalək saləmen i vəž **kwaškaz**.
‘На мосту стояло много людей, и он обрушился.’

Для падения сыпучих веществ используется глагол *kiš’kanə*, который в целом обозначает падение текучих веществ и предметов (18, 19).

(18) Mešokes paš’ ve, pesokez **kiš’kiz**.
‘В мешке была дырка, и из него высыпался песок.’
(19) Goze vələš’ ošem plaťťa **kiš’aš’kiz**.
‘Платье упало с вешалки.’

Для этого фрейма “выпадение из контейнера” существует специальный глагол *kərganə* (20, 21).

(20) Košelekez **kərgaz/*kiš’aš’kiz** sumkaeš’.
‘Кошелек выпал из сумки.’
(21) Solən žundesez zɤk val i so č’in’aistəš’ **kərgaz/*kiš’aš’kiz**.
‘Кольцо было ей велико и соскочило с пальца.’

Отдельными лексемами в бесермянском кодируются фреймы "опрокинуться" (*kəmaš’kənə*) и "падение множественного субъекта" (*kərdəne*). Интересно, что часто множественный субъект описывается в этой зоне тем же глаголом, что и осадки и сыпучие вещества. В бесермянском же kərdəne совмещает множественный субъект (22, 23) только с фреймом "волосы/зубы" (24). В свою очередь, волосы и зубы во многих языках лексически объединяются с фреймами "выпадение из контейнера" и/или "падение прикрепленного объекта", чего опять же не наблюдается в бесермянском.

(22) ž’ek vələš’ n’an’ parjos **kərdizə** pol vəle.
‘Крошки со стола упали на пол.’

(23) Emež'e puoš' kwaš'mem emež'eosəs **kərdo** n'i.
‘Малина переспелая осыпалась.’
(24) Solən vič'ak **kərdem** jorš'iez, so plešhkol'em uk.
‘У него выпали все волосы, и он совсем лысый.’

4.6. Индонезийский язык

Как и в большинстве рассмотренных языков, в индонезийском есть один глагол, описывающий большинство фреймов, и несколько глаголов для более узкого подмножества фреймов. Больший интерес, чем прямые значения, здесь представляют семантические переносы. Так, общий глагол падения *jatuh* (25) может выражать значение "достигать, прибывать" (26, 27).

(25) Aku dengar sesuatu **jatuh** ke tanah.
‘Я слышал, как что-то упало на землю.’
(26) Jalan ini **jatuh** kedusun.
‘Эта дорога ведет в селение.’
(27) Perahu itu **jatuh** dibalik pulau.
‘То судно прибыло на другую сторону острова.’

4.7. О языковой выборке

Отдельного комментария заслуживает языковая выборка, которую мы рассмотрели в данной статье. Выбор языков во многом обусловлен доступом нашей исследовательской группы к их носителям. Читатель может возразить, что сбор данных в языковой выборке, состав которой обусловлен по большей части доступностью материала, с научной точки зрения не оправдан: такие данные не могут иметь предсказательной силы, и результат их анализа нельзя экстраполировать на все языки. Действительно, на первый взгляд, более логичным представлялся бы сбор данных в пределах одной языковой семьи (например, только тюркские языки) или в пределах одного языкового ареала (например, языки Европы). Однако такие аргументы предполагают, что лексическая типология работает с точно таким же материалом, что и традиционная типология, изучающая грамматическую семантику. Тем не менее лексическая типология работает с другим материалом и использует другие методы, и мы не можем корректно сравнивать языковые выборки в лексической и обычной типологии на предмет репрезентативности. Е. Кашкиным было проведено исследование [1], в котором он показал, что исследование на материале языков одной языковой семьи (уральских языков) уже позволяет исследователю определить полный набор фреймов и структуру лексического поля. Материал других языков позволяет уточнить детали, однако не меняет полную картину. Таким образом, можно выдвинуть

гипотезу, что лексический материал не различается критическим образом от одной языковой ветви к другой, в отличие от типологии языковых структур, в которой, действительно, исследование на материале языков даже одной семьи не имеет смысла.

Конечно, наше утверждение было бы более доказательным, если бы эксперимент с выявлением фреймов на основе ограниченных языковых данных проводился на материале не одного поля и не одной семьи — такого рода исследование мы планируем провести в самое ближайшее время.

5. База данных

В исследовании глаголов падения приходится иметь дело с довольно большим количеством типов информации: глаголы, языки, метафоры, языковые примеры и переводы. Основная работа исследователя состоит в том, чтобы понять, как эти элементы данных связаны между собой, определить устойчивые паттерны и объяснить исключения. Для того, чтобы упростить первую из этих задач — понять, как связаны между собой интересующие нас данные, мы создали веб-интерфейс для визуализации наших данных в виде графа. Этот веб-интерфейс доступен по следующей ссылке: www.web-corpora.net/falling.

В графе каждый узел представляет собой фрейм, глагол какого-либо языка или определенный тип семантического перехода. Таким образом, чтобы узнать, какие глаголы соответствуют определенному фрейму или какие метафоры бывают у определенного глагола, достаточно посмотреть на связи между соответствующими узлами. Кроме того, интерфейс позволяет строить графы по нескольким языкам одновременно, то есть визуально сравнить данные нескольких языков.

6. Заключение

В этой статье мы представили проект “Глаголы падения в лексико-типологической перспективе” и рассмотрели семантическое поле “падение” на материале нескольких языков. Фреймовый подход, применяемый Московской лексико-типологической группой, позволяет на материале небольшого количества языков выявить общую структуру семантического поля и особенности его лексикализации в естественных языках. Мы проанализировали материал шести языков и сделали предварительные выводы об универсальных чертах зоны “падения” в разных языках, а также о том, какие свойства поля можно считать специфичными для каждого из языков.

В настоящее время проект продолжает развиваться: расширяется языковая выборка, уточняются данные, собранные на предыдущих этапах

работы — так что дальнейшие исследования позволят подтвердить или опровергнуть те гипотезы, которые были выдвинуты в этой статье.

Библиографический список

1. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках) / Е.В. Кашкин, дисс. на соискание ученой степени к.ф.н. – М.: МГУ, 2013.
2. Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. — М.: Издательство «Индрик», 2007. — 752 с.
3. Фреймовый подход к лексической типологии. / Рахилина, Е. В., & Резникова, Т. И. *Вопросы языкознания*, 2013, (2), 3-31.
4. И хрюкотали зелюки: глаголы звуков животных - типология метафор / Отв. ред.: Т. И. Резникова, А.С. Выренкова, Б. В. Орехов, Е. В. Рахилина. Языки славянских культур, 2015.
5. Концепт "боль" в типологическом освещении / Под общ. ред.: В. М. Брицын, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Г. М. Яворская. К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009.
6. B. Berlin, P. Kay. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley, 1969.
7. C. Goddard, A. Wierzbicka (eds). Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings. Amsterdam, 1994.
8. Koptjevskaja-Tamm, M. (2011). It's boiling hot! On the structure of the linguistic temperature domain across languages. *Rahmen des Spechens. Beiträge sur Valenztheorie, Varietätenlinguistik, Kognitiven und Historischen Semantik*.
9. Majid, Bowerman (eds) 2007 – A. Majid, M. Bowerman (eds). Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective. Cognitive linguistics (special issue). 2007. V. 18. No 2.
10. Majid, Levinson 2007 – A. Majid, S.C. Levinson. The language of vision. V. I: Color // A. Majid (ed.). Field manual. V. 10. Nijmegen, 2007.
11. Majid, Levinson (eds) 2011 – A. Majid, S.C. Levinson (eds). The senses in language and culture // The senses & society (special issue). 2011. V. 6. No 1.
12. Mustakimova 2014 – E. Mustakimova. Verbs of falling in typological perspective. Presentation for the workshop on lexical typology at the University of Helsinki. Helsinki, 2014.

А.В. Курицына

ИВ РАН, Москва

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ ЛАНДШАФТНОЙ ЛЕКСИКИ ПРАГЕРМАНСКОГО ЯЗЫКА (Семантическое поле «лес»)[1]

1. Введение

В письменных памятниках древних германских языков значение «растущее дерево» передается несколькими лексемами, две из которых могут быть возведены к прагерманскому языковому состоянию — *baum /*bagm- и *trew-. Их рефлексы сосуществуют в большинстве древних германских языков: гот. bagms и triu, др. исл. baðmr/barmr и tré, др.фриз. bam и tre, др. англ. bēam и trēow, др. сакс. bōm и trio.

Для обозначения леса в текстах также встречается ряд синонимичных лексем. Так, в др.исл. значение «лес», в зависимости от контекста, передается лексемами holt, skógr и viðr, в др.фриз. — лексемами holt и wald, в др.англ. — bearu, holt, sceaga, weald/wald и widu/wudu, в др.сакс. — holt и wald, в др.нид. — holt, wolt, bosch, в двн. — holz, tann, wald. Из них термины с общегерманской этимологией имеют, по словарю Кроонена [23], следующие значения: *baum- / *bagm- — “beam, tree”, *trew- — “tree”, *barwa- — “grove”, *hulta- — “grove”, *walþ- — “field, uncultivated area, wood”, *widu- — “tree, wood”. Фактически для этих праформ указывается либо вся амплитуда значений (*walþ-, *baum-/*bagm-), либо некоторый инвариант. Таким образом, изменения в семантике постулируются для каждой лексемы отдельно, без учета ее соотношения с остальным словарем, что приводит к реконструкции большого количества синонимов и корней с довольно абстрактным значением.

Цель нашего исследования — предложить реконструкцию семантики для ряда квазисинонимичных ландшафтных терминов через попытку реконструкции семантического поля «лес». В качестве методической основы мы опирались на работы Толстого и Дыбо [6; 1].

[1] Настоящая статья подготовлена на материале магистерской дипломной работы, выполненной при Центре компаративистики РГГУ в 2014 г. Мы благодарим А.В. Дыбо и М.А. Живлова за помощь в проведении исследования и несем ответственность за все возможные ошибки, допущенные в настоящей работе

Толстым было предложено использовать при описании семантической системы языка некоторые методы, применяемые в фонологии, например, моделирование системы путем выявления релевантных дифференциальных признаков (сем), с помощью которых затем описываются инвентарные и дистрибуционные различия в системах диалектов. Релевантны при описании членения семантического поля те дифференциальные признаки, для выражения которых хотя бы в одном из сравниваемых языков используется отдельная простая лексема. Из набора значений, полученного путем сопоставления лексем по свойственным им семам, составляется сводная ономасиологическая таблица — «сетка», на которую накладываются данные отдельных диалектов. Клетки поля, соответствующие определенным значениям, заполняются простыми лексемами или остаются пустыми в тех диалектах, где значение выражено словосочетанием. Одна лексема может занимать одну или несколько клеток поля. Полученные номинационные решетки (лексические поля) составляются для нескольких синхронных срезов исследуемых языков. Их сравнение позволяет выявить типологию семантических изменений и сделать предположение о семантике той или иной лексемы в прагерманском языке. Затем методом ступенчатой реконструкции строится отдельно лексическое поле для западногерманской ветви как наиболее задокументированной. После этого производится построение лексического поля для прагерманского языкового состояния.

2. Ландшафтные термины в древних германских языках

Для начала был установлен перечень простых лексем со значениями «дерево» и «лес» в каждом отдельном языке: в готском (гот.), древнеисландском (ди.), древнеанглийском (да.), древнефризском (дфр.), древнесаксонском (дс.), древневерхненемецком (двн.) и древненидерландском (древненижнефранкском, днф.)[1].

В качестве источников при составлении лексемного инвентаря нам послужили „A Gothic Etymological Dictionary“ [25], „Altnordisches Etymologisches Wörterbuch“ [36], „Altfriesisches Lesebuch mit Grammatik und Glossar“ [18], „Altfriesisches Wörterbuch“ [29], „Anglo-Saxon Dictionary“ [11], „A comprehensive etymological dictionary of the English language“ [21], „Altsächsisches Handwörterbuch“ [34], „Nederlands Etymologisch Woordenboek“ [37], „Althochdeutsches Wörterbuch“ [33].

[1] Сокращения используются здесь и далее.

Если лексема хотя бы в одном из языков имеет интересующие нас значения, но при этом в другом языке / других языках ее семантика отличается, мы все равно включаем ее в списки соответствующих языков.

Были выделены следующие термины[1]:

Гот.: bagms «дерево», triu «виноградная лоза, Weinstock, палка,».

Ди.: baðmr, barmr «дерево», holt «лес, холм», meiðr «дерево», skógr «лес», tré «дерево», viðr «древесина, дрова, лес, дерево».

Дфр.: bam «дерево», holt «лес», tre «дерево, ствол», wald «лес».

Да.: bēam «дерево», bearu «лес, роща», holt «лес», hyrst «заросль, небольшой лес», sceaga «маленький лес, кустарник, заросль», strōd «чаща, заросль», trēow «дерево», weald, wald «лес», widu, wudu «лес, дрова»;

Дс.: bōm «дерево», holt «древесина, дрова, лес», trio «дерево, ствол, балка», wald «лес, дикое, пустынное пространство».

Днф.: bom «дерево», holt «древесина, лес, полено», wolt «лес», loe «небольшой лес, болотистый лес», bosch «куст, кустарник, лес».

Двн: boum, baum, poum, paum «дерево», busk «куст», tan, tann «лес», holz «лес, древесина, дрова», lōh «роща», wald «лес, пустынное пространство», witu «дрова».

Из всех первично отобранных лексем семь являются общегерманскими и возводятся к праформам: *baum-, *trew-, *hult-, *walþ-, *vid-, *lauh-, *skoh /*skag-, четыре — западногерманские: *busk-, *strōd-, *ðan- и *hurst-; одна лексема — meiðr — узко северогерманская. Кроме того, возможность сведения рефлексов *skōh- и *skag- в северной и западной группе соответственно к общей праоснове оспаривается рядом лингвистов.

Наибольший интерес для нас представляют лексемы, имеющие один или несколько синонимов внутри своего языка и когнаты хотя бы в нескольких сравниваемых языках. По этой причине мы не рассматриваем далее термин meiðr. Термины *busk-, *strōd-, *ðan- и *hurst-, хотя и засвидетельствованы только в западногерманских диалектах, включены в наш материал, поскольку могут выражать частотные или центральные для данного семантического поля значения и, следовательно, служить дополнительным источником для выводов о типологии семантических изменений.

Далее были собраны и проанализированы контексты с отобранными лексемами в письменных памятниках соответствующих языков, по возможности для нескольких синхронных срезов и с включением диалектного материала [41-82]. На основе контекстного употребления

[1] В кавычках приводятся значения согласно соответствующим словарным статьям.

лексем делаются выводы обо всех релевантных для них значениях, представить которые можно на сводной семасиологической таблице[1] 1:

Таблица 1.

	Гот.	Ди.	Да.	Дфр.	Дс.	Днф.	Двн.
*baum-	дерево	дерево *поэт.*	дерево; ствол; балка	дерево; балка	дерево; ствол; балка	дерево	дерево
*treow-	палка; vitis	дерево; балка; засов	дерево	бревно; балка	ствол	–	–
*hult-	–	группа деревьев; лес; холм	группа деревьев; лес; древесина *на.* холм	древесина; дрова; прутья *нфр.* лес; древесина; гроб	древесина; дрова; лес (*в композитах*)	древесина; группа деревьев	дерево; ствол; балка; древесина; лес
*walþ-	–	поле; равнина	лес; недоступное место; *на.* пустошь; пустынное нагорье	лес *нфр.* > bosk	лес; дикое недоступное место	лес *снид.* > bos	лес; крона; дикое место; пустыня (*библ.*)
*wid-	–	дерево; ствол; древесина; группа деревьев; лес	древесина; дрова; группа деревьев; лес *са.* дерево	–	древеси-на; лес (*только в* widari)	–	древесина; дрова; лес (*в арх. им. соб.*)
*lauh-	–	поле; равнина; луг; открытое место	луг *са.* луг; лесная прогалина; вспаханное поле; *на.* луг; поле под паром;	–	кустарник *нн.* лесной луг; болотистое, покрытое травой место	лес на болоте	роща *нвн.* роща; заросшая поляна; *юж. диал.* перелесок; мелколесье
1)*skōh- 2)*skag-	1)злой дух (*из* «леший» *?*)	1) лес	2) роща; заросли	–	–	–	2) лесистый мыс; предгорье; коса *нвн.* опушка; *юж. диал.* группа деревьев; коса; пойма; низкое место у воды

[1] В отдельных клетках указаны также данные для среднего или нового языкового состояния, если наблюдается изменение семантики.

*busk-	–	– *ни.* куст; кустарник	*са.* куст; кустарник; чаща; подлесок *на.* куст; кустарник; пучок	– *нфр.* лес	*снн.* куст; лес *нн.* лес	*снид.* – куст, кустарник, лес *ннид.* лес; пучок; вязанка	куст *нвн.* заросли; мелколесье *ср. и сев. диал.* лес; *юж.диал.* куст; пучок травы
**strōd-	–	–	заболоченные заросли; болото	–	–	–	заболоченные заросли; болото *нвн.* кустарник
*xurst-	–	– *ннорв.* роща; лесистый холм; горный кряж; *швед.* полоска леса; покрытая лесом местность	роща, лесок; заросли *на.* роща; лесистый холм; холм; каменистая вершина холма; мель		*дс. – только в топо-нимах*; *снн.*: кустарник; мелко-лесье; выруб-ка в лесу с побегами; дикое место		 *свн.* вырубка в лесу с побегами *нвн* лесок среди полей; гнездо; *юж.диал.* вырубка в лесу *сев.диал.* поросший бугорок /сухое место на болоте
*barwa-	–	*порода дерева*	роща, сад	–	–	–	–
**ðan-	–	–	луг *са. и на.* лесистая долина; *юж.диал.* пастбище	–	 *снн.* лес	–	лес *нвн. устар.* лес; хвойный лес

Поскольку сам факт употребления тех или иных слов в древних текстах зачастую не дает возможности отнести их к конкретным референтам, следует сопоставить взаимодействие лексем в определенных семантических позициях, т.е. их лексическую сочетаемость.

Как в ранних, так и в более поздних памятниках германских языков наблюдается ряд схожих контекстов, позволяющих дифференцировать семантику лексем. Так, в большинстве языков есть несколько возможностей для выражения значения «лес, silva» (см. выше). Но эти лексемы не являются полными синонимами, поскольку в такие семантические позиции как «пойти в лес за дровами», «деревья в лесу», «рубить лес», а также «зверь в лесу», «охота в лесу», «леса и поля», «дикий лес» и «зеленый лес» могут вступать не все из них. Представить лексическую сочетаемость терминов можно в виде таблицы 2 (в левом столбце даны частотные контексты):

Таблица 2.

	Ди.	Да.	Дс.	Дфр.	Дн.	Двн.
Лес : дрова	holt:viðr skógr: viðr	: wudu	wolt:holt wid *устар. «дрова»*	wald:holt	wout:hout	wald:witu (wald:holz = “лес: его состав”)
Зверь в лесу	skógr	weald holt wudu bearu	wolt		wout	wald *свн* tann
Рубить лес	við höggva; *но* ryðja í skógum	wudu	holt houwen widari – “*woodcutter*”	holt ontfaen	hout houwen	holz hauen
Охотиться в лесу			*снн* wold *снн* dan			wald *свн* tann
Дикий, глубокий, густой лес	skógr	weald	*дс. и снн.* wilden wolt *снн и нн* dicke busch, bose busch	wald	wout *сн.* bosch, wout	wald *свн* tann
Лес как укрытие		holtes hleo	waldes hlea			
Лес vs. поле	skógr	wudu			wout *сн.* bosch	wald *свн* tann
Зеленый лес		wealdas grene; grene bearwas	wolde grone	grena wald		
Лесной	skógr-	holt- wald- wudu- *(арх.)*	*др.* holt- *ср.* wolt-		hout- *ср. и ннид.* hout-; bos-	holz- wald-
Деревян-ный[1]	holta- tré-	wudu-	holt-	holten	houten	holz-
Породы деревьев	-tré	-trēow -bēam	-bōm			-boum

Лексема *widu- в значении «лесной, леса ч.-л.» засвидетельствована как компонент составных имен собственных в восточно-, западно- и северогерманской группах: ср. общегерманские имена *Widu-harjaz «леса войско имеющий», *Widu-rīkaz «лесом могучий», Vith-ulfus < *Widu-wulbaz «леса волк»; западно- и восточногерманские *Widu-gawjaz «леса край имеющий», *Widu-mēriz «лесом знаменитый»; узко западногерманские *Widu-bernuz «леса медведь», *Widu-gastiz «леса гость», *Widu-gautaz «леса гаут» [8: 21, 35]. Мы не вносим лексему *widu- в соответствующие клетки таблиц, поскольку в этом качестве она не является продуктивной в языках, за исключением да., а указанные имена собственные являются рефлексами

[1] Также гот. «деревянный» — triwein

общегерманских имен. Тем не менее имена собственные, отражающие архаичную семантику этого компонента, представляют интерес при дальнейшей реконструкции лексического поля «лес».

Набор выявленных семем и заполнение соответствующих им клеток лексемами для всех германских языков представлен на сводной ономасиологической таблице[1] 3.

Таблица 3.

	Гот.	Ди.	Да.	Дс.	Дфр.	Днф.	Двн.
Дерево	bagms	baðmr tré viðr	bēam trēow	bōm	bam	bom	boum holz
Ствол	triu	viðr	bēam	bōm treo	bam		holz
Крона							wald
Бревно, балка		tré	bēam trēow	bōm	bam tré		holz
Палка	triu			bōm	bam	hout	
Древесина (материал)	triu	holt- (*comp.*) viðr tré- (*comp.*)	holt wudu	holt	holt	hout	holz witu
Дрова		viðr	wudu	holt	holt	hout	witu
Лес		holt skógr viðr	holt weald wudu	holt- *adj* wald *снн.*busch *снн.*dan	wald *сфр.* bosk	wout *снид.* bosch.	holz wald tan
Куст			busc	*снн* busch		bosch	busc
Кустарник			hyrst	lôh hurst			busc hurst
Заросль			stród scaga	lôh hurst		loe	struot hurst
Роща, маленький лес			bearu hyrst scaga				lōh scacho
Опушка							scacho
Отсутствие леса		ló skagi völlr	lēah denu *ca.* weald	lôh			wald
Низкое место			stród	*нн.* lôh		loe	struot *нвн. диал.* scaho
Возвышен-ность		holt skagi	*ca.* holt, weald.				scacho
Дикое, пустынное место, пуща			weald	wald			wald tann

[1] Данные для более поздних языковых состояний приводятся в клетках в случае, если это существенно для демонстрации замещения одних лексем другими.

Для набора значений каждой лексемы, по нашему мнению, вероятны следующие последовательности в семантические цепи:

***baum**- «дерево» — «ствол» — «бревно» — «балка» — «палка»;

***trew**- «дерево» — «ствол» — «бревно» — «балка» — «палка» — («сорт дерева)»;

***hult**- «холм» — «поросший лесом холм» — «лес» — «дерево» — «ствол» — «балка» — «палка» — «древесина» — «дрова»;

***wid**- «лес» — «дерево» — «ствол» — «древесина» — «дрова»;

***walþ**- «лес» — «листва» — «пастбище» — «поле, равнина» — «пустошь»;

***dan**- «лес» — «луг»;

***busk**- «пучок» — «куст» — «кустарник» — «лес»;

***barw**- «роща» — «сад» — «лес» (— «порода дерева»)

***skag**- «отдельно стоящий лесок» — «опушка» — «возвышенный рельеф» — «пойма» — «низкое место у воды, с лесом или без»;

***lauh**- «роща» — «заросшая поляна» — «заболоченный лесок» — «болотистый луг» — «лесной луг» — «луг» — «невозделанное поле, покрытое травой» — «поле под паром»;

***hurst**- «роща» — «кустарник» — «вырубка в лесу с побегами» — «пень с побегами» — «бугорок, сухое место на болоте» — «возвышенный рельеф, холм, горст»;

***strōd**- «болото» — «кустарник на болоте» — «заросль»;

***skōh**- «лес» — «демон, злой дух» (о связанности понятий «лес», «болото» и «нечистая сила» см. [3: 121-124]).

Перечисленные семантические цепочки довольно универсальны и засвидетельствованы в других индоевропейских языках, как видно на материале славянских [7] и балтийских языков [3]. При этом типологически схожие семантические переходы могут повторяться у не связанных между собой лексем: ср. *baum- и *trew-, *hult- и *wid-.

3. Типология семантических изменений

Как видно на примере перечисленных выше семантических цепочек, переход от одного значения к другому происходит за счет их пересечения в определенном признаке (семе): «наличие леса», «рельеф», «заболоченность», «размер». По этим признакам лексемы вступают в следующие семантические оппозиции:

- **«наличие леса» vs. «отсутствие леса»:**

***hult**- в ди. «лес» и «холм», швед. «лесная прогалина» и «лес», ни. «холм» и «каменистая почва», норв. «каменистый холм» и «маленький лес». Т.е. в языках северной группы могут проявляться оба признака: «наличие леса» и «отсутствие леса». В диалектах западногерманской

группы этот признак, напротив, нерелевантен, и лексема почти повсеместно имеет значения «роща», «лес» и «древесина». «Лес» представляется, таким образом, исходной семемой для всех рефлексов прагерманской формы, а промежуточным семантическим звеном между «лесом» и «безлесным пространством» был, видимо, «холм, покрытый лесом» и затем просто «холм».

***walþ**- в ди. völlr «поле», «равнина», в ни. «поле, равнина», «луг», «низкое ровное место». То же в шведском и норвежском языках В да. weald — «лес», «дикий лес» но позднее на. значение приближается к скандинавскому — wold в са. «лес», «открытое место», «пастбище», «пустынное место» и в на. «пустошь», «пустынное нагорье», уст. «лес». В двн. и дс., как и в да., wald — это «лес» и «пустынное место», в библейских двн. текстах это также «пустыня», но признак «безлесное пространство» впоследствии утрачивается в обоих языках. При наличии у лексемы общегерманского признака «пустынное, дикое место», в западногерманских языках за ней закрепляется значение «лес», в северных германских — «поле, равнина, пастбище». Поскольку в текстах западногерманских языков *walþ- не встречается в значениях «древесина», «деревянный» и в выражениях типа «рубить лес» (ср. *hult и *wid-), то представляется маловероятным, что значения «пустынное место» и «поле» могли развиться из «расчищенного от леса пространства». Напротив, в контекстах указывается на дикость, необработанность и недоступность этого места. Таким образом, исходной общегерманской семемой у *walþ-, по нашему мнению, было «пуща» или «пастбище».

***lauh**- в ди. и ни. ló — это «поле, луг, открытое место»; да. léah «луг»; са. «луг», «поляна в лесу», «вспаханное поле» и «необработанное поле», в на. «луг» и «поле под паром»; но англ. диал. (преимущественно в южных диалектах, но зафиксировано и в северных) в значениях «маленький лес», «участок леса между полей». Двн. loh «роща» и нвн. «кустарник», «роща», «лесок между полей», «мелколесье», «заросшая поляна»; днф. «заболоченный лес»; дс. lôh «кустарник», снн. «кустарник, заросли, лесок», но нн. уже «луг в лесу», «болотистый луг», «низкое место». Здесь, как и для двух предыдущих лексем, признак «отсутствие растительности» характерен для ди. и да.-са. языковых ареалов. Видимо, переход от скандинавской к верхненемецкой семантике осуществлялся через признак «низинный рельеф» в нн. и нид. ареале: от значения «заболоченный луг» семантика сначала смещается на любой низинный рельеф, в т.ч. поросший лесом, затем признак рельефа нейтрализуется в ряде диалектов, и термин получает значение «лес, роща». Поскольку признак «отсутствие леса» засвидетельствован уже в да., а признак рельефа в англо-скандинавском

ареале нерелевантен, сохранившееся в этих языках значение следует, по нашему мнению, считать исконным (ср. с семантикой в других индоевропейских языках).

***dan-** да. dene «луг», са. «долина с густой зарослью», на. «лесистая долина» и «пастбище», но двн., свн. и нвн. tann «лес», снн. «лес». Можно предположить, что празападногерманской семемой было «пастбище в лесу», но имеющийся материал не позволяет определить, в каком из ареалов сохраняется более архаичное значение — в английском развитие признака «отсутствие леса» могло произойти под влиянием экстралингвистических факторов; а в языках материковой части не зафиксировано других дифференциальных признаков. В любом случае, эта лексема восстанавливается только для празападногерманского состояния и не включается в реконструкцию прагерманского лексического поля.

- **«лес» vs. «холм/гора»:**

***hult-** в ди. поэтических текстах holt обозначает «лес», в прозе начинает выступать в значении «холм», ни. «лесистый холм», «каменистый холм», также в на. «лесистый холм» и «роща». В да. признак рельефа еще нерелевантен, но в са. уже фиксируется значение «поросший лесом холм». При этом, в современных южных английских диалектах, а также в восточноскандинавской группе, т.е. шведском и датском, сохраняется значение «лес, совокупность растущих деревьев», характерное также, наряду со значением «древесина», для нижненемецкого, верхненемецкого, фризского и нидерландского языков.

***walþ-** для рефлексов этой лексемы в целом не свойственно противопоставление по признаку «возвышенность» — «низина», оно появляется только в са. и на.: wold — «пустынное нагорье», «холмистая местность», очевидно, через нейтрализацию признака «наличие леса» после завершившегося перехода «лес на холме» > «холм, поросший лесом».

***skag-** да. scaga «заросли, роща»; в двн. «лесистый холм», «коса», «предгорье», в нвн. «опушка», а в южных верхненемецких диалектах «коса» и «пойма, низкое место у воды». То есть, признак возвышенного рельефа актуализируется только в верхненемецком языковом пространстве, причем в южных верхненемецких диалектах становится возможным противопоставление по признаку «высокий рельеф» — «низинный рельеф» при нейтрализации признака «наличие леса». Стоит заметить, что признак «наличие леса» при нерелевантности указаний на рельеф в да. может также быть ареальным (ди. skógr «лес») и указывать на понимание носителями обеих лексем как родственных.

***hurst-** да. «роща, маленький лес» — на. «лесистый холм», в ннорв. «роща», «лесистый холм», «горный кряж», в то время как в швед. —

«лесополоса»; свн. «вырубка в лесу с побегами», это же значение в новых южных немецких диалектах, с развитием в средне- и нижненемецких диалектах значения «высокое сухое место на болоте», «поросший кустарником/травой бугорок на болоте», но в нвн. уже значения «полоска леса между полей» и «гнездо хищной птицы». Через звено «высокое место на болоте» развилось, видимо, значение «приподнятый над окружающим рельефом участок земной коры» в геологии (отсюда русс. «горст»). Вероятно, для значений «наличие леса» и «возвышенность» исходной была семема «вырубка в лесу; молодая поросль на месте вырубки». Эта семантическая цепь, несмотря на некоторые отклонения, типологически почти повторяет набор значений, зафиксированных для *lauh-, и, как видно, оба слова могут быть апеллятивом для одних и тех же референтов: «роща», «полоска леса между полей», «поросль на расчищенном месте в лесу». В качестве дифференцирующего признака для обеих лексем можно предположить искусственный характер лесной прогалины для *hurst- (вследствие вырубки).

- **«большой» vs. «маленький»:**

Семантический переход по этому признаку характерен только для одной лексемы — ***busk**-, которую можно реконструировать для празападногерманского языка. Хронологически первые упоминания лексемы встречаются в двн. корпусе, где busk — «куст». Термин получает широкое распространение в средний период — са. «куст, кустарник», снн. — «куст; лес»; снид. «куст», «кустарник; лес». В новый период наблюдается закрепление значения «лес» в нижненемецком, нидерландском, а также в средних и нижних немецких диалектах, где busk вытесняет wald/woud в качестве основного обозначения леса.

На периферии распространения западногерманских языков, напротив, в основе семантики лежит признак «маленький размер»: в южных верхненемецких диалектах «куст», «пучок травы»; в на. «куст», «кустарник», «пучок», заимствованное в сканд. «куст», «кустарник». Ситуация в современном верхненемецком и современном нидерландском языках представляется переходной: нид. «лес» но также «пучок, вязанка», нвн. «куст», «мелколесье», «пучок».

Можно сказать, что это единственная лексема, у которой семантическая цепь развивалась по принципу сохранения архаичного значения по периферии и значительной семантической инновации в центре области распространения. Совпадающую территориальную обусловленность мы наблюдаем и для семантики лексемы *lauh-, однако там ареальной оказалась только актуализация признака «заболоченность» при противоположных

значениях этой лексемы в южной и в северной части ареала распространения германских языков.

- **«лес» vs. «болото, низина»:**

***lauh-** признак «заболоченность» проявляется у днф. loe «заболоченный лес», а также у современного нн. loh «луг в лесу», «болотистый луг», «низкое место», при этом признак, вероятно, нерелевантен в дс. («кустарник») и снн. («кустарник, заросли, лесок»), как и вообще в других германских языках. Таким образом, этот переход для *lauh- является инновативным в нижненемецком ареале, а переход «наличие растительности» — «отсутствие растительности», является общегерманским.

Да. **strôd** и двн. **struot** не имеют задокументированных когнатов в других германских языках. Для обоих рефлексов общим является значение «заболоченные заросли», «болото», с появлением в свн. дополнительного семантического звена «кустарник, заросли» и последующим исчезновением здесь звена «болото». Поскольку на примере другой лексики не выявляется ареальных семантических изменений, общих для верхненемецкого и английского языков, следует считать эту лексему празападногерманской со значением «болото, поросшее лесом / заросли на болоте».

Термины со значением «дерево» обнаруживают семантическую оппозицию, которую можно обозначить как

- **«растущее дерево» vs. «(используемый) ствол»**

В прагерманском языке-основе сосуществуют два термина для семемы «растущее дерево»: ***baum-** и индоевропейский ***treow-**. В двн. и днф. рефлексы *treow- отсутствуют. В остальных германских языках имеются обе лексемы. Их семантику удается четко разграничить только в готском, где лексемы соотносятся как «дерево»: «ствол; палка» соответственно. В прочих языках их значение пересекается в одном или нескольких семантических звеньях.

По семеме «растущее дерево» *baum- и *treow- являются синонимами в ди. и да., при этом в ди. значения «ствол», «бревно, «балка» чаще выражаются *treow-, а в да., напротив, рефлексом *baum-. В обоих современных языках значение «дерево» передается только рефлексом *treow-.

По семеме «ствол», «бревно» семантика рефлексов *baum- и *treow- сходится в дс. и дфр., а в значении «растущее дерево» в обоих языках может выступать только *baum-.

Двн. имеет типологически близкую к ди. модель соотношения апеллятивов: в двн. паре *baum- :*hult-, как и в ди. *baum- :*treow-, обе

лексемы сходятся в значении «дерево», но «ствол», «бревно» и «балку» обозначает только вторая лексема. Как нам представляется, двн. holc занимает звенья отсутствующего в этом языке рефлекса *treow-., то есть двн. лексема holc с семантикой «лес»-«древесина», характерной для большинства германских языков, расширила свою семантическую цепь за счет исчезнувшего в верхненемецких говорах *treow-.

Интересно поэтому обратить внимание на семантические сдвиги рефлекса *hult- и в нижненемецком языке. Дс. holt показывает характерные общезападногерманские значения «лес»-«древесина»-«дрова», однако уже в снн. период приобретает дополнительные значения «ствол»-«крест», т.е. тогда, когда в снн. из употребления выходит рефлекс *treow-, существовавший в дс.

Ди. viðr выглядит довольно полным синонимом к двн. holc, показывая ту же амплитуду значений: от «лес; древесина; дрова» до «дерево; ствол».

Днф. здесь, как и в отношении большинства других лексем, имеет модель, близкую двн.

4. География семантических изменений

Говоря о типологии семантических переходов, мы косвенно затронули их ареальный характер. В настоящей главе мы обобщаем данные об ареалах актуализации тех или иных признаков в семантике исследуемых лексем.

- **Англо-скандинавский ареал:**

Признак «отсутствие растительности» у *walþ-, *lauh-, частично *hult-; «возвышенный рельеф» — у *hult-, *hurst-. Для *walþ- и *hult- направление ареального влияния было из скандинавского в английский, поскольку соответствующие признаки есть в ди., но еще не выделяются в да. Для *hurst- направление, видимо, было обратным, но здесь мы имеем дело с заимствованием самой лексемы. Признак «возвышенность» у hyrst в англ. также появляется только в на. период.

Только для *lauh- актуализация ареального англо-скандинавско признака «отсутствие растительности» фиксируется уже ди. и да. письменными памятниками. Ареальной выглядит также значительная полисемия рефлексов *widu-: «лес»-«дерево»-«древесина»-«дрова», в то время как в двн. происходит сужение семантики до значения «дрова», а во фризско-нижненемецком ареале — полное исчезновении лексемы.

Проявление признаков «отсутствие растительности» и «возвышенность» вообще характерно именно для англо-скандинавского ареала. Например, признак «отсутствие растительности» имеет да. denu («лес» в двн., свн. и снн.), а признак «возвышенность» приобретает на. wold, оба слова — независимо от скандинавского употребления, т.к. первое в скандинавских языках не зафиксировано, а второе в диалектах

западноскандинавской группы показывает противоположное значение «низкое ровное место», «низкое влажное поле». Такое развитие в обоих языках может быть связано и с экстралингвистическими причинами, в частности, схожими ландшафтными условиями [19: 116-118]. Но в целом можно сказать, что перечисленные ареальные семантические изменения фиксируются именно в са. период, т.е. совпадают хронологически с многочисленными лексическими заимствованиями в английский из скандинавских диалектов [4: 24-29].

- **Верхненемецкий ареал**

Характерна релевантность признака «наличие леса» и нерелевантность признака «рельеф» у тех лексем, для которых верно обратное в англо-скандинавском ареале.

Из рассмотренных лесных терминов только один — *skag- — проявляет признак «высокий рельеф» в верхненемецком ареале, при его нерелевантности в англо-скандинавском. Однако этот признак отмечается лишь в двн. и свн. период и нерелевантен в нвн., где Schachen — это «опушка; отдельно стоящая группа деревьев; коса», и «пойма; низкое место у воды» в верхненемецких диалектах.

- **Нижненемецко-фризско-нидерландский ареал**

Для дфр. и дс. характерно сужение семантики рефлексов *trew- до значений «ствол», «бревно, перекладина» с полным исчезновением этой лексемы в снн.

Для дфр., дс. и днф. общим является полное отсутствие рефлексов *widu- и заполнение соответствующих клеток рефлексами *hult-. Для этих же языков инновативным оказался семантический сдвиг лексемы busch/bosch от «куст, кустарник» к «лес», так что слово заняло центральное место в лексическом поле «лес», вытеснив еще в раннесредний языковой период бывшее центральное обозначение wald/wout. При этом снн. wald и снид. wout остаются апеллятивами для леса, но менее частотными, чем снн. busch и снид. bosch. Новый термин перенимает и лексическую сочетаемость wald/wout — сочетания ‘dicht bos’ в значении «дремучий лес» возможны в современном нидерландском наряду с ‘dicht woud’. Уже в снн. bosch употребляется в противопоставлениях другим типам ландшафта, что до указанного сдвига в номинационной решетке было характерно именно для woud. Аналогичное семантическое развитие рефлексов *busk- мы наблюдаем в кельнском и люксембургском диалектах немецкого языка. В ареал данной номинационной инновации входит, кроме того, древне- и среднефранцузское bos, bois «Wald», в совр. фр. также в значении „Holz“, однако нет однозначного представления о направлении семантического сдвига и источника заимствования этой лексемы [26: 131].

Другое общее явление для данного ареала — развитие признака «заболоченность» у рефлексов *lauh- при различном проявлении признака «наличие/отсутствие леса»: снид. loe «лес на болоте» и нн. lôh «болотистый луг», «луг в лесу», «низкое место».

Таким образом, значения, принимаемые лексемами в данном ареале, зачастую представляют собой промежуточные звенья в семантической цепи, крайние звенья которой уходят в верхненемецкие диалекты с одной стороны и в англо-скандинавский ареал с другой.

Большая часть семантических сдвигов у привлекаемых ландшафтных терминов относится во всех ареалах преимущественно к среднему языковому периоду соответствующих языков. Однако, некоторые термины (*trew-, *lauh-, *wid-) уже в да. семантически ближе к северогерманским когнатам, чем к аналогичным терминам в остальных языках западногерманской группы и англо-фризской подгруппы. На наш взгляд, здесь можно говорить о сохранении более архаичной семантики на периферии ареала распространения германских диалектов, поскольку рефлексы терминов *trew- и *lauh- именно в да. и ди. имеют значения, соответствующие их когнатам в других индоевропейских языках.

5. Реконструкция празападногерманской и прагерманской номинации семантического поля «лес»

К реконструкции прагерманской семантики слов мы подходим через ступенчатую реконструкцию, восстановив сначала значения для празападногерманского языкового состояния. Распределение значений рефлексов ландшафтных терминов по отдельным западногерманским языкам можно обобщить на сводной семасиологической таблице, где на входе мы размещаем праформы, в столбцах перечисляем все значения, принимаемые рефлексами этих праформ по языкам, а в столбце справа указываем те значения, которые представляются нам наиболее вероятными для празападногерманского — см. таблицу 4.

Таблица 4.

	Д.англ.	Д.фриз.	Д.сакс.	Д.нид.	Двн.	**Празап. герм.**
*baum-	дерево, ствол, бревно, столб *на.* балка, брус	дерево, бревно, палка *нф.* то же	дерево, ствол, бревно, крест, палка	дерево *ннид.* дерево, брус, балка, перекладина, мачта	дерево	дерево
*trew-	дерево *на.* дерево, балка, брус	бревно, балка, виселица *нф.* бревно, балка	ствол *снн.* –	– –	–	бревно, балка

*hult-	группа деревьев, лес, древко; *перен.* множество; *на.* роща, лесистый холм, *диал.* лес	древесина, дрова, прутья *нф.* лес, древесина, гроб	древесина, дрова, лес *снн.* древесина, дрова, лес, дерево, ствол, крест	древесина, группа растущих деревьев, полено, палка	древесина, лес, дерево, ствол, бревно *свн.* то же; *нвн.* дрова, древесина, *диал.* дерево, лес	лес растущие деревья, древесина ствол, палка
*walþ-	лес, дикий лес *на.* лес, невозделанное пространство, пустошь, пустынное нагорье	лес *нф.* лес	лес, пустынное место *снн.* лес	лес	лес, крона дерева, пустынное, дикое место *нвн.* лес, диал. крона дерева	лес, дикое, пустынное пространство
*wid-	лес, древесина, дрова	–	– *арх. в им. соб.* лес	–	дрова, древесина *арх. в им. соб.* лес	древесина, дрова
*lauh-	луг *на.* луг, *диал.* маленький лес, подлесок, полоска леса между полей	–	кустарник *снн.* кустарник, заросли, маленький лес; *нн.* луг в лесу, болотистый луг, низкое место	лес на болоте	роща *нвн.* роща, заросшая поляна, *диал.* отд. группа деревьев, лесок между полей	луг, луг в лесу, роща
*skag-	заросль, роща	–	–	–	лесистый мыс, коса, предгорье, *свн.* лесок между полей; опушка, *нвн.* опушка, группа деревьев; *диал.* пойма, низкое место у воды, коса	отдельно стоящая группа деревьев, роща
*busk-	куст, кустарник *на.* куст, кустарник, пучок	*нф.* лес	*снн.* куст, лес *нн.* лес	куст, кустарник, лес *ннид.* лес; связка, пучок, вязанка дров	куст *свн.* куст, кустарник, маленький лес *нвн.* куст, пучок, невысокий лес	куст, кустарник
*strōd-	заболоченные заросли, болото	–	*снн.* кустарник, заросли	–	заболоченные заросли, болото *свн.* куст, кустарник, болото, *нвн.диал.* то же	заросли на болоте, болото, поросшее лесом
*xurstiz	роща, маленький лес *на.* роща, лесистый холм, бугор	–	*снн.* куст, кустарник, роща, вырубка в лесу с побегами, пустынное место	–	*свн.* вырубка в лесу с побегами *нвн.* лесок между полей, гнездо; *юж. диал.* вырубка в лесу, диал. сев. бугорок, сухое место на болоте	вырубка в лесу с молодыми побегами отдельный живой пень с побегами

*ðan-	луг *ca.* лесистая долина; н.диал. пастбище	–	*снн.* лес	–	лес	открытое место в лесу

Если теперь сравнить полученные западногерманские значения с северогерманскими, то получится перечень семем, участвующих в членении семантического поля «лес» в обеих языковых ветвях. Из таких семем к семантическому полю «лес» можно отнести следующие: «лес», «роща», «низкий лес, мелколесье», «заросль», «кустарник», «куст», «лес на возвышенности», «заболоченный лес», «луг в лесу», «вырубка в лесу с молодой порослью», «пень с молодыми побегами», «дерево», «ствол», «древесина», «дрова» (последние две семемы включены нами в структуру поля, поскольку на примере нескольких апеллятивов переход значений «лес» > «древесина, дрова» оказывается частотным).

Тогда семантическое поле «лес» и соответствующие номинации для празападногерманского, древнеисландского и частично готского языков будут выглядеть как на таблице 5:

Таблица 5.

<table>
<tr><td colspan="3"></td><td>Зап.герм.</td><td>Д.исл.</td><td>Гот.</td></tr>
<tr><td colspan="3" rowspan="3">Лес</td><td>*walþ-</td><td>*skōh-</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="2">*hult-</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="2">*ap.* *wid-</td><td>*ap.* *wid-</td></tr>
<tr><td rowspan="5">По размеру</td><td rowspan="4">Маленький</td><td>Роща, отдельно стоящий лесок</td><td>*skag-
*lauh-</td><td rowspan="2"></td><td></td></tr>
<tr><td></td></tr>
<tr><td>Заросль,
кустарник</td><td>*strōd-
*busk-</td><td rowspan="2"></td><td></td></tr>
<tr><td></td></tr>
<tr><td>Куст</td><td>*busk-</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>По рельефу</td><td colspan="2">Низкий лес, мелколесье</td><td>*busk-</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td rowspan="2">По рельефу</td><td colspan="2">На возвышенности</td><td>*skag-</td><td>*hult-</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="2">На болоте</td><td>*strōd-
*lauh-</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td rowspan="4">С указанием на состав</td><td colspan="2" rowspan="2">Множество растущих деревьев</td><td colspan="2">*hult-</td><td></td></tr>
<tr><td></td><td>*wid-</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="2">Дерево</td><td colspan="3">*baum-</td></tr>
<tr><td></td><td>Ствол</td><td colspan="3">*trew-</td></tr>
<tr><td colspan="3"></td><td>*hult-</td><td>*wid-</td><td></td></tr>
</table>

	Древесина		*__wid__-		
			*hult-		
	Дрова		*__wid__-		
По отсутствию деревьев	Луг в лесу		*lauh-		
			*ðan-		
	Вырубка в лесу		*hurst-		
		Пень с побегами	*hurst-		
Обозначение других типов ландшафта	Болото		*strōd-		
	Луг		*__lauh__-		
			*ðan-		
	Поле, равнина		–	*walþ- *lauh-	
	Пустынное место		*walþ-		
	Холм, возвышенность		–	*hult-	

6. Выводы

В качестве прагерманского термина для понятия «лес, silva» с разной степенью приемлемости восстанавливается две лексемы: *hult- и *wid-. Недостаток реконструкции с первой лексемой состоит в том, что данные для готского языка отсутствуют. Реконструкция с лексемой *wid- представляется предпочтительной, поскольку соответствующее значение сохраняется в именах собственных типа ‘Vith-uluf’ во всех трех группах германских языков, в т.ч. в восточногерманской группе. В северо- и западногерманских диалектах семантика *wid- смещается в сторону значения «древесина; дрова», а значение «лес» начинает передаваться через *hult-. Этот процесс происходит, по-видимому, еще до окончательного разделения языков западной и северной группы. Позднее в древних западногерманских языках у *hult- также развивается значение «древесина», а значение «лес» перенимает термин *walþ-. В снн. и снд. ареале *walþ- в значении «лес», в свою очередь, вытесняется термином *busk-, хотя и продолжает сосуществовать с ним.

В северогерманских языках семантического перехода «лес» > «древесина» у *hult- не происходит: в восточноскандинавских диалектах сохраняется значение «небольшой лес», а в западноскандинавских наблюдается переход «лес» > «холм», при этом во всем северогерманском ареале *hult- вытесняется апеллятивом skógr в качестве основного обозначения леса.

Термины зап.герм. *hult- и сев.герм. *wid- показывают большую синонимию: оба имеют значения «лес»-«древесина»-«дерево»-«ствол». Западногерманский термин *hult- при этом начинает обозначать «дерево» там, где из употребления выходит лексема *trew-.

В отношении лексем *trew- и *baum- возможна более уверенная семантическая реконструкция. Нам представляется, что *baum- должно было быть основным обозначением семемы «растущее дерево» в прагерманском, вытеснив в этом значении праиндоевропейское *trew-. В пользу этого утверждения говорит то, что *baum- может обозначать «растущее дерево» во всех др.герм. языках, а также то, что ди. baðmr в значении «дерево» встречается в поэтических, т.е. более архаичных текстах. При этом в сев.герм. диалектах, т.е. на периферии германского языкового ареала, *trew- не утрачивает окончательно праиндоевропейской семантики и позднее повторно становится основным термином для «растущего дерева», одновременно с архаизацией соответствующего значения у *baum-. На основе контекстных данных можно предположить, что у англов схожий процесс происходил уже после их переселения в Британию, при переходе от да. к са. периоду.

Помимо перечисленных лексем, для прагерманского языкового состояния восстанавливается семантика *lauh- «луг» или «луг в лесу», имеющая индоевропейские параллели.

Термин *walþ-, по-видимому, имел в прагерманском значение «пустошь» или «пастбище», с вероятным переходом «пастбище» > «пастбище в лесу» > «лес» или «пастбище» > «листва» > «кроны деревьев» > «лес» (значение «листва» включается в связи с соответствующим двн. контекстным употреблением). На частотность семантического перехода «лес» — «пастбище» в славянских диалектах указывал Толстой [7: 57].

Все остальные из рассмотренных лексем участвовали в членении семантического поля «лес» уже независимо в разделившихся языках.

Список основных сокращений:

гот. — готский;
ди. — древнеисландский; ни. — новоисландский;
да. — древнеанглийский; са. — среднеанглийский; на. — новоанглийский;
дс. — древнесаксонский; снн. — средненижненемецкий; нн. — новонижненемецкий;
дфр. — древнефризский; сфр. — среднефризский; нфр. — новофризский;
днф. — древненижнефранкский; снид. — средненидерландский;
ннид. — новонидерландский;

двн. — древневерхненемецкий; свн. — средневерхненемецкий; нвн. — нововерхненемецкий

Библиографический список

1. Дыбо, А.В. – «Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс)» – РАН Ияз. – М., 1996 – с. 390
2. Маньков, А. – Аспекты компаративистики. Выпуск 2; РГГУ, 2006 – 500 с. – A. Mankov. Germanic etymologies: Goth. bagms, OE bēam, OI baðmr 'tree' c. 375-393
3. Невская, Л.Г. – Балтийская географическая терминология. К семантической типологии – М., «Наука», 1977 – 227 с.
4. Смирницкий, А.И. – Лекции по истории английского языка –– М.. Добросвет, КДУ, 2001 – 236 с.
5. Толстой, Н.И. – Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды – М., «Наука», 1969 – 262 с.
6. Толстой, Н.И. – О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов / Избранные труды. т. I «Славянская лексикология и семасиология» – М., «Языки русской культуры», 1997 – 520 с.
7. Толстой, Н.И. – Из опытов типологического исследования славянского словарного состава, I, II / Избранные труды. т. I «Славянская лексикология и семасиология» / Н. И. Толстой – М., «Языки русской культуры», 1997 – 520 с.
8. Топорова, Т.В. – Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные – М., Школа «Языки русской культуры», 1996. – 253 с.
9. Balg, G.H. – A Gomparative Glossary of the Gothic Language – 1887-1889 – 667 p.
10. Benecke, G.F./ Müller, W./ Zarncke, F. – Mittelhochdeutsches Wörterbuch. 3 Bde. – Leipzig 1854-1866.
11. Bosworth, J./Toller, T.N. – An Anglo-Saxon Dictionary – Oxford University Press, 1882-1898 – 1302 p.
12. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm, 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig 1854-1961. Quellenverzeichnis Leipzig 1971.
13. Diefenbach, L./ Wülcker, E. – Hoch- und Niederdeutsches Wörterbuch der Mittleren und Neueren Zeit – Basel, Benno Schwabe Verlagsbuchhandlung, 1885 – 930 S:
14. Falk, H.S./Torp, A. – Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch – Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag, 1960 – 808 S.

15. Feist, S. – Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache – Leiden, Brill, 1939 – 710 S.
16. Gepp, E. – A Contribution to an Essex Dialect Dictionary – London, G. Rout;edge & Sons, Ltd, 1920 – 80 p.
17. Gering, H. – Vollständiges Wörterbuch zu den Liedern der Edda – Hildesheim / New-York, Georg Olms Verlag, 1971 – 1403 S.
18. Heuser, W. – Altfriesisches Lesebuch mit Grammatik und Glossar – Heidelberg, Carl Winter´s, 1903 – 161 S.
19. Hirst, T.O. – A Grammar of the Dialect of Kendal (Westmoreland) Descriptive and Historical with Specimens and a Glossary – Heidelberg, Winters Universitätsbuchhandlung, 1906 – 170 p.
20. Hooke, D. – Anglo-Saxon Landscapes of the West Midlands: the Charter Evidence – Oxford: British Archaeological Reports, 1981 – p.160.
21. Kelle, J. – Glossar der Sprache Otfrids. In: Otfrids von Weissenburg Evangelienbuch, 3. Bd. – Regensburg, J. Manz Verlag, 1881 – 773 S.
22. Klein, E. – A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language – Amsterdam/London/New-York, 1966 – 1776 p.
23. Kluge, F./Seebold, E. – Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache – Berlin/New-York, WdeG, 2002 – 1023 S.
24. Kroonen, G. – Etymological Dictionary of Proto-Germanic – Leiden/Boston, Brill, 2013 – 794 p.
25. Lehmann, W. – A Gothic Etymological Dictionary – Leiden, Brill, 1986 – 712 p.
26. Lübben, A. – Mittelniederdeutsches Handwörterbuch – Norden, Leipzig, Diedr. Soltau´s Verlag, 1888 – 599 S:
27. Meyer-Lübke W. – Romanisches etymologisches Wörterbuch – Heidelberg, Carl Winters Universitätsverlag, 1911, – 1092 S.
28. Orel, V. – A Handbook of Germanic Etymlogy - Leiden/Boston, Brill, 2003 – 682 p.
29. Parish, W.D./Shaw, W.F: - A Dictionary of the Kentish Dialect – Lewes, Farncombe and Co. printers, 1888 – 195 p.
30. Richthofen, K.F.von – Altfriesisches Wörterbuch – Göttingen, Dieterichsche Buchhandlung, 1840 – 1165 S.
31. Schiller, K./Lübben, A. – Mittelniederdeutsches Wörterbuch – Bremen, Kühtmann´s, Fischer, 1875-1881 – 6 Bd.
32. Schmeller, J.A. – Bayerisches Wörterbuch: Sammlung von Wörtern und Ausdrucken – Stuttgart/Tübingen, J.G. Cotta, 1837 – 4 Bd.
33. Schmeller, J.A. – Cimbrisches Wörterbuch, в Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 15 Bd. – Wien, K. K. Hof- u. Staatsdruckerei, 1855 - S. 165-275

34. Schützeichel, R. – Althochdeutsches Wörterbuch, 7. Aufl. – Berlin/Boston, De Gruyter, 2012 – 415 S.
35. Tiefenbach, H. – Altsächsisches Handwörterbuch - Berlin/New York, De Gruyter, 2010 – 600 S.
36. Trier, J. – Etymologien um das Futterlaub – Köln, Böhlau Verlag, 1963 – 193 S.
37. Trier, J – Wege der Etymologie – Berlin, 1981 – 244 S.
38. Vries, J.de – Altnordisches Etymologisches Wörterbuch – Leiden, Brill, 1962 – 689 S.
39. Vries, J.de – Nederlands Etymologisch Woordenboek – Leiden / New-York / Köln, Brill, 1992 – 980 S.
40. Vries, J.de/ Tollenaere, F.de – Etymologisch Woordenboek – Den Haag, Het Spectrum, 1993 – 449 p.
41. Älteste Deutsche Dichtung und Prosa – hrsg.v. H. Mettke, Frankfurt am Main, Röderberg, 1976;
42. Althochdeutsches Lesebuch, zusammengestellt u. mit Wörterbuch versehen v. Wilhelm Braune, 11. Aufl., bearbeitet v. Karl Helm, Halle, Niemeyer, 1949
43. Altniederfränkische Psalmen - On the basis of the edition by M. Heyne, Kleinere altniederdeutsche Denkmäler – Paderborn, 1867 (Bibliothek der ältesten deutschen Literatur-Denkmäler, IV. Band: Altniederdeutsche Denkmäler, II. Teil)
44. Bendes, B. – Die Nordfriesische Sprache nach der Moringer Mundart – Leiden, Brill, 1860 – 479 S.
45. Benediktsson, J. – Íslendingabók, Landnámabók. Fyrri hluti – Reykjavík, Hið Íslenzka Fornritafélag, 1986 – 530 s.
46. Bremmer, R. – An Introduction to Old Frisian. History, Grammar, Reader, Glossary - Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2009 – 237 p.
47. Das Brokmer Recht (Altfriesische Rechtsquellen II) – ed. W.J. Buma and W. Ebel, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1965
48. De Reis van Sente Brandane, naar de versie in het Comburgsche handschrift. - H. P. A. Oskamp (Hrsg.) - Zutphen, Thieme, 1971
49. Die kleineren althochdeutschen Denkmäler, hrsg. v. Elias Steinmeyer, 2. Aufl. – Berlin / Zürich, 1963;
50. Die Freckenhorster Heberolle – Kleinere altsächsische Sprachdenkmäler mit Anmerkungen und Glossar hgb. von E. Wadstein, Norden / Leipzig, Soltau, 1899
51. Dronke, U. – The Poetic Edda. II Mythological poems – Oxford, Clarendon Press,1997 – 443 p.
52. Edda, Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern, hrsg. v. Gustav Neckel, 5., Aufl. v. Hans Kuhn – Heidelberg, Carl Winter, 1983

53. Erdmann, O. – Otrfids Evangelienbuch – Halle, 1882 – 311 S.
54. Fenne, Tönnies - Low German Manual of Spoken Russian, Pskov, 1607: an electronic text edition; Pepijn Hendriks and Jos Schaeken, Slavic Department, Leiden University (version 1.1., July 2008)
55. Finnsson, J. – Islands Landnamabok. Liber Originum Islandiae – Kopenhagen, A.F. Steinl, 1774 – 512 p.
56. Hartmann von Aue - Erec, Halle/Saale, 1939 (Altdeutsche Textbibliothek, 39), hrsg. A. Leitzmann - entered by Richard Schrodt, Vienna
57. Heyne, M./Wrede, F. – Ulfilas oder Die uns erhaltenen Denkmäler der gotischen Sprache – Padeborn, F.Schöningh, 1896 – 443 S.
58. Hench, G. – Der Althochdeutsche Isidor – Strassburg, K. Trübner, 1893 – 195 S.
59. Het volksboek van Ulenspieghel. Ingeleid en van aantekeningen voorzien door L. Debaene & P. Heyns, Amsterdam/Antwerp, Wereldbibliotheek, 1948
60. Kaalund, Kr. – Alfræði Íslenzk. Islandsk Encyklopædisk Litteratur – København, Møllers Bogtrykkeri, 1908 – 115 p.
61. Klaeber, F. – Beowulf – The Fight at Finnsburg – Boston, D.C.Heath and Co., 1968 – 471 p.
62. Kleinere altsächsische Sprachdenkmäler mit Anmerkungen und Glossar, hrsg. v. E. Wadstein, Norden / Leipzig, Soltau, 1899; Die kleineren althochdeutschen Denkmäler, hrsg. v. E. Steinmeyer, 2. Aufl. – Berlin / Zürich 1963; Altsächsisches Elementarbuch v. F. Holthausen, Heidelberg, Winter, 1921
63. Lübben, K. – Mittelniederdeutsche Grammatik nebst Chrestomatie und Glossar – Leipzig, Weigel, 1882 – 220 S.
64. Melbourn, Gert – Speculum ecclesiae. Eine frühmittelhochdeutsche Predigtsammlung (Cgm 39) - Lund: Gleerup/ Kopenhagen, 1944: Munksgaard. (Lunder germanistische Forschungen, 12). S. 1-37.
65. Muspilli: Zeitschrift für Deutsche Philologie, 15. Bd. – Halle, 1883 – 69-104 S.
66. Schmitt, M. – Der Grosse Seelentrost. Ein niederdeutsches Erbauungsbuch des 14. Jahrhunderts – Köln/Graz, Böhlau Verlag, 1959 – 303 S.
67. Sievers, E. – Tatian: Bibliothek der ältesten deutschen Literatur-Denkmäler, V. Band – Padeborn, Ferdinand Schöningh Verlag, 1892 – 518 S.
68. Simrock, K. – Die Edda, die ältere und jüngere, nebst den mythischen Erzählungen der Skalda – Stuttgart, Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1876
69. Steinmeyer, E./Sievers, E. – Die Althochdeutschen Glossen, 4 Bd. – Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1898 – 790 S.
70. Streitberg, W. – Die Gotische Bibel – Heidelberg, Carl Winter, 1908-1965 (5/4 Aufl.)

71. Van den vos Reynaerde, Reynaert I: Instituut voor Nederlandse Lexicologie (samenstelling enredactie) – Den Haag/Antwerpen, Uitgevers/Standaard Uitgeverij, 1998.
72. Wolfram von Eschenbach, Parzival, 3. Hft., 7. / 5. Auflage, hrsg. A. Leitzmann Tübingen, 1959-1961 (Altdeutsche Textbibliothek, 12.-14.)
73. Beatrijs. J. van Eetvelde (ed.) – Zellik, Poketino, 1986 - prepared by Thomas F. Shannon, Berkeley, 12.7.1999. TITUS version 2.3.2003, http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/mndl/beatrijs/beatr.htm
74. Corpus of Old Frisian Texts - On the basis of several editions, prepared by Thomas F. Shannon - Berkeley, 1999. TITUS version 1.3.2003, http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/afries/afrcorp/afrco.htm
75. Das Nibelungenlied, Hs. B – Electronic Version Bibliotheca Augustana - http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/12Jh/Nibelungen/nib_intr.html
76. Der Grosse Alexander, Wernigeroder Handschrift – hrsg. v. Gustav Guth, Berlin 1908 – TITUS version 2.3.2003 - http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/mhd/a_wernig/a_wer.htm
77. Gotrfied v. Strassburg – Tristan – Electronic Version Bibliotheca Augustana - http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/13Jh/Gottfried/got_intr.html
78. Genesis - On the basis of the edition by B. Taeger, M. Niemeyer Verlag, Tübingen, 1996 (10. Aufl.); TITUS version by Jost Gippert, Frankfurt a/M, 11.11.2003 / 6.11.2010 http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/asachs/genesis/genes.htm
79. Heliand - On the basis of the edition by B. Taeger, M. Niemeyer Verlag, Tübingen 1984 (9. Aufl.); TITUS version by Jost Gippert, Frankfurt a/M, 1.3.2003 http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/asachs/heliand/helia.htm
80. S. Sanders Hoogstra – Proza-bewerkingen van het Leven van Alexander den Groote in het Middelnederlandsch. – Gravenhage, Martinus Nijhoff, 1898 - TITUS version 2.3.2003 - http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/mndl/alexandd/alexa.htm
81. The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/
82. The Middle English Dictionary, University of Michigan, 2001. Electronic version http://quod.lib.umich.edu/m/med/

Yu. Lander, N. Tyshkevich

NRU HSE/Institute of Oriental Studies RAS, Moscow
NRU HSE, Moscow

TRUE, LIMINAL AND FAKE PROTOTYPES IN SYNTACTIC TYPOLOGY

1. Introduction[1]

During the last forty years, representations based on the prototype concept appeared for so many categories (cf. [6] for a brief survey of typological works) that it became clear that one needs "to investigate the phenomenon of prototypicality more thoroughly," since "the notion is far from straightforward" [27: 180-181] and the prototype category itself has a prototypical nature [25]. A natural reaction to the wide use of the concept was, for example, Wierzbicka's claims about the "abuse of prototype" as a "thought-saving device", which damps linguists from discovering real boundaries of categories [59: 347].

In this paper, we contrast between different kinds of morphosyntactic phenomena which at first glance manifest prototype-based categories. For some of them, we do indeed observe well-established nuclei called *true prototypes*. Some others are associated with *liminal prototypes*, which are likely to be illusive side effects of true prototypes. Still others turn out to be related to *fake prototypes,* which are only regarded as prototypes by mistake. We illustrate the three situations with relative clause constructions, serial verb constructions and the concept of subject. It is worth noting that this paper is just a brief outline of a more complex conception, and here we cannot go into many details.

The structure of this paper is as follows. In Section 2, we introduce assumptions and notions which constitute the background for further discussion. Sections 3, 4 and 5 describe true, liminal and fake prototypes respectively. The last section draws conclusions and presents our plans for future work.

[1] This material is based upon work supported in part by the Russian Foundation for Humanities (RGNF project No. 14-04-00580 "Interaction of Grammar Mechanisms in World's Languages"). Our discussion of serial verb constructions is based on a talk presented by the second co-author at the conference "Language Issues: View of Young Researchers" at the Institute of Linguistics RAS, Moscow (September 2015). We are grateful to the audience of the talk and in particular to Andrey Shluinsky for useful comments.

2. Assumptions and disclaimers

In general, morphosyntax may show various gradience effects, although we do not insist that this preclude language-specific categories to have sharp boundaries; cf. [1; 2]. In many cases, the gradience effects may be attributed to the diachrony [52]. As Traugott and Trousdale claim, "variation over time involves the emergence of grammatical constructions: a gradual, global process, but one which involves a series of discrete local micro-reanalysis" [57: 39].

However, any typological perspective should accumulate quite different constructions, and this may result in fuzziness of the borders of the phenomenon under discussion. In this case, the range of the data that is considered relevant may vary from one scholar to another. Despite this, determining what is considered relevant and what is not ideally should be theory-independent. The most prototypical instances of a category should be relevant irrespective of the views and hence they should be rooted in the linguistic reality rather than in metalinguistic systems (to the extent that they can be distinguished).

This contrasts such prototypes with canons as used in the Canonical Typology approach, see [8: 11–13] for discussion. The essential part of this approach is plotting deviations from an idealized canon, which is "the best, the clearest, the indisputable" specimen [12: 49]. Crucially, such canons are primarily intended to fit the logic of universal language-independent descriptive systems and are not required to be determined exclusively on the basis of linguistic data. Further, as Corbett puts it, "[g]iven that they have to match up to a logically determined standard, the canon is unlikely to be frequent. It is likely to be rare, and may even be non-existent" [12]. We will see that the situation with true prototypes is exactly the opposite, see also [8: 8].

For our purposes of providing a typologically-oriented account of gradience, we distinguish between several levels of abstraction.

At the lowest level, we have ***tokens***, by which we mean the occurrences of the relevant patterns (which can be syntactically complex) in the real texts. Take adnominal possessives for example. An example of a token of an adnominal possessive is *the occurrences of the relevant patterns* in the first sentence of this paragraph.

The next level includes ***constructions***, which are characterized by their own coding and behavioral properties. The sentences in the preceding paragraph only showed the adnominal possessive construction marked by the preposition *of*. English also has another adnominal possessive construction, namely the one marked with *'s*, and perhaps some others, depending on the domain of investigation. Constructions are language-specific. Below we will think of them as having sharp boundaries, even though sometimes this is disputable [52; 55; 56]. This should not affect our conclusions.

Finally, we will use the term ***domain*** for concepts that abstract away from specific constructions. This is exactly the scholar-dependent range of the relevant data. For example, we may speak of the domain of adnominal possessive constructions, which may include either just the relevant constructions of a given language or even (what is thought to represent) possessives in various languages in general. Alternatively, we may think of the domain as a set of contexts where the relevant constructions are used.

3. True syntactic prototypes: a story of relative clause constructions

While investigating the domain, sometimes we find certain contexts where the relevant grammatical patterns are felt to be especially salient. We hypothesize that this nucleus is characterized by the smallest variance of tokens, high productivity, various frequency-related effects (also described as effects related to unmarkedness and grammaticalization), compositional transparency and diachronic stability. These features may be taken as theory-independent manifestations of a true functional prototype of the domain.

Consider the domain of relative clause constructions (RCCs). As is well-known since Keenan & Comrie's classical paper [34], syntactic roles differ in their relativizability. In particular, relativization of subjects and direct objects (or absolutive and ergative arguments in ergative languages) illustrated in (1)-(2) is easier and more frequent than relativization of other arguments such as, for example, possessors (3).[1] We suspect, then, that the prototype of RCCs is associated with relativization of core arguments[2] (although this is clearly not the only component of this prototype).

(1) the man who made the world's first personal computer
(2) the girl whom you described as smart
(3) a grammarian whose book has been an important part of my life for the last eight years

It has been argued that the constructions serving syntactic prototypes are more grammaticalized [41]. This seems to hold for RCCs. Dedicated grammatical means such as participles and relative pronouns are typically associated with the relativization of core arguments: for example, in Russian participles are only used

[1] The frequency of relativization of different roles is discussed, for instance, in [32; 51; 16; 23; 28] for various stages and registers of English (Indo-European), in [5] for Arabic (Afroasiatic), [15] for Archi and Udi (Northeast Caucasian). Reports of psycholinguistic experiments on the accessibility of different arguments for relativization can be found, for example, in [35].

[2] We deliberately do not discuss the issue of ranking of the core arguments, since this issue is by no means clear. For some discussion see [42: 211ff; 23; 45].

for relativization of subjects. In addition, relativization of the core arguments is often accompanied by grammatical deranking, i.e. semantically non-expected grammatical restrictions [13: 203].

The notion of *compositional transparency* was introduced by David Dowty, who defined it as "the degree to which the compositional semantic interpretation of natural language is readily apparent (obvious, simple, easy to compute) from its syntactic structure" [18: 30]. As argued in [60; 41], (true) syntactic prototypes are the most compositionally transparent. In the domain of RCCs, we find that relativization of core arguments usually involves a means which makes it possible to unambiguously determine what argument is relativized, be it a case-marked relative pronoun (as in (1)-(3)), a specific participle or a gap. The picture may be different in other cases: sometimes the role of the relativized argument is understood exclusively due to the context or the lexical semantics of the elements of a construction. In the following example, the role of the relativized argument is determined by the lexical semantics of the head:

(4) the way he will come

Finally, syntactic prototypes are highly stable, and new constructions develop from non-prototypical contexts [10]. Not surprisingly, the oldest RCC patterns are often restricted to the relativization of the core arguments. In some Austronesian languages (e.g., Chamorro), the archaic highly-developed voice system retained only in RCCs, which originally could relativize only subjects, and in certain related structures such as questions (see [17] for details). The development of a new RCC from periphery towards the prototype is described for English, where the pattern involving wh-pronouns (illustrated in (1)-(3) above) appeared to be able to relativize subjects later than less relativizable arguments [51; 16].

There are many syntactic prototypes that can be determined in this way. For example, transitive constructions [31], passives [53], possessives [38; 41] all seem to have syntactic prototypes of this kind. Moreover, the prototype effects related to the distinction between nouns and verbs [14], and to the notions of word and clause are probably related to similar prototypes. Importantly, such prototypes seem to be theory-independent but as such they need careful empirical substantiation (cf. Martin Haspelmath's critics of prototype-based approaches to the concept of word [29: 64]).

4. Liminal syntactic prototypes: a story of serial verb constructions

Not all constructions have their own true prototypes, even if it is tempting to describe them using the same techniques. In this case, we can observe side effects of true prototypes: deviations from them may be accompanied by a mass extinction

of the relevant properties, and the absence of these properties may look like a prototype appropriate for a deviating phenomenon.

We illustrate this with the domain of Serial Verb Constructions (SVCs) exemplified below:

(5) Yoruba (Atlantic-Congo) [7: 529; after 46]
bola se dran ta
bola cooked meat sell
'Bola cooked some meat and sold it.'

SVCs are sometimes defined as verb sequences "which act together as a single predicate, without any overt marker of coordination, subordination, or syntactic dependency of any other sort" [4: 1]. There are also other definitions of SVC, which are generated from certain lists of properties; see, for instance, [49: 290; 50]. Yet all definitions of this kind are far from being satisfactory for all patterns of the domain; see discussion in [47]. For example, the constructions (6) are described as SVCs despite the fact that the imperfective particle *tá* affects the semantics of an expression depending on which verb it modifies. Strictly speaking, it does not seem to be the case that the two verbs in (6) "act as a single predicate".

(6) Saramaccan (English-Portuguese Creole) [50: 239]
a. a tá fáa páu túe
3SG IMPF chop tree throw
'He is felling a tree (he is engaged in the activity of chopping).'
b. a fáa páu tá túe
3SG chop tree IMPF throw
'He is felling a tree (the tree is falling).'

The absence of a strict definition of SVCs made Martin Haspelmath deny the very existence and cross-linguistic importance of this phenomenon [30]. However, one can also observe attempts to describe SVCs via some prototype. In [37: 229-230] we find the following list of the prototypical properties of SVCs:

(7) a. A prototypical SVC contains two or more morphologically independent verbs within the same clause, neither of which is an AUX.
b. There are no conjunctions or other overt markers of subordination or coordination separating the two verbs.
c. The serial verbs belong to a single intonation contour, with no pause separating them.
d. The entire SVC refers to a single (possibly complex) event.
e. A true SVC may contain only one specification for tense, aspect, modality, negation. etc., though these features are sometimes redundantly marked on both verbs.

f. The two verbs in the SVC share at least one semantic argument.
g. Obligatory non-coreference: a true SVC will not contain two overt NPs which refer to the same argument.
h. A prototypical SVC contains only one grammatical subject.

Unfortunately, such prototypes work much worse than true prototypes. The problem is that SVCs show too much diversity. Even if there exists any nucleus of the SVC domain, it seems to be characterized by too much variance. As Aikhenvald notes, "[c]ross-linguistically, and even within one language, SVCs occupy different places on the continuum, between one indissoluble event and a package of subevents all linked together" [4:12].

We hypothesize that the reason for the absence of a stable true SVC prototype is the instability of SVCs themselves. In fact, many constructions of this kind are regarded as illustrating the cross-linguistically recurrent development of certain verbs into certain grammatical elements [47]. Other SVCs tend to lexicalize and turn into non-compositional complexes [19; 4]. It may be not that useful to describe SVC with a prototype-based approach exactly because of this tendency of SVCs to turn into other patterns.

There are factors that favor this instability. One of them is the variation that is sometimes observed between speakers of a language in whether a serial pattern can be used in a given case. The possibility of constructing a SVC sometimes is too dependent on pragmatics. For example, in Alamblak the SVC is acceptable when it describes a conventionalized sequence of subevents (8a), but is not allowed for unexpected combinations, as in (8b), whose unacceptability is "not only because it is unusual for the two events to occur together, but because there is no apparent reason for their close association since stars are observable from the ground" [9: 29]. At the same time, if the link between the subevents is clear enough, as in (8c), the SVC becomes possible again.

(8) Alamblak (Sepik) [9: 29]
a. mɨyt ritm muh-hambray-an-m
tree insects climb-search.for-1SG-3PL
'I climbed the tree searching for insects.'
b. *mɨyt guñm muh-hëti-an-m
tree stars climb-see-1SG-3PL
?*'I climbed the tree seeing the stars.'
c. mɨyt guñm muh-hɨti- marña-an-m
tree stars climb-see-well-1SG-3PL
'I climbed the tree seeing the stars clearly.'

Basing on these examples, Bruce claims that "serialisation of roots in a verb stem is restricted to sequences of events which are commonly associated culturally or for which there is a cultural basis or pragmatic reason for their close association" [9: 30].

We may think that the SVC is just a transitional stage in the development of a combination of two clauses denoting two events towards the clausal prototype, which is presumably associated with reference to a single event. SVCs clearly deviate from the prototype of a clause, but they do not satisfy any prototype of a complex sentence either. Still, when deviations are no longer random and sporadic and begin to resemble a system, they may look similar to the prototypes.

While such patterns probably may be described as *mixed categories*, we prefer the treatment of SVCs as *liminal categories*. The latter notion ascends to the anthropological works by Arnold van Gennep [26] and Victor Turner [58] devoted to the characteristics of the ritual subject during the the "liminal phase" of *rites de passage* characterized by passing "through a cultural realm that has few or none of the attributes of the past or coming state" [58: 95]. Daniel Everett [20] proposed to use the term *liminal category* for entities that share properties of words and complex phrases and also presupposed a kind of diachronic instability, which is crucial for us. Yet in our perspective, the concept of liminal category may be broadened to unstable "frontier" phenomena characterized by deviations from prototypes in general. In this sense, we may think of liminal prototypes, which are unstable and do not govern any direction of diachronic processes but result from simultaneous deviations in multiple parameters.

Another possible liminal prototype is related to clitics. Several attempts have been made of formulating the set of criteria that should distinguish clitics from other affixes and autonomous words; see [63; 3; 54] for discussion. It seems, however, that any clitic prototype will be liminal, for it does not necessary determine the distribution of clitic tokens across the word-affix scale.

Note that liminal prototypes may make sense for a given language, but they do not necessarily have universal force. Cross-linguistically, for every syntactic phenomenon the stage of grammaticalization should be recognized first, and mostly stability and the rate of changes can help to allocate the construction core in a given language.

5. Fake syntactic prototypes: a story of subject

Fake prototypes are also based on some sets of properties. The main problem with these sets is that they easily allow distribution of correspondent properties across several candidates.

Perhaps the most well known fake prototype is related to a discussion of the notion of subject by Keenan, who proposed a number of features intended to point to the subject of the sentence [33]. These features were supposed to determine the

degree of subjecthood of a given argument. Later this "multi-factor approach" was thought to present a prototypical subject, which should fit all the relevant features (cf., for instance, [6]). Bernard Comrie suggested that the prototype of subject is the intersection of agent and topic properties, but this prototype was mainly based on the same features [11].

Keenan's list of subject properties is too big to put it here, but just for readers innocent in these matters we copy a similar (yet smaller) list provided by Falk [21: 6], which at least makes clear the (sub)domains where the subject is discussed:

(9) Agent argument in the active voice
Most likely covert/empty argument
The addressee of an imperative
Anaphoric prominence
Switch-reference systems
Shared argument in coordinated clauses
Controlled argument (PRO)
Raising
Extraction properties
Obligatory element
"External" structural position
Definiteness or wide scope
Discourse topic

However, the features identified by Keenan and Falk by no means always work for subjects, even though they can point in this direction. One thing is that the lists such as (9) are obviously more oriented to syntactically accusative languages than to syntactically ergative languages: Keenan definitely presupposes that normally the most likely subject in transitive clauses is the most agentive one. There are clear problems with this, though.

Consider, for instance, the control of reflexives (mentioned in (9) as "anaphoric prominence"). According to Keenan, if there is a coreference relation between the subject and some other NP, it is the subject that should serve as the antecedent, which is why in English it is possible to say *John loves himself* but not **Himself loves John*. Yet later it was argued that not (only) subjecthood but the relative agentivity may play a role in the choice of the antecedent in this case.

For example, in West Circassian and Kabardian, the ergative languages which constitute the Circassian branch of the Northwest Caucasian family, the antecedent of the reflexive is the most agentive argument. In transitive constructions, the antecedent is the ergative argument, but there are also patterns where the construction is intransitive but the indirect object controls the reflexive absolutive cross-reference prefix. Moreover, if both arguments show low

agentivity, as with the intransitive verb 'be forgotten', the antecedent may be either the indirect object (the one who forgets) or the absolutive argument (the argument forgotten); cf. the following Kabardian examples (see also [44] for West Circassian data):

(10) Kuban Kabardian (Northwest Caucasian; Yury Lander's field notes)
a. sə-z-ŝə-ʁʷəpŝe-ž'-a
1SG.ABS-RFL.IO-LOC-be.forgotten-RE-PST
b. zə-s-ŝə-ʁʷəpŝe-ž'-a
RFL.ABS-1SG.IO-LOC-be.forgotten-RE-PST
'I forgot myself.'

These examples suggest that for Circassian languages, then, the reflexive binding should not be counted as a subject property even though it is clearly related to agentivity. Despite this, these languages do seem to privilege some arguments (usually absolutives, see [40; 43]), which probably can be described as subjects or at least as having subject properties.

In the neighboring Northeast Caucasian languages the picture is different. Here in transitive sentences both the ergative and the absolutive arguments sometimes can control the reflexive. Cf. the following examples:

(11) Tanti Dargwa (Northeast Caucasian; Yury Lander's field notes)

a.	musa-li	sa-j	ʕaˁlχ:-un-ne=sa-j
	Musa-ERG	RFL-M(ABS)	NEG+feed-PRS-CVB=COP-M
b.	musa	sun-ni	ʕaˁlχ:-un-ne=sa-j
	Musa(ABS)	RFL-ERG	NEG+feed-PRS-CVB=COP-M

'Musa does not feed himself.'

In (11a) the ergative NP appears to be the antecedent of the absolutive reflexive pronoun, which can be explained by its agentivity (or perhaps by its subjecthood). In (11b), however, the absolutive NP serves as the antecedent of the ergative reflexive, and this cannot be attributed to agentivity. It is not clear what makes possible the second construction. In particular, it is not obvious that this effect is related to subjecthood, rather some pragmatic considerations may be at work here (see [36: 300-301; 48: 245ff; 24; 22] for discussion of similar examples). The only point is that the reflexive binding need not be related even to agentivity proper but it does not necessarily tells us about subjecthood either.

It is possible that the reflexive binding should be eliminated from the list of syntactic tests for subjecthood. Yet many other tests proposed by Keenan behave in the same way: they may distinguish different arguments in different constructions and contradict to each other. The reason is that although the idea of subject presupposes exceptional prominence of an argument in respect to various

grammatical processes, such prominence may have different sources [36]. This diversity of subjecthood sources is sometimes reflected in the distribution of subject properties across the clause. Clearly, this is not related to deviations from any prototype and suggests that the prototypical subject is nothing but a fake.

Subject is not the only concept of this kind. The notion of syntactic head is sometimes understood in a similar way, i.e. through a set of properties which may be detected for different elements of the same construction (cf. [61; 62]). However, it is likely that there are two sources of the syntactic headedness effects, namely the relevance and the compositional obligatoriness [39]. For example, within an NP the (true) determiner is compositionally obligatory, while the noun bears the most relevant information, and hence both of them may have head properties. The criteria used for heads, therefore, need not single out any prototypical head, for there are no special reasons for them to point to the same element.

6. Conclusion

Not everything that is fuzzy is prototyping. Indeed, in this paper we have argued that the categories analyzed through prototype-based approaches may be of different natures. In fact, some of them are wrongly thought to have a prototypically-oriented structure: the prototypes postulated for them are more epistemological phenomena, which, however, may help the linguists to differentiate these categories from others. At the same time, true prototypes appear to be ontological phenomena which reflect the characteristics of linguistic objects. We suspect that studying of true prototypes may help to identify patterns of language change.

As a kind of development of this idea, we are thinking of a model that would plot true prototypes characterized by the maximal probability of the appearance of a token belonging to the domain under discussion. Importantly, this model should consider different diachronic sections in order to define the stage of grammaticalization of different constructions, revealing the categories with the distinguishable core.

Abbreviations

ABS — absolutive; COP — copula; CVB — converb; ERG — ergative; IMPF — imperfective; IO — indirect object; LOC — locative preverb; M — masculine; NEG — negation; PL — plural; PRS — present tense; PST — past; RE refactive/reversive; RFL — reflexive; SG — singular.

References

1. Aarts, B. Modelling linguistic gradience. *Studies in language* 28 (2004): 1-49.
2. Aarts, B. *Syntactic Gradience: the Nature of Grammatical Indeterminacy*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

3. Aikhenvald, A. Y. Typological parameters for the study of clitics, with special reference to Tariana. In: *Word: a Cross-linguistic Typology*, ed. by R. M. W. Dixon and A. Y. Aikhenvald. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp. 42-78.
4. Aikhenvald, A. Y. Serial verb constructions in typological perspective. In: *Serial Verb Constructions: a Cross-linguistic Typology*, ed. by A. Y. Aikhenvald and R. M. W. Dixon. Oxford: Oxford University Press, 2006, pp. 1-68.
5. Al-Zaghir, Z. M. Relativization and accessibility: A corpus analysis of relative clauses in Arabic written text. Ph.D. diss., University of Otago, Dunedin, 2013.
6. van der Auwera, J. and G. Volker. Categories and prototypes. In: *The Oxford Handbook of Language Typology*, ed. by J. J. Song. Oxford: Oxford University Press, 2011, pp. 166-189.
7. Baker, M. C. Object sharing and projection in serial verb constructions. *Linguistic Inquiry* 20 (1989): 513-553.
8. Brown, D. and M. Chumakina. What there might be and what there is: an introduction to Canonical Typology. In: *Canonical Morphology and Syntax*, ed. D. Brown et al. Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 1-19.
9. Bruce, L. Serialization: From syntax to lexicon. *Studies in Language* 12 (1988): 19-49.
10. Company Company, C. Grammaticalization and category weakness. In: *New Reflections on Grammaticalization*, ed. by I. Wischer and G. Diewald. Amsterdam: John Benjamins, 2002, pp. 201-215.
11. Comrie, B. *Language Universals and Linguistic Typology*. Oxford: Basil Blackwell, 1981.
12. Corbett, G. G. Canonical morphosyntactic features. In: *Canonical Morphology and Syntax*, ed. D. Brown et al. Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 48-65.
13. Cristofaro, S. *Subordination*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
14. Croft, W. *Syntactic Categories and Grammatical Relations: the Cognitive Organization of Information*. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
15. Daniel, M. and Yu. Lander. Neravnopravie rolej v otnositel'nyx konstrukcijax: materialy po častotnosti reljativizacii v arčinskom i udinskom jazykax. *Semantika jazykovyx edinic raznyx urovnej*. Vyp. 15. Makhachkala: DGU, 2013, pp. 59-78.
16. Dekeyser, X. Relativizers in early modern English: a dynamic quantitative study. In: *Historical Syntax*, ed. by J. Fisiak. Berlin: Mouton de Gruyter, 1984, pp. 61-87.
17. Donohue, M. and A. Maclachlan. What agreement in Chamorro? *Proceedings of AFLA VI. Toronto Working Papers in Linguistics*. Vol. 16, No. 2 (1999): 121-132.

18. Dowty, D. Compositionality as an empirical problem. In: *Direct Compositionality*, ed. by Ch. Barker and P. Jacobson. Oxford: Oxford University Press, 2007, pp. 23-101.
19. Durie, M. Grammatical structures in verb serialization. In: *Complex Predicates*, ed. by A. Alsina et al. Stanford: CSLI Publ., 1997, pp. 289-354.
20. Everett, D. Liminal constructions. Unpublished ms., 2003. (Available online at http://ling.auf.net/lingbuzz/001369, Accessed on 2015-11-22.)
21. Falk, Y. N. *Subjects and Universal Grammar: An Explanatory Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
22. Forker, D. Are there subject anaphors? *Linguistic Typology* 18 (2014): 51-81.
23. Fox, B. A. The noun phrase accessibility hierarchy revisited. *Language* 63 (1987): 856-870.
24. Ganenkov, D., N. Bogomolova and D. Forker. (Quirky) reflexive constructions in Daghestanian languages. Paper presented at the 46th Annual Meeting of Societas Linguistica Europaea, Split, September 2013.
25. Geeraerts, D. Introduction: Prospects and problems of prototype theory. *Linguistics* 27 (1989): 587-612.
26. van Gennep, A. *Les rites de passage*. Paris: Emile Nourry, 1909.
27. Gilquin, G. The place of prototypicality in corpus linguistics: Causation in the hot seat. In: *Corpora in Cognitive Linguistics: Corpus Based Approaches to Syntax and Lexis*, ed. by S. Gries and A. Stefanowitsch. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006, pp. 159-192.
28. Gordon, P. and R. Hendrick. Relativization, ergativity, and corpus frequency. *Linguistic Inquiry* 36 (2005): 456-463.
29. Haspelmath, M. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica* 45 (2011): 31-80.
30. Haspelmath, M. The serial verb construction: Comparative concept and cross-linguistic generalizations. Unpublished ms., 2015. (Available online at https://www.academia.edu/10652772, Accessed on 2015-11-22.)
31. Hopper, P. J. and S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse. *Language* 56 (1980): 251-299.
32. Keenan, E. L. Variation in Universal Grammar. In: *Analyzing Variation in Language*, ed. by R. Fasold and R. Shuy. Washington: Georgetown University Press, 1975, pp. 138-148.
33. Keenan, E. L. Towards a universal definition of 'Subject'. In: *Subject and Topic*, ed. by Charles N. Li. New York: Academic Press, 1976, pp. 303-333.
34. Keenan, E. L. and B. Comrie. Noun Phrase accessibility and Universal Grammar. *Linguistic Inquiry* 8 (1977): 63-99.

35. Keenan, E. L. and J. Hawkins. The psychological validity of the accessibility hierarchy. In: E. L. Keenan, *Universal Grammar*. New Hampshire: Croom Helm, 1987, pp. 60-85.
36. Kibrik, A. E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive syntactic typology. *Linguistic Typology* 1 (1997): 279-346.
37. Kroeger, P. *Analyzing Syntax: a Lexical-Functional Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
38. Lander, Yu. Varieties of Genitive. In: *The Oxford Handbook of Case,* ed. by Malchukov A. and A. Spencer. Oxford: Oxford University Press, 2008, pp. 581-592.
39. Lander, Yu. Western Indonesian prenominal modifiers and compositional obligatoriness. In: *VIII Meždunarodnaja konferencija po jazykam Dal'nego Vostoka, Jugo-Vostočnoj Azii i Zapadnoj Afriki (Moskva, 22–24 sentjabrja 2009 g.): tezisy i doklady*, ed. by V. B. Kasevich et al. Moscow: Kluch–C, 2009, pp. 242-257.
40. Lander, Yu. Subject properties of the Adyghe absolutive: evidence from relatives. Unpublished ms., 2010. (Available online at https://www.academia.edu/340643, Accessed on 2015–11–23 and http://www.hse.ru/data/2014/02/28/1329602538/09-AdygheAbsolutives.pdf, Accessed on 2015-11-22)
41. Lander, Yu. On how compositionality relates to syntactic prototypes and grammaticalization. In: *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblate,* ed. by P. Arkadiev et al. Moscow: LRC Publishers, 2015, pp. 148-157.
42. Lehmann, Chr. *Der Relativsatz. Typologie seiner Strukturen, Theorie seiner Funktionen, Kompendium seiner Grammatik*. Tübingen: Gunter Narr, 1984.
43. Letuchiy, A. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing derivations. In: *Ergativity, Valency and Voice,* ed. by G. Authier and K. Haude. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012, pp. 323-354.
44. Letuchiy, A. Verb classes in Adyghe: Derivational vs. nonderivational criteria. *Linguistics* 51 (2013): 729-766.
45. Liao, H.–C. The Noun Phrase Accessibility Hierarchy revisited: A view from ergative languages. *University of Hawai'i Working Papers in Linguistics* 31 (2000): 121-142.
46. Lord, C. Causative constructions in Yoruba. *Studies in African Linguistics (Supplement)* 5 (1974): 195-204.
47. Lord, C. *Historical change in serial verb constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 1993.

48. Lyutikova, E. A. Reflexives and emphasis in Tsaxur (Nakh-Dagestanian). In: *Reflexives: Forms and Functions*, ed. by Z. Frajzyngier and T. S. Curl. Amsterdam: John Benjamins, 1999, pp. 227-255.
49. Muysken, P. and T. Veenstra. Serial verbs. In: *Pidgins and Creoles: An Introduction,* ed. by J. Arends et al. Amsterdam: John Benjamins, 1995, pp. 289-301.
50. Muysken, P. and T. Veenstra. Serial verbs. In: *The Blackwell Companion to Syntax*, ed. by M. Everaert and H. van Riemsdijk. Vol. IV. Malden: Blackwell, 2006, pp. 234-270.
51. Romaine, S. The relative clause marker in Scots English: Diffusion, complexity, and style as dimensions of syntactic change. *Language in Society* 9 (1980): 221-247.
52. Rosenbach, A. How synchronic gradience makes sense in the light of language change (and *vice versa*). In: *Gradience, Gradualness, and Grammaticalization*, ed. by E. C. Traugott and G. Trousdale. Amsterdam: John Benjamins, 2010, pp. 149-179.
53. Shibatani, M. Passives and Related Constructions: A Prototype Analysis. *Language* 61 (1985): 821-848.
54. Spencer, A. and A. Luís. The canonical clitic. In: *Canonical Morphology and Syntax*, ed. by D. Brown et al. Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 123-150.
55. Taylor, J. R. *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory.* 2nd edition. Oxford: Clarendon Press, 1995.
56. Taylor, J. R. Syntactic constructions as prototype categories. In: *The New Psychology of Language: Cognitive and Functional Approaches to Language Structure,* ed. by M. Tomasello. Mahwah: Laurence Erlbaum Associates, 1998, pp. 177-202.
57. Traugott. E. C. and G. Trousdale. Gradience, gradualness and grammaticalization: How do they intersect? In: *Gradience, Gradualness, and Grammaticalization*, ed. by E. C. Traugott and G. Trousdale. Amsterdam: John Benjamins, 2010, pp. 19-44.
58. Turner, V. *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure.* New Brunswick: Transaction Publishers, 1995.
59. Wierzbicka, A. 'Prototypes save': on the uses and abuses of the notion of 'prototype' in linguistics and related fields. In: *Meanings and Prototypes. Studies in Linguistic Categorization,* ed. by S. L. Tsohadzidis. London: Routledge, 1990, pp. 347-367.
60. Winters, M. E. Toward a theory of syntactic prototypes. In: *Meanings and Prototypes. Studies in linguistic Categorization,* ed. by S. L. Tsohadzidis. London: Routledge, 1990, pp. 285-306.

61. Zwicky, A. M. Heads. *Journal of Linguistics* 21 (1985): 1-30.
62. Zwicky, A. M. Heads, bases and functors. In: *Heads in Grammatical Theory*, ed. by G. G. Corbett et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1993, pp. 292-315.
63. Zwicky, A. M. and G. Pullum. Cliticization vs. inflection: English *n't*. *Language* 59 (1983): 502-513.

А.Б. Летучий

НИУ ВШЭ, Москва

МЕСТОИМЕНИЯ И ОДУШЕВЛЁННОСТЬ В РУССКИХ КОНСТРУКЦИЯХ С НУЛЕВОЙ СВЯЗКОЙ

Введение

Связочные конструкции широко представлены в лингвистических работах последнего времени. В частности, развивается типология связок (см. типологическое исследование [20] и более близкую к формальному синтаксису работу [21]).

В то же время нулевые связки как подкласс связок вообще изучены недостаточно хорошо. Семантические типы связочных конструкций не раз подвергались подробному анализу. Можно привести работы [1] и [6], где исследуется, прежде всего, сфера употребления нулевой связки. Н. Кондрашова [15] ставит вопрос о конкуренции нулевого глагола и выраженной формы *есть*.

Однако почти нет работ, где нулевая связка сопоставляется с выраженными глаголами. До сих пор нет исчерпывающей информации о том, какие общие и какие различные черты существуют между связками и выраженными глаголами в области сочетаемости с обстоятельствами, с отрицательными конструкциями, с различными типами актантов, с порядками слов и так далее. Иначе говоря, более или менее принимается на веру утверждение о том, что в предложениях типа *Иван — инженер* мы имеем дело с нулевым предикатом. Есть ли вообще этот нулевой предикат и почему он сближается именно с глаголом, точно не известно.

1. Нестандартные свойства конструкций с нулевыми связками

Среди немногочисленных работ, сопоставляющих нулевые и ненулевые предикаты, нужно упомянуть работу Я.Г. Тестельца [5]. В этих работах два свойства лексических глаголов в русском языке проверяются на нулевых предикатах.

1.1. Способность отрицания иметь широкую или узкую сферу действия относительно квантификатора

Предложения типа (1) стандартно имеют интерпретацию с узкой сферой действия отрицания (‘Для всех работ неверно, что они готовы’).

(1) Все работы не готовы.

Однако при надлежащей интонации (как правило, при выделении квантификатора *все*) есть возможность и «широкой» интерпретации отрицания (‘Неверно, что не готовы **все** работы’ — возможно, часть всё же готова, но часть не готова).

Как показывает автор, способность/неспособность образовывать конструкции с широкой сферой действия отрицания разделяет все связочные конструкции на два типа: (1) биноминативные (такие, где падеж имеют и подлежащее, и предикативная группа, за исключением конструкций идентификации типа *Это здание — мой дом*)[1] и (2) не биноминативные. Первые (например, конструкции с АР в позиции предиката, как в (1)) способны иметь обе интерпретации, вторые, как в (2) — только «узкую»:

(2) Все студенты не в Лондоне.

Согласно [5], предложение (2) может значить только, что ни один студент (= все студенты) не находится в Лондоне. Оно не может означать, что не все студенты находятся в Лондоне.

1.2. Способность участвовать в конструкции с отрицательным согласованием

Ещё одна область грамматики, где, согласно [5], класс связок разделяется на биноминативные vs. не биноминативные конструкции, — это конструкции с отрицательным согласованием (negative concord) типа (3):

(3) Никто не приехал.

Понятие отрицательного согласования подразумевает, что «согласуются» между собой *ни*-местоимение в аргументной или адъюнктной позиции и отрицание на вершинном предикате. Тестелец утверждает, что только биноминативные конструкции со связкой способны к отрицательному согласованию:

(4) Ни одна девушка не красивая.
(5) *Ни одна девушка не в Лондоне.

Из поведения связочных конструкций при двух указанных тестах автор делает вывод об их структурном различии. Если биноминативные конструкции можно действительно назвать конструкциями с нулевым глаголом (и полноценной VP), то все остальные конструкции не имеют VP

[1] См. о других проблемах, связанных с предложениями идентификации, в [4].

(и, следовательно, отрицание типа *не в Лондоне* не является предикативным и не создаёт почвы для negative concord).[1]

1.3. Интерпретация временных форм

В работе [16] мы показываем, что отличия нулевой связки от лексических глаголов наблюдаются и в области маркирования и интерпретации временных форм. Если считать, что нулевая связка действительно, как обычно предполагается, представляет собой форму настоящего времени глагола *быть*, то выясняется, что интерпретация этой формы отличается от стандартной для лексических форм:

(6) Потом та, что с тетрадкой, опять завела свое: — Не пустим тебя! [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)]
(7) А тот, что старше всех, в довольно грубой форме посоветовал мне идти по своим делам и не мешать проводить занятия. [А. Шляхов. Склиф. Скорая помощь]

В примерах (6) и (7) в относительном придаточном *что с книжкой* предикатом является нулевая связка. Она интерпретируется относительно: время ситуации отсчитывается от времени в главном предложении. Подразумевается не то, что в момент речи жена Васи держит книжку, а то, что она была с книжкой в момент, когда оказалась женой Васи.

Для стандартных (лексических) глагольных форм такая интерпретация невозможна. В придаточных относительных с *что* обязательна абсолютная интерпретация времени, отсчитывающая время события от момента речи:

(8) a. Та, что держала книжку, оказалась женой Васи.
b. #Та, что держит книжку, оказалась женой Васи.

Предложение (8) не несёт нужного смысла — форма *держит* может интерпретироваться в ней только абсолютно, как ‘держит книжку в момент речи’. Нужное значение выражает (7), где абсолютную интерпретацию получает форма прошедшего времени *держала.*

Аналогичная нестандартная интерпретация наблюдается и у нулевой связки в обстоятельственных (временны́х, сравнительных) предложениях.

[1] Отметим, что в работе [9: 2002] для английского языка тоже делается вывод о существовании двух связок — одной, обладающей свойствами глагола, и другой, такими свойствами не обладающей. Однако разделение этих связок устроено не так, как в русском — автор считает, что формы, образованные от основы *be* (инфинитив, прогрессив *being*) обладают глагольными свойствами, а форма *is* их не имеет.

Как показано в [16], это нестандартное свойство может быть обусловлено следующим. Нулевая связка не имеет морфологически выраженных грамматических категорий и, следовательно, её характеристика по времени не вступает в эксплицитный конфликт с характеристикой главного предложения. Напротив, выраженные формы настоящего времени в примерах типа (8b) конфликтуют с формами прошедшего времени в главном предложении: одновременность событий противоречит несовпадению форм глагола по времени.

1.4. Сочетаемость с обстоятельствами и фраземами

Ещё одной характерной чертой конструкций с нулевой связкой является ограниченная сочетаемость с обстоятельствами и синтаксическими фраземами. Так, связочные конструкции не сочетаются с местоимением *как* в некоторых прочтениях:

(9) И как ты был бригадиром с таким образованием?
(10) И как ты работаешь бригадиром с таким образованием?
(11) *И как ты бригадир с таким образованием?

Ограничена сочетаемость с фраземами, содержащими частицу *и*, например, *так и* и *только … и*:

(12) Ты так и живёшь в Москве?
(13) Он так и был в Москве.
(14) *Он так и в Москве.
(15) Только Вася и был/стал футболистом.
(16) *Только Вася и футболист.

Данные ограничения выходят за рамки нашей работы, поэтому мы не будем подробно обсуждать их объяснение. Как кажется, неграмматичность примеров типа (14) и (16) обусловлена тем, что частица *и* является клитикой и требует опорного слова — глагола, к которому относится. В примерах (14) и (16), в отличие от (12), (13) и (15), такого слова нет.

Выводы

Подытоживая, можно сказать, что связочные конструкции демонстрируют разнообразные отличия в поведении от лексических глаголов. При этом очевидно, что классы связочных конструкций, выявляемые с помощью разных тестов, не всегда изоморфны друг другу. Так, нестандартная интерпретация временных форм, прежде всего, характерна для адъективных и локативных конструкций — по тестам Я.Г. Тестельца, они относятся к разным классам конструкций (адъективные конструкции — биноминативные, а локативные — нет).

2. Местоимения в конструкциях с нулевыми связками: предикатная позиция

Рассмотрим теперь особенности употребления местоимений в конструкциях с нулевыми связками. В данных конструкциях имеется несколько ограничений на употребление местоимений. Мы начнём с местоимений в предикатной позиции связочной конструкции, а затем перейдём к основной теме работы — употреблению местоимений в субъектной позиции.

Если субъект выражен именной группой, то ограничено употребление вопросительного местоимения в позиции предиката. Например, предложение ниже в одном из прочтений неграмматично:

(17) #Кто Сократ?

Конструкции типа (17) имеют два прочтения: в первом из них *кто* занимает предикативную позицию, а *Сократ* — субъектную, во втором дело обстоит наоборот. Мы говорим о первом прочтении, где субъект предложения — *Сократ*. Например, говорящий не знает о том, кто такой Сократ, и спрашивает об этом слушающего. Однако предложение (17) он использовать не может — возможно только (18):

(18) Кто такой Сократ?

При этом данного ограничения не наблюдается, если позиция сказуемого занята лексической формой связки — предложение типа (18) с формой прошедшего времени *был* возможно:

(18') — А вы знаете, кто был Сократ? — Ну конечно знаю. Ученый, философ.
[http://www.e-reading.club/chapter.php/1008575/68/Krasnov_-_Ot_Dvuglavogo_Orla_k_krasnomu_znameni._Kniga_1.html]

Интересным образом, местоимение *кто* в предикативной позиции возможно, если субъектную позицию занимает либо местоимение (19), либо именная группа с модификатором-прилагательным или притяжательным местоимением (20), (22):

(19) Кто он?
(20) — Кто этот Сократ? — спросила Аспасия. — Кажется, я слышала это имя.
[http://www.syntone.ru/library/books/content/4086.html?current_book_page=5]
(21) *Кто папа?

(22) Кто твой папа?

Неочевидно, чем вызвано различие в приемлемости между (18), (21) vs. (19), (20), (22). Поскольку на грамматичность приведённых выше примеров влияет наличие модификаторов типа *твой* или *этот*, было бы крайне соблазнительно приписать ограничение референтному статусу местоимений. Однако вряд ли этот путь продуктивен. Как показывают в своей работе Б.Л. Иомдин и А.С. Бердичевский [3], модификатор *этот* при собственных именах не меняет референтного статуса имени.

Скорее, речь идёт об ограничении на структуру составляющей. По всей вероятности, если связочная конструкция содержит ИГ в субъектной позиции и вопросительное местоимение в предикатной, то две части конструкции различимы плохо. Напротив, если субъектная часть содержит модификатор типа *этот* или *твой*, то различить компоненты конструкции становится легче. Как правило, именные группы с *твой* или *этот* не занимают предикативной позиции.

Точно так же возможно предложение *Кто он*, поскольку в конструкциях с нулевой связкой местоимение третьего лица вообще никогда не встречается в позиции предиката. Предложения типа (24) абсолютно невозможны, а значит, *он* в *кто он* может быть только субъектом:

(23) Никто из нас не политик, хотя Вася раньше был им.
(24) *Никто из нас не был политиком, хотя сейчас Вася — он.

Тем самым, предложения типа *Кто он* имеют только прочтение с *кто* в предикатной позиции. Прочтение с *он* в предикатной позиции невозможно.[1]

3. Употребление местоимений в субъектной позиции

Перейдём теперь к основной теме статьи — ограничениям на употребление местоимений в субъектной позиции. Как и в прошлом случае, эти ограничения затрагивают и вопросительные местоимения, и местоимения третьего лица.

Однако одна существенная черта отличает ограничения на субъект от ограничений на предикат. Субъектные ограничения связаны с одушевлённостью. А именно, местоимения с неодушевлённым референтом гораздо уже встречаются в субъектной позиции, чем с одушевлённым.

В (25) «одушевленное» местоимение *кто* грамматично, а в (26) употребление «неодушевлённого» *что* ведёт к неграмматичности. В случае анафорических местоимений лексической разницы между

[1] Точная природа этого различия, в свою очередь, нам неизвестна.

«одушевлённым» и «неодушевлённым» нет, однако в (27) *он* с одушевлённым референтом приемлемо, а в (28) *он* с неодушевлённым референтом приводит к неграматичности.

(25) Кто твой любимый актёр?
(26) *Что твоё любимое занятие?
(27) Он мой любимый актёр.
(28) *Он мой любимый город.

Ниже мы сначала опишем ограничения на употребление местоимений в субъектной позиции, а затем попытаемся объяснить их.

3.1. Употребление местоимений с разными типами связочных конструкций

Отмеченные для примеров (25)-(28) ограничения на местоимения в субъектной позиции не абсолютны. В некоторых типах связочных конструкций местоименный субъект допускается. Ниже в примерах (29)-(34) даны примеры на каждый из типов, где позицию подлежащего может занимать анафорическое местоимение:

Предложения характеризации (полная форма прилагательного):

Одушевлённый субъект:

(29) О Гиппиус: «Что она интересная — хорошо, и что она красится — хорошо, и потом она — эстетическое явление — это тоже хорошо, но она бы очень рассердилась, если бы узнала, что я так говорю. [Е. Ф. Книпович. Об Александре Блоке (1922)]

Неодушевлённый субъект:

(30) Играть за идею можно, если она интересная. [Владимир Цинман: Играть за идею можно, если она интересная (2001) // «Известия», 2001.09.17]

Предложения характеризации (краткая форма прилагательного):

(31) Она (книга / женщина) мне интересна.

Предложения характеризаци тип (сравнительная степень):

(32) Она (книга / женщина) лучше «Анны Карениной» (книги) / Анны Карениной (женщины).

Темпоральный тип:

(33) ?Он завтра (концерт) (несколько лучше *Он будет завтра*, но не совсем ясно, связано ли это с неодушевлённостью — параллельных конструкций с одушевлённым подлежащим очень мало).

Локативный тип:

(34) Она (книга / женщина) в твоей комнате.

Иначе говоря, довольно жёсткие ограничения на местоименный субъект наблюдаются только в конструкциях, где обе позиции заняты NP. И в этом случае совершенно неважно, к какому именно типу относится конструкция — предложения идентификации (35) и характеризации (36) одинаково неспособны иметь местоименный субъект:

(35) *Обрати внимание на эту избушку. **Она** мой дом.
(36) ***Она** хорошая книга.

Очень похожая ситуация складывается и в сфере вопросительных местоимений. Во всех конструкциях, где предикативную позицию занимает не NP, позицию субъекта может занимать неодушевлённое местоимение *что*, равно как и одушевлённое *кто*. В конструкциях с предикатной NP возможно только *кто*.

Различие только в том, что некоторые типы, свободно допускающие *он* с неодушевлённым антецедентом, ограниченно возможны с *что*. Так ведут себя, например, предложения характеризации с полной формой прилагательного: хотя некоторые из них абсолютно нормальны (ср. (37)), другие, например, (38), выглядят сомнительно:

(37) А что у вас дешевое? [www.yaplakal.com]
(38) ??Что интересное?

Интересно, что при этом конструкция с формой превосходной степени свободно сочетается с *что*:

(39) Что самое интересное?

Аналогичным образом ограничена сочетаемость с вопросительным местоимением локативного типа. Впрочем, в этом случае ограничение одинаково затрагивает и одушевлённое, и неодушевлённое местоимение:

(40) ?Что на столе?
(41) Что это у тебя на столе?
(42) ?Кто на диване?

(43) Кто это на диване?

Однако, в любом случае, ограничения на конструкции без NP в предикативной позиции касаются отдельных предложений, но не конструкции в целом. Общие ограничения связаны именно с конструкциями с NP в субъектной позиции и NP в предикатной позиции (NP + NP).

Опрос носителей в целом подтверждает, что для местоимения в конструкции NP + NP есть ограничение по одушевлённости. Хотя вариант с неодушевлённым антецедентом и нулевой связкой не отвергается единодушно всеми носителями, его оценка намного ниже, чем у варианта с одушевлённым антецедентом и нулевой связкой. Вариант с неодушевлённым антецедентом при выраженной связке также оценивается существенно выше:

(44) Я очень уважаю Серёжу. **Он** человек, которому многое по плечу (принято 16 носителями из 21, 80%).

(45) Я очень уважал Серёжу. **Он** был человеком, которому было многое по плечу (15 из 21, 75%).

(46) Географией занимаются, прежде всего, люди благородного происхождения. **Она** наука для дворян (8 из 21, 40%).

(47) Географией в XIX веке, занимались, прежде всего, люди благородного происхождения. **Она** была наукой для дворян (17 из 21, 85%).

Двусторонний критерий Фишера для этих предложений даёт результат 0.001059, а значит, существует корреляция между одушевлённостью субъекта и приемлемостью предложений с нулевой связкой.

3.2. Ограничения на одушевлённость в связочных конструкциях: некоторые параллели

Отметим, что ограничения на одушевлённость в связочных конструкциях отмечаются не только в русском языке (см. работы [9; 18; 21]). Правда, в большинстве случаев, упомянутых в литературе, эти ограничения не касаются местоимений.

Так, в английском языке глагол *to be* в связочных конструкциях с предикатным прилагательным может ставиться в форму прогрессива. По свидетельству Б. Парти [18], это возможно только при одушевлённом субъекте:

(48) John is being weird.

Впрочем, Изабель Рой [21]) показывает, что аналогичные контексты возможны и при неодушевлённых субъектах — особенно таких, которые обладают существенной долей автономности от человека:

(49) The TV/The computer is being weird.
(50) The stock market is being volatile.

Ещё заметнее различие между одушевлёнными и неодушевлёнными субъектами во французском языке. Хотя в общем случае любая французская именная группа требует артикля, он может отсутствовать в связочных конструкциях типа (51) с одушевлённым субъектом. При неодушевлённом субъекте (52) это невозможно:

(51) Ton frère est (un) avocat.
'Твой брат — адвокат'.
(52) Ton film est *(une) erreur.
'Твой фильм — (это) ошибка'.

При этом вне связочных конструкций синтаксически релевантного противопоставления по одушевлённости в данных языках не наблюдается.

Среди возможных подходов к этой проблеме отметим подход, предложенный в [12; 18], (см. также анализ в [19]). Он предполагает, что в английском языке существует два глагола *be.* Один из них специализируется на выражении только одушевлённых субъектов.

4. Возможные объяснения

Попытаемся объяснить наблюдаемые ограничения. Поскольку никакое грамматическое правило русского языка не ограничивает класс субъектов одушевлёнными референтами, требуется более сложное синтаксическое или семантическое объяснение.

4.1. Объяснение 1. Идентифицирующие vs. характеризующие предложения

4.1.1. Различия между одушевлёнными и неодушевлёнными объектами

Наиболее продуктивный путь объяснения, на наш взгляд, лежит в области различия идентифицирующих и характеризующих связочных конструкций. Эти типы конструкций ведут себя по-разному с формальной точки зрения. Кроме того, эти типы конструкций по-разному сочетаются с одушевлёнными и неодушевлёнными субъектами.

Наше первоначальное понимание идентифицирующих и характеризующих конструкций соответствует принятому в [4] и [5]. Мы понимаем характеризующую связочную конструкцию как такую, где

субъекту приписывается некоторое свойство, выраженное предикатом, например, *Вася — хороший журналист*. Идентифицирующая же конструкция устанавливает идентичность между двумя объектами (как правило, с конкретно-референтным статусом), выраженным в субъектном и предикатном компонентах конструкции, например, *Этот человек — ректор университета, о котором мы недавно писали.*

Сначала вспомним о различиях между одушевлёнными и неодушевлёнными объектами, сформулированных Анной Вежбицкой [23] и Дмитрием Идиатовым [12]. Идиатов в своей диссертации указывает, что вопросительные местоимения типа *что* с неодушевлённым референтом прототипически в языках мира требуют в качестве ответа указания на класс. Например, на вопрос *Что это?* мы стандартно отвечаем *Это стол* (= ‘Предмет, о котором ты спрашиваешь, относится к классу столов’).

Напротив, для одушевлённых местоимений типа *кто* стандартный ответ — это указание на уникальный идентификатор (чаще всего — собственное имя). Вопрос *Кто это*?, как правило, соотносится с ответами типа *Это мой брат* или *Это Сергей Соловьёв*, но реже — с вариантами типа *Режиссёр* или *Один из наших преподавателей.*

Нам представляется, что это различие носит двоякий характер, несколько более сложный, чем предлагает считать Идиатов. С одной стороны, несомненно, как и пишет Идиатов, одушевлённые имена более референтны и стоят выше в иерархии выделенности, чем неодушевлённые. В этом смысле естественно, что говорящего в большей мере интересуют конкретные представители класса одушевлённых объектов, а класс неодушевлённых (точнее, его подклассы) воспринимаются как единое целое.

Однако на то же различие можно посмотреть и с другой стороны. Отнесённость одушевлённых объектов к классам гораздо более вариативна, чем при неодушевлённых. Действительно, если «Анна Каренина» — книга, а мой новый стул относится к классу стульев, то это и есть их основная характеристика.

Все случаи, которые могут показаться случаями множественной классификации неодушевлённых объектов, на самом деле не означают, что объект принадлежит к двум классам. Так, если существует и книга, и фильм «Анна Каренина», то речь идёт не о двоякой атрибуции, а о двух разных объектах.

Также нужно отметить, что один и тот же объект может принадлежать и к некоторому классу X, и к его гипероним X’ (например, «Анна Каренина» относится и к классу книг, и к объемлющему классу литературных произведений).

Тот факт, что неодушевлённые предметы стандартно относятся только к одному классу, выявляется некоторыми тестами. Например, только одушевлённые имена могут участвовать в противительной конструкции типа (53)-(54):

(53) Перед вами гениальный певец, но средний актёр, и замечательный артист с посредственным голосом — кого вы предпочтёте? [Валерий Кичин. Москва у стен Нотр-Дам (2002) // «Известия», 2002.05.21]

(54) В тридцатые годы мальчик Витя, посредственный ученик, но прилежный велосипедист, рыболов, игрок в "пятьсот одно", глотатель Сенкевича и Густава Эмара, приезжал сюда летними днями на скрипучем старом автобусе, отходившем с часовыми промежутками от булыжной Звенигородской площади. [Юрий Трифонов. Обмен (1969)]

НКРЯ не содержит ни одного примера, где конструкция типа (53)-(54) относилась бы к неодушевлённому объекту.[1] Это связано с тем, что вещи стандартно имеют одно основное свойство, относятся ровно к одному классу предметов.

Отметим также, что редко встречаются конструкции, где и в субъектной, и предикатной позиции употреблялось бы неодушевлённое имя без модификатора.

(55) Видное — город.

Такие конструкции возможны, однако явно более маргинальны, чем их аналоги с одушевлёнными именами:

(56) Сергеев — врач.

Вероятно, и это различие связано с тем, что для одушевлённых имён в большей степени, чем для неодушевлённых, нормальна множественная классификация.

По всей вероятности, типологических исследований, предметом которых был бы способ классификации одушевлённых и неодушевлённых объектов, не существует. Однако в ряде работ по отдельным языкам отмечена связь

[1] Использовался поисковой запрос «прилагательное (им.п.) + существительное (им.п.) + *но* + прилагательное (им.п.) + существительное (им.п.)». Надо сказать, что примеры такого же рода, но с одушевлённым участником, могли бы встретиться при использовании именных групп в другом падеже, хотя это кажется маловероятным.

между постоянством характеристики и одушевлённостью. Так, показательна ситуация с изучением языка непали, где в переходных конструкциях агенс факультативно маркируется эргативным показателем — *le*. По свидетельству С. Кайне [14], существуют расхождения по поводу факторов данного распределения. Одни исследователи, например, М. Батт и Т. Поудел [10], предполагают, что распределение маркированных и немаркированных вариантов регулируется противопоставлением характеристик типа stage-level и individual-level (т.е., переменных и постоянных, свойственных объекту на всём протяжении его существования), причём маркер факультативен при характеристках stage-level. Другие, ср. [17], считают ключевым фактором одушевлённость (эргативный показатель факультативен при одушевлённых агенсах). Тем самым, существует корреляция между вхождением глагола в класс stage-level и тем фактом, что он имеет одушевлённый субъект.

4.1.2. Ограничения на идентифицирующие конструкции

Рассмотрим теперь одно релевантное для нашего обсуждения свойство конструкций идентификации. Это свойство заключается в том, что конструкции идентификации крайне ограниченно сочетаются с местоименными субъектами.

Казалось бы, примеры типа (57)-(58) опровергают это предположение:

(57) — Я думала, он мой отец, — сказала Аглая, — а он мне никто. [Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Семеро праведных в раю господина (2004)]

(58) Он ректор университета.

Однако это противоречие — мнимое. Примеры данного вида вполне допускают трактовку в терминах характеризации, а не идентификации. Например, в (57) референту присуще свойство ‘быть отцом’, а в (58) — ‘быть ректором’.

Ясно, что в примерах типа последних двух различить идентификацию и характеризацию практически невозможно. Однако есть другие примеры, показывающие, что местоименные субъекты в предложениях идентификации действительно невозможны.

1) Невозможно использование местоимений в субъектной позиции, если в предикатной позиции находится имя собственное. Так, в (59a) и (60a) ИГ в субъектной позиции возможны, тогда как замена в (59b) и (60b) на местоимения приводит к неграмматичности:

(59) a. Этот человек — Евген Стахов, создатель подпольной организации, имя которой дал своему роману Александр Фадеев. [Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999-2000)]
b. *Он Евген Стахов, создатель подпольной организации.

(60) a. Кто единственная женщина, захороненная среди великих французов в парижском Пантеоне? Эта женщина — Мария Склодовская-Кюри (1867–1934). [2yxa.ru/erudit/?num=1370]
b. *Она Мария Склодовская-Кюри.

2) Невозможно местоимение в субъектной позиции, если имя в позиции предиката однозначно имеет конкретную референцию, заданную относительным придаточным.:

(61) Он глава комиссии.
(62) *Он глава комиссии, о котором я тебе говорил.

При субъекте — ИГ конструкции такого рода с относительными предожениями грамматичны:

(63) Этот человек — глава комиссии, о котором я тебе говорил.

Поскольку в примере (62) относительное придаточное однозначно идентифицирует референт группы *глава комиссии*, предложение может пониматься только как идентифицирующее, а значит, не допускает местоименного субъекта. (61), напротив, может пониматься как конструкция характеризации (его свойство — быть главой комиссии).

Тем самым, часть вопросов, рассматриваемых в статье, получает следующее объяснение. Предложения типа (64) невозможны потому, что являются предложениями идентификации, а в таких предложениях не допускается местоименный субъект:

(64) *Он тот дом, который посещали многие писатели.

4.1.3. Конструкции типа Анна Каренина — книга как идентифицирующие

Итак, мы выяснили, что (1) в конструкциях с нулевой связкой местоимения в субъектной позиции могут иметь только одушевлённый антецедент и (2) в конструкциях идентификации в субъектной позиции не употребляются местоимения. Тем самым, весьма соблазнительно попытаться описать конструкции типа (65) как идентифицирующие — и потому невозможные с местоимением:

(65) *Он красивый город.

Для этого следует ввести понятие **идентифицирующей конструкции на уровне классов.** Объясним, что мы имеем в виду.

Сходство (65) с идентифицирующей конструкцией состоит в следующем. Идентифицирующая конструкция предполагает, что и субъектная, и предикатная ИГ конкретно-референтны. Говорящий не включает субъект в определённый класс предметов, а говорит об идентичности одного описания объекта другому. В примерах типа (65) единичным и, если так можно выразиться, конкретно-референтным является не сам объект, обозначенный в предикативной части (в мире много городов, и в (65) фиксируется принадлежность субъекта к их классу), а класс объектов: класс объекта *Екатеринбург* — тот же, что у объекта *красивый город (*оба они относятся к классу ‘города’). Если в предложении *Этот человек — ректор университета, о котором мы писали* уникальная субъектная ИГ идентична уникальной предикатной ИГ, то в (66) уникальный **класс** субъектной ИГ (класс городов) идентичен уникальному **классу** предикатной ИГ.

(66) Екатеринбург — красивый город.

Почему при этом возможны аналогичные конструкции в прошедшем времени? Ср. допустимое предложение (67)

(67) До 2005 года Екатеринбург был красивым городом.

Употребление прошедшего времени само по себе предполагает, что свойства объекта в прошлом и сейчас различны. Тем самым, для примеров типа (67) уже неверно, что субъект *Екатеринбург* принадлежит ровно к одному классу — по крайней мере, класс, к которому он принадлежал ранее и класс, к которому принадлежит теперь, различны: Екатеринбург мог даже перестать быть городом к моменту речи.

Отметим, что в нашем подходе мы отклоняемся от стандартного понимания конструкций идентификации. Однако преимущество этого подхода в том, что он позволяет объяснить и то, что адъективные конструкции характеризации типа *Она [книга / женщина] интересная* не зависят от одушевлённости. Класс книг — единственный, к которому принадлежит книга, однако каждая книга может иметь несколько свойств, например, быть *большой*, *интересной*, *старой*, *странной* и так далее. В отличие от конструкций NP + NP с одушевлёнными участниками, адъективные конструкции употребляются в противительном контексте типа (68):

(68) Я часто смотрю на этот дом. Он красивый, но уже очень старый.

Тем самым, для конструкций с прилагательными наше утверждение о принадлежности неодушевлённых сущностей к одному основному классу неверно. Именно поэтому не обнаруживается запрета на местоимение с неодушевлённым антецедентом в субъектной позиции в примерах типа (68). Предложения типа (68) являются предложениями характеризации даже в терминах классов: в (68) дом может принадлежать к разным классам объектов.[1]

4.1.4. Идентифицирующие и характеризующие употребления: итог

Итак, можно сказать, что предложения типа *Он хороший город* неграмматичны потому, что не имеют подходящей интерпретации. Характеризующая интерпретация в строгом смысле слова для них недоступна, поскольку она предполагает множественность классов, к которым можно отнести описываемый объект. В то же время конструкция не может быть предложением идентификации, поскольку при идентификации запрещено или крайне ограничено употребление местоимения в субъектной позиции.

4.2. Объяснение 2. Слабые и сильные местоимения

Другое объяснение различий между местоимениями с одушевлёнными и с неодушевлённым антецедентом могло бы лежать в области типологии местоимений. Напомним, что в работе Кардиналетти и Штарке [11] различаются сильные и слабые местоимения. Первые обладают полной синтаксической структурой, относятся только к одушевлённым референтам и способны ко всем синтаксическим преобразованиям (сочинению, дислокации, преобразованию в субъект клефтовой конструкции), доступным именным группам. Для вторых ограничения на одушевлённость не действуют, в синтаксической структуре отсутствует группа CnP, ответственная за присваивание падежа, а некоторые типы передвижений и преобразований запрещены. В большинстве языков сильные и слабые местоимения различаются контекстно, но по форме совпадают, хотя имеются и исключения, например, итальянский язык.

Я.Г. Тестелец (2008) склоняется к выводу, что противопоставления слабых и сильных местоимений в русском языке нет, а есть только слабые и

[1] Несколько особняком стоят конструкции типа *Эта книга / *Она потрясающий прорыв в литературе*. Мы не рассматриваем их подробно, однако и они, вероятно, не могут считаться в полной мере предложениями характеризации, поскольку свойство ‘быть прорывом’ приписывается некоторым уникальным объектам, а класса «прорывов» не существует.

сильные контексты: в частности, местоимения употребляются гораздо свободнее в актантных позициях, чем в неактантных. Однако Тестелец не отрицает, что совместное действие коммуникативных факторов (дискурсивной значимости одушевлённых участников) и противопоставления актантов и сирконстантов в некоторых случаях могут создавать ситуацию, похожую на оппозицию слабых и сильных местоимений.

В терминах сильных и слабых контекстов русскую ситуацию объяснить сложно. Позиция подлежащего при нулевой связке является, по всей вероятности, актантной: именные группы или местоимения в этой позиции обязательны, во всяком случае, их нельзя опустить без изменения семантики предложения. Однако трактовка в терминах слабых и сильных местоимений более адекватна ситуации.

Поскольку различие между сильными и слабыми местоимениями тесно связано с противопоставлением по одушевлённости, можно было бы предположить, что противопоставление предложения (70) и (71) — это оппозиция слабого и сильного местоимения:

(70) *Он хороший город.
(71) Он хороший человек.

Тот факт, что при лексической связке противопоставление по одушевлённости снимается, не противоречит данному объяснению, а, напротив, усиливает его. Действительно, слабые местоимения занимают промежуточную позицию между сильными местоимениями и клитиками. В этом смысле совершенно не удивительно, что слабое местоимение может требовать только лексически выраженного глагола. По всей вероятности, для слабых местоимений, как и для клитик, предпочтительны контексты с выраженной синтаксической вершиной, хотя её наличие и не столь обязательно, как для клитик. Вспомним, например, что в работе [11] отмечалась неспособность слабых местоимений выступать в качестве самостоятельного высказывания. В примере ниже сильное местоимение *lei* ‘она’ может служить ответом на вопрос ‘Кто красив?’, а слабое *essa* ‘она’ не может.

Итальянский:

(72) Chi è bella? {*Essa; Lei; Maria}.
who is pretty 3SG,F; 3SG,F Mary
‘Who is pretty? She // Mary’

Однако у объяснения в терминах слабых и сильных местоимений есть существенный недостаток. Как было отмечено выше, чувствительность к

одушевлённности характерна не для всех классов конструкций с нулевой связкой. Тем самым, если бы мы апеллировали к слабости и силе местоимений, нам пришлось бы считать, что в предложениях характеризации с прилагательным типа (73) местоимение является сильным:

(73) Прочти эту книгу, она интересная.

Неясно, почему предложения с AP в позиции предиката должны задействовать местоимения другого типа, нежели в предложениях типа «NP + NP».

4.3. Объяснение 3. Частичное совпадение рода

Наконец, ещё одно возможное объяснение предполагает, что ключевым фактором, запрещающим местоимение с неодушевлённым антецедентом в субъектной позиции, является частичное совпадение рода субъектной и предикатной ИГ.

Вспомним, что категория рода по-разному применяется к одушевлённым и неодушевлённым существительным. При первых род, как правило, совпадает с биологическим полом (естественно, имеются и исключения — например, слово *человек* мужского рода, хотя может относиться и к мужчине, и к женщине). При вторых род не связан с семантическими свойствами объекта.

Можно было бы предположить, что конструкция с нулевой связкой при местоименном субъекте требует максимального совпадения свойств субъектного и предикатного компонентов. Это было бы объяснимо, поскольку при нулевой связке (в отличие от выраженных форм связки типа *был*) не существует специального формального средства, устанавливающего отношения между субъектом и предикатом. Неудивительно, что отношения идентичности (при идентифицирующей конструкции) или включения в класс (при характеризующей конструкции) устанавливаются легче, если два компонента обладают максимальной грамматической общностью.

В этом случае конкретное правило, регулирующее поведение местоимений в конструкции с нулевой связкой, будет звучать так:

(74) местоимение в субъектной позиции конструкции с нулевой связкой допустимо, если род его антецедента (для анафорических местоимений) или допустимого ответа на вопрос (для вопросительных местоимений) обязательно совпадает с родом предикатного компонента.

В предложениях с «одушевлёнными» местоимениями совпадение рода обычно гарантировано:

(75) — Кто твой отец? — Сергей Иванов (в вопросе Кто твой отец мужской род слова *отец* совпадает с родом ответа на вопрос — Сергей Иванов).

(76) Он мой отец (род слова *отец* совпадает с родом антецедента местоимения он).

Напротив, при «неодушевлённых» местоимениях совпадение рода не гарантировано:

(77) *Что самая главная деталь в машине? (слово *деталь* женского рода, тогда как ответом на вопрос может быть *руль* — слово мужского рода — или *сиденье* — слово среднего рода).

(78) *Он (руль) / оно (сиденье) — самая главная деталь в машине.

Трактовка в терминах рода вызывает несколько вопросов. Во-первых, неясно, почему неграмматичны конструкции типа *Она самая главная деталь в машине*, где род антецедента местоимения *она* и род слова *деталь* совпадают.

На этот вопрос можно ответить следующим образом: для грамматичности конструкции с местоимением требуется семантически мотивированное совпадение рода. В примерах типа (75) и (76) совпадение мотивировано семантически: только обозначение лица мужского пола может быть сопоставлено с существительным *отец*, также предполагающим мужской пол. Напротив, совпадение в примерах типа *Она самая главная деталь* случайно и связано не с семантикой, а с тем, что некоторый конкретный тип детали тоже обозначается существительным женского рода.

Во-вторых, нужно объяснить, почему ограничения наблюдаются именно при местоименных субъектах, а предложения с именным субъектом типа (79) нормальны, несмотря на несовпадение рода субъекта и предикатной ИГ:

(79) Вологда — красивый город.

По всей вероятности, в случае существительных отсутствие рода неважно — и субъектная, и предикатная ИГ получают свой род из словаря. Местоимению же, не имеющему словарной привязки, требуется поддержка в виде совпадения по роду с предикатной ИГ.

Наконец, самая большая проблема «родовой» трактовки состоит в том, что грамматичны предложения типа (80), где при одушевлённом антецеденте грамматический род компонентов не совпадает:

(80) Она хороший человек.

Именно приемлемость (80) не позволяет безоговорочно принять трактовку в терминах рода. Ведь местоимение женского рода *она* не совпадает по роду с предикатной ИГ мужского рода *человек*.

Впрочем, по всей вероятности, фактор совпадения/несовпадения рода всё же влияет на грамматичность связочных конструкций. В частности, оно показывает, почему в конструкциях с прилагательными типа *Прочти эту книгу, она интересная* противопоставление по одушевлённости не релевантно. Прилагательное в предикатной позиции обязательно совпадает по роду с субъектным ИГ или местоимением.

Кроме того, «родовая» трактовка объясняет тот факт, что при добавлении дополнительных модификаторов типа *для меня* некоторые конструкции с «неодушевлённым» местоимением в субъектной позиции становятся грамматичными:

(81) А сейчас что для вас поражение, а что — победа? [Ольга Андреева, Сергей Юрский. Артель Юрского и мутация мира // «Русский репортер», № 3 (33), 31 января - 7 февраля 2008, 2008]
(82) *Что поражение?
(83) Что было / считалось поражением?

Добавление *для вас* после субъектной составляющей (в (82) — вопросительного местоимения) смягчает возможный конфликт рода ответа на вопрос и рода слова *поражение* или *победа*, поскольку увеличивается расстояние между субъектной и предикатной частью.

5. Ограничения на одушевлённость в конструкциях с выраженной связкой

Хотя обсуждаемые ограничения касаются конструкций с нулевой связкой, это не означает, что лексические связки (выраженные формы глагола *быть*) употребляются неограниченно. И некоторые из наблюдаемых ограничений тоже касаются анафорических и вопросительных местоимений. Так, конструкции (84) и (85) с лексическими связками сомнительны:

(84) ??Зачем они сделали этот ремонт в гостиной? Раньше она была красивой комнатой, а теперь стала самой обыкновенной.
(85) ??Что было самым красивым стулом в этом магазине?

Наша цель — понять, связаны ли ограничения на выраженные формы связки с описанными ранее ограничениями на нулевую связку. Как выясняется, эти ограничения обнаруживают некоторое сходство, хотя и не полностью идентичны. Мы рассмотрим ограничения на употребление вопросительных местоимений, поскольку ситуация с анафорическими

местоимениями при выраженной связке на сегодняшний день не вполне ясна.

Вопросительные местоимения при лексической связке, как и при нулевой, обнаруживают зависимость от одушевлённости. Если *кто* нормально практически при любой именной группе в позиции предиката, то *что* — совсем не всегда:

(86) У нас знаете **кто** самый страшный соперник? [Ольга Андреева, Сергей Юрский. Артель Юрского и мутация мира // «Русский репортер», № 3 (33), 31 января - 7 февраля 2008, 2008]

(87) **Кто** был самым знаменитым царем в древней Персии? » [Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000-2002) // «Октябрь», 2002]

(88) **Кто** был самым необычным человеком, которого Вы встречали?

(89) И в эти предарестные месяцы **что** было самой большой боязнью Бухарина? [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958-1973)]

(90) Как Вы считаете, **что** было самой большой ошибкой?[intermilano.ru/.../]

(91) #**Что** было самой красивой картиной в этом музее?

Казалось бы, семантическую аномальность (91) можно объяснить максимой количества, предложенной Г.П. Грайсом (1985). Если некоторый предмет является самой красивой картиной, верно также, что он является картиной вообще. Следовательно, стратегией, более удобной для слушающего, было бы при вопросе предоставить ему всю релевантную информацию и задать вопрос в форме (92):

(92) Какая картина была самой красивой в этом музее?

Однако прагматическая мотивация не так очевидна, как может показаться. Ведь в предложении (87) класс, обозначаемый предикативной группой *самым знаменитым царём*, тоже очень узок и однороден. Речь идёт только о персидских царях, а не о людях вообще — тем самым, говорящий бы сильно облегчил адресату задачу, если бы использовал другой вариант:

(92) Какой из персидских царей был самым знаменитым?

Тем не менее, и вариант (87) абсолютно приемлем и, возможно, даже более стандартен, чем (92).

Д. Идиатов (2007) анализирует эти случаи в терминах выделенности и индивидуализации. Он считает, что вопросы к одушевлённым участникам стандартно требуют ответа с индивидуальным объектом, а вопросы к неодушевлённым участникам — ответа в терминах классов. В этой связи *кто* допустимо даже тогда, когда класс возможных ответов ясен, а *что* в этой ситуации невозможно. Однако такой подход вряд ли позволяет объяснить семантическую аномальность примеров типа (91), где ответ очевидным образом конкретно-референтный. Кроме того, примеры типа (93) приемлемы, хотя класс выбора ответов узок, как и в (91):

(93) И те обои красивые, и эти. Что тебе больше нравится?

На наш взгляд, причина семантической аномальности предложений типа (91) в их тавтологичности. А различие между (91) и (87), с одушевлённым участником, обусловлено различием в приписывании признаков одушевлённым и неодушевлённым предметам. Неодушевлённые предметы принадлежат ровно к одному семантическому классу. Следовательно, вопрос типа *Что было самой лучшей картиной* тавтологичен. Картиной может быть только картина, и повторение важного семантического элемента в предикатной и в субъектной составляющих создаёт тавтологию. Напротив, свойство ‘быть персидским царём’ может быть приписано самым разным людям, при этом их основным признаком может быть какой-то другой. Следовательно, (87) не является тавтологичным. Пример (93) также не является тавтологичным, поскольку слово *обои* не выражено в составе вопроса со словом *что*.

Тем самым, на грамматичность предложений с вопросительными местоимениями и выраженной связкой влияет тот же фактор, что и с нулевой связкой. Разница заключается в том, что предложения типа *что стол* неграмматичны, а предложения типа *что было самым красивым столом* только семантически аномальны. Разница связана с тем, что *что стол* не является нормальным предложением характеризации — класс предметов, к которому принадлежит стол, уникален. Предложения идентификации не допускают местоименного субъекта. Напротив, *что было столом* — предложение характеризации в полном смысле слова (в прошедшем времени местоименный субъект допускается, поскольку субъектная и предикатная составляющие различаются по падежу). Следовательно, грамматически предложения типа *Что было самым красивым столом* нормальны, но семантически аномальны, поскольку в нормальной ситуации стол может принадлежать только к классу столов.

Отметим, что асимметрия «одушевлённых» и «неодушевлённых» вопросительных местоимений наблюдается и в других языках, и в других

синтаксических контекстах: см. [7] о том, что в английском при местоимениях ‘кто’ вынос из аргументного придаточного оценивается носителями лучше, чем при ‘что’:

(94) +**Who$_i$** does Ann claim we will fire Ø$_i$ from the committee?
(95) -**What$_i$** does Alice think we will watch Ø$_i$ at the cinema?

При этом группы с *which* ведут себя скорее как *who* независимо от одушевлённости определяемого слова:

(96) +**Which** movie$_i$ does Alice think we will watch Ø$_i$ at the cinema?

Авторы считают, что это согласуется с основной тенденцией: вынос проходит легче, если вопросительное слово обозначает единичный объект (individual). Впрочем, для примеров типа (95) это объяснение проходит плохо (*что* обозначает единичный объект).

Заключение

Итак, в настоящей работе мы проанализировали употребление местоимений в русских конструкциях с нулевой связкой. Как выяснилось, на местоимения накладываются существенные ограничения, причём как в субъектной, так и в предикатной позиции.

Мы не пытались объяснить все ограничения действием одного фактора. Как кажется, многие из них объясняются требованием симметричности субъектного и предикатного элементов конструкции. Однако это ограничение требует дальнейшего исследования и в такой формулировке кажется бесполезным.

Более пристально мы рассмотрели конструкции, где ограничено употребление местоимений в субъектной позиции. В этих случаях субъектом может быть местоимение с одушевлённым антецедентом.

Мы посчитали, что ограничение на одушевлённость вытекает из различия в способе классификации одушевлённых и неодушевлённых имён. Как правило, неодушевлённые объекты относятся ровно к одному классу, тогда как одушевлённые принадлежат ко многим социальным, национальным, профессиональным и группам.

В этой связи предложения типа *Вася — лингвист* являются в полной мере предложениями характеризации (Вася может принадлежать ко многим классам), тогда как структуры вида *Анна Каренина — книга* близки к предложениям идентификации (Анна Каренина принадлежит только к классу книг).

Однако, как мы показали, предложения идентификации (и вместе с ними структуры типа *Анна Каренина — книга*) плохо сочетаются с

местоимениями в субъектной позиции. Тем самым, предложения типа *Она хорошая книга* не получают никакой интерпретации: ни канонической характеризующей (в силу того, что неодушевлённые объекты способны относиться только к одному классу), ни идентифицирующей (в силу недопустимости местоимения в субъектной позиции).

Нам кажется, что наблюдаемое различие между одушевлёнными и неодушевлёнными объектами в способе отнесения к классам может оказаться полезным при анализе других структур, помимо нулевых связок.

В то же время на противопоставление по одушевлённости влияют и другие факторы. Один из них — различие в устройстве категории грамматического рода у одушевлённых и неодушевлённых имён. У одушевлённых имён род обычно коррелирует с полом, а значит, род субъектного и предикатного имени/местоимения совпадает. У неодушевлённых имён совпадение не гарантируется.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н, Русское предложение. Бытийный тип, Москва, Русский язык, 1983.
2. Грайс Г.Ф. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985.С.217–237.
3. Иомдин Б.Л., Бердичевский А.С. А кто этот этот? Имена собственные и неопределенная определенность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.). Под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2006, с. 196–201
4. Падучева Е.В., Успенский В.А, Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях), Успенский В.А. Труды по нематематике, Москва, ОГИ, 2003 (Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 38. 1979, 349-360).
5. Тестелец Я.Г, Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке, Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой, под ред. Р.И. Розиной и Г.И. Кустовой, Москва, Языки славянских культур, 773-789.
6. Ширяев Е.Н, Нулевые глаголы как члены парадигматических и синтагматических отношений, Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук, Москва, ИРЯ РАН, 1967.
7. Alexopolou, T. & F. Keller. 2013. What vs. who and which: Kind-denoting fillers and the complexity of whether-islands. In John Sprouse and Norbert Hornstein (eds.). Experimental syntax and island effects. Cambridge: CUP. 310-340.

8. Becker, M.. 2002. English Has Two Copulas. University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics: Vol. 7: Iss. 2, Article 2.
9. Beyssade, C. & C. Dobrovie-Sorin. 2008. Copular sentences, lifetime effect and identity. Talk presented at the Workshop on bare singulars, argument structure and their interpretation. CNRS – Institut Jean Nicod – Paris 7. December.
10. Butt, M., and Tikaram P. 2007. Distribution of the Ergative in Nepali. Paper presented at Universität Leipzig, Leipzig. (http://ling.unikonstanz.de/pages/home/tafseer/leipzig07-hnd.pdf).
11. Cardinaletti, A., and M. Starke. 1999. The typology of structural deficiency: A case study of the three classes of pronouns. In Riemsdijk, Henk van (ed.), *Clitics in the Languages of Europe*. Empirical Approaches to Language Typology. 145–233. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
12. Dowty, D. 1979. Word Meaning and Montague Grammar. Dordrecht: D. Reidel. Parsons, Terrence. 1990. *Events in the semantics of English*. Cambridge, MA: MIT Press.
13. Idiatov, D. 2007. *A typology of non-selective interrogative pronominals*. Ph.D. Universiteit Antwerpen.
14. Keine, S. 2010. *Case and agreement from fringe to core: A minimalist approach* [*Linguistische Arbeiten* 536]. Berlin: Mouton de Gruyter.
15. Kondrashova, N. Yu. *The Syntax of Existential Quantification.* Madison, Wisconsin: University of Wisconsin dissertation. 1996.
16. Letuchiy, A. B. 2015. Russian copulas and lexical verbs: Similar or different? In press in the journal *Lingue e linguaggio*.
17. Li, C. 2007. Split ergativity in Nepali and its typological significance. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. Vol. 13. Issue 1, Article 14.
18. Partee, B. 1977. John is easy to please. In *Linguistic structures processing*, ed. A. Zampolli. Amsterdam: Holland.
19. Partee, B. 1998. Copula inversion puzzles in English and Russian. In Katarzyna Dziwirek, Herbert Coats, and Cynthia Vakareliyska, eds. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Seattle Meeting 1998,* Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 361-395.
20. Pustet, R. 2003. *Copulas. Universals of the categorization of the lexicon.* Oxford: OUP.
21. Roy, I. 2013. *Nonverbal predication: copular sentences at the syntax-semantics interface*. Oxford: OUP.
22. Testelets, Y. G. 2003. Are there strong and weak pronouns in Russian? In Browne, Wayles, Ji-Yung Kim, Barbara H. Partee, and Robert A. Rothstein (eds.), *Formal Approaches to Slavic Linguistics #11: The Amherst Meeting 2002.* Michigan Slavic Publications. 2003. 515-538.

23. Wierzbicka, A. 1996. *Semantics: Primes and universals*. Oxford: Oxford University Press.

E. Lyutikova, D. Ibatullina

MSU / IMLR MSPU, Moscow
IMLR MSPU, Moscow

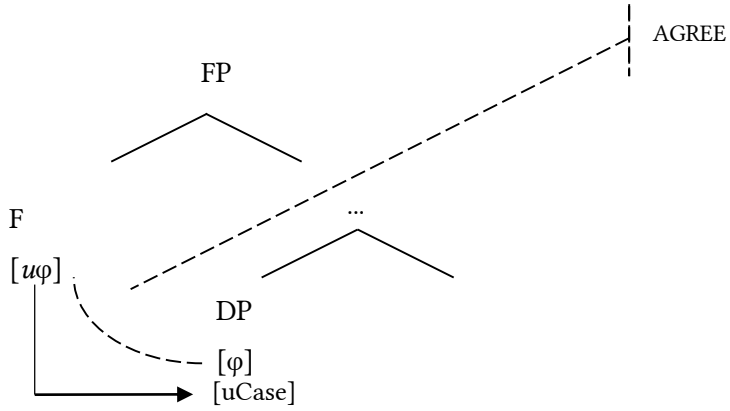
CASE THEORY AND CASE VARIATION IN TATAR[1]

1. Formal models of case assignment

In the formal syntactic literature, two major ideas can be found about how the case morphology ends up appearing on a given noun phrase. The first approach, which is mainly associated with Noam Chomsky's work, treats case as a primarily syntactic phenomenon that licenses NPs; the second approach, put forward in the work by Alec Marantz, considers case as a postsyntactic, purely morphological phenomenon.

In the modern Minimalist syntactic approach [8; 9], which inherits many features of the GB Case theory [6; 7], Case is considered as an unvalued uninterpretable feature of a noun phrase that has to be valued in order to prevent the derivation from crashing. In the Chomsky-style model, Case is assigned to a noun phrase under AGREE relation with a dedicated case-assigning head.

(1)



[1] The authors gratefully acknowledge the financial support of Russian Scientific Foundation for Humanities to Dilya Ibatullina (project # 14-04-00580 'Interaction of grammatical mechanisms in world's languages').

Thus, in (1), the head F which has unvalued φ-features acts as a goal and seeks for an active DP in its c-command domain. The DP with unvalued Case feature suits as a probe. The AGREE relation between F and DP is established, and F values its φ-features copying the values accessible on the DP. The φ-complete F can, in its turn, value the case feature of the goal. Additionally, the second-order feature [EPP] on [*u*φ] may attract the goal DP into the projection of FP.

There are two kinds of case-assigning heads: lexical heads, that assign case to their own arguments exclusively, and functional heads, that assign structural case to the nearest goal DP available in their c-command domain. The characteristic properties of a structural case are: (i) its independence from a theta-role; (ii) its somewhat non-local nature and (iii) the non-obligatoriness of its realization. In view of these properties, three major structural cases are usually recognized: nominative, assigned by the finite predicative head T; accusative, assigned by the transitive light verb head *v*; and genitive, assigned by the (possessive) determiner head D.

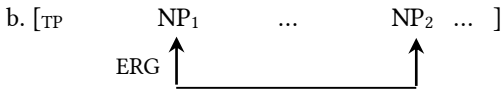
A competing approach dates back to the seminal paper of Alec Marantz [17]. The basic idea behind this approach is that (morphological) case can be assigned to noun phrases not only depending on the governing heads, but also depending on the presence of other noun phrases ("case competitors") in the same local domain.

Marantz [17: 24] distinguishes four distinct kinds of case, forming a disjunctive Case realization hierarchy (2). This hierarchy determines the order in which the different kinds of case shall be assigned.

(2) Case realization disjunctive hierarchy:
— lexically governed case
— "dependent" case (accusative and ergative)
— unmarked case (environment-sensitive)
— default case

First, lexically governed case is assigned. Next, the rule of dependent case assignment applies. The dependent case rule requires a configuration where there are at least two caseless NPs in the clausal domain. If this requirement is met, these noun phrases enter into case-competition. In accusative languages, the lower NP is marked with the "dependent" accusative case (3a), and in ergative langages, the higher NP is marked with "dependent" ergative case (3b).

(3) a. [$_{TP}$ NP_1 … NP_2 …]
ACC



Then, it is the turn of the unmarked case rule that marks any still case-less NP in a given syntactic domain with the dedicated case. Finally, if neither of the previous rules applied to an NP, it receives the default case. It is important that the universal availability of the default case realization in Marantz's system means that case assignment is set apart from licensing: case as a purely morphological phenomenon only interprets the syntactic structure, but does not filter it out.

As some adherents of the approach pursue the morphology-internal analysis of case issues [19; 5], some attempts have been made to incorporate the appealing idea of the "dependent" case assignment into a more familiar syntactic scene. Thus, Maria Bittner and Ken Hale [4], Marc Baker [1; 2; 3] and Omer Preminger [12; 13; 24; 25] explore various paths of implementing configurational case assignment within the "Case-as-licensor" model. The basic innovations in the Marantz-style system include a more elaborate definition of case competition domains, as well as on different modes of dependent case assignment. Within the clause, more domains for case competition have been distinguished, e.g. VP and TP, which allowed to subsume dative case assigned in ditransitive constructions under a similar analysis.

Although Marantz-style case assignment is construed as independent from agreement of lexical or functional heads (i.e. AGREE operation), the morphological case marking can in principle feed the agreement process [5; 24; 25]. Thus, J. Bobaljik [5] reinterprets E. Moravcsik's hierarchy [20; 21] as the hierarchy of accessibility of case-marked DPs as controllers of agreement (4). Agreement is said to be case-discriminating, in the sense that only those DPs that bear a specific case are visible as goals for a probe looking for a source of valued φ-features.

(4) unmarked case ≫ dependent case ≫ lexical case

The two approaches to case assignment are mostly considered as incompatible. However, a recent paper by M. Baker and N. Vinokurova [3] claims that the two approaches represent different modalities of case assignment that can coexist in the grammar of one and the same language, Sakha being one example. Specifically, the authors argue that the distribution of accusative and dative case in Sakha can only be accounted for configurationally, whereas nominative and genitive case require an account in terms of case assignment by functional heads. In the next section, we consider this approach in more detail.

2. A hybrid model of case assignment in Sakha

The two major parameters that distinguish between Marantz-style and Chomsky-style modalities of case assignment are (i) whether case assignment is sensitive to the presence of another noun phrase (DP) or to the presence of a functional head (F) in the local domain, and (ii) whether case assignment is followed by the obligatory agreement of the case assigner. The parameters' valuation for Sakha four cases is represented in the Table 1.

Table 1. Modalities of case assignment in Sakha.

Cases:	Nominative	Genitive	Dative	Accusative
DP/F	F (finite T)	F (determiner)	DP (verbal domain)	DP (clausal domain)
Agreement	+ (predicative)	+ (possessive)	—	—
Modality of case assignment	Chomsky-style	Chomsky-style	Marantz-style	Marantz-style

Baker and Vinokurova propose that nominative is assigned to the subject by the agreeing functional head (5); interestingly, only one agreement marker per nominative subject is available (6).

(5) Masha-qa at-tar ber-ilin-ni-ler || *ber-ilin-ne.
Masha-DAT horse-PL give-PASS-PST-3PL || give-PASS-PST.3SG
'The horses were given to Masha.' [3: (66)]

(6) a. En süüj-büt e-bik-kin.
you win-PTPL AUX-PTPL-2SG
b. En süüj-bük-kün e-bit.
you win-PTPL-2SG AUX-PTPL
c. *En süüj-büt e-bit.
you win-PTPL AUX-PTPL
d. *En süüj-bük-kün e-bik-kin.
you win-PTPL-2SG AUX-PTPL-2SG
'The result is that you won.' [3: (76)]

In a similar vein, the genitive possessor is only available when the head noun bears the possessive agreement suffix; Baker and Vinokurova suppose that Sakha noun phrase only licenses the genitive possessor when it is headed by an agreeing functional head D. Again, multiple agreement with the case-marked NP is prohibited.

So, nominative and genitive case assignment in Sakha is in one-to-one correspondence with the availability of an agreeing functional head. This modality

of case assignment contrasts radically with the conditions on the assignment of dative and accusative cases. First of all, dative and accusative case assignment is never dependent on agreement with whatever functional head; dative- or accusative-marked NPs can only control agreement in very particular contexts like (7a-b) where the genitive possessor or the nominative subject has subsequently raised and acquired dative or accusative, respectively.

(7) a. Misha-qa beqehee at-a öl-lö.
Misha-DAT yesterday horse-3SG die-PST.3SG
'Misha's horse died on him yesterday.' [3: (46a)]

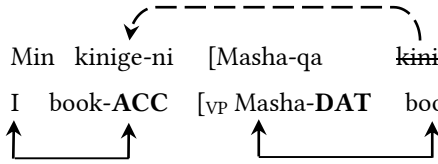
b. Min ehigi-ni bügün kyaj-yax-xyt dien erem-mit-im.
I you-ACC today win-FUT-2PL that hope-PST-1SG
'I hoped you would win today.' [3: (37a)]

Secondly, dative and accusative case assignment is sensitive to the presence of another NP in the specific local domain. Dative is assigned to the higher DP in the verbal domain (VP) if there is another caseless DP within the same domain. So the configurational dative found in ditransitives (8) and causatives of transitives (9) is the "dependent" case in the verbal domain.

(8) Min [Masha-qa kinige bier]-di-m.
I [$_{VP}$ Masha-**DAT** book give]-PST-1SG
'I gave Masha books/a book.' [3: (11a)]

(9) Misha [Masha-qa miin sie-t]-te.
Misha [$_{VP}$ Masha-**DAT** soup eat-CAUS]-PST.3SG
'Misha made Masha eat soup.' [3: (21b)]

Accusative case, according to Baker and Vinokurova, is a "dependent" case, too; it is assigned in the clausal domain to the lower of the two caseless DPs. This analysis captures perfectly the important property of the Sakha clause syntax: accusative direct objects appear outside the VP (that is, strictly to the left of VP-level adverbials and indirect objects), whereas unmarked, or nominative, direct objects appear within the VP, in their base position (cf. (8)). When the definite direct object raises out of VP to avoid existential closure, it lands in the clausal domain of case competition and is assigned accusative in the presence of a still-caseless subject DP.



'I gave the book to Masha.' [3: (11b)]

Let's consider the derivation of (10). First, the VP is being projected. As VP is the case competition domain, the rules of case assignment apply. At this stage, the VP in (10) contains two caseless DP: the indirect object 'Masha' and the direct object 'book'. Neither of them receives the lexically-governed case from the verb. So the "dependent" case rule applies. The higher DP in the VP, that is, the indirect object, is marked with dative case. As the derivation proceeds further, the definite direct object raises out of the VP and lands in the TP case competition domain. Before the TP undergoes spellout, the second round of case assignment takes place. No lexically-governed case being available at the TP level, the "dependent" case rule marks the lower DP (that is, the direct object) accusative.

The crucial argument in favor of the Marantz-style accusative case assignment in Sakha comes from the dependent clauses with accusative subject like the one in (11). It appears that the availability of accusative does not depend on the presence of an accusative-assigning head in the main clause, as (11) contains an intransitive main verb; what really matters is the presence of another NP in the main clause, as (12) demonstrates.

(11) Keskil Aisen-y [kel-bet dien]
Keskil Aisen-ACC come-NEG.AOR.3SG that
xomoj-do.
become.sad-PST.3SG
'Keskil became sad that Aisen is not coming.' [3: (39a)]

(12) Bügün munnjax-xa Masha-(*ny) [ehiil
today meeting-DAT Masha-(*ACC) [next.year
Moskva-qa bar-ya dien] cuolkajdan-na.
Moscow-DAT go-FUT.3SG that] become.certain-PST.3SG
'It became clear today at the meeting that Masha'll go to Moscow next year.' [3: (42a)]

Thus, Baker and Vinokurova's analysis of structural case assignment in Sakha makes use of both Chomsky-style and Marantz-style modalities. Recently, some alternatives to this hybrid account of Sakha data have been proposed. T. Levin and O. Preminger [13] argue for a purely configurational account of Sakha case assignment. They propose that genitive and nominative are unmarked cases of the

nominal and clausal domain, respectively. They suggest that agreement in both T and D in Sakha is case-discriminating in the sense that only noun phrases with unmarked case are visible as goals. In the series of papers by J. Kornfilt [11; 12] a further refinement of the configurational analysis is put forward: "nominative" and "genitive" are considered as descriptive labels for caseless NPs. In this system, agreement targets caseless NPs exclusively.

Our main objection to the configurational approach is that it fails to model the impact and interaction of various factors determining case assignment. The obvious question — what motivates the differential case marking available for a noun phrase in a number of structural configurations (direct object, possessor, embedded subject), and how this variation can be implemented within each proposed system — is hardly even noticed in the literature.

It seems that the configurational case assignment model has only one explanatory mechanism: if a noun phrase exhibit differential (structural) case marking, it must belong to different domains of case assignment.[1] In the richest system of Baker and Vinokurova [3], there is one more option: the unmarked noun phrase can be (pseudo)incorporated into the verbal (or nominal) stem, and in this way escape the need for case and remain caseless.

Chomsky-style case assignment is more flexible in that it allows both DP-external and DP-internal factors triggering case variation to be easily implemented within the model. Factors like telicity, perfectivity or polarity are naturally conceived as (features of) functional heads that assign case to DPs. The impact of factors internal to the noun phrase can be analyzed as a split morphological realization of the same syntactic case. Besides, as case assignment obeys at least phase-level locality and relativized minimality, the positional alternative is also an option for the Chomsky-style model. Moreover, if we adopt the hypothesis that some structural types of noun phrases, i.e. (pseudo)incorporated nouns and noun phrases [18; 1] or structurally deficient Small Nominals — lexical NPs or QPs [23; 10] — do not need case, an additional type of case marking variation — between case-marked and caseless noun phrase — emerges.

In what follows we turn to Tatar data and examine case marking variation in Tatar. We aim to show that Tatar case assignment cannot be subsumed under a configurational theory, since contexts of structural case assignment exhibit multiparametric variation.

[1] In addition, a rather exotic way of explanation is readily available with the configurational model, when the case marking of a DP depends causally on the properties of the other DP, which would count or wouldn't count as a case competitor for a given case domain.

3. Morphosyntactic parameters of case assignment in Tatar

In Tatar, at least the 6 following contexts of morphologically observable case variation can be identified:

— Postpositional phrase complement
— Direct object
— Possessor within the noun phrase
— Subject of nominalizations
— Subject of relative clauses
— Subject of an embedded finite clause with *dip* 'that'.

The easiest case alternation to observe is with (denominal) postpositions that combine with genitive-marked personal pronouns (13) and morphologically unmarked nouns (14). Both genitive and nominative case assignment is accompanied by agreement. No positional or interpretational effects of differential case marking can be observed.

(13) Bel-ep tor: kajda gına bul-sa-m
know-CONV AUX where EMPH be-COND-1SG
da, ǯan-ım gel sineŋ jan-ıŋ-da.
EMPH soul-1SG always you.GEN near-2SG-LOC
'Remember: wherever I am, my soul is always near you.'
(http://corpus2.tatfolk.ru/)

(14) Alar irtägä Gölnur-nıŋ äni-se jan-ı-na
they tomorrow Gulnur-GEN mother-3 near-3-DAT
kajt-ačak-lar.
return-FUT-PL
'Tomorrow they will return to Gulnur's mother.'
(http://corpus2.tatfolk.ru/)

DOM in Tatar is claimed to be motivated by definiteness of the object noun phrase: definite noun phrases receive accusative, whereas indefinite noun phrases are nominative [26: 119]. However, this interpretational effect is only observable with a subset of noun phrases. Several types of noun phrases, like pronouns (except for *närsä* 'what') or ezafe-3 nominals, obligatorily receive accusative, regardless of their definiteness or even referentiality, cf. (15)-(17).

(15) Alar Musa ǯälil belän Tukaj-dan arı
they Musa Jalil with Tukay-ABL except
ber-kem-ne dä bel-mi.
one-who-ACC EMPH know-NEG.PRS
'They don't know anyone except for Musa Jalil and Tukay.'
(http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/)

(16) Alar monad kem-ne-der ezli-lär
they here who-ACC-INDEF search.PRS-PL
bul-sa kiräk.
be-COND MODAL
'Apparently, they are looking for someone here.'
(http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/)

(17) Marat Alsu-nıŋ ber fotografija-se-n dä
Marat Alsu-GEN one picture-3-ACC EMPH
kür-mä-de.
see-NEG-PST
'Marat didn't see any picture of Alsu.'

We suggest here and elsewhere [14; 15; 16] that the relevant factor here is the syntactic category of the noun phrase. Full-fledged noun phrases (i.e. DPs) receive the accusative case, whereas structurally deficient Small Nominals (i.e. NPs) remain unmarked. As pronouns and ezafe-3 constructions are necessarily DPs, they are obligatorily accusative. The definiteness effect of the accusative marking in other types of noun phrases results from the mobility of DPs, which can raise at LF and acquire wide scope.

It is interesting that unlike in Sakha, in Tatar accusative direct objects do not have to move out of their VP: accusative direct object is perfectly grammatical in (18), in its base position. Nominative direct objects must be strictly adjacent to the verb in both languages. The distribution of case-marked and caseless DOs in Sakha and Tatar is represented in Table 2.

(18) Bajras kat-kat xat-nı ukı-dı,
Bayras again-again letter-ACC read-PST
ni-der aŋla-rga tırıš-tı.
what-INDEF understand-INF try-PST
'Bayras read the letter again and again, trying to understand anything.' (http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/)

Table 2. Positional distribution of DOs in Sakha and Tatar

		Sakha	Tatar
Case-marked DO	VP-external	DO-ACC [VP … V]	DO-ACC [VP … V]
	VP-internal	—	… [VP … DO-ACC V]
Caseless DO	VP-external	—	—
	VP- internal	… [VP … DO.NOM V]	… [VP … DO.NOM V]

The distribution of genitive and nominative possessors (ezafe-3 and ezafe-2 constructions) resembles the distribution of accusative and nominative direct objects in many respects. Thus, pronouns and ezafe-3 noun phrases can be embedded only as genitive possessors (19a-b); genitive and nominative possessors clearly contrast in referentiality (20a-b).

(19) a. minem || *min jort-ım
I.GEN || I house-1SG
'my house'

b. Gölnur-nıŋ äni-se-neŋ || *Gölnur-nıŋ äni-se
Gulnur-GEN mom-3-GEN || Gulnur-GEN mom-3
jort-ı
house-3
'Gulnur's mother's house'

(20) a. bala-lar-nıŋ kitab-ı
child-PL-GEN book-3
'the children's book'

b. bala-lar kitab-ı
child-PL book-3
'children's book'

At the same time, the distribution of genitive and nominative possessors is more intricate (see also [22; 16]). First of all, they occupy clearly different linear positions within the noun phrase. The two ezafe constructions can even co-occur within the same noun phrase, as in (21). Therefore, the two possessors not only end up occupying different surface positions, but are also necessarily base-generated in different structural positions.

(21) a. ädip-lär-neŋ bala-lar küŋel-e
writer-PL-GEN child-PL mind-3
'the writers' childish mind'
(http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/)

b. bez-neŋ kosmos korab-lar-ıbız
we-PL space ship-PL-1PL
'our spaceships'
(http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/)

The next thing to observe is that noun phrases embedded under ezafe-3 and ezafe-2 constructions differ in their argumenthood: ezafe-3 hosts arguments (possessors, agents, owners, themes) and ezafe-2 hosts adjuncts. Interestingly, the nominative noun phrase in ezafe-2 construction can be even a proper name, if used in the attributive function (22a).

(22) a. Marat uram-ı
Marat street-3
'Marat street' (i.e. the street named after Marat)
b. Marat-nıŋ uram-ı
Marat-GEN street-3
'Marat's street' (i.e. the street where Marat lives)

Genitive possessors always trigger agreement on the head noun; the status of the possessive affix in ezafe-2 construction is controversial. It remains unclear whether the possessive affix in ezafe-2 reflects agreement with the 3rd person nominative possessor or is a default form.

Tatar nominalized clauses exhibit case marking variation, too: the embedded subject can receive genitive or nominative, as in (23a-b). Although the construction may look identical to ezafe-3 vs. ezafe-2, it differs in many significant respects. First, noun phrases of any structural type (including personal pronouns and ezafe-3 DPs) exhibit the case alternation in this context. Secondly, genitive and nominative subjects of nominalized clauses, unlike possessors, do not seem to appear in distinct structural positions. Thirdly, both genitive and nominative subjects are clearly argumental.

(23) a. Tıŋla-r ide-m koš-lar-nıŋ || koš-lar
listen-FUT AUX-1SG bird-PL-GEN || bird-PL
ǯırla-u-ı-n.
sing-NML-3-ACC
'I would listen to the birds' singing.' (Yandex search)
b. Alaša-bız-nıŋ || Alaša-bız umır-ıp-umır-ıp
gelding-1PL-GEN || gelding-1PL gulp-CONV-gulp-CONV
bašak aša-gan-ı-n jarat-ıp, söjen-ep
mash eat-PFCT-3-ACC love-CONV rejoice-CONV
kara-p tora-m.
look-CONV AUX-1SG
'With love and joy I'm looking at our gelding gulping mash.'
(http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/)

Another type of embedded clauses where subjects can be nominative or genitive is participial relative clauses (24). Nominative subjects never trigger agreement on either the participle or head noun (24a), whereas genitive subjects require possessive agreement marker on the head noun (24b). It seems that the genitive case marking is only available if the subject occupies the leftmost position in the relative clause.

(24) a. Marat Kazan-nan al-ıp kajt-kan
Marat Kazan-ABL take-CONV return-PFCT
kitap bik kızık.
book very interesting
'The book that Marat brought from Kazan is very interesting.'

b. Marat-nıŋ Kazan-nan al-ıp kajt-kan
Marat-GEN Kazan-ABL take-CONV return-PFCT
kitab-ı bik kızık.
book-3 very interesting
'The book that Marat brought from Kazan is very interesting.'

Finally, subjects of embedded finite clauses headed by *dip* 'that' show case marking variation between nominative and accusative. Both forms control agreement on the embedded predicate (25). The accusative subject seems to be structurally higher than the nominative one — as in the previous case, the subject DP has to be the leftmost constituent of the embedded clause in order to receive the accusative case marking. But, unlike in Sakha, only transitive matrix verbs in Tatar license accusative case marking of the embedded subject.

(25) a. Sin || Sine kil-er-seŋ dip kötä-m.
you || you.ACC come-FUT-2SG that wait.PRS-1SG
'I'm waiting for you to come.'

b. Sin || *Sine kil-er-seŋ dip köt-el-ä.
you || you.ACC come-FUT-2SG that wait-PASS-PRS
'It is expected that you would come.'

Let us take stock of what we have learned so far. In all the contexts of morphologically observable case variation, one of the varying case forms is always nominative. Genitive noun phrases always trigger possessive agreement, and finite nominative subjects always trigger predicative agreement.

The clear positional distinction is found in half of the contexts — namely, with genitive/nominative possessors, genitive/nominative subjects of relative clauses and accusative/nominative subjects of embedded finite clauses with *dip* 'that'. Accusative/nominative direct objects are not positionally distributed in the strict sense of the term, but they differ as to the positions available.

As for functional heads assigning structural cases, we can clearly identify finite T as a nominative case assigner, possessive D as a genitive case assigner, transitive *v* as an accusative case assigner and P as a genitive/nominative case assigner. It remains unclear whether other nominals are case-depending on some functional head.

Finally, the relevant factors underlying case marking variation differ to a large extent — from purely formal pronoun/noun distinction to intricate

argumental/attributive semantic type variability, definiteness, or referentiality. Sometimes, however, it seems almost impossible to reveal any semantic impact of differential case marking.

Table 3 summarizes the relevant parameters of the structural case assignment variation in Tatar.

Table 3. Differential case marking in Tatar

Context type	Variation	Agreement	Positional variation	Case-assigning F	Licensing factors
PP complement	GEN/NOM	+/+	—	P/P	pronoun/noun
Direct object	ACC/NOM	—/—	±	*v*/?	DP/SN definite/indefinite
Possessor	GEN/NOM	+/?	+	D/?	DP/SN referential/ non-referential argument/adjunct
Subject of nominalization	GEN/NOM	+/±	—	D/?	?
Subject of relative clause	GEN/NOM	+/—	+	D/?	?
Subject of *dip*-clause	ACC/NOM	+/+	+	*v*/T	?

4. Proposal

The discussion in section 2 and 3 demonstrates that Tatar differs from Sakha in several significant respects. First, it allows for both genitive and nominative possessors within the noun phrase; secondly, its accusative and nominative direct objects are not fully distributed positionally; thirdly, embedded subjects can bear nominative morphology in non-finite clauses; fourthly, the accusative embedded subject is causally dependent on the transitivity of the matrix clause.

These properties of Tatar make any configurational model of case assignment highly problematic. The obvious hurdle is the accusative case assignment, which is determined by the presence of the transitive functional head, and not by the presence of another DP in the clausal domain. Besides, the accusative direct object does not have to leave its VP, and therefore both accusative and nominative objects belong to the same domain of case assignment.

Another problem is the availability of both genitive and nominative possessors. Since the two different cases are assigned in the same domain, the "DP's unmarked

case" analysis of the genitive cannot be maintained. Note that neither genitive nor nominative in the nominal domain can be characterized as "dependent" case, because neither ezafe-2 is causally dependent on ezafe-3, nor vice versa. The Chomsky-style analysis of the genitive proposed by Baker and Vinokurova would fit the data nicely, but the nominative possessor then requires its own licenser and case assigner.

The most controversial is certainly the nominative case distribution. It cannot be "the clause's unmarked case", because it can be found in different domains — verbal, nominal, prepositional. It cannot be a default case, because it is unavailable for pronouns in prepositional phrases and for DPs in the direct object position or the possessor position. It cannot be always assigned by an agreeing functional head, because it sometimes must trigger agreement (as a finite subject), sometimes can trigger agreement (as a subject of a nominalization) and sometimes cannot trigger agreement (as a relative clause subject).

We therefore think that Tatar data requires a hybrid approach to the case assignment, but not in the sense of mixing Chomsky-style and Marantz-style modalities in one model. Instead, we propose a purely syntactic account that distinguishes between different "nominatives".

We believe that in Tatar, noun phrases differ as to their structural complexity, so that fully projected DPs like pronouns or ezafe-3 nominals coexist with structurally deficient Small Nominals (SNs). We believe that only DPs are subjects to the Case filter and have to receive abstract case in order to be licensed, and SNs can go caseless. Consequently, we suppose that nominative direct objects and nominative possessors are in fact caseless SNs.

Nominative subjects, on the other hand, are clearly case-marked, since the full-fledged DPs are readily available in this position. We believe that finite and non-finite clauses in Tatar differ as to the morphological spell-out of T rather than its featural specification. So we hypothesize that T always assigns nominative to the subject under AGREE, but the results of the predicative agreement are only visible in finite clauses.

Finally, the nominative form of the postpositional phrase complement is clearly neither a caseless form (as it is available for ezafe-3 nominals) nor a subject case. Since the distribution of genitive and nominative forms is purely morphological, we propose that they are morphological exponents of an abstract "postpositional" case.

Other case forms correspond directly to case assigning functional heads. So the adnominal genitive is assigned by the agreeing functional head D, and the accusative is the case of the transitive *v*. The resulting specification of Tatar case forms is given in the Table 4.

Table 4. Tatar case forms reanalysed

Case form/Context	Abstract case	Case-assigning functional head	Agreement
NOM/finite clause subject	NOM	T finite	+ (predicative)
NOM/non-finite clause subject	NOM	T non-finite	— (morphologically invisible)
NOM/noun phrase possessor	—	—	— (ezafe-2 possessive marker)
NOM/direct object	—	—	—
NOM/PP complement	POSTP	P	+ (possessive)
GEN/PP complement	POSTP	P	+ (possessive)
GEN/elsewhere	GEN	D	+ (possessive)
ACC	ACC	*v* transitive	— (morphologically invisible)

The proposed hybrid account combines Chomsky-style case assignment model with two additional ideas, namely, that some nominals can be caseless and that the spell-out of the abstract case can be morphologically conditioned. It seems that this account is superior to both the purely configurational model of Levin and Preminger and the hybrid model of Baker and Vinokurova, as it allows us to deal with Tatar case marking variation phenomena in a uniform and comprehensive manner. In this way, our results lend support to the Chomsky-style account of case phenomena, which is based on the case-agreement interaction between a head as a probe and a noun phrase as a goal.

Another aspect of our study is that it argues against the "Case belongs to morphology" line of reasoning. The proponents of a purely morphological approach to case rely heavily on "… clear examples of NPs being assigned (quirky) morphological case in a position without being assigned abstract Case in that position and clear examples of NPs being assigned Case in a position without being assigned morphological case there" [17: 19]. These phenomena are considered as arguments for separation of licensing, i.e. Chomskyan abstract case, and morphological case realization. The data we surveyed clearly show that exiling case assignment to morphology and hence treating case-discriminating agreement as a postsyntactic phenomenon would result in a number of undesirable effects – thus, morphology would fail to distinguish between different "nominatives", which contrast with respect to noun phrase type, argumenthood, and agreement. Case agreement seem to license DPs in Tatar and therefore they should be represented

in narrow syntax as formal features. Crucially, their labor of filtering out ungrammatical structures cannot be fully replaced by PF- (or LF-) interface conditions. From a broader perspective, then, Tatar data seem to argue against the possibility of an entirely interface-driven grammar.

References

1. Baker, M. (2009). Is head movement still needed for noun incorporation? The case of Mapudungun. Lingua 119(2):148-165.
2. Baker, M. (2015). Case. Its principles and its parameters. (Cambridge studies in linguistics 146) Cambridge: CUP, 2015.
3. Baker, M. & Vinokurova, N. (2010). Two modalities of Case assignment: Case in Sakha. Natural Language and Linguistic Theory 28:593-642.
4. Bittner, M. & Hale, K. (1996). The structural determination of Case and agreement. Linguistic Inquiry 27:1-68.
5. Bobaljik, J. (2008). Where's phi? Agreement as a post-syntactic operation. In D. Harbour et al. (eds.). Phi Theory. (pp. 295-328). Oxford: OUP.
6. Chomsky, N. (1981). Lectures on government and binding. Dordrecht: Foris.
7. Chomsky, N. (1986). Knowledge of language. New York: Praeger.
8. Chomsky, N. (2000). Minimalist inquiries: the framework. In R. Martin, D. Michaels and J. Uriagereka (eds.). Step by Step. Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik. (pp. 89-155). Cambridge, Mass.: MIT Press.
9. Chomsky, N. (2001). Derivation by phase. In M. Kenstowicz (ed.). Ken Hale: A life in language. (pp. 1-52). Cambridge, Mass.: MIT Press.
10. Danon, G. (2006). Caseless nominals and the projection of DP. Natural Language and Linguistic Theory 24:977-1008.
11. Kornfilt, J. (2013). Nominative as no case at all: An argument from raising-to-accusative in Sakha. Paper presented at WAFL9 workshop, August 23–25, 2013, Cornell University, Ithaca, NY.
12. Kornfilt, J., & Preminger, O. (2015). Nominative as no case at all: an argument from raising-to-accusative in Sakha. // Proceedings of the 9th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL9) / Ed. by Andrew Joseph and Esra Predolac (MIT Working Papers in Linguistics #76). (pp. 109-120) — Cambridge (Mass), MIT Press, 2015.
13. Levin, T. & Preminger, O. (2015). Case in Sakha: Are two modalities really necessary? Natural Language and Linguistic Theory 33(1):231-250.
14. Lyutikova, E. (2014). Case and noun phrase structure: differential object marking in Mishar dialect of Tatar [Padezh i struktura imennoy gruppy: variativnoye markirovaniye ob'ekta v misharskom dialekte tatarskogo yazyka]. Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova, Ser. Filologicheskiye nauki 4:50-70.
15. Lyutikova, E. and Pereltsvaig, A. (2015a). Differential object marking in Tatar and the functional architecture of the noun phrase // Proceedings of the 9th

Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL9) / Ed. by Andrew Joseph and Esra Predolac (MIT Working Papers in Linguistics #76). (pp. 171-182). — Cambridge (Mass), MIT Press, 2015.
16. Lyutikova, E. & Pereltsvaig, A. (2015b). Noun phrase structure in articleless languages: universality and variation [Struktura imennoy gruppy v bezartiklevyx yazykax: universal'nost' i variativnost']. Voprosy yazykoznaniya 3:52-69.
17. Marantz, A. (1991). Case and licensing. In G. Westphal, B. Ao and H. Chae (eds.). Proceedings of the 8th Eastern States Conference on Linguistics (ESCOL 8). (pp. 234–253). Ithaca, NY: CLS Publications.
18. Massam, D. (2001). Pseudo noun incorporation in Niuean. Natural Language and Linguistic Theory 19:153-197.
19. McFadden, T. (2004). The position of morphological case in the derivation. Doctoral dissertation, Philadelphia, PA: University of Pennsylvania.
20. Moravcsik, E. (1974). Object-verb agreement. In Working papers on language universals 15:25-140.
21. Moravcsik, E. (1978). Agreement. In J. Greenberg (ed.). Universals of human language IV: syntax. (pp. 331–374). Stanford, CA: Stanford University Press.
22. Pereltsvaig, A. & Lyutikova, E. (2014). Possessives within and beyond NP: Two ezafe-constructions in Tatar. In A. Bondaruk, G. Dalmi and A. Grosu (eds.). Advances in the syntax of DPs: Structure, agreement, and case. (pp. 193-219). Amsterdam: Benjamins.
23. Pereltsvaig, A. (2006). Small nominals. Natural Language and Linguistic Theory 24:433-500.
24. Preminger, O. (2011). Agreement as a fallible operation. Doctoral dissertation, Cambridge, MA: MIT.
25. Preminger, O. (2014). Agreement and its failures. Linguistic Inquiry Monograph 68. Cambridge, MA: MIT Press.
26. Zakiev, M. Z. (1995). Tatar Grammar, Vol. 3: Syntax [Tatarskaya grammatika, Tom III: Sintaksis]. Kazan: Akademiya Nauk Tatarstana.

Т.А. Майсак

ИЯз РАН, Москва

ПОЗИЦИЯ ЛИЧНЫХ КЛИТИК В УДИНСКОМ ЯЗЫКЕ ПО КОРПУСНЫМ ДАННЫМ*

1. Введение

Предметом рассмотрения в настоящей статье является вариативность позиций удинских лично-числовых показателей. Удинский язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи, личное согласование представляет собой в этом языке инновацию[1]. Это субъектное согласование, показатели которого в целом проявляют свойства клитик (впрочем, отчасти они близки к суффиксам, о чем будет также сказано ниже). Позиция личных клитик в клаузе не ограничена глагольной словоформой: в большинстве декларативных клауз эта позиция является «подвижной», так что клитика может располагаться либо на глаголе, либо на другой составляющей. Кроме того, собственно на глаголе для личной клитики потенциально доступны две позиции: она может быть энклитикой на правой периферии глагольной словоформы либо находиться внутри глагольной основы (являясь в таком случае «эндоклитикой»). Имеется, однако, целый ряд дополнительных ограничений и предпочтений в том, что касается возможных позиций личных показателей в клаузе, и далее возможности расположения удинских энклитик (или эндоклитик) будут рассмотрены подробнее.

В разделе 2 будет дана более полная характеристика системы личного согласования в удинском языке, приведены показатели согласования и сделан краткий исторический экскурс. Далее в разделе 3 будут сформулированы базовые правила расположения личных клитик в клаузе,

* Исследование проведено при поддержке гранта РНФ, проект № 14-18-02429 «Корпусные исследования предикатно-аргументной структуры предложения в нахско-дагестанских языках» под рук. Д. С. Ганенкова.

[1] Помимо удинского и независимо от него, система личного согласования из лезгинских языков представлена только в табасаранском, генетически и ареально далеко отстоящем от удинского; при этом табасаранская система устроена в значительной степени иначе, ср. [7; 17; 2]. К другим языкам лезгинской группы (в которых личное согласование не получило развития) относятся собственно лезгинский, агульский, цахурский, рутульский, крызский, будухский и арчинский.

связанные с коммуникативной структурой высказывания и со способностью «разрывать» глагольную основу. Раздел 4 содержит обсуждение особенностей линейного расположения личных показателей для различных групп глагольных форм. Наконец, в разделе 5 будут представлены результаты корпусного исследования позиций личных показателей, выполненного на материале современного перевода Евангелия от Луки (*Luk'an exlətbi Mйq Xavar*. Bakı, 2011).

Исторический ареал распространения удинского языка находится в Северном Азербайджане; крупнейшими населенными пунктами, в которых проживали удины к началу XX в., были с. Нидж и г. Варташен (ныне Огуз), которые являлись центрами соответственно ниджского и варташенского диалектов удинского языка. В настоящее время в Огузе проживает лишь несколько десятков удин, в целом в Азербайджане — порядка 3800 чел. (по данным переписи 2009 г.), значительное же число удин за последние десятилетия переселилось в Россию (4267 чел. по данным Всероссийской переписи 2010 г.). Наше исследование проведено на материале ниджского диалекта и, помимо уже упоминавшегося перевода Евангелия от Луки, базируется на полевых данных, записях устных текстов 2000-х гг. и публикациях на удинском языке, появившихся в 1990-е-2000-е гг.

2. Система личного согласования

Личное согласование в удинском языке обязательно в большинстве независимых клауз (об исключениях будет сказано в разделе 4 ниже) и контролируется субъектной именной группой в клаузах с непереходным предикатом и агентивной именной группой в клаузах в переходным предикатом[1]. В следующих примерах показаны формы перфекта, аориста и футурума с согласованием по 1-му л. ед.ч., 3-му л. ед.ч. и 2-му л. ед.ч. соответственно:

(1) zu baˁʁaˁnaˁ bijäs-in ʁar-a ak:-e=**zu.**
я позавчера вечер-ERG парень-DAT видеть-PERF=1SG
‘Я позавчера вечером видел парня.’ (Из пьесы о сватах; Keçaari 2001)

[1] Падежное кодирование именных групп является при этом абсолютивным в первом случае и эргативным во втором; впрочем, в речи и письменных текстах субъект нередко опускается, что видно и по некоторым приводимым ниже примерам.

(2) **р-i=ne**, **таʁ-al=nu**, **ak:-al=nu**.
говорить-AOR=3SG уходить-FUT=2SG видеть-FUT=2SG
‘Он сказал: «Поедешь — увидишь!»’ (Из устного рассказа, 2004)

В парадигме личного согласования отсутствуют «нули», все шесть лично-числовых значений маркированы. Показатели 1-го и 2-го л. имеют своим источником личные местоимения; показатели 3-го л. с современными анафорическими средствами 3-го лица (демонстративами) не связаны, однако отражают, судя по всему, более древнюю систему прономинальных элементов (о диахронии личных клитик см., в частности, [20: 178-186; 16: II, 52-54]). В Таблице 1 для сравнения приведены личные клитики основной серии и их алломорфы, а также личные местоимения в форме абсолютива/эргатива (две этих падежных формы у местоимений удинского языка синкретичны).

С формальной точки зрения удинские показатели личного согласования традиционно считаются клитиками — одним из аргументов в пользу такого решения является то, что их позиция в клаузе непостоянна и опорными для показателя могут быть словоформы самых разных классов слов (подробнее о критериях клитичности удинских личных показателей см. [20: ch.5]). Тем не менее, верно и то, что эти клитики проявляют аффиксальные свойства — с некоторыми глагольными формами они полностью слиты и не обладают «подвижностью», а в ряде случаев отмечаются нерегулярные стяжения клитики с другой морфемой[1].

Таблица 1. Личные клитики и личные местоимения в удинском языке.

	Личные показатели
1SG	*=zu / =z / =ez*
2SG	*=nu / =n / =en*
3SG	*=ne (=e) / =n*
1PL	*=jan*
2PL	*=nan*
3PL	*=tːun*

	Личные местоимения
1SG	*zu*
2SG	*hun*
3SG	(демонстративы)
1PL	*jan*
2PL	*vaʕn*
3PL	(демонстративы)

В вопросительных предложениях с субъектом 3-го л. ед.ч. может использоваться особая личная клитика *=a (=ä)*, дистрибуция которой

[1] Так, исходное сочетание аффикса будущего времени *-al* и клитики 1-го л. ед.ч. *=zu* в ниджском диалекте произносится не /alzu/, а /ooz/ (в других лицах подобных изменений не происходит), а показатель 3-го л. ед.ч. претерпевает стяжение с последующим безударным бытийным глаголом *bu*, ср. *=no* (<*=ne bu*); подробнее о стяжениях такого типа см. [9: 146-148].

соответствует дистрибуции остальных клитик. Кроме того, в некоторых контекстах — в частности, в одном из вариантов посессивной конструкции — выступает другая («посессивная») серия личных клитик, восходящая к формам «второго дательного» личных местоимений (ср. 1SG *=zaχ*, 2SG *=vaχ*, 3SG/3PL *=tːuχ* и пр.), см. некоторые примеры в [3: 44-45]. Эта серия крайне редка в современном ниджском диалекте, и далее мы ее не рассматриваем.

Помимо функции собственно показателей согласования, личные клитики выступают и в роли носителей предикативности, что особенно ярко проявляется в неглагольном предложении, ср. типичные примеры конструкций идентификации и характеризации[1]:

(3) χe k:üvä**=ne.**
вода теплый=3SG
'Вода теплая.' [Дабаков 2013: 77]

(4) mo beš k:ož**=e.**
PROX:NA мы:GEN дом=3SG
'Это наш дом.' [Дабаков 2013: 99]

Кроме того, некоторые глагольные формы сами по себе не могут быть охарактеризованы как финитные или нефинитные, поскольку способны вступать в нескольких контекстах (так, перфективная форма на *-i* играет роль причастия и деепричастия совершенного вида, а также финитного аориста, а одну и ту же форму на *-al* имеет футурум и имя деятеля). Только в клаузах с личными показателями такие формы выступают в виде финитных вершин и выражают временную референцию.

В диахронической перспективе удинское личное согласование представляет собой вторичное развитие, не унаследованное от пралезгинского, а возникшее уже позже. Исконным для лезгинских языков являлось согласование по именному классу (роду), проецируемое на праязыковой уровень [1: 89-95], однако в удинском — так же, как в лезгинском, агульском и некоторых диалектах табасаранского — оно было полностью утрачено. В отличие от личного согласования, согласование по классу следует эргативной стратегии — его контролером в большинстве случаев является абсолютивная именная группа (т.е. субъект непереходного глагола или пациенс переходного). Показателями классного согласования

[1] Связка в таких предложениях отсутствует; восходящий к пралезгинской связке стативный глагол *bu* используется в ниджском диалекте только в бытийных предложениях и посессивной конструкции.

выступают различные аффиксы, в т.ч. префиксы, суффиксы и инфиксы, а мишеней согласования в клаузе может быть несколько, причем само наличие позиции для показателя у конкретной лексической основы или грамматической морфемы детерминировано словарно. В качестве примера ср. (5) из цахурского языка, где в одной клаузе согласование по классу происходит трижды: в перфективных основах глаголов ‘брать’ и ‘бить’ имеется позиция для инфиксального показателя (причем из двух разных наборов), а связка содержит суффиксальный классный показатель; согласование происходит по именной группе *ɢaje* ‘камень’, принадлежащей к третьему классу (одному из двух неодушевленных классов в цахурском).

(5) adam-ē alʲa‹**p’**›t’-u ɢaje ɨˤ‹**w**›χ-ɨ
мужчина-ERG <3>брать-PF камень[3] <3>бить-PF
wo=**b** χoče-j-s.
COP=3 змея-O-DAT
‘Человек взял (в руку) камень и бросил в змею.’ [Кибрик, Тестелец (ред.) 1999: 719]

Так или иначе, личное согласование в удинском языке нельзя назвать «наследником» согласования по классу — семантика, синтаксическая природа, средства кодирования и возможные позиции согласовательных показателей у этих двух стратегий существенно различаются.

Удинский является единственным из современных нахско-дагестанских языков, древнее состояние которого отражено в сохранившихся памятниках (речь идет о кавказско-албанских палимпсестах, язык которых был признан специалистами предком удинского). Судя по данным, приводимым в издании [16: II, 52—54], в период, которым ориентировочно могут быть датированы сохранившиеся рукописи (между VII и X в. н.э.), система личного согласования посредством прономинальных энклитик уже сложилась, хотя не совсем в том виде, как в современном языке. Общелезгинского классного согласования на тот момент в древнеудинском уже не было. Не исключено, что как само возникновение удинского личного согласования, так и его характер хотя бы частично объясняются ареальным влиянием (прежде всего со стороны армянского и иранских языков); во многом сходная система «подвижных» личных клитик описана, например, для северного талышского языка, распространенного в Иране и Азербайджане [29].

3. Личное согласование и коммуникативная структура

В клаузе личный показатель не обязательно находится на предикате, как в примерах выше. Его позиция, хотя и имеет целый ряд ограничений, достаточно свободна. Так, в следующих примерах клитика 1SG

располагается на пациентивной именной группе (6)[1], вопросительном слове (7), просодически автономном показателе отрицания (8); здесь и далее группа, к которой примыкает личный показатель, в строке глоссирования заключена в квадратные скобки.

(6) zu bezi k:ož-a=z car-e...
я [я:GEN дом-DAT]=1SG разрушать-LV:PRS
'Я разбираю свой дом... {а до твоего дома мне никакого дела нет}.'
(Из анекдота; Keçaari 2001)

(7) aχɨri maja=z taj-sa, mačIu=z taj-sa?
наконец [где]=1SG уходить-PRS [куда]=1SG уходить-PRS
'В конце концов, куда я еду, куда я еду?' (Из устного рассказа, 2004)

(8) aj viči, zu dava sak-s-ejnak: te=z
VOC брат я война валить-INF-BEN [NEG]=1SG
har-e.
приходить-PERF
'Брат, я пришел не для того, чтобы ссориться.' (Из сказки; Keçaari 2001)

Еще Адольф Дирр, опубликовавший в начале XX в. грамматический очерк и ряд текстов на удинском языке, заметил, рассуждая об удинских «местоименных инфиксах», что они «очень часто... отделяются от глагола и присоединяются к другим словам фразы, преимущественно к вопросительным, отрицательным и запретительным частичкам (part. prohibitives) и вообще к словам, на которые падает логическое ударение» [6: 49]. Действительно, как было позже убедительно показано в работе [18], расположение удинских личных клитик напрямую связно с коммуникативной структурой высказывания — а именно, личный показатель располагается на той составляющей, которая находится в фокусе[2]. Ср. следующую тройку примеров, в первом из которых личный

[1] В удинском языке представлено дифференцированное кодирование объекта: определенный пациенс оформляется не немаркированным абсолютивным падежом (что стандартно для эргативного языка), а дательным падежом, как в примерах (1), (6) и др.; для личных местоимений дативное кодирование пациенса является единственным возможным, ср. (9) ниже.

[2] В качестве основных диагностик для идентификации позиции личных клитик как фокусной Э. Харрис использовала как раз обязательность расположения на показателе отрицания *te=* в отрицательных клаузах и

показатель 2PL находится на глаголе, во втором — на пациенсе и в третьем — на агентивном субъекте.

(9а) vaˁn za k:al-p-e=**nan**.
вы я:DAT [звать-LV-PERF]=2PL
‘Вы меня позвали.’

(9б) vaˁn za=**nan** k:al-p-e.
вы [я:DAT]=2PL звать-LV-PERF
‘Вы МЕНЯ позвали.’

(9в) vaˁn=**nan** za k:al-p-e.
[вы]=2PL я:DAT звать-LV-PERF
‘ВЫ меня позвали.’

Отражение коммуникативной структуры высказывания в позиции предикативного элемента (как правило, связки или личного показателя) само по себе не уникально для удинского языка и характерно для целого ряда языков нахско-дагестанской семьи, в т.ч. некоторых лезгинских, андийских, даргинских и лакского, а также для армянского — одного из важнейших неродственных языков, находившихся в контакте с удинским [21; 10; 11]. Пример (10) ниже иллюстрирует фокусную конструкцию в агульском языке (связка располагается непосредственно после вопросительного слова), а пример (11) — в армянском, где спрягаемый по лицам вспомогательный глагол употреблен в постпозиции к фокусируемой именной группе.

(10) fi **e** wun q’.a-je-f, ja eminat?
[что] COP ты делать.IPF-PT:PRS-NA VOC Эминат
‘Что ты делаешь, Эминат?’ [Из устного рассказа, 2004]

(11) Vard-ə pʻokʻr partez-um **ē** ač-um.
роза-DEF [маленький сад-LOC] AUX.PRES.3SG расти-IPFV
‘Роза растет В маленьком САДУ.’ [Семёнова 2014а: 845]

Если в армянском языке форма предиката, который находится в пресуппозитивной части высказывания, не меняется по сравнению с исходной аналитической формой (меняется только позиция вспомогательного глагола), то в агульском предикат в таких случаях должен

(почти) обязательность расположения на вопросительных словах в частновопросительных высказываниях. Заметим, что основным материалом исследования в работах Э. Харрис является варташенский диалект, однако в данном случае ее выводы полностью применимы и к ниджскому.

обязательно оформляться субстантивированным причастием (в данном случае — презентным). В удинском такого ограничения нет: и в ассертивной, и в пресуппозитивной части глагол будет иметь одну и ту же синтетическую грамматическую форму, а ограничения будут касаться лишь того, при каких формах глагола личная клитика в принципе может быть мобильна.

Типологически нетривиальное поведение удинский язык проявляет в другом: в предложениях с глагольным сказуемым личный показатель может находиться не только в позиции энклитики на всей глагольной форме, но и внутри нее, ср. еще один вариант расположения в примере (9г):

(9г) va^{ʕ}n za k:al=**nan**=p-e.
вы я:DAT [звать]=2PL=LV-PERF
‘Вы меня позвали.’

Глагол *k:al-p-* ‘звать’ (он также имеет значение ‘читать’) имеет сложную морфологическую структуру: его вторая часть *p-* совпадает с глаголом речи ‘говорить’. Основная масса глагольных лексем в удинском языке приходится именно на такого рода сложные глаголы, состоящие из «неспрягаемого» компонента и служебного (так наз. «легкого») глагола, ср. некоторые примеры:

(12) *kala-bak-* ‘вырастать’ < ‘большой’ + ‘быть, стать’
lašIk:oj-bak- ‘жениться’ < ‘свадьба’ + ‘быть, стать’
mu^{ʕ}q-b- ‘радовать’ < ‘радостный’ + ‘делать’
ala-b- ‘поднимать’ < ‘наверх’ + ‘делать’
cam-p- ‘писáть’ < ‘письменность’ + ‘говорить’
gam-d- ‘греть, согревать’ < ‘теплый’ + ‘CAUS’[1]

Все эти глаголы имеют позицию для личного показателя между «неспрягаемой» частью и «легким» глаголом, как в (9г). Что касается простых, морфологически нечленимых глаголов, то их число в удинском невелико и может быть оценено в пять-шесть десятков; некоторые примеры с указанием слоговой структуры глагольных основ приведены ниже:

[1] «Легкий» глагол *d-* не используется в качестве автономной глагольной лексемы, однако образует также сложные глаголы с каузативным значением (в роли неспрягаемого компонента выступает инфинитив смыслового глагола), ср. *ak:es-t:-* ‘показывать’ от *ak:-es* ‘видеть-INF’; переход /d/>/t:/ после глухого шипящего является регулярным.

(13) C: *b-* ‘делать’, *p-* ‘говорить’;
VC: *akː-* ‘видеть’, *uˤʁ-* ‘пить’, *uk-* ‘есть’ и др.;
CVC: *bak-* ‘быть, стать’, *beˤʁ-* ‘смотреть’ и др.;
VCC: *arc-* ‘садиться’, *uskː-* ‘мерить’ и др.;
CVCC: *baskː-* ‘ложиться, засыпать’, *burq-* ‘начинать’ и др.

Разделение на простые и сложные глаголы во многом условно — прежде всего потому, что на синхронном уровне не всегда понятно, можно ли, не прибегая к этимологическому анализу, вычленить в глагольной основе исторический «легкий глагол» или нет (см. обсуждение трудных случаев в [9: 99-104]). Кроме того, замечательным образом простые и сложные глаголы ведут себя одинаково с точки зрения позиции личных клитик, которые вполне могут проникать и внутрь простой глагольной основы. В этом случае основа разделяется на две части, вторая из которых представляет собой последний согласный: ср. V=C, CV=C, VC=C, CVC=C и т.п. (здесь знаком = обозначена позиция личной клитики; «отделяемая» вторая часть основы в строке глоссирования обозначается нами как ST). Ср. следующий пример с формой аориста, в которой показатель 3PL находится внутри простой глагольной основы *akː-* ‘видеть’:

(14) tːe pervar-i χaˤ-juʁ-on šo-tː-o
DIST окрестность-GEN собака-PL-ERG DIST- NO-DAT
a=**tːun**=kː-i.
видеть=3PL=ST-AOR
‘Ее увидели окрестные собаки.’ (Из анекдота; Keçaari 2001)

Имеется небольшая группа глаголов (точнее, глагольных основ), вставление личной клитики внутрь которых невозможно по фонетическим или морфологическим причинам. Это основы со структурой C или CV, у которых нет последней согласной, которая могла бы быть «отделима» (ср. *b-* ‘делать’, *p-* ‘говорить’, *bi-* ‘умирать’ и нек. др.), нерегулярные основы совершенного вида с конечным *-r*, который исторически, судя по всему, являлся аспектуальным аффиксом и не относился к собственно основе глагола (ср. *har-* ‘приходить’, *pːur-* ‘умирать’ и нек. др.)[1], основа совершенного вида *käj-* ‘есть, принимать пищу’ и нерегулярный

[1] То же верно относительно перфективных основ *ečer-* ‘приносить’, *tašer-* ‘уносить’, у которых помещение личной клитики внутрь возможно, однако она отделяет не последний сонорный согласный, а предшествующий согласный корня, ср. аористы *e=ne=čer-i* ‘принес’, *ta=ne=šer-i* ‘унес’.

супплетивный презенс *neχ* ‘говорить(PRS)’. Видо-временные формы, образуемые от подобных основ, могут иметь личную клитику только в энклитической позиции, ср. аористы 1SG *p-i=zu* ‘я сказал’, *har-i=z* ‘я пришел’, презенс 1SG *neχ=zu* ‘я говорю’.

Подобное нестандартное — с точки зрения теории и типологии клитик — поведение личных показателей в удинском языке было впервые подробно проанализировано в статье [19] и монографии [20], после которых за этими единицами закрепился статус «эндоклитик» (ср. также эквивалентные понятия интраклитики или мезолитики, т.е. клитики, расположенной внутри слова). Э. Харрис обратила внимание на то, что существование эндоклитик является теоретической проблемой для тех подходов, которые придерживаются принципа «лексической целостности» (Lexical Integrity): оказывается, что единица синтаксического уровня (клитика) имеет доступ к внутренней морфологической структуре слова, что в таких подходах не считается допустимым. Впрочем, после работ Э. Харрис появилось и несколько попыток «устранить» проблему эндоклизиса, приписав удинским личным показателям другой статус (не клитик, а особых аффиксов) либо предложив дополнительные морфосинтаксические механизмы, которые делали бы помещение личных клитик внутрь слова естественным и даже неизбежным[1].

Далее теоретический статус удинских эндоклитик нас интересовать не будет, а различие между энклитической и эндоклитической позициями показателя на глаголе мы будем рассматривать как различие в опорном слове для энклитик — либо это только первый (условно, смысловой или «лексический») компонент глагола, либо весь глагол, включая его второй, «функциональный» компонент (LV или ST). Нестандартным в таком случае оказывается не поведение личных показателей, а скорее сама структура удинских глаголов, которые все (как «простые», как и «сложные») фактически являются двухкомпонентными на синтаксическом уровне (ср. аргументы в пользу такого подхода в [4; 15]).

Завершая предварительный обзор правил расположения личных клитик, укажем, что фокусируемая составляющая, к которой они примыкают, не может находиться после глагола, ср. модифицированные фразы (9б’)-(9в’), не признаваемые грамматичными. Подобное ограничение для удинского отмечалось раньше в работах Э. Харрис (см., в частности, [20:

[1] Ср. обсуждение удинского материала (как правило, исключительно того, который приводится в книге Э. Харрис) в статьях [13; 24; 23; 30; 27], а также монографиях о клитиках и инфиксах [12: 161-165; 31: 208-212; 28: 208-212].

44]), а также свойственно ряду других языков ареала: так, в [11: 426] оно упоминается для армянского, цахурского, багвалинского и ицаринского языков.

(9б’) *vaˀn k:al-p-e **za=nan.**
вы звать-LV-PERF [я:DAT]=2PL
‘Вы позвали МЕНЯ.’

(9в’) *za k:al-p-e **vaˀn=nan.**
я:DAT звать-LV-PERF [вы]=2PL
‘Меня позвали ВЫ.’

Позиция же фокусируемой составляющей до глагола не имеет столь строгих ограничений. Чаще всего, как будет показано далее по корпусным данным, фокусируемая группа находится непосредственно перед глагольной вершиной. Эта закономерность была отмечена еще в книге [20], что позволило автору работы [14] отнести удинские личные показатели к выделяемому им особому типу «дитропных» (ditropic), т.е. «двусторонних», клитик. Под дитропными понимаются клитики, которые функционально относятся к одной составляющей («аттрактору»), а структурно — к другой, при этом их формальный «хозяин» не может быть однозначно задан в лексических или синтаксических терминах: «единственный способ описать поверхностное расположение клитики — это сказать, что она присоединяется к любому элементу, оказавшемуся перед ее аттрактором» [14: 18]. В случае удинского это означало бы, что клитики располагаются на самых разных типах составляющих, но всегда в непосредственной препозиции к финитному глаголу-«аттрактору». Это, однако, не вполне так: имеются примеры когда фокусируемая группа с личным показателем находится не непосредственно перед глаголом, в т.ч. достаточно далеко, ср. следующий пример из начала Евангелия от Луки:

(15) …gele-t:-in**=e** beš ara-n-e
[много-NO-ERG]=3SG мы:GEN промежуток-O-LOC
bak-i äš-urχo-χun cam-sun-a
быть-AOP дело-PL-ABL писать(+LV)-MSD-DAT
čališ-ak-e.
пытаться-LV-PERF
‘МНОГИЕ уже пытались написать о событиях, которые произошли у нас…’ (Лука 1:1)

4. Поведение клитик в разных типах клауз

Как уже говорилось выше, личное согласование в удинском обязательно в большинстве независимых клауз, а в большей части декларативных клауз

(того подмножества независимых клауз, в которых выражается суждение) личные клитики подвижны. Ситуация, однако, осложняется тем, что признаки «наличие личного согласования», «синтаксическая независимость клаузы», «подвижность личной клитики» являются, строго говоря, независимыми и распределение значений этих признаков скорее позволяет выделить несколько кластеров, или групп предикатов, члены которых проявляют сходное поведение.

Далее мы исключим из рассмотрения все типы «несогласуемых» зависимых клауз (возглавляемых деепричастиями, причастиями, инфинитивом, специализированными конвербами или отглагольными именами) и те независимые клаузы, в которых личное согласование также отсутствует — к последним относятся императив 2-го л. ед.ч. и гортатив, ср. (16а)-(16б).

(16а) uk-a!
есть-IMP
'Ешь!'

(16б) uk-en!
есть-HORT
'Давайте поедим!'

Что же касается клауз с согласованием, возможные в них варианты расположения личных показателей зависят от следующих основных параметров: а) допустимость личного показателя не на глаголе, т.е. собственно «подвижность» личной клитики, включая ее способность находиться только на первом компоненте глагольной формы (случай «эндоклизиса»[1]), и б) для клауз с подвижными показателями — предпочтительность их расположения на глаголе в позиции энклитики либо эндоклитики. Значения обоих признаков определяются конкретной видо-временной формой глагола и в целом не вполне предсказуемы.

Рассмотрим сначала две группы клауз, проявляющих резко различное поведение. В первую группу входят клаузы, возглавляемые некоторыми неиндикативными формами глагола, в которых личный показатель может располагаться только в самом конце. Фактически у таких форм имеется

[1] Заметим, что свойства эндоклитик в удинском языке проявляют также некоторые другие единицы — для ниджского диалекта это аддитивная частица *=al* и три показателя отрицания («декларативное» отрицание *te=* , «прохибитивное» отрицание *ma=* и «нефинитное»/«неиндикативное» отрицание *nu=*). Все они, однако, внедряются внутрь глагольной основы более свободно, и ограничения на возможность расположения клитики внутри глагола в зависимости от его видо-временной формы для них отсутствуют.

суффиксальная позиция для личного согласования, а механизм изменения коммуникативной структуры, отражаемый в изменении позиции личного показателя, к ним неприменим. К этой группе форм относятся императив 2-го л. мн.ч. (17), кондиционал со значением ‘если сделает’ (18), контрфактив со значением ‘если бы сделал’ (19) и конъюнктив, используемый в ирреальных зависимых при таких предикатах, как ‘хотеть’, ‘нужно’, ‘возможно’, ‘позволять’ и др., а также целевых зависимых (20)[1].

(17) č:oš čur-p-a=**nan**, k:al-k:-at:an
снаружи стоять-LV-IMP=2PL звать-LV-TEMP
e=nan=ʁ-o.
приходить=2PL=ST-POT
‘Постойте снаружи, войдете, когда позовут.’ (Из рассказа; Keçaari 2001)

(18) mand-aji=**n**, beši k:ož-a
оставаться-COND=2/3SG мы:GEN дом-DAT
car-k:-al=e.
разрушать-LV-FUT=3SG
{Жена, давай продадим эту сковородку.} ‘Если она останется, то разрушит нашу семью.’ (Из анекдота; Keçaari 2001)

(19) čur-p-iji=**n**=ij, avuz-in eχlät
стоять-LV-CTRF=2/3SG=PST больше-GEN беседа
gele bak-al=e=j.
много быть-FUT=3SG=PST
{Хорошо, что она быстро ушла.} ‘Если бы осталась, было бы много лишних разговоров.’ (Из рассказа; Keçaari 2001)

(20) te=ne ava-bak-i hik:ä b-a=**ne**.
NEG=3SG узнавать-LV-AOR что:NA делать-SUBJ=3SG
‘Он не знал, что делать.’ (Из рассказа; Keçaari 2001)

Противоположное положение на условной шкале «гибкости коммуникативной структуры» занимают клаузы, возглавляемые частотными индикативными формами презенса, аориста (перфективного прошедшего), будущего потенциального (совмещающего значения модального будущего и генерического настоящего), к которым примыкает

[1] Как видно по приводимым примерам, в кондиционале и контрфактиве (иногда также в конъюнктиве) используется редуцированный синкретичный показатель 2/3SG *=n*, что дополнительно указывает на «морфологизацию» личной клитики.

достаточно маргинальная форма перфекта II на *-ijo*. В таких клаузах личный показатель задействован в механизме выражения коммуникативной структуры, причем интересно, что дефолтным расположением личной клитики на глаголе является эндоклитическое, ср. аорист ***a=tːun=kː-i*** в (14) и будущее потенциальное ***e=nan=ʁ-o*** в (17) выше, а также презенс в (21). Каноническая, казалось бы, конечная позиция показателя согласования для таких форм неприемлема, ср. презенс ***u=ne=k-sa*** [есть=3SG=ST-PRS] ‘он(а) ест’, но ****uk-sa=ne*** [есть-PRS=3SG] или аорист ***uˤ=ne=ʁ-i*** [пить=3SG=ST-AOR] ‘он(а) выпил(а)’, но ****uˤʁ-i=ne*** [пить-AOR=3SG]. Конечное положение клитики возможно лишь в специальных контекстах, когда эндоклитическая позиция уже заполнена — например, аддитивным маркером, ср. ***u=al=k-sa=ne*** [есть=ADD=ST-PRS=3SG] ‘и ест тоже’.

(21) aris-en hävg-in-ä izi tːoˤʁoˤl
Арис-ERG хурджин-O-DAT сам:GEN возле
la=**ne=χ**-sa.
класть.сверху=3SG=ST-PRS
‘Арис кладет хурджин рядом с собой.’ (Из пьесы; Keçaari 2001)

К данной группе близка основная форма собственно перфекта на *-e*, однако у него дефолтным расположением личного показателя на глаголе является как раз энклитическое, а эндоклизис возможен, но очень редок (ниже об этом будет сказано подробнее), ср. примеры (9а)-(9г) выше.

Промежуточное положение занимают две формы из футуральной зоны, а именно общее будущее на *-al* и дебитив/проспектив на *-ala* (вероятно, до определенной степени связанные общностью происхождения). В клаузах с этими формами личный показатель по умолчанию занимает энклитическую позицию, а в роли «подвижного» средства выступает очень ограниченно. Так, внутри глагола и перед ним личная клитика может находиться лишь в комплексе с показателем отрицания, «перетягивающим» ее на себя, ср. стандартное ***uk-al=e*** [есть-FUT=3SG] ‘он(а) поест’ при невозможности ****u=ne=k-al*** [есть=3SG=ST-FUT], однако приемлемые при отрицании ***te=ne*** ***uk-al*** [NEG=3SG есть-FUT] и ***u=te=ne=k-al*** [есть=NEG=3SG=ST-FUT] ‘он(а) не поест’[1].

[1] Показатели отрицания не имеют аналогичного эффекта у форм первой группы (с «суффиксальным» согласованием), которые не являются декларативными и используют другие отрицательные морфемы (не ***te=***, а ***ma=*** и ***nu=***), не служащие «триггерами» для личных клитик.

Как можно заметить (ср. [Maisak 2014]), при привлечении дополнительных параметров различие в поведении удинских глагольных форм разных групп коррелирует со степенью их финитности — если рассматривать последнюю не как бинарное противопоставление, а как набор значений признаков, который может быть в большей или меньшей степени близок к «эталону» (из работ последних лет этот подход наиболее четко артикулирован в работе [Nikolaeva 2013], написанной с позиций Канонической Типологии).

5. Распределение позиций личных клитик по корпусным данным

Для выяснения различий в частотности потенциально допустимых позиций личных клитик был произведен подсчет по клаузам с подвижными личными показателями, т.е. имеющим глагольную вершину в форме аориста, презенса, потенциального будущего или перфекта. Материалом для обследования стал перевод Евангелия от Луки на ниджский диалект, осуществленный в 2000-е гг. и изданный в 2011 г. в Азербайджане. Рассмотрены были все утвердительные клаузы с четырьмя указанными формами; всего таких клауз оказалось около 1600. В это число входят и сочетания указанных форм с клитикой прошедшего времени, или «ретроспективного сдвига», *=j*, функция которой состоит в сдвиге временной референции (дальше) в план прошлого: презенс с данной клитикой имеет значение имперфекта, перфект с ней выступает как плюсквамперфект, а будущее — как ирреальная форма со значением ‘сделал бы’; с аористом клитика прошедшего времени не сочетается. Клитика располагается на глаголе, при наличии энклитического личного показателя — после него, ср. имперфект *uˁ=ne=ʁ-sa=j* [пить=3SG=ST-PRS=PST] ‘он(а) пил(а)’, перфект *uˁʁ-e=ne=j* [пить-PERF=3SG=PST] ‘он(а) уже выпил(а)’. На правила расположения личных показателей клитика прошедшего времени, насколько известно, не влияет.

Мы фиксировали следующие позиции личных клитик в клаузе, в порядке удаления от конца глагольной формы (V обозначет глагол, F — другую фокусируемую составляющую, PM — личный показатель):

- V=PM, личная клитика на конце глагольной форме (после видо-временного суффикса);
- V_1=PM=V_2, личная клитика на первой части глагола (случай эндоклизиса);
- F=PM V, личная клитика на фокусируемой составляющей непосредственно перед глаголом;
- F=PM X V, личная клитика на фокусируемой составляющей, отделенной от глагола другим материалом.

Общее распределение по четырем позициям, отдельно для каждой формы, приведено в Таблице 2 (легко видеть, что в рассмотренных клаузах преобладает форма аориста, на которую приходится более половины всех употреблений, что, впрочем, вполне ожидаемо для текста, значительную часть которого составляют нарративные фрагменты). В Таблице 3 суммированы значения для двух предглагольных позиций и двух позиций клитики на глагольной форме: она показывает, что значительной асимметрии по частотности между этими группами позиций нет, т.е. личные клитики в обследованном корпусе примерно в равной степени склонны появляться и на глаголе, и на предглагольной составляющей[1].

Таблица 2. Частотность позиций личных клитик для четырех форм.

	F=PM X V	**F=PM V**	**V_1=PM=V_2**	**V=PM**	**всего**
Аорист	28	371	251	253	903
Презенс (± PST)	9	201	198	47	455
Будущее пот. (± PST)	5	30	43	0	78
Перфект (± PST)	5	81	4	68	158
всего	**47**	**683**	**496**	**367**	1594
%	3%	43%	31%	23%	

Таблица 3. Позиции личных клитик до глагола vs. на глаголе.

	F=PM X V и F=PM V	**V_1=PM=V_2 и V=PM**
Аорист	399	504
Перфект (± PST)	86	72
Презенс (± PST)	210	245
Будущее пот. (± PST)	35	43
всего	**730**	**864**
в %	46%	54%

Двигаясь теперь от начала клаузы, заметим прежде всего, что позиция фокусной составляющей на расстоянии от глагола наиболее редка, хотя отмечается для разных типов составляющих и в разной степени удаленности от глагольной вершины (которая в большинстве случаев занимает конечное положение). Выше в примере (15) агентивная группа с личной клитикой находится в начале клаузы и отделена от глагола тяжелой пациентивной именной группой. В качестве примера меньшей дистанции

[1] Как показывают подсчеты, приведенные в [26: 425], в варташенском диалекте личные клитики используются для фокусирования неглагольных составляющих в меньшей степени (37,14%); при подсчете учитывались те же четыре видо-временные формы, число проанализированных клауз составляет 1201.

ср. фокусирование наречия образа действия (22) и локативной ИГ (23), которые располагаются перед именной составляющей описательных предикатов ‘ответ дать’ и ‘пуститься в путь’, а также фокусирование объектной ИГ внутри сентенциального дополнения ‘дать имя своего отца Захарии’ при глаголе ‘хотеть’ (24):

(22) ioan-en šo-tː-oʁ-o **me-tär=e** ʒoʁab
Иоанн-ERG DIST-NO-PL-DAT [PROX-ADV]=3SG ответ
tad-i (…)
давать-AOR
‘Иоанн им ответил так: (…).’ (Лука 3:11)

(23) oša šo-roχ **qːeräz** sa **ajiz-e=tːun**
потом DIST-PL [другой один село-LOC]=3PL
jaqː-a baftː-i.
дорога-DAT попадать-AOR
‘Тогда они отправились в другую деревню.’ (Лука 9:56)

(24) …šo-tː-o iz bava zäkärijä-j
DIST-NO-DAT [сам:GEN отец Захария-GEN
cːij-a=tːun tastːun čur-ec-i.
имя-DAT]=3PL давать+MSD хотеть-LV-AOR
‘…и хотели назвать его по имени отца Захарией (букв. дать имя его отца Захарии).’ (Лука 1:59)

К началу клаузы (не обязательно абсолютному) может тяготеть и вопросительное слово (25), хотя порядок с его непосредственным предшествованием глаголу также не менее редок, ср. (26).

(25) šo **he-tär=ä** david-i ʁar
DIST:NA [что-ADV]=3SG:Q Давид-GEN сын
bak-es bak-on?
быть-INF мочь-POT
‘Как же Он может быть сыном Давида?’ (Лука 20:44)

(26) zu mo-tː-o **he-tär=ez** ava-bak-on?
я PROX-NO-DAT [что-ADV]=1SG узнавать-LV-POT
‘А как я это узнаю?’ (Лука 1:18)

Расположение фокусируемой группы непосредственно перед глаголом наиболее частотно среди четырех вариантов (хотя общее соотношение именно таково за счет форм прошедшего времени, тогда как у презенса и потенциального будущего ситуация иная). В этой позиции представлены самые разные типы составляющих, чаще всего это прямой объект (27), но

также и другие типы аргументов и адъюнктов, включая субъект (28), локативные или инструментальные ИГ (29, 30), наречия (31) и пр.

(27) isus-en šo-tː-ов-о ǯовab=**e** tad-i (...)
Иисус-ERG DIST-NO-PL-DAT [ответ]=3SG давать-AOR
'Иисус им ответил: (...)' (Лука 2:49)

(28) göl-ä sa tufan=**e** eˤq-eˤc-i.
озеро-DAT [один ураган]=3SG подниматься-LV-AOR
'На озере поднялась буря.' (Лука 8:23)

(29) iz šagird-χo=val iz
сам:GEN ученик-PL=ADD [сам:GEN
bač:Ian-eχun=**tːun** tac-i.
спина-ABL]=3PL уходить-AOR
'За Ним пошли и Его ученики.' (Лука 22:39)

(30) iuda, hun insan-i вar-a sa
Иуда ты человек-GEN сын-DAT [один
muč-b-sun-en=**en** toj-stːa?
целовать-LV-MSD-ERG]=2SG продавать-LV+PRS
'Иуда, ты предаешь Сына человеческого поцелуем?' (Лука 22:48)

(31) isus-en me-tär=**e** p-i (...)
Иисус-ERG [PROX-ADV]=3SG говорить-AOR
'Иисус сказал так: (...).' (Лука 19:12)

Тем самым, хотя в строгом смысле к «дитропным» клитикам в указанном выше понимании удинские личные показатели отнести нельзя, тенденция к непосредственно предглагольному расположению фокусируемой группы налицо: если личная клитика находится на составляющей до глагола, в подавляющем большинстве случаев (683 из 730, т.е. почти 94%) она непосредственно предшествует глагольной форме.

Позиция внутри глагола имеет высокую частотность у всех форм (от около трети клауз у аориста до более чем половины у будущего потенциального), за исключением перфекта — эндоклизис личных показателей с этой формой крайне маргинален и отмечен всего в 4 клаузах (2,5% от общего числа клауз с перфектом), ср. одну из них:

(32) zu göj-e saal vi beˤšI
я небо-GEN также ты:GEN впереди
gunaχ=**ez**=b-e.
[грешить]=1SG=LV-PERF
'{Отец,} я согрешил перед небом и перед тобою.' (Лука 15:18)

Напротив, энклитическая позиция только у перфекта покрывает значительную долю употреблений (43% клауз). Тот факт, что для всех четырех форм вместе доля этой позиции достигает 23%, не должен смущать: дело в том, что и у аориста, и у презенса расположение личного показателя в качестве энклитики является «вынужденным» и отмечается только в тех случаях, когда глагольная основа не допускает эндоклизиса. Так, у аориста подавляющая часть случаев с энклитикой приходится на чрезвычайно частотную форму глагола *p-i* ‘сказал’ (92%) и на несколько глаголов движения с перфективным «аугментом» *-r* (о котором шла речь в разделе 3 выше). У презенса же все энклитические показателя согласования встретились в нерегулярной форме презенса *neχ* ‘говорит’ того же глагола речи (98%), а также в форме *b-sa* ‘делает’.

Сопоставим частотность позиции личного показателя в конце глагольной формы (напомним, что для клауз с «неподвижным» личным показателем эта позиция является единственной возможной, см. раздел 5 выше) со всеми прочими позициями. При этом не будем учитывать все те случаи, когда энклитическая позиция является «вынужденной», т.е. когда выбор — поместить личную клитику в конце или внутри глагола — отсутствует в силу фонетических и морфологических особенностей глагольных основ. Соответствующие цифры приведены в Таблице 4, где число «вынужденных» употреблений приведено в скобках.

Таблица 4. Энклитика на глаголе vs. прочие позиции.

	до глагола или эндоклитика	**энклитика**	**энклитика, %**	всего
Аорист	650	0 (253)	0 (28)%	903
Презенс (± PST)	408	0 (47)	0 (10)%	455
Будущее пот. (± PST)	78	0	0%	78
Перфект (± PST)	90	57 (68)	36 (43)%	158
всего	**1226**	**57 (368)**		1594

Оказывается, что в качестве «канонического» глагольного показателя, энклитизуемого ко всей глагольной форме, подвижная личная клитика встречается крайне редко. Всего таких «невынужденных» случаев заполнения конечной позиции порядка 4% (57 из 1283). Из числа форм, допускающих «подвижность» личного показателя, только у перфекта число «невынужденных» энклитик достаточно велико и составляет более трети употреблений: 57 из 57+90, т.е. около 39%. Прочие финитные формы либо допускают «подвижность» личной клитики очень ограниченно (как основное будущее время), либо не допускают вовсе (формы с

суффиксальным личным показателем типа кондиционала), либо не имеют личного показателя (две повелительные формы).

Нет никаких оснований полагать, что в ходе исторического развития согласования в удинском языке постглагольная позиция клитизуемого местоимения не была первичной[1]. Тем не менее, в современном языке господствующей является диахронически вторичная тенденция: в тех независимых клаузах с глагольным сказуемым, где допускается использование личных показателей для выражения коммуникативной структуры, эти показатели располагаются на составляющей до глагольной вершины, чаще всего — непосредственно предшествуют ей. Позиция внутри глагола является в этом смысле частным случаем предглагольной — здесь фокусируемой составляющей является, условно говоря, «лексический» компонент глагола (т.е. неспрягаемая часть сложного глагола либо незначимая первая часть простого), в роли же «собственно глагольной» вершины выступает локус видо-временного маркирования — «легкий глагол» LV или, соответственно, отделяемая часть простой основы ST.

Заключение

При обсуждении тех позиций, в которых могут или не могут появляться удинские личные показатели, бросается в глаза, что правила и ограничения на их расположение касаются самых разных компонентов языковой структуры. Во-первых, необходимо учитывать фонологическое и морфологическое строение глагольной основы — некоторые основы не могут быть «расщеплены» никакой клитикой, в т.ч. личной, соответственно, одна из потенциально возможных позиций для них запрещена. Во-вторых, нужно обладать данными о поведении конкретных видо-временных форм глагола — некоторые из них могут иметь только «суффиксальный» личный показатель, другие стремятся помещать клитику именно внутрь основы, тогда как третьи используют эндоклитическую позицию крайне редко, хотя она в принципе для них допустима. Наконец, надо принимать во внимание специфику выражения коммуникативной структуры высказывания в данном языке — в частности, тот факт, что фокус не может быть постглагольным, но, напротив, имеется тенденция к его непосредственному предшествованию глаголу, что, впрочем, не строго обязательно.

Наиболее же парадоксальным кажется вывод о том, что если исходно личные показатели возникли как энклитики на глаголе (а диахронически

[1] Так, в текстах кавказско-албанских палимпсестов использование личных показателей как эндоклитик вообще не зафиксировано [Gippert et al. 2008: II, 52].

это скорее всего так), в современном языке наиболее частотные декларативные клаузы показывают противоположное стремление — чаще всего личные клитики помещаются во все остальные позиции, кроме конца глагольной словоформы.

Сокращения

1SG, 1PL, 2SG, 2PL, 3SG, 3PL — показатели лично-числового согласования; 3 — третий класс (в цахурском); 3SG:Q — вопросительный показатель 3 л. ед.ч.; ABL — аблатив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиальный показатель; AOP — аористное причастие; AOR — аорист; AUX.PRES — вспомогательный глагол настоящего времени (в армянском); BEN — бенефактив; COND — кондиционал; COP — связка (в цахурском, агульском); CTRF — контрфактив; DAT — датив; DEF — определенный артикль (в армянском); DIST — дальний демонстратив; ERG — эргатив; FUT — будущее общее; GEN — генитив; HORT — гортатив; IMP — императив; INF — инфинитив; IPF — имперфективная основа (в агульском); IPFV — имперфектив (в армянском); LOC — локатив; LV — служебный глагол (в сложных глаголах); MSD — масдар; NA — показатель номинализации (абсолютив); NEG — отрицание; NO — показатель номинализации (косвенная основа); O — косвенная основа; PERF — перфект; PF — перфективная основа (в цахурском); PL — множественное число; POT — будущее потенциальное; PROX – ближний демонстратив; PRS — презенс; PST — клитика прошедшего времени; PT:PRS — презентное причастие (в агульском); ST — вторая часть простой глагольной основы (отделяемая эндоклитиками); SUBJ — конъюнктив; TEMP — темпоральный конверб; VOC — вокативная частица.

Библиографический список

1. Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985.
2. Богомолова Н. К. Личное согласование в табасаранском языке: концептуализатор и его адресат в структуре ситуации // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 101-124.
3. Ганенков Д. С. Морфологическая и семантическая характеристика падежей удинского языка // Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. Под ред. Алексеева М. Е., Майсака Т. А. и др. М.: Academia, 2008. С. 11-53.
4. Ганенков Д. С., Ландер Ю. А., Майсак Т. А. Удинский язык без эндоклитик. Доклад в Институте современных лингвистических исследований при Московском государственном гуманитарном университете им. М. А. Шолохова, 16.03.2012.
   URL: https://www.academia.edu/3007150/

5. Дабаков В. Нанай муз. Родной язык. Шахты, 2013.
6. Дирр А. Грамматика удинского языка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIII. Тифлис, 1904.
7. Кибрик А. Е., Селезнев М. Г. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М.: МГУ, 1982. С. 17-33.
8. Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.) Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.
9. Майсак Т. А. Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. Под ред. Алексеева М. Е., Майсака Т. А. и др. М.: Academia, 2008. С. 96-161.
10. Семёнова Кс. П. Механизмы фокусного маркирования в современном восточноармянском языке // Труды Института лингвистических исследований РАН — Acta Linguistica Petropolitana. 2014а. Т. 10, № 1. С. 838-853.
11. Семёнова Кс. П. Фокусное маркирование в современном восточноармянском языке «на дагестанском фоне» // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. Под ред. Даниэля М. А., Лютиковой Е. А., Плунгяна В. А. и др. СПб.: Алетейя, 2014б. С. 407-429.
12. Anderson S. Aspects of the theory of clitics. Oxford: Oxford University Press, 2005.
13. Crysmann B. On the placement and morphology of Udi subject agreement. Paper presented at the 7th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar, Berkeley, July 21–23, 2000. URL: http://www.coli.uni-saarland.de/~crysmann/papers/UdiAgr.html
14. Cysouw M. Morphology in the wrong place: A survey of preposed enclitics // Morphology and its demarcations. Ed. by Dressler W. U. Amsterdam: John Benjamins, 2005. P. 17-37.
15. Ganenkov D., Lander Yu., Maisak T. The ordering of 'endoclitics' and the structure of verbal roots in Nij Udi. Paper presented at 3rd Vienna Workshop on Affix Order: Advances in Affix Order Research. Vienna, January 15–16, 2011. URL: https://www.academia.edu/3007168/
16. Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. (eds.) The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. 2 vols. Turnhout: Brepols, 2008.
17. Harris A. C. Ergative-to-accusative shift in agreement: Tabasaran // Linguistic studies in the non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics (NSL 7). Ed. by Aronson H. I. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1994. P. 113-131.

18. Harris A. C. Focus in Udi // Linguistic studies in the non-Slavic languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics (NSL 8). Ed. by Aronson H. I. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1996. P. 201-220.
19. Harris A. C. Where in the word is the Udi clitic? // Language. 2000. 76. P. 593-616.
20. Harris A. C. Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford: Oxford University Press, 2002.
21. Kalinina E., Sumbatova N. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations. Ed. by Nikolaeva I. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 184-249.
22. Keçaari K. Orayin. Bakı, 2001.
23. Luís A. Patterns of clitic placement: Evidence from 'mixed' clitic systems // New challenges in typology: Transcending the borders and refining the distinctions. Ed. by Epps P., Arkhipov A. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 11-34.
24. Luís A., Spencer A. Udi clitics: A Generalized Paradigm Function Morphology approach // Essex Research Reports in Linguistics 48. Ed. by Otoguro R., Popova G., Spencer A. Colchester: University of Essex, 2005. P. 35-47.
25. Maisak T. Person agreement, information structure and reduced finiteness in Udi. Paper presented at the Syntax of the World's Languages VI, Pavia, September 8-10, 2014. URL: https://www.academia.edu/18376047/
26. Schulze W. Review article: Alice C. Harris, Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax // Studies in language. 2004. 28:2. P. 419-441.
27. Smith P. W. On the cross-linguistic rarity of endoclisis // The proceedings of the 39th meeting of the Berkeley Linguistics Society, to appear.
28. Spencer A., Luís A. R. Clitics: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
29. Stilo D. L. Two sets of mobile verbal person agreement markers in the Northern Talyshi language // Aspects of Iranian Linguistics. Ed by Karimi S., Stilo D., Samiian V. Newcastle: Cambridge Scholars, 2008. P. 363-390.
30. Wescoat M. Udi person markers and Lexical Integrity // The Proceedings of the LFG09 Conference. Ed by Butt M., King T. H. CSLI Publications, 2009. P. 604-622.
URL:http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/14/papers/lfg09wescoat.pdf
31. Yu A. C. L. A natural history of infixation.Oxford: Oxford University Press, 2007.

В.Р. Маркова

ИСЛИ МПГУ, Москва

ПРЕДИКАТИВЫ СОСТОЯНИЯ С ФИНАЛЬЮ -О В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Вопрос о статусе предикатов состояния или слов категории состояния (КС) на протяжении долгого времени вызывал дискуссию в русской лингвистике. Впервые гипотеза о том, что данные слова формируют в русском языке отдельную часть речи была высказана Л.В. Щербой [10]. Свое развитие она получила в дальнейшем в работах В.В. Виноградова и Ю.Д. Апресяна. В.В. Виноградов также полагал, что слова КС составляют особую часть речи, возникшую в процессе сращения именного слова со связкой «быть» в русском языке. При этом высказывалось предположение, что слова КС развивают новые оттенки значения по сравнению с коррелирующими наречиями. [3] Ю.Д. Апресян же, напротив, утверждал, что общность слов КС определяется поверхностно-синтаксическими свойствами (реализациями употреблений предикативных наречий), а семантические различия в употреблении слов КС и наречий находятся в пределах одной лексемы. [1]

Эта проблема остается актуальной для изучения и сейчас, особенно принимая во внимание тот факт, что в современном разговорном русском языке продолжается процесс появления и закрепления в речи новых слов категории состояния. Анализ новых данных может помочь приблизиться к более полному пониманию особенностей этого класса слов.

В рамках данного исследования выборка примеров использования в речи слов КС осуществлялась при помощи инструментов поиска в сети Интернет, которые позволяют, с одной стороны, использовать письменно задокументированные случаи речевого использования, а с другой — отражают наиболее актуальную ситуацию в современном языке благодаря возможности мгновенного обновления и пополнения данных.

Предикаты состояния понимаются нами как лексико-семантический разряд слов, способный формировать дативно-безличную конструкцию, в

[1] Работа подготовлена при поддержке гранта РНФ 14-18-02370 "Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира"

которой семантический субъект находит выражение в виде именной группы в дательном падеже, а предикат не согласуется с ним. [4] Общим семантическим свойством слов КС является обозначение физического или психического состояния одушевленного объекта, в котором он неизменно пребывает в течение некоторого промежутка времени, причем это состояние является каузально независимым [8]:

(1) Мне **жаль**, что так получилось.
(2) Нам было **приятно** получить подарок.

Основную часть слов КС составляют несогласуемые именные предикаты с финалью *-о*: *весело, нужно, тошно, стыдно, грустно.*

(3) Вам **нужно** больше дышать свежим воздухом.
(4) Мне было **страшно** идти туда одному.

Именно данной группе слов посвящена настоящая работа.

Предикативы на *-о* имеют именное происхождение и обычно рассматриваются как дериваты прилагательных. [3] Возможность или невозможность давать дериват в виде предиката состояния разделяет русские прилагательные на два класса:

а) амбивалентные, которые могут выражать как постоянный/переменный признак предмета либо лица, так и локализованное во времени свойство единичной ситуации: *одинокий человек — ему одиноко;*

б) актантно поляризованные, которые на регулярной основе не дают дериватов в виде предикативов. В эту группу входят относительные, притяжательные и значительная часть качественных прилагательных: *стеклянный, лаковый, лисий, классический, загадочный.* (В редких случаях прилагательные, которые по всем признакам относятся к актантно поляризованному классу, все-таки могут образовывать предикаты состояния, например: *жирный — ему жирно*, при этом их семантика значительно меняется. Более подробно такие примеры будут рассмотрены ниже.)

Также при деривации предикативов накладывается ограничение на прилагательные, обозначающие активные свойства субъекта: *бешеный, злой, буйный,* но: **мне бешено, *мне зло, *мне буйно.* [5]

Чаще всего семантика предиката состояния определяется коррелирующим прилагательным, от которого он был образован: *грустно — грустный, тоскливо — тоскливый, приятно — приятный*, но это не всегда так. Помимо тех редких примеров, когда коррелирующая форма прилагательного с течением времени вышла из употребления (*стыдный,

*тошный) [5], следует также упомянуть случаи, когда предикативное употребление позволяет слову приобрести новое семантическое значение:

(5) Этот чай **горький.**
(6) Мне **горько** это слышать.

Появление нового семантического значения наблюдается во многих словах КС, которые появились в русском языке недавно и являются разговорными или сленговыми. Среди них, к примеру, существует ряд слов, выражающих отношение безразличия к чему-то: параллельно (?перпендикулярно), фиолетово (?оранжево, ?сиренево). Примеры употребления, обнаруженные в сети Интернет, довольно многочисленны:

(7) Если раньше мне было **параллельно**, то теперь у меня убеждения и активная гражданская позиция.
(8) Жаловаться можешь хоть в Верховный суд Антарктиды, мне **параллельно, перпендикулярно** и **?диагонально.**
(9) Мне **фиолетово**, что думают другие обо мне.
(10) Мне не **сиренево**, что в итоге создастся.
(11) Сам скажи, мне вообще **оранжево**!

Вероятно, слова *перпендикулярно, сиренево, оранжево* стали использоваться говорящими по аналогии с *параллельно, фиолетово,* так как появление в современном русском языке двух последних слов было зафиксировано ранее и является более распространенным на данный момент.

Интересно, что модель управления для вышеперечисленных слов КС допускает два варианта:

(12а) Мне **фиолетово-сиренево,** что случилось с вашим мастером, он у вас один, что ли?
(12б) Обычно мне было **сиренево** на их проделки, но в этот раз стало невыносимо больно.
(13а) Если честно, Ваше мнение мне глубоко **перпендикулярно.**
(13б) Не навязывая никому свою точку зрения, смею заявить, что лично мне абсолютно **перпендикулярно** на эти сливы.
(14а) Если серьёзно, мне было **сиренево**, а теперь — фиолетово!
(14б) Некоторое время мне было **сиренево** на судьбу…

Несмотря на то, что модель управления «Х-у … на …» не является наследованной из коррелирующих словам КС прилагательных, а также не зафиксирована в словарях для синонимичных данной группе предикативов

безразлично, все равно, без разницы, такая модель достаточно часто выбирается носителями языка и, очевидно, не кажется им ошибочным употреблением. Возможно, это связано с тем, что данные слова появились в языке относительно недавно и пока проходят стадию становления. Также можно допустить, что разные варианты являются диалектными вариациями и их употребление зависит от региона, где проживает носитель языка. Однако, с точки зрения современного литературного языка, допустимыми можно считать употребления (12а), (13а) и (14б).

Появление нового семантического значения в словах КС не переносится на коррелирующие им полные прилагательные: слова *параллельный, фиолетовый, сиреневый* не приобретают оттенков значения «безразличный». Также не наблюдается использования в этом значений коррелирующих наречий; невозможны употребления **Он параллельно посмотрел на меня,* **Он фиолетово ответил.* При этом дериваты в виде кратких прилагательных приобретают это дополнительное значение безразличия субъекта к описываемой ситуации:

(15) И еще мне полностью **фиолетовы** логистические цепочки производителя.
(16) Но мне **параллельны** эти подробности.

В этом употреблении у них сохраняется валентность на дательный падеж лица, что делает такие краткие прилагательные ближе к словам КС, чем к коррелирующим полным прилагательным.

Все описанные выше слова КС относятся к дериватам актантно поляризованных прилагательных, причем в этих предикативах развились новые семантические значения, не мотивированные значениями коррелирующих полных прилагательных *(фиолетовый — мне фиолетово, параллельный — мне параллельно).* Образование такого рода предикативов является нерегулярным и не таким частым явлением в языке, как деривация с сохранением (частичным или практически полным) семантического значения прилагательного (*приятный — мне приятно, грустный — мне грустно).* Так как большая часть прилагательных, с помощью которых можно описать внутреннее психическое состояние, уже имеет дериват в виде слова КС (исключая, как уже говорилось, прилагательные, обозначающие активные свойства одушевленного субъекта), источником для новых слов КС могут быть новые разговорные и сленговые прилагательные, относящиеся к описанию внутреннего состояния, или такие прилагательные, которые изначально описывают не психическое состояние одушевленного субъекта, а какое-либо его свойство, но которым

также можно описать душевное состояние (возможно, с некоторым изменением значения, но обычно незначительным):

(17) А мне было **лениво** сейчас вдаваться в подробности.
(18) На самом деле все как обычно, ничего страшного не случилось, просто мне было **фигово**.
(19) Не знаю, как всем, но мне было **офигенно**.
(20) Блин, да я автостопом всю Европу объездил, пил французское вино и ел сыр, глядя на Монте-Карло, — мне было **шикарно**.
(21) ... но нас объединяло то, что мы были молоды, открыты — и в этой среде мне было **комфортно.**

Изменение значения может происходить разными способами: перенос может осуществляться с характеристики одушевленного субъекта на его внутреннее психическое состояние, например, *ленивый человек — мне лениво* или со свойства неодушевленного объекта: *шикарный подарок — мне шикарно.* Но и в том и в другом случае основное семантическое значение слова в предикативном употреблении принципиально не изменяется:

а) *ленивый* — не желающий работать, заниматься; выражающий лень, вялый, медлительный;

(мне) лениво — отсутствие желания работать, заниматься;

б) *фиговый (разг.)* — очень плохой;

(мне) фигово — (мне) очень плохо (может описывать как душевное, так и физическое состояние одушевленного субъекта);

в) *офигенный* — потрясающий, очень хороший;

(мне) офигенно — (мне) очень хорошо;

г) *шикарный* — дорогой, роскошный, пышный; имеющий эффектный, щегольской вид, обладающий шиком; прекрасный, превосходный (прост.);

(мне) шикарно — (мне) очень хорошо.

Несмотря на сохранение исходного семантического значения, образованные от полных прилагательных слова КС обретают новые свойства. Например, это касается их валентностей:

а) *Параллельный* — что является параллельным (носитель признака), по отношению к чему.

(Мне) параллельно — что параллельно, кому.

б) *Фиолетовый* — что является фиолетовым (носитель признака).

(Мне) фиолетово — что фиолетово, кому.

в) *Шикарный* — что является шикарным (носитель признака).

(Мне) шикарно — что шикарно, кому.

Сохраняется валентность на носителя признака и появляется валентность на именную группу в дательном падеже, обозначающую

субъекта, испытывающего данное психическое или физическое состояние. Для пар *перпендикулярный — (мне) перпендикулярно, сиреневый — (мне) сиренево, оранжевый — (мне) оранжево* ситуация является аналогичной а) и б).

Как уже было упомянуто выше, одним из признаков слов КС является валентность на дательный падеж лица. В рамках исследования, посвященного предикатам состояния, имеет смысл ограничиться рассмотрением того разряда слов КС, который допускает валентность на дательный падеж лица, так как нет достаточных оснований считать предикаты типа «*он вне себя*» предикатами состояния. Помимо именной группы в дательном падеже предикаты состояния могут присоединять сентенциальную составляющую — инфинитив (22) или придаточное с союзом «что» (23), несентенциальное дополнение (24) и слово «это» (25):

(22) Гулять под дождем — офигенно.
(23) Мне фиолетово, что ты делаешь сегодня вечером.
(24а) Мне было стыдно за их слова.
(24б) ?Мне параллельно на твое мнение.
(25) Это шикарно, что он смог прийти.

Однако не все слова КС могут иметь каждую из этих валентностей:

(26) *Это было комфортно, что я находился в дружеской среде.
(27) *Мне было параллельно идти туда.
(28) *Ему лениво на ранний подъем.

Представим валентности предикатов состояния в виде таблицы:

Таблица 1.

	ИГ в дат. п.	Инфинитив	Придаточное с союзом «что»	Слово «это»	Несентенциальное дополнение
параллельно	+	-	+	+	?
перпендикулярно	+	-	+	+	?
фиолетово	+	-	+	+	?
сиренево	+	-	+	+	?
оранжево	+	-	+	+	?
комфортно	+	+	?	-	-
лениво	+	+	-	-	-
офигенно	+	+	-	+	-
шикарно	+	+	-	+	-

Знаком ? отмечены спорные случаи, для которых можно найти многочисленные примеры употребления носителями языка, но остаются сомнения по поводу того, можно ли на данный момент считать их языковой нормой:

(29) ?Почему-то ей было комфортно, что сейчас муж не видит скрытых очками глаз.

(30) ?Мне на них сиренево.

Стоит также рассмотреть способность слов КС сочетаться с перечисленными выше элементами в различных комбинациях: 1) ИГ в дат. п.; 2) сентенциальная составляющая; 3) «это»; 4) ИГ в дат. п. + сентенциальная составляющая; 5) ИГ в дат. п. + «это»; 6) «это» + сентенциальная составляющая; 7) *ИГ в дат. п. + «это» + сентенциальная составляющая. При этом стоит отметить, что для слов КС, которые имеют валентность на все три указанных элемента, существует ограничение на одновременное их употребление в предложении, связанное с тем, что допускается комбинация двух кандидатов на роль слабого подлежащего, но не допускается комбинация трех таких кандидатов [5].

Таблица 2.

	ИГ в дат. п.	Сентенциальная составляющая	«Это»	ИГ в дат. п. + сентенциальная составляющая	ИГ в дат. п. + «это»	«Это» + сентенциальная составляющая	*ИГ в дат. п. + «это» + сентенциальная составляющая
параллельно	+	-	-	+	+	-	-
перпендикулярно	+	-	-	+	+	-	-
фиолетово	+	-	-	+	+	-	-
сиренево	+	-	-	+	+	-	-
оранжево	+	-	-	+	+	-	-
комфортно	+	+	+	+	+	+	-
лениво	+	-	-	+	+	-	-
офигенно	+	+	+	+	-	+	-
шикарно	+	+	+	+	-	+	-

Можно отметить, что для ряда слов *параллельно/перпендикулярно, фиолетово/сиренево/оранжево* наблюдается одинаковая ситуация. Эти слова объединяет и практически одинаковая семантика, и то, что они относятся к дериватам актантно поляризованных прилагательных и приобрели совершенно новые семантические значения в процессе деривации. Поэтому в данном случае трудно однозначно сказать, какой из этих двух факторов является определяющим.

Аналогичная картина наблюдается при сравнении валентностей слов *шикарно, офигенно:* они также имеют схожие семантические значения и оба образованы от коррелирующих полных прилагательных, обозначающих некое свойство или качество субъекта, которое можно использовать и для описания внутреннего состояния одушевленного субъекта.

Слова *лениво* и *комфортно* отличаются по набору валентностей от двух групп схожих слов, описанных выше, равно как и между собой. Они различны по своей семантике, а также они образованы от полных прилагательных разного типа: *ленивый* обозначает свойство одушевленного субъекта, *комфортный* может обозначать качество абстрактного понятия или предмета. Для того, чтобы ответить на вопрос, что именно определяет их различие, сравним их со словами КС, имеющими сходные семантические значения, и теми словами, которые образованы от сходных по своей актантной структуре коррелирующих прилагательных.

Сперва проведем сравнение семантически близких предикатов состояния. Для *лениво* это будут слова *лень, неохота, влом (разг.)*; для *комфортно — удобно.*

Таблица 3.

	ИГ в дат. п.	Сентенциальная составляющая	«Это»	ИГ в дат. п. + сентенциальная составляющая	ИГ в дат. п. + «это»	«Это» + сентенциальная составляющая	*ИГ в дат. п. + «это» + сентенциальная составляющая
лениво	+	-	-	+	+	-	-
лень	+	-	-	+	+	-	-
неохота	+	-	-	+	+	-	-
влом	+	-	-	+	+	-	-

Возможны предложения:

(31) Лень идти туда.
(32) Неохота вставать рано.

Их следует рассматривать как эллипсис конструкций *Мне (ему/ей/им) лень идти туда, Мне (ему/ей/им) неохота вставать рано*, так как они относятся к конкретной ситуации и не могут являться генерализацией, ср.:

(33) *Вставать рано — неохота.
(34) Вставать рано — неприятно.

Структура «Вставать рано – иксово» – это двусоставное предложение с подлежащим в виде инфинитивной группы, при этом инфинитивная группа топикализуется и выдвигается в позицию подлежащего (структурно и линейно).

Можно сделать следующее заключение: предикаты состояния, обладающие семантикой нежелания что-либо делать, в предложении всегда должны сочетаться с именной группой в дательном падеже, т.е. обязательно наличие субъекта, который испытывает это нежелание. Следует отметить, что в этой выборке (*лениво, лень, неохота, влом*) предикаты состояния не проявляют схожести в способе деривации (в отличие от ранее рассмотренных *параллельно/перпендикулярно, фиолетово/сиренево/оранжево*). Это является аргументом в пользу того, что наследование валентностей слов КС зависит в первую очередь от их семантики, а не от коррелирующего полного прилагательного.

Представляется затруднительным провести сравнение слов, которые были образованы аналогичным слову *лениво* способом: *ленивый (человек) — лениво.* Можно было бы привести пары г*лупый — глупо, грустный — грустно, веселый — весело* и т.д., но прилагательное *ленивый* может описывать только одушевленный субъект, в то время как слова *глупый, грустный, веселый* могут употребляться как для описания одушевленных субъектов, так и неодушевленных, поэтому сравнивать наследование валентностей в данном случае представляется нецелесообразным. Деривация предиката состояния *лениво* является нерегулярной в языке и многими носителями воспринимается как нарушение нормы.

Таблица 4.

	ИГ в дат. п.	Сентенциальная составляющая	«Это»	ИГ в дат. п. + сентенциальная составляющая	ИГ в дат. п. + «это»	«Это» + сентенциальная составляющая	*ИГ в дат. п. + «это» + сентенциальная составляющая
комфортно	+	+	+	+	+	+	-
удобно	+	+	+	+	+	+	-

При сравнении этих близких по семантике слов КС у них также обнаруживается одинаковый набор валентностей.

Теперь составим подобную таблицу для слов, семантические значения которых различны, но исходные коррелирующие полные прилагательные предполагают схожий набор валентностей. Возьмем, к примеру, прилагательные, дающие оценку какого-либо предмета или абстрактного понятия (предполагается наличие субъекта, который дает эту оценку):

Тревожный — что является тревожным, кого тревожит;

Затруднительный — что является затруднительным, для кого;

Уместный — что является уместным, для кого;

Занимательный — что является занимательным, для кого;

Удобный — что является удобным, для кого;

Комфортный — что является комфортным, для кого.

Таблица 5.

	ИГ в дат. п.	Сентенциальная составляющая	«Это»	ИГ в дат. п. + сентенциальная составляющая	ИГ в дат. п. + «это»	«Это» + сентенциальная составляющая	*ИГ в дат. п. + «это» + сентенциальная составляющая
тревожно	+	-	-/?	+	-	-	-
затруднительно	-	+	+	+	+	+	-
уместно	-	+	+	+	+	+	-
занимательно	-	+	+	+	+	+	-
удобно	+	+	+	+	+	+	-
комфортно	+	+	+	+	+	+	-

Таким образом, для некоторых предикатов состояния является обязательным присутствие в предложении именной группы, обозначающей носителя предикативного признака (35), но не обязательна сентенциальная составляющая (36). Для других, наоборот, возможно употребление без внешне выраженного субъекта-носителя предикативного признака (37), (38), но обязательной является сентенциальная составляющая (39).

(35) *Ходить в лес одному — тревожно.

(36) Мне тревожно
(37) Занимательно, что пчелы могут общаться посредством танцев.
(38) Решить эту задачу было затруднительно.
(39) *Ему уместно.

К первой группе можно отнести слово *тревожно*, ко второй — *затруднительно, уместно, занимательно*. Слова *удобно* и *комфортно* не имеют подобных ограничений:

(40а) Мне удобно.
(40б) Ходить в кроссовках — удобно.

Обратимся еще раз к коррелирующим полным прилагательным для данных предикативов и проверим, наследуются ли вышеупомянутые ограничения от этих форм.

Тревожный:

(41а) Сам факт, безусловно, чрезвычайно тревожный.
(41б) Мне кажется тревожным тот факт, что он так и не объявился.
(41в) *Мне кажется тревожным.

Затруднительный:

(42а) Ситуация была затруднительной.
(42б) Посещение всех тренировок было для меня затруднительным.
(42б) *Для меня было затруднительным.

То же самое наблюдаем для слов *уместный, занимательный, удобный, комфортный*. Сравним слова из таблицы 5 с точки зрения того, как их семантика определяет возможности присоединения различных элементов в предложении:

Тревожно — определяющим для описываемой ситуации является то, что некий субъект испытывает чувство тревоги; то, что именно вызывает тревогу, является второстепенным;

что является тревожным, кого тревожит;

Затруднительно — определяющим для описываемой ситуации является то, что некое обстоятельство является трудностью для субъекта; то, кто именно испытывает трудность, является второстепенным;

что является тревожным, кого тревожит;

Уместно — определяющим для описываемой ситуации является то, что некое обстоятельство является уместным с точки зрения субъекта; то, кто именно оценивает его уместность, является второстепенным;

Занимательно — определяющим для описываемой ситуации является то, что некое обстоятельство является занимательным с точки зрения субъекта; то, кто именно оценивает его занимательность, является второстепенным;

Удобно — ни один из двух компонентов не является определяющим;

Комфортно — ни один из двух компонентов не является определяющим.

Таким образом можно сделать вывод о том, что причины различия в наборе валентностей слов КС в русском языке следует искать в сфере их семантики. Несмотря на то, что в большинстве случаев семантическое значение предиката состояния практически совпадает с коррелирующим прилагательным и чаще всего образование нового значения не происходит, в семантической структуре слова происходят определенные преобразования, влияющие в первую очередь на валентность предикативов. С точки зрения грамматики в конструкциях с предикатами состояния наблюдается затруднение в выдвижении инфинитивной группы в позицию подлежащего, а обязательность дативного элемента наводит на мысль о том, что он сам обладает некоторыми признаками подлежащего.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Синтаксические признаки в модели языка. // Вопросы Кибернетики: прикладные аспекты лингвистической теории. М., 1987, 47-80.
2. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке. // Семантические типы предикатов. М., Наука, 1982, 7-85.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947.
4. Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания, 1955, No 2.
5. Циммерлинг А.В. Семантика русских предикативов с финалью -о // Formal Slavistik / Gerhild Zybatow (hrsg.), 1997.
6. Циммерлинг А. В. История одной полемики // Язык и речевая деятельность.,1998, No 1.
7. Циммерлинг А. В. Неканонические подлежащие в русском языке. От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко. М., 2012, - С. 568-590.
8. Циммерлинг А.В. Предикаты состояния и фактивность // Вопросы филологии, 2014.
9. Циммерлинг А.В. Внутри и снаружи. К типологии предикатов состояния, 2015. https://www.academia.edu/18138229/Внутри_и_снаружи_к_типологии_предикатов_состояния_Inwards_vs_outwards_approaching_a_typology_of_stative_predicates

10. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. // Языковая система и речевая деятельность. М.,- Л., 1974, 77-100.
11. Zimmerling A.V. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations. Computational linguistics and intellectual technologies, 2013, vol. 12 (19), p. 723-737.
12. Zimmerling A.V. Sententional Arguments and Event Structure // Dialogue 2014. Computational linguistics and intellectual technologies, Issue. 13 (20). P. 710-727.

А.С. Мартынова

НИУ ВШЭ, Москва

РЕФЛЕКСЫ ФОНЕМЫ h В ГОВОРАХ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ИДИША[1]

1. Введение

1.1. Вокализм в литературном идише

В литературном языке идиш треугольная система гласных, которая состоит из восьми фонем: монофтонги <a>,< e>, <i>, <o>, <u> и дифтонги <ey>, <ay>, <oy>. Согласно Н. Джейкобсу [1], вокализм литературного идиша в сравнении с вокализмом прото-идиша и диалектным вокализмом устроен несколько проще. В нём произошла утрата противопоставления долгих и кратких гласных в результате сокращения длительности долгих гласных (например: **zu:n* «сын» в прото-идише и *zun* в современном литературном идише) и дифтонгизации (например, **gros* «большой» в прото-идише и *groys* в современном литературном идише). Среди большого количества диалектов и субдиалектов фонетически литературный идиш ближе всего к северо-восточному («литовскому») диалекту.

1.2. Диалекты идиша

Фонологической основой для разделения диалектов идиша являются, прежде всего, систематические различия в вокалической системе. Несмотря на большое количество классификаций, многие придерживаются одного мнения относительно количества основных диалектов и их географического распространения. Однако существуют разногласия относительно того, какие гласные должны использоваться для классификации. Идиш традиционно делится на вымерший западный идиш, близкий к немецкому языку, и на восточный идиш, впитавший в себя больше славянских и балтийских черт. По изоглоссам, соответствующим реализации гласных [*ou] и [*ei] (*koyfn* ‘покупать’ и *fleysh* ‘мясо’ в литературном идише), восточный идиш разделяется на три группы диалектов: центральный («польский» *koyfn*, *flaysh*) идиш, северо-восточный («литовский» *keyfn*, *fleysh*) и, наконец, юго-восточный («украинский» *koyfn*, *fleysh*), который и будет в центре нашего исследования.

[1] Данное научное исследование (№ 14-05-0074) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015 году.

1.3. Юго-восточный идиш

Юго-восточный диалект традиционно описывается как диалект, потерявший оппозицию гласных по длительности. Однако рудимент долгих гласных наблюдается в разнице между гласными [ɨ] и [i]. Во всех диалектах идиша встречаются дифтонги, но не во всех диалектах есть огубленный глайд. В идише наблюдается зависимость между наличием оппозиции гласных по длительности и наличием огубленного глайда. Таким образом, дифтонги *ou* и\или *au* есть в западном идише и дифтонг *ou* в центральном идише, в то время как в современном юго-восточном идише нет дифтонгов с огубленным глайдом. Следует отметить некоторые особые исторические изменения в фонологической системе юго-восточного идиша. Так дифтонг **ou* в прото-идише выглядит как *oy* в современном диалекте, а огубленные гласные заднего ряда [*u:] и [*u] перешли в неогубленные гласные переднего и среднего ряда [i] и [ɨ]. Интересно, что фонема <u> в современном юго-восточном диалекте произошла из **au* и **o* в прото-идише.

1.4. Фонема h как изоглосса

Безусловно, любой диалект неоднороден, внутри него могут проходить изоглоссы, существуют так же переходные зоны. Одна из таких интересных изоглосс — это реализация звука [h], про который в общих чертах известно, что он существует в литературном идише и во всех диалетах, кроме юго-восточного. Однако сам юго-восточный диалект неоднороден. Согласно У. Вайнрайху [2], фонема <h> отсутствует почти во всех говорах восточного идиша, кроме Буковины, а П. Глассер [3] указывает на её наличие в другой переходной зоне — Черновцах.

2. Корпусное исследование

В данной работе исследуются рефлексы <h> между гласными в юго-восточном идише. Цель исследования — узнать, что происходит при «выпадении» звука [h] между гласными, в том числе между гласным и дифтонгом, и существуют ли какие-либо рефлексы этого звука. В этой работе не рассмотрены случаи, когда <h> стоит после согласного, например *oyshaltn*.

Для предварительного анализа данных был использован мультимедийный корпус расшифрованной диалектной речи, в котором, в частности, находятся интервью из Бессарабии и Черновцов. Для поиска в корпусе были отобраны слова, в которых в литературном идише звук [h] находится в интервокальной позиции, также были отобраны слова, в

которых звук [h] стоит в начале слова. Отобранные слова были обработаны при помощи программы для анализа речи Praat.

Проведённый анализ показал, что при «выпадении» звука [h], как правило, исчезает звук, находящийся перед ним, и остаётся правый контекст, то есть произносится то, что стоит после этого звука (например, *[gəholfn]* ‘помог’ в лит. идише > *[golfn]* в бессарабском диалекте юго-вост. идиша). Особенно это видно в словах, где звук [h] в литературном идише стоит между гласным и дифтонгом (*[ongehoybn]* ‘начал’ > *[ongoybn]*). Однако, встречаются такие слова, как *[got]* (станд. идиш *[gəhat]*), *[ain]* (станд. идиш *[ahin]*). Также между одинаковыми гласными при изолированном произнесении слова встречается гортанная смычка: *[gehert]* ‘слушать-PTCP’ в лит. идише > *[ge?ert]* в бессарабском диалекте юго-вост. идиша.

Как сказано выше, в Черновцах, несмотря на то, что они относятся к территории юго-восточных говоров, представлена фонема h. Однако корпусное исследование показало, что, несмотря на наличие h в начале слова, в интервокальной позиции эта фонема не имеет нулевую реализацию и в середине слова наблюдается то же, что и в бессарабском говоре: *[geheysn]* в лит. идише > *[geysn]*.

Несмотря на большой объём корпуса, в нём не представлено достаточное количество интересующих нас слов для составления хорошего статистического заключения, но это даёт нам возможность построить гипотезу о возможных рефлексах фонемы h в современном бессарабском говоре юго-восточного идиша.

3. Экспериментальное исследование

3.1. Анкета для полевой работы

На основе данных, проанализированных в ходе корпусного исследования, была составлена анкета. В неё входят слова со звуком [h] в литературном идише в начале слова, в интервокальной позиции и между гласным и дифтонгом. Следует отметить, что слова, в которых искомые рефлексы располагаются в середине слова, делятся на два типа: первый — где [h] находится в корне слова; во втором типе [h] находится на стыке морфем. Всего в анкету входит 80 слов. В данной работе рассматриваются как изолированные произнесения, так и то, как слова реализуются в контексте, для этого было записано трёхкратное произнесение каждого слова и предложение с этим словом.

По описанной выше анкете было опрошено 5 информантов во время летней экспедиции 2015 г. в Молдавии. Четверо из них говорят на бессарабском диалекте юго-восточного идиша. Пятый информант родом из Черновцов. Всем информантам от 66 до 80 лет.

В Молдавии сложная языковая ситуация. На идише не говорят, его по большей части помнят. Нигде не сохранились еврейские общины. Единственное место, где можно встретить звучащий язык — это Хесед, еврейская благотворительная организация, в которой оказывают помощь малоимущим, инвалидам и людям пожилого возраста. Некоторые носители идиша последний раз говорили 20 или более лет назад. Большинство же пользовалось языком только в детстве при общении с родителями. Естественно, что в таких условиях язык забывается.

3.2. Результаты

Из 80 слов, представленных в анкете, анализировалось только 30, так как остальные слова, представленные в анкете, информанты не знали. При этом среди них не встречаются слова, в которых фонема h в литературном идише располагается в корне слова. В приведённой ниже таблице перечислены исследуемые слова и их перевод.

Таблица 1. Перечень анализируемых слов на литературном идише с переводом на русский язык.

идиш	русский	идиш	русский
hak	топор	hin	курица
halb	половина	hundert	сотня
havken	лаять-INF	hunt	собака
hartst	сердце	bahalt	прятаться-INF
held	герой	aher	сюда
helfn	помогать-INF	aheym	домой
hern	слышать-INF	ahin	туда
(on)heybn	начинать-INF	ahinter	сзади
heym	дом	gehat	иметь-PTCP
himl	небо	tsehavken	лаять-INF
hob	иметь-1Sg	gehert	слушать-PTCP
hot	иметь-3Sg	geholfn	помочь-PTCP

honik	мёд	gehofn	надеялся-PTCP
hoykh	высокий	ongehoybn	начать-PTCP
hun	петух	vuhin	куда

В результате анализа данных оказалось, что во всех словах, начинающихся в литературном идише с фонемы h, в бессарабском говоре при выпадении звука ничего не изменяется.

Таблица 2. Реализация слов в бессарабском говоре, в которых выпал звук [h].

русский	бессарабский говор	русский	бессарабский говор
топор	ak	небо	iml
половина	olb	иметь 1Sg	ob
лаять	avkn	иметь 3Sg	ot
сердце	arts	мёд	onik
герой	eld	высокий	oykh
помогать INF	elf	петух	un
слышать INF	er	*курица*	*yin*
начинать INF	eyb	сотня	indert
дом	eym	собака	int

В представленной выше таблице наблюдается стандартный для юго-восточного диалекта переход фонемы <u> в <i> в словах *сотня*, *курица* и *собака*. Однако в некоторых словах перед гласным звуком [i] появляется рефлекс фонемы <h>, который фонетически выражается, как звук [y].

Таблица 3. Реализация слов в бессарабском говоре, в которых h в литературном идише находится в середине слова, по трём типам: 1 — рефлекс в виде звука [y] на месте [h], 2 — два гласных остаются, 3 — происходит стяжение гласных.

1		2		3	
туда	ayin	слушал	geert	помог	golfn
сюда	ayir	залаял	tseafkn	начал	ongoybn
		имел	geot	куда	vin
		надеялся	geoft		
		домой	aeym		

Из приведённых выше данных в таблице можно заключить, что при выпадении h в интервокальной позиции перед гласным [i] появляется рефлекс фонемы <h>, который выражается звуком [y], как было описано выше. Так же в некоторых случаях ничего не меняется два гласных просто следуют друг за другом. Однако встречаются случаи стяжения этих гласных, как в столбце 3 Табл. 3.

4. Заключение

В данном исследовании мы сравнили рефлексы фонемы <h> в двух говорах юго-восточного диалекта — в бессарабском говоре и говоре Черновцов, который максимально близок к нему фонетически и в котором h является фонемой.

Оказалось, что выпадение [h] в начале слова не влечёт за собой никаких эффектов, однако в середине слова гласные остаются без изменения и следуют друг за другом или происходит стяжение этих гласных. Стоит отметить, что точно такие же явления наблюдаются в говоре Черновцов, где h считается фонемой.

В дальнейших исследованиях по этой теме было бы интересно изучение случаев зияния, а также изучение материала других диалектов.

Библиографический список

1. Jacobs N. G. Yiddish: A linguistic introduction. – Cambridge University Press, 2005.
2. Weinreich U. Four riddles in bilingual dialectology. – Mouton & Company, 1963.

3. Glasser P. Regional Variation in Southeastern Yiddish Historical Inferences // EYDES (Evidence of Yiddish Documented in European Societies): The Language and Culture Atlas of Ashkenazic Jewry. – 2008. – Т. 5. – С. 71-82.

А.А. Полий

РГГУ, Москва

ВАРИАТИВНОСТЬ ТОПОНИМА *БЕЛАРУСЬ/БЕЛОРУССИЯ* И РЕФЛЕКСИЯ ГОВОРЯЩИХ ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕЙ

1. Введение. История конфликта

В современном мире встречаются ситуации, когда вариант топонима, используемый в некотором языковом сообществе, не соответствует официально принятому топониму (ср., например, для русскоязычного сообщества Молдова vs. Молдавия, Кыргызстан vs. Киргизия и т.п., см. подробнее [4:11-13]). В каких-то случаях варианты топонимов сосуществуют относительно мирно, в каких-то подобная вариативность может приводить к языковым конфликтам.

Основное внимание в исследовании направлено на рефлексию носителей русского, в том числе и жителей Белоруссии, по отношению к вариативности *Белоруссия/Беларусь*. В качестве источника сведений о рефлексии используются комментарии к статьям в электронных СМИ, сообщения на форумах и в социальных сетях и данные, полученные методом устных опросов и анкетирования в интернете. Особый интерес представляют эмоционально-окрашенные споры в комментариях и на форумах, связанные с употреблением того или иного варианта топонима.

Стоит отметить, что сама проблема упоминается у многих авторов. Так, где-то проблема топонимики упоминается в контексте непростой языковой ситуации в Белоруссии, связанной с тем, что подавляющее количество людей говорят на русском (например, см. [2] и [6]) или же в контексте трудностей, связанных с получением Белоруссией независимости (см.[3]).

Я постараюсь описать статистику употребления вариантов топонимов *Белоруссия/Беларусь/прочие* носителями русского языка, отразить основные точки зрения касательно употребления тех или иных вариантов, в том числе и жителями Республики Беларусь, эксплицировать причины предпочтения одного топонима другому, а также проследить влияние различных социолингвистических параметров на выбор топонима в повседневной речи и отношение к тому или иному его варианту.

В данном исследовании для наименования страны я буду использовать вариант *Белоруссия*, а для этнонима и прилагательного — единственно допустимые нормой *белорус* и *белорусский*.

Перед тем, как приступить к анализу сегодняшней ситуации с рефлексией по отношению к вариативности топонима, нужно обозначить причины, по которым появилась двойственность нормы. История вопроса уже рассматривалась в СМИ (см. [5]).

Причиной появления проблемы двойственности стал принятый 19 сентября 1991 года закон «О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР»[1]. В нем интересны следующие два пункта:

1. Белорусскую Советскую Социалистическую Республику впредь называть "Республика Беларусь", а в сокращенных и составных названиях — "Беларусь". Установить, что эти названия транслитерируются на другие языки в соответствии с белорусским звучанием.
2. В Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики, Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР и другие законодательные акты внести соответствующие изменения.

Спустя три года, 15 марта 1994, была принята конституция Республики Беларусь, в которой новое название стало обязательным для использования во всех документах. Несколько позже, 27 декабря 1995 года, новое наименование страны было закреплено в Общероссийском классификаторе стран мира.[2]

Однако, несмотря на это, закрепления варианта *Беларусь* в российских документах за этим не последовало: в СМИ (как в печатных, так и электронных) всё так же использовали и используют вариант *Белоруссия*, хотя и наблюдается повышение частоты употребления вариантов *Беларусь* и *Республика Беларусь*. При этом в 2009 году (и ранее) Республика Беларусь обращалась[3] к России, чтобы российская сторона все же ввела обязательность употребления именно варианта *Беларусь*, а вариант *Белоруссия* признала не соответствующим литературной норме. Эту просьбу неофициально прокомментировал В. А. Пыхов, учёный секретарь ИРЯ РАН[4]:

[1] http://laws.newsby.org/documents/laws/law1297.htm
[2] http://classifikators.ru/oksm
[3] http://afn.by/news/i/128019
[4] http://www.vesti.ru/doc.html?id=328191

«Средства массовой информации все-таки сохранили прежние названия, удержали языковую норму, и в результате сложилась ситуация, когда в быту и в прессе удерживались нормативные написание и произношение, хотя в международных, официальных документах одно время и употреблялось название "Беларусь", которое потом, правда, было вытеснено нормативным написанием, — подчеркнул ученый секретарь академического института. — Нынешнее предложение о замене "Белоруссии" на "Беларусь" — политическое, и вряд ли стоит делать это нормативом. Политика не должна превалировать над языком. Что тут обсуждать? Хорошо еще, что Болгария не потребовала "правописать" ее так, как положено по их правилам: България...»

Чуть позже, 24 ноября 2011 года на Объединенной коллегии министерств юстиции Российской Федерации и Республики Беларусь, была высказана рекомендация российским СМИ использовать только вариант *Беларусь*[1].

В ответ на эту рекомендацию секретарь Союза журналистов России М. А. Федотов дал следующий комментарий[2]:

«Рекомендовать может кто угодно, кому угодно и что угодно, но произносить названия государств нужно так, как следует из русского языка. И если филологи скажут, что нужно говорить Беларусь — хорошо, значит, Беларусь».

В свою очередь, с белорусской стороны за использование этого варианта высказывались не только государственные органы, но и представители ученого сообщества. Так, например, З. В. Шибеко, доктор исторических наук, высказался в поддержку варианта *Беларусь* следующим образом[3]:

«Если руководствоваться логикой, что "Белоруссия" — традиционное для русского языка название, почему же тогда не называть Латвию Ливонией, а Литву — Лифляндией? Это абсурд. Есть официальное название страны — Республика Беларусь (Беларусь), закрепленное международным правом. И точка.

Хотя я придерживаюсь народной мудрости: назови хоть горшком, только в печку не ставь. Со стороны пусть называют как хотят, а у нас есть официальное название, которое повсеместно и употребляется. Впрочем, чем выше будет авторитет Беларуси на международной арене, тем с большим уважением будут относиться к нам и к названию нашей страны».

---

[1] http://afn.by/news/i/128019

[2] http://www.interfax.by/news/belarus/1064007

[3] http://news.tut.by/society/84891.html

В таком же ключе высказываются и другие белорусисты, например, Адам Мальдис, почетный председатель Международной ассоциации белорусистов:

> «Если слово "Белоруссия" имеет свою традицию (например, газета "Советская Белоруссия"), это одно. Но когда речь идет о названии страны, закрепленном в Конституции и международных документах, тут однозначно — Беларусь. Заключение топонимической комиссии ООН только подтверждает это.
>
> На мой взгляд, правильным было бы писать "беларус", а не "белорус", и "беларуский" вместо "белорусский". Думаю, со временем мы к этому придем».

Несколько позднее, в феврале 2011 года, было опубликовано письмо с официальной позицией Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН касательно употребления топонима[1]:

> «Оба наименования — Белоруссия и Беларусь — имеют право на существование и употребление в современном русском литературном языке. Однако эти наименования имеют разный функциональный статус:
>
> Беларусь, наряду с наименованием государства Республика Беларусь, — официальное название государства, зафиксированное в дипломатических документах на русском языке. Следовательно, во всех официальных ситуациях и официальных текстах можно рекомендовать употреблять наименование Беларусь (или Республика Беларусь). Это касается таких функциональных сфер использования русского языка, как законотворчество, … публичные выступления в парламенте и других официальных учреждениях, наука, образование, средства массовой информации и др. Белоруссия — неофициальное наименование. Оно употребляется преимущественно в бытовой сфере общения…»

Подобная двойственность нормы в одном из государственных языков Белоруссии болезненна для многих белорусов. Помимо регулярных споров, которые возникают в комментариях к статьям в электронных СМИ, иногда возникают судебные иски и ноты протеста, связанные с употреблением «неправильного» варианта. Так, например, на сайте посольства Белоруссии в России приведена следующая позиция (орфография и пунктуация оригинала сохранены)[2]:

> «Официальное название нашего государства под которым она зарегистрирована в каталоге ООН это "Республика Беларусь". Краткое

[1] http://bygirl.net/wp-content/uploads/2012/03/belarusvsbelorussia.jpg

[2] http://embassybel.ru/one-window/frequent-questions/group1/

название — "Беларусь". Какие либо другие аббревиатуры (к примеру «РБ») недопустимы. В общероссийском классификаторе стран мира наша страна записана как "Республика Беларусь" или сокращенно "Беларусь"».

Из всего вышесказанного можно заключить, что тема выбора между разными вариантами топонима в различных источниках актуальна, что также подтверждается и достаточно активными дискуссиями, которые происходят в разделе для комментариев к различным статьям, где так или иначе используется этот топоним.

2. Рефлексия и статистика употребления

2.1. Анализ интернет-опроса

2.1.1. Методика работы с интернет-опросом

Основным материалом данной части исследования является выборка, сделанная по результатам эксперимента, проведенного с помощью системы Google Docs, которая позволяет организовывать опросы в интернете и собирает полученные ответы в автоматическом режиме. В данном эксперименте респондентам предлагалось угадать названия десяти стран, а также язык и название национальности по флагу, названию столицы и численности населения. Опрос проводился на русском языке. Полученная выборка была разделена на белорусов и на всех остальных.

Из исходной совокупности данных были убраны неправильные с точки зрения орфографии (то есть не зафиксированные в словарях и справочниках) варианты, в частности, *Беларуссия* и *Белорусь*. Согласно первоначальной гипотезе, мог происходить не одномоментный выбор между двумя разными вариантами написания топонима (*Белоруссия* и *Беларусь*), а двухэтапный выбор, сначала между двумя вариантами соединительной гласной («а» или «о»), а после — между двумя вариантами исхода («ссия» или «сь»). В ходе анализа полученных данных эта гипотеза была признана ошибочной, так как вариант *Беларуссия* написали 1,3% опрошенных, а вариант *Белорусь* — 5,5% опрошенных, что является крайне малой величиной, и потому приравнивается к ошибкам, связанным с незнанием нормы. Такие ошибочные варианты, а также неправильные варианты ответа, вроде «Португалия» или «Украина», были удалены из конечного материала, над которым велась работа. В исходных данных также присутствовали двойные варианты, вроде *Белоруссия/Беларусь,* которые также были удалены, так как их ввели 1,5% респондентов. При этом очевидные ошибки при наборе текста, вроде *Беелоруссия*, вошли в конечную выборку, если исходя из характера опечатки можно было точно утверждать, какой выбор был сделан респондентом. Помимо этого, варианты сочетания

со словом *Республика* были включены в общую выборку, так как такие сочетания составляют 3,1% от общей совокупности, потому учитывать их как отдельный вариант не имеет смысла. Такой же анализ был проведен над совокупностью с языками и этнонимами.

В итоге работа велась с таблицей, в которой отображались уровень образования, возраст, пол, варианты топонима, варианты этнонима и варианты названия языка. Обработка данных производилась с помощью программы Excel из программного пакета Microsoft Office, а вычисление необходимых статистических коэффициентов — с помощью программного пакета для статистического анализа R. Для конечной обработки данных были сделаны сводные таблицы[1].

Основным методом выявления зависимости выбора топонима/этнонима/языка от социологических параметров (возраст, уровень образования) был выбран критерий χ^2 Пирсона [1]. Критерий χ^2 позволяет вычислить вероятность того, что распределение двух переменных — в данном случае выбор между двумя вариантами топонима/этнонима/языка и возрастом/уровнем образования/полом — независимо. В качестве порога значимости для полученной вероятности было выбрано значение в 5% как общепринятое для подобных исследований. Таким образом, чем ниже значение вероятности, тем скорее можно говорить о закономерности распределения. При работе с данным критерием было важно иметь ожидаемые частоты для каждого возможного варианта распределения (например, *Студент/(выбор) Беларусь*) выше 5, в связи с чем был совершен переход к возрастным категориям следующего вида: 13-18 лет, 19-23 года, 24-30 лет и 32-51 год. Вместо высчитывания выбросов (т.е. значений, которые значительно выбиваются из общей выборки), к которым тут относятся респонденты с возрастом 13 лет, было решено включить их в общий диапазон для более полного анализа.

Помимо этого, из общей выборки были вынесены в отдельную жители Республики Беларусь для отдельного анализа выбора. Для работы с данной выборкой был применен точный тест Фишера, так как привести данные к нужным частотам без грубых объединений уровня образования и возраста нельзя. Точный тест Фишера, по сути, так же показывает случайность или неслучайность распределения, однако данный тест лучше себя показывает с маленькими выборками, чем критерий Пирсона.

[1] Таблицы представлены в Приложении 1.

2.1.2. Результаты обработки интернет-опроса

После работы с конечной выборкой были выявлены три важные закономерности:

1) выбор топонима зависит в первую очередь от уровня образования;
2) выбор этнонима и языка-прилагательного зависит от совпадения с литературной нормой русского языка, хотя и встречаются незначительные отклонения;
3) связь между выбором топонима и выбором этнонима/языка-прилагательного отсутствует.

Ниже представлена таблица со значениями вероятности по критерию:

Зависимость X от Y	**Вероятность**
возраст, страна	0,376357
возраст, язык	0,720732
возраст, национальность	0,221284
страна, язык	<0,0001
страна, национальность	<0.0001
язык, национальность	<0,0001
образование, страна	0,050195
образование, язык	0,005236
образование, национальность	0,002934

Рассмотрим полученные выводы. При объяснении первого вывода важно упомянуть, что в распределении респондентов в таблице «Уровень Образования*Выбор Топонима» есть так называемая точка перелома. Согласно результатам опроса, распределение вариантов *Белоруссия/Беларусь* между респондентами, еще обучающимися в школах или средних специальных учебных заведениях, примерно одинаково, но уже среди студентов и закончивших университет наблюдается сильный перевес варианта *Белоруссия*, хотя по первоначальной гипотезе ожидалось, что с повышением уровня образования будет повышаться число респондентов, выбравших вариант *Беларусь*. Можно предложить два возможных объяснения этому явлению:

1) После поступления в вуз человек может активнее следить за новостями в электронных СМИ, где вариант *Белоруссия* встречается чаще, чем вариант *Беларусь*;

2) Наблюдение, а иногда и участие в спорах в комментариях к статьям в электронных СМИ, вызванных «неправильным» выбором варианта топонима. В подобных спорах вариант *Белоруссия* защищают как принятую литературную норму русского языка (см. раздел II).

Тут стоит оговориться, что в случае с зависимостью этнонима или прилагательного от уровня образования, вероятность по критерию ниже, чем в случае с зависимостью топонима, что могло бы привести к ложному выводу о том, что этноним и прилагательное зависят от уровня образования. Но тут важно принимать во внимание тот факт, что в этом случае скорее нужно говорить о том, что респонденты в большинстве своем знают закрепленную норму русского языка.

Интересно также то, что, несмотря на видимые отличия в распределении между разными уровнями образования, в случае с зависимостью топонима/этнонима/прилагательного от возраста заметен обычный перевес варианта *Белоруссия* / *белорус* / *белорусский*. Однако, по критерию χ^2 такое распределение можно считать случайным при выбранном пороге значимости.

Другим важным выводом из анализа полученной выборки является тот факт, что между выбором топонима и выбором этнонима/языка-прилагательного нет связи. Если не говорить о международных языках, на которых говорят в большом количестве стран и которые при этом являются государственными во многих странах, то в основном считается, что язык-прилагательное и этноним образуются тем или иным способом напрямую от топонима. Так, например, образуются *грузинский* и *грузины* от топонима *Грузия* или *эстонский* и *эстонцы* от топонима *Эстония*. В случае с топонимом *Белоруссия* или *Беларусь* ожидаемо было увидеть соответствующие им *белорусский* или *беларусский* и *белорусы* или *беларусы*, но результаты опроса показали, что респонденты, как уже было сказано выше, склоняются к «нормированному» выбору.

В случае с выборкой по Республике Беларусь можно сказать, что все респонденты выбрали вариант Беларусь, но анализ выбора прилагательного-языка показал ту же зависимость, что была выявлена для остальной выборки, в том числе и перевешивание варианта *белорусский*. Про этноним можно сказать только то, что варианты *белорус* и *беларус* распределены примерно одинаково, но зависимости от возраста или уровня образования не наблюдается. О возможных причинах такого см. раздел 2.3.

2.2. Исследование рефлексии

2.2.1. Методика сбора информации о рефлексии, связанной с вариативностью *Белоруссия/Беларусь*

Для сбора информации о рефлексии как жителей Республики Беларусь, так и жителей России использовались три метода: устный опрос, проведённый в Республике Беларусь, анализ комментариев к различным электронным СМИ и в социальных сетях и письменный опрос, проведенный с помощью системы Google Docs. Данные устного опроса в целом подтвердили результаты письменного, поэтому для настоящей работы показалось достаточным ограничиться пилотным устным опросом, в котором приняли участие 10 человек.

Очевидно, что результаты опроса со столь малой выборкой нужно трактовать очень осторожно, но при этом он ценен определенной степенью неожиданности для респондентов (опрос проводился в Национальной библиотеке Беларуси и содержал также несколько дополнительных вопросов, отвлекающих внимание респондентов от основной темы). Подробный разбор результатов опроса в данной работе приводиться не будет, но даже из него можно сделать вывод о том, что старшее поколение (примерно от 50 лет) индифферентно по отношению к тому факту, что в русском языке России используются два топонима для обозначения их страны. При этом респонденты в возрасте от 16 до 45 лет высказывались негативно по отношению к варианту *Белоруссия*. Тут же стоит отметить, что эта же категория респондентов так же негативно высказывалась об этнониме *белорус* и языке-прилагательном *белорусский*, отдавая предпочтение вариантам *беларус* и *беларус(с)кий*.

В качестве основных источников данных о рефлексии были использованы комментарии со следующих ресурсов: социальная сеть «ВКонтакте», белорусский новостной портал TUT.by, российские интернет-издания gazeta.ru и lenta.ru и русский сегмент «Живого журнала» (livejournal.ru).

Для сбора информации в сети «ВКонтакте» была использована программа, собирающая информацию о пользователях, оставивших комментарии к конкретной публикации (год рождения, страна, город и образование), если сам комментатор открыл доступ к этой информации в настройках профиля. Помимо этого, программа в конечную базу данных включает сам комментарий и, если это ответ на другое сообщение, также и его идентификатор. В связи с тем, что многие пользователи социальной сети либо не заполняют информацию, либо предпочитают ее скрывать, относить комментирующих к тем или иным социальным группам не представляется

возможным, но по тексту комментария можно делать вывод об аргументации. В конечном итоге, через программу были получены около 150 комментариев из различных источников в самой социальной сети.

В случае с ресурсом lenta.ru невозможно представить ссылки на комментарии, так как ресурс закрывает доступ к ним спустя сутки после публикации. Про ситуацию на ресурсе можно, впрочем, сказать, что виды аргументации относительно «ошибочного» выбора топонима там подпадают под общую модель, о которой будет сказано ниже.

2.2.2. Результаты анализа споров в электронных СМИ и социальных сетях

Несмотря на то, что сам вопрос выбора топонима вызывает достаточно оживленные дискуссии, нельзя сказать, что способов аргументации бесконечное множество. Если свести всё до двух больших групп аргументов с каждой стороны, то можно утверждать, что с белорусской стороны в основном встречаются аргументы, касающиеся отделения от СССР и написания названия в Конституции, а с российской — аргументы о норме русского языка. На каждой группе, а также на причинах зарождения дискуссий, стоит остановиться подробнее.

Начать следует с того, что почти во всех рассмотренных дискуссиях спор начинали жители Белоруссии из-за того, что в комментируемой статье был использован неправильный с их точки зрения вариант *Белоруссия*. Как правило, подобные споры начинаются с обычного указания на ошибку, в ответ на которое кто-либо из носителей российского варианта РЯ приводит один из следующих доводов в пользу этого варианта:

1) В письме ИРЯ РАН, обсуждавшемся выше, разрешено использование обоих вариантов топонима в неофициальной обстановке, да и само по себе оно носит рекомендательный характер (следует отметить, что данное письмо достаточно хорошо известно участникам подобных споров: ссылка на него нередко фигурирует в такого рода дискуссиях).
2) Вариант *Беларусь* считается непонятным и «нерусским», в отличие от варианта *Белоруссия*. В основном такой довод еще подкрепляется тем, что в русском языке не существует соединительной гласной *а* между корнями сложного слова.
3) Доводы, связанные с тем, что многие страны после распада СССР начали менять названия, но при этом в традиции российского РЯ остались закреплены старые наименования (например, аналогичным образом используется название *Молдавия*, хотя официально страна называется *Молдова*).
4) Шуточные ответы вроде «Беларусь — это трактор» и им подобных.

С белорусской стороны, в свою очередь, приводятся следующие группы доводов:

1) Доводы, связанные с тем, что Белоруссия после распада СССР сменила наименование на *Беларусь*, в связи с чем вариант *Белоруссия* нужно считать устаревшим (обозначающим БССР) и не соответствующим времени как и, например, использование топонима *Персия* вместо *Иран.*
2) Доводы, связанные с тем, что *Беларусь* является нормальным для русского языка вариантом хотя бы потому, что русскоговорящее население Белоруссии использует именно этот вариант. При этом, так как русский язык является одним из двух государственным в Белоруссии, с точки зрения людей, высказывающих такие доводы, этим легитимизируется право Белоруссии влиять на нормы русского языка.
3) Доводы, связанные с принятием Конституции Республики Беларусь и утверждением в ней варианта *Беларусь*. При подобной аргументации чаще всего ссылаются на саму Конституцию, на закон от 19.09.1991, который приведен в первой главе данной работы, на Общероссийский классификатор стран мира и на текст в национальных паспортах. Особый упор делается на то, что тексты в Конституции и паспортах приведены на русском языке, и, соответственно, согласно этим документам, белорусы являются гражданами именно Беларуси, но не Белоруссии.

Помимо этого, с обеих сторон встречаются комментарии, в которых неправильные, по мнению комментирующих, варианты исправляются на правильные, но подобные случае в данной работе не рассматриваются, так как подобная аргументация в принципе характерна для многих споров в интернете.

Особый интерес в контексте рефлексии, связанной с вариативностью *Беларусь/Белоруссия*, вызывают две ситуации, возникшие, судя по всему, в связи друг с другом: судебный иск гражданина Белоруссии Кирилла Лапинского, связанный с тем, что некоторые крупные СМИ используют неправильный, с его точки зрения, вариант *Белоруссия*, и последовавшая за окончательным отклонением этого иска публикация Артемия Лебедева в «Живом Журнале». В связи с тем, что, согласно моей гипотезе, между иском Лапинского и публикацией Лебедева есть определенная связь, разбор ситуации начнется именно с иска.

22.08.2014 гражданин Белоруссии Кирилл Лапинский подал иск на ООО «Лента.ру», ОАО «РБК» и МИА «Россия сегодня» в Симоновский районный суд г. Москвы с требованием удалить с подконтрольных данным изданиям

сайтов все вхождения варианта *Белоруссия* и выплатить ему компенсацию в размере 14974 рублей за каждое вхождение варианта *Белоруссия* с момента открытия до 22.08.2014[1]. В этом иске используется не только «белорусский» аргумент из тех, что приведены раньше, но и один «российский»:

1) Во-первых, истец ссылается на решение объединенной коллегии министерств юстиции Российской Федерации и Республики Беларусь от 2009 года, в котором был утвержден вариант *Беларусь* как официальный.
2) Во-вторых, истец ссылается на письмо ИРЯ РАН, в котором утверждается, что вариант *Беларусь* является официальным, а СМИ, согласно закону «О средствах массовой информации», должны использовать именно данный вариант.

Если первый аргумент не представляет трудностей, то со вторым интересно то, что наблюдается определенное опущение информации. В частности, как уже было сказано выше, официальное письмо ИРЯ РАН за авторством Л.П. Крысина носило рекомендательный характер и не обязывало никого к использованию того или иного варианта, чем фактически признавало наличие двойственности нормы почти для всех ситуаций, кроме, возможно, государственных документов и дипломатических писем.

29 августа 2014 года Симоновский суд вернул исковое[2] письмо на доработку, так как в нем не был указан состав преступления, и дал время на доработку до 25 сентября. В повторном иске впервые[3] появляется аргументация, связанная с тем, что *Белоруссия* — название БССР, но никак не современного независимого государства:

> «В результате изучения новостей, изложенных на вышеуказанных сайтах, меня крайне возмущает то, что Ответчики в своих новостных материалах употребляют в отношении Государства, именуемого Республикой Беларусь, либо сокращенно — Беларусь, слово «Белоруссия», относящееся к несуществующему государству; к государству, существовавшему в период СССР — Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ), Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) и т. п., а также сообщают сведения о моей стране в негативной окраске, что задевает чувство национальной гордости за свою суверенную Страну, и, как

[1] http://people.onliner.by/2014/12/30/belorus-podal-v-moskovskij-sud/
[2] http://people.onliner.by/2014/12/30/belorus-podal-v-moskovskij-sud-2/
[3] http://people.onliner.by/2014/12/30/belorus-podal-v-moskovskij-sud-3/

следствие, задевают мои честь и достоинство как гражданина признанного во всем мире Государства — Республики Беларусь».

Здесь же, что характерно, впервые появляется любопытный аргумент о том, что само использование варианта *Белоруссия* заранее подразумевает негативную оценку событий, описываемых в новостной статье или другом источнике.

После первого заседания суда по этому иску, которое состоялось 20 ноября 2014 года, вынесение вердикта было вновь отложено в связи с тем, что на само заседания пришел только один ответчик. После этого Кирилл Лапинский опубликовал открытое письмо, в котором призывал журналистов использовать вариант *Беларусь*. В письме приводится уже языковой аргумент для такого выбора[1]:

«…И не смотрите, как называют Беларусь где-то там, в других государствах, на других языках. У России и Беларуси одинаковый государственный язык (один из государственных языков) — русский. Официальное название соседнего союзного, братского государства всем известно в России — это „Беларусь“. Полагаю, это объективная информация».

16 декабря 2014 года после повторного рассмотрения иска дело было окончательно отклонено в связи с тем, что не было обнаружено состава преступления. Так, в частности, суд не смог обнаружить, каким образом использование варианта *Белоруссия* или же публикация негативных новостей о Белоруссии оскорбляют конкретно Кирилла Лапинского.[2] В ответ на данное решение он опубликовал следующий комментарий:

«Можно долго и упорно рассуждать, что правильнее: Белоруссия и белорусский или Беларусь и беларуский. Важнее помнить, что правовые нормы являются лишь закреплением отношений, сложившихся в обществе. В России мы для большинства — Белоруссия. Это многих, в том числе меня, задевает.

Предлагаю с 1 января 2015 года просто принять реальность, что в России мы и Беларусь, и Белоруссия одновременно. И, воспользовавшись правом председательствующей страны в ЕАЭС, закрепить это наименование в рамках ЕАЭС. В связи с последними событиями, как ни назовите, только относитесь как к суверенному государству!

С наступающим Новым, 2015-м, годом всех: беларусов и белорусов, жителей Беларуси и Белоруссии!»

[1] http://people.onliner.by/2014/12/30/belorus-podal-v-moskovskij-sud-4

[2] http://people.onliner.by/2014/12/30/belorus-podal-v-moskovskij-sud-5

Несмотря на определенное противоречие между мыслями, изложенными в этом тексте («Вариант *Белоруссия* оскорбляет белорусов» и предложением утвердить оба варианта законодательно), можно говорить о том, что сама проблема является актуальной для жителей Белоруссии до сих пор и при этом имеет не столько лингвистические корни, сколько политические.

Однако нельзя говорить, что данная вариативность совсем не волнует граждан России, хотя по комментариям в социальной сети «ВКонтакте» или к публикациям в электронных СМИ кажется именно так. Так, 19.01.2015 г. на странице известного блогера Артемия Лебедева «Живом журнале» была опубликована заметка следующего содержания[1]:

«По-русски правильно говорить и писать Белоруссия.

По-белорусски правильно говорить и писать Беларусь.

Русский язык — не белорусский. В русском языке есть проверочные слова (стекло — стеклянный), в белорусском языке нет проверочных слов, все слова — исключения (малако — малочны).

По-белорусски правильно писать милицыя, аптэка, дваццать и Масква. Белорусский — прекрасный и мелодичный язык. Правда, иногда можно е*****ся *[упасть]* со стула от смеха, когда читаешь какую-нибудь надпись. Но это отдельный язык.

По-русски нельзя писать Беларусь, потому что это не по-русски. Еще по-русски нельзя писать Еуропа, паликлиника и малакультурны.

Только Белоруссия.

И только на Украину.

И только Киргизия.

И только Талинн.

И только Алма-Ата.

И только Бомбей.

А кто не согласен — только н****[к чёрту]».

Даже если не рассматривать на данном этапе комментарии к записи, хотя их и больше 1000, можно говорить о том, что здесь основная аргументация основана именно на норме российского варианта русского литературного языка. Тут же, кстати, рассматриваются и другие спорные моменты, такие как *в/на Украину*, *Алма-Ата/Алматы* и им подобные. Отсюда, в принципе, можно сделать вывод об определенном чувстве «собственничества» россиян по отношению к русскому языку. Возможно, в данном случае, скорее, можно говорить о реакции не столько на проблему топонимики, сколько на изменения в языке в целом. Так, например, в 2009 году в СМИ было

[1] https://tema.livejournal.com/1876732.html

опубликовано огромное количество новостных заметок, в том или ином виде сообщающих, в литературном русском языке станет возможно употреблять слово *кофе* в среднем роде.[1] Несмотря на то, что чуть позже на сайте «Грамота.ру» было опубликовано опровержение этого заблуждения[2], подобные новостные заметки породили длительную дискуссию, связанную с неприятием процессов нормирования в языке в целом.

2.2.3. Анализ интернет-опроса, направленного на выявление рефлексии

В рамках исследования был также проведен интернет-опрос на базе системы Google Docs, который позволил выявить более четкие закономерности в отношении белорусов к варианту *Белоруссия.*

В опросе приняло участие более 70 жителей Белоруссии от 18 до 75 лет. Им предлагалось ответить на вопросы об отношении к варианту названия *Белоруссия* и попытаться эксплицировать свои эмоции, вспомнить возраст, когда они начали рефлексировать по поводу наличия двух вариантов, уточнялось, станут ли они исправлять собеседника, употребляющего неправильный с их точки зрения вариант (и каким образом), а также спрашивалось мнение по поводу того, как должен писаться этноним (*белорус* vs. *беларус*).

К сожалению, в опросе ожидаемо приняло участие мало людей старшего возраста (лишь семеро оказались старше 40 лет), но в совокупности с результатами устного опроса можно говорить о том, что респонденты подобного возраста склонны к тому, чтобы к «неправильному» варианту относиться нейтрально. Также было обнаружено, что негативное или нейтральное отношение к варианту *Белоруссия* не зависит от уровня образования.

Ещё одним результатом опроса является то, что в случае с негативным отношением можно выделить еще и четвертый тип аргументов за выбор *Беларусь*, связанный с тем, что вариант *Белоруссия* кажется слишком русским, делает из независимой страны «северо-западную губернию». Что характерно, в случае с дискуссиями в интернете такой аргументации не наблюдается. С другой стороны, такие респонденты признали, что в случае необходимости реакции на «неправильный» вариант они скорее будут ссылаться на конституцию республики Беларусь или же на факт отделения от СССР и закон о переименовании.

[1] http://www.kp.ru/daily/24352/539860/

[2] http://www.gramota.ru/lenta/news/8_2442

Во-вторых, стоит отметить определенного рода различие во мнениях касательно выбора между этнонимами *беларус* и *белорус*. Некоторые респонденты указывают на то, что вариант *белорус* закреплен в словарях и поэтому они его используют, даже если он им кажется неправильным с той точки зрения, что дериват должен сохранять орфографию производящей основы. При этом стоит также отметить, что в вопросе выбора этнонима большая часть респондентов не так категорична, как в случае выбора между вариантами топонима. Некоторые отдают предпочтение одному варианту этнонима, но при этом признают, что в СМИ могут использовать другой, и не придают этому значения. Но тут же важно отметить, что, как и в интернет-опросе из раздела 1, распределение респондентов между двумя вариантами этнонима примерно одинаково, и таким образом можно говорить о зарождении новой региональной нормы, пока что не отражённой в словарях и даже не описанной в академических работах.

Из вышесказанного можно заключить, что на данный момент для белорусов (особенно белорусов младше 40 лет) вопрос топонима является крайне актуальным и даже злободневным, но при этом вопрос о написании этнонима оказывается менее критичным и значимым, хотя уже достаточное количество носителей предпочитает вариант, не соответствующий литературной норме.

3. Заключение

Подводя итоги, нужно обратить внимание на следующие выводы, полученные из исследования.

Можно говорить о том, что для граждан России выбор топонима зависит в первую очередь от уровня образования. Причем здесь стоит отметить, что, вопреки изначальной гипотезе, с ростом уровня образования выбор варианта *Белоруссия* становится более распространенным. Такому можно дать несколько предполагаемых объяснений. Так, респонденты, учащиеся в вузах, могут активнее читать публикации в СМИ, в которых чаще используется вариант *Белоруссия*, как показало исследование по газетному корпусу.

Для белорусов вопрос о выборе топонима не стоит — используется вариант *Беларусь*. Однако, в отличие от россиян, для белорусов актуален вопрос о написании этнонима — *беларус* или *белорус*, и в этом случае уже нельзя говорить о единстве мнений. Как показал письменный опрос, большинство респондентов спокойно относятся и к варианту *белорус*, и к варианту *беларус*, несмотря на то, что бóльшая часть опрошенных достаточно негативно отзывается о варианте топонима *Белоруссия*. Однако признание и использование значительной частью носителей (если экстраполировать данные выборки на всю совокупность)

некодифицированного варианта этнонима позволяет говорить об элементе формирования новой региональной нормы.

Анализ устного и письменного опросов также показал, что многие респонденты считают вариант *Белоруссия* оскорбительным по нескольким причинам. Так, некоторые считают, что подобный «русский» вариант фактически не признает независимости страны и является проявлением определенной степени неуважения со стороны россиян. Другие же считают, что подобный вариант является устаревшим, так как Белоруссией страна называлась во времена СССР, таким образом, подобный вариант опять же приводит к мысли о неуважении.

Также при анализе рефлексии в комментариях были выявлены основные группы аргументов для каждой из сторон, встречающихся в спорах о варианте топонима. Характерно, что если со стороны белорусов в защиту варианта *Беларусь* можно наблюдать скорее политические аргументы, связанные с получением страной независимости и принятием конституции, то со стороны россиян скорее наблюдаются языковые аргументы. К языковым аргументам можно относить, в основном, ссылку на позицию ИРЯ РАН либо же утверждение о том, что в русском языке нет соединительной гласной «а». Отсюда, как уже сказано выше, можно говорить о чувстве «собственничества» россиян по отношению к русскому языку, которое проявляется не только в спорах о топонимике, а сам спор о топониме по сути является столкновением двух абсолютно разных точек зрения.

Все исходные данные доступны по этой ссылке: https://goo.gl/p6vzd8

Библиографический список

1. Baayen, R. H. (2008). *Analyzing Linguistic Data: A Practical Introduction to Statistics using R*. Cambridge University Press.
2. Fishman, J. (2011). *Handbook of Language and Ethnic Identity: The Success-Failure Continuum in Language and Ethnic Identity Efforts* (T. I). Oxford University Press.
3. Smith, J. (2013). *Red Nations.* Cambridge University Press.
4. Кронгауз, М. А. (2013). Кто отвечает за русский язык. *Русский язык зарубежья*, 4-14.
5. Заварин С. Lonely republic: Беларусь — территория легенд. // Профиль №2 / 2015. С. 20-25.
6. Русакович, А. В. (2014). Эволюция транскрипции названия «Беларусь» в германской научной литературе в 1990—2000-е гг. *материалы XIII Международной конференции, посвященной 93-летию образования Белорусского государственного университета* (стр. 411). Минск: БГУ.

Е.Л. Рудницкая

ИВ РАН, Москва

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПОПЫТКА ФОРМАЛЬНОГО АНАЛИЗА В РАМКАХ ГЕНЕРАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ[1]

1. Проблема аналитического отрицания и порядок слов

В эвенкийском языке есть только глагольное аналитическое отрицание (см. работу И.В. Недялкова [21]), и нет частного отрицания[2]. Это конструкция из отрицательного глагола *ə-* 'NEG' в финитной (***ə-ŋkī-n*** в (1а)) или (дее)причастной (1б) форме и следующего за ним отрицательного причастия на *-rV*: V [PTCP.NEG], ***hula-rə*** в (1а), ***baka-ra*** в (1б).

(1)[3] а. bəjiŋō-wə=dā **ə-ŋkī-n**
дикий.олень/зверь-ACC=FOC **NEG-PST.ITER-3SG**
hula-rə minŋi akī-m tarə
упустить-PTCP.NEG 1SG.POSS старший.брат-POSS.1SG тот
«Диких оленей **не упускал** мой старший брат»

б. **…ə-dō-tin** **baka-ra** tar
NEG-CVB.PURP-3PL **найти-PTCP.NEG** тот
[Мама, спрячь подарок получше,] «чтобы те [братья] не нашли»

[1] Работа выполнена в рамках гранта РФФИ «Корпусные исследования синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)» № 14-06-00449, рук. О.А. Казакевич. Мы благодарим участников семинара в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН (май 2015 г.) и участников конференции ТМП-2015 (16-18 октября 2015 г.), доклады на которых легли в основу данной статьи, за полезные комментарии.

[2] Для экзистенциального отрицания используется именная конструкция: *N* [PRTV] *ačin* «нет чего-л.».

[3] Примеры на эвенкийском языке взяты из корпуса отглоссированных текстов (устных рассказов) на сайте «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»; URL: http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ [7].

Аналитическое отрицание характерно для части алтайских языков и для многих уральских языков [26: 60-61 и далее].

В корейском есть аналитическая (2а) отрицательная конструкция и также конструкция с отрицательной глагольной проклитикой (2б).

(2) а. Mia-nun pap-ul **mek-ci** **anh-ass-ta** [корейский]
Миа-TOP рис-ACC **есть-CVB** **NEG-PST-DECL**
б. Mia-nun pap-ul **an** **mek-ess-ta** [корейский]
Миа-TOP рис-ACC **NEG** **есть-PST-DECL**
«Миа не поела»

Как видно из сравнения (1) и (2а), аналитические конструкции в эвенкийском и корейском языке устроены аналогично: смысловой глагол стоит в нефинитной форме, а отрицательный глагол финитный. В корейском языке, в котором последовательно соблюдается левостороннее ветвление (SOV), отрицательный глагол (вершина конструкции) следует за смысловым: **[PTCP — NEG]**. В эвенкийском языке представлен обратный порядок: **[NEG — PTCP].**

В большинстве уральских языков встречаются «промежуточные» между (2а) и (2б) конструкции — аналитические конструкции, в которых часть словоизменительных глагольных аффиксов присоединяется к отрицательной связке, а часть — к смысловому глаголу. Так, в финском языке [15; 16; 24; 25; 26] глагольное согласование выражается на связке, а время — на смысловом глаголе. В (3а) показан пример из нганасанского языка (уральские языки), в котором отрицательная конструкция устроена так же, как в эвенкийском языке. В (3б) показан пример из финского языка: отрицательный глагол присоединяет показатели личного согласования, а смысловой — показатели времени.

(3) а. siti ŋəmsu-.ə-mə **ńi-siə** **tə.u-ʔ** [нганасанский]
он(а) мясо-DST-ACC.1SG **NEG-PST.3SG** **давать-CVB**
«Он(а) не дал(а) мне мясо» [26: 103]
б. Liisa ei ostanut kirjaa [финский]
Liisa.NOM NEG.3SG buy.PST book.PRTV
«Liisa did not buy a/the book» [24: 213]

С одной стороны, принято считать, что в алтайских и уральских языках базовый порядок слов, как в корейском, OV (вершина стоит после зависимого). С другой, во многих языках Европы и Сибири наблюдаются отклонения от такого членения: возможен или даже преобладает порядок VO, и в зависимости от фокусирования или актуального членения предложения порядок слов в предложении может меняться: SOV, SVO, OSV,

VSO и т.д. Эти языки часто называются «языками SVO/SOV» [23; 25; 15; 19]. Хотя многие исследователи, в рамках теории R. Kayne [18], используют дерево с правосторонним ветвлением для анализа предложения в таких языках[1], нам подобный подход кажется недостаточно обоснованным, по крайней мере для эвенкийского языка. Так, в эвенкийском есть послелоги, но нет предлогов, что характеризует его как язык с левосторонним ветвлением.

Если рассматривать развитие эвенкийского языка, исходя из немногочисленных текстов в нашем распоряжении, до 1950-1960-х гг. левостороннее ветвление в целом соблюдалось довольно строго, а в 1980-1990-х гг. уже присутствовали достаточно многочисленные отклонения в пользу правостороннего ветвления, чтобы усомниться в левостороннем характере ветвления. Это касается не только конструкций «аргумент-глагол» **[S/NP$_{ARG}$ — V]**, но и аналитических конструкций «смысловой глагол-вспомогательный глагол» **[V$_{MAIN}$ — V$_{Aux}$]**. В таблице представлено приблизительное распределение порядка главного и зависимого слова в этих двух типах конструкций в разных источниках.

Таблица 1.

Авторы	Источник	Место вершины внутри глагольной группы	Место вершины в глагольной аналитической конструкции
Г.М. Василевич [2; 3]	устные рассказы и предания, экспедиции 1935-1950-х гг.	**[S/NP$_{ARG}$ – V]**	**[V$_{MAIN}$ – V$_{Aux}$]**
Е.П. Лебедева [6]	устные рассказы и предания, экспедиции 1950-х гг.	**[DO–V]**, но **[V–IO], [V–NP$_{ADV}$]**	недостаточно материала (**[V$_{MAIN}$ – V$_{Aux}$]** // **[V$_{Aux}$ – V$_{MAIN}$])**
О.А. Константинова, В.Д. Колесникова [5; 4]	примеры из письменных текстов и из опросов в экспедициях 1950-х гг.	**[NP$_{ARG}$ – V], [S$_{ARG}$ – V]** // **[V – S$_{ARG}$]**	**[V$_{MAIN}$ – V$_{Aux}$]** // **[V$_{Aux}$ – V$_{MAIN}$]**

[1] Это в некоторых случаях касается и корейского языка, ср. работу [20]. В работе [15: 137] (A. Holmberg) излагаются дополнительные передвижения, используемые для того, чтобы получить порядок OV из порядка VO на основе концепции [18]. Даже в этом случае подобный формализм представляется контринтуитивным: он предлагает унификацию языков с разным базовым порядком слов и, таким образом, не учитывает этот важный типологический параметр.

L. Grenoble, I.V. Nedjalkov [13; 22]	примеры из опросов в экспедициях 1990-х гг.	[**NP$_{ARG}$ – V**] // [**V –NP$_{ARG}$**], [**S$_{ARG}$ – V**] // [**V – S$_{ARG}$**]	[**V$_{MAIN}$ – V$_{Aux}$**] // [**V$_{Aux}$ – V$_{MAIN}$**]

В устных рассказах начала 2000-х гг., из которых взяты наши примеры, наблюдается и левостороннее, и правостороннее ветвление. При этом в нарративе, при перечислении и вообще в тех отрезках предложения, в которых нет четкого деления на тему и рему, используется порядок OV, а не VO (примеры (4) и (5б)).

(4) …**adili-l-wa** adili-s'i-wkī **[OV]**
сеть-PL-ACC сеть-VBZ.OBJ-PTCP.HAB
d'ukā-wə dugi-fkī
лед_речной-ACC долбить_лед-PTCP.HAB
[Об отце рассказчицы Ёлдогир Валентины] «…Сети проверяет. Лед долбит…»

(5) а. tar **irgi-so** **nəkni-l-bi** **[VO]**
тот воспитать-PTCP.ANT сиблинг-PL-ACC.REFL
[новая тема в рассказе] «Она (старуха) воспитала своих младших братьев…»

б. hawal-na **nəkni-l-bi** **[OV]**
работать-CVB.SIM сиблинг-PL-ACC.REFL
irgi-rə-n ənīn-mi bu-s'olō-n
воспитать-NFUT-3SG мать-REFL умереть-CVB.ANT-3SG
[продолжение той же темы далее в том же тексте] «Работая, воспитала своих младших братьев после того, как их мать умерла»

В глагольных аналитических конструкциях и в именном сказуемом в нейтральном случае используется порядок **[V$_{MAIN}$ — V$_{Aux}$]** и **[NP$_{PRED}$ — V$_{Aux}$]**, то есть левостороннее членение:

(6) **birigad'ir** **ō-kəl**
бригадир стать-IMP.2SG **[NP — V]**
«Будь бригадиром!»

(7) oron **ə-fkī** buslə-rə **bi-ŋkī-n**
олень **NEG**-PTCP.HAB болеть-PTCP.NEG **быть-PST.ITER-3SG**
«Олени не болели»
[V$_{MAIN}$=NEG [PTCP.HAB] — V$_{Aux}$]; **[NEG — PTCP.NEG]**

Вспомогательный глагол ***bi-*** ‘быть’ (V$_{Aux}$) преимущественно стоит после главного, как показано в (7): позиция ***ə-fkī*** **‘**NEG**’** перед его зависимым PTCP.NEG противопоставлена позиции ***bi-ŋkī-n*** ‘V$_{Aux}$’ после его зависимого

NEG [PTCP.HAB] преобладающей в рассказах. Важно заметить, что позиция отрицательного глагола NEG перед PTCP.NEG — единственно возможная во всех известных эвенкийских рассказах, текстах и примерах в грамматиках, и по Таблице 1, и в рассказах начала 2000-х гг. Такой порядок слов в отрицательной конструкции грамматикализован и представляет исключение по сравнению с другими вспомогательными глаголами *bi-* 'быть' и *ō-* 'стать' (примеры (6)-(7))[1]. Таким образом, порядок слов в отрицательной конструкции не является характерным для эвенкийского языка и не может считаться аргументом в пользу использования правостороннего ветвления в синтаксическом дереве.

В работе B. Wagner-Nagy [26: 43-50] предполагается, что порядок слов в отрицательной конструкции *э-* 'NEG' — PTCP.NEG связан с влиянием на порядок слов коммуникативной структуры предложения, однако B. Wagner-Nagy считает, что до конца этот вопрос не ясен[2]. В любом случае, отрицательная конструкция затрудняет формальное описание конструкции в рамках генеративной грамматики.

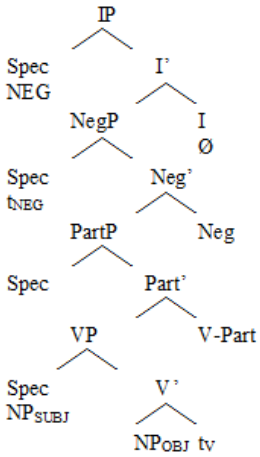
2. Формальное описание в модели с левосторонним членением: отрицательный глагол как модальный предикат с сентенциальным аргументом — малой клаузой PartP // Small clause

Прежде всего, рассмотрим, насколько приложим к эвенкийскому языку унифицированный анализ (2а-б) для корейского, предлагаемый в работе [14] (P. Hanstrom): *an* 'NEG' в (2а) — не вершина глагольного типа, а отрицательная клитика, как и в (2б), которая трансформируется в глагол путем операции "*do*-support". В корейском есть вспомогательный глагол *ha-*, который можно рассматривать как до некоторой степени аналогичный английскому *do*: ***an*-[*h*[~~*a*~~]-*ass-ta*]** '**NEG+[AUX-PST-DECL]**' → *an-h*[~~*a*~~]*-ass-ta* → *anh-ass-ta*. В приложении к эвенкийскому, в схеме (8) *э-* 'NEG' порождается в SpecNegP и передвигается в SpecIP, а вспомогательный глагол *Ø* стоит в позиции I. NegP доминирует над PartP с вершиной PTCP.NEG // V-Part:

[1] В работе [21: 8] указаны исключения, когда в эмфатическом контексте происходит инверсия NEG и PTCP.NEG. В нашем материале такие случаи также встречаются.

[2] Если говорить только об эвенкийском языке, можно предположить заимствование порядка слов NEG — PTCP.NEG из уральских языков. К сожалению, для полной ясности необходимы не только тексты начала и середины XX века, а более ранние записи, которые отсутствуют в связи с тем, что письменность в эвенкийском языке появилась только в 1920-1930-х гг. См. обсуждение этого вопроса с другой точки зрения в п. 2.

(8)



В (8), благодаря помещению *ə-* 'NEG' в позицию Spec, NEG предшествует PTCP.NEG // V-Part. В (8) также сохраняется левостороннее ветвление. Эта структура, однако, не соответствует эвенкийскому материалу в двух отношениях. Во-первых, в корейском языке явно прослеживается составной характер отрицательного вспомогательного глагола *anh-* < *an+ha-* (в (2а)), а в (2б) представлена отрицательная клитика *an*, которая допустима в позиции спецификатора (Spec). Эвенкийский отрицательный элемент *ə-* не является клитикой, а представляет «отрицательный глагол общеалтайского типа» (А.А. Бурыкин, личное сообщение). Таким образом, в схеме (8) нахождение *ə-* 'NEG' в SpecNegP // SpecIP, а нулевого глагола Ø — в вершине Neg контринтуитивно. Кроме того, как отмечает сам P. Hanstrom [14], в принципе не до конца ясен механизм операции "*do*-support".

Мы попробуем предложить альтернативное описание. Это описание не использует структуру Split-CP и максимально абстрагируется от тех аспектов предложения, которые привносятся актуальным членением, или коммуникативной структурой. Наше описание старается учесть не только «свободный порядок слов», появившийся в результате контактов эвенкийского языка с уральскими языками и с русским языком, но в первую очередь параметры порядка слов, исходно свойственные эвенкийскому языку (следуя работе [22]). Наш формальный анализ основан на доминималистской версии генеративной грамматики [10; 11]. В числе прочего, мы не используем SplitIP // SplitCP и не прибегаем к механизму проверки

признаков, а также допускаем и широко используем механизм XP-адъюнкции слева и справа и т.д.

Рассмотрим основные три типа предложений с отрицанием. В первой группе предложений отрицательный глагол NEG стоит непосредственно перед глаголом, а субъект и/ или объект образует тему предложения и стоит слева от NEG. В подобных предложениях отрицается глагол и те его аргументы или обстоятельства, которые не входят в тему[1]. Кроме примера (1а), сюда относятся примеры (9) и (10б). Тема предложения может выделяться частицей *=tā/=dā*, которая может в числе прочего маркировать контрастивность [4: 253-254].

(9) amī-m ə̄mə-rə-n [mōtī-wə
отец-POSS.1SG приходить-NFUT-3SG лось-ACC
ə-čə hiɣ-rə]
NEG-PTCP.ANT ободрать-PTCP.NEG
«Отец вернулся, (того) лося не ободрав» **[NP$_{OBJ}$ — NEG — V]**

(10) а. **ə-ŋkī-f** bi buslə-rə
NEG-PST.ITER-1SG 1SG болеть-PTCP.NEG
б. kuŋaka-r=dā **ə-ŋkī-tin** buslə-rə
ребенок-PL=FOC NEG-PST.ITER-3PL болеть-PTCP.NEG
«Я не болела. Дети тоже не болели» **[NP$_{SUBJ}$ — NEG — V]**

Второй тип отрицательных предложений — это предложения, в которых NEG стоит в абсолютном начале предложения, перед субъектом и(или) объектом, и NEG отделяется от PTCP.NEG этими именными группами. В

[1] Следуя работам [1; 17], отрицание — пропозициональный оператор, а в синтаксической структуре отрицание воздействует на рему, или фокус — т.е. составляющая, которая отрицается, рематическая (поэтому мы используем не совсем удачный термин «фокус отрицания»). В русском языке рематический статус отрицаемого слова или составляющей часто маркируется частицей *не* (*Он не **пришел*** [***пришел*** — рема; отрицается пропозиция ‘[относительно Ивана] неверно, что он пришел’]; *Пришел не **Иван*** [***Иван*** — рема; отрицается пропозиция ‘[относительно действия ‘пришел’] неверно то, что его субъект это Иван’]). Наш материал устных рассказов показывает, до какой степени позиция *ə-* ‘NEG’ связана со сферой действия отрицания и насколько отрицаемый элемент связан с фокусированием. И.В. Недялков же в работе [21] утверждает, что нельзя установить каких-либо существенных закономерностей, связывающих позиции *ə-* ‘NEG’ и V [PTCP.NEG] с коммуникативной структурой предложения.

этом случае отрицается вся клауза, которая является коммуникативно-нерасчлененной, и предложение должно было бы более точно переводиться как «Неверно, что P» [P — отрицаемая клауза, состоящая из глагола и его аргументов].

Сравним примеры (10а) и (10б) (последовательные предложения в тексте). В (10а) отрицательный глагол стоит в начале, и отрицается пропозиция ‘я болела’, соответствующая в семантическом представлении пропозиции ‘болеть (X)’ при X=‘я’. В (10б) отрицается пропозиция ‘болеть (X)’ с X=‘дети’, тут субъект ‘дети’ составляет контрастную тему и выносится в начало предложения. Аналогично построено предложение (1а) или предложение (9): в (9) объект ‘того лося’ — тема — стоит в начале зависимой клаузы, но не присоединяет частицу *=dā*.

Кроме примера (10а), ко второй группе относятся примеры (11)-(13).

(11) а. ...ō-γin **[ə-dā-tin** [munə
становиться-IMP.3SG [NEG-CVB.PURP-3PL 1PL.EXCL.ACC
ulok-it-tə]]
обманывать-DISTR-PTCP.NEG]
«...пусть (она) будет [бухгалтером], [чтобы нас не обманывали]» **[NEG — PRON$_{OBJ}$ — V]**

б. onon **[ə-d'əli-n** [həgdi hiŋilgən
сначала [NEG-CVB.BD-3SG много снега
bi-ra]]...
быть-PTCP.NEG]
«Сначала, [перед тем, как выпало много снега,]»
[(я) поехал на охоту на оленя с собакой]
[NEG — PRON$_{SUBJ}$ — V]

(12) **ōkin=dā** **ə-ŋki-n** [ər bəjə [21: 17]
когда-FOC NEG-PST.ITER-3SG тот человек
nuŋan-ma-n tugi **arča-ra**]
3SG-ACC-POSS.3SG так встречать-PTCP.NEG
«Тот человек НИКОГДА его так не встречал»
[NPI$_{FOC}$ — Neg — S/IP]

(13) **ə-čə-w** [bi jeśo **alagu-w-ďa-ra**
NEG-PST-1SG 1SG еще научить-PASS-IPFV-PTCP.NEG
škola-dū]
школа-DAT
(Когда началась война, мне было 6 лет...)
«Я еще не училась [фокус] в школе»
[NEG — [PRON$_{SUBJ}$ —V$_{FOC}$ — AdvP]]

В примерах (11а-б) трактовка отрицаемых клауз как коммуникативно-нерасчлененных не вызывает сомнения[1].

Пример (12), приводимый И.В. Недялковым, как нам представляется, построен аналогично примерам (10а) и (11), (13), кроме вынесения слова отрицательной полярности (NPI) ‘когда’, которое при этом подвергается сильному фокусированию или эмфатическому выделению[2]. Мы не согласны с И.В. Недялковым, который связывает вынесение NEG в начало предложения с независимо имеющимся в предложении начальным фокусом[3]. И.В. Недялков не приводит примеров, аналогичных (12), а вынесение слова отрицательной полярности в позицию перед NEG без контрастного выделения часто встречается независимо от позиции NEG:

(14) sadik-tū kuŋākā-r ōkir=da **ə-čō-tin**
садик-DAT ребенок-PL когда=FOC NEG-PST-3PL
bi-si
быть-PTCP.NEG
«В садике дети никогда не были»

Пример (13) мы также относим к данной группе, хотя в нем обстоятельственное имя *škola-dū* ‘в школе’ стоит в конечной позиции. Его также можно отнести и к третьей группе примеров, в которых глагол (15а-б) (или приглагольное наречие (16а)[4] // квантор (16б) // именная часть

[1] Ср. примеры похожего типа (в противопоставительном контексте) в русском языке [1: 63]:

(i) *Не* [*ветер бушует над бором*], *Мороз-воевода дозором*
Не [*с гор побежали ручьи*], *Обходит владенья свои* (Н. Некрасов)
[NEG — S/IP]

[2] В настоящей статье мы не приводим морфосинтаксический и семантический анализ слов отрицательной полярности, которые недостаточно нами изучены на данном этапе исследования.

[3] Между примерами (10а) и (11)-(13), с одной стороны, и вопросительными предложениями из работы [23], в которых вопросительное слово как фокус вопроса «притягивает» глагольную связку. Однако в эвенкийском языке начальный фокус, если говорить о нем, формируется самой отрицательной связкой NEG, а не каким-то другим словом или группой.

[4] В корпусе текстов встречаются также предложения, в которых отрицается именно наречие, но это наречие предшествует NEG или следует за PTCP.NEG:

сказуемого (16в)) составляют фокус отрицания. Фокус отрицания стоит непосредственно после NEG, а безударная // фоновая составляющая — в конце клаузы:

(15) а. bu **ə-ŋnə-rə-p** **til-də**
1PL NEG-HAB-NFUT-1PL.INCL понимать-PTCP.NEG
əwə-di-wə
эвенкийский-ATR-ACC
[Анна родилась в Якутии] «Мы **не понимали** [фокус] эвенкийский [фоновая информация]»
[NEG — V_{FOC} — NP_{OBJ}]

б. ə-pkī **dōwa-ra** guluwun-dulā
NEG-PTCP.HAB подойти-PTCP.NEG костер-LOC
bi-s'o
быть-PTCP.ANT
[Медведь боялся костра,] «**не подходил** [фокус] к костру [фоновая информация]» **[NEG — V_{FOC} — AdvP — V_{Aux}]**

(16) а. ilmakta-l=ka dundə-wə ə-sə-l
молодой-PL=FOC земля-ACC NEG-PART.ANT-PL
aja-t hā-rə
хороший-ADVR знать-PTCP.NEG
«Молодые-то землю **хорошо** не знают»
[Neg — $AdvP_{FOC}$ — V]

б. ...tar bəjə ə-čə=dō **gugda**
тот человек NEG-PTCP.ANT=FOC **высокий**
həgdi bi-rə
большой быть-PTCP.NEG
[Сам, сам] «тот человек не был **высоким, большим**»
[Neg — $NP_{PRED.FOC}$ — V]

(i) **sō-kit** ə-pkī tān-ə
очень-INTS NEG-PTCP.HAB вытянуть-PTCP.NEG
«**Сильно** не вытянуть»

(ii) ə-ŋkī-wun a-rə **goro-jə**
NEG-PST.ITER-1PL.EXCL спать-PTCP.NEG **долгое.время-PRTV**
«**Долго** мы не спали»

в. ə-čə-l **upkat** əmə-rə [21: 26]
NEG-PTCP.ANT-PL **все** приходить-PTCP.NEG
«Не **все** пришли» **[NEG — $Q_{SUBJ.FOC}$ — V]**

Наш анализ в общих чертах следует наблюдениям над порядком слов и выводам И.В. Недялкова [21; 22: 129-131]. Согласно этим работам, конечная позиция в клаузе в эвенкийском языке, а также предглагольная позиция безударны — в них обычно стоит не фокализованная составляющая, а составляющая, несущая фоновую информацию, или являющаяся частью ремы, но специально не выделяемая. Эта характерная черта объединяет эвенкийский язык с другими алтайскими языками, такими, как корейский — см. ниже. Составляющие, которые являются контрастным фокусом или топиком, в эвенкийском языке выносятся в начало предложения. Такая картина делает возможным, в числе других вариантов генеративной модели, использование дерева с левосторонним ветвлением и (поскольку контрастный фокус и контрастный топик часто стоят в начале предложения и интонационно получают одинаковое маркирование) использование адъюнкции к IP слева при контрастном выделении составляющей. Адъюнкция к IP справа используется для отражения неканонического порядка слов (например, VO вместо OV) — то есть не обязательно для фокусирования.

Важное допущение, на котором основан наш анализ — это то, что отрицание NEG — сентенциальный оператор, а раз этот оператор выражается финитным глаголом, мы можем анализировать отрицательное предложение как усложненное, подобно предложениям с модальными глаголами. Модальные глаголы в корейском языке в своем большинстве отрицательные[1] и, кроме того, сентенциальное дополнение с такими глаголами чаще всего следует за глаголом: **[V_{MOD} — V_{CVB}]**. Такой порядок слов отмечается в работах [4: 193-196; 5: 125-126] где приводится большая выборка примеров. Другие (не чисто модальные) глаголы с сентенциальным аргументом могут следовать за подчиненным им конвербом, ср. (17) и (18)[2].

(17) a. Naďa-wə **alba**-ďa-ra-w baka-**mī**
Надя-ACC **не.мочь**-IPFV-NFUT-1PL.EXCL найти-**CVB.COND**
«Надю мы не смогли найти» **[V_{MOD} — V_{CVB}]**

[1] Например, *alba-* ‘не мочь’; *hə-* ‘не сметь’; *bā-* ‘не хотеть’; *mulli-* // *mullikā-* ‘не уметь’ [15: 125].

[2] В текстах, а также в архиве [6], встречается и обратный порядок: **[V_{MAIN} (*ńəkə-* // *ətə-*) — V_{CVB}]:** особенно часто в случае *ətə-* ‘перестать’, но также и для *ńəkə-* ‘собираться’.

б. turu-dū=da **alba**-sā-n
Тура-DAT=FOC **не.мочь**-PST-3SG
aji-si-fkań-d'ə-**mī**
вылечить-DUR-CAUS-IPFV-**CVB.COND**
«В Туре не смог вылечиться» **[V_{MOD} — V_{CVB}]**

(18) а. huru-**dā**-ji **ńəkə**-d'ə-rə-n
пойти-**CVB.PURP**-REFL **собираться**-IPFV-NFUT-3SG
(...отец все) «хочет ехать» (туда) **[V_{CVB} — V_{MAIN}]**
б. ...gurus-mī-d'ə-**mī** ətə= **ətə**-kōnəm...
груз-VBZ.OBJ-IPFV-**CVB.COND** SLIP **не.стать**-CVB.ANT
[Потом вот,] «когда кончил быть грузчиком»,
[это начал делать, рыбачить начал] **[V_{CVB} — V_{MAIN}]**

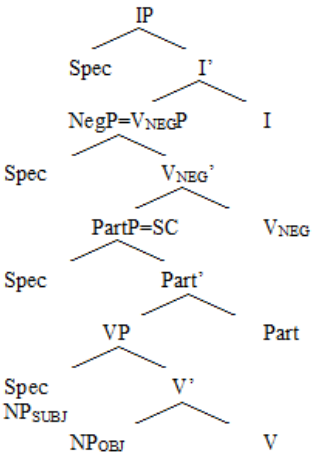
Как уже говорилось, мы анализируем отрицательную конструкцию аналогично конструкциям с модальным глаголом типа (17а-б). Модальный оператор, и также отрицательный предикат, могут образовывать рему и при этом чаще употребляются в начале, а не в конце предложения, ср. русские примеры (19а-б), в которых, как кажется, первый вариант порядка слов представляется более нейтральным:

(19) а. Иван НЕ МОЖЕТ это сделать // Иван это сделать (не) МОЖЕТ
б. НЕВЕРНО, что Иван туда едет // То, что Иван туда едет, НЕВЕРНО

Если считать эвенкийское отрицание NEG *ə-* финитным глаголом, соответствующим отрицательному оператору (‘неверно, что’), и при допущении, что такой оператор, даже будучи ремой, тяготеет к началу предложения, грамматикализация порядка слов **[NEG — $V_{PTCP.NEG}$]** представляется интуитивно обоснованной (ср. гипотезу в работе [26: 43-50] в п. 1).

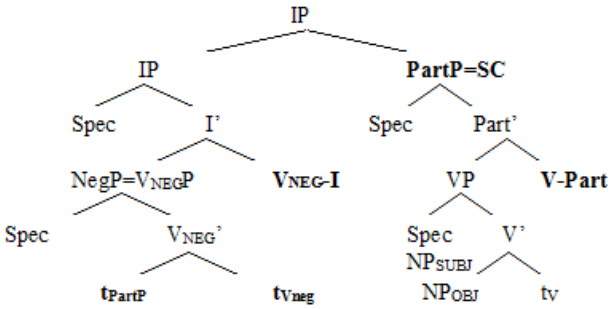
Как и в других алтайских языках, в эвенкийском языке глагол придаточного предложения часто стоит в причастной или деепричастной форме. Если считать аналитическую конструкцию усложненным предложением (состоящим из двух клауз), можно предложить такой анализ: NEG (V_{NEG}) — финитный оператор отрицания — образует главное предложение, а PTCP.NEG и его аргументы образуют нефинитное придаточное предложение (Small clause=PartP):

(20)



В схеме (20) используется левостороннее ветвление, поэтому при линейном упорядочивании терминальных узлов NEG (V_{NEG}) следует за глаголом V // PTCP.NEG. PartP // SC — аргумент NEG (V_{NEG}), который предшествует NEG (V_{NEG}). Для получения обратного порядка слов PartP // SC передвигается и присоединяется к IP как адъюнкт справа:

(21)

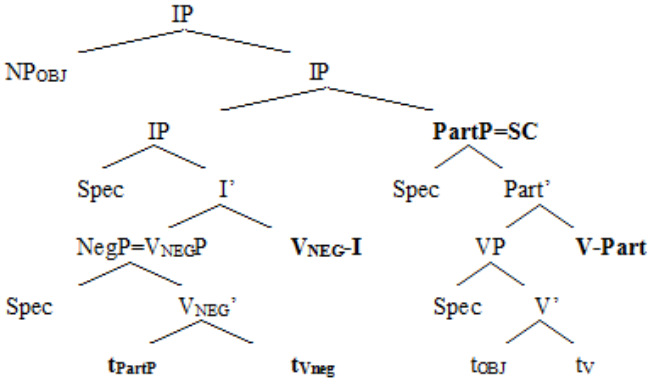


Такое передвижение дает тот порядок **[NEG — PTCP.NEG]**, который мы наблюдаем в предложении. Результатом этого передвижения мы также можем считать коммуникативно-нерасчлененные предложения с начальным отрицанием — (10a) и (11)-(13). В этих предложениях глагол V в

форме причастия и его субъект NP_{SUBJ} и объект NP_{OBJ} не выдвигаются из PartP=SC[1].

Предложения (1а), (9), (10б), (14) имеют ярко выраженную или контрастную тему — это субъект (10б), (14) или объект (1а), (9). В этих примерах NP_{SUBJ} // NP_{OBJ} претерпевают подъем из PartP в позицию SpecIP // SpecNegP или в позицию адъюнкта к IP // NegP слева[2]. Так, в примере (1а) происходит передвижение NP_{OBJ} на левую периферию предложения по схеме (22).

(22)



Таким образом, анализ, представленный в схемах (20)-(22) позволяет противопоставить коммуникативно-нерасчлененные предложения с начальным отрицанием предложениям с четко выраженной, часто контрастной, темой. С нашей точки зрения, предложенный анализ согласуется с предложенной в работах И.В. Недялкова [21; 22: 129-131] коммуникативной схемой эвенкийского предложения, согласно которой в начале предложения стоит контрастный топик или фокус, а в конце — безударная группа, обычно относящаяся к фоновой информации. Нам

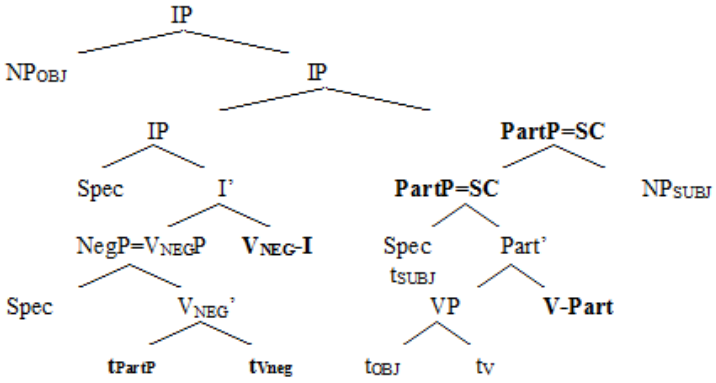
[1] Подъем аргументов глагола в (дее)причастной форме в позицию SpecIP (EPP) не считается нами обязательным из-за отсутствия у номинативных NP ненулевого падежного показателя; аккузатив может присваиваться прямому объекту внутри PartP вершиной V.

[2] Топикализация как передвижение в SpecTopP более уместно в минималистской схеме с обязательным сопоставлением, или проверкой, признаков [13].

представляется, что адъюнкция слева может заменить введение TopP и FocP. Во-первых, TopP и FocP должны быть упорядочены (доминация TopP над FocP или наоборот). Если же допускается множественная адъюнкция к IP, контрастивные топики и фокусы (и те и другие выделяются контрастным ударением, и их иногда трудно отличить друг от друга) могут в любом порядке присоединяться к IP. Во-вторых, с помощью адъюнкции технически легче анализируются предложения с несколькими темами // топиками, ср. пример (14).

В конец эвенкийского предложения часто ставится безударная группа (данное, известное, фоновая информация) — см. подлежащее *tar(ə)* 'этот' в (1а-б), дополнение или обстоятельство: *škola-dū* 'в школу', *əwə-di-wə* 'по-эвенкийски', *guluwun-dulā* 'к костру' в (13) и (15а-б). Если использовать Split-CP, все аргументные группы и глагольная вершина должны переместиться вверх и влево в позиции, например, SpecNegP, SpecTopP, SpecFocP и т.д., так чтобы внутри VP осталась только безударная группа. В нашем формализме конечная группа предложения должна передвинуться и присоединиться к PartP в (21)-(22) как адъюнкт справа: ср. полную схему (23) для (1а).

(23)



Обстоятельство может также занимать конечную позицию (адъюнкт к IP // PartP справа без передвижения). Примеры (24а-б) показывают, что безударное обстоятельство (*tādū* 'там' в (24а); *luhu* 'всегда' в (24б)), которое в русском языке стояло бы после подлежащего, в эвенкийском часто ставится в конец. Кроме того, подлежащее *amī* 'отец' в (24б), как и *tar(ə)* в (1а-б), стоит в конце: как видно из комментария к (24б), в русском языке даже безударное и тематическое подлежащее переходного глагола обычно стоит в начале.

(24) а. amīni-n saji-ŋ-d'a-fkī **tādū**
отец-POSS.3SG чай-VBZ.FACT-IPFV-PTCP.HAB там
«Отец чай готовил там» [tādū ‘там’ не является ремой // фокусом. Для русского языка более естественный порядок слов — Отец там готовил чай]

б. pačotnij gramota-l-wə ga-ŋkī-n **amī**
почетная грамота-PL-ACC взять-PST.ITER-3SG отец
luhu
все.время
(Отец отдельно рыбачил. Все это [рыбу] в колхоз сдавали.)
«Почетные грамоты получал отец всегда» (Очень много рыбы добывал).

[Исходя из контекста (перечисление заслуг отца, порядок слов OV), *luhu* ‘все время’ («всегда») не является ремой // фокусом — для русского языка более нейтрален порядок слов *Отец // он всегда получал почетные грамоты*]

Для языков, в которых порядок SOV соблюдается строго (японский, корейский), постпозиция какого-либо члена предложения к глаголу невозможна [13: 99-100]; в работе [27: 3] указывается, что постпозиция аргумента к глаголу возможна в разговорной речи, и что постпозитивный аргумент не относится к реме // фокусу — как и в эвенкийских примерах (1а-б), (24б). Таким образом, адъюнкция справа (в отличие от адъюнкции слева) и конечная позиция в предложении в эвенкийском языке сигнализирует о безударности и тематичности аргумента или обстоятельства[1].

В рассмотренном материале остается еще одна проблема — постулировать ли передвижение для глагола, обстоятельства, квантора или именной части сказуемого, которые находятся в фокусе отрицания в примерах (13), (15а-б) и (16а-в)? В работе [21: 23-27] указывается, что отрицательная конструкция с квантором (16в) заимствована из русского языка, а для случаев отрицания глагола (15а-б), а также именной части сказуемого и приглагольного наречия (наречия образа действия) (16а-б) объяснения не дается. В соответствии со схемами (20)-(21), отрицательный глагол NEG // V_{NEG} не входит в PartP // VP, находясь в вершине Neg группы NegP. В схеме (21) NegP предшествует PartP // VP, и все группы, входящие в PartP // VP (включая именную часть сказуемого и приглагольное наречие), относятся к той (фокусной // рематической) составляющей, которая следует за NEG и может отрицаться.

[1] Хотя в случае отрицательной конструкции нельзя говорить о тематичности PartP, которая становится адъюнктом справа у IP (20)→(21).

В рамках нашей модели, в которой отсутствует проекция FocP, логично отказаться от передвижения VP и постулировать возможность фокуса *in situ*, который выделяется интонационно, но не позиционно. В этом случае глагол в (15а-б) или наречие, именная часть сказуемого и квантор в (16а-в) выделяются интонационно, являясь фокусом отрицания, однако структура (21) // (22) не меняется. В рамках нашей модели фокусирование может сопровождаться адъюнкцией к IP слева, но, если поставить VP в эту позицию, VP, включая PTCP.NEG, окажется слева от NEG // V_{NEG}, что недопустимо. Как показывает И.В. Недялков [22: 129], в эвенкийском допустимо фокусирование *in situ*, или фокусное // эмфатическое выделение составляющей без ее выдвижения в начальную позицию — эти данные хорошо сочетаются с нашим анализом[1]. Важно заметить, что в доминималистском формализме фокусирование через интонацию, а не через передвижение в принципе возможно[2].

[1] Как показывают примеры (13), (15а-б), (16а-в) и примеры И.В. Недялкова, фокусирование без вынесения в начальную позицию не связано с предглагольной позицией (или дополнительной проекцией, доминирующей над VP // PartP). Примеры (4), (5б) и (24б), в которых объект стоит перед глаголом и не несет специального ударения, подтверждают данный тезис. Мы также не нашли в корпусе рассказов примеров на постановку вопросительных слов в предглагольную позицию, а не в начало предложения (ср. аналогичные данные по поводу вопросительных слов в работе [8: 55]).

[2] Если использовать более современную схему «SplitIP и SplitCP» (вместо CP и IP постулируются проекции TopP, FocP, TP, AgrP и, возможно, еще дополнительные проекции), VP в примерах (15)-(16) должна передвигаться в SpecFocP. Те группы, которые, не входя в фокус отрицания, относятся к теме или фоновой информации, должны передвигаться или в SpecTopP, или присоединяться к PartP справа как адъюнкты, находясь в конце предложения. Тут возникает несколько спорных моментов.

Во-первых, данный анализ возможен только в дереве с ветвлением вправо, ср. анализ начальной позиции отрицания в финском языке в работе [16], в которой вершина Neg в финском языке может выдвигаться на левую периферию предложения с помощью ее вершинного передвижения в вершину Pol(arity) проекции PolP, которая доминирует над FocP (и TopP). В дереве с левосторонним ветвлением вершинное передвижение NEG приведет к позиции NEG в конце или в середине, а не в начале предложения. Во-вторых, адъюнкция справа допускается не всеми исследователями, работающими в рамках минимализма.

3. Выводы

Был предложен анализ аналитической отрицательной конструкции в эвенкийском языке с финитной отрицательной связкой. Это анализ в рамках синтаксического дерева с левосторонним ветвлением. Описание ориентируется в первую очередь на базовую синтаксическую и коммуникативную структуру эвенкийского предложения по работе [22]. Не используются такие инструменты последних версий генеративной грамматики, как SplitIP и SplitCP или проверка признаков. При дислокации группы с интонационным выделением (контрастный топик и фокус) используется адъюнкция к IP или PartP // VP слева, а при дислокации безударной группы — адъюнкция справа.

Основная проблема при анализе данной конструкции — то, что в отрицательной конструкции не сохраняется левостороннее ветвление, порядок NEG // V_{NEG} — PTCP.NEG грамматикализовался. Наилучший способ справиться с этой проблемой, не прибегая к правостороннему ветвлению, — принять, что отрицательная конструкция представляет собой усложненное предложение, состоящее из малой клаузы (Small Clause=PartP), содержащей глагол в причастной форме, его аргументы и наречия образа действия, и главной части, которую представляет собой отрицательный глагол *ə-* ‘NEG’. Буквальное значение этого глагола — ‘неверно, что’. Поэтому начальная позиция Neg в предложении коррелирует с интерпретацией ‘неверно, что…’.

Другие проблемы связаны с порядком слов в конкретных примерах. Например, в (13) фокус отрицания — глагол ***alagu-w-ďa-ra*** ‘учиться.PTCP.NEG’, однако ***alagu-w-ďa-ra*** отделяется от начального отрицательного глагола ***ə-čə-w*** ‘NEG-PST-1SG’ подлежащим ‘учиться’ — ***bi*** ‘1SG’. Возникают вопросы: какое передвижение нужно для начальной позиции NEG? Передвигается ли подлежащее ***bi*** в составе VP вместе с V-Part // PTCP.NEG в SpecFocP, и в этом случае почему ***bi*** не фокусируется?

Допустим, что ***bi*** передвигается отдельно от VP в SpecTopP, а не в позицию адъюнкта ко всему предложению, и стоит после NEG. Получается, что, если NEG каким-то образом попадает в группу PolP (по [16]), после NEG могут стоять как топикализованные (в TopP), так и фокусированные (в FocP) группы — следовательно, начальная позиция NEG не связана с коммуникативной нерасчлененностью остальной части предложения.

Если адъюнкция к PartP справа недопустима, как обстоятельство ***škola-dū*** ‘в школе’ оказывается в конце предложения? ***Škola-dū*** тоже передвигается в SpecFocP в составе VP? Похожие вопросы возникают в примерах с конечным подлежащим ***tar(ə)*** ‘тот // те’ в примерах (1а-б) или *amī* ‘отец’ в примере (24б).

Хотя порядок OV в эвенкийском языке базовый, порядок VO часто встречается, особенно в конструкциях с сентенциальным дополнением. Модальные глаголы и отрицательный финитный предикат в принципе тяготеют к началу предложения, даже являясь ремой и воздействуя на коммуникативно-нерасчлененную клаузу.

В коммуникативно-расчлененном предложении *э-* 'NEG' выступает скорее как аналог отрицательной частицы и часто маркирует границу между темой и ремой. Таким образом, эвенкийский отрицательный глагол стоит или в начале предложения перед своей сферой действия (коммуникативно-нерасчлененной клаузой), или перед глаголом (в коммуникативно-расчлененном предложении), в частности, перед глагольной группой. Глагольная группа или входящие в нее глагол, наречия или другие компоненты могут образовывать фокус отрицания, здесь используется фокусирование через интонационное выделение, а не передвижение. Наш формализм (20)-(23) описывает разные позиции отрицательного глагола и учитывает возможную топикализацию или вынесение в конец предложения аргументов.

Однако мы не предлагаем считать, что семантическая сфера действия отрицания (пропозиция, которая отрицается) полностью коррелирует с позицией отрицания в предложении и коммуникативной структурой предложения. Поскольку в эвенкийском языке есть только глагольное отрицание, но нет частного отрицания (как в русском в примере *Он съел не* [*очень много*] *мороженного* с отрицанием пропозиции 'количество съеденного им мороженного не очень велико'), ошибочно было бы утверждать, что отрицательный глагол всегда ставится перед той составляющей, которая образует отрицаемую пропозицию (или фокус отрицания). Наш анализ предполагает привязку отрицания к VP // PartP, так что, например, случаи отрицания отдельных аргументов глагола не рассматриваются и требуют дальнейшего исследования.

Глоссы и сокращения:

1 — 1-е лицо, 2 — 2-е лицо, 3 — 3-е лицо, ACC — аккузатив, ADV — наречие // обстоятельственная группа, ADVR — показатель адвербиализации (прилагательных), ANT — (причастие) предшествования, ARG — аргумент, ATR — атрибутив, Aux — вспомогательный глагол, BD — (конверб) предела [«пока…»], CAUS — каузатив, COND — условный (конверб), CVB — конверб, DAT — датив, DECL — декларатив, DO — прямой объект, DST — дестинатив, DUR — дуратив, EXCL — эксклюзивное (местоимение), FACT — фактитив, FOC — фокус, HAB — хабитуалис или обычное // хабитуальное (причастие), IMP — императив, INCL — инклюзивное (местоимение), INTS — интенсификатор, IO — косвенный

объект, IPFV — имперфектив, ITER — (прошедшее) итеративное время, LOC — локатив, MAIN — главный // смысловой (глагол), MOD — модальный (глагол), NEG — отрицание, NFUT — небудущее (время), NPI — слово отрицательной полярности, OBJ — объект, PL — множественное число, POSS — посессивный (аффикс), PRED — предикативный, PRON — местоимение, PRTV — партитив, PST — прошедшее время, PTCP — причастие, PURP — (конверб) цели, REFL — рефлексив, SC — малая клауза, SG — единственное число, SLIP — оговорка, SIM — (конверб) одновременности, SUBJ — субъект, TOP — топик, VBZ — показатель вербализации.

Библиографический список

1. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985. 175 с.
2. Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (туннгусского) языка. Л.: Госучпедгиз, 1948. 356 с.
3. Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / отв. ред. В.И. Цинциус. М.-Л.: Наука, 1966. 399 с.
4. Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.: Наука, 1966. 247 с.
5. Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964. 272 с.
6. Лебедева Е.П. Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г., из архива ИЛИ РАН. 1952. Рукопись.
7. Малые языки Сибири: наше культурное наследие; URL: http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ (02.10.2015)
8. Bulatova N., Grenoble L. Evenki. LWM 141. Munich: Lincom Europa, 1999. 65 p.
9. Chang S.-J. Korean. Amsterdam: John Benjamins, 1996. 252 p.
10. Chomsky N. Lectures on government and binding. Dordrecht: Foris, 1981. 371 p.
11. Chomsky N. Barriers. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1986. 102 p.
12. Chomsky N. The Minimalist Program. Cambridge (Mass): MIT Press, 1995. 420 p.
13. Grenoble L. A. The impact of Russian on Evenki // Languages in contact / ed. By D. Gilbers, J.A. Nerbonne, J. Schaeken. Amsterdam-Atlanta, GA: Rodopi, 2000. PP. 104-120.
14. Hangstrom P. *do*-support in Korean: evidence from an interpretive morphology // Proceedings of SICOGG-1996. URL: http://ug.bu.edu/cv/sicogg.pdf (08.11.2015).

15. A. Holmberg. Deriving OV order in Finnish // The derivation of VO and OV / ed. by P. Svenonius. Philadelphia–Amsterdam: John Benjamins, 2000. PP. 123-152.
16. Kaizer E. Negation and the left periphery in Finnish // Lingua. 2006. Vol. 116. PP. 314-350.
17. Karttunen L., Peters S. Conventional implicature // Syntax and semantics. 1979. Vol. 11: Presupposition / ed. by C.K. Oh, D.A. Dinneen. PP. 1-56.
18. Kayne R. The antisymmetry of syntax. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1994. 195 p.
19. Lyutikova E, Zimmerlimg A. Verb second languages and clause structure // Intelligent Linguistic Technologies. Series: Emerging Trends in Computer Science and Applied Computing. Amsterdam: Elsevier, 2015.
20. Lee Ch. Contrastive topic and proposition structure // Asymmetry in grammar. Vol. 1 / ed. by A.M. Di Sciullo. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 2002. PP. 345-372.
21. Nedjalkov I. Evenki // Typological studies in negation / ed. by P. Kahren, R. van der Berg. Philadelphia–Amsterdam: John Benjamins, 1994. PP. 1-34.
22. Nedjalkov I. Evenki. London, New York: Routledge, 1997. 366 p.
23. Testelec, Ya. Word order variations in some SOV languages in Europe // Constituent order in the languages of Europe / ed. by A. Siewierska. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. PP. 649-680.
24. van Golderen, E. The negative cicle. // Linguistic typology. 2008. Vol. 12. PP. 195-243.
25. Vilkuna, M. Word order in European Uralic // Word order variations in some SOV languages in Europe // Constituent order in the languages of Europe / ed. by A. Siewierska. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. PP. 173-234.
26. Wagner-Nagy B. On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 2011. 336 p.

Yun S.-Y. Post-verbal Arguments in Korean: Syntax, Prosody, and Information Structure. 2013. MIT Generals paper. 24 p.

А.А. Смирнитская

ИВ РАН, Москва

СЕМАНТИКА *СЕМЬИ, ПОКОЛЕНИЯ, КАСТЫ* В ЯЗЫКАХ ИНДИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

1. Дравидийские языки и семантическая типология

Языки дравидийской семьи, распространенной на юге Индии, на сегодняшний день достаточно подробно описаны со стороны фонетики, морфологии и синтаксиса. Также есть фундаментальные работы, посвященные общему описанию языков этой группы, среди которых нужно упомянуть монографию Бх. Кришнамурти [11]. Изучением тамильского языка, одного из ведущих в этой группе языков, занимались такие выдающиеся ученые, как Т. Леман в Германии, С. Б. Стивер и М. Б. Эмено в США, Е. Аннамалай, Г. Равишанкар и их коллеги в Индии и другие.

В России первое упоминание языков дравидийской группы относится к концу XVIII в., когда некоторая дравидийская лексика была включена в "Сравнительный словарь всех языков и наречий" [8]. В истории изучения дравидийских языков сыграли роль выдающиеся исследователи А.М. и Л.А. Мерварт, опубликовавшие в 1929 г. "Грамматику тамильского разговорного языка", и позднее М.С. Андронов, Ю.Я. Глазов, С.Г. Рудин, З.Н. Петруничева, А.М. Пятигорский, Н. В. Гуров. Недавно, в 2013 году, группой "Языки мира" Института языкознания РАН был выпущен том "Дравидийские языки", в котором собраны данные о более чем двадцати больших и малых дравидийских языках, оформленные согласно стандарту проекта "Языки мира" (подробнее см. [7]). Однако семантический языковой уровень во всех этих работах затрагивается лишь косвенно.

В данной работе для изучения семантики дравидийских языков используются методы семантической типологии, а именно, теории семантических переходов. Также для типологического сопоставления были привлечены данные языка хинди из индоарийской языковой семьи. В силу территориальной близости и многовековых языковых контактов в лексическом составе индоарийских и дравидийских языков есть много схожего. Мы предположили, что сходство должно обнаружиться и в семантических переходах в исследуемой лексико-семантической группе.

Семантическая типология изучает в разных языках мира, в том числе типологию взаимосвязей между лексическими значениями — как в синхронном плане, так и в их развитии. Именно в межъязыковом сравнении

удобно исследовать явление сближения значений, которое некоторые исследователи именуют "колексификацией", делая акцент на возможном объединении их в полисемичной лексеме [9: 170], а другие — "семантическим переходом" или "semantic shift", расширяя границы рассмотрения ситуации и делая акцент на изменении значения в процессе развития.

Смежность этих значений, выраженная либо полисемией, либо развившаяся в процессе диахронической эволюции, теоретически могла бы иметь реальные нейрофизиологические основания. На смежность соответствующих концептов в ментальном пространстве (≪cognitive contiguity≫, ≪proximity in cognitive space≫) указывает П. Кох в работе, посвященной семантической реконструкции [10].

Анна А. Зализняк определяет термин "семантический переход" как "наличие некой концептуальной смежности между двумя языковыми значениями А и Б" [4: 33], выраженными либо двумя разными значениями полисемичного слова, либо двумя значениями одного слова в процессе семантической эволюции. Семантический переход обнаруживает себя в форме реализаций, различаемых в зависимости от того, какие языковые единицы являются носителями сопоставляемых значений: синхронная полисемия, диахроническая семантическая эволюция, морфологическая деривация, когнаты и заимствования.

Теория семантических переходов, которую разрабатывает группа исследователей под руководством Анны А. Зализняк, обладает некоторыми явными преимуществами. Среди них — то, что семантический переход является удобным метаязыковым конструктом, связывающим значения в разных языках; то, что выявляемые значения регулярны и когнитивно значимы, а также возможность использования результатов в других типологических и сравнительно-исторических исследованиях — как для проверки типологической достоверности предлагаемых этимологий, так и для исследования мотивации семантических переходов в языках мира [2]. Среди ограничений данного подхода — трудности при разграничении собственно семантических переходов и обобщенного концепта и трудности при отделении друг от друга близких значений. Группой исследователей под руководством Анны А. Зализняк был разработан Каталог семантических переходов в языках мира [1], в котором к настоящему времени собрано более 3000 семантических переходов из более чем 300 языков мира.

Настоящее исследование призвано восполнить недостаток семантических исследований дравидийской лексики **семьи, поколения, рода,** а также послужить источником типологической информации о

семантике лексических единиц этой группы, которая может быть использована в базе данных DatSemShift и других исследованиях. Целью исследования было выявить семантические переходы в лексико-семантической группе «семья, поколение, род» в языках дравидийской языковой семьи (тамильский, малаялам, телугу), а также в языке хинди. В работе были взяты для рассмотрения лексические значения **семья, поколение, родственник**, **род**, для которых была сделана попытка установить семантические переходы согласно правилам "Каталога семантических переходов" DatSemShift. Мы утверждаем о наличии семантического перехода в случае, когда установлено наличие не менее двух реализаций одного из типов: синхронная полисемия, диахроническая семантическая эволюция, морфологическая деривация, когнаты и заимствования [12].

Лексико-семантическое поле "семья и термины родства" является продуктивным источником семантической деривации, далеко выходящей за пределы семейной тематики [5: 6]. Устройство семьи и рода в языках индийского ареала имеет некоторые отличия от европейских. Понятие **род** или **клан** (англ. **clan**) на дравидийские языки перевести трудно, поскольку общественное устройство другое. В базе данных DatSemShift также нельзя найти значения **род, клан, сословие** и др., описывающих социальную структуру общества, и это соответствует тому факту, что социальная стратификация различных сообществ не может быть универсальной. Однако о фреквенталиях, вероятно, здесь можно говорить, и для индийских культур выражением такой социальной фреквенталии является разделение общества на четыре сословия — *варны* и многочисленные группы внутри них — *касты*. Они представляют именно ту единицу структуры общества, большую, чем семья, аналогом которой в европейских культурах является *род* (англ. *clan*). Поэтому термин **clan** для описания подобной единицы индийского общества был заменен на термин **caste**. Таким образом, от рассмотрения семантики единиц **семья, род, родственник, поколение** мы перешли к семантике **family, caste, kinsman, generation**, которую и будем изучать далее. Значения представлены английскими «ярлыками», как это принято в формате описания Каталога семантических переходов DatSemShift.

2. Семантические переходы со значением family

Для значения **family** в базе данных DatSemShift описан только один семантический переход: **house → family** (ID 591[1]). В дравидийских языках и хинди этот переход подтверждается, причем основной реализацией его является полисемия: там. *kuṭumpa* 'семейный', 'домашний'; там. *maṉai* ‘дом’, ‘жилище’, ‘семья’; мал. *taṟavāṭu* ‘дом’, ‘резиденция’, ‘семья’; хин. *gṛhasthī* 'дом', 'домашнее имущество', 'семья'.

Мы выявили в дополнение к этому семантический переход:

(1) **family — wife**[2], реализованный полисемией: мал. *kuṭi* ‘семья’, ‘жена’; *mutalakkuṭi* ‘первая жена’, *raṇṭāṁ kuṭi* ‘вторая жена’; там. *il* ‘место’, ‘семья’, ‘жена’.

Также мы обнаружили переход:

(2) **family — household:** мал. *kuḍumbam* 'семья', 'домашнее хозяйство', 'родня'; мал. *gṛhaṁ* ‘дом’, ‘домашний быт’, ‘семья’; тел. *kuḍumbam* ‘семья’, ‘домашнее хозяйство’; хин. *kuṭumb calānā* 'содержать семью', 'поддерживать хозяйство‘.

Была обнаружена интересная взаимосвязь между значением *family* и обозначением растения *bamboo*. Эту связь можно также классифицировать как семантический переход, возможно, во внутреннем плане мотивированный идеями "множественности" и "продолжающегося роста":

(3) **family — bamboo:** мал. *vamšam* ‘бамбук’, ‘семья’; там. *kulam* ‘семья’, ‘наследование’, ‘бамбук’; там. *vamicam* ‘наследование’, ‘семья’, ‘бамбук’.

В хинди данный семантический переход не обнаруживается на синхронном уровне, однако выявляется в диахронии: хин. *bās* ‘бамбук’, ‘позвоночник’, ‘шест’ регулярно возводится к санскр. *vanša* ‘семья’.

Семантический переход, связывающий семью с идеей наследования, также реализован полисемией:

[1] Здесь и далее в скобках после семантического перехода, если этот переход имеется в Каталоге семантических переходов DatSemShift, будет даваться его идентификатор.

[2] Направление перехода в данной работе не указывается, поскольку оно не было еще установлено точно.

(4) **family — lineage:** тел. *gōtram* ‘семья’, ‘родословная’; тел. *vamśam* ‘семья’, ‘родословная’, ‘наследование’; хин. *vaṃś* ‘родословная’, ‘семья’, ‘наследование’; там. *kuṭimai* ‘манеры высшего сословия’, ‘родословная’, ‘семья’.

Обращает на себя внимание еще один семантический переход, сближающий значение *family* с терминами из игры в шахматы:

(5) **family — square (in the chess board):** там. *maṉai* ‘дом’, ‘семья’, ’клетка на шахматной доске’; хин. *gharbār* ‘дом’, ‘семья’, ‘помещение’, ’клетка на шахматной доске’.

Кроме этого, некоторые наблюдаемые модели полисемии позволяют предположить наличие таких семантических переходов, как:

(6) **family — child:** мал. семантическая деривация *kuññukuṭṭikaḷ* ‘семья’ от *kuññu / kuñcu*, 'ребенок', 'короткий', 'молодой'; хин. *bāl-baccē* ‘дети’, ‘семья’, ‘потомство’.
(7) **family — to settle**: мал. *kuṭi* "семья", *kuṭi irikka* ‘селиться’, *kuṭiyirippu* 'жилище'.
(8) **family — homeowner**: мал. семантическая деривация *kuḍumbakkāran* ‘домовладелец’ от *kuḍumbaṁ* ‘семья’; *taṟavāṭṭukāran* ‘домовладелец’, ‘хозяин больших владений’ от *taṟavāṭu* ‘семья’, ‘дом, резиденция’; хин. семантическая деривация *kuṭumbī* ‘домовладелец’ от *kuṭumb* ‘семья’, ‘домашнее хозяйство’; *gharbārī* ‘домовладелец’ от *gharbār* ‘дом’, ‘семья’.
(9) **family — tribe / flock**: мал. полисемия *kuṭi* ‘семья’, ‘племя’; *kulaṁ* ‘стадо’, ‘семья’, ‘племя’;
(10) **family — marriage: мал.** *parigrahaṁ* ‘принятие’, ‘женитьба’, ‘семья’;
(11) **family — nation:** мал. *kuṭi* ‘семья’, ‘народ’; *vamšam* ‘бамбук’, ‘семья’, ‘народ’;
(12) **family — elephant**: там. *umpal* ‘потомок’, ‘семья’, ‘сила, мощь’, ‘слон’;
(13) **family — kind, sort**: там. *cāti* ‘семья, клан’, ‘вид, сорт’;
(14) **family — friends:** тел. *svajanam* ‘своя семья’, ‘друзья’.

Интересное сближение значений мы обнаружили для значений *family — son, temple, beauty,* объединенных в одной полисемичной лексеме там. *kulam* ‘семья, наследование’, ‘благородное происхождение’, ‘каста’, ‘сын’, ‘храм’, ‘красота’.

3. Семантические переходы со значениями generation, kidred, kinsman

Для значения **generation** не удалось найти данных, подтверждающих семантические переходы **joint, articulation → generation (ID 1358)** и **belly → generation (ID 313)** из Каталога DatSemShift. В целом, значение **generation** выражается с минимальной полисемией, и потому мало оснований говорить о семантических переходах, ср. мал. *talamuṟa* ‘поколение’, ‘ушедшие обычаи’; там. *talaimuṟai* ‘поколение’, ‘наследование по прямой линии’. В выражении данной семантики в хинди встречается направление как в прошлое, так и в будущее: хин. *puśt* ‘поколение’, ‘родословная’, ‘задняя сторона’; хин. *paudhā* ‘росток’, (фиг.) ‘поколение’.

Можно выдвинуть предположение только о нескольких семантических переходах, собранных в полисемичной лексеме мал. *vamšam* ‘бамбук’, ‘семья’, ‘народ’, ‘поколение’:

(1) **generation — family;**
(2) **generation — bamboo;**
(3) **generation — race;** а также мал. *puruṣāntaraṁ*: ‘поколение’, ‘наследование’
(4) **generation — kind/ sort:** тел. *taram* ‘поколение’, ‘вид, сорт’.

В базе данных DatSemShift не зарегистрировано семантических переходов для значения **kinsman** ‘родственник’. На основании имеющегося материала можно говорить о семантическом переходе:

(1) **kinsman — friend**: мал. *bandhu* ‘родственник’, ‘друг’, ‘защитник’; тел. *bāndhavuḍu* ‘родственник’, ‘родня’, ‘друг’.

А также выдвинуть предположение о переходе:

(2) **kinsman — householder:** мал. *kuḍumbakkāran* ‘родственник’, ‘домовладелец’
(3) **kinsman — expert:** там. *virakaṉ* ‘умелец’, ‘эксперт’, ‘родственник’.

На сегодняшний день в базе данных DatSemShift не было также зарегистрировано семантических переходов для значения **kinship** ‘родство’. В славянских языках общее понятие родства этимологически связано с семантикой роста, на что указывает С.М. Толстая [6: 7]. В изучаемом материале также удалось связать семантику родства с семантикой роста, однако только для значения *family*: именно семантика роста, возможно, является той мотивацией, которая связывает значения в упомянутом выше семантическом переходе *family — bamboo*.

4. Семантические переходы со значением caste

Для значения **caste** не зарегистрированы семантические переходы в базе данных DatSemShift, и, как мы уже писали, любые семантические переходы с этим значением могут претендовать только на роль фреквенталий в рамках индийской культуры, а не на роль универсалий.

На основании имеющегося материала были выдвинуты предположения о семантических переходах для этого значения:

(1) **caste — colour**, его реализацией является, в основном, полисемия: там. *vaṇṇam* 'краска', 'цвет', 'племя', 'варна'; хин. *varṇ* 'каста', 'цвет', 'краска'; ' тел. *varṇam* 'цвет, оттенок', 'краска', 'каста, сообщество', 'слог', 'тип композиции в музыке Карнатик'; мал. *ēkavarṇṇaṁ* 'одного цвета или касты'.

(2) **caste — birth:** хин. *jāti* 'рождение', 'каста'; там. *cāti* 'семья, клан', 'каста в индуизме', 'рождение'; мал. *jāti* 'рождение', 'позиция, в которой человек родился', 'семья', 'каста'.

(3) **caste — kind, type**: мал. *jāti* 'семья', 'каста', 'тип', хин. *varg* 'категория', 'класс общества; там. *cāti* 'семья, клан', 'тип, вид'.

Значения семейной и кастовой общественных групп концептуально связаны между собой в данных языках, что подтверждает семантический переход:

(4) **caste – family:** тел. *kulam* 'сообщество', 'каста', 'семья'; мал. *jāti* 'рождение', 'семья', 'каста'; там. *oẓukkam* 'поведение', 'каста', 'семья'.

Обращают на себя внимание также другие семантические переходы с данным значением:

(5) **caste – letter of alphabet:** хин. *varṇ* ‘каста’, ‘буква алфавита’;
(6) **caste – assembly, flock:** мал. *kūṭṭam* ‘собрание’, ‘каста’.

5. Заключение

На материале дравидийских языков (тамильский, малаялам, телугу) и индоарийского языка хинди были рассмотрены значения лексико-семантической группы семейной лексики (**family, generation, caste, kinsman**). Для указанных значений были проверены семантические переходы из базы данных DatSemShift и выдвинуты предположения о более тридцати других семантических переходах.

Мы встретили значительное число заимствований в рассмотренной группе лексики. Но, как писала Анна А. Зализняк, даже "заимствование производного значения, если оно удерживается в заимствовавшем языке,

есть подтверждение «жизнеспособности» соответствующего семантического перехода" [3: 411].

В рассмотренных языках подтверждается семантический переход **house → family** (ID 591 в DatSemShift); основной тип реализации — полисемия: там. *kuṭumpa* 'семейный', 'домашний'; мал. *kuṭumbam* 'семья', 'домашнее хозяйство', 'родня'; тел. *kuṭumbam* ‘семья’, ‘домашнее хозяйство’; хин. *kuṭumb calānā* *'*содержать семью*'*, *'*поддерживать хозяйство*'* и др. Были выдвинуты предположения о семантических переходах для значения **family**, из которых, вероятно, наиболее значимые**: family — wife, family — household, family — bamboo, family — child, family — flock, family — temple, family — kind /sort, family — beauty.**

Не удалось найти данных, подтверждающих семантические переходы ***joint, articulation → generation*** (ID 1358) и ***belly → generation*** (ID 313). Были выдвинуты предположения о семантических переходах для значения **generation: generation — family, generation — kind/ sort.**

Значения **kinsman, kinship** в DatSemShift не зарегистрированы, для них мы выдвинули предположения о семантических переходах, среди которых наиболее значимые **kinship — union, kinsman — friend, kinsman — expert** и др.

Значение **clan** не зарегистрировано в DatSemShift, и вместо него для рассмотрения было выбрано значение **caste,** описывающее функционально схожую единицу общества в индийской культуре. Для этого значения мы выдвинули предположения о семантических переходах **caste — colour*,*** его реализацией является полисемия: там. *varuṇam* 'племя', 'варна, каста'; 'краска', 'цвет'; хин. *varṉ* 'каста', 'цвет', 'краска'; мал. *ēkavarṇṇaṁ* 'одного цвета или касты'; тел. *varṇam* 'цвет, оттенок', 'краска', 'каста, сообщество', 'слог', 'тип композиции в музыке Карнатик'. Мы обнаружили в дополнение к этому другие семантические переходы, из которых наиболее существенные: **caste — birth, caste — assembly, caste — letter of alphabet.**

Мы выявили сходство большинства изученных семантических переходов в дравидийских языках и в языке хинди. Вероятно, многие из лексем данной лексико-семантической группы являются заимствованиями в ту или другую сторону: либо дравидийскими языками из санскрита или пракритов, либо наоборот. Также возможно, что это сходство является ареальной чертой.

Вообще, значения данной лексико-семантической группы оказываются связаны и образуют многочленные семантические переходы: *family > generation > race > clan > bamboo > tribe > caste>* и т.д. Слитность значений этого семантического поля могла бы стать предметом отдельного дальнейшего исследования.

Также дальнейшим направлением исследования семантических переходов семейной лексики может стать расширение языковой базы, охват других генетически родственных и ареально близких языков.

Список сокращений:

там. — тамильский язык
мал. — язык малаялам
хин. — язык хинди
тел. — язык телугу

Библиографический список

1. DatSemShift – M.Bulakh, D. Ganenkov, I.Gruntov, T.Maisak, M. Rousseau, Anna A. Zalizniak. Database of semantic shifts in the languages of the world, DatSemshifts 2012-2013: semshifts.iling-ran.ru
2. Грунтов И.А. «Каталог семантических переходов» — база данных по типологии семантических изменений// Диалог 2007: материалы конф. — М, 2007., 157-162.
3. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 672 с. — (Studia philologica).
4. Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии. // Вопросы языкознания, № 2, 2013.
5. Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). Автореферат дисс. М. 2011
6. Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе. //Категория родства в языке и культуре. - М., 2009. - С. 7-22.
7. Языки мира: Дравидийские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Н.В. Гуров, А.М. Дубянский, А.А. Кибрик, Е.Б. Маркус. — М.: Academia, 2013.
8. Янковича де Мириево Ф. И., Паллас П.С. ред. "Сравнительный словарь всех языков и наречий", 1786-1789.
9. François Alexandre. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // Vanhove M. (ed.) From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.
10. Koch P. Diachronic onomasiology and semantic reconstruction // W. Mihatsch, R. Steinberg (eds.). Lexical data and universals of semantic change. Tübingen, 2004.
11. Krishnamurti Bh. The Dravidian languages, Cambridge, 2003.
12. Zalizniak et al. – Anna A. Zalizniak, M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical

semantic typology // M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove (eds.). New directions in lexical typology. Linguistics, a special issue. 2012. V. 50. № 3.
13. Тамильско-русский словарь. Ред. Сомасундарам П. М,1960
14. Хинди-русский словарь (в двух томах).Под ред. В. М. Бескровного. Изд."Советская Энциклопедия", М., 1972 г.
15. Bahri H. Learners' Hindi-English dictionary. Delhi: Rajapala, 1989.
16. Caturvedi M. A practical Hindi-English dictionary. Delhi: National Pub.House, 1970.
17. Gwynn, J. P. L. A Telugu-English dictionary. Delhi; New York: Oxford University Press, 1991.
18. Gundert H. A Malayalam and English dictionary. Mangalore, London, C. Stolz; Trübner, 1872.
19. Tamil lexicon. Madras: University of Madras, 1924 -1936.

Д.Б. Тискин

СПбГУ, Санкт-Петербург

АНАФОРА К ПРЕДИКАТУ И ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОЙ ИМЕННОЙ ГРУППЫ*

1. Анафора к предикатной ИГ

Наряду с широко известными употреблениями анафорических местоимений, описанными на материале различных языков, в русском языке наблюдается явление, при котором местоимение третьего лица имеет антецедентом именную группу[1], функционирующую как предикат[2].

(1) Париж всегда был столицей Франции, а когда он ею не был, то и самой Франции не было[3].
(2) То смешливая, то задумчивая девчонка не претендовала на роль исповедника, умудрённого утешителя. Она им не была.
(3) Несмотря на то, что оно выглядело птицей, оно ею не было.

* Автор выражает благодарность Я. Вишлицкому, О. В. Митрениной, М. Г. Тагабилевой, трём анонимным рецензентам и аудитории конференции «ТМП — 2015».

[1] Мы используем термин *именная группа* как нейтральный, не имея в виду занять ту или иную позицию по вопросу о структуре антецедента (например, не противопоставляя именную группу группе детерминатора). Ниже ещё пойдёт речь о структуре антецедента и анафорического выражения.

[2] Примеры (1)–(4) и подобные им следует отличать от случаев, допускающих трактовку местоимения как анафорического к собственному имени (при наличии в лингвистическом контексте другого потенциального антецедента) или к неисчисляемому существительному:

(i) Она родилась мальчиком, Джошем, но на самом деле им не была.
(ii) Если слова Эда не были бредом (а они им не были — я в этом не сомневалась!), то его заставили работать неделю назад.

[3] Если не указано иное, нумерованные примеры извлечены из сети Интернет с помощью поисковой системы Google. Примеры с пометой *НКРЯ* извлечены из Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru).

(4) Несмотря на утверждения европейцев, что ленепе были единым племенем, они им не были до переселения в Огайо в 1740-х годах.

Все приведённые примеры демонстрируют, что морфологические признаки анафорического местоимения совпадают с признаками предикатной ИГ, а не какого-либо из субъектов, будь то подлежащее клаузы, содержащей местоимение, или той, что содержит антецедент. Пример (3) иллюстрирует исследуемое явление при полузнаменательной связке в антецеденте. Примеры (3) и (4) показывают, что антецедент может быть достаточно глубоко вложен, хотя и должен, по-видимому, линейно предшествовать местоимению.

1.1. Семантические ограничения

Е. В. Падучева [2], впервые, насколько нам известно, давшая описание анафоры к предикатной ИГ, рассматривает такие случаи в ряду *местоимений повтора* [13]. Отличительной чертой последних является то обстоятельство, что они не устанавливают отношений кореферентности и не могут функционировать в качестве связанных; русский термин *местоимение повтора* и исходный английский *pronoun of laziness* отражают точку зрения, согласно которой такое местоимение попросту замещает именную группу, присутствующую в предшествующем лингвистическом контексте[1]. Падучева приводит такие примеры, как, в частности, (5)-(6).

(5) У Маши дети взрослые, а у Даши они в детский сад ходят.
(6) Те, у кого нет велосипеда, мечтают его завести.

Впрочем, перечисляя типы случаев, когда используется местоимение повтора, Падучева выделяет ситуации, когда антецедент и анафор имеют *референтный референциальный статус*, в особый пункт классификации, тогда как остальные пункты посвящены комбинациям нереферентных статусов. (Особо отмечается, что при экзистенциальном статусе антецедента анафор не может иметь референтного статуса.) Возможные сочетания (из тех, что интересуют нас) сводятся к тому, что либо антецедент и анафор оба имеют предикатный статус, либо один из них имеет предикатный, а

[1] Это, разумеется, не исчерпывающая характеристика типичных местоимений повтора. Так, в частности, относительно некоторых из них (а именно — «чековых» местоимений (*paycheck pronouns*), или, как мы могли бы их назвать ввиду их реляционной природы, *функциональных* местоимений, чей статус мы *не* намерены пересматривать в данной статье) утверждается, что они чувствительны к синтаксическому параллелизму между клаузой, содержащей антецедент, и той, что содержит анафор [17].

другой — родовой [1]. Само по себе такое распределение вряд ли может быть объяснено апелляцией к идее повтора лингвистического материала, если только не постулировать структурные различия между референтными и предикатными/родовыми ИГ. (Ср., например, трактовку предикатных ИГ как малых клауз, из которых субъект выдвинулся в позицию матричного субъекта, у Л. Бэбби [4].) Ниже мы вернёмся к этому вопросу.

1.2. Иные ограничения

1.2.1. Морфологические признаки антецедента

Личные местоимения в функции анафоры к предикату требуют в качестве антецедента именной группы, т. е. составляющей, вершиной которой является существительное. Прилагательное в той же позиции не может играть роль антецедента[1]:

(7) Кузьма в молодости был дураком, но Иван никогда им не был. [серия примеров (7)-(9), (14)-(15) сконструирована]
(8) *Кузьма в молодости был глупым, но Иван никогда им не был.

Это ограничение носит не формально-морфологический характер, поскольку надёжно субстантивированные прилагательные допускают анафору:

[1] Классическим исключением из этой закономерности может быть знаменитое изречение из «Плодов раздумья» Козьмы Пруткова, вероятно, воспринимаемое носителями как приемлемое:

(iii) Если хочешь быть счастливым, будь им.

Кроме того, по данным Л. Бэбби [4: 68], приемлемо (iv), хотя уже (v) неприемлемо для многих носителей:

(iv) Ты всегда был такой жестокий или стал им после войны?
(v) ?*Ты всегда была такая жестокая или стала ей после войны?

Мы не считаем (iv) вполне приемлемым, однако нам известен ещё один (помимо (iii)) случай анафоры к предикативному прилагательному в литературе, точнее в тексте песни:

(vi) Хочешь быть сумасшедшим — будь им...

В отличие от (iv), (iii) и (vi) допускают трактовку, при которой прилагательное считается субстантивированным (см. ниже).

(9) Кузьма в молодости был учёным ‘научным работником’, но Иван никогда им не был.

В случае, когда антецедентом является группа прилагательного, используется проформа *такой*; при этом проформа *таковой* способна выполнять обе функции (хотя и не обязательно в нейтральном стилистическом регистре)[1]:

(10) Он не националист и никогда таковым не был.
(11) Говорят, что везёт сильнейшим, значит сегодня я таковым не был.

На то, что соответствующее (в т. ч. стилистически) относительное местоимение *каковой* имеет предикатный референциальный статус, указывает Е. А. Лютикова [1]; пример такого рода дан в (12). В книге Е. В. Падучевой приводятся такие примеры, как (13), где антецедентом *каковой* является группа прилагательного[2].

(12) Я рада, что парламент наконец стал местом для дискуссий, каковым он и должен быть.
(13) Мария говорит, что Джон груб и невежествен, каковым он и является. [2: 68]

Распространение существительного-антецедента прилагательными не мешает анафоре к предикату, однако фокус (в смысле [28]) на прилагательном снижает приемлемость:

(14) Кузьма был умным СТУДЕНТОМ, а Иван им не был. (Он был ПРОФЕССОРОМ.)
(15) ?*Кузьма был УМНЫМ студентом, а Иван им не был. (Он был ГЛУПЫМ студентом.)

1.2.2. Употребление номинатива

В то время как связка *быть* вообще допускает и именительный, и творительный падеж предикатной ИГ, употребление номинатива местоимения, анафорического к предикату, затруднено[3]. Обычные ИГ в

[1] Анализ слова *таковой* остаётся за рамками данной статьи.

[2] Не исключено, что относительно более мягкие, чем у личных местоимений, требования *каковой* к антецеденту и отсутствие у него родовых употреблений связаны.

[3] Ср. другие случаи различного поведения номинатива и инструменталиса присвязочной ИГ в [24: 25-30]. А. М. Перельцвайг считает

номинативе могут быть именной частью составного именного сказуемого при отрицании:

(16) Он не был карьерист, скудных денег зарплаты ему хватало, а знания не были нужны, он и без того считал себя достаточно умным. [НКРЯ]

Местоимения в той же функции (не обязательно анафорические к предикату), по-видимому, возможны только в конструкции *это (не) был он.*

(17) Подойдёт как звонилка на замену 2 трубок, но если нужен смарт, то это не он.

В отсутствие отрицания анафорическое к предикату местоимение может выступать в сочетании с частицей *и*:

(18) Не совсем поняла, чем не устраивает вариант «папина жена»? Ну так ты она и есть. Что оскорбительного?

(19) А насчет «нельзя назвать»... не только можно — он она и есть... в смысле «политическая проститутка»...

Представляется, однако, что сочетания типа **он он и есть*, а также примеры с другим порядком слов наподобие **он и есть она* в лучшем случае маргинальны при интерпретации местоимения как анафорического к предикатной ИГ.

1.3. Связанные явления

В речи встречаются, хотя вряд ли могут считаться нормативными, анафорические употребления личных местоимений в конструкции *в качестве X'а*:

(20) ?Что же касается приоритетного направления для агентства ЭСКАРа, то в его качестве была названа обязательная поддержка среднего и малого бизнеса.

(21) ?Хотя углубляется в землю Владимир Филиппович один, наверх его всегда страхует и помогает в работе напарник. Однажды в его качестве была задействована даже дочь мастера.

Заметим, что здесь, как и выше, сходные с личными местоимениями свойства проявляет лексема *таковой*:

инструментальные ИГ собственно именными группами, а номинативные — группами детерминатора (DP).

(22) Ливингстон начал свою карьеру миссионером и в качестве такового отправился в глубь Африки.

2. Чем не является анафора к предикату

2.1. Не обычная анафора

Вообще говоря, отказ признать анафору к предикатной ИГ случаем обычной анафоры к ИГ нуждается в обосновании. В самом деле, почему бы не считать, что ИГ в предикатной функции не перестаёт быть обычной ИГ, обозначающей индивид или квантор и, соответственно, разрешающей употребление анафорического местоимения?

Аргумент[1] против такой точки зрения был предложен Д. Графф Фара [11] на материале английского языка. Воспроизведём его. Для начала следует отметить, что обычные неопределённые ИГ приводят к неоднозначностям, связанным со сферой действия квантора существования:

(23) Английский
John did not meet a linguist.
Дж. AUX.PST NEG встретить INDEF лингвист
a) ‘Неверно, что Джон встретил какого бы то ни было лингвиста’
b) ‘Для некоторого лингвиста *x:* Джон не встретил *x*’

В то же время, предикатные неопределённые ИГ не приводят к таким неоднозначностям:

(24) John is not a linguist.
Дж. COP.3SG NEG INDEF лингвист
a) ‘Неверно, что Джон — лингвист’
b) *‘Для некоторого лингвиста *x:* неверно, что Джон — это *x*’

Может показаться, что применительно к русскому языку данный аргумент не имеет силы. В самом деле, нетрудно вообразить следующий монолог:

(25) Вот загадка про Андрея, Ивана и Кузьму. В лодке сидят биолог, физик и лингвист. У Ивана в сумке курс Ландау—Лифшица. Кузьма не лингвист. Кто Андрей?

[1] Другой аргумент, основанный на поведении полных и кратких форм прилагательных в русском языке и призванный обосновать синтаксическое различие между аргументными и предикатными ИГ, приводится в [4].

Подчёркнутое предложение в (25) может быть понято как ‘Для некоторого лингвиста *x*: неверно, что Кузьма — это *x*’; во всяком случае, лингвист *x* может быть назван: это Андрей. Тем не менее, перевод на английский язык дал бы здесь *the linguist*, а не *a linguist*, как в (24). Определённые же ИГ в английском языке демонстрируют неоднозначность в сочетании со связкой:

(26) Английский [14]
Who is John? John is the president
Кто COP.3SG Дж. Дж. COP.3SG DEF президент
of the club.
PREP DEF клуб
‘Кто Джон? Джон — президент клуба’

(27) What is John? John is the president
Что COP.3SG Дж. Дж. COP.3SG DEF президент
of the club.
PREP DEF клуб
‘Кто Джон по профессии? Джон — президент клуба’

Как отмечает Л. Гайст [14], в (26) определённая ИГ интерпретируется как обозначающая индивид, а в (27) — как обозначающая свойство[1]. В последнем случае мы имеем дело с *предикативной* связкой, а в первом — с *экват*ивной[2]. Традиционно постулируется соответствующая омонимия связки, но Гайст предлагает считать, что связка по умолчанию имеет предикатную семантику $\lambda P.\lambda x.[P(x)]$, а при необходимости эквативного чтения, прежде чем соединиться со своим комплементом, вступает в композицию с оператором *ident*:

$$[\lambda P.\lambda x.[P(x)]] \circ [\lambda u.\lambda y.[y = u]] \equiv \lambda u.[\lambda P.\lambda x.[P(x)](\lambda y.[y = u])] \equiv \lambda u.\lambda x.[x = u].$$

[1] Чтобы получить такое значение, определённая ИГ подвергается *сдвигу типа* (type shift), называемому *ident*. Он определяется как $\lambda x.\lambda y.[x = y]$.

Если бы мы предположили, что возможность анафоры к ИГ, обозначающей свойство, обусловлена тем, что ИГ как таковая ничем не отличается от аргументной (если сдвиг типа не имеет соответствия в синтаксисе), то всё равно осталось бы необъяснённым различие между русским языком и рядом других, в частности, английским, где такая анафора невозможна.

[2] Не вполне ясно, как такая трактовка соотносится с утверждением Гайст о том, что в русском языке эквативные чтения возникают при наличии частицы *это*.

Случай (25) в этом смысле аналогичен (26), а интересующие нас случаи (среди которых есть и такие, где антецедент несёт значение единственности, ср. *столица Франции* в (1)) — аналоги (27).

2.2. Не дескриптивное местоимение

Ещё один тип употреблений личных местоимений, от которого следует отграничить анафору к предикатной ИГ, — так называемые дескриптивные местоимения [26; 10]. Классическим примером дескриптивного употребления является (28).

(28) Английский
He is usually an Italian.
Он COP.3SG обычно INDEF итальянец
'Обычно он итальянец' [произносится при указании на действующего папу римского: нынешний понтифик, как и два его предшественника, не итальянец, но большинство пап всё же итальянцы].

Для таких случаев предлагается анализ местоимения *he* как группы детерминатора (DP) со следующей структурой:

[$_{\text{DP}}$ *he* [*R i*]].

Эта трактовка опирается на ряд работ (в т. ч. [9; 27]), где предлагалось считать личные местоимения третьего лица комбинаторными фонологическими вариантами определённого детерминатора *the*, появляющимися на месте последнего, если ИГ — комплемент детерминатора фонологически не выражена. Соответственно, *he* занимает позицию вершины DP, а роль его комплемента играет комплекс [*R i*], где *i* — индекс, значение которого задаётся означиванием переменных (которое, в свою очередь, моделирует некоторые аспекты контекста), а *R* — двуместная предикатная переменная, значение которой также определяется означиванием. Роль означивания в интерпретации (28) состоит в том, что индексу *i* сопоставляется индивид (папа Франциск), на которого указывает говорящий, а переменной *R* — отношение $\lambda x.\lambda y.$[*y* выполняет ту же роль, что и *x*]. Для *x* = Франциск это отношение выполняет любой папа римский; соответственно, вся DP, фонологической манифестацией которой является *he*, интерпретируется как 'тот индивид, который выполняет роль Франциска'; в отличие от имени *Франциск*, такая дескрипция не является жёстким десигнатором в смысле Крипке [18], так что её значение меняется от ситуации к ситуации (по ситуациям пробегает наречие-квантор *usually*). Таким образом достигается дескриптивная интерпретация местоимения.

Очевидно, что ввиду наличия определённого детерминатора такая гипотеза предсказывает семантику единственности у местоимения[1] (даже при допущении сдвига типа *ident*). Выше мы могли видеть, что это предсказание ошибочно: в общем случае (например, в (2)-(4)) значения единственности (соответственно, птицы, исповедника-утешителя и единого племени) не возникает, а его появление в (1) связано, разумеется, с конвенциональным значением имени *столица*. Поэтому интересующая нас в данной статье анафора к предикатной ИГ не может считаться частным случаем дескриптивных чтений местоимений.

2.3. Не местоимение повтора

Выше уже шла речь о том, что Е. В. Падучева относит случаи анафоры к предикатной ИГ к местоимениям повтора. Прежде чем предложить альтернативный вариант анализа, нам следует рассмотреть эту возможность. (Впрочем, назвать наш анализ альтернативным можно лишь при условии, что для местоимений повтора уже предложена та или иная трактовка; работа Е. В. Падучевой таковой не содержит.)

Как отмечает сама Е. В. Падучева [2: 148] относительно местоимений повтора, «[м]естоименная конструкция такого рода возможна лишь при условии, что антецедент и субститут — релятивные имена, т. е. называют объект через его отношение (одно и то же) к другому объекту, название которого фигурирует в том же предложении». В примере (5) релятивно имя *дети*, которое может быть проинтерпретировано как функция из множества (потенциальных) родителей в множество множеств их детей, так что местоимение *они* является анафорическим по отношению к такой функции (или по отношению к функции и её аргументу сразу, но как раз аргумент в случае анафора не тот, что в случае антецедента). В весьма яркой форме этим же свойством обладает классический пример местоимения повтора — «предложение с чеком»:

[1] За исключением «слабых» определённых ИГ (weak definites), которые иногда [3] описываются как обозначающие сорта, что соответствует нашему анализу ниже.

(29) Английский [17]

The	man	who	gave	his	paycheck
DEF	мужчина	REL	дать.PST	свой	чек
to	his	wife	*was*	*wiser*	*than*
PREP	своей	жене	быть.PST	мудрее	чем
the	man	who	gave	it	to
DEF	мужчина	REL	дать.PST	его	PREP
his	mistress.				
своей	любовнице				

‘Мужчина, который дал свой чек своей жене, был мудрее, чем мужчина, который дал его своей любовнице’

Падучева демонстрирует, что сама по себе реляционность не может вполне объяснить поведение местоимений повтора в русском языке. Так, при приемлемости (30)-(31) объявляются неприемлемыми (32)-(33), с чем, впрочем, согласны не все говорящие.

(30) Как раз тогда, когда сознание покинуло Стёпу в Ялте, оно вернулось к Бездомному в Москве. [2]

(31) В этом году президент республиканец, но в один прекрасный день он будет членом партии зелёных. [1, приписывается Н. В. Ивлиевой]

(32) #Мой дом раньше был в Мериленде, а теперь он в Лос-Анджелесе.

(33) #Роу завещал свой дом жене, а Доу оставил его в наследство дочери.

Принимая во внимание ограничения на употребление анафоры к предикатной ИГ, связанные с референциальными статусами антецедента и анафора (см. выше § 1.1), мы предлагаем рассматривать анафору к предикатной ИГ отдельно от местоимений повтора. Случаи (30)-(31) при этом должны трактоваться как местоимения повтора, где реляционность имени *сознание* или *президент* связана с тем, что президент определяется относительно временно́й точки t (такой, как этот год или «один прекрасный день»), а сознание — относительно его носителя x (Стёпы или Бездомного).

3. Уточнение задачи

Имеются и другие аргументы, мотивирующие поиск решения, отличного от намеченного Е. В. Падучевой.

Как уже говорилось выше, Падучева предлагает рассматривать местоимения повтора как замену некоторого лингвистического материала, который, в свою очередь, должен быть проинтерпретирован семантическим

компонентом модели; соответственно, прежде чем начнёт работу семантический компонент, особый модуль должен, руководствуясь правилами подстановки, восстановить лингвистический материал на месте «ленивого» местоимения. Несмотря на то, что необходимость такого модуля в принципе может быть обоснована на каком-то ином материале, представляется, что модель языка без отдельного модуля для обработки местоимений повтора более экономична. Действительно, в литературе известны попытки отнесения явлений повтора к синтаксическим, собственно семантическим или прагматическим [15; 20; 12: 73].

Более того, даже если оставить в стороне необходимость отдельной процедуры для разрешения нетипичной анафоры, решение Е. В. Падучевой влечёт признание лексической омонимии местоимений, при которой одни лексемы (скажем, *он*$_1$, *она*$_1$, *оно*$_1$, *они*$_1$) выполняют (дейктические и) обыкновенные анафорические функции, а другие (*он*$_2$, *она*$_2$, *оно*$_2$, *они*$_2$) специализируются на функции повтора. Как и в случае с особым компонентом для местоимений повтора, теория, не постулирующая лексической омонимии личных местоимений, была бы более экономичной; если же удастся обойтись и без структурной омонимии (т. е. не заявлять, к примеру, что в позиции предиката ИГ, даже и местоименная, имеет не ту синтаксическую структуру, что в аргументной позиции; см., впрочем, сноску на стр. 341), экономия будет ещё большей.

Сформулируем теперь более точно нашу задачу. С одной стороны, анафора к предикатной ИГ в русском языке необычно близка по свойствам к анафоре к аргументной ИГ, что отличает русский язык от ряда других, где, в частности, в качестве анафорических к предикату используются отдельные лексемы или же выбор морфологических характеристик анафора подчиняется не тем правилам, что в случае обычной анафоры:

(34) Французский [8]
Marie est une avocate, et Jeanne
Мари COP INDEF адвокат.FEM и Жанна
le/*la sera aussi.
PRN.MASC COP.FUT тоже
‘Мари — адвокат, и Жанна тоже им будет’.

(35) Итальянский [29]
Quelli sono due linguisti, ma non
те COP два лингвист.PL но не
lo/*li saronno a lungo.
такой COP.FUT долго
‘Те двое — лингвисты, но не будут ими долго’.

(36) Английский [19]
Latimeria is called latimeria/that/so/*it/*itself
латимерия COP назван латимерия/так/*ею/*собой
after Miss... Latimer.[1]
в честь мисс Латимер
'Латимерия названа латимерией/так в честь мисс Латимер'.

С другой стороны, трудно было бы говорить о единстве всех анафорических употреблений местоимений третьего лица в русском языке: наряду с обычной связанной и несвязанной («ослиной») анафорой выделяются, по-видимому (хотя этот вопрос на русском материале не исследован), дескриптивные употребления и, наконец, анафора к предикатной ИГ, ограниченная предикатным и родовым референциальными статусами. Соответственно, теоретическая задача состоит в том, чтобы дать описание последней, не постулируя лексической омонимии местоимений и учитывая ограничения референциального статуса.

Такая постановка вопроса оставляет возможность решения, основанного на семантической недоопределённости русских местоимений или вообще ИГ и на применении правил сдвига типа [6; 21][2]. Можно представить себе и анализ, основанный на структурных различиях между аргументными и предикатными ИГ: к примеру, при отсутствии лексической омонимии местоимений предполагалось бы, что при аргументном антецеденте анафор имеет при себе нулевой детерминатор $\varnothing_{\text{def}}$, а при предикатном или родовом антецеденте — не имеет; при этом пришлось бы объяснить, какой фрагмент грамматики ответствен за это распределение. Вариант анализа, который

[1] В качестве анафора к предикативной группе прилагательного в английском языке может использоваться *that*, сочетающее эту функцию с функцией анафоры к предикатной ИГ.

(vii) Английский [21, приписывается Дж. Россу]
They said Mary was beautiful, and
они сказать.PST Мэри AUX.PST красивый и
she is that.
она AUX такой
'Они сказали, что Мэри красива, и она (действительно) такова'.

[2] В [13: 227, (12)], впрочем, способность быть аргументом предиката объявляется всё-таки неотъемлемым синтактико-семантическим свойством данной ИГ.

предложим мы, значительно проще с семантической и синтаксической точек зрения, хотя, повторим, решение вопроса о необходимости более сложной трактовки может зависеть от данных о других фрагментах (русской) грамматики (см., например, [4]).

4. Анафора к предикатной ИГ как анафора к сорту

Наш основной тезис состоит в том, что местоимения в функции анафоры к предикатной ИГ обозначают *сорта* (kinds). Под ними понимаются естественные (в смысле естественной классификации, хотя термин *natural kind* в философии обычно обозначает природные общности, такие как кролики или яблоки) классы объектов. Сорт, хотя представляет собой некоторый множественный индивид, т. е. максимальную совокупность индивидов с данными свойствами, может быть осмыслен как единичный индивид особого рода (ср. [6]).

Некоторые языки имеют специальные средства для анафоры к имени сорта. (В таких языках роль анафоров с индивидной семантикой выполняют другие выражения[1].) Так, как сортовой анафор характеризуется англ. *one* [7; 29]. Его синтаксическая категория определяется как pro-N', поскольку оно допускает как некоторые детерминаторы (что не позволяет считать его pro-DP), так и разного рода модификаторы (прилагательные, предложные группы [23]); в то же время *one* может замещать, к примеру, комплексы вида «прилагательные + существительное», что не позволяет считать его pro-N.

Существует целый ряд теорий, предлагающих многоуровневую структуру между N' и DP (см. отдельно для местоимений [5; 8; 22], шире для DP см. [29] и др.). В некоторых из них одному из уровней семантически

[1] Ср., однако, пример Дж. Кьеркиа [6: 370]:

(viii) Английский
John is trying to find policemen,
Джон COP пытаться.PART найти полицейский.PL
and Mary is trying to find
и Мэри COP пытаться.PART найти
them too.
они.ACC тоже
'Джон пытается найти полицейских, и Мэри тоже пытается их найти'.

Кьеркиа трактует *policemen* как имя сорта; тем не менее, в качестве анафорического используется личное местоимение.

соответствует как раз сортовая семантика. К примеру, в работе Р. Дзампарелли [29] DP приписывается следующая структура:

(37) $[_{SDP} \ldots [_{PDP} \ldots [_{KIP} \ldots N \ldots]]]$

Здесь KIP — kind phrase, т. е. «группа сорта»; ей приписывается сортовая семантика. Уровень PDP (predicative determiner phrase, предикативная группа детерминатора) изменяет тип значения с сортового на предикатный, а самый верхний уровень SDP (strong determiner phrase, группа сильного детерминатора) обращает предикат в индивид, на этот раз уже не сортовой. Дзампарелли классифицирует *one* как KIP, обращая внимание на его согласовательные возможности (*one — ones*); ср. § 5.

Русские личные местоимения синтаксически являются pro-DP (или сходными по «размеру» составляющими), поскольку не допускают модификаторов и детерминаторов[1]. Наша гипотеза состоит в том, что, наряду с индивидной семантикой, русские личные местоимения третьего лица могут иметь сортовую семантику. Будучи готовым признать лексическую омонимию или возможность сдвига типа, на этом можно было бы и остановиться; мы, однако же, предлагаем способ обойтись без этого.

Сделать это можно следующим образом. Предположим, во-первых, что **(I)** одним из семантических параметров[2] в языках мира является то, как трактуются в них сорта: как особый домен для квантификации или как

[1] Существуют, однако, и исключения, такие как

(ix) *Красивая я стою на конференции.*
(x) *Красивый я на фоне ковра*,

но носителей русского языка вряд ли придётся убеждать в их маркированности. Местоимения первого и второго лица, по-видимому, несколько легче допускают модификацию и детерминацию, ср. в [24: 28], где (xi) приводится даже без указания неполной приемлемости:

(xi) ?*Сильная я смогу это преодолеть.*
(xii) *Я люблю того тебя, которого я знаю.*

[2] Ср. в [6: 340]: «...остаётся вопрос о том, ограничено ли лексическое разнообразие морфологическими свойствами слов, или оно может затрагивать и то, что слова обозначают. Иначе говоря, вопрос состоит в том, можно ли охарактеризовать грамматику, используя лишь синтаксические примитивы, или же семантические (такие, как «референция») тоже придётся использовать».

подмножество домена индивидов[1]. Английский и романские языки, данные которых приведены выше, принадлежат первому разряду, русский — второму. В таком случае достаточно сказать, что в русском языке (как и в других) личные местоимения третьего лица используются в функции (связанной или несвязанной) анафоры к индивиду. Поскольку под понятие «индивид» в русском языке подпадают и сорта, русские местоимения могут обозначать и их.

Во-вторых, мы утверждаем, что **(II)** ИГ с предикатным или родовым референциальным статусом в русском языке обозначают сорта[2]. Таким образом, при наличии подходящего антецедента, обозначающего сорт, местоимение также будет обозначать сорт, что и проявляется в феномене анафоры к предикатной ИГ.

4.1. Преимущества сортового анализа

Предлагаемый анализ имеет ряд достоинств. Во-первых, как уже сказано выше, он позволяет избежать лексической и (возможно, в зависимости от трактовки различий в референциальном статусе антецедента; см. § 5) структурной омонимии личных местоимений.

Во-вторых, он позволяет объяснить избирательность анафоры к предикатной ИГ в отношении референциальных статусов: если антецедент местоимения имеет сортовую семантику (согласно нашему предположению, это имеет место в случае предикатных и родовых ИГ; не исключено, что этот список следует пополнить экзистенциальными), её имеет и местоимение; в противном случае местоимение не имеет возможности приобрести сортовую семантику.

В-третьих, факты в (7)-(9) могут быть объяснены, если сделать дополнительное допущение. Оно состоит в том, что существительные и некоторые сочетания «прилагательное + существительное» могут иметь сортовую семантику, в то время как сами по себе прилагательные и сочетания «прилагательное с фокусом + существительное» не могут. Субстантивированные прилагательные в таком случае должны вести себя

---

[1] Последнее предлагается в [6], хотя и в интенсиональном варианте: там сортам соответствует тип функций из множества возможных миров в множество максимальных множественных индивидов данного сорта.

[2] Это достаточно сильный тезис, который идёт вразрез с контраргументом, приводимым нами в § 5. В более слабой форме он мог бы выглядеть так: ИГ с предикатным или родовым референциальным статусом вводят *дискурсивные референты* сортового типа, которые затем могут служить денотатами анафорических выражений.

так же, как и прочие существительные, что и наблюдается в (9). (Ср. понятие *well-established kind* в [3].)

В-четвёртых, как отмечено Дж. Кьеркиа [6], сортовые имена не имеют сферы действия; в той мере, в какой (24) можно воспроизвести на русском материале, оно подтверждает это наблюдение (хотя неясно, по тем же причинам, что в английском языке, или по другим).

4.2. Другие свидетельства в пользу сортового анализа

В дополнение к сказанному в предыдущем параграфе приведём ещё два обстоятельства, которые могут свидетельствовать о сортовой семантике предикатных ИГ и о том, что в русском языке сорта рассматриваются как подмножество индивидов, — однако требуют более детального анализа, чем мы можем дать.

Одно из названных обстоятельств касается различий между русским и, к примеру, английским языками в том, каковы морфологические признаки местоимений, способных замещать предикатные ИГ. Хотя пример (36) может быть воспроизведён на русском материале, в русском аналоге (38) (вероятно, с другим глаголом), несомненно, будет использовано местоимение *кто* [14]:

(38) Английский [19: 578]

What	/*who was	Caesar	nominated?
Что	/*кто быть.PST	Цезарь	номинировать.PART.PST

Одушевлённость может быть характеристикой имени сорта, понимаемого как индивид; иная трактовка сортовых имён (или же иная структура предикации) в английском языке препятствует использованию одушевлённого местоимения.

Второе обстоятельство состоит в том, что в русском языке засвидетельствованы такие примеры, как (39)-(40).

(39) По поводу председателя — напишите в сельсовет, где он был этим самым председателем.

(40) Я лично не застал время, когда он был этим самым «уважаемым и адекватным форумчанином».

Анафоры к предикатной ИГ в таких примерах нет, однако употребление *этот самый*, обычно предполагающее, что определяемая ИГ обозначает индивид, может получить объяснение с точки зрения сортового анализа предикатных ИГ. С другой стороны, как особенно ярко демонстрирует (40), определяемая ИГ в таких случаях всегда или зачастую цитируется из предшествующего дискурса или повторяется (являясь, по сути,

анафорической) самим говорящим. Это осложняет однозначное описание подобных примеров.

5. Нерешённые вопросы

Выше мы ничего не сказали о том, каким образом обеспечивается соответствие между референциальным статусом и типом денотата (индивид или сорт). За это может быть ответствен некоторый элемент синтаксической структуры или же сдвиг типа, однако этот вопрос мы оставим здесь неразрешённым.

Следует упомянуть и ещё об одной существенной проблеме для предлагаемого анализа. Как замечает Дж. Кьеркиа [6: 351], «свойство быть представителем сорта безразлично к тому, о единичном или множественном представителе идёт речь». Признание нашего тезиса **(II)** в сильной форме означало бы, что при подлежащем, требующем согласование именного сказуемого по множественному числу, именная часть сказуемого с сортовой семантикой могла бы (если не должна была бы) иметь форму единственного числа. В действительности же наблюдается обратное:

(41) Мы не неандертальцы/*неандерталец и никогда ими/*им не были.

Сторонник сортового анализа мог бы возразить по крайней мере одним из следующих способов:

- тезис о специфике сортов в «наивной онтологии» русского языка следует сохранить, но **(II)** должен быть ослаблен (см. сноску 2 на стр. 350), чтобы допустить несортовую семантику для русских предикатных ИГ и одновременно объяснить, откуда возникают дискурсивные референты для местоимений, анафорических к предикатной ИГ;
- сортовой анализ может быть усложнён так, чтобы сорт множественных индивидов (например, *неандертальцы*) отличался от соответствующего сорта единичных индивидов (*неандерталец*). Тогда местоимение *мы* в (37) будет требовать в качестве именной части сказуемого имени «множественного» сорта, поскольку само обозначает множество. Элегантность сортового анализа существенно страдает при такой модификации, однако возражение, связанное с примерами типа (37), может быть устранено.

Кроме того, в точности та же трудность встаёт перед теоретиком, считающим англ. *one* сортовым выражением:

(42) Английский
We are refusing to being
мы COP.1PL отказываться.PART PREP COP.PART
victims, but we are becoming
жертва.PL но мы COP.1PL становиться.PART
ones.
ONE.PL
'Мы отказываемся быть жертвами, но мы становимся ими'

Наконец, отдельного исследования требует эффект, производимый сортовой трактовкой предикатных ИГ на представления о синтаксисе и семантике связки *быть*; ср. дискуссию о её возможной омонимии в [14], где сама Л. Гайст высказывается в пользу единой семантики в сочетании с правилами сдвига типа. Признавая за комплементом связки в предикативном употреблении сортовой статус, который считаем (выделенной) разновидностью индивидного, мы делаем шаг в том же направлении, однако в данной работе не можем позволить себе более детального разбора.

Библиографический список

1. Лютикова Е. А. Интерпретация местоимения *который* в аппозитивных относительных предложениях. Известия РАН. Серия литературы и языка, № 1, 2012, с. 3-24.
2. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Наука, 1985.
3. Aguilar-Guevara, A. and Zwarts, J. Weak definites and reference to kinds. In: Proceedings of SALT, vol. 20, 2010, pp. 179-196.
4. Babby L. H. The syntactic differences between long and short forms of Russian adjectives. In: Adjectives: Formal analyses in syntax and semantics. John Benjamins, 2010, pp. 53-84.
5. Cardinaletti A., Starke M. The typology of structural deficiency. On the three grammatical classes. University of Venice working papers in linguistics, 4(2), 1994, pp. 41-109.
6. Chierchia G. Reference to kinds across language. Natural Language Semantics, 6(4), 1998, pp. 339-405.
7. Cowper E., Hall D. Argumenthood, pronouns, and nominal feature geometry. In: Determiners: Universals and variation. John Benjamins, 2009, pp. 97-120.
8. Déchaine R.-M., Wiltschko M. Decomposing pronouns. Linguistic Inquiry, 33(3), 2002, pp. 409-442.
9. Elbourne P. E-type anaphora as NP-deletion. Natural Language Semantics, 9, 2001, pp. 241-288.

10. Elbourne P. Demonstratives as individual concepts. Linguistics and Philosophy 31(4), 2008, pp. 409-466.
11. Fara D. G. Descriptions as predicates. Philosophical Studies, 102(1), 2001, pp. 1-42.
12. Gagnon M. Anaphors and the missing link. PhD thesis, University of Maryland, 2013.
13. Geach P. Reference and Generality. Cornell University Press, 1962.
14. Geist L. Predication and equation in copular sentences: Russian vs. English. In: Existence: Semantics and Syntax. Springer, 2007, pp. 79-105.
15. Haïk I. Pronouns of laziness. In: Proceedings of NELS 16. University of Massachusetts, Amherst, 1985, pp. 197-216.
16. Karttunen L. Pronouns and variables. In: Fifth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. 1969, pp. 108-116.
17. Keshet E. Contrastive focus and paycheck pronouns. In: Proceedings of the 47th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. 2011.
18. Kripke S. Naming and Necessity. Harvard University Press, 1980.
19. Matushansky O. On the linguistic complexity of proper names. Linguistics and Philosophy, 31(5), 2008, pp. 573-627.
20. Nouwen R. E-type pronouns: congressmen, sheep and paychecks. In: The Semantics Companion. Wiley, to appear.
21. Partee B. Copula inversion puzzles in English and Russian. In: Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Seattle Meeting. Michigan Slavic Publications, 1998, pp. 361-395.
22. Patel-Grosz P., Grosz P. Revisiting pronominal typology. Linguistic Inquiry, to appear.
23. Payne J. et al. Anaphoric *one* and its implications. Language, 89(4), 2013, pp. 794-829.
24. Pereltsvaig A. Copular sentences in Russian: a theory of intra-clausal relations. Springer, 2007.
25. Ramchand G., Svenonius P. Mapping a parochial lexicon onto a universal semantics. In: The Limits of Syntactic Variation. John Benjamins, 2008, pp. 219-245.
26. Recanati F. Deixis and anaphora. In: Semantics versus pragmatics. Clarendon Press, 2005, pp. 286-316.
27. Roberts C. Pronouns as definites. In: Descriptions and Beyond. Oxford University Press, 2004. Pp. 503-543.
28. Rooth M. Association with focus. PhD thesis, University of Massachusetts, Amherst, 1985.

U. Udaar

Indian Institute of Technology Delhi, New Delhi

ERGATIVITY: A DESCRIPTIVE STUDY OF MEWARI & MARWARI ERGATIVE CASE

1. Introduction to Ergativity

The languages of the world are broadly classified into two major types, namely nominative-accusative and ergative-absolutive, on the basis of how they treat their transitive subjects. Those languages that treat their transitive subjects at par with the intransitive subjects to the exclusion of transitive objects are termed as nominative-accusative systems. On the contrary, those languages that keep their transitive subjects diverse from intransitive subjects and transitive objects are known as ergative-absolutive languages [6]. A schematic representation of the classification can be seen in Table I below:

Table 1.

Nominative System		**Ergative System**
Nominative	A (transitive subject)	Ergative
	S (intransitive subject)	Absolutive
Accusative	O (transitive object)	

(cf. Dixon, 1994)

The classification of transitive subject, object and intransitive subject is done on the basis of their case marking and verbal agreement patterns. According to Dixon [6], Deal [5], some 'syntactically' ergative languages also manifest the differences by the way of availability of certain arguments for A'-movement in operations such as relativization, clausal coordination, control etc. Before we discuss the ergative-absolutive patterns in the concerned languages, let us first begin with a brief introduction.

This paper investigates patterns of ergativity in Mewari and Marwari, two languages spoken in the Indian state of Rajasthan. Considered as dialects of Rajasthani, both languages show apparent similarities in term of morphology, phonology and syntactic structures. However, we come across stark differences in

the domain of case and agreement which vary in interesting ways. Typologically, Mewari is considered as one of the western most dialects of Rajasthani[1]. The language is classified as one of the most influential Rajasthani languages. It is spoken in four southern districts of Rajasthan, namely Udaipur, Chittorgarh, Rajsamand, and Bhilwara. Mewari is thought to be a direct descendant of Old Rajasthani, and has its own historical importance. It was a prominent language of the 16th century Bhakti movement in India as Mira Bai, a well known Bhakti poet was from the Mewar region (SIL survey vol:2, 2012). According to the 1991 Census of India, the total number of speakers of Mewari in Rajasthan was 2,075,532.

Furthermore, Marwari is one of the important dialects of Rajasthani language. The word *Marwari* is derived from the Sanskrit root 'maru', meaning desert. Hence, Marwari refers to the language spoken by people of the deserts. The language is mainly spoken in Jodhpur, Barmer, Jaisalmer, Bikaner, Jaipur and Sindh region. Historically, Marwari is said to be a descendant of Old Western Rajasthani, whose origins can be traced to the Sauraseni Apabhramsa [11]. According to the 1991 census, Marwari is spoken by around 3,828,472 people in Rajasthan.

Let us now discuss the case and agreement patterns of Mewari and Marwari. Mewari is a morphologically rich language that shows overt case morphology to mark grammatical relations on its arguments. It has a dual case pattern based on aspect. The language shows a nominative-accusative pattern in the imperfective domain (1) and ergative-absolutive pattern in the perfective domain (2).

(1) jon sita-nɛ milɛgo
john.nom sita.acc meet.m.sg.fut
'John will meet Sita.'

(2) jon-nɛ sita-nɛ dekʰyo
John.erg sita.abl see.def.perf
'John saw Sita.'

The nominative-accusative pattern of Mewari is evident in (1) where the subject remains case unmarked and triggers verbal agreement. On the contrary, the subject appears with an overt case in (2) and fails to trigger verbal agreement.

In comparison, we find that Marwari also shows rich case morphology. The dual case pattern based on aspect is also manifest in Marwari, where the nominative-accusative pattern shows up in the imperfective domain (3) and the ergative-absolutive pattern is present in the perfective domain (4).

[1] Rajasthani represents a number of languages including Marwari, Mewari, Dhundhari, Harauti, Bagri etc, spoken in the state of Rajasthan in India. The language is under consideration to be included as one of the state official languages of the VIIIth schedule in the Constitution of India.

(3) jon sita-nɛ milɛlla
john.nom sita.acc meet.m.sg.pst
'John will met Sita.'
(4) jon sita-nɛ dekʰi
John.erg sita.abl see.f.sg.perf
'John saw Sita.'

The nominative-accusative pattern of Marwari closely resembles Mewari, where the subject is unmarked and triggers verbal agreement in the imperfective aspect in (3). However, the ergative pattern of Marwari differs substantially from Mewari. We can observe in (4) that the 'ergative' subject appears unmarked and yet fails to trigger verbal agreement in the perfective aspect.

The Mewari-Marwari case and agreement pattern, therefore, presents an interesting puzzle for the ergativity studies. First of all, we need to understand more about the nature of ergative case in these languages. Is ergative different from nominative case? How? What triggers ergativity in the perfective aspect, given the fact that these languages are otherwise clearly nominative-accusative? We have surveyed in this section that the subject of perfective constructions appears unmarked in Marwari, we need to find if it is a nominative or an ergative case? This paper attempts to answer the above-mentioned questions on ergativity while focusing on novel data from the concerned languages.

While ergativity is not a novel phenomenon to be discussed under the aegis of generative framework, there has been no consensus in the literature as to what constitutes an ergative system. An overview of the ergativity studies reveals that there are broadly three main approaches to ergativity. The structural case analysis considers ergative to be a structural case valued as a result of phi-agreement with the TP [10; 2]. Another proposed analysis takes ergative ergative to be an inherent case licensed by vP in association with the external θ-role [7; 12; 1]. Finally, the dependent case analysis dissociates ergative from phi-agreement and theta-role assignment and takes ergative to be a case dependent upon the presence of another DP within the same clause/domain [3; 4; 8].

Given the varied analyses for ergativity for different languages, it is now safe to assume with Johns (1992) that ergativity is not a unified phenomenon, cross-linguistically. Hence, we need to ascertain the true mechanism of ergative case licensing, especially while dealing with novel data like in Mewari and Marwari. Following this direction, the next section explores the nature of ergativity in the concerned languages.

2. Mewari and Marwari: Nature of Ergative case?

This section attempts to explore the mechanism of ergative case licensing, trying to observe whether the ergative case in Mewari and Marwari is a structural,

inherent or a dependent case. For this purpose, I shall use various diagnostics to ensure whether ergative case is linked to phi-feature exchange between the subject DP and T, as for nominative case in these languages. Next, I will use diagnostics to establish a correlation between ergative case and external theta role. Finally, I demonstrate that Mewari ergative is licensed in the presence of another DP within the vP domain.

For some languages like Basque and Chukchee, ergative is a structural case licensed by the T head as a result of phi-feature agreement between T and the subject DP [2; 10]). Let us confirm whether a similar correlation can be found for Mewari and Marwari in this section. I begin with the diagnostic of non-finite contexts, where the ergative case on the subject DP should not be affected by the presence or absence of T, see (5)-(8):

(5) mẽ dekʰyo ke məɲəki-nɛ ũdro pəkəɽyo
1.sg.erg see.perf that cat.erg mouse.acc catch.perf
hɛ
be.pres
'I saw that the cat has caught the mouse.'

Mewari

(6) mẽ məɲəki(*-nɛ) ũdrã-nɛ pəkəɽti dekʰi
1.sg.erg cat.(*-erg) mouse.acc catch.inf see.perf
'I saw the cat catching the mouse.'

Mewari

(7) mɛ̃ dekʰyo ki billi ũdro-nɛ
1.sg.nom see.perf that cat.f.sg.nom mouse.m.sg.acc
pəkəɽi
catch.f.sg.perf
'I saw that the cat caught the mouse.'

Marwari

(8) mɛ̃ billi-nɛ ũdrã pəkəɽto dekʰyo
1.sg.nom cat.acc mouse.nom catch.inf see.perf
'I saw the cat catching the mouse.'

Marwari

The data given above shows the presence of ergative case on the subject DPs of embedded clauses in the finite contexts in (5). However, the subject of embedded clauses appears without an ergative case in (6). Before we jump to conclusion that Mewari ergative is limited to finite context, we must note that the ergativity in Mewari is restricted to perfective aspect. Hence, the diagnostic does not clearly work in these languages. A similar case can be seen for Marwari, as we find object-

verb agreement within embedded clause in (7). However, this pattern is unavailable in (8) due to above mentioned reasons. Let us now explore another diagnostic to investigate the structural status of ergative.

The diagnostic of scope constructions works on the principle that reconstruction across a vP boundary is possible only for DPs which enter into agreement with the heads from which they reconstruct. Thus, nominative subjects that license case through TP are able to reconstruct and allow surface as well as inverse scope, as in (9). Let us explore whether ergative subjects, by virtue of being in phi-agreement relation with TP, are allowed a similar scopal effects.

(9) koi orət hər ʈabəra-nɛ pəkəɽi ri
some woman.nom every child.acc catch prog
hɛ
be.pres
'Some woman was holding every child.'
*[**Mewari:** some > every; every > some]*

(10) kisi orət-nɛ hər ʈabəra-nɛ pəkəɽyo
some woman.erg every child.acc catch.perf
'Some woman held every child.'
*[**Mewari:** some > every; *every > some]*

(11) koi orət hər tabəra-nɛ pəkəɽ ri
some woman every child.acc hold prog
ɛ
be.pres
'Some woman was holding every child.'
*[**Marwari:** some > every; *every > some]*

(12) koi orət hər tabəra-nɛ pəkəɽ rak^{h}yo
Some woman every child.acc hold keep.perf
ɛ
be.pres
'A woman has held every child.'
*[**Marwari:** some > every; *every > some]*

The examples given above show that Mewari ergative case fails to allow inverse scope (10) like its nominative counterpart in (9), hence, we have clear evidence to demonstrate that ergative in Mewari is not a structural case. However, the same cannot be said about Marwari which allows only surface scope for both nominative and ergative subjects (11)-(12). Hence, we need to explore more diagnostics to ensure the non-structural status of ergative in these languages.

Given the rich morphological repertoire of Mewari and Marwari, one of the clearest diagnostic to observe the structural status of ergativity comes from the verbal agreement pattern. See (13)-(16):

(13) mɛri bʰut-nɛ dekʰ ri hi
Mary.nom ghost.m.sg.acc see prog.f.sg. be.f.sg.pres
'Mary is seeing a ghost.'
Mewari

(14) mɛri-nɛ bʰut dekʰyo
Mary.f.sg.erg ghost.m.sg.acc see.m.sg.perf
'Mary saw a ghost.'
Mewari

(15) mɛri bʰut-nɛ dekʰ ri hɛ
Mary.nom ghost.m.sg.acc see prog.f.sg. be.f.sg.pres
'Mary is seeing a ghost.'
Marwari

(16) mɛri bʰut dekʰo
Mary.nom ghost.m.sg.acc see.m.sg.perf
'Mary saw a ghost.'
Marwari

The verbal agreement pattern for Mewari (14) and Marwari (16) gives clear indications of non-agreement between ergative subject and verbs. In contrast, the examples given in (15) and (17) show that the nominative subjects definitely agree with v-T complex in the languages.

We have seen that Mewari ergative case is not licensed in the non-finite contexts, allows only surface scope and the verbal morphology pattern also indicates the absence of agreement between T and subject DP. Therefore, Mewari ergative is a non-structural case, and hence not like nominative case. However, none of the above mentioned diagnostic applies on Marwari. The only exception is presence of verbal agreement with object in Marwari perfective constructions, which we explore in the last section of this paper.

Given the non-structural status of ergativity in Mewari and Marwari, we shall try to ascertain whether the ergative in these languages is an inherent case in the upcoming discussion. In this regard, I will attempt to utilize the diagnostics to establish the correlation between ergative case and external theta role. These include unergative constructions, unaccusative constructions and causative constructions.

Let us begin with observing subject case patterns of unergative constructions. We know that unergatives are considered as intransitives whose sole arguments carry an external theta role, see (17)-(18):

(17) jon doɽyo
John.nom run.perf
'John ran.' **Mewari**

(18) mɛri cʰɪ̃ik di
Mary.nom sneeze give.f.sg.perf
'John/Mary sneezed.' **Marwari**

We find out that the subjects of unergatives do not appear with an overt ergative case, and trigger verbal agreement in (17)-(18). Hence, we do not find a correlation between external theta role and ergative case in these languages. Let us now explore the domain of unaccusative constructions.

The unaccusative predicates are known to assign an internal theta role to their sole arguments, which may appear in the subject position due to EPP reasons. We will, therefore, try to investigate whether ergative case can appear on arguments carrying internal theta in (19)-(20).

(19) jon(*-nɛ) cʰət-ũ pəɽi gyo
John.nom(-*erg) terrace-loc fall go.perf
'John fell from the terrace.' **Mewari**

(20) mira cʰat-ũ gir gyi
Mira.nom terrace-loc fall go.perf
'Mira fell from the terrace.' **Marwari**

It can be observed that both Mewari and Marwari show nominative-accusative pattern with unaccusative predicates in the data given above. Let us now explore causative constructions, which involve addition of an extra applicative layer. The subjects (or causers) in such cases carry an external theta role. See examples in (21)-(22) given below:

(21) mã-nɛ jon suvayo
mother.erg John.nom sleep-cause-perf
'Mother made John sleep.' **Mewari**

(22) mã jon-nɛ suvayo
mother.erg John.acc sleep-cause-perf
'Mother made John sleep.' **Marwari**

The data given in (21)-(22) is indicative of the presence of ergative case on the subject which fails to trigger verbal agreement in both languages. Hence, we can wrap up this part of the discussion by suggesting that we found evidence suggesting that ergative case is definitely not licensed on the internal arguments. However, the correlation between external theta role and ergative case could not be established clearly. Let us, finally, explore the option of dependent case analysis for ergativity.

One of the prominent features of the dependent case analysis is that it disconnects both phi-agreement and theta role assignment from licensing of ergativity. In this regard, Baker & Vinokurowa (2010) suggest that dependent ergative case licensing takes place on the higher of the two arguments present within a vP, in the presence of another DP. Hence, the primary condition for dependent ergative case entails the presence of another argument at a lower position within vP. The dependent case analysis works comfortably for transitive constructions, where there is another structural case marked object DP within the vP, as in (23)-(24) given below-

(23)	jon-nɛ	sita-nɛ	dek^{h}yo	
	John m.sg.erg	sita.f.sg.acc	see.def.perf	
	'John saw Sita.'			**Mewari**
(24)	jon	sita-nɛ	dek^{h}i	
	John.m.sg.	sita.f.sg.acc	see.f.sg.perf	
	'John saw Sita.'			**Marwari**

An important diagnostic for dependent ergative case could involve intransitive (i.e. unaccusatives and unergatives) predicates, which should not appear with ergative due to lack of another DP within vP. We have already examined unaccusative predicates (19)-(20) in Mewari and Marwari, which show clear absence of ergativity with case unmarked subjects triggering verbal agreement.

However, unergative predicates in Mewari are slightly different from unaccusatives, in the sense that some 'bodily' unergatives do allow ergative case on their subjects in the perfective aspect. See (25)-(26):

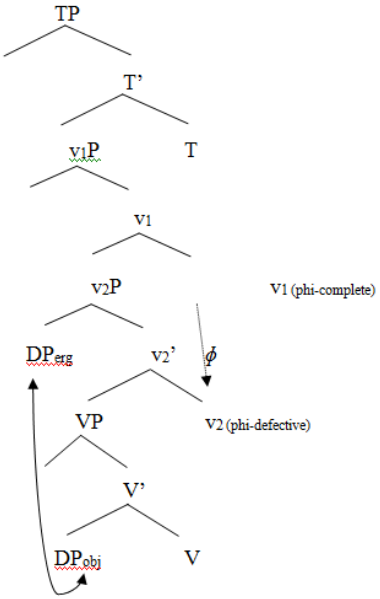
(25)	jon-nɛ	c^{h}ɪ̃kyo		
	John.erg	sneeze.perf		
	'John sneezed.'			**Mewari**
(26)	mɛri	c^{h}ɪ̃k	di	
	Mary	sneeze	give.f.sg.perf	
	'John/Mary sneezed.'			**Marwari**

The data given above shows presence of ergativity with unergative predicates in Mewari, but not Marwari. Hence, we need to investigate the appearance of a dependent ergative case on the subject of unergative predicate in (25). In this regard, I concur with Hale & Keyser (1993) and assume that the unergative constructions are underlying transitives, where the object gets incorporated in the VP. However, the phi-feature set of covert object is still visible for reference, when it comes to dependent case marking. Hence, some unergative predicates allow ergative subjects.

For the dependent case analysis, I too blame the defective nature of perfective aspect in these languages [1; Keine, Nisar & Bhatt, 2014] for bringing about a split in the default nominative-accusative pattern and giving rise to ergativity. I follow Mahajan's (2012) double vP structure to account for the dependent case analysis, where I posit that a higher v_1P with a full set of uninterpretable phi-features is selected by the defective lower v_2P (perfective). The defective v_2-head inherits uninterpretable phi-features from the v_1 head in order to license accusative case on the object DP.

Due to the activation of feature inheritance mechanism, the v_1 head, discharged of its phi-features, fails to provide an active specifier position to the external argument to move higher. Therefore, the subject DP gets stranded inside v_2P and fails to enter into phi-agreement with T and does not get nominative case. This is when the dependent case mechanism comes into play and the subject DP gets assigned a dependent ergative case since it is located in the same vP domain as the internal argument. See (27) for schematic representation:

(27)



To conclude this section, we observed that Mewari ergative case is neither licensed by phi-agreement with a functional head, nor via association with external theta role. To the contrary, it is a configurational case that depends upon the

presence of another DP within the vP domain. In the analysis part, we came across the defective perfective head which indirectly halts the movement of the subject DP onto a higher position. Hence, the subject is stranded inside vP and triggers the licensing of dependent case due to presence of object within the same domain. However, the issue of Marwari perfective constructions remained elusive in this section. Neither of the diagnostics could properly be applied for subjects of Marwari perfective constructions. Hence, I dedicate the next section for an incisive probe into the Marwari ergativity paradigm.

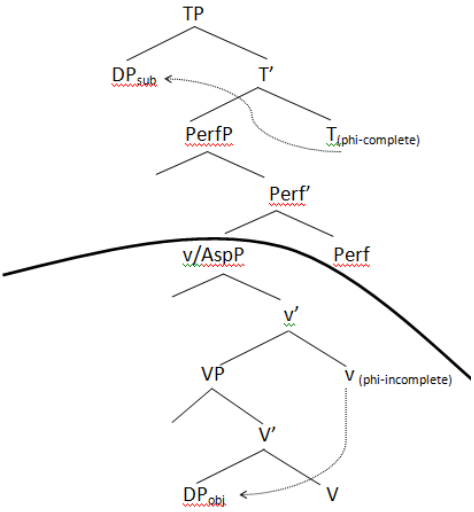
3. Marwari: Ergative or Nominative?

By now we are aware that Marwari does not overtly mark a case on its subject DP in the perfective aspect. The verbal complex also shows partial phi-agreement with the object DP, even in cases where the object is overtly case marked with accusative case, as in (28).

(28)	jon	mɛri-nɛ	dek^{h}i	ho
	John	Mary.acc	see.f.sg.perf	be.m.sg.pres
	'John has seen Mary.'			

The anomalous behaviour of Marwari perfective constructions marks a clear departure from other IA languages including Mewari and Hindi. We have already noticed in the previous section that Marwari 'ergative' subject does not share a number of properties with Mewari ergative subjects, except its inability to trigger verbal agreement. Therefore, I shall now demonstrate that Marwari ergative is actually a nominative case. However, I will begin with a discussion about a previous analysis given by Patel-Grosz & Grosz (2013). Accordingly, Marwari allows the phenomenon of 'Multiple-probe', such that the subject DP agrees with T (person agreement) and the object DP agrees with v (-person agreement). Therefore, the subject DP triggers only person agreement on the auxiliary hosted at T, while the object triggers both number and gender agreement visible on the main verb. A schematic representation can be seen in (29):

(29)



While it is clear that Patel-Grosz & Grosz (2013) also elicit an additional layer aspectual layer for their perfective structure, there are two major issues with the analysis. Firstly, the analysis assumes accusative case licensing by a phi-incomplete vP in the perfective aspect. We are aware, following Anand & Nevins [1] that a defective head cannot participate in structural case licensing with a DP. Hence, we either need to assume that the object gets some other case, but not an accusative in such constructions, or that the perfective vP is a phi-complete head. The repercussion of the second option will be that there is actually no real difference between nominative and ergative constructions in Marwari. In a nominative-accusative construction, the subject gets a nominative case via TP and the object gets an accusative case through vP. A closer scrutiny of such proposal reflects that syntactically, there is essentially no difference between Marwari perfective and imperfective construction.

In this paper, I attempt to fill in the gaps to present a clearer picture of the Marwari 'ergative' analysis. I agree that Marwari subjects enter into phi-agreement with the T head and get a nominative case, while the object gets its accusative case from vP. However, the phi-agreement relationship between v and object DP does not get representation in the morphology, while the phi-agreement between T and subject DP is visible morphologically for imperfective aspect. Assuming that perfective constructions follow the same pattern, the question that we need to answer is actually about the absence of morphological representation of object-

verb agreement in the imperfective and its presence in the perfective aspect. A possible solution for this problem could lie in exploring the diachronic path of development of Marwari perfective structures that allowed the PF interface to make phi-agreement between object and v visible. There has been a decent amount of literature that suggests that Marwari, one of the descendants of Old Rajasthani, possessed an ergative-like construction at an early stage; however, there was a decay of this pattern in due course of time [Khokhlova, 2001].

The loss of aspect based ergative alignment gave way to a completely nominative-accusative system in Marwari. The subject DP could now enter into phi-agreement with TP and get nominative case. The object DP, on the other hand, got an accusative case from the vP. However, Marwari continued to follow the PF instructions of earlier perfective constructions, which manifested phi-agreement of vP alongside the representation of phi-agreement relation between subject and TP. Hence, we come across the anomalous object-verb agreement pattern which is confused as indication of ergative pattern in Marwari.

4. Conclusion

In this paper, I addressed two main issues related to ergativity in Mewari- the nature of ergative case and the mechanism of ergative case licensing in perfective constructions. Using various diagnostics, I demonstrated the Mewari possesses a dependent ergative case which is restricted to a special configurational setting that requires presence of another DP and stranding of subject DP within the vP domain. Next, I took up the case of Marwari 'ergative' constructions and argued that the object-verb agreement pattern, assumed to be indicative of covert ergative case, is actually a relic from earlier 'ergative' constructions of Marwari where object agreement was made visible by PF interface.

References

1. Anand, P., Nevins, A. (2006). The Locus of Ergative Case Assignment: Evidence from Scope. In: Johns, A., Massam, D., Ndayragije, J. (Eds.), Ergativity: Emerging Issues. Springer, The Netherlands, pp. 3-25.
2. Bobaljik, J. D., & Branigan, P. (2006). Eccentric agreement and multiple case checking. In *Ergativity* (pp. 47-77). Springer Netherlands.
3. Coon, J. (2013). TAM Split Ergativity, Part I. *Language and Linguistics Compass*, *7*(3), 171-190.
4. Coon, J., & Preminger, O. (2012). Taking 'ergativity' out of split ergativity: A structural account of aspect and person splits. *Unpublished ms: McGill, Harvard and Syracuse.(lingbuzz/001556).*
5. Deal, A. R. (2012). Ergativity. *International Handbook on Syntactic Contemporary Research, 2e édition, Berlin, Walter de Gruyter, disponible sur http://people. ucsc. edu/~ ardeal/Deal-erg-handbook-2012. pdf.*

6. Dixon, R. M. W. 1994. *Ergativity*, Cambridge University Press, Cambridge.
7. Legate, J. A. (2008). Morphological and abstract case. *Linguistic Inquiry*, *39*(1), 55-101.
8. Marantz, A. (1991). *Case and Licensing*. In: Westphal, G., Ao, B., Chae, H. (Eds.), Eastern States Conference on Linguistics, University of Maryland. Ohio State University, Baltimore, pp. 234-253.
9. Patel, P. 2007. Split ergativity and the nature of agreement. *Ms, UCL London.*
10. Rezac, M., Albizu, P., & Etxepare, R. (2011). The structural ergative of Basque and the theory of Case. *Natural Language & Linguistic Theory*, 1-58.
11. Tessitori, L.P. 1914-16. "Notes on the Grammar of Old Western Rajasthani." Indian Antiquary: 43-5.
12. Woolford, E. (1997). *Four-way case systems: Ergative, Nominative, Objective and Accusative*. Natural Language and Linguistic Theory 15, 181-227.

М.Н. Усачёва, Н.В. Сердобольская

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва
РГГУ / ИСЛИ МПГУ, Москва

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ НА *-ОННИГА-* В БЕСЕРМЯНСКОМ УДМУРТСКОМ[1]

1. Оформление обстоятельственного предложения в бесермянском диалекте удмуртского языка

Бесермянский диалект удмуртского языка входит в финно-угорскую группу уральской семьи языков. Совмещая черты разных групп удмуртских диалектов [3], он занимает особое положение среди них, в результате чего специалистами трактуется как наречие удмуртского языка, см. [6]. Удмуртский язык агглютинативный; бесермянский диалект характеризуется богатым (самым распространенным среди всех удмуртских диалектов и большим, чем в литературном удмуртском языке) арсеналом локативных падежей и послелогов. В области порядка слов выделяются следующие черты. Зависимое стоит в препозиции к вершине; в клаузе нейтральный порядок слов SOV, который может меняться на OSV или SVO в случае, если субъект дискурсивно выделен (в случае дискурсивного выделения объекта сохраняется нейтральный порядок) [22]; нефинитные зависимые клаузы (в примерах отмечены квадратными скобками []) чаще располагаются в препозиции к главной.

В бесермянском функционируют следующие типы временных обстоятельственных предложений: с союзами, с деепричастиями и с номинализациями. Пример союзного предложения содержится в высказывании (1), которое включает две финитные клаузы, связанные отношением одновременности; зависимая клауза оформляется союзом *ke* ‘если, когда’:

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 14-18-03270.

(1) Kartoška-m-ə̂ ič'i val – [parš'-m-ə̂ pija-mə̂n
картошка-P.1-PL мало быть.PRT свинья-P.1-PL родить-RES
ke val], marə̂m kar-i-m parš'-lə̂ tros
если быть.PRT HEZ делать-PRT-1PL свинья-DAT много
š'ud-i-m.
кормить-PRT-1PL
'У нас картошки мало — когда свинья опоросилась, ей это … много скормили. [T][1]'

Временные обстоятельственные предложения могут включать также нефинитные формы — деепричастия и номинализации. Система деепричастий в бесермянском диалекте существенно беднее литературной удмуртской (подробнее см. раздел 4). Она включает простой (или контекстный) конверб на *-sa*, отрицательный конверб на *-tek* (пример (2)) и лимитативный конверб на *-(i)dč'ož'* (пример (3)):

(2) Ač'-id tod-**isa**=a tod-**ə̂tek**=a mə̂n-iš'ko-d n'I
REFL-P.2SG знать-CNV=Q знать-CAR=Q идти-PRS-2(SG) уже
rodn'a=a evə̂l=a.
родня=Q NEG.COP=Q
'Идёшь, а сама то ли знаешь, то ли нет: родня это или нет. [T]'

(3) [Kwaž' l'ugd-**idč'ož'**] [kwaž' l'ugə̂t
погода рассветать-CNV.LIM погода светлый
lu-**idč'ož'**] šə̂d-ə̂l-i-z-ə̂ ož' wal'l'an l'egit'
стать-CNV.LIM гулять-ITER-PRT-3-PL так раньше молодой
kalə̂k.
народ
'До рассвета раньше гуляла молодёжь. [T]'

Также в бесермянском диалекте есть регулярные номинализации на *-em* и на *-on*. Группы с реляционными именами[2] и послелогами, включающие

[1] Пометой [T] обозначены примеры, взятые из корпуса устных бесермянских текстов http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru. Примеры без помет получены в ходе опроса носителей бесермянского диалекта в д. Шамардан (Юкаменский район, Респ. Удмуртия) в ходе лингвистических экспедиций в июле-августе 2014 г. и в августе 2015 г.

[2] Реляционные имена — единицы, «обозначающие первый член некоторого отношения и имеющие облигаторную валентность, соответствующую второму члену отношения: *муж*, *друг*, *брат*, *сосед*, *начальник* и т.д.» [12: 170-171], а также обозначающие части предметов

эти номинализации в качестве зависимых, функционируют как обстоятельственные предложения. Так, в примере (4) группа, образованная послелогом *də̂r-ja*[1] ‘пока, во время, в течение’ и номинализацией на *-on* от глагола *də̂šeč’kə̂nə̂* ‘учиться’, обозначает ситуацию, имеющую ту же временную референцию, что и ситуация в главной клаузе:

(4) [Škola-jə̂n də̂š-eč’k-**on** **də̂r-ja**] mi so-in
школа-LOC учиться-DETR-VN время-ADV мы тот-INS
družit’ e-m kar-e.
дружить NEG-1PL делать-PL
’Когда мы в школе учились, мы не дружили. [Т]’

В примерах (5) и (6) представлены номинализации на *-on* и на *-em*, являющиеся зависимыми в группах, образованных реляционными именами *pal* ‘сторона’ и *ber* ‘зад, задняя часть’. Данные группы обозначают ситуацию, имеющую место после (5) и до (6) ситуации в главной клаузе:

(*сторона*, *бок* и др.) либо область пространства, ассоциированную с предметом (*окрестность*).

С синтаксической точки зрения реляционные имена представляют собой часть группы с пространственным значением, обладающую значительной частью именных характеристик и в то же время способные выполнять ряд служебных функций. В бесермянском диалекте (а также в литературном удмуртском языке) многие единицы, традиционно именуемые послелогами, в морфологическом, синтаксическом и морфосинтаксическом отношении являются именами, а следовательно, должны трактоваться как реляционные имена. Подробная аргументация этой точки зрения содержится в [15].

[1] По происхождению единица *də̂r-ja* ‘во время’ является формой адвербиализа от имени *də̂r* ‘время’. Однако она начала грамматикализоваться и проявляет ряд свойств, характерных для бесермянских послелогов, а не для реляционных имен — например, не присоединяет падежных показателей и суффикса именного множественного числа.

(5) Sre brat-e mân-i-z n'i Vorč'ala…
потом брат-P.1SG идти-PRT-3(SG) уже Ворца.ILL
gurta-nâ [armij-e mân-**on** **až'**
гостить-INF армия-ILL идти-VN перед
pal-a-z].
сторона-P.LOC/ILL-P.3
'Потом брат на этой лошади поехал в Ворцу гостить перед уходом в армию. [T]'

(6) [Gubeč'-ân vož'-**em** **ber-e**] tupa-č'k-i-z
подполье-LOC держать-NMLZ зад-ILL поправиться-PRT-3(SG)
so.
тот
'А потом вот… после того, как его [петуха] подержали в подполье, он поправился. [T]'

Во многих контекстах номинализации на *-em* и на *-on* противопоставлены по временной референции зависимой ситуации. Если ситуация в зависимой клаузе предшествует ситуации в главной, как правило, используется номинализация на *-em* (7). Если ситуация в зависимой клаузе следует за ситуацией в главной (6) или происходит одновременно с ней (4), вероятнее всего, будет употреблена номинализация на *-on*. Однако это лишь тенденция, которая нарушается в некоторых типах контекстов.

Конструкции с деепричастиями на *-са*, *-тэк*, *-тозь* (литературный вариант бесермянского деепричастия на *-(i)dč'ož'*), а также номинализации на *-эм* и *-он* широко используются в литературном удмуртском языке [8], [2], [1], [14].

Помимо конструкций, о которых шла речь выше, в бесермянском диалекте функционируют деепричастия, образованные от имени ситуации с показателем *-(o)n* и с посессивными суффиксами. Существует два типа таких деепричастий — на *-(o)n-n'iga-* (7) и на *-(o)n-n'a-* (8). Они оба обозначают ситуацию, имеющую место одновременно с ситуацией в главной клаузе:

(7) [Kart-e č'ašja kora-**n'-n'iga-z**] jalan
муж-P.1SG лес рубить-VN-CNV.SIMULT-P.3 всегда
mad'-e.
петь-PRS.3SG
'Когда мой муж валит деревья, он всегда поёт.'

(8) So [šʾâres vâl-tʾi mân-**on**ʾ-**n**ʾ**a-z**] gop-e
тот дорога поверхность-PROL идти-VN-ADV-P.3 яма-ILL
uš'-i-z.
падать-PRT-3(SG)
'Он шел по дороге и упал в яму.'

Форма на *-(о)n-n'a-* имеет соответствие в удмуртском литературном языке — обстоятельственный падеж номинализации на *-(о)н* (с показателем *-(о)нъя*):

(9) Мунчо азь-ын син-ъёс-с-э ӵушы-лы-са
баня перед-LOC глаз-PL-P.3-ACC вытирать-ITER-CNV
сыл-**он-ъя**-з, ошмес азьпала-сь кырӟа-м
стоять-VN-ADV-P.3 родник передняя.сторона-EL петь-NMLZ
куара кыл-й-з.
звук слышать-PRT-3(SG)
'Когда стоял перед баней, вытирая глаза, он (Герей) услышал со стороны родника пение. [13: 9]'

Форма на *-(о)n-n'iga-* с посессивным показателем, по-видимому, не имеет аналогов ни в литературном удмуртском языке, ни в других удмуртских диалектах. В настоящей статье мы рассмотрим синтаксические свойства данной формы, а также выскажем некоторые предположения о ее происхождении.

Цель настоящей работы — описание морфосинтаксических и семантических свойств форм на *-(о)n-n'iga-* и *-(о)n-n'ig*. Мы попытаемся определить, насколько далеко зашел процесс грамматикализации данных форм в обстоятельственных предложениях, а также выявить, как рассматриваемые формы встраиваются в бесермянскую систему конвербов.

2. Происхождение формы на *-(о)n-n'iga-*

Поскольку деепричастия на *-(о)n-n'iga-* не отмечены в описаниях пермских языков и диалектов, общепринятой точки зрения относительно их происхождения не существует. Здесь мы обсудим несколько возможных гипотез о происхождении данных форм, для подтверждения или опровержения которых, однако, необходимы дальнейшие исследования.

Форма на *-(о)n-n'iga-* включает суффикс глагольного имени *-(о)n*, суффикс *-n'ig-*, элемент *-a-* и посессивные показатели. Суффикс *-n'ig-* (в ряде других диалектов он имеет вид *-n'i-*) является относительно распространенным в удмуртском языке (как в его литературном варианте, так и в диалектах) деривационным элементом, обозначающим место действия. См. пример употребления формы с данным суффиксом:

(10) Skal vož'ma-**n'-n'ig-a-m** lə̑kt-em
корова пасти-VN-NLOC-P.LOC/ILL-P.1 прийти-PST-2
kijon.
волк
'На место, где я пасу коров (на коровье пастбище), пришел волк.'

В функции деепричастия форма на *-(o)n-n'iga-* употребляется исключительно с посессивными показателями, обозначая ситуацию, совпадающую по времени с ситуацией в главной клаузе. Ср. (7) выше, а также (11):

(11) Mə̑n-on'-n'iga-m mon gop-e uš'-i.
идти-VN-CNV.SIMULT-P.1 я яма-ILL падать-PRT-1(SG)
'Когда я шел, я упал в яму. / Там, где я (обычно) хожу, я упал в яму.'

Насколько нам известно, никаких гипотез относительно возможного происхождения суффикса *-n'ig-* до сих пор не высказывалось. С нашей точки зрения, напрашивается сопоставление суффикса *-n'ig-* с коми-зырянским конвербом *-ig-*(*en*), имеющим то же значение, что и *-n'ig-* в деепричастной функции. Реконструируемая прапермская форма для коми-зырянского — *ig-*(*en*) имеет вид **-i̯ki̯-*, где *-i̯-* гласный основы, *-k* — суффикс отглагольного имени [17: 284]. Важно, что из того же источника происходит удмуртское деепричастие длительности на *-ku*, отсутствующее в бесермянском и также аналогичное *-n'ig-* по функции. Если предположить общность происхождения бесермянского *-n'ig-* с коми-зырянским *-ig-* и удмуртским *-ku*[1], получается, что *-n'ig-* исторически членится на элементы

[1] Вопрос о том, почему в бесермянском наречии, которое является идиомом в составе удмуртского языка, деепричастный показатель имеет вид, характерный для коми, очень интересен. На вопрос, является ли элемент *ig* в составе *-n'ig-* архаичной чертой (наследием прапермского периода) или же это инновация, параллельная для бесермянского наречия и коми-зырянского языка, у нас нет ответа. Вариант с архаичным показателем представляется несколько более вероятным, поскольку другие случаи соответствия бесермянского *k* удмуртскому *g* нам неизвестны. С другой стороны, в бесермянском зафиксирована нерегулярная и до конца не объясненная вариативность глухих и звонких согласных, и в том числе *k* и *g*. Например, клитика со значением сравнения может иметь вид *ges* и *kes*. Эта вариативность характерна и для форм на *-n'ig-*: в речи некоторых носителей встречается его вариант *-n'ik-*. Таким образом, вопрос о том,

n' и *ig*. Соответственно, возникает вопрос о происхождении элемента *n'*. В бесермянском диалекте функционирует суффикс *-n'-*, имеющий значение нахождения в чьем-либо жилище[1] (являющийся средством выражения локализации DOMUS). Приведем пример употребления этого суффикса:

(12) Pə̂r-i-z eš-ez-**n'-e**.
заходить-PRT-3(SG) подруга-р.3-DMS-ILL
'(Она) зашла в дом к подруге. [T]'

Суффикс локализации DOMUS присоединяется к личным именам, терминам родства и личным местоимениям и сочетается с показателями шести локативных падежей. Соответствующие формы лексемы *abi* 'бабушка' представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сочетаемость суффикса *-n'-* 'DOMUS' с показателями локативных падежей

локатив	abi-n'-ə̂n
иллатив	abi-n'-e
элатив	abi-n'-ə̂š'
пролатив	abi-n'-ə̂t'i
эгрессив	abi-n'-iš'en
терминатив	abi-n'-ož'

Принято считать, что формы с суффиксом *-n'-* 'DOMUS' произошли от послеложных групп с вершиной *дин'-* 'около' [3: 118]. Учитывая, что формы на *-n'ig-* образованы от отглагольных имен на *-on-*, которые нередко функционируют как зависимые в послеложных группах (см. примеры (4) — (5) выше), происхождение форм на *-(o)n-n'iga-* из групп, образуемых склоняемым послелогом *дин'-* (в бесермянском утраченном) и зависимым от него отглагольным именем на *-on-* представляется возможным. Послеложное происхождение предполагается также для конверба на *-idč'ož'-*, который, с точки зрения Б. А. Серебренникова, образовался из групп вида «отглагольное существительное на *-t-* + послелог *č'ož'* 'в течение'» [9: 306].

насколько архаична анализируемая в данной статье форма, требует дальнейшего исследования и попутного решения целого ряда исследовательских проблем.

[1] В традиционной пермистике данный суффикс не выделяется как отдельная морфема. Его сочетания с суффиксами локативных падежей рассматриваются как отдельная серия вновь образованных падежей [3], [5]. Аргументы в пользу выделения *-n'-* как отдельного суффикса содержатся в [10].

Остается, однако, неясным, почему к послелогу присоединился суффикс *-ig-*, аналоги которого в литературном удмуртском и в коми-зырянском сочетаются только с глагольной основой. Впрочем, этот вопрос возникает независимо от того, какой источник предполагается для *-n'-*, поскольку формы с суффиксом *-n'ig-* в любом случае образуются не от чистой основы, а от формы глагольного имени. Можно было бы предположить, что форма на *-(o)n-n'iga-* возникла из сочетания отглагольного имени на *-on* и утраченного к настоящему моменту деепричастия на *-ig-* от глагола с локативной семантикой, основа которого оканчивалась на *-n'-* или *-n-*. Предположение о локативной семантике глагола вытекает из того факта, что формы с суффиксом *-n'ig-*, являющиеся отправным пунктом грамматикализации формы на *-(o)n-n'iga-*, обозначают место действия (см. пример (10) выше, а также примеры в разделе 3). Однако в корпусе литературного удмуртского языка объемом более 6,5 млн словоупотреблений (http://web-corpora.net/UdmurtCorpus) нет ни одного примера на сочетания вида «отглагольное имя на *-он* + конверб на *-ку*» (напомним, удмуртский конверб на *-ку* по функции аналогичен бесермянскому деепричастию на *-(o)n-n'iga-* и предположительно имеет общий с ним источник). При этом сочетания достаточно близких к отглагольному имени конвербов (например, деепричастия на *-эм*) с деепричастием на *-ку* представлены достаточно широко. Соответственно, допустимость данной конструкции в удмуртском языке под большим сомнением. Этот факт снижает вероятность происхождения формы на *-(o)n-n'iga-* из сочетания отглагольного имени и деепричастия.

Отдельного внимания заслуживает элемент *-a-* в составе формы на *-(o)n-n'iga-*. На первый взгляд, его происхождение не составляет проблемы. Поскольку формы на *-(o)n-n'iga-* явным образом соотносятся с формами на *-(o)n-n'ig* (см. соотношение примеров (10) и (11) и две возможные интерпретации примера (11)), логично предположить, что формы на *-(o)n-n'ig-a-* грамматикализуются из *-(o)n-n'ig-*имен в форме посессивного локатива/иллатива. Следовательно, *-a-* должен быть суффиксом посессивного локатива/иллатива. Однако, возможно, не всё так просто. Дело в том, что в бесермянском диалекте параллельно с формами на *-(o)n-n'iga-* возник конверб на *-idč'ož'-a-* с посессивными показателями, который безусловно является посессивной формой конверба на *-idč'ož'* (нам не удалось найти ни одного контекста, в которых эти формы не были бы взаимозаменяемы). В случае с конвербом на *-idč'ož'-a-* элемент *-a-* явно является частью посессивного показателя. Возможно, в случае с формой на *-(o)n-n'iga-* дело обстоит так же. Элемент *-a-* является частью посессивных алломорфов не только локатива и иллатива, но также терминатива и

инструменталиса. Ср. фрагмент падежной парадигмы бесермянского диалекта (в этой части совпадающей с падежной парадигмой удмуртского литературного языка):

Табл. 2. Фрагмент падежной парадигмы бесермянского диалекта

Падеж	Основное склонение	Алломорф перед посессивом
локатив	-ə̑n	-**a**-
иллатив	-e/-ə̑	
инструменталис	-en/-ə̑n	-n**a**-
терминатив	-oǯ’	-oǯ’**a**-

Согласно [17: 204], источник элемента *-a-* в алломорфах удмуртского инструменталиса и терминатива, появляющихся перед посессивными показателями, пока не определен достоверно. Данный элемент может восходить к первому гласному прапермского посессива единственного числа **-am*, *-ad*, *-az*, который, возможно, функционировал как свободный вариант посессива на **-i̯m*, *-i̯d*, *-i̯z*, реконструируемого с гораздо большей достоверностью. Либо *-a-* мог возникнуть под влиянием посессивных алломорфов локатива и иллатива[1]. В любом случае, элемент *-a-* в форме на *-(o)n-n’iga-* может быть как алломорфом локатива/иллатива, так и частью посессивного показателя.

[1] Алломорф локатива и иллатива *-a-* в посессивном склонении имеет сложную историю. Б. А. Серебренников называет реконструкцию его происхождения «одной из труднейших проблем истории пермских языков» [9: 112]. Критикуя гипотезы, высказанные его предшественниками, он выдвигает два своих предположения — аналогическое выравнивание с генитивной формой местоимения 1 лица *мынам* ‘мой, моя, моё’ [9: 112] и реликт древнего латива на *-a* [9: 66]. Как справедливо отмечает сам ученый, обе гипотезы вызывают справедливые возражения. Ш. Чуч в более поздней работе [17] предполагает, что в притяжательном склонении иллатив, имевший в прапермском показатель **-k*, вытеснил локатив. Затем произошло падение **-k*, и его функции взял на себя гласный основы, переосмысленный как падежный показатель. В прапермском основа имен заканчивалась на один из трех гласных — **-i̯*, *-e* или *-a*. Какое-то время эти гласные функционировали как свободные алломорфы иллатива, однако к концу прапермского периода в функции иллатива закрепился *-a-* [17: 205]. Данная гипотеза также вызывает вопросы (например, почему вытеснение локатива иллативом произошло только в притяжательном склонении и никак не затронуло основное).

Итак, в бесермянском диалекте удмуртского языка имеет место грамматикализация конверба на *-(o)n-n'iga-*, образованного от локативного имени на *-(o)n-n'ig*, происхождение которого до конца не ясно. Возникают вопросы, насколько далеко зашел процесс грамматикализации данных форм и в каких типах обстоятельственных предложений они используются — соответственно, как встраиваются в бесермянскую систему конвербов. Ниже мы постараемся на них ответить.

3. Морфосинтаксические свойства форм на *-(o)n-n'ig* и на *-(o)n-n'iga-*

В данном разделе мы сравним морфосинтаксические свойства локативного имени на *-(o)n-n'ig* и производного от него конверба с целью проверить, насколько далеко последний продвинулся по пути грамматикализации — а именно, приобрел ли он значимые глагольные свойства или в основном сохранил именные.

3.1. Локативное имя на *-(o)n-n'ig*

Локативное имя на *-(o)n-n'ig* в полной мере обладает именными свойствами. Оно способно присоединять все грамматические показатели имени — именное число (13), падежи и посессивные показатели. Данная форма присоединяет показатели всех падежей, кроме локализации DOMUS, — как ядерных (например, посессивного аккузатива (14) и генитива (15)), так и локативных (например, иллатива — соответствующая форма основного склонения представлена в (16)):

(13) L'ə̂pet ul-ə̂n leš't-ə̂mə̂n kə̂k-kwin' kureg
крыша низ-LOC делать-RES два-три курица
pukš'-on'-**n'ig-jos**.
сидеть-VN-NLOC-PL
'Под крышей сделаны две-три жердочки, где сидят куры.'

(14) So-lə̂š' koraš'k-on'-**n'ig-z-e** gə̂r-i-z-ə̂.
тот-GEN2 рубить-VN-NLOC-3-ACC(SG) пахать-PRS-3-PL
'Место, где он рубил дрова, вспахали.'

(15) Život l'uka-n'-**n'ig-len** dor-a-z ferma
скот собирать-VN-NLOC-GEN1 около-P.LOC/ILL ферма
wan'.
COP
'Рядом с местом, где собирают скот, есть ферма.'

(16) Korka leš't-on'-**n'ig-e** šifer va-i-z-ə̂.
дом делать-VN-NLOC-ILL шифер дать-PRT-3-PL
'На место, где строят дом, привезли шифер.'

Как видно из примера (15), локативное имя может быть зависимым в группе с реляционным именем (соответствующая группа в примере образована реляционным именем *dor* 'около'), что также характерно для имен, но не для глаголов.

В синтаксическом плане локативные имена на *-(o)n-n'ig* также проявляют именные свойства. А именно, они способны присоединять прилагательные, как в примере (17), где локативное имя *skal vož'man'n'ig* 'место, где пасут коров' сочетается с прилагательным *vuž* 'старый':

(17) **Vuž** skal vož'ma-n'-**n'ig-ez**
старый корова пасти-VN-NLOC-ACC
gə̂r-il'l'a-m-z-ə̂ n'i.
пасти-ITER-PST-2-3-PL уже
'Место, где раньше пасли коров, уже вскопали.'

Далее, локативные имена характеризуются практически полным отсутствием глагольных морфологических свойств. Например, при них невозможно выразить отрицание и видо-временные противопоставления. Кроме того, локативное имя не присоединяет продуктивные глагольные слоовообразовательные суффиксы итератива и каузатива (которые присоединяются к большинству глаголов, в том числе производных). Так, форма с итеративным суффиксом, представленная в примере (18), носителям в принципе понятна (хотя не всем), но, по их мнению, «так никогда не скажут»:

(18) jə kə̂nt-on'-n'ig — ?? jə kə̂nt-ə̂l-on'-n'ig
лёд замерзать-VN-NLOC лёд замерзать-ITER-VN-NLOC
'яма со льдом (букв. место, где замерзает лёд)'

Кроме того, даже те информанты, которые способны проинтерпретировать данную форму, предлагают для нее разные переводы — контейнер для льда, ведро, в котором зимой постоянно замерзает вода, и т.д. Что касается суффикса детранзитива (менее распространенного, чем итератив и каузатив), он встречается в составе некоторых локативных имен, как в (19):

(19) Mon ta pen'-ez pen' l'uka-**š'k-on'-n'ig**-ə̂š'
я этот зола-ACC зола собирать-DETR-VN-NLOC-EL
okt-i, kiš't-i pen'
собирать-PRT(1SG) сыпать-PRT(1SG) зола
l'uka-**n'-n'ig**-e.
собирать-VN-NLOC-ILL
'Я собрал эту золу из поддувальной камеры (букв. из места, где собирается зола) и высыпал в место для сбора золы.'

Однако локативные имена образуются далеко не от всех детранзитивов. Так, от глагола *vož'manə̂* 'пасти' локативное имя на *-n'-n'ig* образуется, а от его детранзитивной пары *vož'maš'kə̂nə̂* 'пастись' — нет:

(20) skal vož'ma-n'-n'ig 'коровье пастбище' —
корова пасти-VN-NLOC
*skal vož'ma-š'k-on-n'ig
корова пасти-DETR-VN-NLOC

Ср. форму *kureg pukš'on'n'ig* 'насест (букв. место сидения кур)' в примере (13) выше, имеющую аналогичную структуру. Возможно, это связано с тем, что в бесермянском диалекте детранзитив, в отличие от итератива и каузатива, менее продуктивен и более лексикализован, в частности, довольно часто имеет некомпозициональное значение.

Далее, при локативных именах недопустимы наречия образа действия:

(21) ***jun** zor-on'-n'ig-ez
очень идти.о.дожде-VN-NLOC-P.3(SG)
'место, где идут сильные дожди'.

Согласование с субъектом ситуации, выраженной локативным именем, осуществляется посредством посессивных показателей. Заметим, однако, что при этом распределение посессивных показателей напрямую отражает правила, действующие для непроизводных имен (для форм на *-(o)n-n'ig-a-* это не так, см. ниже). Так, в случае, если субъект локативного имени маркирован генитивом, посессивный суффикс на локативном имени обязателен:

(22) Mi č'əž-len š'i-š'k-on'-n'ig-a-z / *č'əž-len
мы утка-GEN1 есть-DETR-VN-NLOC-P.LOC/ILL-P.3 утка-GEN1
š'i-š'k-on'-n'ig-e puk-t-i-m tuš'.
есть-DETR-VN-NLOC-ILL ставить-CAUS-PRT-1PL корыто
'Мы в место, где едят утки, поставили корыто.'

В случае номинативного оформления субъекта посессивное маркирование локативного имени, напротив, невозможно:

(23) Mi č'əž š'i-š'k-on'-n'ig-e / *č'əž
мы утка есть-DETR-VN-NLOC-ILL утка
š'i-š'k-on'-n'ig-a-z puk-t-i-m tuš'.
есть-DETR-VN-NLOC-P.LOC/ILL-P.3 ставить-CAUS-PRT-1PL корыто
'Мы в место, где едят утки, поставили корыто.'

Те же правила действуют в бесермянском для именных групп.

Несмотря на практически полное отсутствие у локативного имени глагольных свойств, возглавляемая им клауза обладает свойствами независимого предложения в плане выражения субъекта и объекта.

Субъект в зависимой клаузе может оформляться номинативом, как *č'əž* 'утка' при *š'iš'k-on'-n'ig* 'место, где едят' в примере (23) выше. В бесермянских именных группах номинативное маркирование возможно для именного, но не для местоименного зависимого. Ср. примеры (24)-(25):

(24) Gid' dor-ân sôl-e **parš'** **tuš'**.
хлев около-LOC стоять-PRS.3SG свинья корыто
'Около хлева стоит корыто для свиней.'

(25) ***mon** korka, ***ton** kâšet
я дом ты платок
'*мой дом, *твой платок'

Однако в конструкциях с локативным именем возможны не только существительные (как в (23)), но и местоимения в номинативе:

(26) [**Mon** zək č'ipej-**m**-**e**
я большой щука-P.1-ACC
č'oroga-n'-n'ig-a-m] tunne č'orâg evôl.
ловить.рыбу-VN-NLOC-P.LOC/ILL-P.1 сегодня рыба NEG.COP
'В месте, где я поймал большую щуку, теперь рыбы нет.'

Это говорит о том, что при локативном имени сохраняется субъектная позиция, в которой приписывается номинатив.

Прямое дополнение при локативном имени, как и в простом предложении, может выступать с показателем аккузатива (см. пример (26)) или без показателя:

(27) **âž** vand-on'-n'ig / *âž-len vand-on'-n'ig-ez
овца резать-VN-NLOC овца-GEN1 резать-VN-NLOC-P.3
'место, где режут овец'

Подчеркнем, что прямое дополнение без показателя в случае локативного имени нельзя анализировать как зависимое в именной группе. Дело в том, что именную группу с зависимым в номинативе всегда можно заменить на конструкцию с генитивным зависимым и посессивным показателем на вершине. То есть группу типа «зависимое-NOM вершина» всегда можно заменить на группу типа «зависимое-GEN вершина-POSS» (уточним, что при этом меняется семантика и/или референциальный статус зависимого), а при локативном имени это недопустимо, как видно из примера (27).

Далее, обнаружены примеры с аккузативом прямого дополнения (выше пример (26)), что недопустимо при непроизводных именах.

Отметим, однако, что примеры с номинативом субъекта и аккузативом прямого дополнения при локативном имени маргинальны. Обычно субъект оформляется генитивом, а прямое дополнение не оформляется, как в (27).

Кроме того, при локативном имени возможны временные наречия:

(28) [So-len **kal'** ul-on'-n'ig-ez] d'eš' n'i.
тот-GEN1 сейчас быть-VN-NLOC-P.3 хороший уже
'Он хорошо устроился (букв. там, где он сейчас живёт, — хорошо)'.

Итак, локативное имя в полной мере демонстрирует именные морфологические свойства. Что касается синтаксических свойств, конструкция с данным именем отчасти демонстрирует свойства простого независимого предложения (в плане выражения объекта и временных модификаторов; маргинально — в плане выражения субъекта).

3.2. Форма на *-(o)n-n'iga-* в обстоятельственном предложении

Морфосинтаксические свойства форм на *-(o)n-n'iga-* в обстоятельственном предложении свидетельствуют об утрате ими именных признаков, в отличие от локативного имени. Чтобы это продемонстрировать, рассмотрим, насколько для этих форм характерны именные грамматические категории.

Падеж. Рассматриваемая форма представляет собой грамматикализацию формы либо локатива/иллатива, либо номинатива (в зависимости от того, как трактовать элемент *-a-* в ее составе; см. раздел 2). Аналогичные конструкции с другими падежами не зафиксированы.

Посессив. Форма на *-(o)n-n'iga-* включает посессивные показатели, которые переосмысляются как согласование с субъектом обстоятельственного предложения. При этом, в отличие от локативного имени, посессив обязателен вне зависимости от оформления субъекта — в то время как при локативных и при непроизводных именах посессив

обязателен в случае генитивного маркирования зависимого в именной группе и невозможен при номинативном маркировании (см. п. 3.1).

Число. Формы на *-(o)n-n'iga-* не присоединяют показатель именного[1] множественного числа *-(j)os*:

(29) Ti kəd'ə̑k-e mə̑n-on'-n'ig-a-d-ə̑ /
вы далеко-ILL идти-VN-NLOC-P.LOC/ILL-P.2-PL
*mə̑n-on'-nig-**jos**-a-d-ə̑ mon jalan
идти-VN-NLOC-PL-P.LOC/ILL-P.2-PL я всегда
č'akla-š'k-iš'ko.
думать-DETR-PRS.1SG
'Обычно, когда вы едете далеко, я очень беспокоюсь.'

Сочетаемость с прилагательными. Рассматриваемая конструкция не может включать прилагательные. Ср. пример (30), приемлемый с наречием *tokma* 'зря' и неприемлемый с прилагательным *kuletem* 'ненужный, напрасный':

(30) So {??**kule-tem** / ок**tokma**}
тот нужно-NEG.ATTR зря
č'erekja-n'-n'iga-z mon keš'-s-e bakč'aj-ə̑š'
кричать-VN-CNV.SIMULT-P.3 я коза-P.3-ACC огород-EL
ul'l'a-j.
гнать-PRT(1SG)
'Пока он без пользы орал, я выгнала козу из огорода.'

С точки зрения синтаксических свойств, конструкция с формой на *-(o)n-n'iga-* демонстрирует свойства простого независимого предложения. Так, ее субъект, как правило, оформляется номинативом — причем как именной (31), так и местоименный (29). Примеры с генитивом маргинальны и разрешаются не всеми носителями.

[1] В бесермянском диалекте функционирует еще один показатель множественного числа — суффикс *-eš'*. Однако он присоединяется только к прилагательным в предикативной позиции (обязательно) либо в атрибутивной (при определенном сочетании дискурсивных факторов).

(31) [Keš'-em pel'o **ǯ'ič'ə̂** kureg-**m-e-s**
рвать-NMLZ ухо лиса курица-P.1-ACC-P.PL
luška-n'-n'iga-z] so pə̂d-z-e
воровать-VN-CNV.SIMULT-P.3 тот нога-P.3-ACC
šukk-ə̂t-i-z.
бить-CAUS-PRT-3(SG)
'Когда лиса с порванным ухом таскала наших куриц, она поранила лапу.'

В данной конструкции невозможно отрицание. Подчеркнем, однако, что отрицание нельзя выразить ни при одном деепричастии в бесермянском диалекте в силу того, что функция обозначения действия, которое не имело места во время ситуации в главной клаузе, закреплена за специализированным отрицательным деепричастием на *-tek*.

Необходимо отметить, что форма на *-(o)n-n'iga-*, несмотря на приобретение ряда глагольных свойств, не до конца грамматикализовалась в функции вершины обстоятельственного предложения. В частности, образование ее от сложных глаголов затруднительно[1]:

(32) *vož-e pot-on'-n'iga-m, *vož
зеленый-P.1SG выходить- VN-CNV.SIMULT-P.1 зеленый
vaj-on'-n'iga-z
дать-VN-CNV.SIMULT-P.3
'(пока я злюсь, пока он сердится)'.

[1] Это и следующее свойство могло бы объясняться ограничениями на семантический класс глагола, т.к. все приведенные глаголы относятся к классу состояний. Мы признательны А. А. Козлову, обратившему наше внимание на этот факт. Заметим, однако, что более грамматикализованное удмуртское литературное деепричастие на *-ку*, аналогичное по функции форме на *-(o)n-n'iga-*, образуется от сложных глаголов, близких по семантике к глаголам в примере (32), ср. *мыл-ыз поты-ку* (состояние-P.3 выходить-CNV.SIMULT) 'когда хочется' (Корпус удмуртского литературного языка) и т.д. С нашей точки зрения, эта параллель свидетельствует о недостаточной грамматикализованности рассматриваемой бесермянской формы.

Далее, форма на *-(o)n-n'iga-* не образуется от глаголов, для которых нехарактерно обстоятельство места[1]:

(33)	č'aklanə̂ 'думать' — *č'aklan'n'iga-	šokanə̂ 'дышать' — *šokan'n'iga-
	kə̂škanə̂ 'бояться' — *kə̂škan'n'iga-	luə̂nə̂ 'быть, стать' — *luon'n'iga-
	oskə̂nə̂ 'верить' — *oskon'n'iga-	jaranə̂ 'годиться' — *jaran'n'iga-
	bə̂gatə̂nə̂ 'мочь' — *bə̂gaton'n'iga-	

Таким образом, рассматриваемая форма теряет морфологические именные свойства; при этом она возглавляет зависимую клаузу, где субъект, прямое дополнение и модификаторы образа действия маркируются так же, как в простом независимом предложении. Отметим, что аналогичные синтаксические свойства имеют «старые» деепричастия на *-(i)dč'ož'* и на *-sa* (за исключением согласования с субъектом посредством посессивных показателей). Ниже мы сопоставим морфосинтаксические свойства рассматриваемой формы и локативного имени со свойствами непроизводного имени, с одной стороны, и со свойствами конвербов, с другой стороны.

3.3. Обобщение результатов

Морфосинтаксические свойства формы на *-(o)n-n'iga-* в сопоставлении со свойствами локативного имени, непроизводных имен с суффиксом локализации DOMUS и простого конверба на *-sa* кратко обобщены в Таблице 3.

Таблица 3. Морфосинтаксические свойства формы на *-(o)n-n'iga-* в сопоставлении со свойствами ряда связанных с ней форм

Морфосинтаксические свойства отглагольных форм	***-(o)n-n'iga-m/d/z***	**локативное имя на *-(o)n-n'ig***	**имя+*n'e* (лок-ция domus)**	**простой конверб на *-sa***
Морфологические свойства				
Именные категории				
падеж	n/a	+	+	–
посессивные показатели	+	+	+	–
именное число	–	+	+	–
Глагольные категории				
время, наклонение	–	–		–

[1] См. предыдущую сноску. В данном случае также следует заметить, что для большинства удмуртских аналогов глаголов из примера (33) в корпусе удмуртского литературного языка есть примеры с деепричастиями на *-ку*.

вид	–	–		–
согласование с субъектом	POSS	GEN ⟶ POSS NOM ⟶ *POSS		–
Синтаксические свойства				
оформление субъекта	(GEN) NOM	GEN (NOM)		NOM
оформление прямого дополнения	ACC, 0	0 (ACC)		ACC,0
оформление модификаторов образа действия	adv	adj		adv
оформление отрицания	–	–		n/a

Как видно из таблицы 3, форма на *-(o)n-n'iga-* по своим морфосинтаксическим свойствам ближе к конвербам, чем к непроизводным именам. Единственное именное свойство — присоединение посессивных показателей — переинтерпретируется в клаузах с рассматриваемой формой как согласование с субъектом (так же, как и в случае с лимитативным конвербом на *-(i)dč'ož'*). При этом, в отличие от непроизводных имен и локативного имени на *-n'ig*, форма на *-(o)n-n'iga-* всегда оформляется посессивным показателем, вне зависимости от падежа субъекта. Следует, однако, признать, что данная форма не вполне грамматикализовалась в функции конверба, т.к. она образуется не от всех глаголов. Перейдем к рассмотрению семантики данной формы.

4. Функции новых деепричастий на *-(o)n-n'iga-*

Форма на *-(o)n-n'iga-* выступает в позиции вершины обстоятельственного предложения с временным значением (см. примеры в п. 3). Зависимая ситуация чаще всего имеет дуративную или хабитуальную интерпретацию, как видно из примеров (34)-(35):

(34) [Kart-ez **č'ašja** kora-n'-n'ig-a-z]
муж-P.3 деревья рубить-VN-NLOC-P.LOC/ILL-P.3
pəš'a-z.
потеть-3(SG.PRT)
'Муж вспотел, пока рубил деревья.'

(35) [Ataj-e **uža-tek** puk-on'-n'ig-a-z] so
отец-P.3 работать-CAR сидеть-VN-NLOC-P.LOC/ILL-P.3 тот
sil'=no bakč'a š'ij-on vuza-l'l'a-z
мясо=ADD огород есть-VN продавать-ITER-3(SG.PRT)
bazar-ên.
базар-LOC
'Пока отец был без работы, он мясо и овощи продавал на базаре.'

Интерпретация, при которой ситуация в зависимой предикации предшествует ситуации в главной или следует за ней, недопустима. Как продемонстрировано в примерах ниже, в этих случаях употребляются другие конструкции. Так, для выражения следования используется группа, образуемая реляционным именем *až' pal* 'передняя сторона' (36б), а для выражения предшествования — группа с реляционным именем *ber* 'задняя часть' в форме иллатива (37):

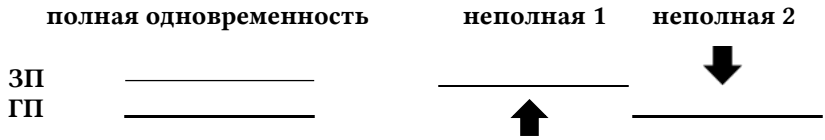
(36) а. *[Ted'ə ə̂ž vand-on'-n'i-a-m-ə̂]
белый овца резать-VN-CONV.SIMULT-P.1-PL
so viš'-em val n'i.
тот болеть-PST-2 быть.PRT уже
'(Когда (т.е. перед тем как) мы резали белую овечку, она уже болела.)'

б. [Ted'ə ə̂ž vand-**em-leš'** **až'** **pal**]
белый овца резать-NMZ-GEN2 перед сторона
viš'-e və̂l-em n'i.
болеть-PRS.3SG быть-PST-2 уже
'Когда (т.е. перед тем как) мы резали белую овечку, она уже болела.'

(37) [Ti košk-**em** **ber**-a-d-ə̂ /
вы уезжать-NMLZ зад-ILL-P.2-PL/
*košk-**on'-n'iga**-d-ə̂] mon tatč'-ə̂ emež'ə̂
*уезжать-VN-CONV.SIMULT-P.2-PL я здесь-ILL малина
puk-t-i.
сидеть-CAUS-PRT(1SG)
'Когда (после того, как) вы уехали, я посадила здесь малину.'

В рамках таксисного значения одновременности форма на *-(o)n-n'iga-* реализует подзначения «полной одновременности» и «неполной одновременности 1» (в терминах [11]). А именно, она может обозначать либо длительное или хабитуальное действие, временные границы которого совпадают с ситуацией главной предикации (35), либо «точечное» действие, которое имеет место в некоторый момент времени внутри временных границ главной предикации (8). Обе интерпретации представлены на схеме 1 (обозначения: ЗП — зависимая предикация, ГП — главная предикация):

Схема 1. Таксисные значения формы на *-(o)n-n'iga-* в терминах В.С. Храковского



(35) [...uža-tek pukon'n'igaz] (8)...mən-on'-n'ig-a-z *
sil'... vuzal'l'az ....uš'-i-z
'Пока отец жил без работы, он мясо и овощи продавал на базаре.' *'Когда шёл, упал.'*

«Точечная» интерпретация зависимой предикации (неполная одновременность 2, по В.С. Храковскому) в случае формы на *-(o)n-n'iga-* недопустима, ср.:

(38) *Ted'ə ə̂ž vand-on'-n'iga-m-ə̂ bəks-i-z.
белый овца резать-VN-CNV.SIMULT-P.1-PL блеять-PRT-3(SG)
'(Когда мы зарезали белую овечку, она (за)блеяла.)'

Временной план главной предикации при этом может быть любым. Предикат может стоять в форме прошедшего (39), настоящего (40) или будущего (41) времени:

(39) Mi uzij-an'-n'iga-m-ə̂
мы собирать.землянику-VN-CONV.SIMULT-P.1-PL
mad'-i-m-ə̂.
петь-PRT-1-PL
'Пока мы собирали землянику, мы пели песни.'

(40) Uzə̂ okt-on'-n'iga-m-ə̂
земляника собирать-VN-CONV.SIMULT-P.1-PL
mi jalan mad'-iš'ko-m.
мы всегда петь-PRS-1PL
'Когда мы собираем землянику, мы обычно поем песни.'

(41) Mi uzə okt-on'-n'iga-m-ə
мы земляника собирать-VN-CONV.SIMULT-P.1-PL
naverno gibi=no šed't-o-m.
наверное гриб=ADD найти-FUT-1PL
'Пока мы будем собирать землянику, мы, наверное, еще грибы найдем.'

Для формы на *-(o)n-n'iga-* обязательно совпадение места ситуации в главной и зависимой предикации. Так, в примере (42) возможно употребление только формы на *-idč'ož'-a-*, но не формы на *-(o)n-n'iga-*: в частности, в (42), по словам носителей бесермянского диалекта, при употреблении последней получается, что учительница рожала прямо на месте работы:

(42) [Vorč'a-jən=no Šamardan-ən uč'it'el'-ən
Ворца-LOC=ADD Шамардан-LOC учитель-LOC
uža-**dč'ož'**-am *uža-**n'**-**n'iga**-m]
работать-CNV.LIM-P.1 работать-VN-CONV.SIMULT-P.1-PL
mon kwin' pin'al vaj-i.
я три ребенок давать-PRT(1SG)
'Пока я работала учительницей в Ворце и в Шамардане, у меня родилось трое детей.'

Необходимо отметить, что в целом временная референция локативного имени отличается от временной референции формы на *-(o)n-n'ig-a-*. Так, локативное имя, как правило, требует хабитуальной интерпретации зависимой предикации. В примере (43) невозможно употребление локативного имени потому, что его нельзя проинтерпретировать как место хабитуального действия (т.е. коровы всегда испражняются в разных местах):

(43) *Miš'k-ə pəd kuk-t-e, ton l'oga-d skal
мыть-SG обувь-P.2-ACC ты наступать-2(SG.PRT) корова
sit'-an'-n'ig-a-z.
испражняться-VN-NLOC-P.LOC/ILL-P.3
'(Помой обувь, ты наступил туда, где корова положила лепешку (один раз).)'

Кроме того, локативное имя, в отличие от формы на *-(o)n-n'ig-a-*, не требует одновременной интерпретации зависимой и главной предикации, как следует из примера (44):

(44) Mon sapeg-m-e d'iš'a-j, mon [wal'l'o
я сапог-P.1-ACC надевать-PRT(1SG) я раньше
skal vož'-on'-n'ig-e] mən-o.
корова держать-VN-NLOC-ILL идти-FUT(1SG)
'Я надел сапоги, я пойду туда, где раньше держали коров.'

Итак, новое деепричастие на *-(o)n-n'iga-* вводит одновременную длительную ситуацию в зависимой клаузе обстоятельственного предложения, требуя при этом совпадения места совершения ситуации. Требование единства места говорит о том, что данная форма еще не вполне грамматикализовалась в функции деепричастия. Морфосинтаксические свойства данной формы также говорят о недостаточной степени ее грамматикализованности, т.к. она продолжает сохранять связь с локативным именем. Этим объясняется невозможность образования данной формы от глаголов состояния и сложных глаголов.

Последний вопрос, который мы рассмотрим в настоящей работе, состоит в следующем: что обусловливает возникновение в бесермянском диалекте новой деепричастной формы? Для ответа на него обратимся к данным литературного языка. В литературном удмуртском выделяют пять деепричастий: деепричастия с показателями *-са* (простой, или контекстный конверб в терминах [20]), *-тэк* (отрицательное деепричастие), *-ку* (деепричастие одновременности и длительности согласно [17]), *-тозь* (лимитативный конверб, имеющий в бесермянском вид *-(i)dč'ož'*) и *-мон* (причастно-деепричастная форма со значением возможности или необходимости) [8]. Таким образом, в удмуртской системе есть немаркированная форма (простой конверб, который может выражать как одновременность, так и предшествование) и четыре специализированных конверба с различными временными или модальными ограничениями. Один из этих конвербов — деепричастие на *-ку* — имеет интерпретацию одновременности и длительности ситуации в зависимой клаузе. Так, форма *тӧлӟыку* 'когда сохнут' в примере (45) обозначает ситуацию, временные рамки которой совпадают с временными рамками ситуации в главной клаузе (то есть с пением соловья):

(45) Писпу выл-ын кырӟа уӵы, азвесь
дерево верх-LOC петь.PRS.3(SG) соловей серебро
лысву тӧлӟы-**ку**.
роса сохнуть-CNV.SIMULT
'На дереве соловей поёт, когда сохнет серебристая роса. [8: 283 (М. Петров. Ошмес син)]'

Кроме того, в литературном удмуртском для выражения значения одновременности и длительности используется конструкция с союзом *дыръя*, который вводит финитную зависимую клаузу (см. [7]). Ср. (45) выше и (46):

(46) Пыдъ-ёс каллен мын-о=на **дыр-ъя**,
нога-PL медленно идти-PRS.3PL=ADD время-ADV
сик-лэсь, Чупчи возь-лэсь люк-иськ-ем
лес-GEN2 Чепца луг-GEN2 делить-DETR-NMLZ
уг пот-ы.
NEG.3.PRS выходить-3SG
'Пока ноги потихоньку двигаются, не хочу расставаться с лесом, причепецкими лугами. [2: 63 (В. Широбоков. Мына республикае)]'

Далее, в этой функции употребляется обстоятельственный падеж (адвербиалис) номинализации на *-(о)н (-(о)нъя)*:

(47) Мунчо азь-ын син-ъёс-с-э чӧшы-лы-са
баня перед-LOC глаз-PL-P.3-ACC вытирать-ITER-CNV
сыл-**он-ъя**-з, ошмес азьпала-сь кырӟа-м
стоять-VN-ADV-P.3 родник передняя.сторона-EL петь-NMLZ
куара кыл-й-з.
звук слышать-PRT-3(SG)
'Когда стоял перед баней, вытирая глаза, он (Герей) услышал со стороны родника пение. [13: 9]'.

Согласно [13: 8], перечисленные три конструкции покрывают 94,5% обстоятельственных зависимых предложений со значением одновременности. Остальные обслуживаются номинализацией на *-он* с различными послелогами. Кроме того, судя по примерам из корпуса литературного удмуртского языка, в указанных контекстах может функционировать номинализация с показателем *-эм* в форме адвербиалиса:

(48) Нунал кузь=гес **лу-эм-ъя** йыр-е
день длинный=CMPR быть-NMLZ голова-ILL
шуныт-эсь малпа-н-ъёс лыкт-о, сюлэм
тёплый-PL думать-VN-PL приходить-PRS.3PL сердце
тулыс-эз возьма.
весна-P.3 ждать(PRS.3SG)
'Когда дни становятся длиннее, в голову приходят тёплые мысли, сердце ждет весны [4 (Удмурт дунне, 08.08.2012)]'.

Таким образом, в удмуртском литературном языке достаточно много единиц, выполняющих функции деепричастий одновременности и длительности. Из всего этого разнообразия в бесермянском функционирует только аналог удмуртской формы адвербиалиса отглагольного имени на *-(о)ньы* — форма на *-(o)n'-n'a-* (с посессивными показателями, в отличие от литературного удмуртского)[1]. Пример ее употребления приведен в (49):

(49) [Č'oroga-nə mən-on'-**n'a-z**], nomər-ez gopet-en
рыбачить-INF идти-VN-ADV-P.3 червь-P.3 вилы-INSTR
gopa-z.
копать-3(SG.PRT)
'Когда он ходил на рыбалку, накопал вилами червей.'

Аналогов остальных удмуртских литературных форм, выражающих значения одновременности и длительности, в бесермянском диалекте нет. В нем не используется деепричастие на *-ку* и адвербиальные формы номинализации на *-эм*. Что касается *дыръя* 'во время', в бесермянском данная единица ведет себя не как союз, а как послелог, т.е. присоединяется только к непроизводным именам (50) или номинализациям (51):

(50) vojna **dər-ja** / legit' **dər-ja**
война время-ADV молодой время-ADV
'во время войны / в молодости'

(51) **Š'i-š'k-on** **dər-ja** no-kətč'ə=no mən-ono
есть-DETR-VN время-ADV NEG-где.ILL=ADD идти-DEB
e-j val.
NEG-1SG быть.PRT
'Во время еды нельзя было никуда выходить. [T]'

Итак, из трех наиболее частотных средств выражения значения одновременной длительной ситуации литературного удмуртского —

[1] В бесермянском корпусе есть ровно один пример номинализации на *-(o)n* в форме обстоятельственного падежа в виде *-(o)n-ja*, правда, не в функции деепричастия, а в атрибутивной функции. При фронтальном опросе носители бесермянского диалекта не признают грамматичность форм на *-(o)n-ja*, однако это может быть связано с тем, что в бесермянском обязательна ассимиляция *j* на морфемном шве. Такая обязательная ассимиляция имеет место, например, в мультипликативных дериватах. С учетом этой оговорки представляется наиболее естественной трактовка формы на *-(o)n'-n'a-* как адвербиальной формы отглагольного имени, имеющей коррелят в литературном удмуртском языке.

деепричастие на *-ку*, союз *дыръя* и номинализация на *-он* в обстоятельственном падеже — первое отсутствует в бесермянском, а у второго употребление у́же, чем в литературном удмуртском.

В целом, бесермянская система специализированных конвербов ограничивается отрицательным и лимитативным конвербом. Лимитативный конверб, кроме достижения предела (работал, пока не заснул), также может иметь значение одновременной длительной ситуации. То же значение имеет форма на *-(o)n'-n'a-*. Однако специализированный конверб, выражающий одновременную длительную ситуацию, отсутствует. Для заполнения данной лакуны происходит грамматикализация формы на *-(o)n'-n'iga-*. Интересно, что форма на *-(o)n'-n'iga-* идет по пути совмещения двух онтологических категорий — места и времени. Этот семантический переход широко засвидетельствован для показателей обстоятельственных клауз в языках мира (ср. [16: 131]; [19: 59]; ср. тж. [18: 342-345] относительно чадских языков, [21] относительно гуарани).

Библиографический список

1. Алатырев В. И. Краткий очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь, М.: Русский язык, 1983, с. 561–591.
2. Вахрушев В. М., Захаров В. Н., Калинина Л. И. (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения. Ижевск: Удмуртия, 1974.
3. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Учебное пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1998.
4. Корпус литературного удмуртского языка. http://web-corpora.net/UdmurtCorpus
5. Люкина Н. М. Особенности языка балезинских и юкаменских бесермян. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. М., 2008, рукопись.
6. Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Выпуск I. Научное издание. Ижевск, 2009.
7. Перевощиков П. Н. О некоторых синтаксических конструкциях в удмуртском языке // Вопросы языкознания 1952, № 6. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
8. Перевощиков П. И. (отв. ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Ижевское книжное изд-во, 1962.

9. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Издательство АН СССР, 1963.
10. Усачёва М. Н. Локативные падежи в группах с пространственным значением в пермских языках. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. М., 2011, рукопись.
11. Храковский В. С. (ред.). Типология таксисных конструкций. СПб: Наука, 2009.
12. Шмелёв А. Д. Типы «невыраженных валентностей» // Семиотика и информатика. Сборник научных статей. Вып. 36. М.: Языки русской культуры, 1998, с. 167-176.
13. Шутов А. Ф. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке. Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, МарГУ, 2002.
14. Шутов А. Ф. Распространенные члены как семантические аналоги придаточных предложений в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. История и филология, вып. 2, 2012, с. 32-37.
15. Arkhangelskiy T., Usacheva M. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria. SKY Journal of Linguistics, vol. 28. Helsinki. In press.
16. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar. Chicago and London: University of Chicago Press, 1994.
17. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó.
18. Frajzyngier Z. 1996. Grammaticalization of the complex sentence. A case study in Chadic. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2005.
19. Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalization. 2d rev. ed. Erfurt: Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität, 2002, manuscript.
20. Nedjalkov V. Some Typological Parameters of Converbs. In: Haspelmath M., König E. (eds.) Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995, pp. 97–136.
21. Nordhof S. Nomen / Verb Distinktion im Guarani. Universität zu Köln, Arbeitspapier № 48, 2004, manuscript.
22. Tánczos O. Szórendi variációk és lehetséges okaik az udmurtban. Nyelvtudományi Közlemények, 107, 2012, pp. 218-228.

О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский

ИЯз РАН, Москва

ПРЯМОЙ ОБЪЕКТ В ЭНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ОБЪЕКТНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ ГЛАГОЛА[1]

0. Введение

В настоящей работе предлагается попытка описать такую часть грамматической системы энецкого языка (уральский, самодийский, северно-самодийский), как объектное согласование глагола. За оформление прямого объекта в энецком языке ответственны два морфосинтаксических параметра: глагольное согласование и именной падеж; при этом использование каждого из них не обязательно и зависит, в свою очередь, от ряда морфосинтаксических, семантических и прагматических факторов. После обзора всей системы оформления прямого объекта в разделе 1 будет подробно рассмотрена функциональная нагрузка глагольного согласования с объектом в разделе 2.

На энецком языке говорят в нижнем течении р. Енисей, на п-ове Таймыр; общая численность носителей энецкого языка не превышает 50 человек старшего поколения. В данной работе рассматриваются данных обоих диалектов, лесного (далее ЛЭ) и тундрового (далее ТЭ); в области оформления прямого дополнения различия между диалектами незначительны, и все они будут упомянуты ниже. Исследование основано на корпусе глоссированных текстов, насчитывающих 26 часов для лесного диалекта и 8 часов для тундрового диалекта[2].

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №15-18-00044.

[2] Корпус текстов состоит из современных аудиозаписей, сделанных в 2005-2010 гг. авторами и М. Овсянниковой, Н. Стойновой, С. Трубецким, и архивных аудиозаписей, транскрибированных авторами и их вышеперечисленными коллегами, а впоследствии отглоссированных авторами в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями», базировавшегося в Институте эволюционной антропологии им. Макса Планка (Германия) и поддержанного Проектом документации языков, находящихся под угрозой исчезновения, при Школе восточных и африканских исследований (Великобритания) и собственно Институтом эволюционной антропологии. Большая часть текстов этого корпуса

1. Система маркирования прямого объекта

Оформление прямого объекта — локутора, т.е. прямого объекта 1-го или 2-го лица, существенно отличается от оформления любого другого прямого объекта. Личное местоимение 1-го или 2-го лица стоит в винительном падеже, при этом глагольное согласование с объектом невозможно, ср. (1).

(1) teza-xaa **ʃizna?** dʲurta-ʔ ЛЭ
сейчас-TOP мы.ACC забыть-3PL.S
‘Но сейчас-то они нас забыли.’

Прямой объект 3-го лица может быть выражен как в глаголе, объектным согласованием, ср. (2), так и собственно именной группой, которая может быть в именительном (3) или в косвенном падеже (4).

(2) nu, ɔtuz nɔɔn ɔɔ-da-za, sira nɔɔn ТЭ
ну осень на есть-FUT-3SG.SOsg снег на
ɔɔ-da-za
есть-FUT-3SG.SOsg
‘Ну, осенью будет ее кушать и зимой.’

(3) **biʔ** ʃee-xuru ɛɛ-xo-da nʲi
вода.**NOM** кто-EVEN мать-DAT.SG-OBL.SG.3SG NEG.3SG.S
mis ЛЭ
дать-CONN
‘Никто не дал маме воды.’

(4) **ɔdiz** ooŋa-ʔ ЛЭ
зелень.**OBL** есть-3PL.S
‘Они едят траву.’ (о некотором виде птиц)

Возможно также двойное маркирование прямого объекта, т. е. возможно сочетание именной группы — объекта в именительном (5) или косвенном падеже (6) с объектным согласованием на глаголе.

доступна для всеобщего пользования по адресу http://larkpie.net/siberianlanguages/recordings/forest-enets и http://elar.soas.ac.uk/deposit/0302. Мы выражаем глубокую благодарность всем людям, поделившимся с нами знанием энецкого языка, и всем коллегам и организациям, предоставившим в наше распоряжение свои архивные записи: Дудинскому отделению ГТРК «Норильск», Таймырскому Дому народного творчества, Д.С. Болиной, О.Э. Добжанской, И.П. Сорокиной и А.Ю. Урманчиевой.

(5) iŋi-ziʔ ko-ʔ **ɔdiʔ** ЛЭ
конечно-3DU.**SOsg** найти-CONN зелень.**NOM**
‘Конечно, они нашли это растение.’

(6) poga-**d** tɛtti-r ЛЭ
сеть-**OBL**.SG.**2SG** измерить-2SG.**SOsg**
‘Ты померил свою сетку.’

1.1. Прямой объект 3 лица в именной морфологии

Ядерная падежная система личных местоимений включает в себя три падежа: именительный, винительный и родительный, ср. (7) для местоимений 3-го лица, в то время как ядерная падежная система существительных включает в себя только два падежа: именительный и косвенный[1], ср. (4) vs. (5). При этом именительный падеж всегда используется в позиции субъекта, косвенный падеж всегда используется в приименных контекстах и с послелогами, и оба падежа могут оформлять прямое дополнение.

(7) a. bu b. budu ʔ c. bud^{j}iʔ ЛЭ
он(а).NOM они(мн).NOM они(дв).NOM
d. (bu) ʃita b. (budu ʔ) ʃizzu ʔ c. (bud^{j}iʔ) ʃizziʔ
он(а).ACC они(мн).ACC они(дв).ACC

1.2.1. Местоимения 3-го лица в функции прямого объекта

Если прямое дополнение 3-го лица выражено личным местоимением, то оно всегда имеет форму винительного падежа, ср. (8).

(8) **ʃita** <…> peritʃu-ubi-zʔ ЛЭ
он(а).ACC помогать_иногда-HAB-1SG.S
‘Я помогаю ему.’

Однако фактически местоимения 3-го лица в винительном падеже употребляются крайне редко: обычно в анафорической функции используется объектное согласование глагола, как в (2).

[1] Традиционное описание энецкого языка предполагает наличие трех ядерных падежей, так что выбор именительного vs. косвенного падежа описывается как отдельный морфологический несамостоятельный падеж. Описание с двумя падежами было предложено нами с соответствующей аргументацией в [3].

1.2.2. Существительные без показателей посессивности в функции прямого объекта

В современном лесном диалекте энецкого языка отсутствует отдельный показатель косвенного падежа для непосессивных существительных, ср. (9a), где существительное *bɔgulʲa* ‘медведь’ находится в позиции подлежащего, и (9b), где оно же находится в позиции прямого дополнения.

(9) a. bɔgulʲa to-bi ŋobkutun ЛЭ
медведь прийти-PRF.3SG.S однажды
‘Однажды пришел медведь.’
b. entʃeʔ bɔgulʲa piiʔɛ-za ЛЭ
человек медведь бояться-3SG.SOsg
‘Человек боится медведя.’

В тундровом диалекте энецкого языка имеется факультативный показатель косвенного падежа *-ʔ* , ср. (10), однако он используется крайне редко[1].

(10) sexa-ʔ nʲiʔ ТЭ
дорога-OBL на
‘на дорогу’

Однако в энецком языке имеется чередующийся словоизменительный класс существительных, где именительный и косвенный падежи различаются используемой основой, ср. примеры из этого класса в (11) и (12).

(11) a. mɛ**ʔ** c. entʃe**ʔ** e. nʲi**ʔ** ЛЭ
чум.NOM человек.NOM имя.NOM
g. si**ʔ**
соль.NOM
b. mɛ**z** d. entʃe**u** f. nʲi**u**
чум.OBL человек.OBL имя.OBL
h. si**r**
соль.OBL
(12) a. me**ʔ** c. enetʃe**ʔ** e. nʲi**ʔ** ТЭ
чум.NOM человек.NOM имя.NOM

[1] Конечный гортанный смычный в реальной речи на энецком языке регулярно реализуется фонетически только в позиции конца предложения, перед паузой или при наличии эмфатического выделения словоформы; в остальных случаях гортанный смычный нередко реализуется нулем.

g. si**ʔ**
соль.NOM
b. me**zɔ** d. enetʃe**ɔ** f. n^{j}i**ɔ**
чум.OBL человек.OBL имя.OBL
h. si**rɔ**
соль.OBL

В тундровом диалекте факультативный показатель косвенного падежа *-ʔ* присоединяется в этом случае к косвенной основе (13). Более того, во всех случаях, когда показатель косвенного падежа *-ʔ* четко идентифицируется именно на прямом дополнении, а не на приименном зависимом, как в (10), речь идет именно о существительных чередующегося словоизменительного класса. Иначе говоря, во всех естественных примерах с прямым объектом существительным нечередующегося словоизменительного класса, как *bɔgul^{j}a* 'медведь' в (9b), именительный и косвенный падежи не различаются.

(13) ese **n^{j}iɔ-ʔ** d^{j}axara-bɔ ТЭ
отец имя.OBL-OBL не_знать-1SG.SOsg
‘Имя (его) отца я не знаю.’

Выбор между прямым и косвенным падежом у чередующихся существительных без показателей посессивности обнаруживает слабые корреляции с референциальным статусом, с одной стороны, и с выделенностью в дискурсе, с другой стороны. Так, генерические и неспецифические объекты имеют тенденцию к выражению косвенным падежом, как в (14), а объекты — ключевые участники дискурса имеют тенденцию к выражению именительным падежом, как в (15).

(14) a **biz** an^{j} bi-koɔ pii-pi-za ЛЭ
и вода.**OBL** и вода-TOP бояться-PRF-3SG.SOsg
‘А она воды-то боится.’
(15) **d^{j}uuʔ** tɔʔ mua ТЭ
жир.**NOM** туда сделать.3SG.S
‘Она туда положила жир (в тазик).’ (рассказ о ритуале очищения)

1.2.3. Существительные с показателями посессивности в функции прямого объекта

Именительный и косвенный падежи различаются формой посессивного аффикса: ядерный падеж и число обладаемого и лицо и число обладателя выражаются в энецком языке кумулятивно.

(16) a. mɛ-m
чум-NOM.SG.1SG
‘мой чум’

b. mɛ-nʲʔ
чум-OBL.SG.1SG
‘моего чума’

ЛЭ

c. mɛ-l
чум-NOM.SG.2SG
‘твой чум’

d. mɛ-t
чум-OBL.SG.2SG
‘твоего чума’

Таблица 1. Посессивные показатели лесного диалекта энецкого языка

	существительное ед. ч.		**существительное мн. и дв. ч.**	
	NOM	**OBL**	**NOM**	**OBL**
1SG	-jʔ, -b/ -m/ -m[1]	-nʲʔ	-nʲʔ	
2SG	-r/ -l/ -l	-d/ -d/ -t	-z	-t
3SG	-za / -da / -ta	-da / -da / -ta	-za	-da, -ta
1DU	-jʔ, -biʔ / -miʔ / -miʔ	-nʲʔ	-nʲʔ	
2DU	-riʔ / -lʲiʔ / -lʲiʔ	-dʲiʔ / -dʲiʔ / -tʃiʔ	-ziʔ	-dʲiʔ, -tʃiʔ
3DU	-ziʔ / -dʲiʔ / -tʃiʔ	-dʲiʔ / -dʲiʔ / -tʃiʔ	-ziʔ	-dʲiʔ, -tʃiʔ
1PL	-aʔ (-eʔ, -ɔʔ), -baʔ / -maʔ / -maʔ	-naʔ	-naʔ	
2PL	-raʔ / -laʔ / -laʔ	-daʔ / -daʔ / -taʔ	-zaʔ	-daʔ, -taʔ
3PL	-zuʔ / -duʔ / -tuʔ	-duʔ / -duʔ / -tuʔ	-zuʔ	-duʔ, -tuʔ

У существительных с показателями посессивности основным фактором, определяющим выбор именительного или косвенного падежа прямого объекта, являются число существительного и лицо посессора. Так, обладаемые прямые объекты единственного числа оформляются именительным падежом, если их посессор 1-го лица, как в (17a), и косвенным падежом, если их посессор 2-го или 3-го лица, как в (17b).

(17) a. kunʲ poga-**jʔ** bɛrta-da-u ЛЭ
как сеть-**NOM.SG.1SG** бросить-FUT-1SG.SOsg
‘Как я брошу свою сеть?’

b. bu poga-**da** tʃi-ʔ nʲe-zauʔ ЛЭ
он(а) сеть-**OBL.SG.3SG** ставить-CONN NEG-3SG.SOsg.CONT
‘Он ведь поставил свою сеть.’

В свою очередь, обладаемые прямые объекты множественного или двойственного числа оформляются именительным падежом, если их

[1] Через косую черту указываются алломорфы показателя для разных словоизменительных классов: сначала для нечередующегося словоизменительного класса, затем для звонкочередующегося, затем для глухочередующегося; в скобках указываются алломорфы, употребление которых зависит от фонологического конца именной основы; через запятую указываются свободные варианты.

посессор 2-го или 3-го лица, как в (18), и не различают ядерные падежи, если их посессор 1-го лица, как в (19), см. также Таблицу 1 .

(18) koba-saj tʃuktʃi pɛdi-**zuʔ** tʃuktʃi ЛЭ
шкура-COM все камус-**NOM.PL.3PL** все
mu-dkod-ɛ-zuʔ
взять-HYPOT-SOpl-3PL.SOnsg
‘Они заберут все шкуры с камусами.’

(19) tabeza-gɔ-ɔbi-n nii-**nʲʔ** ТЭ
научить-DUR-HAB-1SG.SOnsg ребенок-**PL.1SG**
‘Я учу своих детей.’

При этом имется еще такой дополнительный фактор как императив 2-го лица единственного числа, при котором для объекта употребляется именительный падеж, как в (20).

(20) ɛba-**za** mu-**z** ЛЭ
голова-**NOM.SG.3SG** взять-**2SG.SOsg.IMP**
‘Возьми его голову.’

Для дестинативных прямых объектов с посессивными показателями работают свои дополнительные факторы, обсуждению которых посвящена наша работа [7].

Указанные закономерности выбора падежа прямого дополнения для существительных с посессивными показателями, хотя и покрывают порядка 90% всех встреченных в текстах случаев, все же являются только тенденциями. Имеются и исключения, как в (21)-(22), которые пока не поддаются объяснению.

(21) menʲeɔ-**za** mɔdʲ dʲaxara-a ТЭ
старуха-**NOM.SG.3SG** я не_знать-1SG.SOsg
‘Жену его я не знаю.’

(22) uzu-**tuʔ** ko-i-n ЛЭ
след-**OBL.PL.3PL** найти-SOpl-1SG.SOnsg
‘Мы нашли их следы.’

1.2. Прямой объект 3 лица в морфологии глагола

Объектное согласование переходного глагола возможно только с прямым объектом 3-го лица и различает три числа этого объекта: единственное, двойственное и множественное. При этом, как уже указывалось, наличие объектного согласования факультативно, в отличие от субъектного согласования, которое всегда присутствует в финитном

энецком глаголе.[1] В (23) приводятся глагольные формы с объектным согласованием для 2-го лица субъекта и различных чисел объекта, в (24) для сравнения приводятся глагольные формы без объектного согласования для 2-го же лица субъекта.

(23) a. pɔnʲiŋa-**r** b. pɔnʲiŋ-**i-z** ЛЭ
использовать-2SG.SOsg использовать-SOpl-2SG.SOpl
c. pɔnʲiŋa-**xu-z**
использовать-SOdu-2SG.SOpl
‘ты используешь его’; ‘ты используешь их (мн)’;
‘ты используешь их (дв)’

(24) a. pɔnʲiŋa-**d** b. dʲaza-**d** ЛЭ
использовать-2SG.S идти-2SG.S
‘ты используешь’ ‘ты идешь’

Глагольное согласование с объектом является практически обязательным в тех случаях, когда в клаузе нет выраженной объектной именной группы, как в (25). Примеры с опущением прямого объекта без объектного согласования в глаголе, как в (26), засвидетельствованы в корпусе, но немногочисленны.

(25) ɛse-jʔ tʃi peri ЛЭ
отец-NOM.SG.1SG вот всегда
baziʔ-ubi-**zaʃ**
рассказать-HAB-3SG.**SOsg**.PST
‘Мой отец всегда о нем рассказывал.’

(26) nɛk uza-xan-ed ed nɔɔbera-da-**d** ЛЭ
другой рука-LOC.SG-OBL.SG.2SG так держать-FUT-2SG.S
tɔʃe-z
низ-ABL
‘[Уже он так будет шевелиться <…> в сите. <…>] Другой рукой будешь (его) держать снизу.’

Глагольное согласование с прямым объектом невозможно, когда прямой объект имеет показатель дестинатива, как в (27).

[1] В традиционной терминологии формы с объектным согласованием глагола называются формами субъектно-объектного (объектного) спряжения, а два ряда форм без объектного согласования глагола — формами субъектного спряжения и возвратного (субъектно-безобъектного) спряжения.

(27) ugalʲe-**zɔ**-d teza-da-**d** ТЭ
уголь-**DEST**.SG-OBL.SG.2SG принести-FUT-2SG.**S**
‘Ты принесешь (себе) угля.’

С выраженной полной недестинативной объектной именной группой глагольное согласование может иметь, как в (28a) и (29a), или не иметь место, как в (28b) и (29b). Как раз факторам, определяющим его наличие или отсутствие в этих случаях, и посвящена оставшаяся часть настоящей работы.

(28) a. ɔtuz-noju tʃi ʃera-zuʔ, ʃera-zuʔ ЛЭ
осень-ADV вот спрятать-3PL.**SO**sg спрятать-3PL.**SO**sg
mense
старуха
‘Осенью похоронили, похоронили старуху.’
b. tɔʔ ɔnɛj entʃe-l tɔz tʃike ЛЭ
вот энецкий человек-NOM.SG.2SG вот этот
rosa-da mense tɔz mɔdiʔɛ
русский-OBL.SG.3SG старуха вот увидеть.3SG.**S**
‘И вот энец увидел жену [=старуху] русского.’
(29) a. bese nʲe-**ʔ** teza-dɔʔ ТЭ
деньги NEG-3PL.**S** принести-FUT.CONN
‘Они не дадут денег.’
b. kunɔ-xɔa tʃike bese naʔa-da-**zutʃ** ТЭ
где-TOP этот деньги послать-FUT-3PL.**SOsg**.PST
‘Лучше эти деньги они куда-нибудь послали бы.’

2. Факторы, определяющие глагольное маркирование объекта

В литературе по энецкому языку высказывались предположения о том, что наличие объектного согласования определяется информационной структурой высказывания: Н.М. Терещенко и И.П. Сорокина [2: 188; 1: 310-311] использовали понятие «логическое ударение» на объекте, Ф. Сигл [9: 253-254] предложил оперировать термином «нейтральной информационной структуры» и описывать роль объектного согласования как маркирование отступления от таковой. Для близкородственного ненецкого языка в [8] было предложено объяснять наличие объектного согласования повышенной переходностью всей клаузы в смысле [6].

В настоящей работе мы ставили своей целью проверить на большом количестве текстов, можно ли связать наличие объектного согласования с каким-либо параметром, легко поддающимся измерению.

Были проверены следующие параметры: свойства глагола, свойства подлежащего, свойства прямого объекта и порядок слов. Во-первых, были

посчитаны корреляции наличия объектного согласования с глагольным видом, совершенным или несовершенным, с наличием на глаголе аспектуальных дериваций и показателей времени/наклонения. Во-вторых, были посчитаны подобные корреляции с одушевленностью, определенностью и специфичностью подлежащего. В-третьих, были посчитаны корреляции наличия объектного согласования с одушевленностью, определенностью и специфичностью прямого дополнения, с наличием на нем показателей посессивности, с длиной именной группы объекта в словах и с его частью речи (существительное или местоимение). Наконец, было посчитано, коррелирует ли с наличием объектного согласования порядок субъекта, объекта и глагола относительно друг друга или наличие дополнительного материала между обычно неразрывными глаголом и объектом (обстоятельства или косвенного дополнения).[1]

Выяснилось, что на выбор глагольного согласования значимо влияют только некоторые свойства прямого объекта, а именно, его определенность и наличие на нем показателя посессивности, и некоторые свойства порядка слов, связанные в первую очередь с прямым объектом же, а именно, расположение объекта и глагола относительно друг друга и наличие дополнительного материала между ними. Тем самым, можно сделать вывод о том, что в энецком языке объектное согласование на глаголе связано исключительно со свойствами прямого объекта и не имеет отношения к свойствам всей клаузы. Далее поочередно будут рассмотрены параметры, влияющие на объектное согласование.

2.1. Формальные параметры, связанные с наличием объектного согласования

2.1.1. Наличие показателя посессивности

Примеры (30)-(32) иллюстрируют, что наличие показателя посессивности на прямом объекте нередко идет рука об руку с наличием объектного согласования в глаголе.

[1] Проверка корреляции всех указанных параметров с глагольным согласованием проводилась не на всем объеме данных, а только на корпусе тундрового диалекта. Однако, поскольку выборочный подсчет тех параметров, которые оказались релевантны, для лесного корпуса показал те же результаты, что и тундровый корпус (см. подробнее далее), нам кажется правомочным распространить результаты пилотного подсчета на оба диалекта.

(30) a. rosa baza tɛne ЛЭ
русский язык знать.3SG.**S**
‘Он знает русский язык.’
b. ker-ta baza-da tɛne-za ЛЭ
сам-OBL.SG.3SG язык-OBL.SG.3SG знать-3SG.**SO**sg
‘Она знает свой язык.’

(31) a. entʃeu koɔ an^{j} ЛЭ
человек найти.3SG.**S** и
‘Он нашел человека.’
b. rosa-r ɔnɛj entʃe-da
русский-NOM.SG.2SG энецкий человек-OBL.SG.3SG
koɔ-za ЛЭ
найти-3SG.**SO**sg
‘Русский нашел энца.’

(32) a. ʃize … peda nɔ-t-azʔ ТЭ
два камус выделать-FUT-1SG.**S**
‘Я два камуса соскоблю.’
b. mɔd^{j} tʃinad^{j} ... peda-jʔ
я сейчас камус-NOM.SG.1SG
d^{j}ud^{j}e-da-b ТЭ
закончить-FUT-1SG.**SO**sg
‘Я сейчас камус закончу.’

Таблицы 2-3 показывают численные взаимосвязи в обе стороны: наличие/отсутствие объектного согласования напрямую коррелирует с наличием/отсутствием показателя посессивности.

Таблица 2. Корреляция объектного согласования с показателем посессивности на объекте для лесного диалекта энецкого языка (статистически значимая по биномиальному тесту с порогом 0,01)

ЛЭ	есть объектное согласование	нет объектного согласования	всего
есть показатель посессивности	676	311	987 68% с согласованием; 32% без согласования
нет показателя посессивности	242	755	997 24% с согласованием; 76% без согласования
всего	918	1066	1984

Таблица 3. Корреляция объектного согласования с показателем посессивности на объекте для тундрового диалекта энецкого языка (статистически значимая по биномиальному тесту с порогом 0,01)

ТЭ	есть объектное согласование	нет объектного согласования	всего
есть показатель посессивности	141	99	240 59% с согласованием; 41% без согласования
нет показателя посессивности	102	296	398 26% с согласованием;74% без согласования
всего	243	395	638

2.1.2. Нестандартный порядок слов

Стандартным порядком слов для энецкого языка является (S)OV, т. е. следование глагола за прямым объектом с факультативной именной группой подлежащего в начале предложения, как в (33)-(34).

(33) ŋo-l^{j}u buuse-je pogud^{j} aga d^{j}ɔdaz ЛЭ
один-RESTR старик-PEJ сеть-MULT-CVB большой щука
nɔʔɔ-bi
схватить-PRF.3SG.**S**
‘Один старик поймал в сети большую щуку.’

(34) ese-jʔ kɔdɔ-da nexa ТЭ
отец-NOM.SG.1SG нарта-OBL.SG.3SG взять.3SG.**S**
‘Мой отец взял сани.’

Нестандартными порядками являются все остальные: как и те, где объект следует за глаголом ((S)VO, VSO), ср. (35)-(36), так и тот, где субъект стоит между объектом и глаголом, хотя глагол формально и следует за объектом (OSV).

(35) nɔʔɔ-zuʔ alke nenago-je ЛЭ
схватить-3PL.**SO**sg огромный комар-PEJ
‘Они поймали одного большого комара.’

(36) jɔmpu kada-za kɔru-da ТЭ
Ёмпу унести-3SG.**SO**sg нож-OBL.SG.3SG
‘Ёмпу взял ножик.’

Таблицы 4-5 показывают численные взаимосвязи в обе стороны: наличие/отсутствие объектного согласования напрямую коррелирует с нестандартным/стандартным порядком слов в предложении.

Таблица 4. Корреляция объектного согласования с порядком слов для лесного диалекта энецкого языка (статистически значимая по биномиальному тесту с порогом 0,01)

ЛЭ	есть объектное согласование	нет объектного согласования	всего
(S)OV(S)	782	1034	1816 (43% с согласованием; 57% без согласования)
прочие: VSO (S)VO OSV	136	32	168 (81% с согласованием 19% без согласования)
всего	918	1066	1984

Таблица 5. Корреляция объектного согласования с порядком слов для тундрового диалекта энецкого языка (статистически значимая по биномиальному тесту с порогом 0,01)

ТЭ	есть объектное согласование	нет объектного согласования	всего
(S)OV(S)	**203**	**380**	**583** **(35% с согласованием;** **65% без согласования)**
прочие: VSO (S)VO OSV	40	15	**55** **(73% с согласованием;** **27% без согласования)**
всего	**243**	**395**	638

В подавляющем большинстве случаев выраженная именная группа объекта находится непосредственно перед глаголом, как в (37a) и (38a), однако между объектом и глаголом в принципе может находиться наречие, как в (37b), или другой сирконстант, как в (38b), а также косвенный объект в дитранзитивной конструкции.

(37) a. tɔrse ɔburu kɔmita ЛЭ
такой вещь любить-3SG.**S**
‘Такую вещь он любит.’

b. tɔrse ɔburu ŋul^{j} kɔmita-za ЛЭ
такой вещь очень любить-3SG.**SO**sg
‘Такую вещь он очень любит.’

(38) a. tʃike an^{j} pe mua ТЭ
этот и дерево сделать.3SG.**S**
‘Она опять положила дрова.’

b. dʲaudʲa sɔrja sudʲeʔ mu-da-za ТЭ
мука миска внутрь сделать-FUT-3SG.**SO**sg
‘Она муку в миску положит.’

Как и в случае относительного следования основных элементов клаузы относительно друг друга, здесь нестандартный порядок слов напрямую коррелирует с наличием объектного согласования, а стандартный порядок слов напрямую коррелирует с отсутствием объектного согласования.

Таблица 6. Корреляция объектного согласования с наличием/отсутствием дополнительного материала между объектом и глаголом для лесного диалекта энецкого языка (статистически значимая по биномиальному тесту с порогом 0,01)

ЛЭ	есть объектное согласование	нет объектного согласования	всего
есть дополнит. сост.	223	49	272 (82% с согласованием 18% без согласования)
нет дополнит. сост.	695	1017	1712 (41% с согласованием; 59% без согласования)
всего	918	1066	1984

Таблица 7. Корреляция объектного согласования с наличием/отсутствием дополнительного материала между объектом и глаголом для тундрового диалекта энецкого языка (статистически значимая по биномиальному тесту с порогом 0,01)

ТЭ	есть объектное согласование	нет объектного согласования	всего
есть дополнит. сост.	64	21	85 (75% с согласованием 25% без согласования)
нет дополнит. сост.	179	374	553 (32% с согласованием; 68% без согласования)
всего	243	395	638

2.2. Семантический параметр, связанный с наличием объектного согласования: определенность

Примеры (39)-(40) иллюстрируют взаимосвязь определенности именной группы объекта с наличием объектного согласования в глаголе.

(39) a. pɔrne-je ir nʲe koɔ ЛЭ
ведьма-PEJ собственный ребенок найти-3SG.**S**
‘Ведьма родила своего ребенка.’
b. tɔz tʃikoz tʃike nʲekutʃa muɔ-zuʔ ЛЭ
так этот-ABL.SG этот ребенок-DIM взять-3PL.**SO**sg
‘Потом они этого ребеночка взяли.’

(40) a. lʲekar baxɔʔɔ teza ТЭ
врач старик принести.3SG.**S**
‘Он привел старика врача.’
b. tulba menʲeɔ tenʲe-b ТЭ
Тулба старуха знать-1SG.**SO**sg
‘Тулбу-старуху я знаю.’

Таблицы 8-9 показывают численные корреляции в обоих направлениях: наличие/отсутствие объектного согласования напрямую коррелирует с определенностью/неопределенностью объекта.

Таблица 8. Корреляция объектного согласования с определенностью объекта для лесного диалекта энецкого языка (статистически значимая по биномиальному тесту с порогом 0,01)

ЛЭ	есть объектное согласование	нет объектного согласования	всего
определенный объект	683	341	1024 (67% с согласованием 33% без согласования)
неопределенный объект	235	725	960 (24% с согласованием 76% без согласования)
всего	918	1066	1984

Таблица 9. Корреляция объектного согласования с определенностью объекта для тундрового диалекта энецкого языка (статистически значимая по биномиальному тесту с порогом 0,01)

ТЭ	есть объектное согласование	нет объектного согласования	всего
определенный объект	187	124	311 (60% с согласованием; 40% без согласования)
неопределенный объект	56	271	327 (17% с согласованием 83% без согласования)
всего	243	395	638

2.3. Совместное влияние параметров

Если посмотреть на совместное влияние семантического параметра определенности объекта и формального параметра порядка слов, объединяющего и следование основных составляющих клаузы относительно друг друга, и непосредсвенного примыкания объекта к глаголу, то цифры окажутся еще более впечатляющими. Здесь мы опускаем параметр наличия посессивного показателя на объекте, т. к. он представляется не совсем самостоятельным: посессивные именные группы очень редко бывают неопредленными в энецком языке.

Таблица 10. Корреляция объектного согласования с определенностью объекта и порядком слов для обоих диалектов энецкого языка (статистически значимая по биномиальному тесту с порогом 0,01)

ТЭ+ЛЭ	есть объектное согласование	нет объектного согласования	всего
стандартный порядок слов & определенный объект	538	427	965 (56% с согласованием; 44% без согласования)
стандартный порядок слов & неопределенный объект	177	925	**1102 (16% с согласованием 84% без согласования)**
нестандартный порядок слов & определенный объект	332	38	**370 (90% с согласованием 10% без согласования)**
нестандартный порядок слов & неопределенный объект	114	71	185 (62% с согласованием;38% без согласования)
всего	1161	1461	2622

Действительно, в случае, когда оба параметра работают в одном направлении, корреляция выглядит намного более существенной, чем в случае действия только одного параметра. При нестандартном порядке слов и определенном объекте можно предсказать наличие объектного согласования с вероятностью 90%. В обратном случае, при стандартном порядке слов и неопределенном объекте, можно предсказать отсутствие объектного согласования с вероятностью 84%. Любопытно, что если эти два параметра работают в противоположном направлении, объектное согласование имеет место, если имеет место хотя бы одно значение параметра, благоприятствующее его наличию. При этом нестандартный порядок слов, в целом, показывает более сильную корреляцию с наличием объектного согласования, чем определенность объекта.

3. Заключение

Про формальный параметр наличия/отсутствие показателя посессивности известно, что за пределами семантического поля собственно обладания показатели посессивности в энецком языке активно используются для целей информационной структуры: выделения референта и поддержания референции. Про формальный параметр инвертированного порядка слов известно из типологии, что такой порядок

слов используется для целей информационной структуры, а именно для выделения составляющей, находящейся не на своем обычном месте. Про семантический параметр определенности также известно из типологии [4; 5], что с точки зрения информационной структуры дефолтный прямой объект неопределенный, а определенный прямой объект заслуживает особого внимания. Более того, как уже упоминалось, параметр наличия/отсутствие показателя посессивности частично связан с этим же: существительные с показателем посессивности редко являются неопределенными.

Тем самым, можно сделать вывод, что энецкое глагольное согласование действительно не может быть сведено ни к какому простому измеряемому параметру и действительно связано с привлечение внимания к прямому объекту, что более или менее соответствует традиционному неопределяемому термину «логическое ударение».

Любопытно при этом, что объектное согласование, вообще говоря, используется в энецком языке не только для выделения объекта, но и для референции невыраженного прямого объекта, т. е. в некотором смысле, самоочевидного прямого объекта. С одной стороны, можно тут заметить интересную языковую экономию: объектное согласование в глаголе используется для референции очевидного при отсутствии именной группы прямого дополнения и для почти противоположного — референции неочевидного при наличии именной группы прямого дополнения. С другой стороны, можно говорить о том, что как опущенный, так и определенный прямой объект являются актуализованными в сознании говорящего, и глагольное согласование, возможно, сигнализирует именно эту недефолтную актуализованность.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, ABL — аблатив, ACC — винительный падеж, ADV — показатель наречия, COM — комитатив, CONN — коннегатив, CONT — «контрастивная» видо-временная серия, CVB — деепричастие/инфинитив, DAT — датив, DEST — дестинатив, DIM — диминутив, DU — дв. число, DUR — дуратив, EVEN — эмфатический показатель ‘даже’, FUT — будущее время, HAB — хабитуалис, HYPOT — гипотетическое наклонение, IMP — императивная видо-временная серия, LOC — локатив, MULT — мультипликатив, NEG — отрицательный глагол, NOM — именительный падеж, OBL — косвенный падеж, PEJ — пейоратив, PL — мн. число, PRF — перфект, PST — претериальная видо-временная серия, RESTR — рестриктив, S — субъектная лично-числовая серия, SG — ед. число, SOdu — субъектно-объектная согласовательная серия для объекта дв. числа, SOnsg — субъектно-объектная согласовательная серия для объекта неед. числа, SOpl —

субъектно-объектная согласовательная серия для объекта мн. числа, SOsg — субъектно-объектная согласовательная серия для объекта ед. числа, TOP — показатель топика, ЛЭ — лесной энецкий, ТЭ — тундровый энецкий.

Библиографический список

1. Сорокина И.П. *Энецкий язык.* СПб.: Наука. 2010.
2. Терещенко Н.М. *Синтаксис самодийских языков.* Л.: Наука. 1973.
3. Ханина О.В., Шлуинский А.Б. Ядерные падежи существительных в энецком языке: в поисках адекватного описания // *Лингвистический беспредел – 2.* Сборник научных трудов к юбилею А.И.Кузнецовой. Под ред. А.Е.Кибрика. М.: Издательство МГУ, 2013. С. 76-94
4. Du Bois, John W. The discourse basis of ergativity. *Language* 63. 1987. 805-855.
5. Du Bois, John W., Lorraine E. Kumpf & William J. Ashby. *Preferred Argument Structure: grammar as architecture for function.* Studies in Discourse and Grammar 14. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. 2003.
6. Hopper, Paul J., & Sandra A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse. *Language* 56(2). 1980. 251-299.
7. Khanina, Olesya, & Andrey Shluinsky. A rare type of benefactive construction: Evidence from Enets. *Linguistics* 52(6). 2014. 1391-1431.
8. Körtvély, Erika. *Verb conjugation in Tundra Nenets.* [Studia uralo-altaica 46]. *Szeged*: SzTE Finnugor Tanszék. 2005.
9. Siegl, Florian. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia.* Helsinki: Société Finno-Ougrienne. 2013.

Л.В. Хохлова.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

АНТИРЕЗУЛЬТАТИВ В ХИНДИ

Ситуация нормального хода событий, обычно выражаемая такими видо-временными глагольными формами, как аорист, перфект, комплетив, результатив, достаточно хорошо описана для хинди [1], [2], [7], [10], [12], [13], [14], [15], [17], [18] и др. Между тем, грамматикализация "нарушенной результативной фазы" или значений антирезультатива [5] в хинди до сих пор не привлекала внимания лингвистов.

Ниже рассматриваются морфосинтаксические средства, используемые в хинди для описания ситуаций, которые не могут иметь продолжения. Такие ситуации можно разделить на контролируемые, имплицирующие неудавшуюся попытку субъекта достичь результата, и неконтролируемые, предполагающие непредвиденную остановку процесса на пути к завершению. В грамматикализации тех и других ситуаций хинди имеет много общего с другими языками мира [3], [4], [6], [16], [19], и одновременно характеризуется своими отличительными особенностями, которые являются предметом настоящего описания.

Конативные значения, связанные с целенаправленными действиями субъекта с целью достижения результата, обычно выражаются в хинди как формами аориста, так и специальными синтаксическими конструкциями. Проксимативные значения, предполагающие нарушение результативной фазы в неконтролируемых ситуациях, грамматикализуются только с помощью отдельных синтаксических конструкций.

1. Морфологические и синтаксические средства выражения конативных значений

1.1. Как и во многих других языках мира, наиболее типичным совмещенным средством выражения конативных значений в хинди являются формы *аориста* от предельных глаголов. Они могут обозначать как завершенное действие, так и действие, в целом не достигшее результата (1), как реализованные, так и не реализованные или не полностью реализованные изменения объекта (2):

(1) mai^{n}-ne raam ko apn-e pais-e
я-Erg Рам Dat свой-M/Pl деньги-M/Pl
di-y-e
давать-Aor. M/Pl
'Я давал/дал Раму свои деньги)' (неизвестно, взял ли Рам деньги).

(2) mai^{n}-ne paraath-aa khaa-y-aa
я-Erg лепешка-M/Sg есть-Aor.M/Sg
'Я ел/поел/съел лепешку)' (неизвестно, всю ли) [11: 167]

Для выражения исключительно конативных значений требуется дополнительный контекст:

(3) mai^{n}-ne raam ko apn-e pais-e
я-Erg Рам Dat свой-M/Pl деньги-M/Pl
di-y-e lekin us-ne mer-e paise
давать-Aor. M/Pl но он-Erg мой- M/Pl деньги-M/Pl
nahii^{n} li-y-e
Neg брать- Aor.M/Pl
'Я пытался дать Раму свои деньги, но он их не взял'.

(4) mai^{n}-ne paraath-aa khaa-y-aa lekin
я-Erg лепешка-M/Sg есть-Aor.M/Sg но
saar-aa nahii^{n}
весь- M/Sg Neg
'Я съел лепешку, но не всю'. [11: 167]

В конструкциях, специально выражающих только конативное значение, часто употребляются переходные и непереходные корреляты одного и того же глагола:

(5) kisaan ne khet **jot-aa** par
крестьянин Erg поле.M/Sg пахать-Aor.M/Sg но
vah nahii^{n} **jut-aa**
оно Neg быть вспаханным- Aor.M/Sg
'Крестьянин пытался вспахать поле, но не получилось (букв. «оно не вспахалось)'

(6) mohan ne savaal **hal** **ki-y-aa**
Мохан Erg задача решение делать-Aor.M/Sg
par vah **hal** nahii^{n} **hu-aa**
но она решение Neg быть- Aor.M/Sg
'Мохан пытался решить задачу, но не смог (букв. решение не произошло)'

(7) mai^{n}-ne bahin ko bahut **samjh-aa-y-aa** par
я-Erg сестра Dat много объяснять-Aor.M/Sg но
vah **samjh-ii** nahii^{n}
она понимать-Aor.F Neg
'Я много (раз) объяснял сестре/убеждал сестру, но она не поняла (не согласилась, не убедилась)'

(8) laRk-e ne akhroT **toR-aa** par vah
мальчик Erg орех-M/Sg колоть- Aor.M/Sg но он
nahii^{n} **TuuT-aa**
Neg колоться- Aor.M/Sg
'Мальчик пытался расколоть орех, но тот не раскололся'

(9) naukar ne khiRkii **khol-ii** par
слуга Erg окно-F открывать- Aor.F но
khiRkii nahii^{n} **khul-ii**
окно-F Neg открываться-Aor.F
'Слуга пытался открыть окно, но окно не открылось '

Маркированными в оппозиции «ненарушенная — нарушенная результативная фаза» считаются формы интенсивных глаголов [11], которые представляют собой сочетание основы смыслового глагола с частично десемантизированными 'легкими' глаголами, ср. (1) и (10), (2) и (11):

(10) mai^{n}-ne raam ko apn-e pais-e de
я-Erg Рам Dat свой-M/Pl деньги-M/Pl √давать
di-y-e
давать-Aor.M/Pl
'Я отдал Раму свои деньги (и он их взял)'

(11) mai^{n}-ne paraath-aa khaa li-y-aa
я-Erg лепешка-M/Sg √есть брать- Aor.M/Sg
'Я съел лепешку (всю)' [11: 167]

Однако не все формы аориста от интенсивных глаголов маркированы по признаку «завершенность действия» или «полностью реализованные изменения объекта». Если глагол описывает гомогенный процесс, который может быть прерван в любом месте и продолжен в дальнейшем, при этом изменения объекта происходят постепенно, формы аориста от интенсивных глаголов могут употребляться и в том случае, когда действие не было завершено:

(12) mai^{n}-ne ghar saaf kar di-y-aa par
я-Erg дом чистый √делать давать- Aor.M/Sg но
abhii kuch baakii hai
сейчас кое-что оставшийся быть.Pres.3.Sg
‘Я убрал дом, но кое-что осталось (неубранным)’

(13) mai^{n}-ne seb khaa liy-aa baakii
я-Erg яблоко.M √есть брать- Aor.M/Sg оставшийся
hiss-aa tumhaar-aa hai
часть- M/Sg твой- M/Sg быть.Pres.3.Sg
‘Я поел яблоко, оставшаяся часть твоя’

(14) bacco^{n} ne akhroT toR
дети Erg грецкий орех. M/Pl √колоть
di-y-e, par ek bor-ii bac-ii
даватьAor.M/Pl но один мешок-F оставшийся-F
hai
быть.Pres.3.Sg
‘Дети (на)кололи грецкие орехи, но один мешок остался’

(15) giitaa ne gaan-aa gaa li-y-aa
Гита Erg песня-M/Sg √петь брать-Aor.M/Sg
par aakhiri lain bhuul ga-ii
но последний строчка √забывать идти- Aor.F
‘Гита (с)пела песню, но забыла последнюю строчку’

Примеры (12)-(15) объединяет не только инкрементальная тема, но и частично реализованные изменения объекта. В том случае, если с объектом вообще никаких изменений не произошло, конструкция с интенсивным глаголом принимается не всеми информантами:

(16) mai^{n}-ne ghar saaf ki-y-aa (? kar
я-Erg дом чистый делать-Aor.M/Sg (√делать
di-y-aa) par vah saaf nahii^{n}
давать-Aor.M/Sg) но он чистый Neg
hu-aa
быть-Aor.M/Sg
‘Я убрала дом, но он не стал чистым’

(17) mai^{n}-ne kapR-e dho-y-e (?dho
я-Erg белье-M/Pl стирать- Aor.M/Pl √стирать
diy-e) lekin ve nahii^{n}
давать-Aor.M/Pl но они Neg
dhul-e
быть выстираннымAor.M/Pl
'Я выстирала белье, но оно не отстиралось'

Большинство информантов предлагает заменить формы интенсивных глаголов простыми формами аориста, соответственно kar diyaa → kiyaa, в (16), dho diye → dhoye в (17), однако многие признают грамматичными предложения (16) и (17) с интенсивными глаголами.

Ср. также (18) и (19), где описываются похожие ситуации, различающиеся только частичным изменением объекта в (18), и отсутствием каких-либо изменений объекта в (19). Все информанты принимают (18) и расходятся во мнениях о грамматичности (19):

Мать попросила няню покормить ребенка в ее отсутствие — и няня отчитывается перед матерью о проделанной работе:

(18) mai^{n}-ne bacc-e ko khan-aa khilaa
я-Erg ребенок-M/Sg/Obl Acc/Dat еда- M/Sg √кормить
di-y-aa par is-ne saar-aa khan-aa
давать-Aor.M/Sg но он.Obl-Erg весь-M/Sg еда-M/S
nahii^{n} khaa-y-aa
Neg есть-Aor.M/Sg
'Я покормила ребенка, но он не все съел'

(19) mai^{n}-ne bacce ko khan-aa khilaa
я-Erg ребенок-M/Sg/Obl Acc/Dat еда- M/Sg √корми
di-y-aa par is-se khan-aa nahii^{n}
давать-Aor.M/Sg но он.Obl-Instr еда- M/Sg Neg
khaay-aa ga-y-aa
есть-PP.M/Sg идти- Aor.M/Sg
'Я кормила ребенка (пыталась покормить), но он не стал есть (ему есть не хотелось)'

Грамматичность предложений с предикатами, выраженными интенсивными глаголами, при описании незавершенных изменений объекта противоречит принятому в индологической лингвистике единодушному мнению, что интенсивные глаголы всегда обозначают только ненарушенную результативную фазу, см. [2], [11], [18] и др.

Можно предположить, что употребление интенсивного глагола при описании незавершенного действия указывает на то, что говорящий

оценивает ситуацию как позитивную, считая, что субъект к данному моменту выполнил положенную ему часть действия: убрал часть дома (12); съел свою долю яблока, благородно желая поделиться с братом остальной частью (13); наколол несколько мешков орехов, хотя не все (14), спел несколько куплетов песни, хотя не допел песню до конца (15); накормил ребенка, который сыт, хотя и не все съедено (18). Оставшееся действие может выполнить в будущем сам субъект или кто-то другой. Интенсивные глаголы в таких случаях обозначают некий положительный промежуточный результат с точки зрения говорящего.

В том случае, если описываемое глаголом действие предполагает лишь подготовку к изменению состояния объекта, при этом сам переход в новое состояние осуществляется моментально, употребление интенсивного глагола невозможно:

(20) baccе ne akhroT toR-aa *tor
ребенок Erg орех. M колоть-Aor.M/Sg √колоть
di-y-aa par vah nahii^{n} TuuT-aa
давать-Aor.M/Sg но он Neg колоться- Aor.M/Sg
‘Ребенок пытался расколоть орех, но он не раскололся’.

Интенсивные глаголы невозможны при описании незавершенного действия, а также в том случае, если предикатами являются глаголы типа «объяснять, убеждать, уговаривать», содержащие в своем значении конативный компонент.

(21) sohan ne bhaaii ko bahut *manvaa
Сохан Erg брат Dat много убеждать-Aor.M/Sg
man-vaa-y-aa di-y-aa par vah nahii^{n}
√убеждать давать-Aor.M/Sg но он Neg
maan-aa
быть убежденным-Aor.M/Sg
‘Сохан долго убеждал брата, но тот не поверил (не был убежден)’

1.2. Синтаксические средства выражения конативных значений

К самостоятельным средствам выражения конативных значений относятся следующие синтаксические конструкции:

1) конструкции, содержащие неизменяемое перфективное причастие от переходного глагола в форме м.р. мн.ч. и финитную форму непереходного коррелята того же глагола. Субъект причастия от переходного глагола оформляется генитивным послелогом *ka*:

(22) un-ke naam kisii-ke
они.Obl.-Gen имя.M.Sg=Pl кто-то.Obl.-Gen
miT-aa-y-e nahii^{n} miT sake
стирать-PP.M/Pl Neg √стираться мочь-Aor.M/Pl
'Их имена сколько ни пытались, не смогли стереть' (букв. «их имена никем не смогли быть стертые»)

(23) tumhaar-e ban-aa-y-e kuch nahii^{n}
твой-M/Pl/Obl строить- PP.M/Pl что-то Neg
ban-e-g-aa
строиться-Fut.3.M/Sg
'Ты — сколько ни пытайся — ничего не построишь' (букв. «тобой построенное ничего не построится»)

(24) Draaivar ke rok-e gaaRii
водитель Gen останавливать-PP.M/Pl машина.F
nahii^{n} ruk-ii
Neg останавливаться-Aor.F/Sg
'Сколько водитель ни пытался остановить машину, она не остановилась'

Субъект причастия от переходного глагола может отсутствовать:

(25) us-kii pyaas bujh-aa-y-e nahii^{n}
он.Obl.-Gen жажда.F утолять- PP.M/Pl Neg
bujh-t-ii
утоляться-Pres.3.Sg.F.
'Его жажду невозможно утолить (сколько ни пытайся, не утолишь)

(26) zamaanaa roke nahii^{n}
время.M. останавливать-ImpP.M/Pl Neg
ruktaa
останавливаться- Pres.3.M/Sg
'Время остановить нельзя'

2) Полипредикативные конструкции, содержащие редуплицированное имперфективное причастие. В том случае, если субъект пытался, но не смог начать осуществление действия, в качестве предиката употребляется интенсивный глагол: √rah 'оставаться' + легкий глагол jaanaa 'идти'

(27) bhaiyaa kitaab paRhte-paRhte rah
брат книга читать 2- ImpP.M/Pl √оставаться
ga-y-aa
идти-Aor.M/Sg
'Брат собирался/пытался читать книгу, но не прочитал' (Abbi 1980: 44)(например, в ситуации, когда брату пришлось вернуть книгу в библиотеку, посоветовали ее не читать или он ее потерял)

(28) siitaa caay banaate banaate rah
Сита чай готовить 2- ImpP.M/Pl √оставаться
ga-y-ii –
идти-Aor.F/Sg
'Сита собиралась/пыталась приготовить чай, но не приготовила' (например, в доме не оказалось чайных листьев или молока)

(29) Mohan roTii khaate khaate rah
Мохан лепешка есть 2- ImpP.M/Pl √оставаться
ga-y-aa
идти-Aor.M/Sg
'Мохан хотел поесть, но не стал' (вспомнил о голодных братьях и сестрах)

Если субъект начал производить действие, но не смог его завершить, в качестве предиката используется интенсивный глагол √haar 'быть побежденным', 'терпеть поражение' + легкий глагол jaanaa 'идти'.

(30) bhaiyaa paRhte-paRhte haar
брат учиться 2- ImpP.M/Pl √быть побежденным
ga-y-aa
идти-Aor.M/Sg
'Брат пытался учиться, но не смог' (не хватило сил или способностей)

3) Полипредикативные конструкции, содержащие редуплицированное деепричастие. В качестве предиката также используется интенсивный глагол √haar 'быть побежденным', 'терпеть поражение' + легкий глагол jaanaa 'идти'.

(31) mai^{n} Raam ko samjhaa-samjhaa-kar haar
я Рам Dat объяснять 2- CP √быть побежденным
ga-ii
идти-Aor.F/Sg
'Я объясняла-объясняла, но не смогла объяснить Раму' [8: 55]

Ср. с русским 'Тушат-тушат не потушат' [6]

4) Сложносочиненные предложения, где в первой клаузе употребляется «причастие намерения» с суффиксом vaalaa, вторая клауза соединяется с первой союзом ki:

(32) mai^{n} lauT-n-e hii vaal-aa
я возвращаться –Obl.Inf. Emph собирающийся
thaa ki aap lauT-t-e
быть.Pst.M/Sg как вдруг Вы
hue hue nazar
возвращаться-Imp.P.M/Pl быть-PP.M/Pl взгляд
aa-y-e
приходить-Aor.M/Pl
'Я собирался уже отправиться в обратный путь, как вдруг увидел, что Вы сами возвращаетесь' [2:106]

(33) mai^{n} sone hii vaalaa thaa
я спать- Obl.Inf. Emph собирающийся быть.Pst.M/Sg
ki mehmaan aa ga-y-e
как вдруг гость.Sg=Pl √приходить идти-Aor.M/Pl

2. Выражение проксимативных значений

Для выражения проксимативных значений, которые соотносятся с неконтролируемыми предельными процессами и описывают ситуацию остановки процесса в непосредственной близости к финалу, используется, как правило, редупликация причастий. Если субъект выражен одушевленным существительным, в функции сказуемого употребляется глагол *bacnaa* 'спасаться' или *rahnaa 'оставаться'* Причастия, описывающие остановку процесса, обычно образованы от инволитивных глаголов:

(34) baccaa paalne se girte girte
ребенок люлька из падать-Imp.P.M/Pl
bac/rah ga-y-aa
√спасаться/√оставаться идти-Aor.M/Sg
'Ребенок чуть не выпал из люльки'. [8: 42]

(35) ham marte marte bac/rah
мы умирать 2 Imp.P.M/Pl √спасаться/√оставаться
ga-y-e
идти-Aor.M/Pl
'Мы чуть не умерли'

В том случае, если причастия образованы от волитивных глаголов, последние обозначают нежелательное для субъекта действие или процесс, которых удалось избежать как благодаря действиям субъекта, так и — чаще — помимо его участия. Таким образом, волитивные глаголы в таких случаях в основном описывают неконтролируемое действие.

(36) laRkii baske niice aate aate
девочка автобус под идти 2-Imp.P.M/Pl
bac/rah ga-ii
√спасаться/√оставаться идти-Aor.F
'Девочка чуть не попала под автобус'

(37) mai^{n} saRii machlii khaate khaate
я гнилой.F рыба.F. есть 2-Imp.P.M/Pl
bac/rah ga-y-aa
√спасаться/√оставаться идти-Aor.M/Sg
'Я чуть не съел гнилую рыбу'

При неодушевленном субъекте в качестве сказуемого используется только глагол *rahnaa* 'оставаться'.

(38) aarthik sankat aate-aate
экономический кризис приходить-Aor.M/Pl
rah ga-y-aa
√оставаться идти-Aor.M/Sg
'Чуть не случился экономический кризис'

(39) baariš hote hote rah ga-ii
дождь быть 2- Aor.M/Pl √оставаться идти- Aor.F
'Дождь собирался-собирался, но не пошел. [8: 42]

Итак, основным морфологическим средством выражения значения «нарушенной результативной фазы» являются формы аориста от глаголов, обозначающих предельные процессы. Маркированными в оппозиции «ненарушенная — нарушенная результативная фаза» являются т.н. «интенсивы», представляющие собой сочетания основ смысловых глаголов с частично десемантизированными 'легкими' глаголами. Однако в случае инкрементальной темы интенсивные глаголы могут использоваться также и при описании не полностью реализованного изменения объекта. В таких случаях подразумевается некий промежуточный — положительный с точки зрения говорящего — результат.

К синтаксическим средствам выражения конативных значений относятся, во-первых, синтаксические конструкции, содержащие неизменяемое перфективное причастие от переходного глагола в форме

м.р. мн.ч. и финитную форму непереходного коррелята того же глагола; во-вторых, полипредикативные конструкции с редуплицированным имперфективным причастием или деепричастием. В качестве предикатов употребляются глаголы *rahnaa* 'оставаться' или *haarnaa* 'терпеть поражение'. Первый глагол используется в ситуациях, когда действие вообще не начиналось, второй указывает на то, что действие реализовалось лишь частично. Конативные значения грамматикализуются также в сложносочиненных предложениях определенной структуры, где в первой клаузе употребляется «причастие намерения» с суффиксом *vaalaa,* а вторая клауза соединяется с первой подчинительным союзом *ki*.

Для выражения проксимативных значений обычно используется редупликация причастий. Если субъект выражен одушевленным существительным, в функции сказуемого употребляется глагол *bacnaa* 'спасаться' или *rahnaa* 'оставаться'. При неодушевленном субъекте в качестве сказуемого используется только глагол *rahnaa*.

Библиографический список

1. Дащенко Г.М. *Результативные причастия в языке урду.* Москва, Издательство московского университета, 1987.
2. Липеровский, В.П. *Глагол в языке хинди.* М., Наука, 1984.
3. Милютина, М. Г. *Типы объектов и субъектов в конативных ситуациях*, Вестник удмуртского университета. Филологические науки, 2005. 5(2): 105-112.
4. Падучева, Е.В. *Имперфектив отрицания в русском языке*, Вопросы языкознания 2008 (3): 3-21.
5. Плунгян, В.А. *Антирезультатив: до и после результата*, Исследования по теории грамматики. – Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001: 50-88.
6. Плунгян, В.А., Рахилина Е.В. *Тушат-тушат не потушат: грамматика одной глагольной конструкции,* Лингвистические конструкции. М., Азбуковник, 2010.
7. Хохлова, Л.В. *Эволюция результативных конструкций в новоиндийских языках Западной Индии (XIV – XX вв.),* Вестник МГУ 2008, №3: 3-18.
8. Abbi, A. *Semantic Grammar of Hindi. A study in reduplication*, New Delhi, Bahri Publication, 1980.
9. Bertinetto P. M., Squartini M. *An Attempt at Defining the Class of 'Gradual Completion Verbs'* // P. M. Bertinetto et al. (eds.). Temporal Reference, Aspect and Actionality. Vol. 1: Semantic and Syntactic Perspectives. Torino: Rosenberg & Sellier, 1995: 11-26.
10. Gaeffke, P. *Untersuchungen zur Syntax des Hindi*, The Hagur/Paris, Mouton, 1967.

11. Hook, P.E. *The Compound verb in Hindi*, The University of Michigan, 1974.
12. Kachru Y. *An Introduction to Hindi Syntax*, Urbana, University of Illinois, 1966 : 62-81.
13. Kachru, Y. *Aspects of Hindi Grammar*, New Delhi, Manohar publications. 1980.
14. Khokhlova, L.V. *Stative participles in Western NIA languages*, *Vidyopaasanaa*: *Studies in honour of Harivallabh C. Bhayani*, Mumbai: Image Publications, 1999: 91-112.
15. *Masica, C. The Indo-Aryan Languages*, Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
16. Mehlig, H. R. *Неисчисляемые собирательные в области глагольных предикатов. Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты*, Ю. Апресян et al. (eds.), M., 2012: 413-428.
17. Mohanan, T. *Argument Structure in Hindi*, CSLI Publications, Centre for the Study of Language and Information, Standford, California, 1994.
18. Montaut, A. *A Grammar of Hindi*, Lincom Europa, 2004.
19. Tatevosov, S & Ivanov, M. *Event structure of non-culminating accomplishments*, Cross-linguistic semantics of Tense, Aspect and Modality, Lotte Hogeweg et al. (eds.). Linguistics today, v. 148, John Benjamins Publishing Company, 2009: 83-130.

М.В. Шкапа

ИСЛИ МПГУ, Москва

ПОРЯДОК АКТАНТОВ В МАНАНГЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЕРАРХИЙ[1]

1. Некоторые сведения о мананге

Данная статья посвящена взаимодействию некоторых правил и иерархий, задающих линейный порядок актантов в транзитивных и дитранзитивных клаузах мананге. Мананге принадлежит к тамангской группе тибето-бирманской семьи. На нем говорят около трех тысяч человек [5: 20] в округе Мананг на севере Непала, большинство из них билингвы с непали или хорошо владеют непали. Краткое описание морфосинтаксиса мананге можно найти в грамматике К. Хильдебрандт [5]; данному автору принадлежит и несколько других работ, посвященных мананге[2] — в первую очередь заимствованиям в нем и его тоновой системе[3].

Мананге имеет базовый порядок клаузы SOV, где глагол находится в конце клаузы, а порядок предглагольных составляющих довольно свободен. Так, предложение (1) грамматично с любым порядком актантов.

(1) a. Lakshmi-tse ŋʌ-ri ikʌ-ko piin mo.
Лакшми-ERG 1SG-DAT письмо-DEF давать IPFV
‘Лакшми дает мне письмо.’
b. Lakshmi-tse ikʌ-ko ŋʌ-ri piin mo.
c. ŋʌ-ri Lakshmi-tse ikʌ-ko piin mo.
d. ŋʌ-ri ikʌ-ko Lakshmi-tse piin mo.

1 Статья написана при поддержке гранта РНФ 14-18-03270 “Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания”. Данные собирались в ходе экспедиции в д. Мананг (Непал) в августе 2013 года. Мы благодарим информантов — жителей д. Мананг, и в особенности семью Церинг Онгмы Гале и Таши Р. Гале.

2 Список работ К. Хильдебрандт можно найти на странице http://www.siue.edu/%7Ekhildeb/HildebrandtCV.pdf.

3 Мы будем для записи примеров использовать фонологическую транскрипцию, предложенную в [5], где тон не обозначается. У многих носителей, особенно младшего возраста, тоновые различия очень слабо выражены.

e. Ikʌ-ko ŋʌ-ri Lakshmi-tse piin mo.
f. Ikʌ-ko Lakshmi-tse ŋʌ-ri piin mo.

Падежное маркирование актантов транзитивной клаузы эргативное, но показатель эргативного падежа факультативен.

(2) Nani(-tse) siki tsu mo.
сестра(-ERG) еда готовить IPFV
‘Сестра готовит еду’.

Мананге — язык с сентенциальным типом номинализации по [7]: внутренний синтаксис номинализации идентичен внутреннему синтаксису финитной клаузы, в частности, актанты кодируются одними и теми же падежами:

(3) a. Ale-ko-tse mje-ri kju mo.
мальчик-DEF-ERG корова-DAT покупать IPFV
‘Мальчик покупает корову’.
b. ŋʌ-tse [ale-ko-tse mje-ri
1SG-ERG мальчик-DEF-ERG корова-DAT
kju]-pa mraŋ mo.
покупать-NMLZ видеть IPFV
‘Я вижу, как мальчик покупает корову’.

Кодирование прямого объекта расщепленное: прямой объект переходной клаузы не имеет падежного показателя, если он неодушевленный, и имеет показатель *-ri*, совпадающий с дативным, если он одушевленный.

(4) Nani-tse siki tsu mo.
сестра-ERG еда готовить IPFV
‘Сестра готовит еду’.
(5) Dakpa-tse Lakshmi-ri ʈaa mo.
Дакпа-ERG Лакшми-DAT лечить IPFV
‘Дакпа лечит Лакшми’.

Поскольку тема данной работы — порядок актантов, необходимо сказать о том, имеет ли на него влияние коммуникативная структура предложения. Анализируя тексты, можно заметить, что чаще всего топикальная ИГ располагается в начале клаузы, а ИГ в фокусе — в предглагольной позиции. Однако когда мы просили носителей оценить предложения с другими порядками в контексте, они не считали их ни неправильными, ни даже менее естественными, чем предложения с начальным топиком и

предглагольным фокусом. Подобные несоответствия частоты употребления и оценки встречаются в литературе (см., например, [2, 6]).

2. Методы исследования

Целью нашего иследования было выяснить, какие факторы определяют линейный порядок агентивной, пациентивной и реципиентной ИГ в финитной и нефинитной клаузе мананге.

На подготовительной стадии эксперимента информантам предъявлялись различные задания: на перевод с английского, оценку предложений; собирались тексты. В результате не было выявлено влияния на порядок слов двух из проверявшихся факторов: категорий ТАМ и степени транзитивности глагола.

Факторы, которые очевидно влияют на порядок актантов в мананге, следующие. Во-первых, играет роль семантическая иерархия, где порядки “агенс перед пациенсом” и “пациенс перед реципиентом” оцениваются выше, чем противоположные. Во-вторых, предпочтительны порядки, где ИГ, обозначающие референтов, которые выше на шкале одушевленности, предшествуют обозначающим тех, которые на ней расположены ниже. В-третьих, если у ИГ — подлежащего при переходном предикате есть фонологически выраженный эргативный показатель, в клаузе разрешается больше пермутаций актантов, чем если его нет. Финитность, несмотря на поверхностную идентичность внутреннего синтаксиса финитной клаузы и номинализации, также имеет значение.

После обнаружения этих факторов четырем носителям (двое мужчин и две женщины от 27 до 59 лет) были предъявлены 120 предложений, где варьировали эти параметры. Носители должны были дать предложениям одну из следующих оценок: 2 (“совершенно приемлемо”), 1 (“немного странно, но приемлемо”), 0 (“неприемлемо”). Если оценки носителей различались, бралось среднее значение с округлением до ближайшего целого числа. Если в клетке таблицы стоит значение “ok”, соответствующее оценке “совершенно приемлемо”, это значит, что 3 или 4 носителя оценили предложение как полностью приемлемое. Случаев, где двое носителей дали один ответ и двое — другой или где один носитель счел пример абсолютно приемлемым, а другой неприемлемым, не было.

К сожалению, у нас не было возможности проверить все комбинации по одушевленности в основном эксперименте. Были взяты только три точки на шкале: 1 лицо, 3 лицо (человек), 3 лицо (не человек, неодушевленное) — и не во всех комбинациях. Помимо технической сложности проверить более 200 предложений с каждым носителем нам помешало включить в эксперимент все комбинации по одушевленности то, что не для каждой комбинации были найдены подходящие предикаты. Так, не нашлось предиката,

принимающего одушевленных агенса, пациенса и реципиента (ср. русск. “X отдал Z-а Y-у” (“Вася отдал младенца бабушке”), “X представил Y-а Z-у”).

Агенсы были во всех примерах одушевленными.

Все именные группы в примерах были определенными: имели показатель определенности *-ko* или были именами собственными.

Под “неодушевленным реципиентом” далее понимается аргумент с семантической ролью латива, падежное кодирование которого в мананге совпадает с кодированием одушевленного реципиента.

3. Порядок актантов при двухвалентных переходных предикатах

Двухвалентные предикаты были представлены глаголами *ʈaa* ‘лечить’ (с одушевленным объектом) и *thuŋ* ‘пить’ (с неодушевленным объектом):[1]

(6) Dakpa-tse Lakshmi-ri ʈaa mo.
Дакпа-ERG Лакшми-DAT лечить IPFV
‘Дакпа лечит Лакшми.’

(7) Dakpa-tse nje-ko thung mo.
Дакпа-ERG молоко-DEF пить IPFV
‘Дакпа пьет молоко.’

Ниже в таблице см. результаты — как для финитных, так и для нефинитных клауз.

Таблица показывает, как перечисленные выше факторы влияют на допустимость конкретных порядков. Строки соответствуют позиции пациенса на иерархии одушевленности, столбцы — различным порядкам и наличию vs. отсутствию показателя эргатива у агенса. Значения в клетках: “ok” — предложение оценивается как полностью приемлемое, “?” — как сомнительное, “*” — как неприемлемое.

1 Проверялись также другие предикаты, но с меньшим количеством примеров. (Добавление полученных при этом данных не изменило бы таблицы с результатами). Первоначально мы хотели использовать в основном эксперименте глагол ‘убить’ или ‘ударить’, но у информантов такие примеры вызывали возмущение, независимо от того, кто выступал пациенсом.

Таблица 1. Порядок актантов транзитивного предиката (финитные и нефинитные клаузы)

порядок актантов / одушевленность пациенса	A-tse P	AP	P A-tse	PA
1 лицо P	ok	?	?	*
одушевленный P	ok	?	?	*
неодушевленный P	ok	?	*	*

Можно увидеть, что приемлемость клаузы определяется тремя параметрами:

(i) A-tse > A

(ii) AP > PA

(iii) одуш. неодуш. > неодуш. одуш.

“X > Y” означает, что клауза со свойством X оценивалась выше, чем клауза со свойством Y.

При этом факторы не ранжированы: предложение тем более приемлемо, чем большему числу условий оно удовлетворяет. В таблице (1) добавим в каждую клетку в скобках число соблюдающихся в соответствующей ей клаузе правил. Увидим, что клаузы, где соблюдаются все три правила (i–iii), оценивались как полностью приемлемые (более светлая заливка), такие, где соблюдаются два любые правила, — как допустимые (средняя заливка), такие, где соблюдаются одно или ноль правил, — как недопустимые (более темная заливка).

Таблица 2. Порядок актантов транзитивного предиката (финитные и нефинитные клаузы): зависимость приемлемости клаузы от количества соблюдаемых правил (i-iii)

порядок актантов / одушевленность пациенса	A-tse P	AP	P A-tse	PA
1 лицо ед. ч. P	ok (3)	? (2)	? (2)	* (1)
одушевленный P	ok (3)	? (2)	? (2)	* (1)
неодушевленный P	ok (3)	? (2)	* (1)	* (0)

Можно заметить, что агенсы, выраженные местоимением 1 лица, и полные ИГ с референтами-людьми ведут себя одинаково. Полностью приемлемы предложения, подчиняющиеся всем трем правилам. Предложения, подчиняющиеся двум правилам, оценивались ниже, но как

еще приемлемые. Если в клаузе выполнялось только одно правило или ни одно правило не выполнялось, предложение оценивалось как неприемлемое.

Какая теория или дескриптивная модель лучше всего описывает такую ситуацию?

Мы не можем прибегнуть к Теории оптимальности, поскольку она предполагает — как в каноническом, так и в стохастическом варианте — что языковая единица тем "неудачней", чем большим весом обладает самое сильное из нарушаемых ей ограничений: механизма для складывания весов различных ограничений в OT нет.

Нужная нам идея встречается в функционалистской литературе (см., например, сборник статей [8]). Мы будем использовать формулировку Дж. Хокинса [4: 57]:

> (8) Чем большему количеству принципов подчиняется множество языковых единиц {P}, противопоставленное своему истинному подмножеству или дополнению {P0}, которое подчиняется меньшему количеству принципов, тем предпочительней будет {P} и тем больше будет в нем элементов.

В той же работе Дж. Хокинс предлагает противопоставлять более слабые и более сильные принципы и определять "удачность" языковой единицы суммой весов этих принципов, а не весом самого важного из них [4: 59ff.].

4. Порядок актантов при дитранзитивных предикатах в нефинитных клаузах

Дитранзитивные предикаты демонстрируют несколько иную картину.

Напомним, что рассматривались только клаузы с одушевленным агенсом (точнее, с агенсом — ИГ, референтом которой является человек). Использовались предикаты *pin* 'дать' и *kul* 'послать'. Напомним также, что под "реципиентом" в таблице понимаются как собственно одушевленные реципиенты, так и локативные ИГ с тем же падежным маркером.

Мы рассмотрим сначала нефинитные клаузы, которые с точки зрения выбора порядка актантов устроены проще. Примеры предъявлявшихся предложений:

(9) ŋʌ-tse mraŋ-tsi [Lakshmi-tse Ongma-ri ikʌ-ko
1SG-ERG видеть-PFV Лакшми-ERG Онгма-DAT письмо-DEF
pim-ba].
давать-NMLZ
'Я видел(а), как Лакшми дает письмо Онгме.'

(10) ŋʌ-tse mraŋ-tsi [Lakshmi kola-ko-ri skul-ko-ri
1 SG-ERG видеть-PFV Лакшми ребенок-DEF-DAT
skul-ko-ri kul-ba].
школа-DEF-DAT посылать-NMLZ
‘Я видела, как Лакшми посылает ребенка в школу.’

Таблица 3. Порядок актантов дитранзитивного предиката (нефинитные клаузы)

порядок аргументов / одушевленность P и R	A-tse PR	APR	A-tse RP	ARP	R A-tse P	RAP	R P A-tse	RPA	P R A-tse	PRA	P A-tse R	PAR
неодуш. P, 1 лицо R	ok	?	?	*	?	*	?	*	?	*	?	*
неодуш. P, одуш. R	ok	*	?	*	?	*	?	*	*	*	?	*
одуш. P, неодуш. R	ok	?	*	*	?	*	?	*	?	*	?	*
1 лицо P, неодуш. R	ok	?	?	*	?	*	?	*	?	*	?	*

Как можно видеть, падежный маркер на подлежащем здесь почти обязателен, но когда порядок — APR (агенс, пациенс, реципиент), эргативный показатель может отсутствовать. Таким образом, выбор порядка актантов лучше всего описывается следующими двумя простыми правилами:

(iv) A-tse > A
(v) APR > другие порядки

Таблица 4. Порядок актантов транзитивного предиката (нефинитные клаузы): зависимость приемлемости клаузы от количества соблюдаемых правил (iv-v)

порядок аргументов / одушевленность P и R	A-tse PR	APR	A-tse RP	ARP	R A-tse P	RAP	R P A-tse	RPA	P R A-tse	PRA	P A-tse R	PAR
неодуш. P, 1 лицо R	ok (2)	? (1)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)
неодуш. P, одуш. R	ok (2)	* (1)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	* (1)	* (0)	? (1)	* (0)
одуш. P, неодуш. R	ok (2)	? (1)	* (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)
1 лицо P, неодуш. R	ok (2)	? (1)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)

Перечисленные принципы описывают 94% таблицы — остаются три клетки с “исключениями”. “Исключения” можно объяснить спонтанным действием фактора одушевленности: клетки, где клауза оценивается ниже, чем следовало бы из выведенных правил, содержат порядки, где неодушевленный актант предшествует одушевленному. Рассматривать здесь одушевленность как систематически действующий фактор мы не можем: это увеличит количество исключений, так как в большинстве случаев она не играет роли. У нас недостаточно данных, чтобы ответить на вопрос, следует влияние фактора одушевленности здесь описывать вероятностно или она по тем или иным причинам важна только для конкретных клеток таблицы.

Заметим, что нефинитная клауза мананге своим предпочтением порядка PR порядку RP выделяется на типологическом фоне (ср. [9]).

5. Порядок актантов при дитранзитивных предикатах в финитных клаузах

Ниже приведены примеры финитных транзитивных клауз.

(11) Lakshmi-tse ŋʌ-ri ikʌ-ko piin mo.
Лакшми-ERG 1SG-DAT письмо-DEF давать IPFV
‘Лакшми дает мне письмо.’

(12) Lakshmi-tse kola-ko-ri skul-ko-ri
Лакшми-ERG ребенок-DEF-DAT школа-DEF-DAT
kul mo.
посылать IPFV
'Лакшми посылает ребенка в школу.'

Следующая таблица демонстрирует результаты эксперимента.

Таблица 5. Порядок актантов дитранзитивного предиката (финитные клаузы)

порядок аргументов / одушевленность P и R	A-tse PR	APR	A-tse RP	ARP	R A-tse P	RAP	R P A-tse	RPA	P R A-tse	PRA	P A-tse R	PAR
неодуш. P, 1 лицо R	*	*	ok	?	ok	?	?	?	*	*	?	*
неодуш. P, одуш. R	?	?	ok	*	?	*	?	*	*	*	*	*
одуш. P, неодуш. R	ok	?	?	*	?	*	?	*	?	*	?	*
1 лицо P, неодуш. R	ok	?	?	*	*	*	?	*	?	*	?	*

Если мы наложим на них те принципы, которые использовались в прошлом параграфе для нефинитных клауз, то получим следующую картину:

Таблица 6. Порядок актантов транзитивного предиката (финитные клаузы): зависимость приемлемости клаузы от количества соблюдаемых правил (iv-v)

порядок аргументов / одушевленность P и R	A-tse PR	APR	A-tse RP	ARP	R A-tse P	RAP	R P A-tse	RPA	P R A-tse	PRA	P A-tse R	PAR
неодуш. P, 1 лицо R	* (2)	* (1)	ok (1)	? (0)	ok (1)	? (0)	? (1)	? (0)	* (1)	* (0)	? (1)	* (0)
неодуш. P, одуш. R	? (2)	? (1)	ok (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	* (1)	* (0)	* (1)	* (0)
одуш. P, неодуш. R	ok (2)	? (1)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)
1 лицо P, неодуш. R	ok (2)	? (1)	? (1)	* (0)	* (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)

Можно увидеть, что сформулированные для нефинитных клауз правила не описывают порядка аргументов в финитных клаузах. Хуже всего ситуация в верхних двух строках — с одушевленным реципиентом и неодушевленным пациенсом. Финитные клаузы отличает от нефинитных то, что в них предпочтительны порядки, где одушевленный реципиент предшествует неодушевленному пациенсу (тогда как в нефинитных иерархия одушевленности заметной роли не играет). В случае если реципиент первого лица, он может предшествовать и субъекту, не нарушая грамматичности.

Сформулируем набор правил, описывающих порядок актантов в финитных дитранзитивных клаузах. Первые два правила сохраняются, но придется добавить сложное правило (viii) для одушевленности, которое будет формулироваться по-разному (viii a — viii c) для разных клеток таблицы.

Количество знаков “>” передает вес правила. Так, нарушение (viii b) в два раза хуже (два балла в таблице), чем нарушение (viii a), а нарушение (viii c) в три раза хуже (три балла в таблице), чем нарушение (viii a). Можно заметить, что вступает в действие новый фактор — контактная расположенность групп.

(vi) A-tse > A

(vii) APR > другие порядки

(viii) a. одушевленный_R неодушевленный_P > неодушевленный_P одушевленный_R,
b. 1_лицо_R неодушевленный_P >> неодушевленный_P 1_лицо_R,
c. 1_лицо_R неодушевленный_P >>> неодушевленный_P 1_лицо_R (где P и R расположены контактно)

Для удобства сопоставления с другими таблицами точкой отсчета в Таблице 7 служит -2, а не 0. К примеру, левая верхняя клетка таблицы получает -2 (точка отсчета) + 1 (выполняется правило (vi)) + 1 (выполняется правило (vii)) = 0 баллов. Правило (viii) не выполняется — за него эта клетка не получает баллов.

Таблица 7. Порядок актантов транзитивного предиката (нефинитные клаузы): зависимость приемлемости клаузы от количества соблюдаемых правил (vi-viii)

порядок аргументов / одушевленность P и R	A-tse PR	APR	A-tse RP	ARP	R A-tse P	RAP	R P A-tse	RPA	P R A-tse	PRA	P A-tse R	PAR
неодуш. P, 1 лицо R	* (0)	* (0)	ok (2)	? (1)	ok (2)	? (1)	? (2)	? (1)	* (-1)	* (-2)	? (0)	* (-1)
неодуш. P, одуш. R	? (1)	? (1)	ok (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	* (0)	* (-1)	* (0)	* (-1)
одуш. P, неодуш. R	ok (2)	? (1)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)
1 лицо P, неодуш. R	ok (2)	? (1)	? (1)	* (0)	* (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)	? (1)	* (0)

Почему одушевленность релевантна для финитных клауз и нерелевантна для нефинитных? Можно предположить, что это проявление типологически частого эффекта уменьшения количества категорий в нефинитной клаузе.

Приведем примеры похожих явлений в других языках. В английских номинализациях есть ограничение на нового участника ситуации: номинализация несет пресуппозицию, что участник ранее был упомянут [7: 269]. В юкагирском “точное выражение A, S и P в финитной клаузе зависит от их прагматической роли (фокус vs. не фокус) и дейктических характеристик (первое или второе лицо vs. другое лицо). <…> В номинализациях S и A появляются в немаркированной форме. <…> P имеет ту же форму, что не фокализованный P в некоторых видах финитной

клаузы" [7: 118]. Влияние одушевленности, как нам кажется, можно поставить в один ряд с перечисленными коммуникативными явлениями: "Одушевленность оказывает влияние посредством своей корреляции с концептуальной доступностью, то есть с тем, насколько легко концепт находится в памяти. Одушевленные объекты обладают высокой концептуальной доступностью и потому находятся проще" [1: 172].

Мананге отличается от языков, упомянутых выше, тем, что имеет номинализацию сентенциального типа. Тем не менее редукция категорий в ней происходит, но если в английском и юкагирском — и на синтаксическом уровне, и на коммуникативном, то в мананге — только на коммуникативном.

6. Выводы

Допустимость конкретного линейного порядка ядерных актантов в транзитивной или дитранзитивной клаузе мананге определяется тем, какому количеству принципов из выделенного набора: соответствие иерархии одушевленности, иерархии семантических ролей, наличие эргативного падежного показателя у агентивной ИГ — удовлетворяет клауза и насколько сильны эти принципы. В дитранзитивных клаузах принцип одушевленности действует систематически только в финитных клаузах; возможно, это объясняется типологически частой редукцией категорий в номинализации. Можно предположить, что при двухвалентных транзитивных клаузах этой редукции не происходит из-за того, что говорящему нужно держать в памяти сведения о меньшем количестве актантов.

Сокращения

A — агенс, DAT — датив, DEF — определенность, ERG — эргатив, IPFV — имперфектив, NMLZ — номинализация, P — пациенс, PFV — перфектив, R — реципиент, SG — единственное число.

Библиографический список

1. Branigan, Holly P., and Martin J. Pickering, Mikihiro Tanaka. Contributions of animacy to grammatical function assignment and word order during production. In: Lingua. Vol. 118. 2008. P. 172-189.
2. Cannizzaro, Courtney L. Early word order and animacy. Zutphen: Wöhrmann Print Service, 2013.
3. Hawkins, John A. Patterns of asymmetry in argument structure across languages: Some principles and puzzles. In: P. Suihkonen, B. Comrie. V. Solovyev (eds.). Argument structure and grammatical relations: A crosslinguistic typology. Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 133–150.

4. Hawkins, John A. Patterns in competing motivations and the interaction of principles. In: [8]. P. 54–69.
5. Hildebrandt, Kristine A. A grammar and dictionary of the Manange language. In: C. Genetti (ed.). Tibeto-Burman Languages of Nepal: Manange and Sherpa. Canberra: Pacific Linguistics, 2004. P. 2-189.
6. Kiyama, Sachiko, and Katsuo Tamaoka, Jungho Kim, Masatoshi Koizumi. Effect of animacy on word order processing in Kaqchikel Maya. In: Open Journal of Modern Linguistics. Vol. 3. 2013. № 3. P. 203–207.
7. Koptjevskaja-Tamm, Maria. Nominalizations. London: Routledge, 1993.
8. MacWhinney, Brian, and Andrej Malchukov, Edith Moravcsik (eds.). Competing motivations in grammar and discourse. Oxford: OUP, 2014.
9. Primus, Beatrice. The relative order of recipient and patient in the languages of Europe. In: A.

А.Б. Шлуинский

ИЯз РАН, Москва

«СОПРЯЖЕННЫЕ» СУБЪЕКТНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В ЯЗЫКАХ КВА: АРЕАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ[1]

1. Введение

1.1. Предмет рассмотрения

Предметом рассмотрения в настоящей статье является обнаруживающееся в некоторых языках семьи ква неоднозначное индексирование субъекта. В этих языках представлено по два субъектных лично-числовых показателя, и, исходя из морфосинтаксической дистрибуции этих показателей, можно противопоставить «стандартный» показатель, который употребляется в нейтральном контексте, и «сопряженный» показатель, который употребляется в коммуникативно или синтаксически выделенном контексте. В (1) это различие иллюстрируется примерами на языке эве: в нейтральной независимой клаузе (1a) представлен стандартный показатель 3 л. *e-*, тогда как в относительном предложении в (1b) и в клаузе с левым выносом фокуса (1c) представлен «сопряженный» показатель 3 л. *wò-*.

(1) a. **e-**ʃle lã ЭВЕ
3SG-покупать мясо
‘Он купил мясо.’

b. me-kpɔ lã [si **wò-**ʃle]
1SG-видеть мясо REL JNT.3SG-покупать
‘Я видел мясо, которое он купил.’

c. lã-e **wò-**ʃle
мясо-FOC JNT.3SG-покупать
‘Он купил мясо.’ [личные данные]

Сопоставление языков ква, в которых представлено различие между «стандартными» и «сопряженными» лично-числовыми показателями

[1] Работа выполнена в рамках проектов РГНФ №15-34-01237 и №14-04-00488.

обнаруживает следующие релевантные морфосинтаксические параметры. Во-первых и в-главных, это набор контекстов, требующих употребления «сопряженного» показателя, которые далеко не идентичны в разных языках. Во-вторых, это лицо, число и (в языках с системой именной классификации) именной класс субъекта, для которых различаются эти два типа показателей.

1.2. Материал

Ареалом распространения языковой семьи ква (входящей в гипотетическое объединение нигер-конго) является Западная Африка (Кот-д'Ивуар, Гана, Того и Бенин). Согласно принятой в настоящее время классификации (содержательно опирающейся на работы [7; 21]), к этой семье относятся 80 языков. Для целей настоящей работы была обследована выборка из более 20 языков ква (выбор которых определяется наличием для них грамматических описаний). Различие между «стандартными» и «сопряженными» субъектными показателями обнаруживается в 6 языках ква из выборки:

- эве [22; личные данные];
- ген [9];
- акебу [полевые данные — А. Шлуинский, Н. Макеева, П. Коваль, Н. Муравьев, 2012-2013];
- тафи [8];
- лелеми [6; 13];
- тивули [14; 15].

Хотя перечисленные языки родственны, они не образуют отдельную генетическую общность, так как принадлежат к разным группам и подгруппам семьи ква. В то же время они связаны возможным контактным влиянием: акебу, тафи, лелеми и тивули принадлежат к условному ареальному (и опять же не генетическому) объединению «горные языки Ганы и Того» (Ghana — Togo mountain languages), а эве является для них доминантным более крупным языком; ген близкородствен эве, и для него эве также является доминантным. Таким образом, рассматриваемый материал обусловлен взаимовлиянием типологического, генетического и ареального факторов.

1.3. Парадигмы субъектных лично-числовых показателей

Приведем для наглядности парадигмы субъектных лично-числовых показателей в рассматриваемых языках. В таблицах жирным курсивом выделены «сопряженные» показатели; в скобки заключены «сопряженные» показатели, употребление которых факультативно. Многоточием

обозначено наличие вариантов в нерелевантных для темы работы парадигматических клетках и, в языках с системой именной классификации, наличие нерелевантных для темы работы именных классов. Следует отметить, что в тех случаях, когда лично-числовые показатели подвергаются фузии с показателями глагольных категорий (для языка эве, в частности, детали описаны в [2]), мы приводим только один основной вариант; для языка акебу приведены парадигмы субъектных показателей для двух видо-временных форм — различающей «стандартный» и «сопряженный» показатели и не различающей.

Таблица 1. Субъектные лично-числовые показатели эве.

	ед.	мн.
1	mè-	míé-
2	è-, ***(nè-)***	mìè-
3	é-, ***wò-***	wó-

Таблица 2. Субъектные лично-числовые показатели ген.

	ед.	мн.
1	mù	mí
2	ò	mì
3	é, ***(bě)***	ó

Таблица 3. Субъектные лично-числовые показатели акебу.

	ед.	мн.
перфектив		
1	nV́-	yə́lV́V̀-, …
2	V̄lV̄-	ɲə́nV́V̀-, …
3, (одуш.) классы ŊƱ ~ BƏ	lV̄-, ***nV̄-***	pə̀lV̄-
3, (неодуш.) классы WƱ ~ YƏ	wə̀lV̄-	yə̀lV̄-, yV̄-
…		
статив		
1	ŋ́-	yə̄lV́-, …
2	V̄-	ɲə̄nə́-, …
3, (одуш.) классы ŊƱ ~ BƏ	Ø-	pə̀-
3, (неодуш.) классы WƱ ~ YƏ	wə̀-	yə̀-
…		

Таблица 4. Субъектные лично-числовые показатели тафи.

	ед.	мн.
1	i- / ɪ-	bu- / bʊ-, ***lo- / lɔ-***
2	o- / ɔ-	no- / nɔ-
3, (одуш.) классы a ~ baa	e- / a-	be- / ba-, ***le- / la-***
3, (неодуш.) классы ki ~ a	kɪ- / ki-, ***lɪ- / li-***	la- / le
…		

Таблица 5. Субъектные лично-числовые показатели лелеми.

	ед.	мн.
1	le- / mo- / n-	bo-
2	a-	be-
3, (одуш.) классы A ~ BA	V-, ***n-***	bV-, ***nV-***
3, (неодуш.) классы LE ~ A	lV-, ***nV-***	V-, ***n-***
…		

Таблица 6. Субъектные лично-числовые показатели тивули.

	ед.	мн.
1	n- / m-	bɔ- / bu-
2	ɔ- / o- / Ø-	mi-
3, (одуш.) классы	ɛ- / e- / y-, ***lɛ-***	bɛ- / ni-, ***lɛ-***
3, (неодуш.) классы	fɔ- / fu-, ***lɛ-***	fɔ- / fu-, ***lɛ-***
…		

Оговорим, что в 3 лице приведенные показатели разных языков функционально не тождественны друг другу: в некоторых случаях они являются чисто прономинальными показателями, а в других также имеют и согласовательную функцию и дублируют лично-числовое значение именной группы. Предварительная систематизация функционирования лично-числовых показателей в языках ква с этой точки зрения приведена в [1].

2. «Сопряженные» показатели в клаузах с маркированием фокусной именной группы

Во всех рассматриваемых 6 языках «сопряженные» субъектные показатели употребляются в клаузах, в которых представлена именная группа, маркированная показателем фокуса, часто с выносом этой именной группы на левую периферию. Пример (2) иллюстрирует такого рода клаузу и употребление в ней «сопряженного» показателя в языке эве.

(2) lã-e **wò**-ʃle ЭВЕ
мясо-FOC JNT.3SG-покупать
‘Он купил мясо.’ [личные данные]

Помимо собственно клауз с фокусными именными группами теми же свойствами обладают частно-вопросительные клаузы; это естественно объясняется тем, что фокус специального вопроса маркируется в рассматриваемых языках теми же средствами, что и фокус именной группы. Пример (3), также из эве, показывает сходный с (2) случай употребления «сопряженного» показателя, но в частно-вопросительном предложении.

(3) nu-ka-e **wò**-ʃle ? ЭВЕ
вещь-Q-FOC JNT.3SG-покупать
‘Что он купил?’ [личные данные]

С точки зрения употребления «сопряженных» показателей в клаузах с маркированием фокусных именных групп, рассматриваемые языки делятся на три группы: языки, в которых «сопряженные» показатели употребляются в клаузах со всякими фокусными именными группами; языки, в которых «сопряженные» показатели употребляются только в клаузах с субъектными именными группами; языки, в которых «сопряженные» показатели употребляются только в клаузах с несубъектными именными группами.

2.1. «Сопряженные» показатели в клаузах со всякими фокусными именными группами

Независимо от синтаксического статуса фокусной именной группы, наличие таковой требует употребления «сопряженных» показателей в языках акебу и тафи, если фокусная именная группа линейно располагается левее субъектного показателя.

Примеры (4)-(5) показывают употребление «сопряженных» показателей акебу в клаузах с несубъектным фокусом. В (4b) представлена собственно фокусная объектная именная группа, и в этом предложении употреблен «сопряженный» показатель, в отличие от пропозиционально аналогичного ему (4a), в котором фокусной именной группы нет. (5) иллюстрирует употребление «сопряженных» показателей акебу в частно-вопросительном предложении с вопросом не к субъекту: в (5a) с левым выносом объекта — фокуса частного вопроса употреблен «сопряженный» показатель, а употребление «стандартного» показателя неграмматично (5b); в (5c), где, напротив, объект — фокус частного вопроса остается in situ, употребляется «стандартный» показатель, тогда как употребление «сопряженного» показателя неграмматично (5d).

(4) a. píí-yə̂ **lā**-wɔ̀ tīɛ̄-yə̀ lá АКЕБУ
ребенок-CL 3.PFV-ломать женщина-CL POSS
zā-ʈə̀
стул-CL
‘Ребенок сломал стул женщины.’

b. tīɛ̄-yə̀ wé lá zā-ʈə̀ wɔ́ píí-yə̂
женщина-CL DEM POSS стул-CL FOC ребенок-CL
nā-wɔ̀
JNT.3.PFV-ломать
‘Ребенок сломал стул женщины.’ [полевые данные]

(5) a. ká wɔ́ tīɛ̄-yə̀ wé **nə̄**-mə̀ ? АКЕБУ
что FOC женщина-CL DEM JNT.3.PFV-рожать
‘Кого родила эта женщина?’

b. *ká wɔ́ tīɛ̄-yə̀ wé **lə̄**-mə̀ ?
что FOC женщина-CL DEM 3.PFV-рожать

c. tīɛ̄-yə̀ wé **lə̄**-mə̀ ká?
женщина-CL DEM 3.PFV-рожать что
‘Кого родила эта женщина?’

d. *tīɛ̄-yə̀ wé **nə̄**-mə̀ ká?
женщина-CL DEM JNT.3.PFV-рожать что [полевые данные]

Примеры (6)-(8) показывают употребление «сопряженных» показателей в клаузах с несубъектным фокусом в тафи. (6)-(7) содержат вынесенные влево объектную и периферийную фокусные именные группы, а (8) несубъектный частный вопрос.

(6) kú ko **lé**-tsi kɔ́ blɔ̌ aní ТАФИ
смерть только JNT.3PL-говорить DIR 1PL TOP
‘Только смерть нам объявили.’ [8: 136]

(7) bʊlɔ́ kúnú ní kábhā **lɔ́**-tsirí ТАФИ
1PL похороны DEF поверхность JNT.1PL-находиться_на
‘Мы продолжаем следовать нашим похоронным обычаям.’ [8: 227]

(8) kılí **lá**-bhıtí bʊ-dzɔ ТАФИ
как JNT.3PL-делать CL-пальмовое_масло
‘Как готовят пальмовое масло?’ [8: 253]

В примерах акебу (9)-(11) фокусной именной группой является субъект. В (9b) субъектная именная группа маркирована показателем фокуса, в связи с чем употреблен «сопряженный» показатель, в отличие от (9a), где показателя фокуса нет. В (10b) используется специализированный показатель отрицательного фокуса, и также употреблен «сопряженный» показатель, тогда как употребление «стандартного» показателя неграмматично (10c). В (11a) представлен частный вопрос к субъекту, и также употреблен «сопряженный» показатель, а «стандартный» показатель невозможен (11b).

(9) a. làtāmə́ **lō**-yō АКЕБУ
Латам 3.PFV-танцевать
‘Латам танцевала.’
b. làtāmə́ wə́ **nō**-yō
Латам FOC JNT.3.PFV-танцевать
‘Латам танцевала.’ [полевые данные]

(10) a. mə́ kɛ́ɛ́-yə̂ **lə̄**-pə̄ АКЕБУ
1SG.POSS друг-CL 3.PFV-приходить
‘Мой друг пришел.’
b. ŋ̀kə̄ mə́ kɛ́ɛ́-yə̂ **nə̄**-pə̄
FOC.NEG 1SG.POSS друг-CL JNT.3.PFV-приходить
‘Пришел не мой друг.’
c. *ŋ̀kə̄ mə́ kɛ́ɛ́-yə̂ **lə̄**-pə̄
FOC.NEG 1SG.POSS друг-CL 3.PFV-приходить
[полевые данные]

(11) a. ə̀lə́ **nə̄**-pə̄ ? АКЕБУ
кто JNT.3.PFV-приходить
‘Кто пришел?’
b. *ə̀lə́ **lə̄**-pə̄ ?
кто 3.PFV-приходить [полевые данные]

(12) показывает употребление «сопряженного» показателя в клаузе с субъектной фокусной именной группой в тафи.

(12) báá-nyí ɖɪɖama tɪa-lɪ́ á-lílíní ТАФИ
CL.PL-человек высокий CL-четыре CL-DIST
pétéé bá-yadɪ **le**-nú
все CL.PL-фермер JNT.3PL-be
‘Все эти четыре высоких человека фермеры.’ [8: 74]

2.2. «Сопряженные» показатели в клаузах с субъектными фокусными именными группами

В языках лелеми и тивули употребление «сопряженных» показателей в клаузах с фокусными именными группами ограничено теми случаями, когда фокусной именной группой является субъект.

Примеры (13)-(15) показывают дистрибуцию субъектных показателей в лелеми. В (13b), где субъектная именная группа является фокусной, употреблен «сопряженный» показатель, в отличие от коммуникативно нейтрального (13a). В (14a-b) представлена отрицательная фокусная конструкция, причем если в (14b), где в фокусе находится субъект, используется «сопряженный» показатель, тогда как в (14a), где в фокусе находится объект, показатель «стандартный». (15a-b) показывают аналогичное различие для фокуса вопроса.

(13) a. ba-nabì **bé**-yù àkɔkɔ̀ ЛЕЛЕМИ
CL-мальчик 3PL.PST-красть цыпленок.
‘Мальчики украли цыпленка.’
b. ba-nabì **né**-yù àkɔkɔ̀
CL-мальчик JNT.3.PST-красть цыпленок.
‘Мальчики украли цыпленка.’ [6: 88]

(14) a. ǹdi kɔ̀bɛ̀ nà àkɔsùà **ɔ̀ɔ**-kùlà ЛЕЛЕМИ
NEG.FOC рыба FOC/и Акосуа 3SG.PRS-коптить
‘Акосуа коптит не рыбу.’ [6: 454]
b. ǹdi amà **mùù**-fi lilu
NEG.FOC Ама JNT.3.PRS-жарить ямс
‘Не Ама жарит ямс.’ [6: 454]

(15) a. ɔ̀má **ná**-dí àkābí ámɔ̀ ЛЕЛЕМИ
кто JNT.3.PST-есть бобы DEM
‘Кто съел бобы?’ [13: 69]
b. bí nà ùlòkú ɔ́mɔ̀ **ɔ́**-dí
что FOC/и женщина DEM 3SG.PST-есть
‘Что съела женщина?’ [13: 69]

В (16)-(17) показано употребление «сопряженных» показателей в тивули. В (16c) субъект находится в фокусе, и используется «сопряженный» субъектный показатель; в (16a) используется стандартный прономинальный показатель 3 лица, а в коммуникативно нейтральном (16b) с полной субъектной именной группой дублирующего лично-числовое значение показателя нет[1]. (17a) показывает употребление «сопряженного» показателя, когда субъект является фокусом вопроса, а (17b) показывает, что если фокусной является объектная именная группа, то используется «стандартный» показатель.

(16) a. **ɛ́**-ká ɔ́vɔ́lì ТИВУЛИ
3SG-читать книга
‘Он прочитал книгу.’ [14: 76]

b. kɔ̀fí tɔ̀ kɔ̀-bà
Кофи приходить_из CL-ферма
‘Кофи пришел с фермы.’ [14: 182]

c. kɔ̀fi **lɛ̀**-yá
Кофи JNT.3-приходить
‘Кофи пришел.’ [15: 77]

(17) a. ɔ̀-wéì **lɛ̀**-kpà yè ɔ́vɔ́lì à ? ТИВУЛИ
CL-кто JNT.3-давать 3SG.O книга DEF
‘Кто дал ему книгу?’ [14: 392]

b. ɔ́vɔ́lì **ɛ́**-kpà yî
книга 3SG-давать 1SG.O
‘Он дал мне книгу.’ [15: 85]

2.3. «Сопряженные» показатели в клаузах с несубъектными фокусными именными группами

В близкородственных языках эве и ген, напротив, «сопряженные» показатели употребляются только с вынесенными влево несубъектными фокусными именными группами. Примеры (18a-b) показывают различные

[1] Таким образом, «стандартный» и «сопряженный» показатели в тивули имеют принципиально различную коммуникативную нагрузку: если «стандартный» показатель имеет только чисто прономинальную функцию и не совмещается с полной субъектной именной группой, то «сопряженный» показатель также используется для дублирования лично-числового значения.

несубъектные фокусные составляющие. (19a), где фокусом вопроса является прямой объект, контрастирует с (19b), где фокусом вопроса является субъект.

(18) a. àsì-mɛ̀ yé **bě** yì ГЕН
рынок-в FOC JNT.3SG идти
‘Он пошел на рынок.’ [9: 295]

b. àmɛ̀-kɛ́-gbɔ́ **bě** yì ò
человек-какой-к JNT.3SG идти PRT
‘К кому он пошел?’ [9: 295]

(19) a. lã-ka-e **wò**-ʃle ? ЭВЕ
мясо-Q-FOC JNT.3.SG-покупать
‘Какое мясо он купил?’

b. ame-ka-e ʃle lã ?
человек-Q-FOC покупать мясо
‘Кто купил мясо?’ [личные данные]

3. «Сопряженные» показатели в зависимых клаузах

В 5 из 6 рассматриваемых языках — всех, кроме тивули, — «сопряженные» показатели употребляются в зависимых клаузах. Однако какие именно зависимые клаузы требуют употребления «сопряженных» показателей, весьма вариативно в разных языках. В частности, если те или иные относительные предложения являются релевантным контекстом для всех пяти языков, то обстоятельственные и актантные — только для четырех.

3.1. Относительные предложения

В акебу «сопряженные» показатели, по-видимому, употребляются без ограничений во всяком относительном предложении. В (20) представлена релятивизация субъекта, кореферентного субъекту главной клаузы, в (21) — релятивизация субъекта, некореферентного субъекту главной клаузы, в (22) — релятивизация несубъектной именной группы.

(20) ɲìsì-yə̀ wé **[nə̄**-pə̄] ʈí АКЕБУ
человек-ŊƱ DEM DEP.3.PFV-приходить быть
mə́ kpə̀tə̄-yə̀
1SG.POSS дядя_по_матери-CL
‘Человек, который пришел, мой дядя.’

(21) **ná-ɲìŋ̀** **fūʈí-yə̂** **wé** **[nā-tɔ̀** АКЕБУ
1SG.PFV-видеть птица-CL DEM JNT.3.PFV-падать
wə̀]
SUB
‘Я видел птицу, которая упала.’ [полевые данные]

(22) **mə̄** **gà-kə̄** **fáyŋ̀** **ló** **ò-yú-pə̂** АКЕБУ
PREP мясо-CL хороший POSS CL-соус-CL
wé **[néé-ʈī]**
DEM JNT.3.HAB-есть
‘с соусом с хорошим мясом, который он ест’ [полевые данные]

В тафи «сопряженные» показатели используются в относительном предложении, где отсутствует подлежащее, выраженное полной именной группой, как в (23). В (24) в зависимой клаузе представлена полная субъектная именная группа и используется «стандартный» показатель.

(23) **sukū** **ní** **[kɪmɪ** **gɪ** **yí** **kɪmɪ** ТАФИ
школа DEF внутри REL 3SG внутри
lé-tu **á-nyínúvɔ̄ɛ̄** **ní]** **ní**
JNT.3PL-бить CL-мальчик DEF TOP
á-tsyra
3SG-разрушаться
‘Школа, в которой побили мальчика, разрушилась.’ [8: 139]

(24) **ka-wí** **ní** **[gɪ** **á-yadɪ** **ní** **é-tɛ́** ТАФИ
CL-топор DEF REL CL-фермер DEF 3SG-рубить
o-sí **ní** **nɔ̄** **ní]** **ké-dzyínī**
CL-дерево DEF COM TOP 3SG-ломаться
‘Топор, которым земледелец срубил дерево, сломался.’ [8: 270]

В лелеми «сопряженные» показатели используются в относительном предложении только при кореферентности субъектов главной и зависимой клауз, как в (25a). В (25b), где такой кореферентности нет, употреблен «стандартный» показатель.

(25) a. **ɔ̀nànà** **[ɔ-ni** **na-kù** **lɛna]** ЛЕЛЕМИ
человек CL-REL JNT.3.PST-жевать мясо
‘человек, который съел мясо’ [6: 204]

b. ɔ̀nànà [ɔ-ni ɔ̀klàma **ɔ́**-dù]
человек CL-REL собака 3SG.PST-кусать
‘человек, которого укусила собака’ [6: 207]

Наконец, в эве и ген «сопряженные» показатели используются в относительном предложении при отсутствии кореферентности субъектов главной и зависимой клауз[1], как в (26) и (28). В (27) и (29), где субъекты главной и зависимой клауз кореферентны, субъектный показатель отсутствует.

(26) me-kpɔ nyɔnu [si **wò**-ʃo ЭВЕ
1SG-видеть женщина REL JNT.3SG-бить
kple ati]
с палка
‘Я видел женщину, которую он ударил палкой.’
[личные данные]

(27) ŋutsu [si ʃle lã] la-e ЭВЕ
мужчина REL покупать мясо DEF-FOC
nye sia
COP этот
‘Вот мужчина, который купил мясо.’ [личные данные]

(28) nyɛ̀ mú-nyá ènú [kè **bě** ɖù ГЕН
1SG NEG-знать вещь REL JNT.3SG есть
ò]
PRT
‘Я не знаю, что он съел [букв. вещь, которую он съел].’ [9: 294]

[1] В этих языках формально есть и аналогичное тафи ограничение на отсутствие в относительном предложении подлежащего, выраженного полной именной группой, но в данном случае это ограничение не показательно, потому что связано с тем, что в языках гбе, к которым принадлежат эве и ген, в принципе не происходит дублирования лично-числового значения полной субъектной именной группы.

(29) àmɛ̀ [kè vá] á nyí ГЕН
человек который приходить DEF быть
ɖɔ́kítà
врач
‘Человек, который пришел, — врач.’ [9: 242]

3.2. Обстоятельственные и актантные предложения

В языках эве, ген, тафи и акебу «сопряженные» показатели употребляются и в зависимых клаузах других типов — обстоятельственных (30), (32), (34), (36) и актантных (31), (33), (35), (37).

(30) [esi **wò**-gbɔ la] me-nɔ ЭВЕ
когда JNT.3SG-приходить DEF 1SG-COP.PST
agble me
ферма внутри
‘Когда он пришел, я был на ферме.’ [личные данные]

(31) me-di [be **wò**-a-va afi ЭВЕ
1SG-хотеть COMP 3SG.JNT-FUT-приходить место
sia]
этот
‘Я хочу, чтобы он пришел сюда.’ [личные данные]

(32) é ná ɛ̀ kpɛ́tíkè [nɛ́ **bě** ГЕН
3SG давать 3SG.O конфета чтобы JNT.3SG
lá-yì sùkúlù]
FUT-идти школа
‘Он дал ему конфету, чтобы он пошел в школу.’ [9: 294]

(33) mù lě-jí [bé **bě** lá-kú] ГЕН
1SG PROG-хотеть COMP JNT.3SG FUT-умирать
‘Я хочу, чтобы он умер.’ [9: 294]

(34) [gɪ **la**-trɔ̃ ki-tsikpĭ ní ki-fú ТАФИ
REL JNT.3PL-ставить CL-котел DEF CL-огонь
ní …]
DEF
‘Когда они поставили котел на огонь…’ [8: 140]

(35) gɪ á-mɔ [sí **lá**-flă ТАФИ
REL 3SG-видеть COMP 3PL.JNT-проходить
békē]
COMPL
‘Когда он увидел, что они прошли…’ [8: 228]

(36) a. ná-ɲìŋ̀ ŋù [kə́ **nə̄**-pə̄] АКЕБУ
1SG.PFV-видеть 3.O когда JNT.3.PFV-приходить
‘Я его видел, когда он пришел.’

b. ná-ɲìŋ̀ [kə́ **nə̄**-pə̄]
1SG.PFV-видеть когда JNT.3.PFV-приходить
‘Я вижу, что он пришел.’ [полевые данные]

4. «Сопряженные» показатели после показателя клаузального сочинения

В языках эве, ген и акебу «сопряженные» показатели также употребляются в сочиненных клаузах, следующих после показателя клаузального сочинения. В эве это употребление ограничено контекстами с кореферентностью субъектов главной и зависимой клауз — так, (38a), где употреблен «сопряженный» показатель, обязательно интерпретируется так, что субъекты сочиненных клауз кореферентны, тогда как (38b), где употреблен «стандартный» показатель, напротив, обязательно интерпретируется так, что субъекты сочиненных клауз имеют разных референтов. В акебу, напротив, «сопряженные» показатели употребляются как при кореферентности субъектов (39), так и при ее отсутствии (40).

(37) é jì èhà yé **bě** nù àhà ГЕН
3SG делать песня и JNT.3SG пить алкоголь
ezə̌-yà-mɛ̀
ночь-этот-в
‘Он пел и выпивал этой ночью.’ [9: 295]

(38) a. ŋutsu$_i$ la ʃle la eye ЭВЕ
мужчина DEF покупать мясо и
wò$_i$-ɖu-i
JNT.3SG-жевать-3SG.O
‘Мужчина$_i$ купил мясо и Ø$_i$ съел его.’

b. ŋutsu$_i$ la ʃle lã eye
мужчина DEF покупать мясо и
e$_j$-ɖu-i
JNT.3SG-жевать-3SG.O
‘Мужчина$_i$ купил мясо, и он$_j$ съел его.’ [личные данные]

(39) ɲìmásī-yə̀ lā-wúù wə́ АКЕБУ
человек-CL 3.PFV-уносить(ся)_водой и
nə̄-kpɨ́
JNT.3.PFV-умирать
‘Человек был унесен водой и погиб.’ [полевые данные]

(40) tīɛ̄-yə̀ lā-sɔ́ və́-yə̂ lə̄-tə̄nə̄ АКЕБУ
женщина-CL 3.PFV-толочь фуфу-CL 3.PFV-оставлять
nó nù wə́ **nə̀ə̀**-pə̄
POSS муж и 3.JNT.NEGPFV-приходить
‘Женщина истолкла фуфу своему мужу, а он не пришел.’ [полевые данные]

Помимо употребления собственно в сочиненных клаузах, «сопряженные» показатели употребляются после показателя клаузального сочинения в его дискурсивной функции — т.е. когда он вводит не синтаксически связанную с предыдущей клаузу, а новый фрагмент дискурса. Примеры (41) и (42) представляют собой отрывки из естественных текстов на эве и акебу, иллюстрирующие такое употребление.

(41) eye **wò**-tɔ eye wò-gblɔ ЭВЕ
он 3SG-останавливаться и 3SG-сказать
ne e-ɖokui be …
DIR 3SG-сам COMP
‘И он остановился и сказал самому себе…’ [личные данные]

(42) èté lē-tì АКЕБУ
отец 3.PFV-сидеть
‘Жил-был Отец.’
wə́ ásàkʊ̀ɲá **nē**-tì
и Хитрец JNT.3.PFV-сидеть
‘И жил-был Хитрец.’
wə́ écèmèté **nē**-tì
и Дурак JNT.3.PFV-сидеть
‘И жил-был Дурак.’ [полевые данные]

5. «Сопряженные» показатели в клаузах со значением предположения

В языках ген, тафи и лелеми представлен еще один тип употребления «сопряженных» показателей — употребление в клаузах со значением предположения; такие употребления нуждаются в дальнейшем исследовании.

Для ген отмечены примеры собственно со значением предположения.

(43) tǎélányɔ́ **bě** lá-vá ГЕН
может_быть JNT.3SG FUT-приходить
‘Может быть, он придет.’ [9: 295]

Для тафи и лелеми засвидетельствованы примеры со значением предположения в контексте зависимой клаузы.

(44) ónúgí ɖēkē é-vu wɔ́ ní yí ТАФИ
если крокодил 3SG-ловить 2SG TOP 3SG.INDP
e-yi-alı bʊ-tí **lá**-tī ní
CL-ребенок-PL CL-ползание JNT.3PL-ползать LOC
a-nɔ̄ ki-vu kabhā
CL-человек CL-живот верх
‘Если крокодил поймает тебя, крокодилята будут ползать по твоему животу.’ [8: 56]

(45) sì a-sì Hohoe, lɛma ínyɔ́ ЛЕЛЕМИ
когда 2SG.PRS-уходить Хохуэ города два
lìdɛdi **ǹ**-di Bɛfu
первый JNT.3PL.STAT-быть Акпафу
'Если пойти из Хохуэ, первые два города будут Акпафу…' [6: 190]

6. Связи между контекстами употребления «сопряженных» показателей

В Таблице 7 содержится обобщение сведений об употреблении «сопряженных» показателей в шести рассмотренных языках. Скобками отмечены контексты, данные о которых в соответствующем языке недостаточны.

Таблица 7. Контексты употребления «сопряженных» показателей.

	фокус		зависимая клауза			клаузальное сочинение	предположение
	субъекта	несубъекта	относ., кореф. суб.	относ., некореф. суб.	обст., акт.		
эве	-	+	-	+	+	+	-
ген	-	+	-	+	+	+	+
тафи	+	+	(+)	+	+	-	(+)
акебу	+	+	+	+	+	+	-
лелеми	+	-	+	-	-	-	(+)
тивули	+	-	-	-	-	-	-

Исключив из рассмотрения значение предположения, рассмотрим возможные диахронические связи между рассмотренными нами контекстами.

Употребление «сопряженных» показателей в фокусных конструкциях естественно связать с их употреблением в полипредикативных конструкциях через конструкции с клефтом. В [16] клефт напрямую определяется как полипредикативная конструкция с относительным предложением, которая служит целям выражения значений, связанных с информационной структурой. Связь фокусных конструкций с

релятивизацией через клефт в языках ква рассматривается еще в [20], а из более недавних общих работ можно назвать [10], [11]. То, что частно-вопросительные конструкции с левым выносом фокуса вопроса являются в языках ква подтипом фокусных, многократно обсуждалось на материале различных языков этой семьи [19], [12], [3; 4], [15], [13], [5]. Фокусные и частно-вопросительные конструкции в рассматриваемых в настоящей статье языках не могут быть непосредственно проанализированы как клефт, но есть прямые типологические параллели — так, в кордофанском языке моро [18] фокусная конструкция синхронно является клефтом и тем самым полипредикативной структурой, а вопрос к субъекту однозначно является частным случаем вопросительно-фокусной конструкции. Однако полностью объяснить употребление «сопряженных» показателей в фокусной конструкции через ее происхождение из полипредикативной не удается, так как в целом связь «сопряженных» показателей с показателями релятивизации неочевидна. Так, в тивули структура относительного предложения вообще не связана с «сопряженным» показателем, как видно из (46).

(46) okpete [kĩ ɛ-waa tida] ТИВУЛИ
собака REL 3SG-лежать спать
‘собака, которая спит’ [14: 425]

Употребление «сопряженных» показателей в сочиненных клаузах может объясняться двояко. С одной стороны, возможно происхождение клаузальных сочинительных союзов из подчинительных — а именно, союзов со значением времени или цели, как типологически показано в [17]. С другой стороны, в то же время в синтаксисе языков ква возможна диахроническая связь показателя клаузального сочинения и показателя фокуса, как показано в [13; 15]. Эта возможность подкрепляется внешним тождеством показателя фокуса и клаузального сочинения в двух из трех языков, где «сопряженные» показатели употребляются в сочиненных клаузах — ср. ген *yé*, акебу *wɔ́*. Кроме того, показателен материал лелеми, где в случае фокуса несубъекта не используются «сопряженные» показатели, но показатель фокуса и сочинения «подозрительно» на них похож — ср. (47a-b) и (15b).

(47) a. bí nà ùlòkú ɔ́mɔ̀ ɔ́-dí ЛЕЛЕМИ
что FOC/и женщина DEM 3SG.PST-есть
‘Что съела женщина?’ [13: 69]

b. nà	ū-tī		ùlū	gɛ̀ɛ̀	ɔ́mɔ̀
FOC/и	3SG.STAT-брать		дорога	правый	DEM

‘И он повернул направо.’ [13: 71]

Схема 1 отражает возможные связи между контекстами употребления «сопряженных» показателей; знаком вопроса помечены обсуждавшиеся выше спорные места.

Схема 1. Возможные диахронические связи между контекстами употребления «сопряженных» показателей.

субъектный фокус	>	релятивная конструкция с кореф. суб.
	?	
несубъектный фокус		релятивная конструкция с кореф. суб.
		v
		другая подчиненная конструкция
	?	
	сочиненная конструкция	

7. Лицо, число и именной класс, различающие «сопряженные» показатели

Как было сказано, помимо контекстов употребления «сопряженных» показателей, рассматриваемые языки различаются тем, какие клетки лично-числовой и классной системы затрагивает противопоставление «стандартных» и «сопряженных» показателей.

В эве и ген отсутствует система именных классов, поэтому для этих языков релевантна только лично-числовая парадигма. В ген специализированный «сопряженный» показатель имеется только для 3 л., причем, согласно утверждению [9: 293-294], его употребление всегда факультативно. В эве употребление «сопряженного» показателя в 3 л. ед. ч. обязательно, а во 2 л. ед. ч. факультативно; так, (48a) не допускает варианта (48b), но (48d) признается приемлемым наряду со стандартным (48c).

(48) a. nu-sia-e [**wò**-ʃle] ЭВЕ
вещь-этот-FOC JNT.3SG-покупать
‘Это то, что он купил.’

b. *nu-sia-e [**e**-ʃle]
вещь-этот-FOC 3SG-покупать

c. nu-sia-e [**nè**-ʃle]
вещь-этот-FOC JNT.2SG-покупать
‘Это то, что ты купил.’ {c=d}

d. OK/?nu-sia-e [**è**-ʃle]
вещь-этот-FOC 2SG-покупать [личные данные]

В лелеми и тивули противопоставление «стандартных» и «сопряженных» показателей охватывает все классно-числовые формы 3 л. как классов ед. ч., так и классов мн. ч.

В акебу «стандартный» и «сопряженный» показатели различаются только в основном «одушевленном» именном классе 3 л. ед. ч., в отличие от других шести классно-числовых форм. Так, в (49a) представлен «сопряженный» показатель 3 л. основного «одушевленного» класса, но в (49b) в аналогичном контексте для другого именного класса употреблен тот же показатель, что был бы употреблен в нейтральной независимой клаузе.

(49) a. ná-ɲìŋ̀ fūʈí-yə́ wé [**nā**-tɔ̀ АКЕБУ
1SG.PFV-видеть птица-CL DEM JNT.3.PFV-падать
wə̀]
SUB
‘Я видел птицу, которая упала.’

b. ná-ɲìŋ̀ cíkɛ̀ɛ̄pí-ʈə́ wé [**lə̄**-pə̄ wə̀]
1SG.PFV-видеть щенок-CL DEM 3.PFV-приходить SUB
‘Я видел щенка, который пришел.’ [полевые данные]

Наконец, в тафи интересующее нас различие охватывает только некоторые классно-числовые формы 3 л., но не включая «одушевленный» класс ед. ч., а также и 1 л. мн. ч.

Таблица 8. Лицо, число и класс, имеющие «сопряженные» показатели.

	1	2	**3**		
	мн.	ед.	**ед. одуш.**	ед. неодуш.	мн. одуш.
эве	-	+-	**+**	+	-
ген	-	-	**+-**	+-	-
тафи	+	-	**-**	(+)	+
акебу	-	-	**+**	-	-
лелеми	-	-	**+**	+	+
тивули	-	-	**+**	+	+

В Таблице 8 суммирована информация о том, какие лицо, число и именной класс различают в рассматриваемых языках «стандартный» и «сопряженный» лично-числовые показатели. Знаком +- отмечены случаи

факультативного употребления «сопряженного» показателя. Знаком (+) отмечен случай, когда клетке соответствует целый ряд классных форм, а «сопряженные» показатели имеются только в некоторых из них.

Можно заметить очевидное выделенное положение у 3 л. ед. ч., а при наличии именной классификации — у 3 л. ед. ч. «одушевленного» именного класса. В то же время это всего лишь тенденция, которую нарушает материал тафи. Участие других клеток парадигмы, видимо, имеет случайный исторический характер.

8. Заключение

В настоящей работе были рассмотрены «сопряженные» лично-числовые показатели в языках ква, различающие нейтральную независимую клаузу и некоторые другие контексты.

«Сопряженные» показатели используются в конструкциях с левым выносом фокуса, в том числе фокуса вопроса, в зависимых клаузах, в сочиненных клаузах после показателя сочинения, причем с точки зрения вариативности между языками релевантны также различия между фокусом субъектной и несубъектной именной группы, между обстоятельственными и актантными предложениями, субъектными относительными предложениями и несубъектными относительными предложениями. Были показаны возможные диахронические связи между этими контекстами, среди которых, однако, остается много неоднозначных.

«Сопряженные» показатели могут различаться в разных клетках лично-числовой и классной парадигмы, однако в качестве тенденции можно уверенно говорить о выделенном статусе 3 л. ед. ч. и основного «одушевленного» именного класса.

Перспективой дальнейших исследований представляется поиск параллелей в других языках ареала, которые могут прояснить остающиеся неоднозначными связи между контекстами, как и происхождение самих «сопряженных» показателей.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CL — показатель именного класса; COM — комитатив; COMP — союз-комплементайзер; COMPL — комплетив; COP — глагольная связка; DEF — определенный артикль; DEM — указательное местоимение; JNT — «зависимый» показатель; DIR — директив; DIST — дистрибутив; FOC — показатель фокуса; FUT — будущее время; HAB — хабитуалис; INDP — независимое местоимение; LOC — локатив; NEG — показатель отрицания; O — объектное местоимение; PFV — перфектив; PL — мн. число; POSS — посессивное местоимение или посессивный показатель; PREP — предлог; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; PRT — частица; PST —

прошедшее время; Q — показатель вопроса; REL — показатель релятивизации; SG — ед. число; STAT — статив; SUB — показатель зависимой клаузы; TOP — показатель топика; непонятные обозначения — мнемонические обозначения конкретных именных классов.

Библиографический список

1. Коношенко М.Б. Лично-числовое согласование в языках ква: предварительные наблюдения // Желтов А.Ю. (ред.). *Африканский сборник 2015*. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 430-449.
2. Коношенко М.Б., Шлуинский А.Б. Субъектные лично-числовые показатели в языке эве // Девяткина Е.М. и др. (ред.). *Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Четвертой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых»*. М.: Канцлер, 2015. В печати.
3. Aboh E.O. Focus constructions and the focus criterion in Gungbe // *Linguistique Africaine* 20, 1998. P. 5-50.
4. Aboh E.O. Focused versus non-focused wh-phrases // Aboh E.O. et al. (eds.). *Focus Strategies in African Languages: The Interaction of Focus and Grammar in Niger-Congo and Afro-Asiatic*. Berlin: Mouton de Gruyter,2007. P. 287-314.
5. Akrofi Ansah M. Focused Constituent Interrogatives in Lɛtɛ (Larteh) // *Nordic Journal of African Studies* 19(2), 2010. P. 98-107.
6. Allan E.J. *A grammar of Buɛm: The Lɛlɛmi language*. Ph.D. diss. London: Univ. of London, 1973. 483 p.
7. Bennett P.R., Sterk J.P. South Central Niger-Congo: A reclassification // *Studies in African Linguistics* 8, 1977. P. 241-273.
8. Bobuafor M. *A Grammar of Tafi*. Utrecht: LOT, 2013. 465 p.
9. Bole-Richard R. *Systématique phonologique et grammaticale d'un parler ewe: le gen-mina du Sud-Togo et Sud-Benin*. Paris: L'Harmattan, 1983. 350 p.
10. Drubig H.B. Toward a typology of focus and focus constructions // *Linguistics* 41(1), 2003. P. 1-50.
11. Ermisch S. *Issues in the left periphery: a typological approach to topic and focus constructions*. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2007. 182 p.
12. Fiedler I. Fokus im Aja // Fiedler I. et al. (eds.). *Afrikanische Sprachen im Brennpunkt der Forschung*. Köln: Rüdiger Köppe, 1998. S. 75-89.
13. Fiedler I., Schwarz A. Focal aspects in the Lelemi verb system // *Journal of West African Languages* 36(1-2), 2009. P. 57-73
14. Harley M.W. *A descriptive grammar of Tuwuli*. Ph.D. diss. London: Univ. of London, 2005. 553 p.
15. Harley M.W. Focus constructions in Tuwuli // *Journal of West African Languages* 36(1-2), 2009. P. 75-90.
16. Lambrecht K. A framework for the analysis of cleft constructions // *Linguistics* 39-3, 2001. P. 463-516.

17. Ramat A.G. Mauri C. The grammaticalization of coordinating interclausal connectives // Heine B., Narrog H. (eds.). *The Oxford Handbook of Grammaticalization.* Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 653-664.
18. Rose Sh. et al. In-situ and ex-situ wh-question constructions in Moro // *Journal of Africal languages and linguistics* 35(1), 2014. P. 91-125.
19. Saah K.K. Wh-questions in Akan // *Journal of West African Languages* 18(1), 1988. P. 17-28.
20. Schachter P. Focus and relativization // *Language* 49(1), 1973. P. 19-46.
21. Stewart J. Kwa // Bendor-Samuel J. (ed.). *The Niger-Congo languages.* Lanham etc.: Univ. press of America, 1989. P. 217-245.
22. Westermann D. *Grammatik der Ewe-Sprache.* Berlin: Dietrich Reimer, 1907. 158 s.

A. Zimmerling

IMLR MSPU / Institute of linguistics RAS

1P ORDERS IN 2P LANGUAGES[1]

1. Research problem

I discuss the phenomenon of Information Structure (IS) motivated clausal-initial placement of diagnostic categories conventionally labelled clausal second (2P) elements, notably, finite verbs in Verb Second languages (V2) and clustering clause-level clitics in Clitic Second Languages (CL2). The main research question is whether V1 orders in V2 languages and CL1 orders in CL2 languages have identical IS-triggers or not. If the answer is positive, one gets additional support for the hypothesis that V2 languages and CL2 languages form together one class in terms of shared constraints on clause structure.

2. Framework, data and methodology

I use the apparatus of formal typology and apply the notion of type-specific i.e. shallow constraints on clause structure, in terms of Roberts [10]. The diagnostics for 2P languages is based on the so called bottleneck condition predicting two features: a) that a combination of two (or more) phrasal categories X, Y preceding the finite verb in a V2 language / the clustering clitics in a CL2 language should be ungrammatical; b) that the XP-position in the diagnostic type of V2 declaratives / any clause type with CL2 is not reserved for any particular syntactic category (e.g. NP) and does not express any particular grammatical relation (e.g. subject). The bottleneck condition gives us a large class of CL2 languages attested in different areas and a small of class of Germanic V2 languages, the language of Kashmiri, cf. Bhatt [1], and several Romance idioms influenced by neighbor V2 Germanic languages. I adhere to classical definitions of V2 based on the bottleneck condition, cf. Vikner [12] and Zimmerling & Lyutikova [21] and deny the existence of the so called residual V2 languages which license a variation of V2 ~ V > 2 orders in the same diagnostic type of declarative clauses. Unlike Holmberg [5], Wolfe [13], Bech

[1] The paper is written with financial support from the Russian Science Foundation, project RFH 14-18-03270. I am grateful to the anomymous reviewers, to the audience of Typology of Morphosyntactic Parameters 2015 (Moscow, 14-16 October, 2015) and, personally, to Atle Grønn and Liza Kushnir for the helpful comments. I am also grateful to Tatiana Yanko for the discussion of information structure issues and to Loren Billings for the discussion of Rikavung data.The sole responsibility for all shortcomings is on the author.

& Salvesen [3], I do not classify Old and Modern English and Old Romance languages with the 2P class and exclude them from my sample. A group of CL2 languages licenses derived orders with late placement of clitics [X] – Y – CL, cf. Zimmerling & Kosta [20: 197]; this does not count as 2P violation, insofar CL2 placement is blocked by some feature of the clause-initial element. Instances of late finite verb placement in the same diagnostic type of declarative clauses in the in true V2 languages are extremely rare, cf. but Swedish, where the modal adverbial *kanske* competes with the finite verb for the 2P slot, cf. Platzack [9]. The main differences between V2 languages and CL2 languages, apart from late placement constructions, are due to two features: a) clitics clusterize in clausal 2P, finite verbs do not; b) V2 is a root phenomenon primarily characteristic of main clause declaratives, while CL2 is usually generalized in all types of clauses, see Zimmerling [19] for details.

A descriptive schema of 2P needs four symbols – a symbol of clausal (left) border (#), a symbol of the preverbal or preclitic constituent (XP) and symbols for the pivotal category — the finite verb (Vfin) or clustering clitic (CL), as represented by (G)eneralization 1.

(G1) #XP — Vfin, /CL *#XP — Y — Vfin/CL

The bottleneck condition is crucial for 2P diagnostics. It predicts two features of 2P syntax: a) that a combination of two (or more) phrasal categories X, Y preceding the finite verb in a V2 language / the clustering clitics in a CL2 language should be ungrammatical; b) that the XP-position in the diagnostic type of V2 declaratives / any clause type with CL2 is not reserved for any particular syntactic category (e.g. noun phrase) and does not express any particular grammatical relation (e.g. subject). In other words, the XP-position in a 2P language can be filled by any element in an OR-expression $\{Cat_1 \vee Cat_2 \vee \ldots Cat_n\}$, but simultaneous spell-out of two or more hierarchically independent categories in XP is blocked: *#{XP Cat_1 & Cat_2 &… Cat_n} — Vfin/CL. Parsing of well-formed 2P structures is licensed by a combination of an OR-expression filter, which lists sentence categories that fill XP in language L, and an &-expression filter which determines which types of expressions count as single constituents when filling XP in language L, and which do not [19].

3. Hypothesis

I assume that the bottleneck condition G1 results from a combination of head movement of the diagnostic category to 2P & accompanying XP-movement of phrasal categories to clausal-initial position and that, with 1P orders, the diagnostic category moves further than its canonic position. V1 orders in V2 languages always

have IS-triggers, while CL1 orders in some cases have IS-triggers and in some other cases can be motivated by prosody/interface mechanisms.

4. Analysis

At the first step, I classify all V2 languages into two groups — V1/V2 languages, where V1 declaratives are regularly used in standard narrative texts and V1 orders are linked with a wide number of different IS-readings — rheme dislocation, verb focalization, verb topicalization, theticity — vs. rigid V2 languages, where V1 sentences are marginally possible in substandard oral narratives and have fixed IS-readings. The majority of V2 languages, cf. Old Icelandic, Old Swedish, Old Saxon, Old High German, Modern Icelandic, Faroese, Yiddish and Kashmiri are V1/V2 languages, while Danish, Swedish, Norwegian, German, Dutch, Flemish and Afrikaans are rigid V2 languages.

4.1. V1/V2 languages

Old Icelandic example (1) shows rheme dislocation in a categorical sentence, while Old Swedish example (2) is a thetic sentence. The symbol # stands for clausal left border, the symbol t shows the original position of the moved category in a generative framework with movement. The basic word order in Old Icelandic and Old Swedish is SVO or XP — V, cf. Zimmerling [17], while V > 2 orders in main clause declaratives do not occur. The example (1) is taken from a Saga narrative and hightlights an episode linked to a particular individual, whose name is Sigmundr, while (2) comes from a law code, where a hypothetical situation is analyzed in terms of legal obligations for having left a dead body on a battlefield.

(1) Old Icelandic, V1/V2:
#{Kemr$_i$ } Sigmundr t_i {til dura}.
Come-Prs.3Sg.Ind Sigmundr-Nom.Sg. to door-Gen.Pl.
'And Sigmundr komes up to the doors'

(2) Old Swedish, V1/V2
#Ligghaer$_i$ lik t_i at wigwalli.
Lie-Prs.3Sg.Ind corpse-Nom.Sg. at battlefield-Dat.Sg.
'There lies a corpse on the battlefield'.

V1 orders in V1/V2 languages can also be mapped to other IS types. The verb fronting can also involve verb focalization in contexts where the postverbal part of the sentence contains already activatived information or verb topicalization. Cf. Zimmerling [17: 362-366] for Old Icelandic, Zimmerling [17: 457-459] for Middle Norwegian, Bhatt [1: 117] and Zimmerling [18: 193] for Kashmiri[1]. Arguably the

[1] Bhatt (op. cit., 117) interpretes the V1 data in Kashmiri differently and claims that all V1 Kashmiri declaratives are Topic-Comment structures without a topic.

same verb fronting conditions are attested in non-V2 SVO and SOV languages as e.g. Latin, Hungarian, Old Greek, Portuguese, Alyawarra, Archi, cf. Yanko [14: 222-223], Ossetic and Russian, cf. Zimmerling & Lyutikova [21]. If V1 sentences are frequent and occur in texts of a different type, the prediction is that the V1 order is communicatively opaque and can be mapped to different IS types. In this respect, V1/V2 languages do not differ from non-V2 languages with IS-motivated verb fronting, in any case, the opposite hypothesis must be proved on an individual basis. This statement is captured in the generalizion (G2) below.

(G2) If a language is a V1/V2 system conforming to (G1), V1 declaratives can be linked with at least two different IS-readings. If a language is a rigid V2 system conforming to (G1), V1 declaratives are associated with one shared IS-reading.

4.2. Rigid V2 languages

In rigid V2 languages V1 orders are occasionally licensed in special pragmatic contexts e.g. in thetic sentences with inferential semantics, cf. the German examples (3ab) and the Swedish example (4):

(3) German, V2

a. #<Hans Zender?> #Kenn$_i$ ~~ich~~ t$_i$
H.Z. know-Prs.1Sg.Ind
ihn nicht.
Pron-3Sg.M. not
<Hans Zender?> I <really> don‘t know <him>‘.

b. #<Noch ein Stűck Kuchen?> #Habe$_i$
Further Det.3 piece pie have-Prs.1Sg.Ind
ich t$_i$ nichts ~~da~~ gegen.
1Sg not against
<One more piece pie?> I do not object.

(4) Swedish, V2

#Så$_i$ jag *t$_i$* ~~den~~ nyss på bordet.
See-Prt. 1Sg now on table-Def.
‘<Where is it?> I have <just> seen it on the table‘.

Still his example (53b) ‘<X first wanted to by Y, then he wanted to buy Z,> **bought** that junk piece of U, eventually> is most likely a Topic – Comment structure with a topicalized verb and different from examples like (52c), where the verb is part of a Rheme. Therefore, we prefer classify Kashmiri with V1/V2 languages, not with rigid V2 languages.

V1 structures in (3) – (4) can be regarded elliptical from the viewpoint of codified German and Swedish[1]. In (3a), subject pronoun ich 'I' is dropped. In (3b), the postverbal subject is present but the deictic prefix da- is dropped. In (4) the object pronoun den is dropped. It is unclear whether ellipsis of arguments is a regular condition for licensing of V1 structures like (3)-(4) as Reis [11: 218] has suggested for German, or just a side effect of less formal speech.

I analyze sentences like (3), (4) as indirect speech acts rather than true declaratives: verb fronting amounts here to adding an overt discourse particle. Some rigid V2 languages like modern German marginally license V1 categorical sentences with rheme dislocation in lively oral narratives. In (5a), the rheme {$_{F}$ *sitzen* {$_{FProper}$*beim Stammtisch*}} is split due to verb movement to V1 across the subject position. The same communicative strategy with text-initial V1 categorical sentences with rheme dislocation is common in oral narratives attested in non-V2 languages, cf. Yanko [14: 201] for Russian. Meanwhile, Russian, unlike German, normally avoids V1 declaratives in subsequent sentences introducing direct speech, cf. example (5b) placed in the same text right after (5a).

(5) German, V2

a. #{$_{F}$Sitzen$_{i}$} vier Ärzte t_{i} {$_{FProper}$beim
Sit-Prs.3Pl. four doctor-Nom.Pl. by-Det.Dat.Sg.M.
Stammtisch}.
wood.table.Dat.Sg.M.
<Introduction of a story about doctors>. Four doctors are sitting in a pub at the table'

b. #{$_{F}$Steht} der Augenarzt {$_{FProper}$auf}
Stands-Prs.3Sg. Det.Nom.Sg. eye.doctor.Nom.Sg. up
und {$_{FProper}$sagt}:
and say-Prs.3Sg.
"Ich gehe jetzt. Man sieht sich".
"I go-Prs.1Sg. now. Indef see-Prs.3Sg Refl"
'The oculist stands up and says: <I am leaving. We'll see each other later.'

V1 declaratives with rheme dislocation are also attested in Flemish oral narratives, cf. (6a) and (6b) which come from one and the same text.

[1] In the notation of elided categories, we proceed with the assumption that postverbal subjects always precede postverbal objects in Swedish and German with the basic word order. For German, this is a simplification since this language has subject-object scrambling in the middle field, cf. Zimmerling [18: 176].

(6) Flemish, V2.
a. #{$_{F}$Verhuis} ik {$_{FProper}$naar een andere kamur}.
Move-Pres.1.Sg. 1Sg to a different room.
'<Imagine> I move to a different room...'
b. #{$_{F}$Zitten} daar {$_{FProper}$kakkerlakken}.
Sit-Prs.3Pl. there cockroach-3Pl.
'...And cockroaches are sitting there.'

4.3. Diagnosing V1/V2 languages and V1 declaratives

The diagnostics of V1/V2 languages vs V2 languages on the basis of (G2) is by and large unproblematic given the small number of V2 languages conforming to (G1). However, there are borderline cases, where identifying a language as a rigid V2 system vs V1/V2 systems partly depends on linguistic tradition. E.g., Modern German is recognized as a rigid V2 system because V1 declaratives like (3a-b) and (5a-b) are not accepted in written codified texts. Otherwise, German would pattern with V1/V2 systems since V1 orders are attested in informal texts both in categorical and in thetic sentences. V1 orders in German have a broader distribution than in Kashmiri, they can be both text-initial, cf. (5a) and non-initial, cf. (5b). Meanwhile, we identified Kashmiri as a V1/V2 system, despite the fact V1 declaratives in this language do not occur text-initially according to Bhatt [1: 120]. Still, non-initial V1 declaratives in Kashmiri can be mapped to IS types. The fronted verb can both be part of the rheme, cf. Bhatt's example (52c) reproduced below as (7), or be the theme, af Bhatt's example (53b) reproduced below as (8) suggests. (7) is best analyzed as an IS with rheme dislocation, while (8) is best analyzed as an IS with verb topicalization.

(7) Kashmiri, V1/V2.
<A. Az gatsh-na> ba skuul.>
Today go-Neg I school
'As for today, I don't want to go to school.'
B. {$_{F}$ner} tsI {$_{Fproper}$ goD razaayi-tal}, pat karav
Leave you first blanket-under later will-do
ath-pyaTH mashvar.
this-on discussion
'First you come out of the blanket and then we'll discuss it.'

(8) Kashmiri, V1/V2.

<goD	oos	yetshaan	su	skuuTar	anun,	pat	vonun
first	was	wanting	he	scooter	get	then	said
akyaa		vanyi					
OK		now					
Hyam	moTorsaykal>	{ᴛronnun}		{ꜰmoksarkaryith		yi	
Buy-Fut	mobike	bought(3, m,s)		eventually		this	
khaTaar		pat}.					
junk		then.					

'First he wanted to buy a scooter, then he said he'll buy a mobike, eventually (it turned out) he bought this piece of junk.'

4.4. Functional vs formal explanation of V1 declaratives in V2 languages

Reis [11: 124] explains the distribution of V1 declaratives vs V2 declaratives in German in term of the event vs fact opposition but this is not a fitting pair of values: since V2 is a default order in German and other rigid V2 languages, V2 declaratives are predictably heterogeneous, some of them having the status of facts, some of them the status of events. Besides, the event vs fact opposition is neutralized in many contexts. The weaker claim that part of V1 declaratives share some semantic value related to non-factivity/narrative mode has more empiric adequacy, since V1 sentences with rheme dislocation, like (1), (5a), (6a-b), (7) are primarily associated with a narrative mode and represent inner vision and recollection rather than direct description and on-line reportage, cf. Yanko [14: 198]. At the same time, other types of V1 declaratives, such as inferential thetic sentences, cf. (3a-b), (4), verb topicalization, cf. (8), verb focalization cannot be explained that way since they either refer to observable facts, cf. OIcel. *Leiðr á varit* 'Spring comes', or explicate causal or temporal relations. Cf. typical contexts with verb focalization, where the fronted verb becomes the rheme since all other elements have already been activated in discourse: Rus. #<Prishel bol'noj k vraču.#{ꜰOsmotrel} {ᴛvrač bol'nogo}. '<A patient came to a doctor>. The doctor examined the patient', lit. 'Examined the doctor the patient', cf. Yanko [14: 206][1]. Finally, encoding of communicative meanings related to mental reconstruction seems to be associated in European languages with a different intonation, lexical and syntactic cues, cf. Yanko [15: 113-117], so the distribution of V1 vs V2 declaratives with rheme dislocation in V2 languages at best only partly overlaps with the opposition of narrative vs non-narrative communicative meanings.

[1] The formal aspect of deriving Russian sentences with verb focalization is discussed in Zimmerling [18 : 282].

Reis [11], within a functional approach, and Platzack [9], in a non-cartographic version of the minimalist framework, attempt at analyzing V1 declaratives in German and Swedish as defective V2 structures with a silent operator element in front of the finite verb. This logic is straightforward. If L is a rigid V2 system, the preverbal position (XP) must be filled in 100 % of diagnostic declarative clauses. The once chance to escape this vicious circle and explain the existence of V1 declaratives in V2 languages without postulating silent operators in XP is to assume that all V1 structures in this class of languages lack the illocutionary force of declaratives. This, as we argued above, is an attractive solution for V1 thetic sentences like (2), (3a-b) and (4), but not for other V1 structures. Holmberg [5], in a cartographic version of the minimalist framework, assumes that V2 effects arise because of two partly independent features – a u*Phi*-feature triggering movement of finite verbs to some functional head in the C-domain and a [+ EF] feature triggering movement of phrasal categories to SpecFinP, SpecForceP or any other projection in the C-domain. Empirically, Holmberg's assumption that u*Phi*-features and [+ EF] features can be independent amounts to taking V1 declaratives in V2 languages and other apparent deviations from V2 at face value. Along these lines, the finite verb still may take FinP, ForceP or other functional heads in the C-domain if no XP-movement takes place and V1 orders like those in (1) – (8) arise. Likewise, if verb movement to FinP, ForceP etc does not depend on the number of spelled-out constituents in front of the moved verb, V > 3 may arise. The problem with Holmberg's analysis is that lifting the restrictive bottleneck condition (G1) and accepting V > 2 main clause declaratives ruins the diagnostics of V2 languages, while accepting V1 clause declaratives does not.

I conclude that Holmberg is on the right track in assuming that V1 declaratives and V2 declaratives in V2 languages have different syntax but the analysis in terms of [+ EF] features is misleading. V1 and V2 declaratives differ not in the presence of overt vs covert categories in XP[1] but in the position of the moved verb. In V1 declaratives, the finite verb raises higher than in V2 declaratives, V1 movement is always triggered by IS mechanisms that block the movement of phrasal categories to XP (SpecFinP, SpecForceP etc.). The typological evidence for this solution is that V1/V2 languages apparently show the same conditions for verb-fronting as those non-V2 SVO / SVO languages where V1 declaratives are frequent and show a diversity of IS-readings. This is captured by generalization (G2) proposed for the

[1] The idea that finite verbs invariably sit in 2P slot in all diagnostic declarative clauses in V2 languages, while the filling of XP is optional is much older than modern generative theories. It is fully developed in Diderichsen's (1946) structuralist analysis of Danish word order, cf. Zimmerling [17: 136] for an overview.

diagnostics of V1/V2 systems. Rigid V2 languages in the perspective of the syntax-to-IS interface are a degraded class of V1/V2 languages where V1 declaratives have a limited distribution and are mapped with fixed IS types. Otherwise, IS-triggers of V1 declaratives in V1/V2 systems and rigid V2 systems are similar.

4.5. V1 and clause type shifting

V2 languages and V1/V2 languages make use of V1 orders in non-declarative clauses, generally – in yes-no questions, imperatives and headless relative clauses. The data from Germanic languages are well-known, for Kashmiri yes-no questions see Bhatt [1: 120]. V2 is a phenomenon characteristic of a diagnostic group of main clause declaratives (German, Swedish) or for all declaratives plus some types of questions (Kashmiri, Afrikaans). V > 3 orders are possible or mandatory in non-diagnostic declarative clauses [12; 21]. The shift from V2 and V > 2 to V1 in yes-no questions, imperatives and headless relatives has a different function than IS-triggered variation within the same clause type — it signals that one is dealing not with declaratives but with a clause with a different illocutionary force. In Germanic linguistics, V1 orders with clause type shifting as well as V2 orders in wh-questions have been widely discussed as aspects of V2 syntax. E.g. Platzack [9] postulates silent imperative and question operators for corresponding Swedish V1 clauses, along the same lines he postulates a null topic operator for V1 Swedish declaratives like (4). However, V1 orders with clause type shifting and V2 orders in Wh-question are also characteristic of non-V2 SVO and SOV languages.

5. CL1/CL2 languages

At the second step, I apply the same procedure to CL2 languages and divide them into CL1/CL2 and rigid CL2 subgroups. CL1/CL2 languages proved to be extremely rare. This group includes Macedonian (South Slavic), where clustering pronominal clitics behave as strict 2P enclitics in non-verbal clauses and as 1P/2P universal clitics in verbal clauses, Rikavung Puyuma (Austronesian), where clustering clitics behave as strict 2P enclitics in intransitive clauses and as 1P/2P universal clitics in transitive clauses, Kashibo-Kakataibo (Panoan), where some clustering clitics behave as 1P proclitics in imperative clauses and interrogative clauses but as strict 2P enclitics in other clause types and, probably, Slovene (South Slavic), where clustering clitics can be fronted in declarative clauses. This tentative classification in terms of CL2 vs CL1/CL2 systems overlaps with a classification of CL2 languages proposed in Zimmerling [18], Zimmerling & Kosta [20]. The crucial feature is the contrast of standard systems with clustering 2P clitics that they lack clitic-and-verb adjacency and conform to the formula #XP — CL…V ~ #V —CL vs. modified systems with clustering 2P clitics that add a condition on clitic-and-verb adjacency and license orders like #XP — CL — V ~ #V — CL but not orders like

*XP —CL —Y —V, *V—Y —CL, *#...CL—Y —V, *#...V — Y —CL. Word order systems of the first type are called W-systems ('W' stands for 'word' or 'Wackernagel'), while word order systems of the second type are called W^{+}-systems. In our selection, Kashibo-Kakataibo and Slovene, where clitic fronting is mostly optional, pattern with W-systems, while Macedonian and Rikavung Puyuma belong to a small subgroup of W^{+}-systems where clitic fronting is obligatory in a group of clauses. I stick to the hypothesis previously put forward in [17: 89; 20: 201-202; 18: 71; 19] and independently, in [4; 2] that the features {+verb-adjacent clitic} and {+ 2P clitics} are not mutually exclusive and 2P effects in such languages vith verb-adjacent clitics, as Tagalog, Cebuano, Bulgarian, Macedonian, Rikavung etc., are not fake or epiphenominal. Note however that the assumption that W^{+}-systems and languages with vP-internal clitics like French, Italian, Spanish, Albanian, Greek etc. have different syntax does not play any substantial role in the discussion of language data in the following sections since I focus on clitic placement strategies in different type of clauses, not on general characteristics of word order systems with clitics. Empirically, the diagnostic criterion for systems with vP-internal clitics of the Romance type is based on the idea that clause-level (clustering) clitics in such systems lack a fixed position regarded clausal (left or right) border, while the clitics invariably remain verb-adjacent regardless of the linear position of the verb in its clause [17: 85; 18: 76-81; 20: 203]. This criterion is captured in G(eneralization) 3.

(G3) #....V....#, # ....[V + CL]... *# ... V Y CL...#, *#...CL Y V...#.

(G3) is obviously not compatible with the general condition for 2P languages, (G1). For the sake of simplicity, I assume here that a language with clustering clause-level clitics conforms to (G1) if it has 2P effects at least in one type of clauses.

5.1.Slovene

Slovene is a W-system where clustering 2P clitics attach to different types of clitic hosts — maximal projections, complementizers, initial proclitic conjunctions and even to sententional constituents which is atypical for Slavic languages, cf. Zimmerling [18: 381]. The placement of Slovene 2P clitics cannot be explained in purely phonetic terms since Slovene clitics can occur after a pause, e.g. after direct speech or a sententional constituent. Another remarkable feature of Slovene clitics is that they allow fronting in declarative clauses. (9a) exemplifies the basic CL2 order, while (9b) with clitic fronting is a marked option for thetic sentences with inferential semantics.

(9) Slovene, CL2.
a. Videl sem ga.
See-Past.Prt. CL-Be.Prs.Ind. 1 Sg. CL-3Sg.Acc.M/N
'I have seen him/it.'
b. #Sem ga videl.
CL-Be.Prs.Ind.1Sg. CL-3Sg.Acc.M/N See-Past.Prt.
'I have <indeed> seen him/it'

Getting the inverted order (9b) with fronted clitics in Slovene brings about an effect similar to adding an overt discourse particle. The IS-conditions for clitic fronting in Slovene are similar to IS-conditions triggering V1 thetic sentences with inferential semantics like (3a-b) and (4) in colloquial German and Swedish. In all three languages, the fronting of the diagnostic category (verb vs clitic) remains optional.

5.2. Kashibo-Kakataibo

Kashibo-Kakataibo is a Panoan CL2 language where the distribution of clustering 2P clitics is strikingly similar to Slovene. Clustering 2P clitics are described by Zariquey Biondi [16] as elements retaining stress and high tone. They attach to maximal projections and to sententional constitutents and can / must be fronted. The clitic template has 6 slots.

Fig. 1. Clitic template in Kashibo-Kakataibo, after Zariquey Biondi (2011).

1	2	3	4	5	6
Modality	Register	Mood	Evidentiality	Subject Cross-reference	mirativity/participant agreement
kuni 'certitudinal'	ka 'narrative'	ra 'interrogative'	is 'reportative'	a '3' mina '2' na '1Sing' (na)nuna '1Pl.'	mënë 'mirative'
sapi 'dubitative' kaia 'contrastive'	ri 'controversial'				pa 'certitudinal, non-proximal to the addressee', përë 'mirative, non-proximal to the addressee'

The possibility of fronting partly depends on the choice of particular clitic, partly on the clause type. From clitics taking slot 1, *kuni* 'certitudinal' does not move out from clausal 2P, while *sapi* 'dubitative' and *kaia* 'contrastive' do.

(10) Kashibo-Kakataibo, CL1/CL2
a. ‘ë=x **=kaia=ka=na** Aguaytia=nu kwan-ti ‘ain
1sg=S CONTR.NAR.1Sg Aguaitia=DIR go=NOM be1/2 p.
‘Differently from other people, I will go to Aguatiya’.
b. **#kaia=ka=na** Aguaytia=nu kwan-ti
1sg=S CONTR.NAR.1Sg Aguaitia=DIR go=NOM
‘ain
be1/2 p.[1]

(11) Kashibo-Kakataibo, CL1/CL2
a. ‘ë=x **=kuni=ka=na** Aguaytia=nu kwan-ti ‘ain
1sg=S DUB.NAR.1Sg Aguaitia=DIR go=NOM be1/2 p.
‘I will certainly go to Aguatiya’.
b. ***#kuni=ka=na** Aguaytia=nu kwan-ti ‘ain
DUB.NAR.1Sg Aguaitia=DIR go=NOM be1/2 p.[2]

In declarative clauses, fronting of clustering 2P clitics remains optional and is similar to the situation in Slovene, although the descriptive grammar of Kashibo-Kakataibo does not specify the exact IS-conditions for CL1 orders in declaratives. In yes-no interrogative clauses the fronting of clustering 2P clitics is obligatory, cf. Zariquey Biondi [16: 491].

(12) Kashibo-Kakataibo, CL1/CL2
[#**Ka=ra** ain bashi ‘ikën.]
NARR.INT.3p. 3Sg.GEN mountain.ABS be.3p.
‘Are there mountains?

Clitic fronting in yes-no questions lacks a counterpart in Slovene but provides an exact parallel to V1 orders in Germanic V2 languages. The diagnostic 2P category — Kashibo-Kakataibo clustering clitics and Germanic finite verbs — leave out 2P, take clausal-initial position and mark the shift of clause type by shifting from 2P to 1P. The same mechanism is attested in Kashibo-Kakashibo imperative clauses — they require fronting of clitics that normally take 2P in declaratives and other types of clauses, cf. Zariquey Biondi [16: 498].

(13) Kashibo-Kakataibo, CL1/CL2
#**Ka** = ‘ux !
NARR. sleep
‘sleep!’

[1] The example (10) is from Zariquey Biondi, op.cit.,ex. 716.
[2] Example (12) is from Zariquey Biondi, op. cit., ex. 711.

(14) Kashibo-Kakataibo, CL1/CL2
#**ka** = pi-kan!
NARR. eat-PL.IMP
'Eat you all!'

(15) Kashibo-Kakataibo, CL1/CL2
#**mi-na** nipakët-i-n =ka 'ibu'
2sg-lest fall.down-IMPF-1/2 NARR. Descend.IMP
'Come down, lest you will fall.'[1]

The shift in the prosodic orientation of clitics from 2P enclitics in declaratives clause to 1P proclitics in imperatives is just a mirror image of the distribution of clitics in Romance and Balcanic languages (cf. French, Italian, Greek, Macedonian), where pronominal clitics behave as verbal proclitics in finite declaratives and as strict enclitics in imperatives. But shocking as this distribution may seem to European linguists, it only proves that the underlying mechanism of clitic shift is the same and there is no mystic feature of clitic heads requiring enclisis or proclisis in finite declaratives or in imperative clauses. Note that Kashibo-Kakataibo is a W-system and, unlike French, Macedonian or Rikavung, lacks clitic-and-verb adjacency. What matters is that clitic fronting is just a cue of clause type shift and in order to allow this kind of marker, languages with clitics must license them at the clausal left border. Along the same lines, finite verbs in V2 systems get the fronting option if verb fronting serves as marker of clause type shift in imperatives, yes-no questions, headless relative clauses etc. If this obligatory verb fronting is combined with optional V1 fronting in declaratives, one gets an exact counterpart of the Kashibo-Kakataibo situation.

To sum up, the data from Kashibo-Kakataibo confirms the hypothesis about the parallelism of clause structure in V2 and CL2 languages. Compared to Slovene, Kashibo-Kakataibo has made a few more steps towards the grammaticalization of clause type shift.

5.3. Macedonian

Macedonian (South Slavic) is a W^{+}-system licensing #XP — CL —V ~ #CL —V ~ #V— CL orders in finite declaratives. It is sometimes analyzed as a language with vP-internal clitics of the Romance type, where clustering clitics allegedly lack a fixed position in clause. This can not be true for Macedonian on several reasons. Firstly, there are configurations (complex verbal forms) like *AUX—Y—CL —V, where clustering clitics do not attach to a string of two preceding categories AUX,

[1] Examples (13-15) are from Zariquey Biondi, op. cit., exx. 618, 619, 626.

Y, so the generalization (G1) is satisfied, cf. examples (20) and (21) below[1]. Secondly, in a large group of clauses — nominal clauses and imperative clauses — clustering clitics invariably take 2P and behave as strict enclitics, cf. Mišeska Tomić [8: 226], Zimmerling [18: 107]. In terms of this paper, that means that Macedonian is a W^{+}-system with clause type shift markers. Most clustering clitics in Macedonian behave as 1P/2P ~ 2P elements depending on the clause type but the question marker *=li* is a strict enclitic and is never fronted[2].

In non-negative finite declaratives, clustering clitics usually precede the verb with the order (X) [CL —V] and are fronted if no overt category precedes them, cf. (15a-b).

(16) Macedonian, CL1/CL2
a. #Se skina fustanot.
Acc.Refl.CL. tear.3Sg.Aor. dress. +D.M.Sg.
'The dress got torn.'

[1] It is however unclear whether (G1) is satisfied in passive and middle sentences with the order NP/DP + Adv — CL — V. cf. examples (i) and (ii) from Mišeska Tomić [7: 173-174].

(i) Ovaa kuќa dolgo se gradeše.
This.F.Sg. house long.Adv. Acc.Refl.CL. build.3Sg.Imperf.
'This house was being built for a long time'.
(ii) Slamenite pokrivi lesno se palat.
Straw.Adj.+D.F.Pl. roofs easily Acc.Refl.CL set-on-fire.3Pl.
'Straw roofs are easily set on fire'.

In a similar Bulgarian W^{+}-system where clustering clitics cannot be fronted, sequences of clause-internal categories NP/DP + Adv are occasionally licenced before the clitics. The same holds for the Czech W-system [20]. Zimmerling [18: 380] and Zimmerling & Lyutikova [21] explain this effect as multiple XP-fronting to a single head. Multiple XP-fronting is possible both in languages with and without clitic-and-verb adjacency. Therefore, Macedonian examples (i), (ii) neither falsify nor verify that this language conforms to (G1).

[2] In generative Slavic linguistics, Mac. *=li* is usually not acknowledged as a clustering clitic since it can be split from the remaining part of the cluster [7: 228]. This is not a valid argument since splitting does not falsify the existence of clusters. Moreover, clustering clitics frequently have non-identical phonetic and syntactic features within one and the same language, cf. Zimmerling [18: 128-153] for a general discussion. Cf. also the discussion of Mac. *li* in Zimmerling [18: 422-426] and the discussion of Kashibo-Kakataibo data in section 5.2. above.

b. Na Marija$_i$ i$_i$ se skina
To Marija 3Sg.F.Dat. Acc.Refl.CL. tear.3Sg.Aor.
fustanot.
dress. +D.M.Sg.
'Marija's dress got torn', lit. 'To Marija, her dress got torn.'

(16b) shows clitic doubling i.e. indexing of nominal expressions by pronominal (dative and accusative) enclitics. If an argument is added, indexing is in many contexts obligatory, e.g. in (16b) one can not drop the dative clitic *i*$_i$ coindexed with the initial phrase [*Na Marija*]$_i$. Therefore, indexed phrases like [*Na Marija*] in (16b) are often analyzed as extraclausal in the Slavic linguistic tradition. However, at least in one case, with doubling of wh-words in wh-questions and relative clauses, the indexed category that precedes clustering clitics is not extraclausal.

(17) Macedonian, CL1/CL2
a. Kogo vide?
Whom.Acc see.2/3Sg.Aor.
'Who did you/(s)he see?'
b. Kogo go vide?
Whom.Acc 3Sg.M.Acc.CL see 2/3Sg.Aor
'Who (of persons we know) did you/(s)he see?'
c. Komu mu gi dade
Whom.Acc 3Sg.M.Dat.CL 3Pl.Acc.CL give
cveќnijata?
2/3Sg.Aor flowers+D.Pl.
'To whom (of the persons we know) did you/(s)he give the flowers?'[1]

The most natural explanation of (17b-c) is that clustering clitics in wh-clauses take a clause-internal position XP (Wh) — CL —V and are neither strict proclitics nor strict 2P enclitics.

The enclisis configuration (X) [V —CL] is not typical for Macedonian finite verbal clauses, #V — CL orders are usually not accepted in Macedonian normative grammars, at least, in communicatively unmarked sentences, cf. (18).

(18) Macedonian, CL1/CL2
a. #Mu gi pokazvala.
Dat.3Sg.M.Sg.CL. Acc.3Pl. show-Perf.-*l-part.* Sg.F.
'I/you/she reportedly showed them to him.'

[1] The examples (17a-c) are from Mišesca Tomić [7: 257], ex. 72.

b. ?? #pokazvala mu gi.

This distribution is likely explained by the fact that Macedonian tends to grammaticalize the placement of the verb and to restrict verb movement rather than by constraints on clitic shifting since Macedonian clustering clitics are not specified as strict proclitics (see below). The [CL — V] order is the default option, therefore verb fronting (regardless of it is analyzed as XP-movement #V_i —CL…t_i or as Long Head Movement across the clitic head #…. V_i CL t_i) in sentences like (17b) lacks both IS-motivation and prosodic triggers since Macedonian pronominal and auxiliary clitics do not need a prosodic host to their left[1].

In negative finite clauses (except for negative imperatives, which show the derived order #Neg — V —CL with pronominal clitics) clitic clusters attach to the initial negative proclitic *ne* and take clause-internal position with the order #Neg — CL —V, cf. (19).

(19) Macedonian, CL1/CL2
Ne ќе si im gi
Not Fut.CL. be.2Sg.CL 3Pl.Dat.CL 3Pl.Acc.CL
dadela knigite.
given.M.Sg.-*l*-Part books.+D.Pl.
'Reportedly, you would not give them the books.'[2]

In non-negative finite clauses with an interrogative clitic *li*, clitic clusters must take clause-internal positions as well.

(20) Macedonian, CL1/CL2
Po Marija li ќе ti go
To Marija Q.CL Fut.CL 2Sg.Dat.CL 3Sg.Acc.N.CL
prati (pismoto)?
send.3Aor. letter.+Det.N.Sg.
'It is with Maria that (s)he will send the letter/it?'

Mišesca Tomić [7: 228] tries to expel *li* from the cluster by claiming that *li* in (20) is a 2P enclitic, while the subsequent elements =ќе=ti=go are proclitics. This claim is impossible to prove without non-circular arguments. It only masks the basic fact that Macedonian W^+-system lacks generalized clitic placement and different types of clauses use their own strategies for clitic shifting. I analyze the

[1] In the closely related Bulgarian W^+-system verb fronting has prosodic triggers since Bulgarian clustering clitics, unlike Macedonian clustering clitics are specified as {+ strict enclitics} and do not front.

[2] The example (19) is from Mišesca Tomić [7: 229], ex. 20a.

clitic clusters in (19) and (20) as standing in 2P. That 2P/clause-internal placement remains an option in finite clauses without negation and without *li*, is proved by examples like (21), where the verbal complex of the past perfect construction can not be fronted as a whole. This gives a 2P configuration in (21b). The variation #CL — AUX.PST — V ~ #AUX.PST — CL — V in (21a-b) hints that the past perfect auxiliary *bea* is not part of the cluster.

(21) Macedonian, CL1/CL2

a. #Si go bea
Refl.Dat.Cl 3Sg.M.Acc.CL be.3Pl.Imperf
završile proektot.
finished.Pl.*l*-part. project+ D.M.Sg.
'They have finished the project.' — Macedonian, CL1/CL2

b. Bea si go
be.3Pl.Imperf Refl.Dat.Cl 3Sg.M.Acc.CL
završile proektot.
finished.Pl.*l*-part. project+ D.M.Sg.
'the same.' — Macedonian, CL1/CL2

c. *Bea završile si go proektot. (a violation of (G1))

Thus, clauses with a past perfect auxiliary allow both clitic fronting (21a) and auxiliary fronting (21b) but if the auxiliary is fronted, no sentence category can intervene between the host and the clitics, hence (21c) is ill-formed. That in (21b) the clitics really attach to the fronted auxiliary, is proved by another test provided by Mišeska Tomić [7: 321]. Cf. the ill-formed sentence (22b), where the subject intervenes between the fronted auxiliary and the clitics.

(22) Macedonian, CL1/CL2

a. Beshe mu go TI
Be.2Pl.Imperf M.Dat.CL 3Sg.M.Acc.Cl. you.2Sg
dal.
3Sg. given.M.Sg.Pf. l-part.
'It was YOU who had given it to him'. — Macedonian, CL1/CL2

b. *Beshe TI mu go dal.

The puzzling thing about (21) – (22) is that the same Macedonian clustering clitics in one and the same clause type can either be fronted and behave as proclitics or attach to the fronted category and behave as strict 2P enclitics if the past perfect auxiliary is fronted. The same alternation is attested in one more clause type — with n-participles, cf. Mišeska Tomić [8: 226]. The clustering clitics here enclitize to n-participle if the participle is fronted and takes XP, cf. (23a). Otherwise, the

clitics are fronted themselves and the participle ends up to the right from them, cf. (23b).

(23) Macedonian, CL1/CL2

a.	Dojdena	sum	ti	vo	poseta.
	Come.F.Sg.Pf.Pass.Part	be.1Sg.CL	2Sg.Dat.CL	in	visit
	'I have come to pay you a visit.' — Macedonian, CL1/CL2				
b.	#sum	ti	dojdena	vo	poseta.
	be.1Sg.CL	2Sg.Dat.CL	Come.F.Sg.Pf.Pass.Part	in	visit
	'the same'.[1]				

In imperative clauses, Macedonian clustering clitics behave as strict 2P enclitics, clitic fronting is blocked: #V — CL, *#CL — V[2]. In gerundive clauses, Macedonian clustering clitics normally behave as 2P enclitics but the alternation is possible, cf. Zimmerling [18: 106]. Finally, in nominal clauses, Macedonian clustering clitics behave as strict 2P enclitics and can not be fronted, cf. (24).

(24) Macedonian, CL1/CL2

a.	#Utre	mu	e	rodenden.
	Tomorrow	3Sg.Dat.CL	be.3Sg.CL	birthday
	'Tomorrow, he has birthday.'			
b.	#Rodenden	mu	e	utre.
	Birthday	3Sg.Dat.CL	be.3Sg.CL	tomorrow
	'His birthday is tomorrow.'			
c.	*#Mu	e	rodenden	utre.

To sum up, Macedonian is a W^{+}-system with reduced possibilities for verb fronting: optional alternation of 1P ~ 2P clitics within one and the same clause type is preserved exactly where verbal heads (past perfect auxiliaries, n-participles and gerunds) may be fronted. In other cases, clitic orientation is a marker of clause type shift. Different types of Macedonian clauses use a wide variety of clitic linearization strategies, but the overall trend is that clitics in verbal clauses are fronted or take clause-internal position.

[1] Examples (23a-b) are from Mišeska Tomić [7: 328].

[2] On negative imperatives in Macedonian, cf. Zimmerling [18: 391].

Fig. 2. Clitic shifting in Macedonian clauses

Clause type	Orientation of clustering clitics
Non-negative non-imperative finite clauses without past perfect auxiliary and yes-no operator	1P (proclitics)/ clause-internal universal clitics; *Strict 2P enclitics; (16ab); (18)
Nominal clauses	Strict 2P enclitics; *1P proclitics; (24ab)
Imperative clauses	Strict 2P enclitics; *1P proclitics
Negative finite clauses	Clause-internal universal clitics; *1P proclitics; (19)
Finite clauses with a yes-no operator	Clause-internal universal clitics; *1P proclitics; (20)
Wh-clauses	Clause-internal universal clitics; *1P proclitics; (17bc)
Finite clauses with a past perfect auxiliary	1P (proclitics) ~ Strict 2P enclitics; (21ac); (22ab)
Finite clauses with n-participle	1P (proclitics) ~ Strict 2P enclitics; (23ab)
Finite clauses with a gerund	1P (proclitics) ~ Strict 2P enclitics

5.4. Rikavung Puyuma

Rikavung Puyuma is an Austronesian language of Taiwan recently described by Jiang & Billings [6]. It is a W⁺-system with 1P/2P clustering clitics of Macedonian type but clitic orientation is used as marker of clause type shift more consistently. Optional alternation of CL1~CL2 orders in the same clause type is eliminated. Rikavung has an extremely limited inventory of clitic hosts: in 2P configurations, clustering clitics may attach either to a fronted verb or to a short negative proclitic ħa(ʐi), if it is present[1]. Intransitive and transitive clauses have different syntax (cf. the contrast of nominal vs verbal clauses in Macedonian). The sole pronoun of an intransitive clause invariably takes 2P and is never fronted. It is either enclicized to the fronted verb, as in (25a) with the order #V_{intr}—CL, or to the negative proclitic ħa(ʐi), as in (25b) with the order #Neg — V_{intr} —CL[2].

[1]W-systems where 2P clitics attach to just two types of clause-initial hosts — verbs/open class predicates vs operator elements – have been described earlier in Lummi (Salish) and Kabyle (Afro-Asiatic), cf. Zimmerling [18 : 90].

[2] An exact structural parallel is provided by imperative clauses in standard Macedonian: non-negative imperatives require the order #V — CL, while negative imperatives require the order #Neg — V — CL. As Jiang & Billings (op. cit, 90, footn. 4) mention, imperative Rikavung clauses have 'intransitive' syntax too, even with transitive verbs. "Transitive imperative (including prohibitive) clauses, though paradigmatically attesting transitive verbal morphology, nonetheless position a lone overt first-person Undergoer clitic pronoun *after* the lexical verb (with the second-person Actor unexpressed) /sukun-anaj={**ku**/***ka**}/ (push-TR=1SG) 'Push me.'"

(25) Rikavung Puyuma, CL1/CL2
a. s<əm>ənaj =ta
<INTR>sing =INCL1PL
'Did we sing?'
b. ħa(ʐi) =ta s<əm>ənaj
NEG =INCL1PL <INTR>sing
'Didn't we sing?'[1]

Both pronouns of a transitive verb immediately precede the lexical verb regardless of whether Neg is present [6: 90]. Rikavung has only 1-2 p. pronominal clitics, which are not case-marked. The order of clitic pronouns encodes the person hierarchy 1p > 2p. and the Actor > Undergoer hierarchy. If the Actor is 1 p. and the Undergoer is 2 p., both clitic pronouns of a transitive verb are visualized, as shown in (26).

(26) Rikavung Puyuma, CL1/CL2
a. {ku/ka}= {***u**/**nu**}= sukun-anaj[2]
1SG = =2SG= push-TR
'I pushed you.'
b. ħa(ʐi) ={ku/ka} ={***u**/**nu**} sukun-an
NEG =1SG =2SG push-TR.DEP
'I didn't push you.'

If the Undergoer is 3 p., only the Actor is expressed by a clitic pronoun. If both the Actor and the Undergoer are 3 p., neither of them is expressed by a clitic pronoun [6: 99] and an inverse marker taw= is added, cf. (27).

(27) Rikavung Puyuma, CL1/CL2
a. taw= sukun-anaj
INV= push-TR
'{She/He/They}*i* pushed {her/him/them}*j*.'
b. ħa(ʐi) =taw sukun-an
NEG = =INV push-TR.DEP
'{She/He/They}*i* didn't push {her/him/them}*j*.'

The inverse marker *taw*, as Jiang & Billings argue, is not a pronoun. Still, it is a clustering clitic compatible with overt clitic pronouns. The combination *taw* +

[1] All glossed examples from Rikavung Puyma are from [6].

[2] We stick to Jiang & Billings' glosses, where pronouns with the Undergoer role are marked with boldface. The expression in curly brackets {*xy/xyz} show clitics allomorphs that are possible or impossible in this combination.

single overt pronominal clitic is attested in clauses where the Actor is 3 p. and the Undergoer is 1-2 p., cf. (28). The combination taw + two overt pronominal clitics is attested in clauses where the Actor is 2 p. and the Undergoer is 1 p., cf. (29).

(28) Rikavung Puyuma, CL1/CL2
a. ta(w)= {**mi**/**niam**}= sukun-anaj
INV= =EXCL1PL= push-TR
'{She/He/They} pushed us.'
b. ħa(ʐi) =ta(w) ={**mi**/**niam**} sukun-an
NEG =INV = =EXCL1PL push-TR.DEP
'{She/He/They} didn't push us.'

(29) Rikavung Puyuma, CL1/CL2
a. ta(w)= {**ku**/**ka**}= {*u/nu}= sukun-anaj
INV= =1SG= = 2SG= push-TR
'Did you push me?'
b. ħa(ʐi) =ta(w) ={**ku**/**ka**} ={*u/nu} sukun-an
NEG = =INV = 1SG = =2SG push-TR.DEP
'Didn't you push me?'

Jiang & Billings (op.cit., 101) list one more non-pronominal clitic that seems to be part of the Rikavung clitic cluster – the irrealis marker *a*. It is inserted between the inverse marker *taw* (slot 1) and clitic pronouns (slots 3 and 4).

(30) Rikavung Puyuma, CL1/CL2
a. taw= a= {**ku**/***ka**} = sukun-anaj
INV = IRR = 1SG = push-TR
'{She/He/They} would like to push me.'
b. taw= a= {**mi**/**niam**} = sukun-anaj
INV = IRR= EXCL1PL = push-TR
'{She/He/They} would like to push us.'

It is plausible that Jiang & Billing's analysis of external clitic pronoun placement in intransitive and transitive clauses can be generalized for the whole Rikavung clitic cluster, albeit it is unclear from the data whether the irrealis clitic is possible in intransitive clauses or intransitive clauses may have sequences consisting of 2 or more clitics[1]. Meanwhile, the authors state explicitly that

[1] According to the description of Rikavung, the inverse marker and combinations of two clitic pronouns should be impossible in intransitive clauses. Note that in Macedonian nominal clauses that exhibit 2P orders with strict enclisis, the inventory of clustering clitics is more limited than in pure verbal clauses with 1P/2P clitics.

transitive and intransitive clauses have the same inventory of 1-2 clitic pronouns and that clitic pronouns are not case-marked and do not encode semantic roles: information about semantic roles comes from syntax and is signaled by the linear order of clitic pronouns and by the presence/absence of an inverse marker.

Fig. 3. Rikavung clitic cluster, after [6]

Inverse marker	Irrealis	Pronominal clitics	
1	2	3	4
ta(w)	a	More Person-prominent	Less Person-prominent
		1 Sg: ku ~ ka 1 Excl.Pl: mi ~niam 2 Incl.Pl: ta 2 Sg: u ~ nu 2 Pl: mu ~nmu	

5.5. Interim summary

CL1 orders in languages with 2P clitics are triggered by two different underlying factors — 1) IS-motivated alternations of word order within one and the same type of clauses; 2) marking of clause type shift by imposing different conditions for clitic placement in different types of clauses. A necessary requirement for clitic fronting and clitic shifting is that clitics lack a phonetic feature preventing them from being positioned at a clausal margin and from changing orientation towards their hosts. Clustering clitics in Slovene, Macedonian, Rikavung and Kashibo-Kakataibo are not specified as {+ strict proclitics} or {+ strict enclitics} regardless of clause type, at least, no such characteristics can be projected to the level of clitic cluster, cf. but Kashibo-Kakataibo enclitic =kana discussed in 5.2. and Macedonian enclitic =li discussed in 5.3. Therefore, clustering clitics in these languages can move and show up in different positions. Slovene and Rikavung are placed at the different ends of a grammaticalization scale, with Kashibo-Kakataibo and Macedonian taking intermediate positions. Slovene is a rigid CL2 language, which only has optional CL1 ~ CL2 alternation in declarative clauses: Slovene CL1 declaratives have inferential semantics and provide a parallel to Swedish or German thetic V1 declaratives. Kashibo-Kakataibo is a CL1/CL2 language, which has both optional CL2~ CL1 alternation and obligatory shifting from CL2 to CL1 in two types of clauses — yes-no questions and imperatives. CL2 must be recognized as a default order in Kashibo-Kakataibo, and CL1 as the marked order. Macedonian has optional alternation of CL1 ~ CL2 in three types of clauses where verbal heads of a special type can be fronted. In all other cases, clitic orientation is a marker of clause type shift. Rikavung does not have optional alternation of CL1 ~ CL2 orders and marks clause-type shift (transitive vs intransitive clauses) more consistently than Macedonian. The overall tendency towards CL1 orders in Rikavung might be due

to a limited inventory of clitic hosts — Rikavung clitics only attach to verbs or to a special clitic base – negation ħa(ʐi). The overall tendency towards CL1 orders in Macedonian is likely a parasitic effect of restrictions imposed on verb fronting, cf. (18b). At the synchronic level, CL1 orders in Rikavung and Macedonian can not be explained as derived, though these languages preserve 2P orders with strict enclitics, which may reflect the original word order in a diachronic perspective.

6. Conclusions and perspectives

The analysis of 1P orders in two classes of 2P languages — V2 languages and CL2 languages supports the hypothesis that V2 languages and CL2 languages form a class definable in terms of shared constraints on clause structure. 1P orders in 2P languages are best explained as overt syntactic movement of an operator category (finite verb or clustering clitic) to clause-initial position. 1P orders in 2P languages arise due to two different mechanisms — 1) IS-triggered optional alternation of 1P ~ 2P orders in the same clause type or 2) clause type shifting. V1/V2 languages have optional IS-triggered verb fronting in declarative clauses, while V1 orders in declaratives may encode a number of different IS types including rheme dislocation and thetic structures. CL1/CL2 and rigid CL2 languages may have optional IS-triggered alternation of CL1 ~ CL2 orders in some types of clauses. Clause type shifting may feature declarative vs non-declarative split (Germanic languages), nominal-type clause vs verbal-type clause split (Macedonian), transitive vs intransitive split (Rikavung).

The data from CL1/CL2 languages with clause type shifting undermines the analysis in terms of edge features [+ EF] and brings a negative evidence against the practice of ascribing the characteristics of clause structure to syntactic heads in languages where different clause types have different positioning of the same fixed positioned operator elements. Kashibo-Kakataibo person markers and Macedonian clitic pronouns do not have any mystical edge feature requiring proclisis or enclisis in imperative clauses but a different configuration in declarative clauses: what matters is that some of these clauses require IS-motivated fronting of non-clitic categories while some other clauses block it. Rikavung clitic pronouns in transitive and intransitive clauses have different distribution not because they get some vague [+EF] feature in intransitive non-negative clauses and lose it in transitive clauses but because Rikavung intransitive verbs must be fronted in non-negative clauses. CL1/CL2 positioning is to some extent an interface phenomenon, since clitics must have non-syntactic characteristics allowing them to change prosodic orientation and to be fronted.

The standard feature-driven movement analysis of V2 and CL2 effects explains them by the need to check an uninterpretable u*Phi*-feature, cf. Roberts [10]. This theory still may be useful for parametric typology. But then, one has to assume that, in 1P/2P languages, the operator element (clustering clitic or finite verb) raises

higher in 1P clauses than in 2P clauses, so that their target positions not only *look* but really *are* different. Then one can straightforwardly explain the puzzling alternation of 1P ~ 2P orders in contexts like (21a-b), (10), (12) and 2P effects in contexts like (22) etc.: complementary distribution of the fronted operator and some other fronted categories hints that they compete for one and the same slot. This makes ad hoc stipulations to [+EF] redundant, unless one is concerned by saving framework-internal postulates.

References

1. Bhatt, Rajesh M. (1999). *Verb movement and the syntax of Kashmiri*. Dordrecht.
2. Billings, Loren & Abigail Konopaski. (2002). The Role of Morphology in Ordering Verb-Adjacent Clitics: from Syntax to Prosody in Bulgarian and Tagalog. In: A.Alexiadou, S.Fischer and M.Stavrou (eds.). *Linguistics in Potsdam*, 19. University of Potsdam. 1-26.
3. Bech, Kristin & Salvesen, Christine Meklenborg (2014). Preverbal word order in Old English and Old French. In: *Information Structure and Syntactic Change in Germanic and Romance Languages.* P. 233-269.
4. Dimitrova-Vulchanova, Mila. (1999). Clitics in the Slavic languages. In: H. van Riemsdijk (ed.), Clitics in the Languages of Europe (Eurotype 20-5). Berlin- New York: Mouton de Gruyter. P. 83-121.
5. Holmberg, Anders. Verb second. In: *Syntax – Theory and Analysis. An International Handbook*. T. Kiss & A. Alexiadou (eds.). Vol.1. Berlin: Mouton de Gruyter, 242-283.
6. Jiang, Haowen & Billings, Loren. (2015). Person-based ordering of pronominal clitics in Rikavung Puyuma: An inverse analysis. Forthcoming in: Amber CAMP, Claire STABILE, Nozomi TANAKA, & Yuko OTSUKA (eds.), *AFLA XXI: Proceedings of the 21st annual meeting of the Austronesian Formal Linguistics Association (Asia-Pacific Linguistics series)*. Canberra: College of Asia and the Pacific, Australian National University. 87-106.
7. Mišeska Tomic, Olga. (2012). *A Grammar of Macedonian*. Bloomington.
8. Mišeska Tomic, Olga. (2004). The South Slavic Pronominal Clitics. In: *Journal of Slavic Linguistics*, 12 (1-2), 213-248.
9. Platzack, Christer. *The Edge Feature on C*. Lund, University of Lund, 2008.
10. Roberts, Ian. "Phases, Head-movement and Second-Position Effects". In: *Phases developing the framework* / Angel J. Gallego (ed.). Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2012, 385-440.
11. Reis, Marga. Anmerkungen zu Verb-erst-Satz-Typen im Deutschen. In: *Deutsche Grammatik in Theorie und Praxis*. Hg. v. R. Thieroff et al. Tübingen: Niemeyer. 2000, 215-227.

12. Vikner, Sten. *Verb Movement and Expletive Subjects in the Germanic Languages*. Oxford Studies in Comparative Syntax, New York, Oxford: Oxford University Press, 1995.
13. Wolfe, Sam (2015). *A New Perspective on V2 and the Evolution of Romance Clausal Structure* // Traces of History Conference. The University of Oslo, March 9-10, 2015.
14. Yanko, Tatiana (2001). *Communicative Strategies of Russian Speech*. Moscow. [Т.Е.Янко. *Коммуникативные стратегии русской речи*. М., 2001.] (In Russian).
15. Yanko, Tatiana (2008). *Intonation Strategies of Russian Speech*. Moscow. [Т.Е.Янко. *Интонационные стратегии русской речи*. М., 2008] (In Russian).
16. Zariquiey Biondi, R. (2011) *A grammar of Kashibo-Kakataibo*. La Trobe University.
17. Zimmerling, Anton (2002). *Typological Scandinavian Syntax*. Moscow, 2002. [А.В.Циммерлинг. *Типологический синтаксис скандинавских языков*. Москва, 2002]. (In Russian).
18. Zimmerling, Anton (2013). *Slavic word order systems from the viewpoint of formal typology*. Moscow. [А.В.Циммерлинг. *Системы порядка слов славянских языков в типологической перспективе*. Москва, 2013] (In Russian).
19. Zimmerling, Anton (2015). Parametrizing Verb Second Languages and Clitic Second Languages. // *Proceedings of the 2015th International Conference on Artificial Intelligence*. Vol. 1. 2015, CSREA Press. P. 281-287.
20. Zimmerling, Anton & Kosta, Peter. Slavic clitics: a typology. In: *STUF – Language Typology and Universals*. Vol. 66. No 2, 2013, 178-214.
21. Zimmerling, Anton & Lyutikova, Ekaterina (2015). Approaching V2: verb second and verb movement. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Issue 14 (21) in two volumes, Volume 1, Moscow, RSUH, 2015, 663-675.

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

В.М. Алпатов. Типология частей речи и материал японского языка

Японский язык не относится к числу неизученных, но его данные не всегда в достаточной мере учитываются в типологических исследованиях. Однако это — один из немногих языков, ставших основой специальной лингвистической традиции. Японская классификация частей речи была разработана самостоятельно, и некоторые ее черты сохраняются даже сейчас. Такие черты отражают некоторые особенности японского языка, которые следует принимать во внимание.

Ключевые слова: японский язык, особенности языков, части речи, прилагательные, частицы, союзы

С.С. Алвестад. Типология вида в славянских императивах

В статье исследуется дистрибуция славянского императива и отмечается, что имперфектив значительно более распространен в восточнославянских языках, чем в западнославянских. Высказывается гипотеза, что во многих релевантных примерах имперфективный императив в восточнославянских языках является по сути тем же феноменом, что и общефактический имперфектив в индикативе. Иными словами, имперфектив является «ложным»: он обозначает единичное завершенное действие, и, следовательно, с семантической точки зрения является перфективным. В индикативе «ложный» имперфектив может отсылать к реальному событию, однако в императиве он идентифицирует только тип события. Автор формулирует «правило видовой нейтрализации», которому славянские языки подчиняются в разной степени, что объясняет различия в дистрибуции вида среди славянских языков.

Ключевые слова: славянские языки, глагольный вид, «ложный» несовершенный вид, общефактический несовершенный вид, анафорический несовершенный вид, событийная анафора

Т.И. Бондаренко. Битранзитивные глаголы и аппликативные конструкции от переходных глаголов в грузинском языке

В данной статье сравниваются конструкции с дативными аргументами в грузинском языке от двух типов глаголов: битранзитивных глаголов, которые не могут присоединять показатели аппликатива, и переходных глаголов, которые обязаны иметь аппликативный показатель для ввода дативного участника в аргументную структуру. В статье показывается, что,

несмотря на указанное морфологическое различие, конструкции с дативным аргументом от этих типов глаголов имеют одинаковую синтаксическую структуру. В этой синтаксической структуре дативный участник вводится «высокой» функциональной аппликативной проекцией, которая берет своим комплементом как минимум группу лексического глагола и обладает структурным приоритетом над прямым дополнением. В ходе нашей аргументации мы также формулируем обобщение, согласно которому, структуры, содержащие в себе аппликативную проекцию, не могут подвергаться дальнейшим деривационным процессам.

Ключевые слова: аргументная структура, аппликативы, битранзитивы, дативы, грузинский язык

А.А. Герасимова. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке

Статья посвящена исследованию условий, при которых отрицательные местоимения лицензируются через границу инфинитивного оборота. Высказывается гипотеза о том, что на возможность и позицию отрицания и отрицательных местоимений влияет количество функциональной структуры, доминирующей над глагольной областью, в зависимой инфинитивной клаузе. В статье предлагается анализ, увязывающий семантику матричного предиката и категориальный статус инфинитивного актанта. Полученные результаты позволяют не только уточнить механизмы лицензирования отрицательных местоимений, но и свидетельствуют о различном структурном статусе актантных инфинитивных оборотов в русском языке.

Ключевые слова: отрицательные местоимения, отрицательно полярные единицы, инфинитивный оборот, русский язык.

П.В. Гращенков. «Теорема о двух» или немного о пределах синтаксиса

Работа посвящена правилам образования русских сложных прилагательных. Сложные слова образуются по продуктивным моделям и имеют прототипом синтаксические составляющие. Несмотря на это, существует ограничение на количество последовательно подчиненных элементов в составе сложного слова. Как показано в работе, такое ограничение помогает понять связь морфологии и синтаксиса — морфология является подмодулем синтаксиса, действующим на некотором узком типе элементов (вершинах категории X_0).

Ключевые слова: морфология, синтаксис, сложные слова, вершины, составляющие

М.С. Зарифян. Семантическая симметрия и асимметрия дейктических наречий тут и там

В работе рассматривается полисемия русских дейктических наречий тут и там, которые на первый взгляд кажутся практически полными антонимами. В результате, рассмотрев наречия тут и там в трех блоках значений: пространственных, временных и ситуативных, мы пришли к выводу, что достаточно полная симметрия наречий тут и там наблюдается в ситуативных контекстах. В остальных же блоках значений наблюдается больше асимметричных контекстов употребления. Прежде всего, у там доминирующим значением является пространственное, в то время как у тут — ситуативное. Там гораздо менее дейктично, чем тут, и это видно из его свойства терять семантику отдалённости в определенных случаях и употребляться в чисто анафорическом значении с целью избежать повтора слов. Кроме того, в своих непространственных значениях оба наречия в какой-то степени проявляют семантику близости и отдаленности соответственно. Так, например, во временных значениях для обоих наречий характерно указание на два следующих один за другим события, однако, события, связанные при помощи тут, немедленно следуют друг за другом и входят в единый раунд наблюдения, в то время как там, напротив, «отдаляет» события друг от друга, и временная граница между ними размыта.

Ключевые слова: временной и пространственный дейксис, семантика, ситуация, момент речи, дейктическое наречие, анафора.

Е.Ю. Иванова. Артиклевая маркированность именных групп как средство оформления коммуникативных стратегий говорящего в болгарском языке

В статье проанализирована специфика артиклевой маркированности компонентов тем и рем при реализации специфических коммуникативных стратегий говорящего. Основные особенности выражения коммуникативных значений в болгарском языке, на фоне русского, связаны с более строгим порядком слов и бóльшей сглаженностью интонационного контура. В таких условиях существенный компенсаторный вклад в оформление коммуникативных стратегий говорящего вносит артиклевая маркированность именных групп, в частности, нестандартное употребление артиклей.

Ключевые слова: тема, рема, линейно-акцентные преобразования, артикли, болгарский язык

Е.И. Ивтушок. Глаголы типа «бросать» в лексико-типологическом освещении

В последние годы растет интерес к лексико-типологическому исследованию различных семантических полей. К числу областей, привлекающих внимание в этом ракурсе, относится и лексическая зона каузированного перемещения.

Настоящая работа посвящена изучению одного из фрагментов семантического поля каузированного перемещения — глаголам каузированного движения по воздуху (ср. рус. бросать, кидать, швырять, метать) и проведена на основании фреймового подхода. Данные для исследования были получены из шести языков (русского, немецкого, английского, французского, финского и эстонского) и были изучены на материалах корпусов, словарей и специально составленной анкеты.

Ключевые слова: лексическая типология, каузированное перемещение, бросание, фреймовый подход

О.Ю. Инькова. «При том что»: от морфологии и синтаксиса к семантике

В статье рассматриваются три синтаксические конструкции с формантом *при*: [*при* NP]$_{PP}$, [*при* [*том,* [*что* [...]$_{IP}$]$_{CP}$]$_{NP}$]$_{PP}$ и [*при том что* [...]$_{IP}$]$_{CP}$. Для установления различий в их функционировании автор описывает сначала семантические и синтаксические свойства предлога *при* и показывает, что, в отличие от других предлогов, предложную группу с *при* с именной вершиной не всегда возможно перефразировать при помощи сентенциального обстоятельства. Отмечается также, что существующие синтаксические тесты и критерии не позволяют четко разграничить функционирование сентенциального обстоятельства, оформляемого предложной группой с демонстративом, и сентенциального обстоятельства, оформляемого союзом *при том что*, который тем не менее проявляет меньшую степень синтаксической и коммуникативной зависимости от главного предложения. Автор предлагает определить отношение, которое выражает союз *при том что*, как отношение сопутствования: союз вводит обстоятельство, сопутствующее положению вещей, описанному в главном предложении, но такое, которое может повлиять на его осуществление или на его интерпретацию.

Ключевые слова: синтаксис, семантика, русский язык, отношение сопутствования, *при том что*

Е.А. Кузьменко, Э.Г. Мустакимова. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе

Эта статья посвящена лексико-типологическому описанию семантического поля “падение” в разных языках. Мы изучаем закономерности устройства этого поля и ограничения на его структуру. Под падением мы понимаем неконтролируемое движение сверху вниз, которое происходит без контакта с поверхностью. Среди параметров, по которым различаются типы падения, можно назвать начальное положение падающего объекта, конечную точку, сам тип объекта, подвергающегося падению (одушевленные и неодушевленные предметы, жидкости) и другие характеристики (падение прямо, набок и т. д.). Мы анализируем семантическое поле на материале русского, английского, эстонского, японского, индонезийского языков, а также языка идиш и бесермянского диалекта удмуртского языка. В наше исследование входит обзор глаголов, обозначающих падение в данном языке, и анализ совмещения нескольких семантических фреймов в значении одного глагола. Также мы описываем базу данных глаголов падения, которая позволяет легко осуществлять поиск глаголов, которые используются в нескольких фреймах, примеров на определённый тип падения, и визуализировать результаты поиска.

Ключевые слова: лексическая типология, семантическое поле, семантическая карта

А.В. Курицына. Проблемы семантической реконструкции на материале ландшафтной лексики прагерманского языка (семантическое поле «лес»)

Цель работы — реконструкция прагерманских значений для ряда ландшафтных терминов в письменных памятниках древних германских языков. Ограничив лексическую выборку значениями «лес» и «дерево», мы сопоставляем контекстные данные нескольких синхронных срезов каждого из привлекаемых языков. В результате устанавливаются особенности междиалектных и диахронических сдвигов в семантике исследуемых лексем и их наиболее вероятные прагерманские значения, предлагается реконструкция прагерманского лексического поля «лес». Кроме того, в ходе работы были получены данные об ареалах распространения семантических изменений.

Ключевые слова: германские языки, семантическая реконструкция, семантические поля, семантическая типология, ландшафтная терминология

Ю.А. Ландер, Н.Б. Тышкевич. True, liminal and fake prototypes in syntactic typology

В статье обсуждается использование понятия прототипа в синтаксической типологии. Как выясняется, помимо ситуаций, когда выделение прототипа может получить четкие эмпирические основания, обнаруживаются также ситуации, в которых эффекты, описываемые через прототипы и отклонения от них, связаны с диахронической нестабильностью конструкции или с разнообразием источников наблюдаемого явления. Мы рассматриваем эти три случая на примере типологии относительных конструкций, сериальных глагольных конструкций и концепта подлежащего соответственно.

Ключевые слова: синтаксический прототип, относительная конструкция, сериальная конструкция, подлежащее

А.Б. Летучий. Местоимения и одушевлённость в русских конструкциях с нулевой связкой

В статье исследуется синтаксическое ограничение, действующее в некоторых русских конструкциях с нулевой связкой. Если в конструкции с нулевой связкой вида «NP + NP» (именные группы и в субъектной, и в предикатной позиции, например, *Вася — студент*) субъектом является местоимение, оно может иметь только одушевлённый антецедент (например, неграмматично предложение *Она [книга] — гениальное произведение*). Мы пытаемся объяснить это ограничение и выяснить, почему оно действует только для местоименных субъектов и только в конструкциях вида «NP + NP». Как мы считаем, основная причина заключается в том, что одушевлённым и неодушевлённым объектам по-разному приписывается класс, к которым они принадлежат: человек может одновременно принадлежать ко множеству социальных, национальных и других групп, а неодушевлённый объект стандартно принадлежит только к одному классу. В этой связи предложения типа «*Анна Каренина*» — *книга* близки к предложениям идентифицирующего типа в том смысле, что уникален класс, к которому может относиться субъект. Далее мы показываем, что предложения идентификации плохо сочетаются с местоимением в субъектной позиции.

Ключевые слова: нулевая связка, местоимения, одушевлённость, предложения идентификации, предложения характеризации, время

Е.А. Лютикова, Д.Р. Ибатуллина. Теория падежа и падежное варьирование в татарском языке

В статье обсуждаются формальные модели приписывания структурного падежа и их применимость к данным татарского языка. Рассматриваются два подхода — хомскианская модель приписывания падежа функциональными вершинами и марантцева модель конфигурационного падежного маркирования — и их приложение к якутскому языку, широко обсуждавшееся в недавней литературе. Обращаясь к эмпирическим данным татарского языка, авторы идентифицируют контексты падежного варьирования и показывают, что хомскианская модель приписывания падежа при согласовании может быть уточнена таким образом, чтобы описывать всю совокупность падежных феноменов татарского языка.

Ключевые слова: теория падежа, абстрактный падеж, морфологический падеж, дифференцированное падежное маркирование, структура именной группы, согласование, якутский язык, татарский язык

Т.А. Майсак. Позиция личных клитик в удинском языке по корпусным данным

В удинском языке (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи) субъектное личное согласование совмещено с механизмом выражения коммуникативной структуры: личные клитики маркируют фокусную составляющую и могут располагаться в различных позициях в клаузе. При этом личный показатель на глаголе может находиться не только на конце формы, но и внутри основы, разрывая ее на «лексическую» и «собственно глагольную» части (это свойство личных показателей заставляет считать их «эндоклитиками»). Имеется, однако, целый ряд ограничений и предпочтений в том, что касается возможных позиций личных показателей: так, некоторые глагольные основы не допускают разрыва; с рядом глагольных форм личные показатели не проявляют подвижности и фактически являются суффиксами; у наиболее частотных форм индикатива, напротив, показатели согласования предпочтительно располагаются внутри основы; в постглагольной позиции фокусируемая составляющая невозможна. Проведенное (на материале современного перевода Евангелия от Луки на ниджский диалект) корпусное исследование позиций личных показателей позволяет сравнить частотность различных вариантов, а также показывает, что преобладающей в современном языке следует считать позицию личной клитики на фокусируемой группе в непосредственной препозиции к глаголу (частным случаем чего является и позиция на «лексической» части глагола при его расщеплении клитикой).

Ключевые слова: клитики, фокусное маркирование, личное согласование, порядок слов, корпусный анализ, удинский язык

В.Р. Маркова. Предикативы состояния с финалью -о в современном русском языке

Статья посвящена изучению разряда слов в современном русском языке, подводимых под определение категории состояния. Материалом для исследования служат употребления новых для русского языка слов категории состояния, еще не зафиксированных в словарях. Предметом изучения являются предикаты состояния с финалью -о и соотнесение их свойств с коррелирующими им полными прилагательными. Проверяется тезис наследования или ненаследования словами КС валентностей коррелирующих прилагательных и зависимость актантной структуры слов КС от их семантики.

Ключевые слова: предикатив состояния, предикатив, категория состояния, семантика

А.С. Мартынова. Рефлексы h в говорах юго-восточного идиша

В данной работе исследуются рефлексы фонемы <h> в юго-восточных говорах языка идиш. Цель исследования — узнать, что происходит при «выпадении» звука [h] в интервокальной позиции и в начале слова, и существуют ли какие-либо рефлексы этого звука. Было проведено предварительное исследование на материале мультимедийного корпуса и составлена анкета для опроса носителей. При сравнении результатов корпусного исследования и опроса носителей оказалось, что «выпадение» звука [h] в начале слова не влечёт за собой никаких рефлексов, однако в интервокальной позиции гласные остаются без изменений и следуют друг за другом или происходит их стяжение.

Ключевые слова: рефлексы, стяжение гласных, юго-восточный идиш

А.А. Полий. Вариативность топонима Беларусь/Белоруссия и рефлексия говорящих по отношению к ней

В данной работе приводится статистическое исследование вариативности употребления топонима *Беларусь/Белоруссия* и рефлексии русскоговорящих жителей России и Белоруссии по отношению к ней. Для исследования распределения употреблений разных вариантов топонима был проведен интернет-опрос. Для изучения рефлексии был также проведен опрос, но помимо этого были исследованы различные статьи в СМИ и комментарии в социальной сети ВКонтакте. В конечном итоге, во-первых,

можно говорить о том, что употребление того или иного варианта топонима зависит в первую очередь от уровня образования, причем, чем выше уровень, тем больше вероятность использования варианта *Белоруссия*, если говорить о жителях России. Во-вторых, спор о выборе между разными вариантами происходит в первую очередь из-за того, что жители России больше исходят из определенного чувства собственничества по отношению к языку, а жители Белоруссии — из политических убеждений.

Ключевые слова: социолингвистика, лингвистическая антропология, Белоруссия, Беларусь, языковая рефлексия

Е.Л. Рудницкая. Аналитическая отрицательная глагольная конструкция в эвенкийском языке: попытка формального анализа в рамках генеративной грамматики

В статье рассматривается архаическая аналитическая конструкция с глагольным отрицанием, состоящая из отрицательного вспомогательного глагола *э-* ‘NEG’ и отрицательного причастия V-*rV* ‘PTCP.NEG’. NEG — это синтаксическая вершина конструкции, и NEG всегда предшествует PTCP.NEG, являющемуся комплементом. Базовый порядок слов в эвенкийском языке — OV (то есть язык с конечной вершиной), однако конструкции с начальной вершиной также встречаются довольно часто. Мы используем древесную структуру с левым ветвлением и доминималистский подход. Порядок NEG — PTCP.NEG выводится из базового порядка с конечной вершиной через адъюнкцию PartP (в которую входит PTCP.NEG) к IP справа, притом что в базовой структуре NegP доминирует над PartP. Аргументы PTCP.NEG могут или оставаться внутри PartP, или передвигаться вверх из PartP в SpecIP // SpecNegP, или присоединяться к IP как адъюнкты слева в случае их топикализации или фокусирования.

Ключевые слова: отрицание, аналитическая конструкция, глагол, синтаксис, формальный анализ, эвенкийский язык

А.А. Смирнитская. Семантика семьи, поколения, касты в языках Индии с точки зрения семантической типологии

За исходную точку рассмотрения в статье взяты значения *семья, поколение, род* в дравидийских языках Индии. Значение *род* было заменено на функциональный эквивалент для индийского общества — значение *caste*; язык хинди был также привлечен для типологического сопоставления. Значения рассматриваются с точки зрения теории семантических переходов, разрабатываемой Анной А. Зализняк и др. Выдвигаются предположения о новых семантических переходах.

Ключевые слова: дравидийские языки, хинди, малаялам, тамильский, телугу, семантическая типология, семантический переход

Д.Б. Тискин. Анафора к предикату и характеристики русской именной группы

В работе на русском материале описан тип анафоры, при котором личное местоимение третьего лица имеет антецедентом ИГ в предикатном употреблении. Обсуждаются трактовка таких местоимений как местоимений повтора (Е. В. Падучева), а также некоторые другие варианты их анализа: как обычных анафорических местоимений и как дескриптивных местоимений. Предлагаемая трактовка анафоры к предикату состоит в том, что ИГ-антецедент и анафорическое местоимение имеют сортовую семантику. В отличие от ряда языков, где сортовая семантика закреплена за особыми местоименными лексемами, в семантике русского языка, как мы полагаем, множество сортов рассматривается как подмножество универсума индивидов, и поэтому анафорические местоимения могут отсылать к ранее введённым сортовым референтам.

Ключевые слова: анафора, личные местоимения, местоимения повтора, предикация, русский язык, сортовая семантика

У. Удаар. Эргативность и эргативный падеж в мевари и марвари

В статье рассматривается эргативно-абсолютивная модель в двух близкородственных языках раджастхани — мевари и марвари. Наряду с описанием падежной и согласовательной систем этих языков, в статье обсуждается статус эргатива как зависимого падежа в мевари и его видимое отсутствие в марвари. В соответствии с предложенным анализом, при лицензировании зависимого падежа, который возникает в специальной конфигурации — в присутствие другой именной группы в падежной области — задействуется механизм наследования фи-признаков между двумя оболочками глагольной группы. В перфективных аспекутальных формах марвари, однако, vP не является дефектной, и механизм наследования признаков не запускается. Соответственно, подлежащее передвигается в верхнюю оболочку глагольной группы и получает номинатив от T.

Ключевые слова: эргативность, мевари, марвари, наследование признаков, падеж, согласование

М.Н. Усачева, Н.В. Сердобольская. Грамматикализация новых деепричастных форм на -оннига- в бесермянском удмуртском

В статье рассматривается грамматикализация новой деепричастной формы из имени места в бесермянском диалекте удмуртского языка. Обсуждаются гипотезы о происхождении имен места. Проводится сравнение морфосинтаксических и семантических свойств имени места и новой деепричастной формы с целью определения степени грамматикализации рассматриваемой формы. Имя места с морфологической и синтаксической точки зрения ведет себя как непроизводное имя, демонстрируя, однако, некоторые свойства независимого предложения в плане выражения субъекта и объекта. Деепричастные же формы утрачивают морфологические именные свойства, а в синтаксическом плане демонстрируют значительный набор свойств простого независимого предложения. Семантически новые деепричастия вводят ситуации, находящиеся в отношении «полная одновременность» и «неполная одновременность 1» к главной клаузе (в терминах В. С. Храковского), при этом временной план главной предикации может быть любым; в то время как локативное имя вводит хабитуальную ситуацию, необязательно происходящую одновременно с ситуацией в главной клаузе.

Ключевые слова: деепричастие, имя места, грамматикализация, морфосинтаксические свойства, удмуртский язык

О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский. Прямой объект в энецком языке: объектное согласование глагола

В статье дается обзор системе оформления прямого объекта в энецком языке: обсуждаются местоименные объекты, объекты, выраженные полными именными группами, и объекты, выраженные референциальным нулем. Описывается падежное маркирование прямого объекта в зависимости от части речи объекта и словоизменительного класса, в случае существительных. Подробно рассматриваются факторы, влияющие на выбор между наличием и отсутствием объектного согласования в глаголе. На материале представительного корпуса естественных текстов производятся подсчеты численной корреляции различных параметров клаузы с наличием/отстутствием объектного согласования. Утверждается, что определенность объекта и нестандартный порядок слов в клаузе наиболее близко связаны с наличием объектного маркирования в глаголе, что подтверждает традиционную точку зрения о «логическом ударении» на объекте в случае глаголного соласования с объектом.

Ключевые слова: энецкий язык, прямой объект, объектное согласование, определенность, порядок слов

Л.В. Хохлова. Антирезультатив в хинди

В статье анализируются морфосинтаксические средства выражения антирезультативных значений в языке хинди. Описываются синтаксические конструкции, служащие для грамматикализации конативных и проксимативных значений. Рассматривается также типичное для многих языков мира совмещенное средство выражения конативных значений — аорист от предикатов, обозначающих предельные процессы. Показывается, что вопреки существующему в индологической лингвистике убеждению, будто аорист от интенсивных глаголов всегда обозначает только полностью законченное действие и до конца реализованные изменения объекта, формы аориста от интенсивных глаголов, имплицирующих инкрементальную тему, могут обозначать также не полностью реализованные изменения объекта.

Ключевые слова: антирезультатив, конативное значение, проксимативное значение, инкрементальная тема, аорист, предельный процесс, предельный глагол

А.В. Циммерлинг. Порядок 1P в классе языков 2P

Статья обсуждает синтаксис языков второй позиции (2P), к которым относятся языки со второй позицией операторного элемента — финитного глагола (V2) или кластеризуемых клитик (CL2). Применяется аппарат параметрического описания языков 2P, предложенный в (Roberts 2012), (Zimmerling & Lyutikova 2015), (Zimmerling 2015). В ряде языков 2P возможны порядки, где операторный элемент стоит в начале клаузы (1P). Порядок 1P в данном классе языков возникает либо за счет коммуникативно мотивированного продвижения в начальную позицию, что приводит к альтернации 1P ~ 2P, либо за счет грамматикализации разных принципов размещения операторных элементов в разных типах клаузы, что интерпретируется в статье как маркирование смены типа клаузы (clause type shifting). На материале германских, славянских языков, австронезийского языка рикавунг пуюма и языка кашибо-какатайбо семьи пано рассматриваются разные случаи маркирования смены типа клаузы. Доказывается, что в клаузах с порядком 1P операторный элемент в классе языков 2P перемещается дальше, чем в клаузах с порядком 2P.

Ключевые слова: языки второй позиции, порядок слов, операторные элементы, финитный глагол, клитики, цепочки клитик, структура клаузы,

синтаксическое перемещение, коммуникативная структура, просодико-синтаксический интерфейс, смена типа клаузы, параметрическая типология, формальные модели языка, граничные черты, германские языки, славянские языки, рикавунг пуюма, кашибо-какатайбо

М.В. Шкапа. Порядок актантов в мананге: взаимодействие иерархий

В данной статье мы пытаемся ответить на вопрос, какие факторы влияют на линейный порядок актантов в транзитивных и дитранзитивных клаузах мананге (тамангские <тибето-бирманские) и как данные факторы взаимодействуют при определении допустимости конкретного порядка. Наше исследование показало, что на порядок актантов влияют иерархия одушевленности и наличие у агенса фонологически выраженного маркера эргатива; кроме того, AP (в транзитивных клаузах) и APR (в дитранзитивных клаузах) предпочтительней других порядков. Допустимость порядка определяется общим весом правил, которым он удовлетворяет. Различия в порядке актантов в финитных и нефинитных клаузах можно объяснить редукцией категорий в номинализации.

Ключевые слова: тибето-бирманские языки, порядок актантов, иерархии

А.Б. Шлуинский. «Сопряженные» субъектные показатели в языках ква: ареально-генетическое сопоставление

В статье рассматривается неоднозначное индексирование субъекта в языках ква. В рамках выборки из около 20 языков ква, по которым имеются доступные данные, в 6 языках различаются «стандартный» субъектный показатель, употребляющийся в нейтральной независимой клаузе, и «сопряженный» субъектной показатель, употребляющийся в специальных контекстах. К таким контекстам относятся, во-первых, клаузы с левым выносом фокусной составляющей, во-вторых, зависимые клаузы в полипредикативных конструкциях, в-третьих, сочиненные клаузы, следующие после показателя сочинения. В статье показано распределение этих контекстов по 6 рассматриваемым языкам, а также обсуждаются возможные связи между этими контекстами.

Ключевые слова: языки ква, лично-числовое маркирование, дифференциальное индексирование субъекта, фокус, полипредикативная конструкция, сочинение

SUMMARIES AND KEYWORDS

V. Alpatov. Typology of parts of speech and data of Japanese

Japanese is not an unstudied language but its data are insufficiently taken in notion in many typological studies. However, this language is one of the not numerous languages that became the base of a special linguistic tradition. The Japanese classification of parts of speech was elaborated independently and some features of it are preserved even now. Such features reflect some peculiarities of Japanese, which should be taken into account.

Keywords: Japanese, peculiaritirs of languages, parts of speech, adjectives, particles, conjunctions

S.S. Alvestad. The typology of aspect in the Slavic imperative

In this paper I first show how aspect is used in Slavic imperatives: the imperfective (IPF) aspect is significantly more widespread in the East Slavic languages than in the West Slavic ones. I argue that in many of the relevant cases of IPF in East Slavic, we are in fact dealing with the same phenomenon as that referred to as the *general-factual IPF* when it occurs in the indicative. In other words, the IPF is *fake*: it refers to a single, complete event and so is semantically perfective. In the indicative, fake IPF may involve event token identification, but I show that this cannot be the case in the imperative, where the identification must be at the level of event type. Finally, I outline an Aspect Neutralization Rule that the various Slavic languages adhere to to varying degrees, thus explaining the cross-Slavic variation in aspect use.

Keywords: Slavic languages, verbal aspect, fake IPF, existential IPF, presuppositional IPF, event type anaphora

T. Bondarenko. Ditransitive verbs and applicative constructions with transitive verbs in Georgian

In this article, we compare constructions with dative arguments formed from two types of verbs: ditransitive verbs that cannot take applicative markers and transitive verbs that have to take applicative markers in order to introduce a dative participant into the argument structure. We show that despite of the aforementioned morphological difference constructions with dative arguments formed from these types of verbs have the same syntactic structure. In this syntactic structure, the dative participant is introduced by a “high” applicative projection that takes no less than VP as its complement and c-commands the direct object. In the course of our argumentation, we also formulate a generalization,

according to which structures that include applicative projections cannot undergo further derivational processes.

Keywords: argument structure, applicatives, ditransitives, datives, Georgian

A. Gerasimova. Licensing negative pronouns in Russian infinitives

This paper deals with conditions on licensing negative pronouns in embedded infinitival complement clauses. I hypothesize that the amount of functional structure dominating VP in the infinitival clause affects the availability and licit positions of negation and negative pronouns. In my analysis, semantic properties of matrix verbs, specifically, their control type, determine syntactic categories of their infinitival complements. In this way, the data presented in the paper not only call for a specific mechanism of negative pronouns licensing in Russian, but also provide evidence for a variable structural shape of Russian infinitival clauses.

Keywords: negative pronouns, negative polarity items (NPI), infinitival clause, Russian

P. Grashchenkov. “Squeeze theorem” or some notes on the limits of syntax

The paper deals with the rules of derivation of Russian complex adjectives. Compounds in Russian display productivity and have syntactic constituents as their prototypes. However, there is a constraint on the number of dependencies in Russian compounds. The paper argues that such a constraint allows us to reveal relations between syntax and morphology: morphology is a submodule of syntax operating with a restricted set of elements (X_0 heads).

Keywords: morphology, syntax, compounds, heads, phrases

E. Ivanova. Article marking of noun phrases as means of the explication of communicative strategy in Bulgarian

The paper analyses the article marking of thematic and rhematic noun phrases in cases where special communicative strategies are applied by the speaker. The peculiarities of the expression of communicative meanings in Bulgarian, as contrasted with Russian, are due to the stricter word order and more even intonation patterns. An important compensatory effect for these factors, aimed at the explication of the communicative strategy of the speaker, is achieved by article marking of noun phrases, in particular, non-standard use of articles.

Keywords: theme, rheme, linear-accent transformations, articles, Bulgarian

E. Ivtushok. Verbs of caused movement in the air: a typological perspective

A lexical typology impact on analyzing different semantic fields has been in the attention of linguistics for several years. The lexical field of caused movement is among the researched areas.

In the feature article we examine one of the fragments of a semantic field of caused movement in the air (e.g. бросать, кидать, швырять, метать) based on frame analysis. We received data from six languages (Russian, English, French, German, Finnish, and Estonian) and conducted our analysis using corpora, dictionaries, and special surveys.

Keywords: lexical typology, caused movement, throwing, frame analysis

O. Inkova. «Pri tom čto» : from morphology and syntax to semantics

The article discusses three syntactic structures introduced by the preposition *pri*: [*pri* + N]$_{PP}$, [*pri* [*tom,* [*čto* […]$_{IP}$]$_{CP}$]$_{NP}$]$_{PP}$ and [*pri tom čto* […]$_{IP}$]$_{CP}$. To find out differences in their functioning the author describes first the semantic and syntactic properties of the preposition *pri* and shows that, unlike other prepositions, it is not always possible to paraphrase a *pri*-PP with nominal head using a sentential adjunct with the same preposition. It is moreover to be observed that the existing syntactic tests and criteria do not permit to establish a clear distinction between the sentential adjunct-PP with demonstrative and the sentential adjunct-CP, though the second shows a lesser degree of syntactic and communicative dependence to the main clause. The author proposes to define the relation expressed by the conjunction *pri tom čto* as one of 'concomitance': that is to say, the conjunction introduces a circumstance that 'goes with' the state of affairs described in the main clause, possibly affecting its realization or interpretation.

Keywords: syntax, semantics, Russian, concomitance, *pri tom čto*

O. Khanina, A. Shluinsky. Direct object in Enets: verbal cross-reference

The paper gives an overview of the system of direct object encoding in Enets, including pronominal, nominal, and pro-drop direct objects. Case marking is described for pronouns and different inflectional classes of nouns. Conditions for optional verbal cross-reference of object are analyzed in detail: based on an extensive corpus of natural texts we look for possible statistic correlations between the presence of verbal cross-reference and other parameters of the clause. The definiteness of direct object and the non-standard clausal word-order are claimed as the most closely related to the presence of verbal cross-reference of object. This supports the traditional statement that Enets object verbal cross-reference is connected to the 'logical stress' of direct object or information non-neutrality.

Keywords: Enets, direct object, object agreement, definiteness, word order

L. Khokhlova. Antiresultatives in Hindi

The paper describes morpho-syntactic means of expressing antiresultative meanings in the Hindi language. It is focused on syntactic constructions specially used in Hindi with the aim to grammaticalize conative and proximative meanings; it also concentrates on those aorist forms of accomplishment predicates which are used to denote uncompleted actions. Some of the linguists specializing in Indian languages studies state that compound verbs in Hindi do signify the completed actions only. Contrary to them, it will be shown that in case the incremental theme is used, certain partial changes of the object may be also expressed by compound verbs.

Keywords: anti-resultative, conative, proximative meaning, incremental theme, aorist, telic accomplishment verbs

A. Kuritsyna. Problems of semantic reconstruction based on the Proto-Germanic landscape terminology (semantic field “forest”)

This paper is dedicated to semantic reconstruction of the landscape terms attested in Old Germanic languages. In research we consider lexemes with the meanings “forest” and “tree” and compare context data on several synchronic stages of the respective languages. As a result, the features of inter-dialectal as well as diachronic alternations in the semantics of the lexemes can be traced, that allows us to propose their meaning for the Proto-Germanic stage and to reconstruct the lexical field “forest”. Moreover, areas of the semantic changes have been defined.

Keywords: Germanic languages, semantic reconstruction, semantic fields, semantic typology, landscape terms

E. Kuzmenko, E. Mustakimova. Verbs of falling in lexico-typological perspective

This paper describes the lexico-typological frames in the semantic field of falling, i.e. we list the parameters which differentiate between various verbs of falling. By the verbs of falling we mean the predicates which denote the concept of falling in their primary meaning, i.e. uncontrollable move from a higher place or position without contact with surface. Among the differentiating parameters one can mention the starting point, the finish point, the kind of subject which falls (men, animated or unanimated objects, liquids and powders), the manner of falling (straight, on the side), etc. We introduce the results of the analysis of the concerned domain in several languages including Russian, English, Estonian, Udmurt,

Japanese, Yiddish and Indonesian. The paper also describes an online database with graph interface which vizualizes our data.

Keywords: lexical typology, semantic field, semantic map

Yu. Lander, N. Tyshkevich. True, liminal and fake prototypes in syntactic typology

Gradience in syntax is often described as having prototype-based architecture. However, the syntactic prototypes postulated in literature are not all alike. In this paper, we distinguish between (i) true prototypes, which are based on clear linguistic evidence, (ii) liminal prototypes, which are associated with diachronically unstable patterns and hence cannot be precisely determined, and (iii) fake prototypes, which are based on effects that only reflect the diversity of sources of a phenomenon. In relation to these three kinds of concepts, we discuss relative clause constructions, serial verb constructions and the notion of subject.

Keywords: syntactic prototype, syntactic gradience, relative clause construction, serial verb construction, syntactic subject

A. Letuchiy. Pronouns and animacy in Russian zero copula construction

The paper focuses on one syntactic restriction, which is valid for some Russian zero copula constructions. In "NP + NP" constructions (NPs both in the subject and in the predicate position, e.g. *Vasja — student* 'Vasja is a student'), if the subject position is occupied by a pronoun, it can only has an animate antecedent. I am looking for an explanation for this restriction and seeking to find out why it is valid only for pronominal subjects and only in "NP + NP" constructions. I propose that the main reason lays in the difference of classifying animate and inanimate object. An animate (especially human) object can belong to many groups at the same time: social, professional, national, etc. In contrast, an inanimate object, such as *stul* 'chair' typically belongs to one main class (e.g., the class of furniture). This distinction results in differences of pronoun use. Other relevant factors, such as differences in gender assignment to animates vs. inanimates, are also discussed.

Keywords: zero copula, pronouns, animacy, identification constructions, characterization constructions, tense

E. Lyutikova, D. Ibatullina. Case theory and case variation in Tatar

The paper discusses formal models of structural case assignment and their applicability to Tatar data. We survey two approaches — Chomskyan model of case assignment by functional heads and Marantzian model of configurational case marking — and their application to Sakha, which received much attention in the recent literature. Addressing linguistic evidence from Tatar, we identify a number

of contexts where differential case marking is observed. We argue that the Chomskyan model of case assignment under AGREE can be adjusted in order to successfully account for the full range of Tatar case phenomena.

Keywords: case theory, abstract case, morphological case, differential case marking, noun phrase structure, agreement, Sakha, Tatar

T. Maisak. The position of person clitics in Udi: a corpus study

Subject person markers in Udi (East Caucasian, Lezgic) are clitics, which can appear in various positions in the clause, serving as focus marking device. On the verb, person markers can occur either as enclitics to the verb form as a whole, or as 'endoclitics' within a verb stem, severing the first ("lexical") part of the verb from the second ("functional") part. There are, however, many restrictions and preferences that complicate the rules of person marker placement. In particular, certain verb stems do not allow endoclitics for phonological or morphological reasons; with some verb forms the person clitics are not mobile and resemble more suffixes; to the contrary, the most frequent indicative forms prefer to have person markers (when on the verb) as endoclitics; also, the postverbal position of focused constituent is ruled out. As the counts of person marker placement in the recent translation of the Gospel of Luke into Nij Udi show, the predominant position of focused constituents hosting the clitics is immediately preverbal, with the focusing of just the "lexical" part of the "split" verb being a particular instance.

Keywords: clitics, focus marking, person agreement, word order, corpus study, Udi language

V. Markova. Predicates of state with the final -o in the modern Russian language

The paper is devoted to the study of a word class in the modern Russian language which are defined as category of state words. The data for study is the usage category of state words, new for the Rusian language and not yet defined in dictionaries. The subject of the study are predicates of state ending with -o and comparison of their properties with the ones of correlative long adjectives. A thesis is tested whether category of state words inherit their valencies from correlative long adjectives and whether their actantial model depends on their semantics.

Keywords: predicate of state, predicative, category of state, semantics.

A. Martynova. Reflexes of the <h> phoneme in Southeastern Yiddish

This paper studies the reflex of the <h>-phoneme in the southeast dialect of Yiddish. The main purpose of the paper is to study the "elimination" of the

[h]-sound in intervocalic and initial positions of a word, and find out whether any reflexes of this sound exist. The preliminary research was carried out using the multimedia corpora data, then a questionnaire was written. Throughout the comparison between the corpora results and the native speakers poll it was discovered that the "elimination" of [h]-the sound in initial positions of a word has no reflexes, while in intervocalic positions the contraction of vowels occurs.

Keywords: Yiddish, reflexes, contraction of vowels

A. Poliy. Distribution of the toponym Belarus/Byelorussia and speakers' attitudes to its variability in comments on digital media and social networks

This paper studies statistical distribution of the toponyms *Byelarus'* and *Byelorussia* and the Russian speaking citizens' of Russia and Belarus attitude towards that variation. An internet poll was made for studying the distribution. There was also a poll for the reflexion analysis, but the main source of information were different articles on the Internet and comments from a social network VKontakte. Firstly, it is important to say that the distribution depends mostly on the education level, and the higher that level is, the more probable it is for a person from Russia to use *Byelorussia* in their speech. Secondly, the argument over using different variants of the toponym is still alive mostly because people from Russia participate in it having a strong sense of "ownership" of Russian language, while people from Belarus see that argument as a way to show their political views.

Keywords: sociolinguistics, linguistic anthropology, Belarus, Byelarus, Byelorussia, speakers' reflexion

E. Rudnitskaya. Verb analytic negation construction in Evenki: an attempt of a formal analysis in the generative grammar framework

The paper considers the archaic analytic negative verb construction that consists of the negative auxiliary verb *ə-* 'NEG' and the negative participle V-*rV* 'PTCP.NEG'. NEG is the syntactic head of the construction, and NEG always precedes PTCP.NEG, which is its complement. Evenki is basically head-final, but head-initial constructions are also frequent. We adopt a left-branching tree structure and a non-minimalist approach. The NEG — PTCP.NEG order is derived from the basic opposite order via right adjunction of PartP (containing PTCP.NEG) to IP, while NegP dominates PartP in the base structure. The arguments of PTCP.NEG can either stay inside PartP, or raise out of PartP and land in SpecIP // SpecNegP, or left-adjoin to IP in case of their topicalization or focusing.

Keywords: negation, analytic construction, verb, syntax, formal analysis, Evenki

M. Shkapa. Argument order in Manange: Interaction of hierarchies

In this paper it is attempted to find out which factors influence the linear order of arguments in transitive and ditransitive clauses in Manange (Tamangic < Tibeto-Burman) and how these factors interact in determining if an order is acceptable. As our data show, the relevant factors are conformity to animacy hierarchy and presence vs. absence of an overt case marker on the agent; also AP (for transitive) and APR (for ditransitive) are preferred to other orders. The order is the more acceptable the more principles it satisfies and the stronger these principles are. The difference between argument orders in finite and non-finite clauses can be explained as a case of property reduction in nominalizations.

Keywords: Tibeto-Burman, argument order, hierarchies

A. Shluinsky. "Conjoint" subject markers in Kwa: an areal and genetic comparison

The paper deals with a differential subject indexing in Kwa. Based on a sample of 20 Kwa languages that have accessible data 6 languages distinguish between a 'standard' subject marker that is used in a neutral independent clause and a 'conjoint' subject marker that is used in special contexts. Such contexts include, firstly, clauses with a left-dislocated focus, secondly, dependent clauses, thirdly, coordinated clauses that follow the coordination marker. The paper shows the distribution of these contexts in 6 languages in focus and possible connections between these contexts.

Keywords: Kwa, person-number marking, differential indexing of subject, focus, complex sentence, coordination

A. Smirnitskaya. Semantics of *family, generation, caste* in languages of India from the semantic typology point of view

The starting point of consideration in this article were meanings *family, generation, clan* in Dravidian languages of India. The meaning *clan* was changes then to the meaning *caste* as functional equivalent social unit. Hindi language was added for typological juxtaposing. We examined these meanings with the use of the Database of semantic shifts developed by Anna A. Zalizniak and others. The propositions of new semantic shifts were offered.

Keywords: Dravidian languages, Tamil, Telugu, Malayalam, Hindi, semantic typology, semantic shift

D. Tiskin. Anaphora to Predicates and the Properties of Russian NPs

The paper discusses the cases in Russian where a third-person pronoun is anaphoric on an NP in the predicate position. Several possible approaches to such pronouns are discussed, including their treatment as pronouns of laziness (in Elena Paducheva's work) as well as some others, such as merging them into ordinary anaphora or into descriptive pronouns. The analysis or anaphora to predicates proposed in the present paper treats both the antecedent NP and the anaphor as kind-denoting. I suggest that, in contrast to languages where special pronominal items are specified for kind reference, in Russian the domain of kinds is a subset of the domain of individuals to the effect that anaphoric pronouns can refer back to kind-level discourse referents.

Keywords: anaphora, kind reference, personal pronouns, predication, pronouns of laziness, Russian

U. Udaar. Ergativity: a descriptive study of Mewari & Marwari ergative case

This paper investigates ergative-absolutive patterns in two closely related Rajasthani languages, namely Mewari and Marwari. Besides giving a descriptive insight into the case and agreement systems of the language, I try to clarify the status of ergative as a dependent case in Mewari and its apparent absence in Marwari. The analysis blames the mechanism of phi-feature inheritance between double vP layers for initiation of dependent case, which is licensed in a specific configuration- in the presence of another DP within the same domain. For Marwari, I demonstrate that due to the non-defective nature of vP in the perfective aspect, the feature inheritance fails to commence. Hence, the subject moves to the higher vP and gets a nominative case from TP.

Keywords: ergativity, mewari, marwari, feature inheritance, case, agreement

M. Usacheva, N. Serdobolskaya. Grammaticalization of new converbs in *-onn'iga-* in Beserman Udmurt

The authors focus on grammaticalization of new converbs in Beserman Udmurt with nomina loci as the source. Several hypotheses of the history of nomina loci are discussed. The authors compare morphological and syntactic properties of nomina loci with those of new converbs. Nomina loci demonstrate noun-like behavior from the point of view of morphology and syntax, but they have some properties of simple clauses. By contrast, new converbs loose morphological noun-like properties and syntactically behave like simple clauses. Semantically, new converbs designate "full simultaneity" and "incomplete simultaneity 1" (in terms of V. S. Khrakovsky) to the situation in the main clause which can refer to any

tense, while nomina loci denote a habitual situation that does not yield to the condition of simultaneity with the situation in the main clause.

Keywords: converbs, nomina loci, grammaticalization, morphosyntactic properties, Udmurt

M. Zarifyan. Semantic Symmetry and Asymmetry of Russian Deictic Adverbs TUT "here" and TAM "there"

The paper describes Russian deictic adverbs *tut* 'here' and *tam* 'there', which seems to be antonymous at first glance. The goal of the current research is to study spatial, temporal and situational meanings of *tut* and *tam* and highlight cases in which these adverbs are antonymous or not. The data shows that situational meanings of both adverbs are almost completely symmetrical — *tut* and *tam* develop meanings of actuality and non-actuality of a situation at the moment of speech respectively. In other cases asymmetric contexts of use are more frequent rather than symmetric. First of all, the central meaning of *tam* is spatial, while *tut* tends to be used in situational contexts. Moreover, *tam* is less deictic. In certain spatial contexts of use it can lose the semantics of distance and develop the anaphoric function. In addition, *tut* and *tam* develop the semantics of proximity and distance respectively even in their non-spatial contexts of use. For example, in temporal meaning, both adverbs denote two successive events, but the difference is that the events linked by *tut* follow each other immediately, while *tam* separates events from each other.

Keywords: temporal and spatial deixis, semantics, moment of speech, deictic adverbs, situation, anaphoric function

A. Zimmerling. 1P orders in 2P languages

The paper discusses the syntax of 2P languages. 2P languages are defined as languages with a fixed 2P positioning of an operator element — finite verb (V2) or clustering clitics (CL2). I apply the apparatus of parametric description of 2P languages proposed in (Roberts 2012), (Zimmerling & Lyutikova 2015), (Zimmerling 2015) and make some adjustments for 1P/2P languages that allow 1P orders where the operator element is placed clause-initially. 1P orders in 2P languages arise either due to IS-motivated movement to clause-initial position or due to grammaticalization of different principle of operator placement in different clause types. The latter mechanism is analyzed in the paper as clause type shifting. I analyze the data of Germanic, Slavic languages, Rikavung Puyuma (Austronesian) and Kashibo-Kakataibo (Panoan) and show different cases of clause type shifting. I argue that in 2) languages, the operator element in 1P clauses raises higher than

in 2P clauses and argue against the analysis of 1P clauses in terms of [+EF] features.

Keywords: 2P languages, verb second languages, clitic second languages, word order, operator elements, finite verb, clitics, clitic clusters, clause structure, movement, information structure, prosody-to-syntax interface, clause type shifting, parametric typology, formal models of language, edge features, Germanic languages, Slavic languages, Rikavung Puyma, Kashibo-Kakataibo

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

В.М. Алпатов. Директор Института языкознания Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.
E-mail: v-alpatov@ivran.ru

С.С. Алвестад. PhD, специалист по славянским языкам, университет Осло, также обладает степенью магистра по специальности «Турецкий язык». В данный момент является постдокторантом и занимается славянскими языками в университете Осло.
E-mail: s.s.alvestad@ilos.uio.no

Т.И. Бондаренко. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, отделение теоретической и прикладной лингвистики.
E-mail: t.i.bond@yandex.ru

А.А. Герасимова. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет.
E-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com

П.В. Гращенков. Кандидат филологических наук, старший преподаватель отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического ф-та Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук.
E-mail: pavel.gra@gmail.com

М.С. Зарифян. Студент Школы Лингвистики Национального Исследовательского Университета Высшая Школа Экономики.
E-mail: masha.zarifyan@gmail.com

Д.Р. Ибатуллина. Студентка магистерской программы "Общая и компьютерная лингвистика" (2014-2016) Московского педагогического государственного университета.
E-mail: dilyaibatullina@gmail.com

Е.Ю. Иванова. Доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ).
E-mail: eli2403@yandex.ru

Е.И. Ивтушок. Студентка Школы лингвистики Национального исследовательского университета Высшая школа экономики.
E-mail: e.ivtushok@gmail.com

О.Ю. Инькова. Женевский университет, Институт проблем информатики ФИЦ ИУ РАН. О. Ю.). О.Ю. Инькова преподает в Женевском университете и является создателем и координатором международной группы исследований по сопоставительной лингвистике текста (славянские языки — романские языки) СоЛиТекст.
E-mail: Olga.Inkova@unige.ch

Е.А. Кузьменко. Студент Школы лингвистики Национального исследовательского университета Высшая школа экономики.
E-mail: eakuzmenko_2@edu.hse.ru

А.В. Курицына. Аспирант Института востоковедения Российской академии наук.
E-mail: linnansaari@gmail.com

Ю.А. Ландер. Кандидат филологических наук, доцент Школы лингвистики Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук.
E-mail: yulander@yandex.ru

А.Б. Летучий. Доцент Школы лингвистики Национального исследовательского университета Высшей школы экономики
E-mail: alexander.letuchiy@gmail.com

Е.А. Лютикова. Кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.
E-mail: lyutikova2008@gmail.com

Т.А. Майсак. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания Российской академии наук.
E-mail: timur.maisak@gmail.com

В.Р. Маркова. Специалист по научно-технической информации Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета. Студентка магистерской

программы "Общая и компьютерная лингвистика" (2014-2016) Московского педагогического государственного университета.
E-mail: valemtine.markova@mail.ru

А.С. Мартынова. Бакалавриат 3 курс, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики.
E-mail: alex250396@gmail.com

Э.Г. Мустакимова. Студент Школы лингвистики Национального исследовательского университета Высшая школа экономики.
E-mail: egmustakimova_2@edu.hse.ru

А.А. Полий. Студент факультета фундаментальной и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: a.a.polyi@gmail.com

Е.Л. Рудницкая. Доктор филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения Российской академии наук.
E-mail: erudnitskaya@gmail.com

Н.В. Сердобольская. Кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет и Московский педагогический государственный университет.
E-mail: serdobolskaya@gmail.com

А.А. Смирнитская. Младший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения Российской академии наук.
E-mail: nyushas@gmail.com

Д.Б. Тискин. Аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: daniel.tiskin@gmail.com

Н.Б. Тышкевич. Студент магистерской программы «Теоретическая и компьютерная лингвистика», Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики.
E-mail: natalie.tysh@gmail.com

У. Удаар. Индийский институт технологий Дели.
E-mail: ushaudaar@gmail.com

М.Н. Усачева. Кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
E-mail: mashastroeva@gmail.com

О.В. Ханина. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук.
E-mail: olesya.khanina@gmail.com

Л.В. Хохлова. Кандидат филологических наук, доцент кафедры индийской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: khokhl@iaas.msu.ru

А.В. Циммерлинг. Доктор филологических наук, научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета, ведущий научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук.
E-mail: fagraey64@hotmail.com

М.В. Шкапа. Московский педагогический государственный университет.
E-mail: mashashkapa@gmail.com

А.Б. Шлуинский. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН.
E-mail: ashl@yandex.ru

AUTHORS AND AFFILIATIONS

V. Alpatov. Director of Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences), Doctor of Letters, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences.
E-mail: v-alpatov@ivran.ru

S.S. Alvestad. Ph.D. in Linguistics, specializing in Slavic languages, from the University of Oslo. She also holds an MA in Turkish language. Silje Susanne Alvestad currently holds the position of postdoctoral research fellow in modern Slavic languages at the University of Oslo.
E-mail: s.s.alvestad@ilos.uio.no

T. Bondarenko. Lomonosov Moscow State University, Philological faculty, department of theoretical and applied linguistics.
E-mail: t.i.bond@yandex.ru

A. Gerasimova. Student of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com

P. Grashchenkov. PhD, assistant professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University, research assistant at the Institute of Oriental Studies.
E-mail: pavel.gra@gmail.com

D. Ibatullina. Student of Master's Program «General and Computational Linguistics» (2014-2016) at Moscow State Pedagogical University.
E-mail: dilyaibatullina@gmail.com

E. Ivanova. Doctor of Sciences in Philology, Professor of the Chair of Slavic Studies at St. Petersburg State University.
E-mail: eli2403@yandex.ru

E. Ivtushok. Student of School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics.
E-mail: e.ivtushok@gmail.com

O. Inkova. University of Geneva, Geneva, Institute of Informatics Problems of the FRC CSC RAS. O. Inkova Olga teaches at the University of Geneva and coordinates the group of contrastive linguistics studies (Slavic languages — Romance languages) GELiTeC.
E-mail: Olga.Inkova@unige.ch

O. Khanina. PhD in Philology, senior research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.
E-mail: olesya.khanina@gmail.com

L. Khokhlova. Associate Professor, Department of Indian Philology, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University.
E-mail: khokhl@iaas.msu.ru

A. Kuritsyna. PhD-student, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
E-mail: linnansaari@gmail.com

E. Kuzmenko. Student of National Research University Higher School of Economics.
E-mail: eakuzmenko_2@edu.hse.ru

Yu. Lander. Docent (associate professor) at the National Research University Higher School of Economics and a research fellow at the Institute of Oriental Studies.
E-mail: yulander@yandex.ru

A. Letuchiy. School of Linguistics, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.
E-mail: alexander.letuchiy@gmail.com

E. Lyutikova. PhD in Philology, associate professor at the Lomonosov Moscow State University, head of the Laboratory of General Linguistics and Grammar Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State Pedagogical University.
E-mail: lyutikova2008@gmail.com

T. Maisak. Candidate of Philology (PhD), Senior Researcher at the Department of Caucasian languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: timur.maisak@gmail.com

V. Markova. Scientific and technical information specialist at IMLR, Moscow State Pedagogical University. Student of Master's Program «General and Computational Linguistics» (2014-2016) at Moscow State Pedagogical University.
E-mail: valemtine.markova@mail.ru

A. Martynova. Student of National Research University Higher School of Economics
E-mail: alex250396@gmail.com

E. Mustakimova. Student of School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics.
E-mail: egmustakimova_2@edu.hse.ru

A. Poliy. Student of the fundamental and applied linguistics faculty, Russian state university for humanities.
E-mail: a.a.polyi@gmail.com

E. Rudnitskaya. Doctor in Philology, PhD, Senior researcher in the Department of Languages of Asian and African people in the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
E-mail: erudnitskaya@gmail.com

N. Serdobolskaya. PhD, Russian State University for the Humanities and Moscow State University of Psychology and Education.
E-mail: serdobolskaya@gmail.com

M. Shkapa. Moscow State Pedagogical University.
E-mail: mashashkapa@gmail.com

A. Shluinsky. PhD in philology, senior research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.
E-mail: ashl@yandex.ru

A. Smirnitskaya. Junior researcher of Department of Asian and African languages in Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
E-mail: nyushas@gmail.com

D. Tiskin. PhD student at the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University.
E-mail: daniel.tiskin@gmail.com

N. Tyshkevich. Student of Master's Programme in Computational Linguistics at the National Research University Higher School of Economics.
E-mail: natalie.tysh@gmail.com

U. Udaar. Indian Institute of Technology Delhi.
E-mail: ushaudaar@gmail.com

M. Usacheva. PhD, Lomonosov Moscow State University, senior researcher.
E-mail: mashastroeva@gmail.com

M. Zarifyan. Student of the Department of Linguistics, National Research University Higher School of Economics.
E-mail: masha.zarifyan@gmail.com

A. Zimmerling. Dr. phil. hab., scientific advisor of the Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State Pedagogical University, leading researcher of the Institute of Linguistics, Russian academy of sciences.
E-mail: fagraey64@hotmail.com

Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2.

Редактор *Ланглиц М.А.*

Оформление обложки *Ланглиц М.А.*

Компьютерная верстка *Ланглиц М.А.*

Управление издательской деятельности
инновационного проектирования МПГУ

119571, Москва, Вернадскогопр-т, д. 88, оф. 446.

Тел.: (499) 730-38-61

E-mail: izdat@mpgu.edu

Подписано в печать 23.11.2015. Формат 148×210/16.
Бум. офсетная. Печать цифровая. Объем 515 п. л.
Тираж 500 экз. Заказ №465.